

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
СОВЕТ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ПГУ)
Педагогический институт имени В. Г. Белинского
Историко-филологический факультет
Кафедра «Русский язык и методика преподавания русского языка»
МОЗЫРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И. П. ШАМЯКИНА
Кафедра белорусской и русской филологии
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языкознания, типологии и теории коммуникации

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных статей по материалам
VII Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.

Под редакцией
кандидата педагогических наук, профессора Г. И. Канакиной;
доктора филологических наук, доцента И. Г. Родионовой

Пенза
Издательство ПГУ
2023

УДК 009
ББК 37.014
Я41

Рецензенты:

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
А. Н. Байкулова;

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
Ю. А. Южакова

Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.) / под ред. канд. пед. наук, проф. Г. И. Канакиной; д-ра филол. наук, доц. И. Г. Родионовой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. – 456 с.

ISBN 978-5-907666-70-2

Приведены материалы докладов, представленных на VII Международной научно-практической конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.).

Издание адресовано широкому кругу читателей: филологам, преподавателям высших учебных заведений и колледжей, учителям школ, аспирантам, магистрантам, студентам – всем, кого интересуют актуальные вопросы языковой политики и гуманитарного образования.

**УДК 009
ББК 37.014**

П р и к а з

о подготовке и проведении VII Международной научно-практической конференции «Языковая политика и вопросы гуманитарного образования» № 277/о от 20.03.2023

ISBN 978-5-907666-70-2

© Пензенский государственный университет, 2023

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

БИЛИНГВАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Д. Н. Атиех

*г. Пенза, Россия
d-akchurina@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается билингвальная языковая личность носителя татарского и русского языков, проживающего в Пензенской области. Особое внимание обращается на специфику речевого поведения в социолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах.

Ключевые слова: билингвальная языковая личность, поликультурное пространство, речевое поведение

Для цитирования: Атиех Д. Н. Билингвальная языковая личность в поликультурном пространстве // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 3–4.

Впервые термин «языковая личность» был использован В. В. Виноградовым. По его словам, это совокупность «социально-языковых форм и норм коллектива как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [1, с. 366].

На данный момент нет точного и единого определения билингвальной языковой личности.

Одна из точек зрения, что такое билингвальная языковая личность, принадлежит Е. А. Куртымовой: «билингвальная личность» – это уникальная и специфическая лингвистическая конфигурация. Сосуществование и постоянное взаимодействие двух языков у билингва производит отличную, но целостную лингвистическую сущность. Билингв лучше ориентируется в семантике слов, концептуализация окружающей действительности носит двусторонний характер, при этом двуязычный индивид четко разграничивает составляющую того или иного концепта в зависимости от языка [3].

Далее будем считать, что билингвальная личность – это личность, в которой взаимодействуют на языковом уровне две культуры со своими национальными особенностями.

Человек с детства формируется как личность. Главным примером для него являются его родители. Если ребёнок с детства говорит на национальном языке, это способствует более глубокому пониманию культуры народа, менталитета, образа жизни, особенностей мышления.

По мнению Е. А. Куртымовой, «Данная личность проявляет также межкультурную компетентность, так как знает этнические нормы второго лингвокультурного сообщества, ориентируется в них и формирует в своем вторичном когнитивном и языковом сознании представление о концептах ментально-языковых сущностях, входящую в другую языковую картину мира» [3].

По этому поводу О. Ю. Корнилов пишет: «...нет просто языковой картины мира – это абстракция, реально нигде не существующая; реально существуют и могут анализироваться лишь языковые картины мира конкретных национальных языков» [2, с. 150].

Россия – одна из стран, где проживает большое количество билингвов, так/ как в стране живёт 193 народа, которые используют приблизительно 277 (по другим данным – 295) языков и диалектов. Такая статистика приводится в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года и официальных данных Института языкознания РАН соответственно [4].

Каждый национальный язык тесно взаимодействует с русским языком, поэтому в нашей стране основным типом билингвизма является национально-русский билингвизм. Русский язык является государственным языком, национальный язык, в нашем случае татарский язык, как этнический идентификатор личности.

Пензенская область относится к многонациональным регионам, является поликультурным пространством.

В Пензенской области проживет большое количество татар-мишарей, которые тесно взаимодействуют с русскими, с русской культурой. Это не могло не сказаться на татарском языке проживающих здесь татар. В Пензенской области у многих татар знание своего национального языка находится только на разговорном уровне, большинство не знает письменного языка. И многие слова заимствованы из русского языка и подверглись калькированию, хотя имеют перевод на татарский язык.

Билингв владеет двумя языками, поэтому в нашем случае мы можем говорить о русской речи билингва и о татарской речи билингва. Объектом нашего исследования является русская речь билингва. Кратко охарактеризуем татарскую речь билингва. Например, слова, которые подвергались фонетическим изменениям.

Школа – шкул. Он ходит в школу / ул ёри шкулга. Но слово *школа* имеет эквивалент в татарском языке – *мактәп*. Слово *сумка* в Пензенской области произносится с ударением на последний слог: *Вот сумка / Бу сумка*. При гибридном заимствовании вместо части иностранного слова подставляется морфема родного языка, к тому же переносится значение слова. В кальку из иностранного языка переносятся морфемные строения слов, частично звуковая оболочка и значение. (Множественное число в татарском языке образуется при помощи суффикса -лар: *министры – министрлар, депутаты – депутатлар, телефоны – телефонлар, машина – машинлар*.)

Основными особенностями русской речи билингвов являются:

1. Фонетические. В дошкольном / школьном возрасте ребёнку бывает трудно различать звуки [ч], [щ], так как в татарском языке нет звука [ч].

2. Грамматические:

– это вызвано отсутствием категории рода в татарском языке. *Этот ручка / бу ручка, бу телефон;*

– отсутствие в речи некоторых предлогов, так как в татарском языке отсутствуют предлоги. *На столе / ёстяльдя, в школе / шкулда, к врачу / врачка.*

Список литературы

1. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. С. 366.

2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999. С. 150.

3. Куртымова Е. А. Основы формирования билингвальной личности в современном социуме // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/collection-20131209-1/collection-20131209-1-648.pdf> (дата обращения: 23.02.2023).

4. 227 языков и диалектов используют народы России // Минобрнауки России. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=29672 (дата обращения: 24.02.2023).

Информация об авторе: *Атиех Динара Наилевна*, ассистент кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЦИФРОВОЙ ПОРТРЕТ И ДРУГИЕ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ DIGITAL SOCIETY

Е. В. Маринова

г. Нижний Новгород, Россия
marinova@list.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые устойчивые номинации в русском языке цифрового общества. С точки зрения лингвокогнитивной модели они строятся на основе метафоры (*цифровой портрет, цифровой след, цифровая гигиена, цифровая диета* и под.) с использованием ключевого слова цифрового эпохи – прилагательного *цифровой* (кальки английского *digital*). В силу своей метафоричности претендующие на статус термина номинации не обладают семантической прозрачностью и могут неправильно ориентировать адресата речи в плане содержания. В особенности это замечание касается коллокации *цифровой портрет*. Наблюдение за её употреблением в СМИ показывает, что в подавляющем большинстве случаев речь идёт о сборе персональных данных без согласия личности. Однако эксплицитно этот связанный с рисками в области безопасности смысл в самой номинации не выражен, поскольку слово *портрет*, согласно данным толковых словарей, не обнаруживает никаких отрицательных коннотаций ни в системе общенационального языка, ни в языке криминалистики (*словесный портрет*). Исследование материала нацеливает на установление синонимических связей номинаций-метафор и разработку рекомендаций по замене ложно ориентирующих терминов номинациями с более прозрачной структурой.

Ключевые слова: русский язык цифрового общества, составной термин, ложно ориентирующая номинация, метафора, семантическая прозрачность, коннотация

Финансирование: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>

Для цитирования: Маринова Е. В. *Цифровой портрет* и другие метафоры в языке Digital Society // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 5–7.

В настоящее время в русском языке активно формируется пласт лексики, отражающий процессы и реалии, связанные с реализацией концепции цифрового общества. В нашем исследовании, посвящённом этому вопросу, этот новый лексический пласт мы условно (не претендуя на окончательное решение) определили как **терминология цифрового общества**, выделив в качестве ключевых её единиц слова *цифровизация, цифра* (то же, что цифровизация) и терминологический элемент *цифровой*. Особенностью же данной терминологии, на наш взгляд, является тот факт, что отдельные термины (как однословные, так и составные) в СМИ используются не столько в качестве строгих обозначений специальных понятий, сколько своеобразных идеологем, о чём свидетельствуют, например, следующие обороты (часто в роли заголовков): *полная цифровизация страны, всеобщая цифровизация, победа цифры* и под. Идеологический компонент в семантике некоторых терминов цифровой эпохи отмечается и в [1; с. 3–5].

В этой связи особый интерес представляют составные термины и терминологизированные сочетания (сочетания, претендующие на статус термина) с компонентом *цифровой*, построенные на основе **метафоры**. Ряд этих терминов в русском языке представляет собой результат калькирования английских коллокаций, как то: *цифровой след* (digital footprint [9]), *цифровые аборигены* (digital natives) и *цифровые кочевники* (digital nomads), *цифровая гигиена* (digital hygiene), *цифровое*

пространство (digital space) и др. См., например: *H&M global head of brand experience, metaverse, Max Heirbaut, added the brand wanted to encourage the emerging generation of digital natives to express themselves through fashion both off and on screen* (<https://www.cmo.com.au/article/704925/h-m-becomes-latest-apparel-brand-roblox-immersive-brand-engagement-heats-up/>); *Spain is poised to introduce a digital nomad visa that would give non-EU nationals the chance to live and work there for up to five years* (<https://www.euronews.com/travel/2023/01/03/always-wanted-to-move-to-spain-a-new-digital-nomad-visa-could-let-you-stay-for-5-years>); *Digital hygiene helps a lot against ransomware and is the strategic spearhead tool of digitization and innovation* (<https://en.cryptonologist.ch/2023/01/21/crypto-scams-experience-drastring-decline/>); *As with any organization operating within the digital space, banks must both ensure their customer data are secure and have all the necessary protection to prevent fraud* (<https://www.paymentsjournal.com/interconnectivity-data-sharing-and-security-are-vital-for-banks-to-thrive/>) и т.д.

В то же время номинации подобной структуры могут создаваться и на русской почве, без опоры на англоязычный образец. Такими «своеязычными» (С. Д. Шелов) номинациями являются, к примеру, *цифровые рабы, цифровые пленники, цифровой концлагерь, цифровая казнь* (о переходе «на цифру»), *цифровая изоляция, цифровые жители, цифровой барьер, цифровой аутизм* и др., причём некоторые из них зафиксированы в словарях новой лексики русского языка [7; с. 8], несмотря на то что представляются скорее окказиональными образными средствами выражения оценки. Тем не менее нельзя отрицать такой лингвокогнитивный механизм создания термина, как метафора, о котором в своё время писали классики отечественного терминоведения Д. С. Лотте, В. П. Даниленко, Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин, С. В. Гринев-Гриневиц, В. М. Лейчик и др. В тот «момент» развития русского языка цифровой эпохи, когда терминология, обслуживающая концепцию и идеологию цифрового общества, только формируется, важно обратить внимание на те номинации, которые, в силу своей метафоричности, могут быть недостаточно мотивированными, недостаточно прозрачными по семантике и даже ложно ориентирующими.

Такой номинацией, на наш взгляд, является метафора *цифровой портрет*. В текстах СМИ (мы использовали в качестве источника исследования сервис «Архив СМИ» электронного медиабанка «Интегрум») это сочетание встречается довольно часто и обычно с последующим распространителем: *цифровой портрет личности* <школьника, ученика, ребёнка, туриста, пациента, семьи, налогоплательщика>. Вот отдельные иллюстрации: *В Югре запустили проект составления цифровых портретов развития дошкольников, реализует его окружной Департамент образования и науки. Сейчас цифровой продукт тестируют в 27 детских садах – во время занятий педагоги вносят данные на каждого ребенка, оценка способностей и состояния проходит по 15 показателям* (На дошкольников Югры составят цифровые портреты. 19.01.2023. МК-Югра); *ХМАО запустили пилотный проект по составлению цифрового портрета ребенка. Проект поможет выявить проблемы у детей и скорректировать развитие дошкольников на ранних этапах* (13.01.2023. Городской портал); *Наша Big Data ежегодно фиксирует увеличение количества туристов, въезжающих в регион, и может составить цифровой портрет гостя региона* (13.01.2023. АиФ – Башкортостан (ufa.aif.ru)); *Созданный Центр по обеспечению жильем будет ставить на учет всех казахстанцев, не имеющих жилья за последние 10 лет. На каждую заявку будет формироваться цифровой портрет семьи, раскрывающий доходы, имущество и активы* (Топ событий уходящего года. 30.12.2022. Prodengi.kz); *Помимо этого, анализ так называемых «больших данных» позволяет выстраивать «циф-*

ровой портрет» налогоплательщика (16.12.2022. Татарстан-24); «*Посейдон*» (программа. – Е.М.) позволяет создать **цифровой портрет** проверяемого **человека** и узнать, нет ли у него пересечения интересов, неформального общения с людьми, в котором могут быть скрыты коррупционные отношения (23.12.2022 БезФормата.com) и под.

Исходя из контекстов (см. примеры выше) и контекстуальных синонимов (*электронное досье, цифровое портфолио, цифровой мониторинг, цифровой след, цифровая личность* [6]) можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев речь идёт о сборе персональных данных без согласия личности. См.: *Помните, что абсолютно все, что мы делаем в интернете (посты, комментарии, лайки, голоса в поддержку петиций, покупки в интернет-магазинах или просмотры видео), оставляет цифровые следы. Любые действия фиксируются и образуют ваш цифровой портрет, по которому достаточно точно можно определить личность человека, его увлечения и прочее* (20.12.2022. Местное время (Нижевартовск)).

Однако эксплицитно этот связанный с рисками в области безопасности смысл в самой номинации не выражен, поскольку слово *портрет*, согласно данным толковых словарей, не обнаруживает никаких отрицательных коннотаций ни в системе общенародного языка, ни в языке криминалистики (ср. *словесный портрет* ‘описание наружности, характерных черт разыскиваемого или умершего человека по определённому методу’ [2]). Следовательно, в отношении подобных ложно ориентирующих номинаций следует говорить о необходимости рекомендаций по их замене (во всяком случае в официальной речи, в документах) на составные номинации с более прозрачной структурой.

Список литературы

1. Алтухов А. В., Афинская З. Н. К вопросу о пластичности термина *экосистема* // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 109–116.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт Пресс, 2000. 1156 с.
3. Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 4. С. 745–759.
4. Волков В. В. «Цифровая экономика»: лингвистический и лингвоментальные аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 7. С. 136–139.
5. Глушченко О. А. Репрезентация социального протеста в экспрессивной номинации (на примере названий сертификата о вакцинации от COVID-19 и QR-кода) // Казанская наука. 2022. № 1. С. 34–36.
6. Маринова Е. В. Цифровая личность: границы понятия и средства выражения в русском языке // Языки и культуры в цифровую эпоху : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (Н. Новгород, 28 октября 2022). Н. Новгород : ННГУ, 2022. С. 211–215.
7. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2018 / отв. ред. Н. В. Козловская. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. 104 с.
8. Новое в русской лексике. Словарные материалы – 2019 / отв. ред. Ю. С. Ридецкая. СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 110 с.
9. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. : в 3 т. / под ред. Т. Н. Буцевой. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 3. 1360 с.

Информация об авторе: Маринова Елена Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова (г. Нижний Новгород, Россия).

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

О. В. Никитина

г. Саратов, Россия
wetlinaow@mail.ru

Аннотация. Рассматривается отношение современных носителей языка к понятию «языковая норма». Предпринята попытка создания классификации основных причин несоблюдения норм литературного языка.

Ключевые слова: языковая норма, корпоративная норма, профессиональный дискурс, языковая компетенция

Для цитирования: Никитина О. В. Языковая норма в современной речи // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 8–12.

Обозначенный В. В. Путиным на съезде Общества русской словесности в 2016 году путь на популяризацию русского языка и литературы имеет продолжение и в настоящее время. Определяя необходимость сохранения и защиты «великого и могучего» русского языка как неотъемлемой части русской культуры, показателя русской идентичности, глава государства отмечает необходимость изменять общество, влиять на его вкусы, обращать внимание на языковую среду. «Русская классическая литература, эталонный русский язык всегда были и остаются основами этих ценностей. Они необходимы, чтобы мы понимали друг друга не только на уровне простейшей коммуникации и сиюминутных потребностей. Это связь с историей и культурой своего народа и сопричастность к судьбе Отечества, то, что объединяет людей в нацию», – подчеркнул он [12].

Современные реалии таковы, что вопрос защиты русского языка приобретает общенациональное значение, поскольку в главном документе страны, Конституции, он (русский язык) признан основой нашей государственности. Следуя этому положению, законодательно закрепляются поправки к Закону «О государственном языке РФ», согласно которым не только чиновники, но и рядовые граждане должны соблюдать нормы литературного языка прежде всего в деловой и публичной сфере, а также защищать язык от чрезмерных заимствований [3]. Ведущая роль в исполнении закона отводится «корпусу русских грамматик», словарей и справочников, утвержденных Правительством РФ на основании предложений Правительственной комиссией по русскому языку и рекомендованных для усиления контроля в обозначенной сфере. Однако, как нам кажется, нельзя ограничиваться исключительно контролирующе-запретительными мерами. Воспитание культурно-речевых предпочтений, так называемого хорошего языкового вкуса, основанного на коммуникативных компетенциях следует начать с анализа языковой среды, окружающей современного человека. В этой связи показательным становится вопрос отношения к языковой норме, отрицание которой в современной речи наглядно демонстрируется.

Цель работы – описать варианты отношения к языковой норме в речевой практике современных носителей языка.

Языковая норма как социально одобряемое явление, безусловно, объективна. Она представляет собой совокупность устойчивых, традиционных форм реализации языковой системы, которые кодифицируются, т. е. закрепляются в нор-

мативных словарях, справочниках, грамматиках. Нормы динамичны, им характерна историческая изменчивость и разная степень подвижности в строгих и нестрогих сферах функционирования языка.

Анализируя современное отношение к языковой норме, О. Ю. Авдеевнина указывает на две противоположные тенденции: языковой пуризм и антинормализаторство. Языковой пуризм, как считает исследователь, проявляется в абсолютизации норм и правил, борьбе с заимствованиями, новообразованиями и диалектизмами. А антинормализаторство автор статьи относит «к проявлению своего рода кризиса современного ортологического сознания отдельных представителей общества и даже целых групп, проповедующих свободу речи от навязанных школой, образованием и национальной традицией языковых норм и правил» [1, с. 179].

О. Б. Сиротинина и А. В. Дегальцева отмечают, что в языке современной эпохи (эпохи цифровизации) существенно меняются отношения носителей языка к норме: «...обращение со словом, к сожалению, становится более вольным и небрежным [5, с. 375].

Проблема вольного отношения к норме актуальна и для сферы государственной коммуникации. «Что же происходит с нормой там, в «духоте» канцелярской тиши, если сегодня общелитературная норма уже «не узнается» в бумагах и государственных предписаниях, принимая откровенно антинормативный облик», – задаются вопросом авторы публикации о функционировании языка в деловой сфере [13, с. 38].

Не отрицая существующей проблемы интерпретации (вольного толкования) языковой нормы в современной коммуникации, попробуем обозначить причины подобного явления.

Языковая небрежность. Под языковой небрежностью будем понимать непреднамеренное отступление от языковых норм, вызванное невнимательностью (опечатки), отсутствием навыка самоконтроля и саморедактирования. Языковая небрежность прежде всего связана с письменной речью. Приведем примеры.

Работы студентов: *жалобы*; *искавое* заявление; *стил* (вместо «стиль»); *мною отделением* банка «ВТБ 24» была получена кредитная карта (слова в предложении не согласуются); *при этом потребитель обязан возместить понесенные им расходы*по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) *своими силами или третьими лицами* (слова не разделяются пробелами).

Объявления и реклама: *непарковать*; *линейка состоится 01 сентября в 9.30*; *на время провидения строительных работ*; *шыны*; *миф ручная стирка марозная свежесть* (знаки препинания отсутствуют); *130 лет саратовскому гребаному спорту* (вместо «гребному»); *воины внутренних войск – профессионалы военного дела*.

Трудно предположить, что пишущий настолько не обладает языковой компетенцией, что не знает, как пишется не с глаголами, правописание гласных после шипящих, не может поставить в нужную форму слова в предложении (все эти правила изучаются в начальной школе, тогда же приобретаются навыки построения предложений).

Ещё менее поддается логическому объяснению языковая небрежность сотрудников государственных и муниципальных учреждений. Так, например, в одном областном центре была установлена «доска успеха», на которой были размещены плакаты с фотографиями обучающихся и их достижениями. Несмотря на то, что сами плакаты были установлены недалеко от Министерства образования области, в тексте присутствовали многочисленные опечатки: пропуски букв – *энгельский* вместо «энгельский», *Александр* вместо «Александр»; несогласованность членов предложения – *победитель и призер регионального этапа Всероссийской*

олимпиаде школьников по английскому языку, ОБЖ, право...» вместо «победитель и призер регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников по английскому языку, ОБЖ, праву...» и др. [6].

Думается, языковая небрежность в текстах, предназначенных для массового адресата, является одной из причин невнимательного отношения к письменному тексту рядовых носителей языка (ошибка порождает ошибку).

Отсутствие языковой компетенции в области владения нормами русского литературного языка. Ортологические представления современного носителя языка не всегда позволяют ему дифференцировать правильное / неправильное, поскольку его владение нормами и правилами литературного, не получившее максимального закрепления в речи, зачастую формируются под влиянием узуса. Установка пишущего исключительно на смысловую сторону речи (понятно – значит, правильно) приводит к тому, что в процессе создания даже письменного текста игнорируются не только лексические и стилистические нормы, но и нормы орфографии и пунктуации. Обратимся к примерам.

Работы студентов: *шестиста; спускающееся НЛО; список документов, необходимые для регистрации; недопустимо в оказании правовой помощи допустить ошибки в определении интереса клиента* (тавтология).

Объявления и реклама: *просим вас посетить поликлинику (каб. № 217 с 8.00 до 20.00, а так же в субботние дни с 9.00 до 15.00); при обнаружении предмета не медленно сообщите работнику поликлиники; Распродажа! Самоклеющиеся 3Д панели «Премиум». – 70%!; Впервые! В Саратове с 22 ноября в КТ Победа каждый день в течении месяца!*

Продолжая размышления по поводу отступления от языковых норм, нельзя не обратить внимание на речь современных СМИ. Рассмотрим пример: *Роспотребнадзор призвал мэра установить аншлаги о запрете купания и указал, что пляж может функционировать только в качестве солярия* [9]. Употребленное в данном контексте слово «аншлаг» противоречит действующим лексическим нормам. Согласно Толковому словарю под ред. Н. Ю. Шведовой слово имеет три значения: объявление о том, что все билеты (на спектакль, концерт, представление) проданы; успешное представление при полном зале; крупный заголовок в газете (спец.). Следовательно, использовать слово «аншлаг» в значении «объявление» или «плакат» недопустимо.

Проблема нарушения лексических норм в СМИ подробно изложена в статье О. Б. Сиротининой, которая отмечает вольную интерпретацию значений многих русских слов: слово «похожий» заменяется словом «схожий», не различаются значения слов «надеть» и «одеть», слово «крайне» воспринимается на прахах равнозначного синонима к слову «очень», отдаётся предпочтение диффузным синонимам, например, слово «достаточно» заменяет слово «довольно» без учета значения и контекста [14, с. 278–279]. Эти и другие примеры, приведённые в статье исследователя, убедительно обосновывают вывод: «литературным русским языком СМИ уже не владеют, а пользуются только медийным, далёким от норм» [14, с. 283].

Намеренное отступление от норм в угоду профессиональным интересам. Каждое профессиональное сообщество стремится к такому использованию общеупотребительного языка и концептуальных понятий, которое позволит обеспечить эффективность внутренних и внешних коммуникаций. Наличие терминов и профессионализмов, характеризующих язык профессиональной группы, не отрицается лексической системой языка и закреплено в толковых и узкоспециальных словарях (*болид* (астр.), *галлюцинация* (психол.), *диетотерапия* (медц.), *дивиденд* (эконом.) и т.д.). Однако, как утверждает М. Л. Каленчук, существует серьёзная проблема разграничения профессионализмов и просторечия. «Под

определение профессиональное попадают и те случаи, которые не относятся к речи людей, объединенных общностью профессии, а являются просторечными вариантами, свидетельствующими о недостаточном культурном уровне говорящего», – пишет автор [8, с. 66]. Анализируя производительные варианты, зафиксированные в словарях, например, *ато́мный вес* у физиков, *блюда́* у поваров и официантов, *ма́льчи́ковый* у продавцов, автор работы настаивает на социолингвистическом исследовании, позволяющем более четко дифференцировать профессиональные и просторечные варианты [Там же]. О необходимости ограниченного использования профессионализмов в юридической речи пишет Т. В. Иванова, указывая, что включение профессионализмов, например, *вещдок* и *райсуд* в текст документа нарушает стилистическую однородность текста [7, с. 31].

Заметим ещё одну устойчивую тенденцию отношения к языковой норме, характерную, в первую очередь, для языка государственного управления. Так, М. Н. Панова указывает, что именно здесь «встречаются принятые и широко распространённые в административно-правовой сфере, но непривычные для образованного носителя языка, варианты написания слова, выбора грамматической формы, постановки знака препинания, употребления прописной или строчной буквы» [11, с. 35]. Противоречия между рекомендациями академических грамматик и речевой практикой управленцев автор статьи демонстрирует примерами: *Государственная Дума* (оба слова пишутся с прописной буквы), *роспись* вместо *подпись*, *оперативно-розыскная* (вместо рекомендованной приставки *раз-*), поясняя, что они являются нормой для официально-деловой речи [Там же].

Подобные варианты «профессиональной нормы» показательны и для юридической речи. Интересны в этом отношении рассуждения З. К. Тарланова, анализирующего употребление слова «деяние» в значении «преступление» и отмечающего этот факт как «один из очевидных образцов вольного толкования семантики слова и тем самым нарушения литературной нормы» [15, с.104]. Такой вывод автор работы делает на основе изучения значения данного слова в русской культурной традиции и предлагает использовать «описательный атрибутивный оборот *преступное деяние*» [Там же].

Приведем ещё один пример. В текстах исковых заявлений (а впоследствии и судебных решений) используется отглагольное существительное *обязание*, обозначающее предмет иска: *исковое заявление об обязанности предоставить жилое помещение по договору социального найма; исковое заявление об обязанности работодателя выдать трудовую книжку*. Согласно нормам русского языка, образовывать существительное от глагола *обязать* нельзя. И в работе автора, посвящённой описанию стилистической модели судебного решения (2012 г.) об этом сказано однозначно [10]. Повторное обращение к этому вопросу актуализирует иной комментарий, основанный на ответе уважаемого портала «Грамота.ру»: «Слово *обязание* в литературной речи не употребляется, хотя иногда применяется в юридических документах» [4].

Всё это позволяет говорить о необходимости ассимилирования «корпоративных норм» (термин М. Н. Пановой) в систему норм современного русского языка. Однако этот процесс целесообразен только в том случае, если закреплённая диспозитивная норма является действительно употребимой в рамках профессионального дискурса, а не представляет собой вариант просторечия, который должен быть изъят из служебных инструкций как языковая ошибка [11, с. 39].

Поэтизация ошибки как эстетики словесного творчества. «Своеобразным новым вызовом нормам и правилам русского языка, некоей абсолютизацией эстетики ошибки можно считать жанр «пирожков» («перашков») / «порошков», «полпирожков», получивший распространение в Интернете», – пишет О. Ю. Авдеевна [2, с. 18]. Особенностью этого «творческого» употребления русского

языка следует считать абсолютную свободу, освобождающую пишущего от соблюдения норм литературного языка, игнорирование правил орфографии и пунктуации, которое продиктовано желанием обосновать новый эстетический и культурно-идеологический принцип: правильность – это не единственно возможная культурная модель отношения к родному языку [Там же].

В заключение хочется подчеркнуть: языковой вкус определяется умением отличать культурное от грубого и вульгарного, нормативное от просторечного, профессиональное от дилетантского. Развитие этого чувства возможно только тогда, когда в сознании носителей языка будут чётко определены границы дозволенного.

Список литературы

1. Авдевнина О. Ю. Парадоксы ортологического сознания в восприятии норм родного языка // Мир человека: нормативное измерение – 5 : сб. тр. междунар. науч. конф. / отв. ред. И. Д. Невважай. 2017. С. 176–185.
2. Авдевнина О. Ю. Эстетика ошибки и поэтика «пирожков» в свете ортологических установок современности // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 6. С. 17–28.
3. Госдума приняла закон о чистоте русского языка // Российская газета. 2023. URL: <https://rg.ru/2023/02/16/gosduma-priniala-zakon-o-chistote-russkogo-iazyka.html> (дата обращения: 22.02.2023).
4. Грамота.ру – справочно-информационный интернет-портал «Русский язык». URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer/?s=обязание> (дата обращения: 22.02.2023).
5. Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. К проблеме изменения норм современного русского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2022. № 4.
6. Доска успеха. Фото детей сорваны, министерство знало об ошибках еще три месяца назад // Взгляд-инфо. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2022/01/11/doska-yspeha-foto-detey-sorvanyu-ministerstvo-znalo-ob-oshibkah-esche-tri-mesyaca-nazad.html> (дата обращения: 22.02.2023).
7. Иванова Т. В. Юридические термины и профессионализмы: теоретический, стилистический и функциональный аспекты // Русский язык и литература в образовательном процессе : материалы междунар. науч.-практ. конф. Саратов : МарК, 2016. С. 28–32.
8. Каленчук М. Н. Профессиональные произносительные варианты: мифы и реальность // Русская речь. 2022. № 6. С. 63–70.
9. На новом саратовском пляже запретили купаться // Взгляд-инфо. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2021/07/30/na-novom-saratovskom-plyaje-zapretili-kypatsya.html> (дата обращения: 22.02.2023).
10. Никитина О. В. Описательная часть судебного решения: стилистическая модель и ее реализация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, № 3. С. 25–29.
11. Панова М. Н. Русский язык в сфере государственного управления и литературная норма // Русская речь. 2017. № 3. С. 33–40.
12. Путин назвал сбережение русского языка вопросом нацбезопасности // Российская газета. 2016. 26 мая. URL: <https://rg.ru/2016/05/26/putin-nazval-sberezhenie-russkogo-iazyka-voprosom-nacbezopasnosti.html> (дата обращения: 22.02.2023).
13. Садова Т. С., Руднев Д. В. Деловой язык: «этакая духота»! // Русская речь. 2021. № 2. С. 35–43.
14. Сиротинина О. Б. Явные нарушения экологии в текстах современных СМИ и речи молодежи: как с этим бороться // Лингвоэкология: проблемы и пути их решения : монография / под ред. А. П. Сковородникова, Г. А. Копниной. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 268–288.
15. Тарланов З. К. Закон как текст // Русская речь. 2018. № 4. С. 101–107.

Информация об авторе: *Никитина Ольга Вячеславовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия).

РУССКИЙ ЯЗЫК: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

О. Г. Никулкина

г. Брянск, Россия
sinbad1982@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются аспекты языковой политики России как составляющей национальной политики. Временной интервал, подвергнутый анализу состояния языковой политики, составляет период с 1990-х гг. по 2022 г. Исследуются вопросы поддержки статуса языка, сохранения его корпуса, повышения интереса к изучению русского языка как родного и иностранного, продвижения русского языка за рубежом. Актуализируются некоторые нерешённые вопросы в области государственной языковой политики, в частности различные аспекты внутренней языковой политики.

Ключевые слова: языковая политика, Конституция РФ, государственный язык, русский язык

Для цитирования: Никулкина О. Г. Русский язык: некоторые аспекты государственной языковой политики // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 13–17.

В последние десятилетия возрастает внимание к проблемам, связанным с языком и языковыми отношениями, они изучаются на теоретическом и прикладном уровнях. Особый интерес представляют работы, посвящённые определению языковой политики, среди которых отметим труды В. М. Алпатова, Л. Б. Никольского, В. Г. Костомарова. Ряд работ посвящён взаимовлиянию русского языка и культуры, среди них исследования Е. М. Верещагина, В. В. Воробьева, Н. Д. Бурвиковой, Л. А. Вербицкой. Вопросы теории и практики языковой политики, проблемы взаимодействия языков отражены в работах И. Г. Илишева, А. Н. Баскакова, М. И. Дробижевой. В исследованиях В. М. Алпатова, Ф. М. Березина, В. В. Воробьева, В. Ю. Михальченко затронуты вопросы правового статуса русского языка.

Требуется уточнение содержания понятия *языковая политика*. Под языковой политикой понимается «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий, направленных на решение языковых проблем в государстве» [5, с. 9].

По разным данным, в мире на русском языке говорят от 143 млн до 275 млн человек. Согласно показателям, приведённым в 2018 г. в 21-м издании справочника по языкам мира “Ethnologue. Languages of the World” («Этнолог. Языки мира»), количество русскоговорящих в России и за рубежом составляет более 265 млн человек (из них владеют русским как первым языком около 154 млн человек, как вторым – около 111 млн человек). Русский язык занимает третью позицию в мировом рейтинге после английского и немецкого по степени распространённости среди почти двух сотен языков, на которых создаются веб-сайты (отметим, что в 2017 году русский был вторым). В иерархии наиболее часто используемых языков в Интернете русский находится на восьмом месте с количеством 104,5 млн человек.

В России проживают представители 193 национальностей. Они говорят на почти 300 языках и диалектах; в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 в качестве языка обучения, 59 – предмета изучения [3].

Обратимся к некоторым аспектам государственной языковой политики Российской Федерации и проанализируем важнейшие документы.

Государственный язык – это язык, который в соответствии с законодательством государства в обязательном порядке используется в нём во всех официальных сферах и который выполняет в этих сферах интеграционную функцию [10]. Так, 25 октября 1991 года Верховным Советом РСФСР был принят Закон РСФСР «О языках народов РСФСР» (ст. 1740), который в значительной степени ликвидировал пробелы в правовом регулировании языковых отношений и регламентировал основные вопросы использования языков на территории Российской Федерации [4].

Провозгласив языки народов России национальным достоянием государства, закон гарантирует свободное и равноправное развитие языков, независимо от численности их носителей, а также регулирует понятия двуязычие и многоязычие как закономерных явлений языковой ситуации. В данном законе русский язык впервые приобрёл статус государственного языка Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила за русским языком статус государственного языка Российской Федерации и одновременно предоставила республикам право устанавливать свои государственные языки, которые в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации (ст. 68).

Вместе с тем, Конституция Российской Федерации не уточняла требования к особенностям функционирования и использования русского языка в качестве государственного языка России, не регулирует вопросы его взаимодействия с государственными языками республик в составе Российской Федерации.

Вопросы функционирования и использования русского языка как государственного языка Российской Федерации в той или иной степени развиты и конкретизированы в более чем 60 действующих нормативных правовых актах.

Согласно Конституции РФ (ст. 71, п. «е») государственная языковая политика является составной частью государственной социальной, культурной и национальной политики. Таким образом, языковая политика определяет, с одной стороны, статус русского языка как государственного, с другой – признаёт равноправие в них языков на территории РФ.

В Конституцию РФ (ст. 68) в 2020 году были внесены следующие поправки: «Государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»; «культура в Российской Федерации является уникальным наследием её многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством» [6]. Эти поправки подчёркивают значимость русского языка и его объединяющую роль, а также позволяют сохранить и развивать языки коренных народов нашей страны. Новая редакция статьи гласит, что культура России является уникальным наследием, поддерживается и охраняется государством.

Во исполнение конституционного положения о статусе русского языка был принят Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Его принятие было обусловлено снижением уровня владения русским языком как государственным, сужением сферы его функционирования как средства межнационального общения, искажением литературных норм и культуры речи в среде политических деятелей, государственных служащих, работников культуры, радио, телевидения. Закон «О государственном языке» опре-

деляет статус русского языка как государственного языка, сферу его применения и частично касается нормативного аспекта [14].

По мнению С. П. Кушнерука, закон «О государственном языке Российской Федерации» содержит многочисленные неточности, двусмысленности, неполноту, отличается композиционным несовершенством. Исследователь определяет его как «закон с явными признаками документной и содержательной уязвимости» [9, с. 18], указывает на нерешённый ряд серьёзных вопросов правового и лингвистического характера Закона.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. 13.06.2012) определяет цели российской языковой политики и лингвистической безопасности, из них к числу приоритетных относятся «программы и мероприятия по обучению родному языку народов территорий России и на постсоветском пространстве; продвижение духовных и культурных преимуществ, политических и экономических интересов регионов и России в мире; разработка национальной доктрины «Русского языка», принципов равноправного участия в диалоге мировых культур и цивилизаций» [7].

Неоднократно к вопросам государственной языковой политики и лингвистической безопасности обращался президент России В. В. Путин в Посланиях Федеральному Собранию 2003 года, 2005 года, 2014 года и 2015 года, 2017 года. «Наш народ сражался против рабства за право жить на своей земле, говорить на родном языке, иметь свою государственность, культуру и традиции. Он сражался за справедливость и свободу. Он отстаивал своё право на самостоятельное развитие. Он дал тогда нашей Родине будущее... Победа была достигнута не только силой оружия, но и силой духа всех народов, объединённых в то время в союзном государстве. И Россия, связанная с бывшими республиками СССР, а ныне независимыми государствами, единством исторической судьбы, русским языком и великой культурой, не может оставаться в стороне от общего стремления к свободе» [11].

Именно поэтому 2007 г. был объявлен Годом русского языка Указом Президента РФ.

Вопросы языковой политики рассмотрены также в 2012 году в принятой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [12], Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, принятой в 2015 году [7].

Указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2014 года № 409 образован Совет при Президенте Российской Федерации по русскому языку в целях обеспечения развития, защиты и поддержки русского языка, координации деятельности в сфере международного гуманитарного сотрудничества по вопросам, связанным с развитием, защитой и поддержкой русского языка. Функционирует Совет по русскому языку при Правительстве Российской Федерации.

Другим не менее эффективным, на наш взгляд, инструментом государственной языковой политики стала Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2011-2015 годы и на 2016-2020 годы [13], направленная на стимулирование дальнейшего развития русского языка в России и за её пределами. Программа реализуется в следующих основных сферах деятельности: органах государственного управления, сфере образования, масс-медиа, инновациях. В Программе указывается на снижение статуса русского языка как в современной России, так и в мире. В документе называются, с одной стороны, такие тенденции, как уменьшение числа русских школ в дальнем и ближнем зарубежье, их плохая оснащённость, сокращение преподавателей русского языка в СНГ и снижение их профессионального уровня. С другой стороны, поднимаются проблемы, связанные

с функциональным статусом национального языка в России: ухудшение владения русским как государственным языком, сокращение его функций в качестве «средства межнационального общения» [там же] в некоторых регионах РФ и низкие результаты ЕГЭ.

Цели Федеральной целевой программы «Русский язык» продолжены реализовываться в ведомственной целевой программе «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации», принятой в 2021 году, сроки реализации которой 2019–2025 годы [2].

В Программе, в частности говорится о том, что её целями являются «увеличение численности педагогических работников до 173 000 человек в 2025 году»; «увеличение количества проведенных комплексных мероприятий, направленных на продвижение, поддержку и укрепление позиций русского языка и на популяризацию российской науки, культуры и образования, до 768 единиц в 2025 году»; «продвижение русского языка как основы культурного и образовательного единства народов Российской Федерации, увеличение количества проведенных мероприятий просветительского, образовательного и научно-методического характера до 651 единицы в 2025 году» [там же].

Важным документом в реализации языковой политики является Концепция преподавания родных языков народов РФ, утвержденная 19.11.2019 года на заседании Коллегии Министерства Просвещения России [8]. Концепция представляет собой систему государственных подходов к решению основных проблем преподавания родных языков народов России в организациях, осуществляющих образовательную деятельность в Российской Федерации. В ней подчёркивается значимость русского языка как хранилища культурной памяти народа, духовной основы культурно-исторического единства народов России и важнейшего фактора обеспечения национальной безопасности.

Согласно статистическим данным, в последние десятилетия уменьшилось количество школ с русскоязычными классами в Украине в 5 раз, в Казахстане – в 3 раза, в Узбекистане – на 1177 школ, в Грузии – на 433 класса; количество обучавшихся на русском языке и изучавших его в учебных заведениях разного типа в различных регионах мира снизилось более чем на 39 млн человек с 1990/1991 уч. г. (74,6 млн человек) по 2014/2015 уч. г. (34,8 млн человек) [1].

Важным звеном в области языковой политики можно считать ежегодную образовательную акцию «Тотальный диктант», впервые проведенную в 2004 году гуманитарным факультетом Новосибирского госуниверситета. С 2017 года акция получает поддержку фонда президентских грантов, однако заявка на «Диктант-2022» отбор не прошла.

Акция «Тотальный диктант» не только привлекает внимание широкой общественности к вопросам грамотности и повышения её уровня, наблюдает за актуальным состоянием русского языка, динамикой языковых норм, отслеживает новые языковые реалии, выявляет основные тенденции изменения языка, но и способствует популяризации русского языка как государственного языка Российской Федерации в России и за её пределами.

Государственная языковая политика является важнейшим аспектом государственной национальной политики, требующая комплексного рассмотрения по ряду направлений, в частности, в области юридического регулирования, в образовательной сфере и в культурном аспекте.

Важными остаются нерешенные вопросы внутренней языковой политики, требующие дальнейшего изучения и контроля со стороны государственных орга-

нов, медиа, общественных структур и ученых. Поддержка статуса языка, а также сохранение его корпуса – составная часть языковой политики, и поэтому одной из важных государственных задач является повышение интереса к изучению русского языка как родного и иностранного.

Список литературы

1. Арефьев А. Л. Современное состояние и тенденции распространения русского языка в мире / под ред. академика Г. В. Осипова. М. : Институт социально-политических исследований РАН, 2017. 320 с.
2. Ведомственная целевая программа «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации». URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения: 22.12.2022).
3. Выступление на совместном заседании Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку // Вестник Российской нации. 2015. № 3. С. 12–13.
4. О языках народов РСФСР : закон РСФСР № 1807-1 от 25 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 50.
5. Калинина Е. Н. Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2007. 26 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок, внесен. Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года : [утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244> (дата обращения: 29.12.2022).
8. Концепция преподавания родных языков народов РФ. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/616ab265aa2810f14a2c3fd1203a0aaa/download/2400> (дата обращения: 20.12.2022).
9. Кушнерук С. П. Федеральный закон России о государственном языке как объект документно-лингвистического анализа (часть 1) // Научный диалог. 2012. № 12: Филология. С. 111–123.
10. Ляшенко Н. В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 163 с.
11. Сайт Президента России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> (дата обращения: 30.12.2022).
12. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2016. № 1. С. 221–253.
13. Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы. URL: <https://минобрнауки.рф/проекты/фцп-русский-язык> (дата обращения: 23.12.2022).
14. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ : [ред. от 30.04.2021]. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 28.12.2022).

Информация об авторе: *Никулкина Ольга Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории государства и права и гуманитарных дисциплин Брянского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Брянск, Россия).

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК» В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Э. А. Салихова

г. Уфа, Россия
Salelah12@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается понятие «государственный язык» применительно к языковой ситуации Республики Башкортостан, его функциональный объем, а также его отличие от официальных языков в современных полиэтничных условиях региона.

Ключевые слова: государственный язык, национальный язык, официальный язык, полилингвальное образование, полиэтничность, региональный язык, родной язык, языковая ситуация

Для цитирования: Салихова Э. А. «Государственный язык» в структуре современной языковой ситуации региона (на примере Республики Башкортостан) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 18–24.

В полиэтничном регионе определение статуса языка важно в аспекте не только жизни и развития этносов, но и самого государства. Так, появление понятия «государственный язык» профессором Л. Л. Аюповой объясняется тем, что «любое государство, национально-территориальное образование не может полноценно функционировать без языка», соответственно нет реально функционирующего национального языка без государства. Поэтому к важнейшим компонентам концептуального поля «языковая ситуация» относится и «государственный язык» [2, с. 60–69].

Государственный язык причисляется к таким атрибутам государства, как его флаг, герб, гимн, а также экономическое и территориальное пространства, денежные единицы и т.д. Основная роль государственного языка сводится, во-первых, к его способности функционировать как средство общения во многих сферах жизни многонационального общества и прежде всего – в сфере официальных отношений; во-вторых, – выступать рабочим языком в образовательной системе и в области распространения информации. Однако «объем функций, выполняемых государственным языком, и сферы его применения в разных государствах могут значительно различаться», поскольку они обусловлены «традиционной социально-коммуникативной системой, сложившейся в данном социуме, и задачами языковой политики государства» [10, с. 110].

В «Словаре этнолингвистических понятий и терминов» государственным называется «язык, пользующийся в том или ином государстве законодательным статусом обязательного в употреблении в официальных сферах жизни». Иногда языки с аналогичным статусом и общественными функциями именуется «языками официальными», однако у них нет строгой обязательности [15, с. 156]. Главное их отличие от государственного состоит в разрешительном характере пользования. В этом плане официальный язык похож на региональный, который также не имеет обязательности в использовании. Региональными языками, согласно «Европейской Хартии о региональных языках и языковых меньшинствах» (1992 г.), являются «языки, которые используются на определенной территории данного

государства, где компактно проживает народ, более малочисленный, чем остальная часть населения этой страны». В условиях Республики Башкортостан (далее – РБ, Башкирия, Башкортостан) к таковым принадлежат удмуртский, чувашский, марийский языки, на которых получают образование представители соответствующих этносов; ими пользуются в средствах массовой информации и т.д. В Европейской Хартии языки национальных меньшинств приравнены к региональным языкам, т.е. язык национального меньшинства выполняет все функции регионального языка, но в отличие от него он имеет небольшую сферу распространения, как, например, латышский, немецкий и другие языки в РБ [13, с. 68–69]. В социолингвистике понятия «государственность» и «государственные языки» считаются между собой тесно связанными, но не идентичными, традиционно второе предполагает первое: так, например, в Российской Федерации такие языки, как болгарский, греческий, немецкий, польский, не имеют такого статуса. Они имеют статус государственного за пределами России в своих основных государственных образованиях» [17, с. 19–22].

Понятие «государственный язык» применимо скорее в отношении коренного, национального, языка, носители которого прошли этапы этногенеза на территории данной страны. Понятие «официальный язык» используется в отношении языка, пришедшего извне, например, другого государства, который прочно интегрировался в повседневную жизнь страны и стал средством коммуникации среди значительной части населения [5, с. 199].

В настоящее время в мире «всего один государственный и / или официальный язык имеют 144 государства (76,2 %), два – 35 государств (18,5 %), три – 5 государств (2,6 %), четыре и более – 3 государства (2,6 %), три и более – 10 государств (5,3 %). В Западной Европе нет стран, где бы язык народов, насчитывающих более десятой части населения, не был признан языком государственным или официальным» [3, с. 13]. Как показывает мировой опыт, в многонациональном государстве сложнейшей задачей с точки зрения сохранения политической стабильности является именно процедура выбора государственного языка. И. Г. Илишев, основываясь на социально-политическом примере стран ближнего зарубежного Востока, предлагает такие варианты достижения культурно-политического единства государства с помощью государственного языка: 1) использование одного автохтонного языка; 2) применение в этой функции западноевропейского языка; 3) использование в качестве государственных западноевропейского и автохтонного языков [5].

В 21 республике РФ из 22 государственными языками провозглашены русский язык и язык республикообразующего этноса (см. данные таблицы). В некоторых субъектах РФ, помимо указанных, этим же правом наделены и другие языки данной территории [13, с. 69].

Нижеследующая табл. 1 составлена согласно списку «Государственные языки в субъектах Российской Федерации» [4].

Проанализировав по «Атласу языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» статусные языки коренных народов РФ согласно предлагаемой ЮНЕСКО классификации (уязвимые; существует угроза исчезновения, серьезная угроза; на грани исчезновения; вымершие), С. А. Коротич и Г. М. Мандрикова распределили их по перечисленным уровням, дополнив перечень «безопасным» и расположив на нем татарский, украинский, крымско-татарский, азербайджанский языки, передача которых между поколениями не нарушается [8, с. 21–22]. В приведённой таблице эти языки не выделены цветовым маркером. Голубым цветом мы выделили уязвимые языки, функциональная характеристика которых, согласно авторам, отличается тем, что большинство детей ограниченно использует род-

ной язык (в основном в домашней обстановке); жёлтым цветом – языки под угрозой исчезновения: дети не используют их даже в бытовом общении.

Таблица 1

Государственные языки в республиках РФ

№	Республика	Статус государственного языка республикообразующего этноса	Республикообразующий этнос (%)
1	Адыгея	Адыгейский	22,1
2	Алтай	Алтайский	< 30
3	Башкортостан	Башкирский	28,9
4	Бурятия	Бурятский	24,2
5	Дагестан	Аварский, кумыкский, лакский, даргинский, табасаранский, лезгинский,	< 30
		агульский, рутульский, татский, цахурский,	
		азербайджанский, ногайский, чеченский	
6	Ингушетия	Ингушский	74,5
7	Кабардино-Балкария	Кабардино-черкесский, карачаево-балкарский	< 30
8	Калмыкия	Калмыцкий	45,4
9	Карачево-Черкессия	Абазинский, ногайский,	< 30
		карачаево-балкарский, кабардино-черкесский	
10	Карелия	-	10
11	Коми	Коми	23,3
12	Крым*	Крымско-татарский, украинский	< 30
13	Марий Эл	Марийский (горный и луговой)	43,3
14	Мордовия	Мокшанский, эрзянский	32,5
15	Саха (Якутия)	Саха (якутский)	33,4
16	Северная Осетия – Алания	Осетинский	53
17	Татарстан	Татарский	48,5
18	Тыва	Тувинский	67,1
19	Удмуртия	Удмуртский	< 30
20	Хакасия	Хакасский	11
21	Чечня	Чеченский	66
22	Чувашия	Чувашский	67,8

*В новом субъекте Российской Федерации Республике Крым в соответствии с Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (ст. 2, п. 4) государственными языками Республики Крым объявлены три языка – русский, украинский и крымско-татарский языки [10, с. 119].

Башкирский язык согласно Закону «О языках народов Республики Башкортостан» (Ст. 3) имеет статус государственного наряду с русским. Данное положение в последующем было закреплено в Конституции РБ. Изменения и дополнения были внесены в Конституцию в 2000 г.

Согласно ст. 68 п. 1 Конституции РФ (1993 г.) государственным языком на всей её территории объявляется русский язык. В п. 2, зафиксировано, что республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком РФ. В ст. 26 п. 2 говорится о том, что каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Ст. 68 п. 3 Основного закона России отмечает, что РФ гарантирует всем её народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития и право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества.

Таким образом, государственный язык – это законодательно закреплённый язык государства, который выполняет интеграционную функцию и выступает символом государства. Официальный язык – язык компактно проживающих этносов внутри полиэтнического социума. В РБ обеспечивается социальная, экономическая и юридическая защита всех языков народов.

В условиях современной Башкирии потребность в знании второго языка становится важнее владения языком своей национальности. Качественная разница между тюркско(башкирско-/татарско-)-русским и другими типами двуязычия в том, что русский язык в условиях республики – единственное средство межэтнического общения. По последней переписи населения на территории РБ проживают представители 160 национальностей и 13 компактно входящих в них этнических групп.

Помимо всего прочего, на сохранение языка значительное влияние оказывает фактор получения образования на данном языке. В школьном образовании РБ выделяются часы для родных (национальных) языков, но эта мера не является единственным способом их спасения. По результатам социологических исследований последних лет рейтинг родного языка существенно снизился [16]. Как отмечает заместитель председателя Республиканской комиссии родителей при Всемирном Курултае башкир Айгуль Атанова, изучение башкирского языка как государственного языка Республики Башкортостан выбрали 67,08 % (340 724) обучающихся, и эта цифра неуклонно сокращается [14].

Причин для этого оказалось множество: излишняя жёсткость при введении предметов национального языка, нехватка учебников, слабая материальная база школы и т.д., но самая неожиданная – сознание народа, у которого снизилась заинтересованность в усвоении родного литературного языка [11]. Хотя подрастающее поколение башкир и признаёт родным язык своей национальности, реальная этноязыковая ситуация стимулирует приобщение к русскому языку не только как неотъемлемому фактору социализации личности, но и к её адаптации в трансформационный период.

Приобщение к русскому языку в Башкирии в отличие от других регионов России не приводило к утрате языка своей национальности, тем не менее, башкирский язык находится на уровне уязвимых языков. Осознание языка как ценности, как части этнической культуры, как символа этноса способствовало сохранению родного языка. Произшедшие в языковой ситуации изменения показывают, что соотношение национальной принадлежности и признание родным языка своей национальности является основой языковой идентичности личности [18].

Утрата мотивации в использовании родного языка ведёт к сокращению его влияния в конкретных коммуникативных сферах. Для того чтобы языки коренных этносов могли на региональном уровне конкурировать с общегосударственным языком, следует установить оптимальное сочетание функций русского и родного языков в республиках. В политике государства приобретает актуальность плюрализм, подчеркивающий важность многоязычия народов РФ и исключая тезис «один язык – один народ».

Обретение башкирским языком статуса государственного дало ему возможность поднять престижность, расширить некоторые социально-коммуникативные функции. Необходимость сохранения и развития языкового и культурного плюрализма в республике очевидна. Как нам представляется, для этого важно не столько разработать новые ГОСТы по обучению родным языкам для общеобразовательных школ, сколько предусмотреть отдельные стандарты для обучающихся с неродным изучаемым языком [12, с. 19]. Важно указать и на ценностные ориентации семьи в указанных процессах – родителей и прародителей, осознающих и активно передающих поколениям традиции и язык своего народа. Вероятно, оптимальным решением в условиях полиязычного Башкортостана может стать признание и «мультилингвизма в разных соотношениях при соблюдении прав и свобод как на поддержание и развитие языка, так и на его выбор» [1, с. 34].

Обращаясь к характеристике ситуации в системе школьного образования в аспекте преподавания башкирского языка, отметим, что в абсолютных значениях, количество обучающихся на родном башкирском языке в школах Башкортостана сократилось с 52 598 чел. в 2007–2008 уч.г. до 32494 чел. в 2018–2019 уч.г. (см. диаграмму, а также подробную статистику в: [8]). Не последнюю роль в этом, возможно, сыграла и отрицательная динамика коэффициента рождаемости детей в 2007–2008 гг., констатируемая в демографических докладах. Низкая рождаемость наблюдающаяся и сегодня, ожидаемая в перспективе ведет к сокращению обучающихся, что сказывается, по нашему мнению, и на представленных ниже показателях.

Диаграмма

В 2020–2022 учебном году 99,4 % обучающихся (50977 чел.) изучали родные языки, из них преобладают выбравшие родным русский язык 345509

(68,02 %), башкирский язык 105035 (20,63 %), татарский язык 46 541 (9,2 %). Обратимся к данным по изучению других родных языков: марийский язык 3314 (0,65 %), чувашский язык 3061 (0,59 %), удмуртский язык 901 (0,17 %), эрзянский язык 125 (0,024 %), украинский язык 57 (0,011 %), немецкий язык 416 (0,08 %, белорусский язык 8 (0,0015 %), латышский язык 10 (0,019 %) [14]. Нужно отметить небольшой прирост (+ 5 %) обучающихся, выбравших башкирский язык для изучения родного языка. Доля учащихся, охваченных обучением на родном (нерусском) языке и изучением родных языков (нерусского), составляет всего 31,4 % (159 468 чел.).

Безусловно, предлагаемые проекты в области развития и популяризации башкирского языка регулярно получают гранты главы республики. За первое полугодие 2022 года на проекты в области башкирского языка было получено грантов общей суммой 42 млн рублей. К сожалению, проекты кардинальным образом не меняют положения башкирского языка, но создают позитивный фон. Так, за счет этих грантов были реализованы программы по обучающим урокам, запуску мультфильмов, масштабированы языковые проекты, разработаны новые мобильные приложения. Без должного пока внимания остаётся проект по созданию синтезатора башкирской речи А. Кунафина. В последние годы большинство языковых программ по сохранению традиций и исторической памяти башкирского народа осуществляется Всемирным Курултаем башкир.

Возможности для создания контента для детей на башкирском языке имеет ресурсный центр по национальному образованию при министерстве образования Башкортостана [14]. Ими был создан портал-навигатор «Мир родного языка» с электронными ресурсами, направленными на сохранение, развитие государственных языков и языков народов РБ. Например, портал предлагает онлайн-уроки, различные интерактивные игры, ежемесячный выпуск электронного веб-журнала для малышей и воспитателей – «Назлыкай», в котором педагоги дошкольных образовательных организаций могут разместить свои методические разработки. Очевидным потенциалом обладает предлагаемая дистанционная образовательная программа «Послы родного языка» для всех желающих изучить башкирский язык как в России, так и за рубежом.

Фондом сохранения и развития башкирского языка проводятся диктанты на башкирском языке, ежегодно собирающие все больше число участников, реализуются проекты видеоуроков «Вместе на башкирском», «Новый взгляд на башкирский язык» для подростков, разработан русско-башкирский онлайн-переводчик, а также мобильные приложения для изучения башкирского языка.

В эпоху глобализации важным фактором, влияющим на выбор языка, является юридический статус данного языка в стране. В РФ языковой политике и языковому планированию уделяется особое внимание, поскольку ими предопределяются функциональный статус языков, а также регулируются отдельные вопросы языкового строительства [2, с. 17–68].

С тем, чтобы обеспечить условия для формирования полилингвальной и поликультурной личности в РБ разработан проект «Полилингвальные многопрофильные общеобразовательные организации в Республике Башкортостан». Создание подобной «полилингвальной образовательной среды предполагает возрождение образовательно-воспитательных функций родных языков народов Республики Башкортостан и Российской Федерации, усиление роли русского языка как активного посредника и катализатора диалога культур, формирование иноязычной речи для трансляции культуры народов Республики Башкортостан в мировое сообщество» [6; 7, с. 105].

Эффективность государственной поддержки национальных языков зависит от последовательности и деятельности, а не декларативности. Важна продуманная система стимулирования в обучении родному языку. Иными словами, необходим своего рода «социальный заказ» на язык, ведь с прагматической точки зрения, личность выбирает то средство общения, благодаря которому можно успешно социализироваться в современном обществе.

Список литературы

1. Арутюнова Е. М. Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана) // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 25–35.
2. Аюпова Л. Л., Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Языковая ситуация как объект изучения в социолингвистике // Языковая мозаика г. Уфы. : кол. монография : в 2 т. / отв. ред. Э. А. Салихова. Уфа : Аэтерна, 2021. Т. 1. С. 17–68.
3. Гилязитдинов Дж. М. Социокультурный потенциал Республики Башкортостан // Республика Башкортостан: доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. Уфа, 2009. 354 с.
4. Государственные языки в субъектах Российской Федерации». URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственные_и_официальные_языки_в_субъектах_Российской_Федерации (дата обращения: 10.02.2023).
5. Илишев И. Г. Язык и политика в многонациональном государстве (политологические очерки). Уфа : Китап, 2000. С. 199.
6. Искужина Н. Г., Салихова Э. А. Языки в сфере городского образования // Языковая мозаика г. Уфы. : кол. монография : в 2 т. / отв. ред. Э. А. Салихова. Уфа : Аэтерна, 2021. Т. 1. С. 327–360.
7. Искужина Н. Г., Шайхисламова З. Ф. О полилингвальном образовании в Республике Башкортостан // Социолингвистика. 2022. № 1 (9). С. 100–111.
8. Коротич С. А., Мандрикова Г. М. Правовой и функциональный статус языков Российской Федерации // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 13–29.
9. Мухтаров Т. Г. Башкирский язык оказался на грани цифровой смерти // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/193060-timur-muhtarov-bashkirskiy-yazyk-okazalsya-na-poroge-cifrovoy-smerti> (дата обращения: 10.02.2023).
10. Орешкина М. В. Государственный язык // Социолингвистика. 2020. № 1 (1). С. 109–123.
11. Салихова Э. А., Нилова К. В. Интразона семейной коммуникации: социопсихолингвистический аспект. Лондон : IASHE, 2016. 204 с.
12. Салихова Э. А., Мурсалимова Ю. Р. Внутринациональное и межконфессиональное состояние современной Башкирии // Социолингвистика. 2022. № 1 (9). С. 9–23.
13. Салихова Э. А., Киселева Л. А. Этноязыковое пространство современного Башкортостана: социолингвистический очерк. М. : ФЛИНТА, 2022. 171 с.
14. Самый проблемный фактор для башкирского языка – система дошкольного и школьного образования // Реальное время. URL: <https://m.realnoevremya.ru/articles/258826-statya-o-sostoyanii-bashkirskogo-yazyka> (дата обращения: 10.02.2023).
15. Словарь этнолингвистических понятий и терминов. М. : Институт языкознания РАН : ФЛИНТА : Наука, 2003. 196 с.
16. Туракаев М. С. Этноязыковая ситуация как фактор социального самочувствия региона в национальных республиках России (на примере Тувы, Башкортостана и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 70–84.
17. Ураксин З. Г. Государственность и государственные языки // Ватандаш. 2004. № 9. С. 19–22.

Информация об авторе: Салихова Эльвина Ахнафовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры инновационных технологий языковой коммуникации Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа, Россия).

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Л. Н. Федосеева

г. Рязань, Россия
LN-FEDOSEEWA@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается состояние русского языка в России и за рубежом, перспективы развития языковой ситуации. Русскоязычным СМИ отводится ведущая роль в пропаганде грамотности и контроле за соблюдением Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации».

Ключевые слова: русский язык, языковая политика, языковая ситуация, СМИ, нормативность

Для цитирования: Федосеева Л. Н. Современная языковая ситуация и культурная миссия русскоязычных СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 25–27.

Русский язык относится к глобальным, мировым: является официальным или рабочим языком в 15 из 23 международных универсальных и региональных организаций, таких как ООН, ЮНЕСКО, ВОЗ, ОБСЕ, ОДКБ, ЕЭС, СНГ, ШОС и др. Русский и сегодня – самый распространённый язык Европы по числу носителей: его считают родным более 150 млн (по другим данным – 144 млн) европейцев, включая европейскую часть России, Украину, Белоруссию, Молдавию. Русский язык имеет значительное распространение в 33 странах мира. Ещё одна любопытная и оптимистичная тенденция: русский стал вторым по количеству интернет-ресурсов с его использованием.

В то же время ни один мировой язык в истории человечества не исчезал так быстро, как русский. «За последние 30 лет количество говорящих на русском языке уменьшилось с 350 млн до 270. Сегодня для всего русскоговорящего мира это глобальный вызов», – заявил вице-спикер Государственной Думы Б. Чернышов [1].

Эту негативную тенденцию – сокращение численности носителей, пользователей русского языка – преодолеть пока не удаётся, в том числе в странах, где он традиционно занимал прочные позиции. Как ни прискорбно, даже на пространстве СНГ, где существуют богатые исторические и культурные связи с Россией, ситуация складывается не в нашу пользу. Напор по выдавливанию русского языка из жизни общества слишком велик. Создается впечатление, что осуществляется некий план по полному искоренению русского языка. В свете последних событий приходится говорить уже о синдроме отмены русского языка и русской культуры.

Один из наиболее распространённых методов вытеснения русского языка – ликвидация системы образования на нём, что означает утрату культурных, исторических корней для десятков миллионов соотечественников, оказавшихся за пределами России. Это в результате бьёт по авторитету и гуманитарному влиянию России на международной арене. Негативная тенденция сворачивания пространства русского языка привела к тому, что число знающих его в разных странах мира сократилось приблизительно до 150–152 млн человек, т.е. он «отступил» на позиции начала XX века. Однако самое неприятное состоит в том, что в самой

России количество владеющих русским языком за счёт деградации уровня его знания может уже к 2025 г. составить не более 110 млн человек.

Ситуация тревожная, и российское руководство, общественные деятели не могли не обратить на неё внимания. В декабре 2007-го года создан фонд «Русский мир», – это не только название организации, но и парадигма, предложенная Президентом В. В. Путиным. МИД России является ответственным исполнителем комплексной государственной программы Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» с периодом реализации 2022–2031 гг. 5 сентября 2022 г. Президент России В. В. Путин утвердил Концепцию гуманитарной политики России за рубежом, которая отражает национальные интересы России в гуманитарной сфере, а также прописывает основные цели, задачи, принципы и направления гуманитарной политики за пределами России. Всего в концепции 117 пунктов, отдельно отмечается необходимость развития многостороннего гуманитарного сотрудничества со странами СНГ, Луганской и Донецкой народными республиками, Южной Осетией, Абхазией. Кроме того, указывается на необходимость учитывать интересы русскоязычных граждан при гуманитарных контактах с Грузией, Молдовой и Прибалтикой.

Языковая ситуация внутри страны тоже повлекла за собой ряд законодательных решений. 14 июля 2022 г. вступили в силу поправки к закону о рекламе, основной тезис которых таков: распространение рекламной информации на иностранном языке без перевода на русский язык не допускается. 13 декабря 2022 г. «Российская газета» сообщила о том, что Госдума в первом чтении приняла законопроект о внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» (в части совершенствования механизмов обеспечения статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации и осуществления контроля за соблюдением норм современного русского литературного языка). «Принятие проекта федерального закона позволит повысить общий уровень грамотности граждан, корректность использования государственного языка Российской Федерации, обеспечить контроль за качеством подготовки «единого корпуса» грамматик, словарей, справочников, а также соблюдение всеми должностными лицами норм и правил современного русского литературного языка», – читаем в «Пояснительной записке к законопроекту» [2]. Однако с учётом того, что контроль за языковой нормативностью не предусматривается («...отсутствуют обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля...» [там же]), особая культурная миссия, на наш взгляд, возлагается на СМИ как пропагандистов грамотности, наблюдателей за речью «должностных лиц», наполнением официальных сайтов и т.д. И, конечно, журналисты, телеведущие сами должны подавать пример владения русским литературным языком как образцовым, нормированным.

Пока же, смотря федеральные каналы российского телевидения и прежде всего программы местного, регионального, ТВ, можно очень быстро составить довольно обширную картотеку разного рода ошибок. Поделимся своими наблюдениями (полужирное выделение наше – Л. Ф.).

Речевые ошибки

1. Чем **их** (лицеев – Л.Ф.) **программа отличается от других школ?** («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 18.10.2022).

2. Артисты рязанского хора вносят свой вклад в заботу об участниках СВО: для **них они** вяжут тёплые вещи («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 19.10.2022).

3. Главное слово здесь – любовь. Это **чувство прививают детям к знаниям** («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 19.10.2022).

4. Ночью националисты **нанесли огонь** по переправе в Херсоне («Вести» на канале «Россия 1», 21.10.2022).

5. Людям приходилось включать свет **уже утром** («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 21.10.2022).

6. Получить иммунитет можно двумя способами: переболел или **сделав вакцину** («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 24.10.2022).

7. Побоялась, что, согласившись на переезд, останется **в нём** (манёвренном фонде – Л. Ф.) навсегда («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 24.10.2022).

8. **Широкая стопа, выступающая косточка**, нескользящая подошва (об обуви) (реклама на канале «Россия 1», рязанский блок, 26.10.2022).

9. Там сейчас находятся их мужья, братья, **коллеги по работе** («Местное время» на канале «Россия 1», 30.10.2022).

10. Он **вошёл в пятнадцать лучших педагогов** страны («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 12.01.2023).

Грамматические ошибки

1. Потому что **в «Глобус»** своя пекарня («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 18.10.2022).

2. Свыше **трёхста** тридцати тысяч ушло на фронт («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 19.10.2022).

3. **Большая часть** населения **пользовались...** («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 21.10.2022).

4. **Вступив** на петербургскую землю, **Вас ждут канделябры и картины** (о Витебском вокзале – Л. Ф.) («Утро России» на канале «Россия 1», 24.10.2022).

5. За водой ходит **на колонку** («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 24.10.2022).

6. **Готовясь к застолью, специалисты советуют** обратить внимание на количество соли в пище («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 30.10.2022).

7. **Оглядывая** путь нашей журналистики, **выявляется роль** М. В. Ломоносова («Утро России» на канале «Россия 1», 13.01.2023).

8. **Её можно пить или умываться** в течение всего года («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 19.01.2023).

9. **Не найдя** пищи в знакомой кормушке, **добыть пропитание им будет тяжело** («Вести Рязань» на канале «Россия 1», 20.01.2023).

Транслирование СМИ в народ многочисленных ошибок приводит к размыванию норм современного русского литературного языка и является недопустимым. Кроме того, соблюдение закона «О государственном языке Российской Федерации» носит добровольный характер, нарушение его ненаказуемо, т. е. на совести каждого носителя, и кому как не профессиональным журналистам, телеведущим следует подавать положительный пример?!

Список литературы

1. Заметка на русском языке. URL: <https://dzen.ru/b/Y2Tj0nBb9Acldt7t> (дата обращения: 12.02.2023).

2. Пояснительная записка к законопроекту. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/221977-8> (дата обращения: 12.02.2023).

Информация об авторе: Федосеева Лариса Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России (г. Рязань, Россия).

ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СНГ

Ю. А. Южакова

г. Рязань, Россия
yu.yuzhakova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются важные аспекты сохранения русского языка в бывших республиках СССР. Ресурсом дальнейшего развития русского языка как языка межнационального общения является русскоязычное население и значительная часть коренного населения. Россия должна оказывать поддержку в преподавании русского языка как родного и неродного через открытие и финансирование русских школ и создавать базу в изучении русского языка как иностранного с перспективой получения высшего образования на русском языке.

Ключевые слова: русский язык, государственная политика, высшее образование, мягкая сила

Для цитирования: Южакова Ю. А. Перспективы русскоязычного высшего образования в СНГ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 28–31.

В странах СНГ 2023 год объявлен Годом русского языка. В этой связи необходимо подвести некоторые итоги и наметить перспективы существования русского языка в мире. В современных условиях, когда планета оказалась на пороге третьей мировой войны, мы отчётливо видим две противоположные тенденции в языковой политике: с одной стороны, возрастает роль национальных языков как средства утверждения государственной независимости; с другой, становятся более востребованными языки межнационального общения как средство налаживания мирного диалога между странами.

В результате распада СССР резко вырос статус национальных языков бывших союзных республик. Каждое государство имеет право защищать собственную независимость и самостоятельность, в том числе при помощи языкового фактора, являющегося важным признаком государственности. Государственные структуры стран на постсоветском пространстве, провозгласившие языки титульных наций государственными, объективно заинтересованы в их укреплении. Но делается это нередко за счёт принижения роли и значения или полного вытеснения русского языка, в прежние времена фактически являвшегося государственным языком единого многонационального государства. Отказ от всего русского воспринимался как признак освобождения. Во всех странах, возникших на постсоветском пространстве, в течение 30 лет наблюдается отчётливо выраженное стремление ограничить роль и влияние русского языка, рассматриваемого как наследие советского режима и засилье русскоязычной культуры в новых самостоятельных государствах [1]. В итоге во всех независимых странах, кроме Республики Беларусь, русский язык утратил своё былое значение. Из ведущего языка он превратился в иностранный язык, язык одного из национальных меньшинств. В Армении, Азербайджане, Грузии, Молдавии, Туркменистане, Узбекистане, Украине, Эстонии он не имеет официального статуса, в Латвии и Литве признан иностранным языком, и его существование допускается только в качестве языка этнического меньшинства и бытового языка. В Казахстане, Киргизии, Таджики-

стане он, не являясь государственным, рассматривается как официальный язык и средство межнационального общения. И только в Белоруссии русский язык официально, наряду с белорусским, провозглашён государственным языком [2].

Мнимое усиление государственности за счёт запрета русского языка идёт вразрез с нормами международного права и ограничивает гражданские права представителей нетитульных наций. Так, в Латвии и на Украине, где доля русскоязычного населения даже по официальным данным 2020 г. превышала 60 %, дошло до полного запрета использования русского языка в качестве языка бытового общения и закрытия всех русских школ. Власти других государств на постсоветском пространстве также активно способствуют вытеснению русской культуры и насаждению национального самосознания. Общей тенденцией стало значительное сокращение русскоязычных школ. В Армении осталось 7 русских школ, в Грузии чуть больше – 11, в Азербайджане имеется 340 классов с обучением на русском языке [3]. Для сравнения, в США, несмотря на тотальное неприятие России, действует ассоциация русских школ, в которую входит более 40 организаций. И ещё одна цифра для сравнения: в России более 6 тысяч школ с преподаванием на языках народов России, и это не считая многочисленных школ при посольствах.

За тридцать лет появилось поколение, не изучавшее русский язык в школе и воспитанное в обстановке неприязни ко всему русскому.

Мы знаем, к чему националистические устремления политической элиты привели на Украине. Языковой вопрос стал причиной войны. Поэтому недооценивать роль языка безответственно и опасно. Люди, лишённые права говорить и получать образование на родном языке, будут отстаивать это право всеми доступными средствами. Исторический опыт показывает, что у человека можно отобрать всё, кроме языка отцов и земли, политой кровью дедов. А казалось бы, чуть больше дальновидности и уважения к общему прошлому предотвратили бы катастрофу.

Пробные шары русофобии были заброшены ещё в 90-е годы, когда многие тысячи этнических русских, составляющих инженерную и культурную элиту, были изгнаны из новообразованных самостоятельных государств и лишены имущественных и гуманитарных прав. Фатальной ошибкой российской власти было невнимание к языковой политике и, как результат, отказ от поддержки русскоязычного населения, к которому, по данным 2006 г. себя относили около 100 млн жителей стран СНГ [1]. То, что этих людей не защитили, стало разрешающим сигналом к развёртыванию программы «Анти-Россия». Суть её состояла в замещении объединяющей роли русского языка и русской культуры ценностями англоязычного мира. Способы достижения – запрет русского языка, сокращение и закрытие русских школ, исключение русского языка из сферы высшего образования. Результат – резкое снижение доли русскоязычного населения в независимых республиках (за десять лет в большинстве стран она сократилась более чем вдвое, а в некоторых странах на порядок), падение уровня владения русским языком среди молодёжи, которая перестала ориентироваться на получение высшего образования в России, хотя оно качественно лучше и дешевле европейского, и связывать своё будущее с русскоязычным рынком труда. А главное – ненависть к общему прошлому и будущему с Русским миром. Общим явлением для всех стран стало сокращение российского информационного присутствия и культурных связей.

Большинство стран так и не обрели экономическую самостоятельность, и дружеская рука России была бы очень кстати, но из боязни санкционного давления страны предпочитают помощь из других рук, пусть даже себе в ущерб.

Проведённый анализ указывает на пробелы и ошибки в государственной политике в области языка. Работа над ошибками активно ведётся. Объявление

Года русского языка как языка межнационального общения СНГ – серьёзный шаг навстречу тем прогрессивным силам, которые относятся к русскому языку как к средству межкультурной коммуникации, которое может реально помочь в учёбе, бизнесе, карьере.

Мероприятия Года русского языка должны помочь населению этих стран, и не только русскому, в его стремлении сохранить или даже укрепить позиции русского языка, считая его необходимым в своем культурном развитии, в укреплении межнациональных связей, в приобщении к научно-техническому прогрессу. Отчасти это связано с привычкой, традиционным отношением к России и её народу, много сделавшим для экономического, культурного развития бывших советских республик. Старшее и среднее поколение, свободно владеющее русским языком, не намерено от него полностью отказываться. Эйфория первых лет после обретения независимости в большинстве стран сменилась прагматическим восприятием действительности. Во многих странах усиливается стремление получить образование на русском языке, поскольку оно качественно лучше, чем на родном языке, приобщиться к русской культуре как более развитой и богатой, а через неё к мировой культуре.

Мы должны откликнуться на социальный запрос на изучение русского языка за пределами России как в форме среднего образования на русском языке, так и в форме различных языковых курсов, но главное, мы должны обеспечить возможность получения высшего образования в России. Такая работа требует затрат и не обещает быстрой окупаемости. И вузы сами не в состоянии решить поставленные задачи, необходима государственная воля.

Мы видим только один путь сближения и укрепления позиций русского языка – воспитание новых национальных элит в системе российского высшего образования. Оно, несмотря на все реформы и реорганизации, сохраняет свои лучшие традиции. Русскоязычное образование необходимо рассматривать как стратегическое направление международной политики, целью которого должно стать формирование лояльных к нашей стране политических элит. У нас есть огромный опыт гуманитарного взаимодействия со странами Африки, Латинской Америки через образование в сферах медицины, технологий, обороны. В результате Россия получает надёжных союзников в решении многих международных проблем. Влияние нашей «мягкой силы» в странах СНГ явно недостаточно. Там молодое поколение оказалось в силу обстоятельств перед выбором «мостика» к западной культуре: нишу, которую ранее занимал русский язык, готов занять английский. Тем не менее, среди образованной молодёжи наблюдается стремление к изучению русского языка как средства получения востребованной специальности. Россия должна оказывать поддержку в преподавании русского языка как родного и неродного через открытие и финансирование русских школ и создавать базу в изучении русского языка как иностранного с перспективой получения высшего образования на русском языке. Это должно быть организовано как в зарубежных филиалах российских вузов, так и в вузах на территории России. По данным Минобрнауки, в зарубежных филиалах российских вузов, находящихся на территории стран СНГ, и совместных образовательных организациях РФ обучается более 32 тыс. человек. Обучение иностранцев в российских вузах имеет как положительные, так и отрицательные примеры. К положительным относится, например, традиция поступления целых русскоязычных классов школы имени Г. Алиева в Баку в Рязанскую академию ФСИН России или ежегодный набор курса из СНГ в знаменитом десантном училище. Негативное впечатление о себе мы создаём, когда отказывается зачислять уже заключивших с вузами договоры

студентов и магистрантов из-за «возможных сложностей с переводом средств на обучение через иностранные банки».

Интеграционные процессы рано или поздно приведут к сближению народов. Основой этого сближения неизбежно станет русский язык, доказавший свою эффективность в качестве языка межнационального общения. Это требует особенно серьёзного отношения к сохранению русского языка прежде всего в России.

В недалеком будущем угроза русскому языку и статусу России может еще усилиться. Однако ещё большее значение имеет перспектива вхождения в глобализованный мир, невозможная без посредничества русского языка и русской культуры.

Список литературы

1. Гаврилов К., Козиевская Е., Яценко Е. Где есть потребность в изучении русского языка. 2022. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema04.php> (дата обращения: 10.09.2022).

2. Гаврилов К., Козиевская Е., Яценко Е. Статус русского языка в большинстве стран не определен. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0229/tema02.php> (дата обращения: 09.02.2023).

3. Шведов Д. Отношение к русскому языку: три типа стран. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2008/0329/tema08.php> (дата обращения: 09.02.2023).

Информация об авторе: *Южакова Юлия Александровна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия).

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА

ОБРАЗНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»)

Н. Ю. Баженов

*г. Уральск, Республика Казахстан
bazhenov@niko92.ru*

Аннотация. Проводится концептоцентрическое исследование лексики, направленное на выявление метафорических образов, выражающих эмоциональное отношение и оценку в русских диалектных наименованиях речи. Описываемая понятийная сфера является в русских говорах чрезвычайно разработанной и представлена обширным количеством номинаций, из которых большая часть связана с выражением негативных эмоций и оценок, в основном в ситуации конфликта. Соответственно, большая часть метафорических образов закреплена именно за выражением семантики ссоры, упрёков. Наибольшую продуктивность обнаруживают образы физического противостояния, животного, предмета, которые характеризуются наибольшей степенью лексической реализации.

Ключевые слова: лексическая система, концепт, метафора, диалект, эмоция

Для цитирования: Баженов Н. Ю. Образные наименования речевого выражения чувств и эмоций в русских говорах (на материале «Словаря русских народных говоров») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 32–36.

В настоящее время признаётся продуктивным комплексный подход к лингвистическому исследованию метафоры, включающий как собственно когнитивный, так и лексико-семантический аспекты. Когнитивная по своей природе единица метафоризации – концепт – в проекции на лексико-семантическую систему языка может быть представлена как системоорганизующий элемент [1]. Это открывает новые ракурсы для системного описания лексики, в том числе диалектной.

Объектом описания в настоящей статье являются метафорические образы, концептуализирующие речевое выражение эмоционального отношения и оценки, и воплощающие их лексико-фразеологические средства. Цель исследования – показать лексическое развёртывание метафорических образов в более сложно организованной, нежели система литературного языка, диалектной макросистеме. Нами было рассмотрено 3556 диалектных слов (разных частей речи) и фразеологизмов, зафиксированных в сводном «Словаре русских народных говоров» (СРНГ).

Лексико-семантическое поле «Эмоциональное отношение и оценка» в лексике русских говоров представлено рядом подгрупп наименований, обозначающих разные эмоции, среди которых радость, беспокойство, возмущение, гнев, страдание (сожаление), сострадание, жалость.

Речь, выражающая эмоциональное отношение или оценку, может иметь разную установку: положительную (в основном похвала, благопожелание) или отрицательную (в таком случае маркируется презрительный, враждебный, уничижительный характер речи).

Наименования речи по признакам, указывающим на упомянутые речевые ситуации, весьма обширны на фоне общего числа метафорических наименований эмоционального отношения и оценки (2453 номинаций, 69 % от общего количества), в которых, по нашим наблюдениям, метафорические образы наиболее частотны в наименованиях речи по признакам ‘критика’ (868 наименований, около 24,4 %) и ‘ссора’ (1315, около 37 %). Типичными метафорическими образами, оформляющими номинацию упомянутых речевых ситуаций, являются **образы физического противостояния, предмета (или звука, им издаваемого), животного, человека, тьмы и беспорядка**. Эти образы, однако, нельзя считать полностью закреплёнными за отражением только конфликтных речевых ситуаций. На периферии центрируемых указанными образами ассоциативно-семантических парадигм наименований словесного выражения эмоционального отношения и оценки можно выделить также, в частности, обозначения речи по признакам ‘похвала’, ‘хвастовство’, ‘лесть’, ‘жалоба’.

Ключевым способом образной концептуализации речи в ситуации словесного противостояния, конфликта служит хорошо известный и подробно описанный разными авторами [2; 3; 4] механизм **уподобления словесного противостояния физическому**.

Так, в говорах словесное противостояние может выражаться в словах, в первичном значении связанных с войной или с соревновательной деятельностью, ср. ряз. *своева́ться* ‘расшуметься, раскричаться’ (*Своевались чё-то Галя и Санька. На май своевались: колбасы нет* [в магазине]) [СРНГ 36: 310]; *пуля́ть* ‘ругать, ругаться’ (*А ты его не бойся, он пуляет, и ты пульни его куда подальше, вот и всё*. Калуж.; урал.) [СРНГ 33: 123]; *тяга́ться* ‘ссориться, браниться, переругиваться’ (*Всё равно тягаться будут. Жизни хорошей у них не будет*. Арх. *Утрось тягались, а в обед говорили заблаго*. Новг. *А ты не бурчи, не тягайся, не бранись*. Казаки-некрасовцы), ‘спорить, возражать кому-либо’ (моск., казаки-некрасовцы, азерб., урал., курск.) [СРНГ 46: 61].

В ситуации конфликта речевое поведение говорящего метафорически интерпретируется как нападение, ср. новг. *сбра́сываться* ‘грубить, дерзить’ (*Наташка бабушку и не слушает. Уже и сбрасываться на ею стала*), *сбро́сливый* ‘грубый, вспыльчивый, раздражительный’ [СРНГ 36: 185, 187]; пск., твер. *ссы́паться* ‘накинуться с бранью на кого-либо’ [СРНГ 41: 9].

В свою очередь, обмен репликами уподобляется как однонаправленному, так и взаимно направленному действию, имеющему цель причинить сопернику физический вред, ср.:

а) лит. разг. *подколоть* кого-либо; прост. *поцапаться* с кем-либо и т.п.; диал. *бу́шкаться* 1) ‘бодаться’ (ср.: *Бараны бушкаются*. Курск.) // ‘стукаться лбами (о людях)’ (курс., орл., калуж., тул., Даль), 2) ‘браниться’ (*Недели две она с мужем бушкалась*. Орл.) [СРНГ 3: 332]; *са́паться* 1) ‘царапаться’ (перм.), ‘драться’ (перм., урал.), ‘ожесточённо спорить, ругаться’ (урал.) [СРНГ 36: 124]; *се́чься* ‘спорить, ссориться с кем-либо’ (*Что вы сечётесь?* Тамб.; сев.-двин.) [СРНГ 37: 255]; яросл. *шпыня́ться слова́ми* ‘донимать друг друга взаимными упрёками, перебраниваться’; арх. *сколо́ться* ‘поссориться, поругаться с кем-либо’ (*Сейгод с Тамарой выругались, скололась с ней*) [СРНГ 38: 295, 62];

б) *ошиби́ть* 1) ‘сильным ударом свалить с ног’ (смол.), ‘повредить ударом, ударами: ушибить’ (арх.), 2) ‘ругать, обзывать, позорить’ (*Вором ошибает*. Смол. *Ему ошибить другого ничего не стоит*. Читин. *Как начал он кастерить, ну, думаю, уходит надо, пока он меня не ошибил*. // *Сначала ошибили, а теперь хвали-*

те. Бурят.) // ‘делать замечание, выговор’ (*Его не мешает ошибаться*. Костром.) [СРНГ 25: 87]; иркут. **прожигать** ‘делать строгий выговор кому-либо, пробирать, отчитывать’ [СРНГ 32: 135]; азерб. **пынять** ‘бранить, журить’ (*Каждый день баба его пыняет, зачем вино пьёт*) [СРНГ 33: 194]; **теребнуть** 1) ‘дёргнуть, выдрать за волосы’ (волог.), 2) ‘сильно выругать кого-либо’ (барнаул.) [СРНГ 44: 69].

В то же время в первичных значениях рассматриваемых лексем сема ‘(физический) урон, вред’ может не прослеживаться или являться пресуппозитивной. В подобных наименованиях акцент делается на адресованность, направленность на кого-либо, что ярко проявляется в номинациях с семантическими признаками ‘прямо’, ‘откровенно’, ср. орл. **выгвоздить** ‘выговорить, сделать замечание, припомнить всё прошлое’ [СРНГ 5: 264]; смол. **глаз дра́ть** ‘упрекать кого-либо в чём-либо; преследовать упреками’ (*За тебя мне на деревне глаза дерут*) [СРНГ 6: 185].

Взаимная направленность высказываний, «сосредоточенность» коммуникантов друг на друге актуализируют сценарий взаимного приближения и соединения, ср. лит. **сцепиться** с кем-либо, словесная **схватка** – диал. ряз., р. урал. **слепиться** ‘начать ссору, драку, сцепиться’ [СРНГ 38: 264]; вят., перм. **сойматься** 1) ‘схватиться, ухватиться за что-либо’ (свердл.), 2) ‘ссориться, ругаться, спорить друг с другом’ [СРНГ 39: 231]; том. **сплетаться** ‘ругаться, вздорить’ (*Бабы, которые поругаются, сплетутся, говорят*) [СРНГ 40: 161]; арх. **связ** ‘ссора, спор’ [СРНГ 36: 332].

Выше нами уже было отмечено, что метафорическая аналогия высказывания с физическим воздействием на референта характерна не только для указания на конфликтные ситуации (хотя, очевидно, сосредоточена преимущественно на концептуализации именно этого признака речи), но в принципе на отношения между участниками речи. Сравните с приведёнными выше примерами следующие обозначения, связанные с **насмешкой**: курск. **подмывать** ‘высмеивать кого-либо, издеваться над кем-либо’ [СРНГ 28: 89]; **поддевала** ‘насмешник, насмешница’ (курск.), ‘обманщик, обманщица, мошенник, мошенница’ (Даль), урал. **поддевальщик** ‘насмешник, шутник’ [СРНГ 27: 385].

Характерный **образ оставления следов** который прослеживается в номинациях различной семантики, ср. том. **пятнать** ‘ругать, бранить’ (*Он пятнал её разными пятнами*) [СРНГ 33: 229] – волог. **красить** ‘хвалить’ (*Нечего, сват, красить и тебя: скоренек на слово*) [СРНГ 15: 176]. При этом указанный образ прослеживается и в наименованиях, в которых нет отчётливого указания на адресата высказывания, ср. волог. **ляпать** ‘хвастать’ [СРНГ 17: 279].

Помимо метафорической модели физического противостояния обнаруживает частотность **зооморфная метафора**, выражающаяся в уподоблении речи человека, его речевого поведения в определённой ситуации поведению и голосовым звукам некоего животного (образ которого не всегда выражен конкретно), ср. свердл. **букáриться** 1) ‘реветь, мычать (о коровах)’, 2) ‘хмуриться, сердиться; ворчать, бормотать’ [СРНГ 3: 263]; **жудить** 1) ‘производить жужжание крыльями (о насекомых)’, 2) ‘долго ворчать, настойчиво повторять что-либо’ (смол.) [СРНГ 9: 221].

Наличие зооморфного образа в наименовании речи усиливает коннотативный потенциал лексемы и придаёт ей экспрессивный характер, ср. **грать** ‘издеваться, насмехаться, осмеивать кого-либо’ (*Как он сказал бухтину [глупость], так все они над ним начали грать*. Волог. *Над Богом граешь!* Арх.) [СРНГ 7: 119]; пск., твер. **кудáхтаться** ‘важничать; бахвалиться, хвастаться’ [СРНГ 15: 396]; самар., смол. **брехаться** ‘ссориться, браниться’ [СРНГ 3: 177]; **тявкаться** 1) ‘ку-

саться (о собаке)' (Даль), 2) 'ссориться, браниться' (перм.) [СРНГ 46: 53-54]; орл. *гáвкала* 'бранчивый человек, ворчун' [СРНГ 6: 84]; ряз., влад. *лáйко* 'ворчун, крикун' [СРНГ 16: 248]; *су́ка* 1) 'оценившаяся собака, злая и агрессивная в этот период' (влад., новг., пенз., калуж.), 2) 'о злой и подлой женщине, которая постоянно ругается и заставляет ругаться других' (пенз.) [СРНГ 42: 194].

Приведённые примеры отражают продуктивность образа собаки, наиболее частотного в обозначениях конфликтных ситуаций (хотя его семантический потенциал несколько шире).

Наконец, представление о конфликте, ссоре как о явлении, вносящем в отношения между людьми смуту и хаос, отражается в метафорическом образе путницы, тьмы, ср. в обозначениях с корнем *-мут-*: *омутко́вый* 'вздорный (о человеке)' [СРНГ 23: 206], *смутка* 'раздор, ссора, нелады' (*У них вышли смутки, дяди друг к другу не ходят. Тамб. Всяки смутки, клинья стала пускать, а он такой психоватый. Вост. Закамье*) [СРНГ 39: 62].

Как известно, речевая ситуация многоаспектна и включает в себя, в числе прочих составляющих, сам процесс общения и его участников, характер взаимоотношений коммуникантов, а также передаваемые вербальные сообщения определённого содержания. От акцентировки на каком-либо из вышеперечисленных сторон зависит выбор образа. Так, при смещении фокуса номинации с коммуникативно-прагматической составляющей на структурно-содержательную и акустическую задействуются иные метафорические модели. В частности, предметная метафора может актуализировать признаки, относящиеся к разным свойствам денотата. Частными случаями реализации данного образа являются звуковые ассоциации, созидательная деятельность, передача материального предмета адресату.

Смысловое наполнение образа предмета составляют главным образом наименования речи по признакам 'упрёк', 'брань'. В таких случаях актуализируется признак 'громко', ср. калуж. *обéдно служíть* 'начать браниться, ссориться с раннего утра' (возможно, по аналогии с колоколом, звонящем к обеду – в данном случае значимым для генерации образа, очевидно, оказывается также признак времени развёртывания речевой ситуации) [СРНГ 22: 28]. Когнитивным основанием метафоризации в номинациях типа новг. *отзвонíть, отрезвóнить* 'отругать кого-либо, сделать выговор' [СРНГ 24: 188, 292], на наш взгляд, может служить оглушающее воздействие на собеседника, что сближает данную модель с описанной выше аналогией с физическим воздействием.

Звуковая аналогия актуализируется и в антропоморфной метафоре, ср. арх. *звонкодрíст* 'пустой хвостун' [СРНГ 11: 222].

Как видно из приведённых выше примеров, чаще всего метафорический образ отражает аналогию со звучанием твёрдых металлических предметов – но не всегда, ср. примеры аналогии речи со свистом (*свистáть* 'высказывать порицание кому-либо, ругать кого-либо': *Перестань ты парню-то свистать. Костром.; волог.* [СРНГ 26: 297]) и сопровождающаяся резкими звуками дефекация (ср. *звонкодрíст*).

В содержательном же и коммуникативном планах высказывание может уподобляться, во-первых, созидательной деятельности, а во-вторых, передачи предмета адресату; предмету (передаваемому или создаваемому) метафорически уподобляется речь и её содержание. Первый образ прослеживается в наименованиях, связанных с осуждением, «очернением» кого-либо (ср. новг., костром. *клепáть* 'позорить, срамить кого-либо' [СРНГ 13: 279]), словесным уязвлением

(ср. тул. *сварганить* ‘сострить, съязвить’ [СРНГ 36: 211-212]), откровенным, прямо-молинейным говорением (*лепíть* ‘говорить прямо, откровенно, резко’ (*Правду брат в глаза так старшине лепит*. Смол.; костром.) [СРНГ 16: 364]). Второй также прослеживается в основном в номинациях речи, характеризующейся отрицательной коммуникативной установкой, ср. пск. *угрòзку да́вать* ‘грозить’ (*Им надо угрозу давать, штоб не озорничали*); перм. *да́ть жы́гу* ‘сделать выговор’ [СРНГ 7: 166, 257].

Данные образы обнаруживают диффузность, сочетаясь в ряде случаев с другими метафорическими образами, в частности, с образом физического воздействия, ср. ленингр. *скла́сть все́ маты, скла́сть ма́т на ма́т* ‘изругать кого-либо, употребив все известные матерные выражения’ (*Изводит голосом [муж]; не так делаю – все маты на меня складёт*) [СРНГ 38: 14]; *да́ть жы́гу*.

Описанные выше метафорические образы не закреплены за выражением эмоционального отношения и оценки, они характерны и для многих других признаков речи. К примеру, образ физического воздействия характерен также для наименований с семами ‘ложь’ и ‘клевета’ (ср. свердл. *подку́сить* ‘оклеветать’ [СРНГ 28: 53]), зооморфный образ ‘собака’ прослеживается в номинациях пустословия (ср. *тя́вкало* ‘о том, кто много попусту говорит’ [СРНГ 46: 54]), образ путаницы и беспорядка задействуется при концептуализации сплетен (ср. самар. *смúты* ‘сплетни’ [СРНГ 39: 160]).

Семантический анализ метафорических наименований речевого поведения показал, что лексика русских говоров отличается единством основных компонентов метафорической концептуализации и средств их выражения, которые являются типичными и в общеязыковой картине мира русских. При этом в говорах метафорический образ воспроизводится с большей степенью как лексического, так и семантического варьирования, что обусловлено спецификой системной организации диалектной лексики и её значительной семантико-грамматической вариативностью.

Список литературы

1. Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём : пер. с англ. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Кириллова Н. О. Метафорическое моделирование речевой ситуации : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2008. 208 с.
4. Красовская Н. И. Лексико-семантическая группа глаголов говорения, обозначающих эмоциональное отношение и эмоциональную оценку (на материале тульских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Ин-т лингв. исслед. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 319–327.
5. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, О. Д. Кузнецовой, С. А. Мызникова. Вып. 1–51. М.–Л. СПб. : Наука, 1965–2019.

Информация об авторе: *Баженов Николай Юрьевич*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общественно-гуманитарных дисциплин Казахского университета инновационных и телекоммуникационных систем (г. Уральск, Республика Казахстан).

СТРУКТУРА ФРЕЙМА «УВЕРЕННАЯ В СЕБЕ ЖЕНЩИНА» В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ)

В. А. Белодед

г. Гомель, Республика Беларусь
vey.syao@mail.ru

Аннотация. На основании текстовых данных корпусов русского и китайского языков определяется структура фрейма «Уверенная в себе женщина». В структуре фрейма выделяются слоты, общие для картины мира носителей русской и китайской культуры: «Анатомические характеристики женщины», «Одежда», «Мужчина». Устанавливаются сходства и различия в содержании общих слотов.

Ключевые слова: фрейм, структура фрейма, слот, носитель русской культуры, носитель китайской культуры

Для цитирования: Белодед В. А. Структура фрейма «Уверенная в себе женщина» в русских и китайских текстах (на материале национальных корпусов) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 37–41.

Современная лингвистика участвует в познании концептуальной картины мира и принципов описания ее отдельных фрагментов. Исследуя язык как когнитивный механизм, играющий ведущую роль в кодировании и передаче информации, когнитивная лингвистика оперирует целым рядом категорий, отражающих структуры, в виде которых знания аккумулируются в сознании языковой личности [1, с. 17]. В сознании человека существуют разные по структуре знания: понятия, схемы, фреймы, скрипты, гештальты, находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом.

В основе теории фреймов лежит представление о том, что знания о мире состоят из структурных ячеек, то есть складываются из определенных сценариев с фиксированным набором стереотипных ситуаций – фреймов [4, с. 13]. В составе фреймов вычленяются компоненты, называемые слотами. Каждый слот состоит из определенного набора объективирующих его в языке единиц.

Цель нашей работы состоит в определении структуры фрейма «Уверенная в себе женщина», реконструируемого на основании анализа текстов, созданных носителями русской и китайской национальных культур. Для проведения исследования мы использовали публицистические и художественные тексты, взятые из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5] и Корпуса языка Пекинского университета [3], что позволяет говорить нам о портрете уверенной женщины в соответствующих дискурсах.

Рассмотрим для начала, какие языковые средства используются носителями разных культур для обозначения уверенной в себе женщины в русском и китайском языках. В русском языке для обозначения уверенной в себе женщины используется следующая конструкция: прилагательное *уверенная* в полной или краткой форме + прономинативный компонент *в себе* + существительное *женщина*. Однако такое атрибутивно-именное словосочетание встречается не всегда, нередко для идентификации носителя признака ‘уверенная в себе’ используются другие языковые обозначения (другие наименования лиц женского пола), к тому же расположенные дистантно по отношению к прилагательному. Принадлежность

носителя признака к лицам женского пола в русском языке выражается соответствующей флексией имени прилагательного.

В китайском языке используется другая языковая модель: прилагательное 女人的 ‘женский’ + имя существительное 自信 ‘уверенность, уверенность в себе, своих силах’. В грамматике китайского языка существует проблема выделения частей речи [2]. Однако наличие суффикса 的 в данном случае свидетельствует о том, что перед нами имя прилагательное, так как суффикс 的 используется после определения. Была обнаружена и другая конструкция: прилагательное 自信的 ‘уверенный в себе’ и существительное 女人 ‘женщина’. Всё тот же суффикс 的 указывает, что слово 自信 ‘уверенность, уверенность в себе, своих силах’ обозначает в данном случае признак предмета и выступает как определение.

Обратимся к слотам, формирующим фрейм «Уверенная в себе женщина». В сознании носителей русской культуры можно выделить следующие слоты, входящие в структуру исследуемого нами фрейма:

1. Анатомические характеристики женщин:

1) *Молодая, высокая, стройная, **уверенная в себе**... и чертовски красивая!* [Ю. К. Валюха-горюха // «Ковчег», 2013];

2) *Ты такая классная! Красивая, стройная, **уверенная в себе**. Ты знаешь, что нравишься мужчинам, Лена!* [А. Н. К. Дело о помидорах // «Волга», 2012];

3) *Это была **уверенная в себе**, в своей красоте, безродная гордячка...* [О. П. Дело Матюшина (1996)];

4) *Женщина не красавица, но она умна и обаятельна, сдержанна и **уверена в себе**, ее лицо, оживленное едва уловимой улыбкой, дышит светлой радостью юности* [Т. А. Британский музей (2011)];

5) *Если ты не только симпатичная, но еще умная и **уверенная в себе** девушка, то этот конкурс красоты для тебя!* [Miss-Bioparty (форум) (2005-2007)].

В данном слоте представлены анатомические характеристики, которыми должны быть наделены уверенные в себе женщины. Речь идет о женщинах приятной внешности. Главная идея, которая объединяет первые три контекста, заключается в том, что женщина будет чувствовать себя уверенной только в том случае, если она будет выглядеть привлекательно. Данный слот является наиболее значимым в составе фрейма для носителей русской культуры. Было найдено большое число контекстов, в которых утверждается, что уверенность женщине придает приятная внешность. Два последних контекста указывают на то, что уверенная в себе женщина должна обладать и другими характеристиками, кроме внешних данных. К таким характеристикам относится не только интеллектуальность, но и сдержанность, обаяние, внутренняя харизма.

2. Одежда женщины:

1) *Носите то, что вам больше всего идет. Лично я не вижу проблемы в том, что носить – юбки или брюки. Брюки делает женщину не только более красивой, но и более **уверенной в себе**. То есть настоящей бизнес-леди* [Л. С. Бойбаба или бизнес-леди? (2004) // «Бизнес-журнал», 03.03.2004];

2) *Она ведь в тот день надела свое лучшее пальто – хотела быть красивой и **уверенной в себе женщиной**, чтобы эта клуша с кривыми ногами в вязаной растянутой юбке поняла, с кем имеет дело* [М. Т. Замочная скважина (2012)];

3) *Пионервожатой была длинноногая Людочка, – она так лихо носила прелестную обтягивающую бедра юбку, а галстук так дерзко развевался на юной груди, – о, боги, – я шла за нею по пятам, мечтая хоть на секунду стать такой же, – взрослой, **уверенной в себе*** [К. В. А. Душа баклажана // «Волга», 2014].

В данных контекстах названы различные предметы одежды, которые подчеркивают достоинства женщин (*юбка* обтягивает бедра, а *галстук* развевается на груди). Представлены такие предметы гардероба, как *брюки*, *юбка*, *пальто*, *галстук*.

3. Мужчина:

1) *Я была избалована вниманием. Я могла поехать на поезде или пойти на танцы – тут же познакомиться. В меня влюблялись многие, я была **уверенная в себе**, у меня был парень, у меня были поклонники...* [Р. Ч. «Зачем мне утюги?» Интеллигентное женское счастье // «Неприкосновенный запас», 2009];

2) *И в то же время Нина Горланова – спокойная, **уверенная в себе** женщина, у нее все в порядке – муж, дети, любимая работа, успех* [З. К. Оттаявший круг (2003) // «Искусство кино», 30.06.2003];

3) *Две операции, месячный курс терапии, море, солнце и похотливые взгляды озабоченных мужиков на пляже – всё это сделало из меня совершенно другого человека не только внешне, но и внутренне. Я стала более **уверенной в себе!*** [М. М. Естественный отбор (2000)].

Контексты не показывают качественного разнообразия. В основном речь идет о представителях мужского рода, которые стремятся познакомиться с женщинами, преследуя разные и не всегда благие цели. Такое внимание со стороны мужчин позволяет женщинам чувствовать уверенность в себе. Во втором контексте упоминается о муже, детях, работе и об успехе, но супруг в этой иерархии потребностей уверенной в себе женщины стоит на первом месте, что позволяет говорить о значимости мужчины в жизни женщины. Можно предположить, что уверенная

в себе женщина должна преуспеть и в семейной жизни, и в карьере.

Таким образом, на основании данных, полученных из НКРЯ, можно сделать вывод, что уверенная в себе женщина должна обладать хорошими физическими данными, носить красивую одежду, что позволит ей завоевывать внимание мужчин. Духовная красота не так важна, как внешняя.

Обратимся к слотам, формирующим аналогичный фрейм в сознании носителей китайской культуры.

1. Мужчина.

Слот «Мужчина», реконструируемый на основании текстов корпуса китайского языка, является наиболее весомым для носителей китайской культуры. Рассмотрим контексты, которые образуют данный слот:

1) *找到正确的“报复”方法。没有哪一种办法比向男友展示你是一个**美丽自信的女人**，生活得快乐如意更让他“受伤”的了。Найдите правильный способ «отомстить». Нет ничего, что могло бы «навредить» бывшему больше, чем показать ему, что вы красивая, **уверенная в себе** женщина, у которой счастливая жизнь;*

2) *因真正聪明的女人，不会削足适履，真正有**自信的女人**，不会靠割地赔款放弃名份来换得男人的垂怜。Как действительно смысленная женщина не станет обрезать себе ступни, чтобы они влезли в обувь, так и действительно **уверенная женщина** не откажется от своего социального положения и статуса, чтобы заполучить мужчину;*

3) *自信的女人* 吓懵盲目讨好男人，心房受伤时她懂得自我拯救。

***Уверенная женщина** не должна слепо заискивать перед мужчинами, она знает, как спасти себя, когда у нее ранено сердце;*

Если носители русской культуры полагают, что уверенные в себе женщины хотят получить внимание многочисленных поклонников, то, по мнению носите-

лей китайской культуры, уверенной женщине не нужны мужчины для реализации себя как личности либо нужен только один мужчина, с которым уверенная женщина пройдет свой жизненный путь. В контекстах утверждается, что уверенная женщина сможет жить счастливой и полноценной жизнью без мужчины. Социальное положение и статус важнее для китайской женщины, чем наличие мужчины. В аналогичном слоте, который формирует фрейм в сознании носителей русской культуры, такие идеи не представлены.

Особенно интересны метафоры в китайских контекстах, подтверждающие ценность женщины, эта ценность проявляется в исключительной преданности мужчины своей избраннице. Так употребляется метафора 赴汤蹈火 ‘плыть через кипяток и ступать по огню (образно: а) идти на любые жертвы; вынести любые страдания, не останавливаясь ни перед чем; б) находиться в крайней опасности, на краю гибели)’: **女人的自信**,不在于有多少男人对她表示好感,而在于有一个男人愿意赴汤蹈火与她共同走完人生路。**Женская уверенность** заключается не в том, сколько мужчин проявляют к ней привязанность, а в том, что есть мужчина, который готов плыть через кипяток и ступать по огню, чтобы вместе пройти жизненный путь.

2. Анатомические характеристики женщин:

1) **女人的自信**迷人眼神,是我设计服装的最佳灵感来源之一。**Женская уверенность в себе** исходит от очаровательных глаз...;

2) 很高兴“纯中药安全瘦身”让我回复**女人的自信**作为一个胖子。Я очень рада, что «Чистая китайская медицина для безопасного похудения» вернула мне **женскую уверенность в себе**;

3) 丰胸就会成功, **女人的自信与魅力**,来源于胸部。Успешное увеличение груди влияет на **женскую уверенность в себе** и харизму, которые зависят от этой процедуры;

4) **女人的自信**跟高矮胖瘦无关。**Женская уверенность** не имеет ничего общего с физическими данными: ростом и телосложением;

5) 男人喜欢**自信的女人**,自信能使平庸的面孔变得光彩照人。Мужчинам нравятся **уверенные в себе женщины**, а уверенным может быть самое заурядное женское лицо;

6) **自信的女人**最美,哪怕已白发那就是美,与年龄关系不大。**Уверенная женщина** самая красивая, даже если ее волосы седые, это не имеет никакого отношения к возрасту;

7) 我的美丽宣言是**自信的女人**最美丽。Мой манифест красоте заключается в том, что **уверенная в себе женщина** самая красивая;

8) **女人的自信**来自腹中的墨水,工作的能力,自爱的魄力,银行的存款,累积的智慧,处世的艺术,正面的思考,不灭的童心,社交的层面。光靠外表得到的**自信**就像沾水的卫生纸,很虚也易破!**Женская уверенность** исходит от грамотности, способности работать, любви к себе и решительности, депозита в банке, накопленной мудрости, искусства общаться с людьми, позитивного мышления, не гаснущей ребячливости и прочного социального положения. **Женская уверенность**, обретаемая одним внешним видом, подобна смоченной в воде туалетной бумаге: она хлипкая и легко рвется;

9) **自信的女人**不会垂头驼背,懒惰料理仪容或人生。**自信的女人**不会表达自己。**Уверенная в себе женщина** не должна свешивать голову, горбиться, отлынивать от работы, слишком заботиться о своей внешности. **Уверенные женщины** не боятся самовыражаться.

В данном слоте представлены противоположные мнения о значимости внешней красоты женщины. Носителям китайской культуры тоже свойственна мысль, что привлекательная внешность играет определенную роль в формировании уверенности в себе. Но часто внешние данные для приобретения китайской женщиной уверенности в себе не важны.

3. Одежда женщины:

1) 裙是让女人的自信与张扬发挥得淋漓尽致。Юбка должна позволить **женской уверенности** стать более заметной и проявить себя в полной мере;

2) 女人的自信从拥有一双心爱的高跟鞋开始。Женская уверенность в себе начинается с пары любимых туфель на высоком каблуке.

Контексты иллюстрируют необходимые предметы гардероба уверенной в себе женщины. Такими предметами являются юбка и туфли, которые помогают выглядеть эффектно.

Как мы видим, уверенная в себе китайская женщина должна обладать такими качествами, как грамотность, трудолюбие, решительность, мудрость, позитивное мышление, готовность самовыражаться. Женщина может выглядеть заурядно, но все равно будет чувствовать себя счастливой.

Таким образом, содержание слотов, формирующих фрейм «Уверенная в себе женщина», в сознании представителей русской и китайской культур характеризуется как сходствами, так и отличиями; степень важности того или иного слота для создания портрета уверенной в себе женщины также отличаются. В подавляющем большинстве случаев китайки ставят в приоритет собственную самореализацию. К ядерной части фрейма «Уверенная в себе женщина» в сознании носителей русской культуры, судя по корпусным данным, относятся слоты «Анатомические характеристики» и «Одежда». В среднюю зону вошел слот «Мужчина». В сознании носителей китайской культуры ядерную часть фрейма занимают слоты «Мужчина» и «Анатомические характеристики». Средняя зона представлена слотом «Одежда».

Уверенность женщины в себе, согласно данным Национального корпуса русского языка, во многом зависит от физических данных женщины и полученного ею внимания от мужчин. Анализ текстов китайского корпуса показал, что носители китайской культуры, напротив, на первое место ставят не внешнюю красоту женщин, а внутреннюю; не стремление завоевать популярность среди мужчин, а стремление реализовать себя как личность: упрочить свое социальное положение и заниматься саморазвитием.

Список литературы

1. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–19.
2. Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики // Сборник статей научной конференции. 2019. URL: https://orient.spbu.ru/images/document/nauka/Kolpachkova_POS_in_Chinese.pdf (дата обращения: 20.02.2023).
3. Корпус китайского языка Пекинского университета. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 23.02.2023).
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. 151 с.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 23.02.2023).

Информация об авторе: Белодед Виолетта Александровна, аспирант, ассистент кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь).

ПЕРЕВОД В СВЕТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л. Г. Брутян

*г. Ереван, Республика Армения
lilit.brutian@gmail.com
lilit.brutian@ysu.am*

Аннотация. Вопросы перевода рассматриваются в контексте межкультурной коммуникации. На материале русского, армянского, английского и некоторых других языков освещаются самые разнообразные языковые явления в связи с их культурно-смысловой направленностью, ментальностью носителей языка оригинала и, соответственно, передачей их на язык перевода.

Ключевые слова: вежливость, время, гендер, зоонимы, колоронимы, культура, ментальность

Для цитирования: Брутян Л. Г. Перевод в свете межкультурной коммуникации // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 42–45.

Если мы принимаем тезис о том, что язык – это зеркало культуры, его хранилище, то тогда межъязыковой перевод следует понимать как перевод с одной культуры на другую. Более того, правильнее будет говорить не о другой культуре, а, без всякого преувеличения, – ином мире. Говоря словами Г. Гачева, «перевод с языка на язык – это с Космоса на Космос. И не только на другой, словесный – русский язык, что уже есть целое иное мирозерцание, – но и на иное отношение ума к миру...» [3, с. 178]. Нашей **целью** является рассмотрение перевода разных языковых явлений в свете межкультурной коммуникации на материале русского, английского и других языков.

Начнём с понятия **вежливости**. Вежливость как категория универсальная очень по-разному выражается в разных языках. Так, если в английском языке в однородных сочинительных конструкциях с союзом *and* (*u*), содержащих личное местоимение первого лица единственного числа и указание на другое лицо, типа *my husband and I* (*мой муж и я*), личное местоимение первого лица всегда ставится в конце, что указывает на особое уважение к другому лицу, то в русском языке, а также в армянском порядок слов в аналогичных конструкциях свободный, т.е. абсолютно нормально вместо *мой муж и я* сказать *я и мой муж*.

И **колоронимы** – это яркий пример того, как по-разному, зачастую, в разных лингвокультурах воспринимаются и обозначаются цвета. Хрестоматийным является пример с отсутствием во многих языках слов для дифференцированного обозначения синего и голубого цветов, в отличие от русского языка, где эти цветообозначения имеют отдельную ценность. Выражения со словом *белый* имеют в целом положительные коннотации. Выражение *белый человек* указывает не только и не столько на цвет кожи; им обозначается человек порядочный, благовоспитанный, благородный, состоятельный и т.д. Это можно увидеть в переводе предложения из романа Дж. Голсуорси: *John is a pretty white man* (Молодой Джон – очень порядочный человек).

Представляет интерес и рассмотрение **зоонимов** в контексте культур. В русской культуре *козёл* – это животное упрямое и глупое, а в китайской – жалкое и незащитное. Назвать человека козлом в русской культуре – означает оскор-

бить его. В качестве иллюстрации сказанного приведём следующий пример. Во время встречи Президента России и Премьер-министра Великобритании в Петербурге в марте 2000 года В. В. Путин возмущенно сказал Тони Блэру об оскорблениях, наносимых россиянам чеченцами, и привёл в качестве примера плакат, обнаруженный в чеченском лагере: «Над нами Аллах, под нами козлы». Действительно, в современном русском языке *козёл* – очень распространённое грубое ругательство. Ситуацию «смягчил» переводчик: «Above us is Allah, under us are goats». В английском языке слово *goat* является нейтральным (оно имеет только устаревшее значение 'любезный мужчина'). Поэтому в английском варианте чеченцы никого не оскорбляли, а просто, живя высоко в горах, романтически констатировали, что над ними Аллах, а под ними – горные козлы [5, с. 149]. Название замечательной советской кинокартины «Летят журавли» во французском переводе звучит как «Летят аисты», и перевод в данном случае можно оценить как удачный, поскольку в разговорном варианте французского языка *grue* ('журавль') имеет значение «дура» и даже «женщина лёгкого поведения» [2, с. 106].

Идея **коллективизма**, принадлежности обществу, другим, совместности – яркая черта русской ментальности, отражённая в языке. Русский говорит *мы с женой, мы с другом* (тогда как на армянский это переводится *я и моя жена*, а на английский – *my wife and I*), и в таких конструкциях – идея объединительности, совместности действия.

Переводческой проблемой могут стать обильно используемые в русском дискурсе **уменьшительно-ласкательные суффиксы**, как с именами нарицательными (*супчик, хлебушек* и т.д.), так и с именами собственными (и даже при обращении к взрослому, например *Мариночка Ивановна* и т.д.), что свидетельствует о повышенной эмоциональности русских. Такие случаи зачастую приводят к межкультурному непониманию.

Для языкового мышления японцев характерно то, что японцы предпочитают употреблять в своей речи незаметные переходы, слова с широким значением, неконкретизированные выражения. По этой причине они избегают употребления союзов, а если и употребляют их, то, как правило, – это союзы с недифференцированным значением, с широкой семантикой. Поэтому наибольшее распространение в японском языке имеет союз *и*. Доказательством сказанного являются тесты, проведённые в японских университетах. Большой группе японских студентов были розданы листки, на которых на английском языке были написаны предложения типа *Идёт дождь, и я остался дома, Идёт дождь, поэтому я остался дома, Идёт дождь, но я остался дома, Идёт дождь, а я остался дома* и т.д. Их надо было перевести на японский (заметим, что данные студенты достаточно хорошо владели английским). После того, как предложения были переведены на японский, выяснилось, что практически во всех переводах разные союзы с конкретным значением были переведены с помощью союза *и* с очень абстрактной и широкой семантикой [6, с. 162–164].

Нобелевская речь Ясунари Кавабата была переведена в США на английский язык как *Япония, красота и я*. Оспаривая точность этого перевода, Т. Григорьева (переводчица с японского) обосновывает правомерность перевода упомянутого заглавия в виде: «Красотой Японии рождённый». Более того, Т. Григорьева считает, что оба эти заглавия не только разные, но и противоположные по существу. Анализируя заглавие *Красотой Японии рождённый*, Т. Григорьева пишет: «Писатель хочет сказать: я постольку и существую, поскольку существует японская культура; Нобелевскую премию я отношу не за свой счёт, а за счёт того духа красоты, который живёт в японцах и перешёл к нам от предков и который, как ни модернизируется или ни американизируется

Япония, будет составлять её лицо. Всем я обязан тому духу национальной культуры, который называется «красотой Японии» – и о нём я веду разговор. То есть смысл заголовка противоположен предложенному американским переводчиком. Американец, унаследовавший иные культурные и психологические традиции, понял это так, как только и мог понять: *Япония, красота и я – ни больше ни меньше – чисто американский размах*». Из такой интерпретации становится очевидным, что расхождение между оригиналом и переводом объясняется не особенностями сугубо языкового характера, а спецификой мироощущения, миропонимания, вековых традиций того или иного народа [1, с. 161–162].

В связи с различиями ментальностей наблюдаются и отличия в использовании **гендерно окрашенных лексем** в разных лингвокультурах. Так, в русской, армянской и англоязычных культурах эпитеты к названиям главных рек разные. В английской традиции – это *father*. У армян – это *мать*. Ср. следующий отрывок из «Американских записок» Ч. Диккенса с переводом: *But what words shall describe the Mississippi, great father of rivers who (praise be to Heaven!) has no young children like him.* (Но какими словами описать Миссисипи, великую *мать рек*, у которой (хвала небесам!) нет детей, похожих на неё?). Для русского сознания река ассоциируется с матерью. Главная река России часто ласково именуется *Волга-матушка*.

В контексте межкультурной коммуникации и перевода интерес представляют также **числа и даты**. Если в русской, армянской и во многих других культурах называется вначале день, потом месяц и год, то в американской культуре месяц записывается перед днём. В России американский документальный фильм был показан под названием «9.11», а не в переводе «11 сентября», что было бы понятнее массовому зрителю, поскольку соответствовало бы речевому узусу русского языка. В 2005 году, когда принц Иордании был гостем МГУ, его переводчик сказал по-русски: После *девятого одиннадцатого*. Аудитория не сразу поняла, что имеется в виду одиннадцатое сентября 2001 года, день теракта в Нью-Йорке [5, с. 167–168].

В контексте межкультурной коммуникации и перевода особенно интересны случаи, когда одно и то же слово-понятие в разных языках имеет **различную культурно-смысловую наполненность**. Русское слово *душа*, один из важнейших концептов русской лингвокультуры, не имеет полных соответствий в других языках. Для русских душа превалирует над рассудочностью, здравым смыслом, у англичан – наоборот, важнее здравый смысл, рассудок ('mind'). Поэтому *душевно-больной* переводится на английский как *mentally-ill person*, то есть умственно больной, *душевное спокойствие* как *peace of mind*. Многочисленным русским фразеологизмам со словом *душа* в английском языке соответствуют фразеологизмы со словом *heart* ('сердце'), *mind*, а также другими словами, и крайне редко используется эквивалентное слово *soul* ('душа'). И в армянской лингвокультуре *душа* не столь значимо, как в русской. В армянской картине мира концептуально значимым является слово *сердце*.

Различное восприятие и использование **времени**, этой универсальной общечеловеческой категории, в разных культурах имеет и разное языковое выражение. У англичан вызывает удивление, когда русские, ориентированные на будущее (а также, добавим, на прошлое), объясняя, к примеру, как пройти к банку, говорят: *Пройдёте прямо, потом повернёте направо, увидите церковь, напротив неё и будет банк*, употребляя глаголы в будущем времени. В английском языке в подобном объяснении будущее время вообще отсутствует (*Go straight, turn left, there you can see the church, the bank is opposite it*). Иллюстрацией разной ориентированности является также обозначение времени. Например, для англичан

10.20 – это ещё двадцать минут после десяти (*twenty past ten*), для русских это уже двадцать минут одиннадцатого. Говоря о возрасте, русский скажет: *Ей под пятьдесят* или *Ей пошёл шестой десяток*. Англичанин и здесь опережает время не будет и скажет, например, *She's in her late forties, She's in her early fifties* [4, с. 25]. Поскольку в английском языке, в отличие от русского, части суток строго фиксированы по часам, и утро в англоязычном мире начинается ровно в полночь, то выражение *в 1 ночи*, произнесённое русским, должно быть передано на английский как *at 1 in the morning* (в 1 утра). При этом русский может сказать, в зависимости от ситуации, как *Что ты не спишь до 4-х ночи?*, так и: *Я с 4-х утра на ногах*.

И заключим словами С. Г. Тер-Минасовой: «Итак, за словами разных языков – разные миры. Слова – как вуаль над реальной жизнью, некая паутина, занавес. Главная задача пользующегося иностранным языком – не забыть заглянуть за вуаль, за занавес слов, понять, куда, в какую внеязыковую реальность ведут тропинки значений слов. Особенно ярко это проявляется в практике перевода. Переводчик ... должен "перевести" миры, слить их. Никогда миры не подходят так близко друг к другу, никогда они не связаны так тесно, как при переводе» [5, с. 144].

Список литературы

1. Брутян Г. А. Очерки по анализу философского знания. Ереван : Айастан, 1979. 287 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : Международные отношения, 1980. 352 с.
3. Гачев Г. Ментальности народов мира. М. : Эксмо, 2003. 544 с.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М. : Изд-во РУДН, 2003. 544 с.
5. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М. : Слово, 2008. 344 с.
6. Բրուտյան Գ.Ա. Չընթերցված գրքի էջերից. Երևան, Հայաստան, 1987. 242 էջ.

Информация об авторе: *Брутян Лилит Георгиевна*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета (г. Ереван, Республика Армения).

КИТАЙСКАЯ И РУССКАЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (НА ПРИМЕРЕ ВЫРАЖЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЕДОЙ)

Ван Юйин

г. Челябинск, Россия
alinawangyuying@gmail.com

Аннотация. Рассматривается отражение китайской и русской культуры питания в выражениях, связанных с едой. Актуальность исследования обусловлена расширением межкультурных контактов и необходимостью понимания друг друга. Предлагается анализ лексических средств, выражений, в том числе пословиц, идиом, этикетных высказываний и др. в китайском и русском языках. Выделяются универсальные правила и культурно специфические, предлагаются культурологические комментарии.

Ключевые слова: лингвокультурология, гастрономическая культура, русская лингвокультура, китайская лингвокультура

Для цитирования: Ван Юйин. Китайская и русская гастрономическая культура (на примере выражений, связанных с едой) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 45–49.

Приступая к анализу китайской и русской культуры питания в выражениях, связанных с едой, необходимо определить понятие гастрономической культуры. По мнению М. В. Капкана и Л. С. Лихачевой, в последнее время понятие гастрономической культуры представляет собой комплексное описание сферы повседневного питания, которое «в рамках этнографических исследований традиционно рассматривается как обрядовая и ритуальная кулинария, символика пищи, а также еда в контексте праздника» [4, с. 34]. М. И. Козьякова в работе дала похожее определение: «Гастрономическая культура, включающая в себя набор определенных продуктов, технологию их обработки, способы потребления, организацию трапез, а также этикетные нормы, является идентификационным кодом, маркирующим тип национальной культуры» [5, с. 220]. Она добавила, что как часть культурной доминанты, гастрономическая идентичность отражается в разных аспектах: гендерном, этнокультурном, социальном и религиозном [5, с. 221].

По словам В. А. Ермолаева, культура приготовления еды, культура употребления и рефлексия над процессами создания и употребления еды являются главными составляющими гастрономической культуры [3, с. 36].

Выражение о еде как части языка и культуры, является системой семиотики, средством коммуникации и мышления, а также носителем истории и культуры, несет в себе глубокую гуманитарную информацию. В данной работе выражения, связанные с едой включает в себя пословицы, идиомы, этикетные высказывания и др. Китайский учёный Цуй Силяна (崔希亮), соглашаясь с другими китайскими учёными, называет устойчивые выражения в современном китайском языке термином «шуйюй» 熟语 (shúyǔ), который представляет собой один из языковых знаков и является устойчивой языковой формой образа выражения языка, представляя собой раздел языкознания, изучающий устойчивую знаковую систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии. По словам Цуй Силяна (崔希亮), «所谓熟语,就是指加工提炼过了的语言形式,它们是固定的说法,熟语包括词汇形式,也包括句子形式» (Так называемый шуйюй относится к обработанным и уточненным языковым формам, представляющим собой закрепившиеся изречения, шуйюй включает в себя формы словосочетаний и формы фраз)¹ [6, с. 1]. Китайские учёные считают, что шуйюй несет в себя такие характеристики, как устойчивость в форме, особенность в значении, ограничение в использовании. По мнению Т. И. Вендиной, «фразеологизм – это лексически неделимая, воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более ударных компонентов, устойчивая в своем составе, структуре и целостная по своему значению» [1, с. 143] Отсюда вытекает, что термин «шуйюй» и «фразеологизм» считаются синонимическими понятиями, их можно взаимно заменить.

Независимо от страны происхождения, выражения о еде как особом и важном компоненте культуры воплощают в себе мудрость и философию народа. Формирование этих выражений и их развитие играет важную роль как в России, так и в Китае. Их изучение помогает расширить кругозор, узнать, понять и признать разные культуры, содействовать культурному обмену.

¹ Перевод здесь и далее наш – Ван Юйин

Китайские и русские студенты, изучающие иностранные языки (русский и китайский соответственно), узнают чужую гастрономическую культуру в первую очередь благодаря выражениям о еде. Именно поэтому мы решили провести с ними эксперимент. Объем выборки составил 90 респондентов. Использовались методы экспертной оценки и интерпретативного анализа. Среди испытуемых выступили 43 китайских студента, владеющих русским языком, и 47 российских студентов, изучающих китайский язык. Вопросы в эксперименте были заданы на родном языке студентов и являются зеркальными для тех и других с тем, чтобы обеспечить объективность. Ответы участников принимались как на русском, так и на китайском языке, фиксировались в письменном виде. Все ответы были переведены на русский язык.

Первый вопрос был задан китайским и русским студентам следующим образом: «Какие выражения (поговорки, идиомы, этикетные высказывания и др.), связанные с едой, вы знаете в русском языке?», для русских студентов – в китайском языке. От 43 китайских студентов получили 28 ответов, среди них самые частотные – *приятного аппетита* (5/28) и выражения со словом *хлеб* (5/28): «*Хлеб всему голова*» // «*Хлебец ржаной – отец наш родной*» // «*Черный хлеб – наш собственный отец*» // «*Без хлеба не обедают*» // «*Без соли хлеб не еда*». Следом идет высказывание «*Ни рыба ни мясо*» (4/28). Ещё несколько выражений только один раз появились в ответах, например: «*Великие люди всегда были воздержанными в еде*» // «*Принимают за обе руки беру да в красный угол сажают*» // «*Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть*» и т.д.

В результате опроса 47 русских студентов было получено 83 ответа, из них самый частотный – «*Когда я ем, я глух и нем*» (18/83), дальше идет «*Хлеб всему голова*» (11/83). «*Приятного аппетита*» (6/83) занимает третье место. Потом идут: «*Аппетит приходит во время еды*» (4/83) // «*Война войной, а обед по расписанию*» (4/83), и выражения со словом *волк* (4/83): «*Не поешь толком – будешь волком*» // «*Голодного волка ноги кормят*» // «*Волка ноги кормят*» // «*Голодный как волк*». Кроме вышесказанных, были и другие выражения: «*Завтрак съешь сам, обедом поделись с другом, а ужин отдай врагу*» // «*Кашу маслом не испортить*» // «*На здоровье!*».

Дальше приведём пример русского студента: «*Приятного аппетита*» // «*На здоровье кушайте!*» // «*Кашу маслом не испортишь*» // «*Пересолить еду – влюбиться*» // «*Рассыпать соль – к ссоре, сахар – к сладкой жизни*». «*Пусть лучше лопнет презренное пузо, чем пропадёт драгоценный продукт*» // «*Как поработать, так и поесть*» // «*Хлеб всему голова*» // «*Что посеешь – то пожнешь*» // «*Будет день – будет пища*».

Как всем известно, хлеб занимает значительное место в русской культуре. Говоря об хлебе, люди всегда связывают с ним еду, воду, урожай, труд и т.д. поэтому хлеб занимает особенно важное место в России как в традиционном, так и в современном обществе. Китайский учёный Дай Пейцзюнь в разных аспектах анализировал концепт «хлеб». По его словам, слово «хлеб» во фразеологических единицах не только означает основной продукт питания в России, но и имеет большое значение, в том числе выражение «*хлеб – всему голова*» означает самое важное и необходимое в жизни (духовное и материальное)» [2, с. 223].

Следует отметить, что в китайском языке тоже есть фразеологизм о питании со словом *волк* – 狼吞虎咽 (Глотать, как волк, пожирать, как тигр). Этот фразеологизм имеет следующее значение: жадно пожирать и имеет отрицательный оттенок, описывает человека, который ест не культурно, не красиво. Есть другой китайский фразеологизм с противоположным смыслом: «*细嚼慢咽*» (хорошо

пережёвывать и медленно глотать). Китайцы считают, что если медленно и аккуратно есть, то это, во-первых, полезно для переваривания и усваиваемости пищи организмом, во-вторых, то, как человек ест, в какой-то степени, показывает его воспитание.

Следующий вопрос для русских и китайских студентов был таким: «Какие выражения (пословицы, идиомы, этикетные высказывания и др.), связанные с едой, вы знаете в китайском языке?». От 43 китайских студентов было получено 76 ответов. Ответы разнообразные, среди них «民以食为天» (*Народ считает пищу своим небом*) (4/76) занимает первое место, дальше идет «心急吃不了热豆腐» (*Не сможешь есть горячий тофу в спешке – Больше спешки, меньше скорости*) (3/76), потом «人是铁饭是钢» // «食不言寝不语» (*Нельзя говорить, когда ешь, и нельзя говорить, когда собираться заснуть*) // «粒粒皆辛苦» (*Каждое зерно происходит от тяжелого труда крестьян – нельзя бросать еду на ветер*) (2/76) занимает третье место. Много высказываний только раз были упомянуты, например: «饥不暴食, 渴不狂饮» (*Не следует есть слишком много еды, когда голодны, и пить безудержно воду, когда испытываете жажду*) // «囫圇吞枣» (*Проглотить финик целиком, вместе с косточкой, не разобрав вкуса*) // «小葱拌豆腐» (*Соевый творог с луком-пореем, зеленый лук и белый творог в одной тарелке*) и т.д.

Приведём пример китайского студента: «人是铁饭是钢, 一顿不吃饿的慌» (*Человек – железо, а еда – сталь. Если ты не съешь еду, то будешь голодным*) // «民以食为天, 食以味为先» (*Для народа пища – самое главное, а у пищи главное – вкус*) // «捡软柿子捏» (*Защипнуть мягкую хурму – обижать только слабых*) // «天上掉馅饼» (*Пирог валится с неба – получил некоторые преимущества даром, манна небесная*).

Получили 29 ответов 47 русских студентов, из них самый частотный – «好饭不怕晚» (*Вкусный ужин стоит долго ждать*) (4/29), дальше идет «民以食为天» (*Народ считает пищу своим небом*) (3/29), «多喝热水» (*Больше пей горячей воды*) (3/29) и «请慢用» (*Приятного аппетита*) (3/29) занимает второе место. Потом идет: «人是铁饭是钢» (*Человек железо, а еда сталь*) (2/29) // «药补不如食补» (*Еда лучше всякого лекарства*) (2/29). Кроме вышесказанных, «Еда – источник здоровья» // «饭后百步走, 活到九十九» (*Гуляешь после еды, доживёшь до девяности девяти лет*) // «如鱼得水» (*Как рыба в воде*) тоже были представлены в ответах.

Китай – страна, имеющая давнюю историю. Со временем прогресса общества и увеличения населения, китайская культура питания хорошо развивалась. Разнообразные ответы китайских студентов является доказателем этой точки зрения.

В отличие от русской традиции, в китайской культуре когда сидят за столом и готовы есть, не говорят «祝你好胃口», «用餐愉快» или «请慢用» (*Приятного аппетита*). Эти слова считаются этикетными словами для официантов в ресторане или кафе. Обычно используются в конце подачи последнего блюда. В китайской гастрономической культуре, все блюда подаются сразу по общепринятому порядку. После этих слов официанта, все понимают, что все блюда поданы, можно спокойно есть.

Таким образом, выражения о еде как в китайской, так и в русской гастрономической культуре отражают мудрость и философию народа. Они не только говорят о самой еде поверхностно, но и передают глубокий смысл, который считается важным для народа. Например: «好饭不怕晚» (*Вкусный ужин стоит долго ждать*), не только означает, что хороший ужин стоит долго ждать, но и то, что, если хочешь делать большое дело, нужно с терпением начинать с малого, долгое непрерывное накопление поможет добиться успеха. Выражение «Аппетит приходит во время еды», не только означает, что когда за столом сидишь, то ещё сильнее есть хочешь, но и то, что когда что-то начинаешь делать, привыкаешь и начинает нравиться. Язык, как часть культуры, фиксирует и записывает предпочтения людей в еде и влияет на принципы поведения людей. В то же время, пищевые привычки людей, в свою очередь, превратились в новые выражения, которые были записаны и переданы из поколения в поколение.

Список литературы

1. Вендина Т. И. Введение в языкознание. М. : Высш. шк., 2001. 288 с.
2. Дай Пейцзюнь. Концепт «Хлеб» как константа русской языковой картины мира // Современное педагогическое образование. 2021. № 10. С. 222–228.
3. Ермолаев В. А. Гастрономия как объект культурологического анализа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 59. С. 32–41.
4. Капкан М. В., Лихачева Л. С. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. Т. 55, № 15. С. 34–43.
5. Козьякова М. И. Гастрономическая культура как фактор идентичности // История еды и традиции питания народов мира : материалы V Междунар. науч.-практ. симп. Сер. 1. 2020. № 1. 220–227.
6. Цуй Силян. Китайские устойчивые выражения и гуманитарный мир Китая. Пекин : Пекинский университет языка и культуры, 2005. 326 с.

Информация об авторе: Ван Юйин, аспирант Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск, Россия).

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ПЕНЗЕНСКОЙ ПОЭТЕССЫ ДИНЫ ДМИТРИЕВНЫ ЗЛОБИНОЙ

А. В. Великодная

г. Пенза, Россия
aangelikavelikodnaya555@mail.ru

Аннотация. Анализируется поэтический язык Д. Д. Злобиной, выделяются основные лексемы, используемые при воспевании родного края, рассматривается аллитерация, эпитеты, наиболее яркие метафоры, уменьшительно-ласкательные формы слов. Высказывается мысль о простоте и искренности текстов поэтессы.

Ключевые слова: Дина Злобина, лексема, образ, звук, эпитет, метафора

Для цитирования: Великодная А. В. Язык как отражение картины мира пензенской поэтессы Дины Дмитриевны Злобиной // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 49–53.

Пензенская поэтесса Дина Дмитриевна Злобина (1936–2003), всей душой любящая «малую родину», оставила читателям большое количество прекрасных стихотворений. Можно говорить об их тематическом и художественном разнообразии. Здесь и тема «малой родины», любви, предназначения поэтического творчества, положительного героя, перестройки 80-90-х годов и некоторые другие. Поэтический язык, как и выделенные темы, ярко отражает картину мира поэтессы.

В стихотворениях Дины Дмитриевны преобладают следующие лексемы:

1) **край, родная земля:** *Мой край, / ты – ранняя звезда* [8, с. 4]; *Снишь чаще, край с немеркнувшей осокой, / Где я по кочкам девочкой прошла!* [6, с. 28]; *Меня земля родная вновь, / Как тема вечная, тревожит* [1, с. 72]; *Эта сердца связь неразрывная / С красотой земли родной* [6, с. 40]; *Так пусть, цветущий красотой, / Мой край беда не потревожит; – Найдёшь ли в даях край родней, / Что будет сердцу люб?; Меня земля родная вновь, / Как тема вечная, тревожит. / В моих стихах – душа и кровь / На ветер брошены, быть может.* [1, с. 72];

2) **дорога, улица:** *Улица моя – Почти тихоня, / Куры топчут у калитки грязь. / Ветер просыпающийся гонит / Тополиный пух не торопясь* [6, с. 11]; *Здесь дороженька есть с приметами, / Я твержу, проходя по ней, / Что земля сильна не ракетами – / Есть оружие посильней!* [6, с. 40]; *Улица моя – / Почти тихоня, / Куры топчут у калитки грязь. / Ветер просыпающийся гонит / Тополиный пух не торопясь* [6, с. 11]; *Вы не забудьте улицу мою – / Она зовётся улицей Мира!* [5, с. 82–83];

3) **Пенза:** *Случилось так, что к зрелости моей / Ступенькой первой прочной / Пенза стала... <...> Мне даль приснится с дымкой голубой, / Но Пензе верность я храню, как другу! <...> Как мир сберечь – / сейчас больной вопрос / Для жителей и Пензы и планеты* [5, с. 82–83]; *Рождалось в Пензе чувство дома / На медленном витке судьбы. / Мне дерзко даль напоминая, / Неслись со станции гудки...* [5, с. 80–81]; *Когда мне юность розовым крылом / Светила, отмечая прочь тревоги, / Между столицей и моим селом / Лежала Пенза на большой дороге* [5, с. 82–83];

4) **дом:** *Скучает дом с худой трубой, / Подчас вороне рад любой, / Любому шалому грачу... / И я сорвать замок хочу! <...> Я возвращусь к самой себе, / Уж так накручено в судьбе – / Себя разыщешь в ней с трудом, / Помочь здесь может старый дом, / Тот, что стоит у тополей – / Привычным сторожем полей!* [10, с. 16]; *Рождалось в Пензе чувство дома / На медленном витке судьбы* [5, с. 80–81]; *От городских забот вдали / Домишек сельских ряд... / – Не отрывайся от земли! – / Мне травы говорят* [6, с. 3]; *Мой старый дом в глуши полей / Стоит у старых тополей. / К нему зимою нет дорог, / И на двери висит замок.* [10, с. 16]; *От городских забот вдали / Домишек сельских ряд... / – Не отрывайся от земли! – / Мне травы говорят* [6, с. 3];

5) **берёза:** *И вешним утром в шелесте берёз / Стихи несут в редакцию поэты* [5, с. 82–83]; *Стоят берёзы у стариц, / Где по ночам в еловых лапах / Спят звёзды сёстрами жар-птиц* [2, с. 157–158]; *Современность, как ёж, взъерошена, / И на жёстких пружинах речь. / Ну, а здесь, где трава не скошена, / Под берёзкой можно прилечь!* [6, с. 40]; *О чудеса, не верится самой, / Что я снежки лепить не разучилась! / Мечу я то в берёзку, то в забор* [6, с. 32];

6) **река:** *Нам праздничнее пить из кружки, / Картошку прямо из костра / Есть на берёзовой опушке, / В глуши, где реченька быстра... / И вспомнишь песню над лугами, / На речке лодку и весло... / Всю нашу речку с берегами, / С тропой девичьей занесло* [3, с. 39]; *Речка журчит возле дома, / Пашни за речкой да луг, / Каждая кочка знакома, / Кружится чибис – мой друг* [3, с. 28]; *Говоря: / «Хорошо, мол, самой, / И на речку ты ходишь, и в поле!»* [7, с. 49]; *Ничто тебе не*

угрожает, / Над **речкой** резкий ветер стих... / Лети, лети, опережая / Всех птиц – / Товарищей своих!.. [6, с. 90–91];

7) **рябина**: Мы вкус **рябин** забыть не можем, / И так до смерти, до конца / Узнать стремимся, / как он сложен – / Мир, разрывающий сердца! [9, с. 53]; Автор «Поединка» / Путь узнал к врачам... / Тонкая **рябинка** / Снилось по ночам;

8) **пчёлы**: Луга заречные в цвету, / Растёт **пчелиный** гуд... / И только птицы в высоту / Настойчиво зовут [6, с. 3]; Дни погожие, беззаботные, / Дружно **пчёлы** в лесу жужжат, / И кувшинки в болотцах жёлтые, / Как сердечки, листья лежат [6, с. 40]. Данный образ говорит не только о любви Дины Дмитриевны Злобиной к труженицам-пчёлам. Дедушка поэтессы после раскулачивания стал пчеловодом, а к нему у внучки было самое душевное, тёплое отношение: *И пасечник склоняется в труде / Под золотой пчелиною дорожкой, / Над светлыми ячейками воцин – (Седой, наидобрейший из мужчин!)*» [4, с. 107]. Отметим, что эпитет «золотая дорожка» передаёт не только прекрасный золотистый цвет, но и золотой путь труженика.

Все выделенные лексемы говорят о всеобъемлющей любви поэтессы к малому краю, олицетворением которого для неё являются родная земля, улица детства, Пенза, дом, берёза, река, рябина, пчёлы.

Как мы заметили выше, Дина Дмитриевна Злобина использует **уменьшительно-ласкательные суффиксы**, называя дорогие сердцу образы, связанные с детством, родным краем: дорож-**еньк**-а, реч-**еньк**-а, дом-**ишк**-и, сердеч-**к**-и, берёз-**к**-а, рябин-**к**-а. Данные морфемы помогают поэтессе передать чувство глубокой любви и привязанности к «малой родине».

Замечательно в этом отношении и стихотворение «Пишет мать письмо из дома» [11, с. 10–11], в котором Дина Злобина выражает свои чувства к маме, читая письмо от неё. Вглядываясь в строчки, поэтесса видит не слова, а светящееся окно, звучащую в лугах гармошку. *«И лечу к родным просторам, / Где шумят речные волны! <...> / Я верчу тетрадный листик, / Где слова что зёрна в пашне, / Пахнет почерк неказистый / Ситцем кофточки домашней, / Житным хлебом и картошкой, / Пропечённой и горячей...».*

С какой любовью поэтесса вчитывается в материнское письмо. «Ситцем кофточки домашней», «житным хлебом» и «картошкой, / пропечённой и горячей», пахнет не «листочек», «неказистый», но такой милый сердцу почерк Прасковьи Васильевны. Уменьшительно-ласкательные суффиксы в словах «лист-**ик**», «кофт-**очк**-а», «немнож-**к**-о» помогают передать чувство глубокой любви, нежности, привязанности к родному человеку.

В стихотворении «Свисток» [11, с. 21–22] Дина Злобина обращается к образу старьёвщика – торговца подержанными вещами: *«Старьёвщик седенький, горбатый / Через село игрушки вёз. / Спешили с речки / все ребята / На песнь скрипучую колёс».* Поэтесса изображает старьёвщика, как и своего дедушку, добрым «сед-**еньк**-им» волшебником, к которому радостно бегут все сельские ребята. На доброе отношение Дины Злобиной к старичку нам снова указывает уменьшительно-ласкательная форма имени прилагательного.

Стихотворный язык Дины Дмитриевны Злобиной отличаются особенной музыкальностью, напевностью, звучностью благодаря использованию аллитерации. Обратимся к стихотворению «В жару овёс скирдующие бабы...»:

Звучит простор, где школьницей шагала / Все десять лет по тропочке одной. / Мечтала сильной вырасти, высокой, / Лесным ручьям да вербочкам слышна... / Снись чаще, край с немеркнувшей осокой, / Где я по кочкам девочкой прошла! [6, с. 28] Отметим замечательный эпитет «немеркнувшая осока». Солнеч-

ные колосья этого растения, произрастающего на болотистой местности, действительно, будто излучают свет – настолько они яркие.

Звуки [з], [ч'], [с], [с'], [ш], [ш̄ ʹ] позволяют нам услышать «звучащий» простор, где росла поэтесса на протяжении десяти лет. Тесную связь с Природой мы видим в желании девочки вырасти и быть слышной «лесным ручьям да вербочкам», а затем в просьбе женщины к «краю с немеркнувшей осокой»: «Снись чаще, край с немеркнувшей осокой...».

Приведём также прекрасные строки из стихотворения Дины Злобиной, посвящённого любимой бабушке: «В уголке своём бабушка / Зажигала свечу. / И с молитвой таинственной / К богу шёл шепоток... / Я не знала значения / Мук великих Христа... / Но дарил нам свечение / Вербный куст неспроста». Поэтесса, будучи ребёнком, не понимает значения «таинственной» молитвы, но таинство восприятия бабушкиной молитвы передано Диной Злобиной также при помощи аллитерации: «бабу**Ш**ка», «за**Ж**игала», «све**Ч**у», «**Ш**епоток», «зна**Ч**ения», «све**Ч**ение», «не**С**проста». Нашему слуху будто тоже представляется треск горящей свечи и шёпот молитвы.

Поэтический язык Дины Злобиной также богат метафорами. Приведём наиболее нам запомнившиеся. Прекрасна метафора «маленькая чёрточка планеты». Улица мала, подобна чёрточке, но настолько мила Дине Злобиной, что она не представляет себя без воспоминаний о ней. Проходя по улице вновь, лирическая героиня чувствует восторженное волнение, вызванное тёплой любовью и прошлыми годами жизни здесь.

В стихотворении «Памяти А. П. Анисимовой» мы читаем: «А ты всё ищешь строчек изумруд, / Не тяготясь / И не прельщаясь славой, / Так как суров подвижнический труд!» [11, с. 65]. Обратим внимание на прекрасную метафору «строчек изумруд». Строчка приравнивается Диной Злобиной к редкому драгоценному камню, который не просто трудно добыть, но и достойно произвести огранку.

В завершение приведём стихотворение «Рождалось в Пензе чувство дома», посвящённое родному дому и милому краю: «Рождалось в Пензе чувство дома / На медленном витке судьбы. / Мне дерзко даль напоминая, / Неслись со станции гудки... / Не я ль, пензячка коренная, / Что знает в скверах закутки, / Что в парке любит карусели / И звёздный вечер на холмах?» [5, с. 80–81]. Обращает на себя внимание метафора «виток судьбы». Судьба циклична, а «чувство дома» зарождалось постепенно, медленно, следовательно, и виток был «медленным». Гудки из чужой дали, «рвущиеся» со станции, дерзки, напоминают поэтессе о чуждости мира, находящегося за пределами «малой родины». Дина Злобина с торжеством задаётся риторическим вопросом, утверждающим, что она «знает в скверах закутки», любит карусели в парке и «звёздный вечер на холмах». Она, жительница города, одинаково сильно любит и его, и милую сердцу Природу, такую уединённую и тихую, в отличие от городской суеты.

Как мы видим, стихотворный язык Дины Дмитриевны Злобиной не отличается особенной вычурностью, как её душа, как край, в котором она выросла и который сохранила в сердце на протяжении всей жизни.

Список литературы

1. Злобина Д. Д. Бересклет. М. : Сов. писатель, 1988. 144 с.
2. Злобина Д. Д. Быстрина. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967. 184 с.
3. Злобина Д. Д. Возвращаются ветры. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1975. 95 с.
4. Злобина Д. Д. Воскресение вербное. М. : Сов. писатель, 1991. 432 с.

5. Злобина Д. Д. Где цветут незабудки весной. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1987. 128 с.
6. Злобина Д. Д. За первой избой. М. : Современник, 1980. 95 с.
7. Злобина Д. Д. Минерал. М. : Сов. писатель, 1973. 96 с.
8. Злобина Д. Д. Пойдёшь ли со мной в дорогу? Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1979. 95 с.
9. Злобина Д. Д. Родное. М. : Молодая гвардия, 1972. 79 с.
10. Злобина Д. Д. Сроки счастья. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1983. 72 с.
11. Злобина Д. Д. Чернозерье. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1970. 79 с.

Информация об авторе: *Великодная Анжелика Владиславовна*, магистрант Пензенского государственного университета; преподаватель русского языка многопрофильного колледжа Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯХ

Бу Тхи Нгок Хоа

г. Ханой, Вьетнам
ngochoa.t32@gmail.com

Аннотация. Работа выполнена в русле относительно нового направления в науке о языке – лингвоконцептологии – и посвящена сопоставительному анализу концепта «родина», изучению его ментальной и языковой реализации в русском и вьетнамском языках. Определяется место данного лингвокультурного образования в языковой картине мира указанных культур. Материалом нашего исследования послужили разные словари, поэтические тексты на русском и вьетнамском языках и их переводы. Результатом становится комплексный лингвоментальный анализ концепта «родина» в русском и вьетнамском языках, выявляющий сходства и различия в восприятии и вербализации исходного лингвокультурного образования в двух языках.

Ключевые слова: родина, концепт, русский язык, вьетнамский язык, лингвокультурология, стихи

Для цитирования: Бу Тхи Нгок Хоа. Концепт «родина» в русской и вьетнамской лингвокультурологии // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 53–60.

В рамках современного языкознания российскими учеными было выделено новое научное направление – лингвоконцептология, которая занимается изучением национально-культурного пласта ментального лексикона, применяя методы исследования, присущие семантике: компонентный (семный) анализ, методику построения семантических и ассоциативных полей и др. Главной единицей лингвоконцептологии становится «концепт».

Концептосферу национального языка составляют различные типы концептов, среди которых следует особо выделить универсальные. Одним из универсальных концептов является концепт «родина», который представляет собой важнейший компонент национальной языковой картины мира любого языка, так как в нём выявляется отношение человека и общности к обитаемому пространству,

ко многим историко-культурным событиям и явлениям. Несмотря на универсальный характер и общечеловеческую ценность, ему свойственна и национальная специфика.

Соответственно в рамках лексикографического аспекта отметим, что в различных словарях русского языка есть собственное толкование лексемы «родина», а именно: толковые словари предлагают следующие определения исходного понятия:

Родина – 1. Место, страна, где человек родился; где сложился, возник этнос. 2. Место возникновения, открытия или изобретения чего-либо [5, с. 20].

Родина – 1. Отечество, родная страна. 2. Место рождения, происхождения чего-либо [1].

Родина – родимая земля, место рождения; земля, государство, где родился [4].

Родина – «отечество», тогда как укр. *родина* – «семья», блр. *радзіма* – то же, болг. *родина* – «родина, место рождения», сербохорв. *родина* «обилие плодов», словен. *rodina* – то же, чеш., слвц. *rodina* – «семья», польск. *rodzina* – то же, произведено от род [3].

Обратившись к онлайн-словарю синонимов русского языка, мы установили следующий синонимический ряд понятия «родина»: *отечество, отчизна, родная земля, родная сторона (сторонка), родной край, колыбель, источник, начало* [6].

В отличие от лексемы «родина» её эквиваленты во вьетнамском языке “*Tổ quốc*” (предки и страна), “*đất nước*” (земля и вода), “*non sông*” (гора и река), “*quê hương*” (малая родина, место рождения). Слово “*Tổ quốc*” является заимствованным словом, которое рассматривается как страна / государство, где проживали предки и последующие поколения [10, с. 1008].

Анализируя вышеизложенные словарные дефиниции, можно сделать вывод, что в семантической структуре лексем «родина» в русском и вьетнамском языках выделяются следующие компоненты: *родина* – это 1) родная страна; 2) земля и вода; 3) гора и река 4) место, где родился человек, зародился этнос; 5) место возникновения или изобретения чего-либо.

Кроме того, нельзя оставлять без внимания и антонимы изучаемого понятия, так как оппозиция «свой – чужой» является универсальной схемой, иллюстрирующей взаимоотношения ключевых концептов духовного универсума носителей русскоязычной и англоязычной идентичностей – «образа своего мира», родной земли и противопоставляемого ему образа неизвестного пространства (антонимы понятия «родина»: *чужая сторона, чужбина* [8]).

Важнейшим источником изучения исторического прошлого любой страны, её культуры был и остаётся художественный текст, который представляет собой контекст не только литературного, но и общекультурного характера. Способ постижения действительности, заложенной в художественной литературе, создаёт приёмы реализации убеждений и жизненных ценностей, является стимулом мышления и поведения [2, с. 17–18].

Русская литература по праву занимала особое место среди европейских литератур. В центре внимания русских классиков стояла борьба за освобождение человека. Русские писатели сумели гармонически соединить в своих произведениях величавый пафос освободительных идей с высоким поэтическим мастерством. Сила классической русской литературы – в её народности. Русские писатели, каждый по-своему, горячо любили родную страну, родной народ, изумительный русский язык. Они по праву гордились своим народом. История русского народа показывает всему человечеству его государственную мудрость, его воинскую доблесть, его талантливость. Русские писатели отразили в своих

произведениях черты русского народа: его свободолюбие, любовь к родине, готовность бороться и умереть за родную землю и родной народ. Великие русские писатели беззаветно любили свою родину, отдавали свою жизнь за её счастье и свободу, вдохновляли на подвиги.

Анализ семантических связей лексем в русском и вьетнамском языках даёт возможность описать организованные контекстами тропа лексические поля поэтических текстов. Ядрами таких полей являются ключевые образы. Семантическое поле «Родина» – одно из основных в русских поэтических текстах начала XX в. В стихотворениях русских поэтов (С. Есенина, А. С. Пушкина, Н. Некрасова, М. Ю. Лермонтова, А. К. Толстого) образ Родины представляется как:

Поле состоит из ядра и нескольких микрополей в центре и на периферии, благодаря которым оно связано со всеми поэтическими полями в русской лирике начала XX в. В русские поэтические тексты входят лексемы *даль, земля, простор, Россия, Русь* (в идиолекте А. Блока), *земля, Новгород*, (в идиолекте А. Ахматовой), *даль, дол, земля, край, Русь, сторона кобылья, куща* (в идиолекте С. Есенина), *земля* (в идиолектах В. Маяковского и М. Цветаевой).

А. С. Пушкин: *родина* – люблю, Пётр, Нева, великая Москва, Москва моя, военная столица.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит,

Из поэмы «Медный всадник», 1833

Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!

Из романа «Евгений Онегин» 1823–1831

М. Ю. Лермонтов: *родина* – своя; отчизна, Кремль, *Москва* – люблю, сильно, пламенно, нежно, как сын; *дерево* – сосна стоит, дремлет, одета.

«Что сравнить с этим Кремлём, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?..»

Он алтарь России, на нём должны совершаться и уже совершались многие жертвы, достойные отечества... Давно ли, как баснословный феникс, он возродился из пылающего своего праха?..»

Из статьи «Панорама Москвы», 1833

Патриотические мотивы пронизывают всю поэзию Лермонтова. Любовью к родине наполнены многие стихи поэта («Когда волнуется желтеющая нива...», «Родина»). В стихотворении «Родина» Лермонтов называет свою любовь к Отчизне «странной». «Странность» эта происходит от двойственности чувств поэта в отношении к Родине. Он любит красоту русской природы, любит русский

народ. При этом рассудок поэта не может победить ненависть к России крепостнической, самодержавной.

Люблю *отчизну* я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья

«Родина», 1841

Москва, Москва!.. люблю тебя как сын,
Как русский, – сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.

Из поэмы «Сашка», 1939

С. Есенин: *родина* – моя, любимая; *Русь* – моя, родная, голубая, полевая, бедная, нищая, малиновое поле; *край* – задумчивый, нежный, дождей, непогоды; *дом* – низкий, не забыть никогда; *сторона* – родная; *дерево* – берёза белая, черёмуха душистая, расцвела, завила; *страна* – березового ситца. «Моя лирика жива одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины – основное в моём творчестве». Любовь поэта к деревне и ко всему живому, среди которого он «дышал и жил», тревога за судьбы России, с такой силой выразившиеся в его поэзии, спаяны с личной судьбой художника, с его поисками смысла жизни. Любовь поэта к русской природе и самоотверженное желание раствориться в ней близки и понятны читателю:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зелени твоих стозвонных...

(1914)

Н. А. Некрасов. Тема любви к Родине проходит через всё творчество Некрасова. «Мать-отчизна», «Родина-мать», «Матушка Русь» – такими тёплыми словами называл Россию поэт. Где бы ни был Некрасов, какая бы пышная и дивная природа ни окружала, в сердце он всегда носил «врачующий простор» родной земли. Только родная сторона вдохновляла его поэзии:

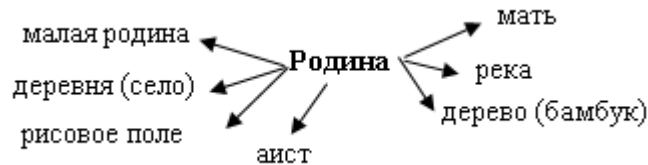
Не небесам чужой отчизны –
Я песни родине слагал!

Русь Некрасова – «убогая и обильная, могучая и бессильная». Двойственность чувства определяется тем, что поэт с трепетом и восторгом воспринимает природу, красоту родной земли, любитесь разливом гордых рек, живой степью, любимым лесом, но ненавидит зрелище бедствий народных, произвол властей, бесчеловечность крепостного быта. С горечью поэт восклицает:

Не может сын смотреть спокойно
На горе матери своей.

Любовь к Родине постоянно сопровождается гневом и ненавистью к угнетателям народа. Некрасов «любил, ненавидя». Патриотизм его всегда был связан с жадной социальных перемен, итогом которых станет народная счастливая и свободная Русь.

В стихотворениях вьетнамских поэтов образ Родины также значим. Образ Родины во вьетнамских поэтических текстах можно представить как:

Во вьетнамской поэзии образ Родины связан с самыми простыми и близкими каждому человеку вещами деревенской жизни. Родина для каждого человека проста и родна. Любить Родину – значит любить дорогу в школу, любить соломенные крыши, любить спелые рисовые поля... Стихотворение «Родина» До Чунг Куан каждый вьетнамский человек знает с детства и его выучил, потому что оно написано на простом языке и стало известной песней в стране. Это стихотворение похоже на песню «С чего начинается родина» (Михаил Матусовский), которая также популярна в России.

Перевод:

Quê hương là chùm khế ngọt
 Cho con trèo hái mỗi ngày
 Quê hương là đường đi học
 Con về rợp bướm vàng bay
 Quê hương mỗi người chỉ một
 Như là chỉ một Mẹ thôi
 Quê hương nếu ai không nhớ
 Sẽ không lớn nổi thành người
 («Quê hương» - Đỗ Trung
 Quân)

«Родина – это букет сладких звездочетов,
 которые я собираю каждый день.
 Родина – это дорога в школу.
 Я прихожу домой, полный летающих жёлтых бабочек».
 Родина только одна,
 Как только одна мать,
 Родина, если кто не помнит...
 Тот не вырастет человеком.
 («Родина» – До Чунг Куан)

Те Хань. В его поэзии любовь к родине проявляется в описании бытовой жизни крестьян в деревне. В его поэзии чувствуется даже то, что без звука и без цвета, например, «душа деревни» на развёрнутом парусе или голос полей деревни.

Перевод:

Làng tôi ở vốn làm nghề chài lưới
 Nước bao vây, cách biển nửa ngày sông
 Khi trời trong, gió nhẹ, sớm mai hồng
 Dân trai tráng bơi thuyền đi đánh cá
 Chiếc thuyền nhẹ hăng như con tuấn mã
 Phăng mái chèo, mạnh mẽ vượt trường giang
 Cánh buồm giương to như mảnh hồn làng
 Rướn thân trắng bao la thâu góp gió...
 Ngày hôm nay, ồn ào trên bến đỗ
 Khắp dân làng tấp nập đón ghe về
 “Nhờ ơn trời biển lặng cá đầy ghe”
 Những con cá tươi ngon thân bạc trắng
 Dân chài lưới, làn da ngăm rám nắng
 Cả thân hình nồng thở vị xa xăm
 Chiếc thuyền im bến mỏi trở về nằm
 Nghe chát muối thấm dần trong thớ vỏ
 Nay xa cách lòng tôi luôn tưởng nhớ
 Màu nước xanh, cá bạc, chiếc buồm vôi
 Thoáng con thuyền rẽ sóng chạy ra khơi

Село моё, как рыбак, стоит по колена в реке,
 Дарами моря живёт, а море там, в полднем от нас далеке.
 Когда небо чисто, розово утро, а ветер слаб,
 Крепкие парни выходят за рыбой, проверив снасть.
 На лёгких лодках, как будто бы на скакунах,
 Гарцуют они, сжав вёсла, на длинных волнах.
 И парус – частица души родного села,
 Расправлен: работа у ветра всегда весела.
 Опустится ночь и поднимется день, как большое весло,
 И выйдет к причалу встречать рыбаков всё село.
 И небу, и морю – благодаренье. Прекрасен улов! –
 Твердит всё селенье молитву простых рыбаков.
 А сами они от загара, как скалы, темны,

Tôi thấy nhớ cái mùi nồng mặn quá!
(«*Quê hương*» – *Tế Hanh*)

С телами, пропахшими зноем далёкой вол-
ны.
И лодки расписаны солью нездешних глу-
бин,
Забылись у пристани натруженным сном
голубым.
И сердце моё родные цвета вспоминает
вдали:
Серебряный – рыбы, белый – цвет паруса,
синий – воды.
И если вдруг чья-нибудь лодка отчалит от
берегов,
Я чувствую осторосолённый, горячий запах
родных краёв!
(*Стихотворение «Родной край» Те
Хань. Перевод И. Кашежевой*).

Нгуен Динь Тхи: *родина* – родимый край, гора Чыонгшон, *родина* – без-
брежные поля, *родина* – крылья аиста, *дерево* – бамбук.

Перевод:

Việt Nam đất nước ta ơi
Mênh mông biển lúa đâu trời đẹp hơn
Cánh cò bay lả rập rờn
Mây mờ che đỉnh Trường Sơn sớm
chiều

Вьетнам, родимый край, безбрежные по-
ля,
где сладкие плоды родит для нас земля
уже века,
где крылья **аиста** видны издалека,
и в ранних сумерках скрывают облака
весь Чыонгшон.

...

Việt Nam đất nắng chan hoà
Hoa thơm quả ngọt bốn mùa trời xanh
Mắt đen cô gái long lanh
Yêu ai yêu trọn tấm tình thuỷ chung
Đất trăm nghề của trăm vùng
Khách phương xa tới lạ lòng tìm xem
Tay người như có phép tiên
Trên tre lá cũng dệt nghìn bài thơ

О солнечный Вьетнам, где живут цветы в
садах,
где небо как стекло, где в реках и прудах
светла вода,
где вечная любовь и дружба – навсегда,
земля ремёсел, край великого труда –
взгляни вокруг,
здесь гость любит работу умных рук,
что могут волшебством преобразить **бам-
бук**, на чьём листе
ткнут тысячу стихов во всей их красоте,
упорно следуя излюбленный мечте души
своей...

...

Ta đi ta nhớ núi rừng
Ta đi ta nhớ dòng sông vỗ bờ
Nhớ đồng ruộng, nhớ khoai ngô
Bữa cơm rau muống quả cà giòn tan...
(«*Việt Nam quê hương ta*» - *Nguyễn
Đình Thi, 1958*)

(*Источник: <https://www.thivien.net/>*)

И вспоминаем мы о зелени полей,
О солнечных лугах, о запахе ветвей, о
светлых берегах,
О горстке овощей, о кофе, о плодах,
О горестной земле, истерзанной в боях.
Земле родной...
(*Строчки из стихотворения «Вьетнам,
родимый край» Нгуен Динь Тхи 1958. Пе-
ревод М. Павловой*).

Любовь к родине являлась основной темой в поэзии во время войны. Вьетнамский народ вёл две борьбы против французов и американцев. Каждый поэт выражал глубокую любовь к родине в своих произведениях. Уехав на фронт, поэт Хоанг Кам в своём стихотворении «На другом берегу Дуонг» (4/1948 г.) вспомнил о своей деревне на берегу реки Дуонг, которую французы захватили. Деревня поэта разрушена врагами вместе с старинной культурной ценностью.

Sông Đuống trôi đi
Một dòng lấp lánh
Năm nghiêng nghiêng trong kháng chiến
trường kì
Xanh xanh bãi mía bờ dâu
Ngô khoai biêng biếc
Đứng bên này sông sao nhớ tiếc
Sao xót xa như rụng bàn tay

Образ родины связан с богатой культурной традицией:

Bên kia sông Đuống
Quê hương ta lúa nếp thơm nồng
Tranh Đông Hồ gà lợn nét tươi trong
Màu dân tộc sáng bừng trên giấy điệp

В стихотворении «Родина, была ли ты когда-нибудь так прекрасна!» Те Лан Вьен выражает свою любовь к родине, свою гордость за исторические подвиги вьетнамского народа в борьбе с захватчиками. Образ родины ассоциируется с образом «Красная река».

Hỡi sông Hồng tiếng hát bốn nghìn năm
Tổ quốc bao giờ đẹp thế này chăng?
– Chưa đâu! Và ngay cả trong những ngày
đẹp nhất
Khi Nguyễn Trãi làm thơ và đánh giặc
Nguyễn Du viết Kiều, đất nước hoá thành
văn

(«Tổ Quốc có bao giờ đẹp thế này chăng?»
– Chế Lan Viên)
(Источник: <https://thuvientho.com/bai-tho-to-quoc-bao-gio-dep-the-nay-chang>)

Перевод:

Река Дуонг течёт,
Сверкающая река в период войны
Зелёный сахарный тростник, береж-
ная шелковица
Стоя на другом берегу, скупаю
Как будто теряю руки

Перевод:

На другом берегу реки Дуонг
Наша родина с ароматными рисовыми
полями.
Картина Донг Хо с свиньёй и курицами.
Этнический цвет светит на бумаге.

Перевод:

О Красная река! Четыре тысячи лет
твой голос звучит.
Но никогда ещё, родина, ты не была
так прекрасна!
Даже тогда, когда Нгуен Чай творил и
сражался с врагом,
Когда Нгуен Зу писал Кьеу и сама ты
была Храмом литературы.
(строчки из стихотворений «Родина,
была ли ты когда-нибудь так пре-
красна!» Те Лан Вьен. Перевод Р. Ка-
заковой).

Таким образом, статья была обусловлена предпринятым сравнительным анализом концептов «родина» в русском и вьетнамском языках. В результате проведенного исследования предполагается, что концепт «родина» является лексическим концептом (т. е. участвует в создании фразеологизмов), значим в обеих лингвокультурах, устойчив в сознании носителей обоих языков. В русском и также во вьетнамском языках искомый концепт находит множественную языковую реализацию, богат синонимами, часто упоминается в поэзии. Любовь к родине проявляется через любовь к природе родного края, к быту и укладу деревенской жизни, ко всем существующим, которые близкие и дорогие сердцу человека,

которые связаны с ним с детства. Для обеих народов существует понятие малая родина, родина-мать. Для вьетнамцев «родина» связана с более символистическими образами – с Красной рекой, горой Чыонг Шон, с деревом бамбука, аистами, рисовыми полями.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. М. : Рус. яз., 2006. Т. 4. 2750 с.
2. Кашевская Л. Ф. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции на занятиях по русскому языку как иностранному // Вестник Белорусского общественного объединения преподавателей русского языка как иностранного. 2003. № 2. С. 14–18.
3. Лапина И., Маталина Е. и др. Большой энциклопедический словарь. М. : АСТ, 2003. 1248 с.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).
6. Полный словарь синонимов русского языка. URL: <http://словарь-синонимов.рф/> (дата обращения: 10.02.2023).
7. Приорова Е. М., Савченко Е. П., Фильчакова Е. М. Концепт «родина» в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (82). С. 159–163.
8. Словарь антонимов. URL: <http://antonymonline.ru/> (дата обращения: 10.02.2023).
9. Современная вьетнамская поэзия : пер. с вьет. / сост.: И. П. Зимонина, М. Н. Ткачев. М. : Прогресс, 1981. 351 с.
10. Hoàng Phê. Từ điển tiếng Việt. Nhà xuất bản Đà Nẵng, 2003. 1238 т.

Информация об авторе: *Бу Тхи Нгок Хоа*, магистр, преподаватель русского языка факультета иностранных языков Академии народной полиции (г. Ханой, Вьетнам).

СТЕРЕОТИП КАК ОБЩЕНАУЧНЫЙ ФЕНОМЕН

М. А. Гнилевская

г. Луганск, Россия
gnilevskayam@mail.ru

Аннотация. Рассматривается понятие «стереотип» как общенаучный и лингвистический феномен, его функции и основные характеристики. Представлен анализ исследований, которые посвящены изучению стереотипов.

Ключевые слова: стереотип, функции, восприятие, культура

Для цитирования: Гнилевская М. А. Стереотип как общенаучный феномен // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 60–63.

В начале XX века произошло формирование проблематики и сущности теории стереотипов. Проблема стереотипа в рамках культурного сообщества в последнее время все чаще становится предметом разноаспектных исследований. Представители научных отраслей выделяют те характеристики и свойства стереотипа, которые отражают его роль с позиции аспекта их исследования.

В своих научных трудах стереотип рассматривают социологи, психологи, этнографы, философы. Термин «стереотип» функционирует как многозначное понятие. Впервые проблему стереотипизации как познавательного процесса начали изучать в социологии, где стереотип связывается со сферой принятых норм и правил группового поведения и определяется как механизм социального восприятия, который способен взаимодействовать с другими социальными уровнями восприятия (такими, как память, интуиция, воображение) через цепь ассоциативных связей.

В активное научное обращение понятие «стереотип» ввел американский ученый У. Липпманн, который связал термин, заимствованный из книгопечатания, с процессами, происходящими в представлении людей о картине мира, самих себе и о других. Изучая массовое сознание, он пытался определить роль и место стереотипов у системы общественной мысли, предложил собственное понимание и определение этой дефиниции, связав его с атрибутом «социальный». Для ученого стереотипы – это «особая форма восприятия окружающего мира, непосредственно влияющая на чувства человека еще до того, как они им осознаются», ибо «существует определенная связь между событиями, которые происходят извне, и сознанием, через которое они (эти события) пропускаются» [6, с. 102]. Социальные стереотипы, по У. Липпманну, – это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права [6, с. 107].

На формирование стереотипов, по мнению ученого, влияют следующие факторы стереотипизации: 1) использование принципа экономии усилий, характерного для повседневного человеческого мышления (люди стремятся не реагировать каждый раз по-новому на новые факты и явления, а стараются подводить их под уже имеющиеся категории), ведь «в окружающем мире не было практически осознанного однообразия, то привычка воспринимать ранее сформированный образ за новое впечатление вела бы не к экономии усилий, а лишь к ошибкам. Но, если однообразия все же существует, то отказ от всех стереотипов в пользу абсолютно наивного подхода к опыту обеднела бы человеческая жизнь» [6, с. 104]; 2) защита существующих групповых ценностей (репрезентирует его социальную функцию), так как стереотип – это «бастион традиции, укрывшись за которым, человек чувствует себя в безопасности» [6, с. 109].

В своих научных трудах У. Липпманн подчеркнул двойную функцию стереотипов – психическую, которая заключается в экономии усилий при познании мира, и общественную, которая касается защиты общественной позиции, ценностей и прав. Основными функциями стереотипа, по мнению У. Липпманна, являются функция экономии умственных усилий и функция защиты групповых ценностей, авторитетов, взглядов и мнений.

Интерес к феномену стереотипа среди лингвистов является неслучайным и появился относительно недавно. Понятие стереотип исследовали этнолингвисты (Е. Бартминский, С. Толстая), психолингвисты (В. Красных, Ю. Сорокин), лингвокультурологи (В. Маслова, В. Телия), социолингвисты (Ю. Прохоров), представители теории межкультурной коммуникации и др.

Первыми собственно лингвистическими исследованиями стереотипов считаются работы немецкой исследовательницы У. Квастхофф, которая провела четкое разграничение между обычной языковой компетенцией и прагматической компетенцией как «знанием о мире» (между стандартным знанием о мире, так называемой «языковой картиной мира», и знанием о мире, независимым от языка, которое часто не совпадает с языковой картиной мира). Стереотип, по ее мне-

нию, – это «вербальное выражение убеждения, которое касается социальной группы или представителей социальной группы (...) имеет логическую форму оценочного суждения, которое в упрощенном и обобщенном виде приписывает группе те или иные свойства или модели поведения» [2, с. 116]. Ученый подчеркивает, что устойчивый компонент стереотипа имеет чисто языковой характер. Стереотипная мысль, содержащая эмоциональную оценку, является результатом упрощенного, схематизированного мышления, в некотором смысле искаженного образа мира, присущего многим людям. В жизни общества стереотипы выполняют определенные социальные функции, ведь они усваиваются в процессе социализации и инкультурации (погружение человека до определенного социума и культуры).

Преимущественно стереотипы мешают в межкультурном и межнациональном общении, однако, знание стереотипов может быть полезным в политике межкультурных и межнациональных связей.

Исследуя национально-культурные особенности речевого общения, Ю. Прохоров дает следующее определение: стереотип речевого общения – это социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения [7, с. 98]. Таким образом, стереотип выступает как определенная «модель», «образец», «канон». По мнению исследователя, стереотип вербального общения может быть реализован «в форме языкового клише (традиционно к этим единицам относятся все виды устойчивых словосочетаний и фраз – фразеологизмы, пословицы, поговорки, идиомы, литературные цитаты и проч.) и в форме вербализованного / невербализованного штампа сознания, который выступает сигналом принадлежности участников общения к одному социальному пространству» [7, с. 97–98].

Займствованное этнолингвистами у социологов понимание стереотипа существенно изменилось и значительно расширилось. В этнолингвистике оно стало применяться не только к определенным этническим, социальным или профессиональным группам людей, но и к каким-либо предметам, явлениям, событиям, людям, животным, растениям и т.д., которые получают выражение в языке и с которыми человек соприкасается в своей познавательной и практической деятельности. Сегодня этнолингвисты начали трактовать стереотип как целостную «наивную теорию» объекта (предмет, явление), которая состоит не только из оценки (коннотативная, интегральная), но и из категориальных (идентифицирующих) признаков (как выглядит лицо или предмет, как действует), в соответствии с более глубоким пониманием лексического значения слова.

Представительница московской этнолингвистической школы С. М. Толстая акцентирует внимание на том, что стереотип относится как к содержательной, так и формальной стороне языка [9, с. 262]. Стереотип как когнитивная дефиниция в этнолингвистике – это совокупность суждений о предмете, реконструированных на основе всех языковых единиц [9, с. 263].

Важной и теоретически значимой является монографическая работа В. Н. Телия «Русская фразеология» (1996), в которой автор исследовала культурно-национальные особенности идиом в пределах лингвокультурной модели мира, среди составляющих которого она называет архетипы, эталоны, стереотипы. По мнению В. Н. Телия, стереотипы являются «тем звеном, которое объединяет восприятие, мышление и язык. Они составляют своеобразные константы языковой картины мира, поскольку через эти номинации в концептуальную картину мира вплетается то бытовое представление о мире, которое зафиксировано этим языком» [8, с. 46].

В этнопсихолингвистике стереотипы определяют как устойчивые, эмоциональные по своей природе психические образования, которые в упрощенной форме отражают достаточно сложный факт действительности. Это чувственно окрашенные социальные образы, объединяющие социальный и психологический опыт общения, взаимоотношений между людьми [1, с. 87].

В своих работах В. В. Красных сравнивает стереотип с основными лингвокультурными и этнопсихологическими понятиями, а именно: концепт, прецедентный феномен, культурное пространство. Исследовательница подчеркивает, что явление стереотипа сложное. По ее мнению, стереотип – это важнейшая единица культурного пространства [4, с. 230]. С позиции лингвиста (в связи с коммуникативным и, в первую очередь, вербальным поведением): стереотип – это «некоторая структура ментально-лингвального комплекса, которая формируется инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых определенной единице, и репрезентирующем концепт феномена, стоящего за данной единицей, в его [концепту] национально-культурной маркированности предсказуемости направленности ассоциативных связей (векторов ассоциаций)» [3, с. 127]. В. В. Красных понимает стереотип как некий фрагмент концептуальной картины мира, который существует в сознании. Это образ-представление, некая ментальная «картинка», некое устойчивое минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации (речь идет не о конкретном предмете или ситуации) [5, с. 9–10].

Таким образом, стереотипы – это концентрированное знание, схематизированная информация, устоявшаяся в структурах коллективного сознания, которая сформировалась в результате совместной деятельности представителей определенного этноса, сообщества, группы; зафиксированная в языке и культуре определенной нации. Благодаря научным исследованиям языковой фиксации стереотипов можно углубить представление о средствах этнической и культурной идентификации народа, его истории, отношениях с представителями других этносов.

Список литературы

1. Баронин А. С. Этнопсихология. Киев : МАУП, 2000. 116 с.
2. Квастхофф У. Социальный предрассудок и коммуникация – лингвистический анализ стереотипа // От лингвистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках «этнической ментальности» : сб. ст. / сост. А. В. Павлова. СПб. : Антология, 2013. С. 113–137.
3. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М. : Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
5. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
6. Липпманн У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
7. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. 5-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. Толстая С. М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.). Екатеринбург : Изд-во Ур. ун-та, 2009. С. 262–264.

Информация об авторе: *Гнилевская Марина Александровна*, магистрант Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Россия).

К ВОПРОСУ ОБ ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. И. КУПРИНА

Л. Б. Гурьянова

г. Пенза, Россия
lyudmila010159@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено особенностям эпистолярного наследия великого русского писателя А. И. Куприна. Рассматривается тематика писем, их композиция и языковые особенности.

Ключевые слова: эпистолярное наследие, эго-текст, частное письмо, адресат, стиль

Для цитирования: Гурьянова Л. Б. К вопросу об эпистолярном наследии А. И. Куприна // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 64–69.

При знакомстве с биографией и творчеством любого писателя особое место занимает изучение его эпистолярного наследия, которое, по мнению Ю. Кублановского, представляет «род невольной исповеди человека перед потомством» [3].

Что такое частное письмо? Это эго-текст, в котором человек пытается выразить свое отношение к происходящему. С одной стороны, когда письма посылались адресату, то никто не мог предполагать, что они станут достоянием читателей. С другой стороны, каждое такое письмо характеризует любого человека с точки зрения стиля, содержания, лексики, которую он употребляет и т.д.

Цель нашей статьи – рассмотреть эпистолярное наследие одного из представителей русской классической литературы Александра Ивановича Куприна, который родился 26 августа (7 сентября) 1870 года в Наровчате Пензенской губернии, а ушёл из жизни 25 августа 1938 года в Ленинграде. Он прошёл путь от кадрового военного до выдающегося русского писателя, произведениями которого зачитывались в России. Не приняв идеологию большевиков, после поражения Северо-Западной армии он находился в Ревеле, с декабря 1919 года – в Гельсингфорсе, где сотрудничал с газетой «Новая русская жизнь», с июля 1920 года – в Париже. В 1937 году по приглашению правительства СССР А. И. Куприн вернулся на родину.

Несмотря на то, что есть немало исследовательских работ, посвящённых его творчеству, изучение литературного наследия писателя продолжается. По мнению Ю. Дружникова, «Куприноведению, столь легко менявшему одни предвзятые позиции на такие же предвзятые другие, суждено поменяться опять, на этот раз в поисках истины» [2, с. 362].

Необходимо сказать, что многие письма писателя не сохранились или находятся случайно. Так, многое из его эпистолярного наследия впервые было опубликовано в книге «"Врут, как зелёные лошади..."». Куприн в воспоминаниях, письмах, документах», которая была издана в г. Пензе и составлена Т. А. Каймановой. Некоторые письма писателя публиковались в «Литературной газете», журнале «Новый мир», книге «Переписка А. П. Чехова» и даже в журнале «Советский цирк».

Следовательно, с письмами А. И. Куприна многим почитателям его таланта только предстоит познакомиться.

Сохранилось небольшое количество писем, адресованных родственникам.

Только одно письмо обращено к матери Любови Алексеевне Куприной, урожденной Кулунчаковой. В этом послании писатель – преданный сын, которого заботит и её здоровье, и её место проживания. Однако он не собирается помогать, по её просьбе, своему племяннику, который имеет некий литературный талант. Вот как он довольно категорично пишет об этом: «Одного я только не беру на себя – это способствовать Юрию в литературе и нянчить его. Правда: у меня твое перо, а у него мое, но писать он никогда не будет» [1, с. 38].

Уже после смерти матери он пишет родной сестре – Софье Ивановне Можаровой, которой подробно рассказывает, как растёт и развивается его дочь Ксения, в жизни которой бывают то «милые полосы, когда она вдруг на полдня, делается внимательной, любезной, нежной, остроумной собеседницей, прекрасной хозяйкой», то «чёрные дни, когда в ней просыпаются – сразу и упрямый Саша, и эгоистка Соня, и вспыльчивая Зина, и несправедливая бабушка» [1, с. 41–42].

В письме, датированном 1 декабря 1916 г., он обсуждает с сестрой установку памятника на могиле матери и сожалеет, что до сих пор не придумал надпись. «А мне хочется простую, благородную, интимно-ласковую» [1, с. 42].

Эпистолярное наследие А. И. Куприна представляют не только и столько письма родственникам, сколько письма друзьям, писателям, начинающим литераторам, чьи произведения он читал.

Особо хотелось бы выделить 19 писем А. И. Куприна к А. П. Чехову и 9 писем А. П. Чехова к А. И. Куприну. Они познакомились еще в 1901 году в Одессе. А когда А. И. Куприн приехал в Ялту, то А. П. Чехов предложил ему приходить в его дом, чтобы работать над своими произведениями.

С точки зрения тематической, чаще всего их письма связаны с художественным творчеством. Так, в письме от декабря 1901 г. А. И. Куприн высоко оценил все пьесы А. П. Чехова, однако их постановка на сцене Художественного театра ему не принесла удовлетворения. Конечно, сильное впечатление на него произвела игра актёров К. С. Станиславского, О. Л. Книппер, И. М. Москвина, а вот исполнение ролей многими другими участниками труппы не отозвалось в его сердце.

В постскриптуме к этому же письму он просит разрешения поместить посвящение А. П. Чехову на книге рассказов. Видимо, Антон Павлович как-то отреагировал на эту просьбу, так как в письме от 29 декабря 1901 года А. И. Куприн писал: «Следуя вашему совету о том, что книжка должна быть издана как можно проще, хотя – признаюсь – мне всегда была приятной мысль поставить вперед дорогое для меня литературное имя» [4]. И хотя издание книги не состоялось, мы можем судить, какую важную роль в судьбе начинающего писателя играл А. П. Чехов.

В других письмах А. И. Куприн неоднократно обращался к маститому автору за оценкой произведений: «Мне бы очень интересно было, Антон Павлович, чтобы Вы прочитали два моих рассказа: один в декабрьской книжке «Мира Божьего», а другой в январе в «Журнале для всех» [4]. По переписке можно судить, что А. И. Куприн прислушивался к его замечаниям: «То, что Вы писали мне о рассказе «На покое», – очень верно, хотя и прискорбно для меня» [4].

В письме от 7 февраля 1903 года А. П. Чехов сообщает, что в академическом «Словаре русского языка» в словарных статьях «зарокотать» и «зарябиться» в иллюстративном материале лексикографы приводят ссылки на фрагменты из произведений А. И. Куприна.

Конечно, по письмам А. И. Куприна мы можем судить, как высоко он оценивал творчество русского классика: «Такой праздник, когда Вас читаешь!» [4].

Интересен и тот факт, что А. И. Куприн состоял в переписке и был лично знаком с сестрой А. П. Чехова – Марией Павловной, педагогом, художницей, создательницей Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. Уже по обращениям писателя можно судить, как он относился к сестре А. П. Чехова: «Прелестная Мария Павловна» [1, с. 220], «Дорогая и милая Мария Павловна!» [1, с. 220], «Обожаемая!» [1, с. 220], «Царица моих мыслей!» [1, с. 222]. На неформальные отношения между А. И. Куприным и М. П. Чеховой указывают и финальные части писем. Так, в письме от 24 апреля 1906 г. Александр Иванович пишет: «Целую Ваши милые, маникюрованные ручки. Ваш слуга, хоть и оборотень А. Куприн» [1, с. 220], письмо от 11 мая 1906 г. заканчивается словами «Ваш слуга и молитвенник А. Куприн» [1, с. 221], письмо от 20 ноября 1906 г. завершается так: «Ваш душой, умом и сердцем А. Куприн» [1, с. 223].

Чаще всего в письмах они обсуждают возможность познакомить истинных почитателей таланта А. П. Чехова с письмами великого русского писателя или незавершенной повестью «Мужики».

Мы уже писали о том, что письма А. И. Куприна доходят до читателей поразному. Так, большое количество писем было обнаружено в дневниках известного русского и украинского писателя Б. А. Лазаревского, который эмигрировал в Константинополь, затем в Берлин, а скончался в Париже. Оказывается, он имел привычку пришедшие на его адрес письма вклеивать в свой дневник.

По обращениям видно, что между писателями были близкие, неформальные отношения, вряд ли случайного человека будешь именовать то Борис Александрович, то Милый Барбарис, то Борис, то Боб, то Борис Барбарисович.

Тематика писем разнообразна: это обсуждение новостей, новых литературных произведений, попытки опубликовать их в зарубежных изданиях. Так, в письме от 25–26 мая 1922 года А. И. Куприн сообщает: «Книги в Париже – все сели. Не только Боссаровские, а даже Pierre Venoit не торгует ни одним экземпляром. Когда выпустят Браслет, черт один знает» [4]. В другом письме, от 21 июня 1922 г., он сокрушается: «Моим именем пользуются, под меня [нельзя не обойти] берут деньги, а мне самому скоро предложат чьи-нибудь поношенные штаны, и ведь, чем чёрт не шутит, придется взять» [4].

Видя, как его произведения не востребованы в Париже, А. И. Куприн даёт другу совет: «Где издаваться? Попробуй в Праге. Там есть какое-то Slovensko Nacladatelstwo» [4].

Впервые в своей жизни А. И. Куприн был потрясён, что его произведение «Пегие лошади» перевели без его согласия, что, по его мнению, «гадкое, низкое, свинское свинство» [4]. В письме от 15 ноября 1922 г. он сообщает другу, что «какой-то студент-политехник Otokar Vansura просил у меня позволения перевести «Яму», но просил так, что я ему отказал» [4].

Иногда сквозь творческие вопросы прорываются бытовые подробности: «Мы живём всё там же в двух комнатах, перегруженных мебелью, тряпками, подушками, всякой рухлядью» [4]. Неустроенность жизни потрясает писателя: «Жить становится круче и гнуснее с каждым днем. Ежедневно оскорбляют жизнь и люди. А жаловаться некуда и некому...» [4].

Однако иногда А. И. Куприн вдруг забывает о своих горестях и посылает другу письма, где в стихотворной форме пытается дать ему совет не влюбляться, например, этому посвящено большое стихотворение, начинающееся словами: «Ты смешон с седыми волосами» в письме от 25 декабря 1921 г. [4]. Или не получая долго писем от Бориса, на открытке от 10 января 1922 г. А. И. Куприн вопрошает:

«Я думаю: А жив ли Лазаревский?
Зачем доселе к нам не кажет глаз?
Влюблён ли по уши сатир наш Невский?
Иль сплетню съел в недобрый час?» [4]

Можно отметить особенность писем этого периода – комбинация языков (русский наряду с французским и чешским). С одной стороны, это говорит о знании писателем нескольких языков, с другой стороны, иногда этот приём помогает скрыть информацию от других людей.

Многие письма А. И. Куприна были написаны во время его пребывания за границей.

Особое внимание следует обратить на его письма периода 1920–1927 гг., адресованные литератору В. Е. Гущику, с которым он подружился ещё в дореволюционной Гатчине. Они были впервые опубликованы в «Литературной газете».

С точки зрения композиции, письма содержат необходимые структурные элементы:

обращение (практически всегда *Дорогой Владимир Ефимович!*, иногда это дополняется словами *друг* или *дружок*);

основная часть (иногда автор выясняет, почему письма идут так долго, рассказывает о жизни);

заключение (чаще всего оно содержит этикетные формулы: *ваш сердечно, всем сердцем*);

подпись (чаще всего *А. Куприн, Ваш А. Куприн*. Однако одно письмо подписано *Байбуров*, так писатель пытался скрыть своё настоящее имя, боясь, что его письма могут перехватить).

Тематически каждое письмо – это рассказ о жизни в эмиграции. Она явно тяготит А. И. Куприна: «Мы живём тускло и, кажется, скоро положим зубы на полку» [4], «Мне живется туго. Писать негде» [4], «Ах, как клянусь себя, что, про запас, не изучил ни одного прикладного искусства, или хоть ремесла. Не кормит паршивая беллетристика» [4].

Иногда писатель выступает в качестве рецензента стихов В. Е. Гущика, которые вызывают у него противоречивые чувства: «Юмористические и бытовые стихи Вам удаются очень хорошо... В других Вы впадаете в ложный пафос» [4]. Именно поэтому он советует автору стихов больше читать русских поэтов – Тютчева, Ап. Майкова, А. Толстого, раннего Бунина и раннего Бальмонта.

Часто с В. Е. Гущиком он обсуждает судьбу своих книг, которые были востребованы в России, а за границей никому особенно не нужны: «Выпустили французские издательства три моих книги на французском языке. «Поединок», «Гранатовый браслет» и др. и «Суламифь»... Рецензий масса, писателям интересно... Редкие люди подходят к нам с пониманием красоты и правдивости наших сочинений, но уж очень редкие. Публика же упорно нас не хочет читать, а стало быть, и покупать» [4].

Почти в каждом письме содержится крик души: «Подходит трёхмесячный платеж за квартиру. Денег – фью!» [4] или «Русские все без денег, да и давно прочитали мое старье еще в России. А для французов мы – папуасская литература, курьез» [4].

Почти в каждом письме нескрываемая тоска по Родине: «Нет дня, чтобы я не вспоминал о Гатчине. Зачем уехал! Лучше голодать и холодать дома, чем жить из милости у соседа под лавкой» [4].

Ему, талантливому русскому писателю, приходится создавать кинопьесы для Америки, Франции. Он переделывает свою повесть «Суламифь» в пьесу на французском языке. Он неудовлетворен тем, что нет вдохновения. А оно вряд ли появится, ведь тоска охватывает его не только по дому, но и по языку: «Ну, что

это за... жизнь, когда ни кондуктор, ни извозчик, ни разносчик, ни швейцар, ни кабатчик, ни лакей не говорят на твоём языке. Ни пособачиться, ни отвести душу не с кем, и какая жуть без легкого, меткого, летучего, оперенного словца» [4].

Об этом же он будет писать и племяннице, и сестре. Он пытается изобразить, как по-разному все они – и кухарка Аксинья, и мать, и сам он – говорят по-французски. Если Аксинья «выпускает слова с быстротой самого улучшенного пулемета», если мать «умудряется торговаться» с мясниками, лавочниками, угольщиками и прачками, то своё владение французским языком он оценивает весьма низко, так как он изъясняется в кабачке «по-негритянски..., тыкая то себя, то хозяина в грудь пальцем» [1, с. 51]. И хотя он легко вспоминает трудные французские слова, легко читает трудные французские книги, он не умеет «думать по-французски» [1, с. 51]. Парадокс в том, что великий русский писатель практически не использует свой родной язык, что его очень тяготит: «Я бы отдал сейчас все оставшиеся мне жить часы, дни, годы и всю мою посмертную память, чёрт бы её побрал, за наслаждение хоть несколько минут послушать прежний непринужденный разговор великой язычницы Марьи, жены лесника Егора на Троицком кордоне» [1, с. 51].

А в другом письме он подробно описывает жизнь в Париже и сам город, но с горестью сообщает, что «главное горе – пропажа русского языка... Язык мой по-прежнему безукоризнен. Научился я ему в Москве. А исправил и выковал в Зарайском уезде Рязанской губернии – местечке, где говорят всего чище и ладнее в России» [1, с. 53].

Что касается языковых особенностей эпистолярия А. И. Куприна, можно отметить, что он использует всю палитру богатого русского слова. В его письмах встречаются разнообразные литературные обороты. Так, описывая свои впечатления о постановке чеховских пьес в Художественном театре, он сообщает их автору: «Паузы в последнем акте "Дяди Вани" слишком длинны: даже выдержанная и выдрессированная публика... начинает кашлять и двигаться на стульях; в «Чайке» (в первом действии), артисты без всякой нужды предоставляют публике удовольствие любоваться ракурсами их спин в сидячем, ходячем и стоячем положении...» [4]. Однако заметим, что в письмах из-за границы он позволяет использовать немало сниженной лексики. Так, характеризуя общество, в котором ему приходится вращаться, он пишет в письме в В. Е. Гущику от 3 мая 1921 г.: «Здесь уже русская бордель и школа русского предательства. А уж литературный круг – ... настоящая клоака подлости, подсиживания, эгоизма, и зависти...» [4]. Вероятно, это связано и с его эмоциональным состоянием, и с тоской по народному русскому языку.

Вряд ли можно в одной статье проанализировать всё эпистолярное наследие великого русского писателя А. И. Куприна, но наше первое обращение к этому материалу позволило нам сделать следующие выводы:

1. Далеко не все его письма подверглись лингвистическому анализу, поэтому следует рассматривать этот материал как актуальный.

2. Изучая эпистолярное наследие, можно заметить, что автор имеет представление о композиции письма как жанра, но практически каждое из них является уникальным.

3. С точки зрения тематики, каждое письмо создаёт не только представление о жизни писателя, о проблемах, которые он пытается отразить в них, но и содержит философские рассуждения о человеке, его предназначении, его поступках.

4. Мы не анализировали письма, в которых автор писал бы о России и её судьбе, но красной нитью через многие из них проходит мысль о том, что его эмиграция была ошибкой, что никому русские на Западе не нужны, а произведения русских писателей не интересны представителям других национальностей.

5. Именно за границей А. И. Куприн понял, как важен для человека родной язык, который нужно использовать в разных речевых ситуациях.

6. Эпистолярное наследие выдающегося русского писателя А. И. Куприна даёт возможность понять истинные причины его возвращения на Родину, его патристические чувства, любовь к русскому языку.

Список литературы

1. «Врут, как зелёные лошади...» Куприн в воспоминаниях, письмах, документах / сост., предисл. и науч. комм. Т. А. Каймановой. Пенза, 2020. 968 с.

2. Дружников Ю. Куприн в дёгте и патоке // Куприн А. И. Полное собрание сочинений : в 10 т. М. : Воскресенье, 2007. Т. 10.

3. Кублановский Ю. Последние годы Густава Шпета. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/4/knobos04.html (дата обращения: 13.02.2023).

4. Куприн Александр Иванович : собрание сочинений // Lib.Ru/Классика. URL: http://az.lib.ru/k/kuprin_a_i/ (дата обращения: 13.02.2023).

Информация об авторе: *Гурьянова Людмила Борисовна*, старший преподаватель кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПОЛЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЕСЕНИНА

Ю. Л. Дмитриева

г. Горловка, Россия
juls88dmtrieva@yandex.ru

Аннотация. Описаны современные подходы к определению и типологии пространства как одной из наиболее доступных для восприятия человеком категорий. Отсутствие единой дефиниционной модели обуславливает понимание пространства так же, как образа, как картины мира и модели мира. Пространство определяется как исчисляемый, моделируемый феномен, который отображается в сознании индивида рядом образов. Одним из них является образ поля, который в русской лингвокультуре трактуется как пограничный локус, который одновременно относится как к «своему», так и к «чужому». Проанализированы средства объективации образа поля в стихотворениях и маленьких поэмах С. Есенина, выделены основные когнитивные признаки образа и метафорические модели, с помощью которых он объективируется в текстах поэта. Отмечено, что образ поля в произведениях носителя русской лингвокультуры выступает как символ родного края и страны в целом.

Ключевые слова: лингвокультура, пространство, модель, когнитивный признак, образ, категория

Для цитирования: Дмитриева Ю. Л. Вербализация образа поля в пространственной модели мира произведений С. Есенина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 69–72.

Пространство в современной науке о языке не имеет единого определения. В исследованиях оно чаще всего трактуется как категория (см. работы Н. С. Болотновой, Т. В. Матвеевой, Н. А. Николиной, Л. Г. Бабенко, П. Ю. Повалко, Л. Н. Федосеевой, Т. Е. Алексеевой, А. В. Бондарко, В. Г. Гака, Е. В. Рахилиной,

Ф. И. Панкова и др.). Данная дефиниция зафиксирована и в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого. Учёные отмечают, что пространство является неотъемлемой частью культуры. В качестве отдельного предмета исследуется культурное пространство (см. труды А. Г. Букина, С. Н. Иконниковой, Г. М. Кузицына, Е. В. Орловой, М. Я. Сараф, М. Г. Трипузова, М. А. Полетаевой и др.). Кроме того, выделяются несколько типов пространства. В их числе территориальное (С. И. Некрасов), правовое (С. И. Некрасов, М. В. Жеребкин и др.), информационно-культурное (Ю. Е. Жердева, Н. И. Диска, Е. Г. Бессонов и т.д.), художественное (Т. М. Степанская, Г. Д. Базиева и др.) пространство. Описываемый феномен рассматривают и как картину мира, и как ее фрагмент. Однако все исследователи, отмечая полисемантичность лексемы *пространство*, пишут о доступности ее денотата чувственному познанию человека. Мы рассматриваем пространство как некий исчисляемый, моделируемый феномен, подлежащий типологии.

Аксиоматичен тезис о том, что модель воссоздает изучаемый объект для удобства его познания. Так, авторы коллективной монографии «Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте» указывают на необходимость пространственной модели для осмысления разного вида отношений. Ср.: «... пространственные модели осмысления действительности оказываются естественным и удобным механизмом для осмысления отношений типа “человек – человек”, “человек – общество”, “человек – мир”» [5, с. 13]. Кроме того, исследователи отмечают определенную связь между картиной мира этноса и пространственной моделью мира. Последняя, согласно Л.Г. Гынгазовой, задает структуру и границы воспринимаемого индивидом мира. Ученый рассматривает пространство то как категорию сознания человека, то как глобальный образ, т.е. единицу картины мира. При этом отмечается, что «переживаемость» человеком пространства (см. также работы В. Н. Топорова, Р. Н. Порядиной, Ю. А. Эмер и др.) обуславливает его отображение в сознании индивидуума в виде ряда образов. В их число включаем и образ поля, который ранее не был объектом исследовательского интереса в данном аспекте.

Цель статьи – выявление и описание средств вербализации образа поля в пространственной модели мира С. Есенина. Материалом изучения послужили тексты стихотворений и маленьких поэм автора, вошедшие в первый и второй тома полного собрания сочинений «последнего поэта деревни».

Образ рассматриваем как вербализованное отображение основных признаков объекта (его цвета, формы, консистенции, положения в пространстве и т.д.). Как единица лингвокультуры образ проходит несколько этапов формирования: от чувственного (информацию человек получает при непосредственном контакте с познаваемой реальностью онтологического мира) до метафорического. Кроме того, образ может выступать эталоном, а также вносить в структуру слова основную культураносную информацию [2, с. 47]. И. А. Стернин, З. Д. Попова, М. Я. Розенфельд, Е. Ю. Мягкова, Е. Г. Беляевская и др. отмечают фиксацию образа уже в словарной дефиниции слова. Так, за лексемой *поле* в языковом сознании этноса закреплено несколько значений: во-первых, «безлесая равнина» [1]; во-вторых, «обрабатываемая под посев земля, возделанный участок» [Там же]; в-третьих, «обширное природное пространство. Пространство, поверхность, используемые для каких-либо действий» [Там же]. В приведенных семемах объективированы следующие признаки: «обширность», «природное пространство, не поросшее лесом» (или культурно не ассимилированное), «пространство, которое подлежит обработке» (или культурно ассимилированное пространство). Данные

признаки выражены и в произведениях С. Есенина. Ср.: *Опять раскинулся узорно / Над белым полем багрянец* [3, с. 24]; *В поле, склоняясь к побегам, / Ходят грачи в полосе* [Там же, с. 34]; *Пошли стрельцы, запылили по полю* [4, с. 9]; *Воят в сумерки долгие, зимние, / Волки грозные с тощих полей* [Там же, с. 17] и т.д.

Отметим, что совмещение признаков «природное пространство, не поросшее лесом» и «пространство, которое подлежит обработке» позволяет дифференцировать объект в соответствии с категорией «свой – чужой». Кроме того, данные признаки также влияют на восприятие данного образа в горизонтально ориентированной пространственной модели мира: осознание ее центром (лирическим субъектом) отнесенности образа к «своему» или «чужому» регламентирует соответствующее поведение субъекта и описание реалии. Пограничность анализируемого образа отмечена и автором словарной статьи этнолингвистического словаря «Славянские древности» Т. А. Агапкиной. Ученый пишет, что поле – «в мифологии и фольклоре локус, наделяемый признаком бесконечности, безграничности и потому трактуемый как культурная периферия, граница “своего” и “чужого” миров» [6, с. 133]. Так, в произведениях С. Есенина образ поля описывается с помощью относительных прилагательных *русский, отчий*, качественного прилагательного *родной*, а также местоимений *наш, мой, твой, свой* и падежной формы личного местоимения *мы*. Ср.: *Как захожий богомолец, / Я смотрю твои поля* [3, с. 50]; *Еще молимся, братья, о вере, / Чтобы Бог нам поля оросил* [Там же, с. 62]; *Наше поле издавна знакомо / С августовской дрожью поутру* [Там же, с. 153]; *Да! Теперь решено. Без возврата / Я покинул родные поля* [Там же, с. 167]; *Но никто под окрик журавлиный / Не разлюбит отчие поля* [Там же, с. 226]; *О Родина, / Мое русское поле* [4, с. 26] и т.д. В данных примерах актуализировано отнесение образа поля к «своему» пространству, т. е. культурно ассимилированному. Соответственно, на первый план выдвинут когнитивный признак «пространство, которое подлежит обработке». Более того, в пространственной модели мира, объективированной в лирике поэта, образ поля выступает символом родного края лирического субъекта (на это указывают вербальные знаки *отчий, родной, наш, мой*), а также в целом обозначением родины (*О Родина, / Мое русское поле* [4, с. 26]).

В соответствии с горизонтально ориентированной пространственной моделью мира, зафиксированной в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (см. [6, с. 581–582]), образ поля находится за границей населенного пункта и граничит с максимально удаленным от центра локусом – образом леса. Соответственно, в восприятии лирического субъекта образ поля может быть отнесен и к «чужому» миру природы, т.е. культурно не ассимилированному пространству. «Как “свое”, культурное пространство поле входит в один ряд с домом/двором/садом/огородом, – пишет Т. А. Агапкина, – а как “чужое”, природное – синонимично и изофункционально лесу/горе/морю» [6, с. 135]. Так, в пространственной модели мира, воссоздаваемой в лирике С. Есенина, образ поля репрезентируется как культурно не ассимилированное пространство. Ср.: *Узнаю, что был снег / На полях / И поемах* [4, с. 37]; *Тебе, твоим туманам / И овцам на полях, / Несу, как сноп овсяный, / Я солнце на руках* [Там же, с. 41]; *Скачет по полю стужа* [Там же, с. 78]; *По полям бредя с кошелками, / Улыбались старики* [3, с. 49]; *Я пастух, мои палаты – / Межи зыбистых полей* [Там же, с. 52]; *Там в полях, за синей гуцей лога* [Там же, с. 68].

Когнитивный признак «природное пространство, не поросшее лесом» объективируется в текстах носителя русской лингвокультуры С. Есенина с помощью лексических средств (*пастух, овцы, межи, зыбистый, там* и т.д.). В стихотворениях и маленьких поэмах образ поля предстает как бесконечное пространство,

которое живет по своим законам и тяжело для осознания человеком. Оно может служить как для выполнения ним каких-либо поручений (например, выпас скота), так и являться своеобразной границей между локусами пространственной модели мира (метафорическая модель «поле → дорога»).

Отметим, что в произведениях поэта образ поля объективирован также метафорической моделью «человек ↔ поле». Так, образ поля наделяется чертами человека, однако и индивид объясняет сложные для понимания реалии и/или объекты с помощью отождествления с полем. Ср.: *И душа моя – поле безбрежное* [3, с. 215]; *На ладонях твоих полей* [4, с. 66].

Итак, пространство в современной лингвистике не имеет единого определения. Мы рассматриваем его как моделируемый феномен, который воспроизводится в сознании человека по ряду параметров. Являясь непосредственно данным для восприятия и взаимодействия, пространство легче всего познается и отображается в сознании индивида рядом образов, одним из которых является образ поля. В языковом сознании этноса образ поля вербализован прежде всего полисемантом *поле*, в лексическом значении которого зафиксированы основные когнитивные признаки анализируемого образа: «обширность», «природное пространство, не поросшее лесом», «пространство, которое подлежит обработке». Данные признаки объективированы и в текстах носителя русской лингвокультуры С. Есенина. Кроме того, в соответствии с традиционными для нашего народа представлениями образ поля является пограничным: он одновременно может быть отнесен и к «своему» (вербальные знаки *свой, наш, родной, отчий, русский*), и к «чужому» пространству (лексемы *там, твои* и т.д.). Кроме того, пограничность данного образа объективируется в текстах поэта как соотнесение представления о поле как о дороге, т. е. границе между локусами горизонтально ориентированной пространственной модели мира. В произведениях поэта образ поля становится символом родного для лирического героя края и страны в целом. Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейших исследований.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 22.02.2023).
2. Дмитриева Ю. Л. Образ дерева в русской лингвокультуре. Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. 176 с.
3. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. М. : Наука, 1995. Т. 1. 672 с.
4. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. М. : Наука, 1997. Т. 2. 464 с.
5. Порядина Р. Н., Гынгазова Л. Г., Эмер Ю. А. [и др.]. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / отв. ред. проф. З. И. Резанова. Томск : UFO-Plus, 2007. 384 с.
6. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2009. Т. 4. 656 с.

Информация об авторе: *Дмитриева Юлия Леонидовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков, докторант Горловского института иностранных языков (г. Горловка, Россия).

МЕТАФОРЫ В КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ЛИРИКИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

М. А. Духнова

г. Пермь, Россия
mariyafei@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются метафоры в ранней лирике Осипа Мандельштама на примере четырёх стихотворений, а именно «Ни о чем не нужно говорить» (1909), «Из омута злого и вязкого...» (1909), «Silentium» (1910), «Раковина» (1911). Анализируются их переводческие трансформации в китайском языке на примере вариантов переводов двух авторов – Ван Чжиляна и Цинлан Лиханя, сопоставляются способы перевода, их схожесть и различия.

Ключевые слова: метафора, перевод, перевод поэзии, русская поэзия, переводческие трансформации

Для цитирования: Духнова М. А. Метафоры в китайских переводах лирики О. Мандельштама // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 73–76.

Интерес к русской поэзии возник в Китае ещё в начале XX в. Начался он с опубликованного перевода стихотворения А. С. Пушкина, чьи строки нашли отклик в сердцах жителей Китая. После образования КНР всё больше русских произведений переводились на китайский язык, в том числе и поэты Серебряного века. В 1983 г. в журнале «Круг молодых поэтов» впервые публикуются четыре стихотворения Мандельштама, переведённые китайским поэтом Сюнь Хунцзюнь. И по сей день интерес к творчеству поэта не ослабевает, публикуются различные варианты переводов лирики поэта, критические статьи, в которых отмечается особый стиль Мандельштама. По предварительным подсчётам, с 1983 по 2014 г. на китайском языке издано 10 томов произведений Мандельштама, в которых содержатся почти все его стихотворения, лирика, критика и т.д., в 15 престижных журналах публикуются его произведения [5, с. 341].

Одной из сложностей, с которыми переводчик сталкивается в процессе перевода лирики Мандельштама, является особенность метафорических оборотов в его стихах. Неоднократно исследователи творчества поэта отмечали, что метафора у Мандельштама «растекается» по всему тексту, охватывает несколько строк, закольцовывается и, в конечном итоге, являет читателю цельный образ. Так, например, И. М. Семенко говорит о Мандельштаме: «Поэт, безудержно метафорический, Мандельштам обычно идёт путём разветвления и всё большего уточнения метафоры; каждый следующий ход, как правило, является реализацией все новых и новых её завитков» [3, с. 7]. Ю. Н. Тынянов так пишет о мандельштамовских стихах: «Смысловый строй у Мандельштама таков, что решающую роль приобретает для целого стихотворения один образ, один словарный ряд и незаметно окрашивает все другие, – это ключ для всей иерархии образов» [4, с. 180].

Говоря же о переводе метафор на китайский язык, стоит отметить, что переводчик должен руководствоваться не только желанием как можно точнее донести до китайского читателя оригинальный образ стихотворения, но и стремиться к тому, чтобы сила эмоционального воздействия от прочитанного была соотносима с прочтением оригинала. Конечно, русский язык и китайский различаются как

использованием грамматических структур, порядком слов, так и разным восприятием одних и тех же образов представителями двух культур. Рассмотрим отражение метафор в китайских переводах лирики раннего периода творчества поэта на примере вариантов перевода Цинлан Лиханя и Ван Чжиляна.

В стихотворениях этого периода чувствуется юношеский мучительный поиск себя в этом мире, непонимание своего места и цели бытия, окружающий мир предстает образом глобальным, но зыбким и неясным. Так, например, в стихотворении «Из омута злого и вязкого...» герой уподобляется тростинке, а мир или даже скорее хаос, что его породил, называется *омутом*: «Из омута злого и вязкого / Я вырос, тростинкой шуриа». В китайском переводе Ван Чжиляна «злой и вязкий омут» представлен как 苦难和粘涩的深潭 kǔ nán hé zhān sè de shēn tán ‘страдающий и густой пруд’, где использованы прилагательные 苦难 kǔ nán ‘страдающий’, которое часто характеризует бедствия, трудности, а также 粘涩 zhān sè ‘липкий, клейкий, густой’. Для образа омута выбрано существительное 深潭 shēn tán ‘глубокий водоем, пруд’. В варианте Цинлан Лиханя используются эпитеты 凶险 xiōng xiǎn ‘опасный, коварный’, 泥泞 ní nìng ‘грязный, склизкий’ и существительное 沼泽 zhǎo zé ‘болото, топь’. Для создания образа шуршащей тростинки оба переводчика используют звукоподражание 沙沙 shā shā ‘ш-ш-ш’, чтобы создать звуковой образ, однако Цинлан Лихань в качестве существительного выбирает слово 芦苇 lúwěi ‘тростник, камыш’, что опять же отсылает читателя к образу болота, тогда как Ван Чжилян использует 杂草 zá cǎo ‘сорняк’, имеющее явно пренебрежительную и даже негативную эмоциональную окраску.

Похожий образ, где лирический герой сравнивается с хрупким предметом материального мира, видим в стихотворении «Раковина»: «...из пучины мировой, / Как раковина без жемчужин, / Я выброшен на берег твой». Как видно, здесь хрупкость и незначительность раковины подчеркивается глобальным образом пучины мировой. Интересно, что оба переводчика сошлись в вариантах перевода, передавая этот образ как образ мировой бездны: 从宇宙的深渊 cóng yǔ zhòu de shēn yuān ‘из мировой бездны’, где 宇宙 yǔ zhòu имеет значение космическая, всеобщая, а 深渊 shēn yuān дословно переводится как очень глубокая вода. Для образа раковины без жемчужин авторы переводов выбирают примерно одинаковые лексические единицы, переводя этот образ как «без жемчуга раковина».

Образ хаоса один из ключевых образов лирики поэта. Хаос предстает глобальной равнодушной стихией, являющейся началом всего сущего. С. М. Крутий так говорит об образе стихии: «Первичная стихия окружающего мира у Мандельштама – пустота, омут как рождающее лоно, одновременно и враждебное и утешающее в своей “засасывающей” неподвижности. Первоединое соотносится у поэта с хаосом, где вещи и явления пребывают в эмбриональном состоянии, обладая изначальным единством и тождеством» [2, с. 9]. Образ хаоса также находит отражение и в стихотворении «Ни о чем не нужно говорить...», где хаос уподобляется *седьм мировой пучинам*. Цинлан Лихань переводит эту метафору как 世界灰色的大海 shì jiè huī sè de dà hǎi ‘серое море мира’, использовано прилагательное 灰色 huī sè ‘серый’, которое с одной стороны может являться цветовой характеристикой, с другой стороны является метафорой упадка, депрессии. В варианте другого переводчика этот оборот трактуется как 茫茫人海 máng máng rén hǎi ‘безбрежное людское море’, то есть переводчик не только вводит слово 人 rén ‘человек’, но и добавляет эпитет 茫茫 máng máng ‘бескрайний, безбрежный’.

Лирический герой в этом стихотворении подобен «тёмной звериной душе», что в переводе Ван Чжиляна трактуется как 灵魂如野兽般阴霾 líng hún rú yě shòu bān yīn mái ‘душа зверя, подобная мгле’, а в переводе Цинлан Лиханя как 像黑色野兽的灵魂 xiàng hēi sè yě shòu de líng hún ‘словно черная звериная душа’. Сойдясь во мнениях относительно выбора лексем 灵魂 líng hún ‘душа’ и 野兽 yě shòu ‘зверь’, переводчики используют при этом разные лексические единицы для перевода эпитета «темная». Цинлан Лихань использует слово, характеризующее в первую очередь цвет, а Ван Чжилян через сравнительный оборот уподобляет звериную душу мгле, создавая более мрачный образ.

Не менее важны звуковые образы в лирике Мандельштама. Звук пронизывает мировое пространство, является и отражением окружающего мира (шелест, шуршание), и проявлением жизни (звук дыхания). При переводе метафор, связанных со звуковыми образами, каждый переводчик пользуется разными приемами. Так, например, для перевода метафоры «*приветственным шелестом встреченный осенних коротких минут*» («Из омута злого и вязкого...») Цинлан Лихань выбирает оборот 只有短促的秋天 / 用低声的问候向我致意 zhǐ yǒu duǎn cù de qiū tiān / yòng dī shēng de wèn hòu xiàng wǒ zhì yì ‘только короткая осень / шепотом приветствует меня’. Использованная в оригинале лексема «шелест», то есть звук природного характера, становится в китайском переводе шепотом, являя отсылку к образу человеческой речи. Другой переводчик отходит от текста оригинала еще больше: 萧瑟秋风打我身边吹过 / 是短暂的秋日在把我欢迎 xiāo sè qiū fēng dǎ wǒ shēn biān chuī guò / shì duǎn zàn de qiū rì zài bǎ wǒ huān yíng ‘унылый осенний ветер обдувает меня / это короткие осенние дни приветствуют меня’. Появляется образ осеннего ветра, к тому же дополненный эпитетом «унылый», а слово «осень» повторяется несколько раз. К тому же автор вводит глагол «дуть», который отсутствует в тексте оригинала, усиливая степень взаимодействия окружающего мира с лирическим героем.

В стихотворении «Раковина» метафора «огромный колокол зыбей» также представляет для переводчиков задачу с одной стороны донести музыкальный масштабный образ огромного колокола, а с другой стороны не потерять в процессе перевода отражением мелкой зыби, чей образ является отсылкой к морской стихии, ведь зыбь представляет собой волнение на водной поверхности. Ван Чжилян переводит эту метафору как 水浪洪钟般的声响 shuǐ làng hóng zhōng bān de shēng xiǎng ‘водяной большой колокол’. Цинлан Лихань использует оборот 波涛的巨钟 bō tāo de jù zhōng ‘огромный колокол волн’, причем для образа колокола используются слова 波涛 bō tāo ‘большая волна, водяной вал’ и 巨 jù ‘гигантский, огромный’.

Звуки дыхания как проявление жизни видим в стихотворении «Из омута злого и вязкого...». Оборот «запретною жизнью дыша» представлен в переводе Цинлан Лиханя как 呼吸着被禁止的生命 hū xī zhe bèi jìn zhǐ de shēng mìng ‘дыша запретной жизнью’, тогда как в варианте Ван Чжиляна читаем 我的生存遭到别人的禁止 wǒ de shēng cún zāo dào bié rén de jìn zhǐ ‘мое существование подвергалось запретам других людей’. Отметим, что автор не использует физиологическое действие «дыша» в качестве глагола, а выбирает слово 遭到 zāo dào, имеющее смысл подвергнуться, потерпеть (например, неудачу или поражение), стать объектом

чего-то, к тому же здесь запреты – не характеристика самого бытия, а отсылка к социуму, запреты порождаются другими людьми.

Метафора, связанная с дыханием также присутствует в стихотворении «Silentium». Метафора «спокойно дышат моря груди» в переводе Ван Чжиляна звучит как 海洋的胸怀安详地呼吸 hǎi yáng de xiōng huái ān xiáng dì hū xī ‘морская грудь безмятежно дышит’. В варианте Цинлан Лиханя читаем: 大海的胸膛平静地呼吸 dà hǎi de xiōng táng píng jìng dì hū xī ‘морская грудь умиротворенно дышит’. Варианты различны как в выборе прилагательных, так и в переводе лексемы «груди». Ван Чжилян выбирает лексему 胸怀 xiōng huái, имеющую поэтический смысл душа, сердце, а Цинлан Лихань использует существительное 胸膛 xiōng táng, обозначающее грудь как часть тела человека, грудную клетку.

Не менее интересен перевод метафоры «оденешь ризою своей» из этого же стихотворения, ведь слово «риза» относится к церковнославянской лексике, обозначает белую одежда, в которую облачается после крещения новопроясненный в знак того, что крестившийся облекся во Христа, сделался чистым [1, электронный ресурс]. Ван Чжилян переводит метафору как 自己的衣裙 zì jǐ de yī qún ‘своя одежда’, где 衣裙 yī qún имеет значение нижнее платье, обычная одежда. Цинлан Лихань использует словосочетание 自己的盛装 zì jǐ de shèng zhuāng ‘свой наряд’, при этом слово 盛装 shèng zhuāng подразумевает наряд, шикарную или яркую одежду, подчеркивая торжественность момента, но ни одно из выбранных переводчиками существительных не отражает полного смысла оригинального слова и не является отсылкой к церковной лексике, соответственно имеет иную степень воздействия на иностранного читателя.

Помимо явных различий в выборе используемых лексических средств переводчики используют различные приемы для более точного воссоздания оригинальных образов, например, вводят звукоподражания. Кроме этого, Ван Чжилян зачастую меняет строки стихотворения местами, а в некоторых метафорах использует лексические единицы более сложные, глубокие, философские. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что используемые переводчиками трансформации при переводе метафор значительно различаются. Авторы переводов не только стремятся сохранить изначальные оригинальные образы лирики Мандельштама, но и сделать их понятными и близкими китайскому читателю.

Список литературы

1. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М. : Отчий дом, 2004. URL: <http://slavdict.ru> (дата обращения: 20.02.2023).
2. Крутий С. М. «Архитектурность» художественных образов в поэзии акмеистов (О. Мандельштам и А. Ахматова) : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2005. 171 с.
3. Семенко И. М. Поэтика позднего Мандельштама: от черновых редакций – к окончательному тексту. М. : Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. 144 с.
4. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. 574 с.
5. Юй Цзымэй. Восприятие русской поэзии Серебряного века в современном Китае (на примере произведений О. Э. Мандельштама) // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 6. С. 340–342.

Информация об авторе: *Духнова Мария Александровна*, ассистент кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия).

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ И РАСХОЖДЕНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СЛОВ

В. В. Епифанова

г. Москва, Россия
valentyana4@yandex.ru

Аннотация. Демонстрируются результаты сопоставительного анализа ассоциативного потенциала русских и немецких слов, являющихся эталонами положительных и отрицательных черт характера, физических действий, состояний и межличностных отношений. Перечисляются зоны пересечения потенциальных сем анализируемых слов в обоих языках, приводятся примеры их употребления, а также выявляются лакунарные потенциальные семы слов в каждом из языков.

Ключевые слова: ассоциативный потенциал слова, потенциальная сема, русский язык, немецкий язык

Для цитирования: Епифанова В. В. Пересечение и расхождение ассоциативного потенциала русских и немецких слов // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 77–79.

Ассоциативный потенциал слов представляет собой «набор характеристик, которые носители того или иного языка закрепили за определённым объектом действительного или вымышленного мира, что нашло своё отражение в языке» [1, с. 4]. Например, ассоциативный потенциал слова «лошадь» в русском языке включает следующие потенциальные семы: «склонность громко смеяться», «крупные зубы», «вытянутая форма лица», «густые жёсткие волосы», «склонность много и напряжённо работать» и т.д., что выражено в устойчивых сравнениях русского языка, фразеологизмах, метафорах, единицах вторичной номинации.

Среди причин несовпадения ассоциативного потенциала эквивалентных слов в родственных и неродственных языках выделяется, прежде всего, объективный фактор, состоящий в отсутствии той или иной реалии в конкретной лингвокультуре: ср. русск. *глупый/ простой как валенок, страшная/ злая как Баба-яга*, нем. *fluchen wie ein Bierkutscher (ругаться как развозчик пива), blind wie eine Blindschleiche (слепая как веретеница; веретеница – вид безногих ящериц, обитает в лесистой местности Европы)*. Однако присутствует и субъективный фактор, заключающийся в произвольном выборе определённых объектов действительности в качестве эталонов конкретных признаков: русск. *худой/ тощий как палка/ доска/ вобла/ скелет* и др.; нем. *dürr wie ein Hering (худой как селёдка), dürr wie eine Spindel (худой как веретено)* и др. (примеры из [2–4]).

Особым типом отношений между русскими и немецкими словами-эталонами является пересечение ассоциативного потенциала слов, заключающееся в совпадении образа для реализации одной черты, но представленного в одном из языков также для выражения других признаков. Так, например, для обозначения таких качеств, как усталость, верность и одинокая смерть в непризнании в русском и в немецком языках используется образ *собаки (ein Hund)*, что является зоной пересечения ассоциативного потенциала слова в обоих языках, однако в русском языке этот образ включает также злость (*злой как собака*) и объект плохого отношения к кому-л. (*обращаться с кем-л. как с собакой*).

Для обозначения такой черты, как болтливость, чрезмерная разговорчивость в обоих языках используется образ *сороки (eine Elster)*:

Hören Sie endlich auf! Was schwatzen Sie wie eine Elster? (Перестаньте же! Что Вы трещите как сорока?) (Film “Die Mut zur Wahrheit”) [7];

Если ты не перестанешь болтать как сорока, я тебя больше никогда и нигде с собой не возьму... [Татьяна Моспан. Подиум (2000)] [6].

Однако в немецком языке образ сороки выражает также сварливость, склочность (*zänkisch wie eine Elster – сварливая, склочная как сорока*).

Krot (ein Maulwurf) выступает эталоном плохого зрения в обоих языках, однако, помимо прочего, он выступает образцом скромной и уединенной жизни, а также беспокойной активности в немецком языке: *leben wie ein Maulwurf (жить как крот)*, *wühlen wie ein Maulwurf (рыться как крот)*:

Den einen war er zu bescheiden – Erhard wohne wie ein Maulwurf, titelten die Boulevardzeitungen –, den anderen zu modern (Для некоторых он был слишком скромным – таблоиды писали, что Эрхард жил как крот, – другие считали его слишком современным) [5].

Медведь (ein Bär) в обоих языках представлен как эталон неуклюжести, физической силы и ворчливости, в то время как в немецком языке данный образ выражает также крепкое здоровье и чувство сильного голода:

Er arbeitet seit 20 Jahren in unserem Sägewerk, war immer wie ein Bär gesund (Он работает на нашем лесопильном заводе уже 20 лет, всегда был здоров как медведь) [Film „Forsthaus Falkenau“] [7].

К другим примерам пересечения ассоциативного потенциала русских и немецких слов можно отнести следующие (совпадающие характеристики подчеркнуты): *кошка (eine Katze)* (ловкость, изворотливость + русск. жизнеспособность, осторожность, зоркость, влюбчивость + нем. коварство, прихотливость в еде), *мешок (ein Sack)* (тяжеловесность + нем. грубость, невежество), *ворон (ein Rabe)* (чёрный цвет объекта + нем. воровство, прожорливость, жадность, старость), *бочка (полнота* + нем. состояние сильного опьянения), *хомяк (ein Hamster)* (толстые щёки + нем. жадность, ненасытность), *доска (ein Brett)* (плоская фигура + нем. неподвижность, недвижимость); *белка (ein Eichhörnchen)* (проворность, живость + нем. пугливость, бодрость, хороший слух), *жаворонок (eine Lerche)* (красивый голос + нем. приподнятое настроение, весёлость) и др.

Что касается расхождения ассоциативного потенциала, то он представлен у слов-эталонов, параллельно существующих в обоих языках, но служащих для выражения совершенно разных (не обязательно противоположных) черт. Одним из таких эталонов является образ *козы/козочки*. В немецком языке *козе* приписываются чрезмерная худоба (*mager wie eine Ziege*), глупость (*dumme Ziege*), прихотливость в выборе (*wählerisch wie eine Ziege*), любопытство (*neugierig wie eine Ziege*): *Du bist ja eine neugierige Ziege! (Вот ты любопытная коза!)*. В русском языке слово включает потенциальные семы «неусидчивость, подвижность, игривость» (*коза-егоза*):

Как коза по лестнице скачешь, в восемьдесят лет [Борис Екимов. На хуторе // «Новый Мир», 2002] [6].

Неожиданными для русского языка являются потенциальные семы немецкого слова *ein Affe (обезьяна)* – «хвастовство», «чувство сильного холода», «склонность сильно потеть», «склонность много и напряжённо работать»:

Eines Tages wird es dir alles klar. Dann arbeitet man wie ein Affe (Однажды тебе станет всё понятно. Люди работают здесь как обезьяны) [7].

В группу расхождений ассоциативного потенциала слов входят также такие единицы, как *еж (ein Igel)* (русс. небритость – нем. склонность храпеть, недружелюбие), *лягушка (ein Frosch)* (русс. состояние замерзания – нем. заносчивость, чванливость), *хорек (ein Iltis)* (русс. крепкий сон, злость – нем.

неприятный запах), *корова (eine Kuh)* (русск. неуклюжесть, неповоротливость, полнота – нем. отсутствие вкуса, глупость, недоуменный вид, склонность много пить), *пила (eine Kreissage)* (русск. назойливость, чрезмерные упрёки – нем. скрипучий голос) и др.

Оба типа отношений ассоциативного потенциала русских и немецких слов (пересечение и расхождение) позволяют наглядно проследить сходства и различия в мировосприятии носителей русского и немецкого языков и, как следствие, специфику закрепления в языке различных особенностей поведения субъектов и свойств объектов.

Список литературы

1. Епифанова В. В. Ассоциативный потенциал русских и немецких слов: эталоны устойчивых сравнений : монография. М. : ФЛИНТА, 2019. 192 с.
2. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка : тематический словарь / Кубанский государственный университет. Краснодар, 1998. 272 с.
3. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический): ок. 1500 единиц. М. : Русские словари : АСТ, 2001. 800 с.
4. Walter H. Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche. Hamburg : Verlag Dr. Kovac, 2008. Т. 1. 336 S.
5. Лейпцигский корпус немецкого языка. URL: http://corpora.uni-leipzig.de/?dict=deu_ch_web_2002 (дата обращения: 20.02.2023).
6. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.01.2023).
7. DWDS-Kernkorpus (DWDS-Referenzkorpora; DWDS-Wörterbuch; DWDS-Zeitungs-korpus). URL: <http://dwds.de> (дата обращения: 24.02.2023).

Информация об авторе: *Епифанова Валентина Валерьевна*, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Россия).

ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАСТРОЕНИЯ В СЕРБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

С. А. Кабанова

г. Саранск, Россия

svetlana.kabanowa2014@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается понимание настроения в психологии и языкознании: настроение как постоянная характеристика лица связано с его эмоционально-личностной организацией, темпераментом, представляет собой его устойчивую черту. Изменение настроения может быть мотивировано факторами межличностного общения, ситуацией эмоционального напряжения и др. Рассмотренный материал показывает отражение в языке переходов от плохого настроения к хорошему, от грусти к веселью или улучшению настроения, от состояния эмоционального возбуждения к более спокойному. Подобные изменения в сербском и русском языках выражаются глагольными формами, глагольно-субстантивными сочетаниями и сочетанием прилагательного со связочным глаголом.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, настроение, эмоциональное возбуждение, умеренная эмоция, перепад настроения, глагольная форма, глагольно-именное сочетание, синтаксически несвободное сочетание

Для цитирования: Кабанова С. А. Предикативные формы со значением настроения в сербском и русском языках // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 79–84.

Настроение – один из видов эмоциональных состояний с различной степенью распространённости в человеческом сознании: так, С. Л. Рубинштейн подразумевает под настроением «разлитое *общее* состояние», частично более сложное и расплывчатое [16, с. 176]; сходной точки зрения придерживается Н. Д. Левитов, отмечая постоянную присущность настроения у человека и его замечаемость лишь в случаях его выделения в позитивную или негативную сторону [11, с. 145]; «самым длительным, или «хроническим», эмоциональным состоянием, окрашивающим все поведение» называет настроение А. Г. Маклаков [12, с. 398]: *Никад тај човек није тужио. Био је слика потпуне среће у животу* [23: 2, с. 343]. – *Никогда не унывая, он целыми днями напевал и насвистывал. Этот человек был, как видно, доволен своей жизнью* [24: 1, с. 499], – таким образом, в настроении как фоне психической жизни индивида обеспечивается «преобладание эмоций определённой модальности» [10]. Будучи устойчивой чертой или отдельной характеристикой темперамента [5, с. 227], настроение может не соотноситься с конкретным предметом или ситуацией, хотя изменение настроения в позитивную или негативную сторону всегда связано с определённым мотивом. Е. П. Ильин рассматривает настроение как «эмоциональный фон (континуум), в котором интенсивность выраженности эмоциональных переживаний может находиться в диапазоне от нуля (полного спокойствия, безразличия, т. е. отсутствия эмоционального реагирования (аффекта)). *В каждый момент времени наше настроение есть либо какая-то эмоция и её след (радость = хорошее настроение, печаль = плохое настроение), либо эмоциональный тон ощущения (мучимые жарой, мы пришли в прохладное место – настроение улучшилось) и эмоциональный тон восприятия (слушая бодрую мелодию, можно улучшить настроение), либо отсутствие и того, и другого*» [6, с. 66–67], – ср. в подобном случае трактовку настроения как «особенно яркого проявления экстенсивности чувства» [21, с. 108] Д. Н. Узнадзе: так, например, король – герой сербской сказки «Правда и кривда» очень **радуется** тому, что дочь его излечилась от проказы, и щедро награждает избавителя – наделяет половиной королевства и отдаёт дочь в жёны: *Кад су прошли дан и ноћ, девојка се очисти од губе и оздрави. Краљ се веома обрадује и даде му пола краљевства и кћер за жену* [18, с. 15].

В русистике настроение определяется как «общее эмоциональное состояние человека в течение определённого времени» [22, с. 306]: *Домой возвратились в довольно кислом настроении: опять их от настоящего дела отодвигают куда-то в сторону* [14, с. 148]; «душевное состояние» или «хорошее расположение духа», а также «расположение, склонность, желание делать что-либо, заняться чем-либо» [19: 2, с. 401], «внутреннее, душевное состояние» или «склонность делать что-нибудь» [13, с. 336]. Словарь Матицы сербской фиксирует два значения слова **расположење**: настроение определяется, во-первых, как «душевное состояние, ощущение; позиция, отношение к чему-л.», а во-вторых, как «приятное ощущение, весёлость, свежесть»: *Приповетка ... се зачела у расположењу туге. Глиг.* [15:5, с. 431]. – *Рассказ начался в печальном духе / печально (перевод наш. – С. К.)*. При слове **расположеност** даётся указание на то, что это «черта, состояние того, кто в хорошем настроении, весёлость, хорошее настроение» [15: 5, с. 431]; с подобным толкованием коррелирует следующее замечание: о человеке «не в настроении» говорят в контексте отсутствия переживания им положительных эмоций в момент речи, т. е. субъект грустит или мрачен [20, с. 647].

Рассмотрение настроения как эмоционального состояния ведёт к его квалификации как позитивного / негативного или нейтрального («нормального»), что на языковом уровне выражается в сочетаемости лексемы **настроение** с качественными именами прилагательными, характеризующими состояние положительно или отрицательно: *Принцесса была в хорошем настроении, улыбалась и что-то на ухо говорила Соне* [8, с. 17]. – ср.: *Вот теперь у меня есть пионерский галстук, я смогу стать пионером, – а настроение совсем не праздничное!* [1]; другим способом указания на изменение настроения являются сочетания слова **настроение** с глаголами, обладающими семой изменения состояния и его качества: «Настроение улучшилось, ухудшилось, изменилось», ср. **настроение** поднялось, упало, исчезло [22, с. 306].

Настроение человека может отражать оценку складывающейся ситуации: так, герой произведения М. Коршунова «Девять возвращений» выбирает подходящий для примирения с коллегой момент с учётом... финансово благоприятной ситуации в коллективе в целом: «...он отправился к Любове Егоровне мириться в тот самый день, когда она составляла ведомость на зарплату по новой тарификации и была, конечно, в прекрасном настроении» [9, с. 255].

Изменение настроения может быть продиктовано ситуацией общения, обстоятельствами, возможностью достижения или недостижения цели: так, герой повести Б. Алмазова «А и Б сидели на трубе» после бабушкиной похвалы с великим удовольствием начинает поедать котолеты: «Вот и умница, – говорит бабушка, – люблю, когда хорошо кушают!

Тут у меня настроение совсем поправилось. Уж я ел, ел... Думал, лопну» [1]. – ср. ситуацию изменения настроения с позитивного на негативное у героя повести А. Гайдара «На графских развалинах», когда даже наличие запущенного самодельного змея не компенсирует отсутствие неожиданно исчезнувшего нового друга, Дергача: «Но, несмотря на то, что змей ровно пошёл вверх и весело загудел трещоткой, распугивая звенящих жаворонков, настроение у ребят упало. Было жалко Дергача и обидно за то, что так неожиданно и нелепо ушёл он от своего счастья» [4, с. 46].

Изменение настроения – сигнал испытываемого субъектом эмоционального (дис)комфорта, что выражается в языке глагольными формами; в случаях **резкой** смены настроения мы говорим об изменении расположения духа, душевного состояния на противоположное или пограничное (ср. *был близок к истерике – негодовал*): *Взбеленлся Софрон, кровь ударила ему в голову, заревел он как разъярённый бык, схватил пятипудовый якорь <...> и запустил в непослушную дочь* [14, с. 159]. – ср.: *Неколико месеци су успели да се крију од погледа осталих дворана, али се једног дана неко од стражара излануо пред султаном да је видео неког како се ноћу шуња према девојачким одајама, на шта је овај полудео од беса и по сваку цену решио да сазна ко срамоти част његове ћерке* [17, с. 118]. Эмоциональный дискомфорт, проявляемый в течение более-менее длительного временного отрезка, может быть обозначен в тексте сочетанием соответствующего глагола и усилительных частиц: *Он всё ещё сердился на приятелей, которые нарушили уговор и взяли с собой девочек* [8, с. 82] (в поход. – С.К.).

Резкие перепады настроения характерны для ситуаций долговременного нахождения субъекта в состоянии сильного эмоционального напряжения без возможности контроля положения вещей, которое может измениться в любой момент. Рассмотренный славянский материал показывает переход от злости к радости и от грусти к веселью / улучшению настроения: *Црни узе плави коверат посматрајући га збуњено. – Писмо – шапну Марко. – Видим да је писмо – наљути се човек глумом одговору, али га већ следеће речи обрадоваше.*

– Од Наталије. Од наше Наталије [7, с. 168].

Изменение настроения с позитивного (ср. спокойного, «нормального»), на несколько более грустное выражается в сербском материале каузативным глаголом **сневеселити**, ср. рус. **испортить настроение, огорчить, расстроить**: *Био је толико уморан од Беча, да га је и несрећа Валдензерова била само сневеселила, али ни та туга није дуго трајала* [23: 2, с. 360]. – *Он до тога устал од венској жизни, што беда Валдензеров лишњ слега **испортила** ему **настроение**, да и то ненадолго* [24: 1, с. 462]. Данный глагол, выступающий при субъекте состояния с объектным значением, может характеризовать и значительное негативное воздействие (например, в случае недостижения поставленной цели), семантика которого поддерживается употреблением наречной формы со значением степени: *Оно што је Исаковича, тих дана, у Бечу, **нарочито било сневеселило**, то је био осећај да је, ето, стигао близу свога циља, али да је од њега ипак далеко* [23: 2, с. 229]. – *Больше всего огорчало Исаковича то, што он, будучи так блиско к цели, в то же время остался так далеко от неј* [24: 1, с. 361].

Значение перехода к явно негативному настроению выражается формой глагола **снуждити се**, поддержанной наречной формой со значением степени, в личной конструкции экспериенсивного типа: *То јутро, кад саоне, из штапсквартере бригадира Витковича, дођоше по Исаковиче, Павле **се беше**, мислећи на госпoжу Божич, јако **снуждио*** [23: 3, с. 247]. – *К тому времени, когда сани из штабквартиры бригадира Витковича прибыли за Исаковичами, Павел, раздумывая о гже Божич, **расстроился** не на шутку* [24: 2, с. 257].

В русском материале изменение настроения от несколько возбуждённого к совершенно подавленному (сильная степень огорчения) выражается глаголом **расстроиться** (например, в контексте, связанном с неоправдавшимися надеждами): *Стали звонити в ненавистное Перелыгино, попали не в ту дачу, к Лавровичу, узнали, што Лаврович уишл на реку, и совершенно от этого **расстроились*** [2, с. 69]. – *Узеше да телефонирају у омрзнуто Перелигино, али су добили везу са погрешном вилом, са Лавровичем, сазнали су да је Лаврович отишао на реку и, када су то чули, потпуно су **сe онерасположили*** [3, с. 71–72].

Изменение настроения с грустного на весёлое или более весёлое по сравнению с предшествующим выражается глаголами **развеселити се**, ср. рус. **развеселиться**, коррелирующими с глаголами-каузаторами **развеселити** / ср. рус. **развеселить**, причём в переводе на русский язык налицо как формы глагола-характеризатора настроения, так и близкого ему по смыслу синтаксически несвободного сочетания, а также группа сказуемого с облигаторным распространителем: *Као да су се били заверили, да га **развеселе**, у кући Витковича му је, неколико офицера рекло да предстоји посета царице у Кијеву, па ће моћи да дође и до његове аудијенције* [23:3, с. 432]. – *Словно сговорившись **привести его в хорошее настроение**, несколько офицеров, которых он встречал в доме Витковича, сказали ему, што предстоит посещение Киева Елисаветой Петровной и он, вероятно, получит аудиенцию* [24:2, с. 398]. – ср.: *Идуће вече, чинило се, да **ће се** породични круг, Исаковича, у Темишвару, **развеселити** и бити срдачан, као што је некад био* [23:2, с. 373]. – *Но в этот вечер казалось, всё семейство Исаковичей **проведёт вечер весело и сердечно, как в былые времена*** [24:2, с.11].

Изменение настроения с грустного / подавленного / безразличного на более весёлое характеризуется глаголами серб. **живахнути, оживети, ожити**, рус. **оживать, ожить, оживиться**. В подобных случаях выражается переносно значение ощущения прилива бодрости, жизненных сил, выхода из вялого, апатичного, подавленного состояния [19:2, с. 601]: *Нити Бајевич знао шта је то ритмајстор, нити ко је Подгоричанин, али, кад се чу, то, име, зачас се створи граја и све **ожив***

ве [23: 2, с. 304]. – *Баевич не знал, что такое ротмистр и кто такой Подгоричанин, но толпа, услышав это имя, зашумела и оживилась* [24: 1, с. 419]. – ср. *Била је исто тако лепа као пре, имала и свој, чудни, осмех, али је била постала бледа и ћутљива и оживела би тек кад би засијало Сунце, и почела врева по кући* [23: 3, с. 108]. – *Варвара по-прежњему била хороша, и улыбка её оставалась такой же чарующей, только теперь она больше молчала и оживала лишь, когда светило солнце и в доме поднималась дневная суета* [24: 2, с. 153]. – ср. в конкретном случае эмоциональную реакцию долгое время голодавших детей на неожиданное появление еды: *Витька отдал мальчишкам провизию. Они сразу оживились, глаза загорелись* [8, с. 165].

Глагол **живахнути** в переводе на русский язык выражает семантический оттенок данного значения: *Кад почеше да се возе у те посете, госпожа Кумрија живахну и насмеја се. Није било тешко, Павлу, да примети да је нарочито весела у кући своје другарице из детињства, жене капетана Перича, који је био премештен, из полковаје штапсквартере, у Осек* [23: 2, с. 430]. – *Когда они начали выезжать, Кумрия ожила и повеселела. Павлу нетрудно было убедиться, что с особой радостью она бывает в доме своей подруги детства, жены капитана Перича, переведённого в то время из полковой штаб-квартиры в Осек* [24: 2, с. 53]. Основными факторами, способствующими возникновению данного состояния, являются, на наш взгляд, смена привычной обстановки, связанная с возможностью изменения круга общения, и не прямое влияние окружающих, заставляющее субъект выйти из состояния безучастного созерцания.

Изменение настроения, характеризуемое глаголами серб. **уозбиљити се**, рус. **посерьёзнетъ**, связано с переходом от более весёлого расположения духа, при котором ранее сказанное может быть воспринято партнёром говорящего как шутка, к более настраивающему на размышление, требующему сосредоточения на услышанном для дальнейшего достижения говорящим коммуникативной цели: так, один из героев произведения М. Црнянского «Сеобе» («Переселение») спрашивает у своего партнёра, почему последнему не нравится в Австрии, и настроение спросившего становится иным после услышанного: *У овом царству хришићанства, нема хришићанства, него је све лаж, лицемерје, насиље, неправда. Волков га је посматрао уозбиљивши се* [23: 2, с. 270]. – *А в Австрии, этом христианнейшем царстве, где на поверку нет христианства, царят только ложь, лицемерие, насилie да несправедливость.*

Волков, глядя на него, стал серьёзен [24: 1, с. 393].

Изменение настроения может быть сигналом того, что субъект не равнодушен к попыткам третьего лица (наблюдателя) в силу личной симпатии изменить существующее положение вещей или чьё-либо отношение к субъекту в пользу последнего. Тогда отношение может проявляться в изменении как поведения, так и настроения хотя бы одного из действующих лиц: *Да је Павле могао да прочита писмо, које је Трифуну Варвара послала, био би се још више збунио, јер је сирота Шокица покушава да одобровољи Трифуна дирљивим речима и сузама* [23: 3, с. 167]. – *А прочитај Павел написанное Варварой писмо, он взволновался бы ещё больше, потому что бедная Шокица пыталась умиротворить Трифуна трогательными, слёзными речами* [24: 2, с. 198].

Сказанное выше приводит к следующим выводам: настроение как эмоциональный фон связано с темпераментом человека, его способностью определённым образом реагировать на происходящее в силу эмоционально-личностных особенностей; степень его изменения связана с особенностями психики лица. На языковом уровне в обоих языках изменение настроения характеризуется глаголами, связанными семантическими оппозициями «грустный – весёлый», «спокойный –

взволнованный», «серьёзный – несерьёзный», причём в последнем случае речь идёт об изменении отношения к воспринимаемому. Семантика испытываемого состояния обычно выражается глаголом эмоционального состояния, сочетанием связочного глагола с предложно-падежной формой слова **настроение** (возможно с обязательным распространителем) или с именем прилагательным со значением эмоционального состояния.

Список литературы

1. Алмазов Б. А. А и Б сидели на трубе. URL: https://royallib.com/book/almazov_boris/a_i_b_sideli_na_trube.html (дата обращения: 10.02.2022).
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М. : Худож. лит., 1988. 399 с.
3. Булгаков М. Мајстор и Маргарита / прев. М. Чолић. Нови Београд : Бок – Марсо, 2003. 495 с.
4. Гайдар А. П. На графских развалинах. Мурманск : Мурманское книжное изд-во, 1978. 64 с.
5. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. 1998. URL: <https://vshp.pro/wp-content/uploads/2020/03/Golovin-S.-YU.-Slovar-prakticheskogo-psihologa.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).
6. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб. : Питер, 2011. 783 с.
7. Ковачевић Д. Била једном једна земља. Београд, 1998. 337 с.
8. Козлов В. Ф. Витька с Чапаевской улицы. СПб. ; М. : Речь, 2017. 352 с.
9. Коршунов М. П. Избранное. М. : Дет. лит., 1974. 544 с.
10. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского. М. : Политическая литература, 1985. URL : <http://med.niv.ru/doc/dictionary/shortpsychology/fc/slovar-205.htm#zag-525> (дата обращения: 18.01.2023).
11. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М. : Просвещение, 1964. 344 с.
12. Маклаков А. Г. Общая психология. URL: https://www.koob.ru/maklakov_a/obshaya_psihologiya_maklakov (дата обращения: 01.03.2022).
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. докт. филол. н. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1984. 797 с.
14. Поливин Н. Г. Корабельная сторона. М. : Моск. рабочий, 1976. 416 с.
15. Речник српскохрватскога књижевног језика : у 6 д. Нови Сад, Загреб : Матица српска. Матица хрватска, 1973. Књ. 5. 1040 с.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2019. 713 с.
17. Сербские народные сказки. М. : Изд-во ВКН, 2016. 256 с.
18. Сербские рассказы и сказки: Тексты для комментированного чтения с упражнениями. СПб. : КАРО, 2014. 160 с.
19. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981–1984.
20. Толковый словарь русского языка: ок. 7000 словар. ст. / под ред. Д. В. Дмитриева. М. : АСТ, 2003. 1582 с. URL: https://fileskachat.com/file/42709_d0769b48ac25dd5cb979f80ff7cee93d.html (дата обращения: 18.01.2023).
21. Узнадзе Д. Н. Общая психология / под ред. И. В. Имедадзе. М. : Смысл ; СПб. : Питер, 2004. 413 с.
22. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2500 словар. ст. / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. М. : Рус. яз., 1978. 688 с.
23. Црњански М. Сеобе : у 3 књ. Београд : Нолит, 1978. Књ.1. 252 с.; Књ. 2. 464 с.; Књ. 3. 487 с.
24. Црњанский М. Переселение : в 2 т. / пер. с сербохорв. И. Дорбы. М. : Худож. лит., 1989. Т. 1. 479 с.; Т. 2. 444 с.

Информация об авторе: *Кабанова Светлана Александровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия).

СОХРАНЕНИЕ СУНДАНСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ НАЗВАНИЯ БАТИКА ЗАПАДНОЙ ЯВЫ

Н. Картика¹, Магдалена Суси²
N. Kartika¹, Machdalena Susi²

^{1, 2} г. Бандунг, Индонезия

¹ n.kartika@unpad.ac.id

² machdalena@unpad.ac.id

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования одного из языков современной Индонезии – сунданского языка, а также названия произведений традиционного культурного феномена Индонезии – батика. Метод исследования – описательный. Цель исследования – составить систематическое, фактическое и точное описание данных, свойств и отношений изучаемых феноменов. Материалы, использованные в этом исследовании, – названия мотивов батика на сунданском языке. Данные были получены через наблюдение, изучение литературы и интервью. Результаты этого исследования показывают, что разнообразные мотивы батика и названия на сунданском языке помогают сохранить язык. Богатство мотивов и названий батика отражает богатство местной культуры.

Ключевые слова: сунданский язык, культура, батик, наименование

Для цитирования: Картика Н., Суси Магдалена. Сохранение сунданского языка и культуры через названия батика западной Явы // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 85–88.

Индонезия – крупнейший архипелаг, который обладает множеством языков и культур. В Индонезии насчитывается 718 региональных языков (2019). Это богатство нужно защищать, сохранять, чтобы оно не исчезло.

Почти каждая национальность в Индонезии испытывает симптомы исчезновения местных языков. Забота о местных языках должна быть стимулирована не только носителями местных языков, исследователями, преподавателями, работающими в этой области, но также должно быть внимание со стороны правительства и каждого гражданина, который должен помогать сохранять свой региональный язык.

Важной задачей является сохранение культурных ценностей, включая этику и нравственность, которые хранятся в различных формах языка (словарный состав, литература, мифы, легенды, устные традиции). Это означает, что язык является хранителем культуры. Можно сказать, что если один региональный язык исчезнет, то пропадёт всё, что было написано на этом языке.

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, язык – зеркало культуры, в нём отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [4, с. 14].

Язык – сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в художественной и научной литературе, в различных формах письменной и устной речи.

Язык – передатчик, носитель культуры, он передаёт сокровища национальной культуры, хранящейся в нём и передающейся из поколения в поколение. Овладевая родным языком, дети усваивают вместе с ним и обобщённый культурный опыт предшествующих поколений.

Язык – орудие, инструмент культуры. Он формирует личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира, менталитет, отношение к людям и т.п., т.е. через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения.

Существует несколько стратегий, которые можно использовать для предотвращения потери языка или его упадка:

Обучение языку. Предоставление возможностей для обучения языку (языковые курсы или программы погружения), что может помочь поощрять использование и передачу языка.

Оживление языка. Усилия по оживлению языка могут включать разработку языковых материалов и ресурсов (словари, грамматики и материалы для изучения языка, а также усилия по увеличению использования языка в повседневной жизни и в культурных мероприятиях).

Документирование языка. Документирование языка включает сбор, сохранение и анализ лингвистических данных и культурных знаний, связанных с языком. Это может помочь увеличить понимание языка и его культурного контекста, а также обеспечить основу для усилий по оживлению языка.

Мультиязычие и языковое разнообразие. Поощрение мультиязычия и языкового разнообразия может включать инициативы и политику, поддерживающую использование и передачу языков меньшинств, а также признание ценности языкового разнообразия для сообществ и обществ. Это может включать меры, такие как признание языков меньшинств в образовании и СМИ, а также предоставление языковых поддерживающих услуг.

Оживление культуры. В некоторых случаях снижение языковых навыков может быть связано с понижением культурных практик и традиций. В этих случаях усилия по оживлению культурных практик и традиций также могут помочь поддержать оживление языка.

Следует отметить, что усилия по оживлению и поддержанию языка могут быть сложными и требовать участия и поддержки сообществ, а также разработки соответствующих ресурсов и инфраструктуры. Кроме того, можно предпринять следующие шаги:

1. **Использование сунданского языка в повседневной жизни.** Использование сунданского языка в повседневной жизни может помочь сохранить этот язык.

2. **Повышение осведомленности общества о важности сунданского языка.** Осведомленность общества о важности сунданского языка может быть повышена через проведение мероприятий, связанных с сунданской культурой (художественные выступления, семинары и мастер-классы).

3. **Обучение сунданскому языку представителей молодого поколения.** Обучение сунданскому языку молодого поколения может помочь сохранить этот язык. Это можно сделать, проводя курсы сунданского языка и преподавая сунданский язык в школах.

4. **Создание книг и СМИ на сунданском языке.** Создание книг и СМИ на сунданском языке может помочь укрепить функционирование этого языка.

Первые шаги по сохранению региональных языков в Индонезии были сделаны правительством Индонезии, языковыми организациями и исследователями,

как уже упоминалось выше. Часть мероприятий связана с наименованиями видов батика, использующих региональный язык.

Батик – это искусство рисунка на ткани для одежды, которое является одной из древнейших культурных традиций королевских семей Индонезии. Изначально батик выполнялся только внутри дворца для одежды короля, его семьи и окружения. До сих пор есть определённые мотивы батика, которые запрещены для использования обществом, но предназначены только для королевской семьи. Позже батик стал популярной одеждой для мужчин и женщин.

Традиционное искусство батика является культурным выражением индивидуального и коллективного творчества, возникшего из кристаллизации человеческого опыта, формирующего идентичность личности. Батик, как один из видов текстиля, не может быть отделён от выражения культуры определенного общества, поддерживающего его. Он вырос и развился на земле Нусантара как проявление культурного богатства местных мастеров батика.

В начале своего существования мотивы батика были созданы из символов с традиционным явным значением, связанных с культурой Явы, ислама, индуизма и буддизма. В своём развитии батик был обогащён культурными элементами других культур (Китай и современная Европа). Сегодня батик развился в текстильный продукт с разнообразными узорами, соответствующими развитию и спросу рынка. Батик стал национальной одеждой Индонезии. В начале своего существования батик часто носился на официальных мероприятиях вместо костюма. Однако в своём развитии батик также стал школьной и государственной одеждой. Сейчас батик стал повседневной одеждой, которую можно носить людям любого возраста на любые мероприятия.

Названия мотивов батика даны на региональных языках Западной Явы. Центры ремёсел батика в каждом городе создают оригинальные мотивы, и эти мотивы называются на местном языке. Названия мотивов батика Западной Явы являются своеобразным способом сохранения культуры с помощью языка.

А. Город Сумеданг.

Сумеданг – один из городов-производителей батика. Хотя Сумеданг-батик долгое время не разрабатывался, у него много поклонников. Названия батика Сумеданг – это Daun Boled, Kuda Renggong, Mahkota Binokasih, motif Lingga, motif Nanjuang, motif Klowongan motif Tahu, motif Pintu Srimangganti и т.д. Мотивы батика Сумеданга тесно связаны с сунданским языком и историей Сумеданга, а также с кухней, характерной для этого города.

Б. Город Гарут.

Другим городом, производящим батик на Западной Яве, является город Гарут. Названия мотивов Гарут-батик – это мотивы Adumanis, Angkin, Kendi, bilik, Buku Awi, Bulu Hayam, Lancah, Kurung Hayam, Tanjungan Anom, Leraan Kupu Rereng Kangkung, rereng Kecubung, Limar, Rereng Sapatu, Mojang Priangan, Kopi Tutung Sidomukti Papatong, Rereng Sulinga, Tiga Dara.

В. Город Индрамаю.

Город Индрамаю расположен на берегу Яванского моря. Поэтому название мотивов батика очень близко к его географическому положению. Морская жизнь очень близка жителям Индрамаю, она характерна для мотивов батика Индрамаю. Слово *ивак* происходит из яванского языка и означает «рыба», а *этонг* – название рыбы, производимой Индрамаю. Названия мотива батика Индрамаю: мотивы Banji Kunci Polos, Bokon semar, Burung Cendrawasih, Puyong, Ganggeng Mina, Ganggeng Urang Ayu, Kembang Asem, Manuk Bengkok, Iwak Patek, Kembang

Karang, Kembang Srengenge, Kliwad, Lasem Urang, Sawat Riwog, Lokcan 2, Obar Abir, Parang Dermayon, Parang Teja, Pentil Kwista, Pinyuraja, Rajeg Wesi, Sejuring Tumpal, Srintil, Teluki, Tiga Nefgeri и т.д.

Г. Город Куниган.

Город Куниган назван в честь мотивов батика Adumanis, Ganggeng Senggan, Geger Sunten, Mayang Senggara Hitam, Mayang Senggara Merah, Rereng Pwah Aci, Oyod Mingmang, Oyod Mingmang Merah, Rereng Kujang.

Д. Город Тасикмалая.

Названия мотивов батика из города Тасикмалая – это мотив Akar, Antanan, Balingbing, Guci Latar Batu, Lancah Tasik, Awi Ngarambat, Rereng daun Peuteuy Papangkah, Tsunami Udey, Metak, Cala Calu, Gunung Sawat Ungu, Rereng Orlet, Rereng Sintung, Manuk Rereng Peuteuy Selong, Manuk Latar Sisik, Rereng, Merak Latar Haremis, Merak Ngibing, Parang, Seling Adu Manis Papangkah, Sidomukti Payung, Sisit Naga.

Е. Город Чиребон.

Названия мотивов батика из города Чиребона – это мотив Taman Kijang, Patran Keris, Patran Kangkung, Taman Arum Sunyaragi, Wadatan MAntingan, Gajah Payung, Buket Teratai, Lengko-lengko Bouroq, Sekar Pisang, Mega Mendung, Gunung Jati, Taman Terate, Ayam Alas, Wayang KaturaKapal Kandas, Antares, Ceritera Panji, Gapura Gewor, Kembang Alas, Lung Kembangan Kesunanan, Naga Seba, Rajeg Wesi, Paksi Naga Liman.

Наименования батика очень многочисленны. Узоры батика, описанные выше, являются лишь маленьким примером того, как традиционная культура может способствовать сохранению и развитию языка. Наименования узоров батика используют слова местного языка. Таким образом, названия узоров батика из всех регионов обогащают языки Индонезии и играют большую роль в сохранении культуры каждого региона страны.

Список литературы

1. Ken A., Komarudin K., Yusuf H. [et al.]. Buku Batik Jawa Barat III. Bandung : Yayasan Batik Jawa Barat Simboliknya, 2013.
2. Djajasudarma F. Upaya Pemertahanan Bahasa-Budaya Sunda Di Tengah Pengaruh Globalisasi // Jurnal Pengabdian Kepada Masyarakat. 2018. Vol. 2, № 2. URL: <https://jurnal.unpad.ac.id/pkm/article/view/20408> (дата обращения: 20.02.2023).
3. Sofyan O. Budaya Sunda: Dari Masa ke Masa. Bandung : Universitas Padjadjaran, 2017.
4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000.
5. Widiyanto E. Pemertahanan Bahasa Daerah Melalui Pembelajaran Dan Kegiatan Di Sekolah // Jurnal Kredo. 2018. Vol. 1, № 2. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/2096-7097-1-PB.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).

Информация об авторах: *Картика Н.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Университета Паджаджарана (г. Бандунг, Индонезия); *Суси Магдалена*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Университета Паджаджарана (г. Бандунг, Индонезия).

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЕОНОМИНАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА

В. В. Катермина

г. Краснодар, Россия
veronika.katermina@yandex.ru

Аннотация. Профессиональная модель современного англоязычного общества в зеркале неологизмов предстаёт как достаточно сложная, своеобразная и неоднозначная схема восприятия человеком физического и социального мира. Распределение новых лексических единиц в различных концептуальных областях англоязычной культуры происходит с учётом ценностных приоритетов современного англоязычного общества и является результатом взаимодействия языковой и культурной картин мира. Особенности взаимодействия языка, культуры и социума обуславливают распределение неологизмов по различным понятийным сферам. Доминирование определённой сферы является показателем её значимости для лексикона и аксиологической ценности для соответствующего социума. Рассматриваются профессиональные номинации в англоязычном дискурсе на материале электронных лексикографических источников. Исследованы новые тенденции употребления анализируемых единиц в профессиональном пространстве англоязычного дискурса.

Ключевые слова: неологизм, профессиональная неониминация, англоязычный дискурс, эвфемия, тенденция, язык, культура, общество

Для цитирования: Катермина В. В. Новые тенденции в профессиональной неониминации англоязычного дискурса // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 89–92.

Новые слова «приходят в язык постоянно, на всех этапах его существования; это явление закономерное и исторически обусловленное. В периоды социальной стабильности процессы языкового развития протекают размеренно и постепенно, а языковые изменения затрагивают отдельные участки системы. В пору социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются; создается впечатление хаоса и нестабильности. В соответствии с особенностями ситуации в обществе изменяются психологические установки масс, их языковой вкус и чутье языка» [цит. по: 3, с. 448].

Появление в языке новых номинативных единиц – «обязательный спутник нового в области культуры общества, будь то материальное производство, духовная или общественная жизнь, экономическая сфера, взаимоотношения между людьми разных социальных групп и профессий и между государствами» [цит. по: 3, с. 448].

Неологизмы – «лексические единицы, новые не только по форме или содержанию в некоторый фиксированный момент времени, но и имеющие новую социокультурную референцию и функционирующие в востребованных данным социумом понятийных сферах» [5, с. 6].

Отправной точкой процесса лексической инновации является практика, поскольку «на лексико-номинативную деятельность оказывают влияние культурно-исторические и социально-политические условия жизни и деятельности языкового сообщества. Учитывая тот факт, что большинство номинативных стимулов составляют социальная, политическая, научно-техническая, культурная сферы дея-

тельности человека, на современном этапе развития науки о языке все очевиднее становится необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии. Целесообразность подобного подхода становится еще более очевидной в связи с глобализацией культуры, которая понимается как ускорение интеграции наций в мировую систему, что сопровождается глобальной информатизацией мирового сообщества» [1, с. 3].

Профессиональная модель современного англоязычного общества в зеркале неологизмов предстает как достаточно сложная, своеобразная и неоднозначная схема восприятия человеком физического и социального мира.

Новые наименования лиц по профессии, специальности, роду занятий перспективны и для изучения с позиций концептуальной лингвистики, так как «вербально представляют ценностные предпочтения социума в определенный исторический период» [2, с. 18].

Материалом исследования послужили электронные лексикографические источники [6, 7].

Одной из важных тенденций в англоязычном неологическом дискурсе можно отметить наличие лексем в названии профессий, направленных на повышение социальной значимости представителя той или иной профессии: *head-trepreneur – headteacher who looks for and develops opportunities to raise money to provide funds for their school; hortpreneur – a professional gardener who earns money through activities such as advertising a company's products, appearing on TV, attending events etc.; chief heat officer – someone who has overall responsibility for dealing with the rising temperatures in a city caused by climate change; vibe manager – someone whose job is to create a good atmosphere in the workplace; director of first impressions – someone who works in an office or hotel and whose job is to welcome and help visitors.*

Лексемы *entrepreneur, officer, manager, director* придают повышенную статусность людям, занимающим данные должности.

Многочисленные примеры данного типа позволяют говорить о неугасающей тенденции идеи политкорректности. Эвфемия как «адаптивная стратегия “включается” тогда, когда изменить сам мир говорящему не представляется возможным по разным причинам и нужно видоизменять свое представление (или чужое) о нем и отношение к нему. Явление эвфемии – неотъемлемая часть языкового поведения, тесно связанная с понятиями нормы и оценки. Любая значимая сфера жизнедеятельности социума имеет свою шкалу престижных оценок, которая регулирует поведение и детерминирует важнейшие социальные процессы. Значимость системы “имиджей”, иерархия престижности, социальный статус человека в обществе, его социальные приоритеты и др. привели к появлению эвфемистических по своему содержанию названий для профессий. Не в последнюю очередь это обусловлено стремлением преодолеть социальное неравенство, связанное с разделением труда, а значит, с разделением людей, занимающихся умственным или физическим трудом, квалифицированным или неквалифицированным, занимающихся управлением или исполнительским трудом, творческим или монотонным» [4, с. 96–97].

Ещё одной тенденцией можно обозначить неониминацию «необычных» профессий в англоязычном дискурсе: *book doula – a person whose job is to help a would-be author get their book published and to offer advice and support throughout the process; cat cuddler – someone whose job is to take care of cats at an animal rescue centre or veterinary clinic by grooming them and playing with them; luxury detective – someone whose job is to find rare and very expensive handbags, watches, jewellery etc. for other people to buy; denim archaeologist – someone whose job is to find and study*

old items of clothing made from denim; break-up concierge – a person or company whose job is to help someone after their relationship has ended, such as by finding new accommodation for them. Данные профессии помогают увидеть изменения, происходящие в современном англоязычном обществе.

Экономические и социальные проблемы находят своё выражение в языке, в том числе и в номинации профессий. Не случайно, поэтому, появление единиц, обозначающих людей, чья деятельность связана с решением проблемы окружающей среды: *tidewater architect – someone whose job is to plan and design parts of a town or city in way that protects them from rising tides as a result of climate change; chief heat officer – someone who has overall responsibility for dealing with the rising temperatures in a city caused by climate change.*

Проблемы, связанные с психологическими трудностями, вызванными последствиями пандемии и экономическим кризисом, решаются при помощи людей, чьи профессии номинируются как *happiness economist – someone whose job is to study the links between a country's wealth and the happiness of its people; Chief Happiness Officer – someone whose job is to ensure that employees of a particular company are happy and fulfilled; funsultant – someone who advises employees on how to make the company a more fun place to work; bibliotherapist – a therapist who uses books to facilitate better mental health; homework therapist – someone whose job is to help students with their schoolwork and exams and to help them deal with issues such as stress and anxiety; joy strategist – someone whose job is to help people to be happier.*

Очень важным, с нашей точки зрения, является неониминация *parastronaut – a person with a physical disability who has been trained to travel in space.* Появление данной единицы показывает тенденцию в англоязычном обществе вовлечения людей вне зависимости от ограничений во все виды профессиональной деятельности.

Также выделим несколько единиц, обозначающих профессию «няни»: *procrastination nanny – a person whose job is to encourage you to do tasks that you have been putting off; disco nanny – someone whose job is to look after a family's children overnight during a holiday, while the parents go out to parties and nightclubs; air nanny – a woman whose job is to take care of a particular family's children during a flight.*

Отметим, что номинация данной профессии приобретает дополнительные коннотации. Няня – это не только человек, в чьи обязанности входит смотреть за детьми, пока родители дома (*disco nanny, air nanny*). Няня – это и человек, чья работа состоит в том, чтобы побуждать выполнять задачи, которые вы откладывали (*procrastination nanny*).

Отдельно следует сказать о группе профессиональных номинаций, связанных с общим уровнем профессионализма и требованиями общества: *workie – someone doing unpaid work experience; neo-generalist – an employee who has both general and specialist skills; microworker – someone whose job is to carry out a number of small but important tasks online that need human input and cannot be done by a computer; new collar worker – a new collar worker does a well-paid and challenging job that does not need a university degree.*

Итак, распределение новых лексических единиц в различных концептуальных областях англоязычной культуры происходит с учетом ценностных приоритетов современного англоязычного общества и является результатом взаимодействия языковой и культурной картин мира. Особенности взаимодействия языка, культуры и социума обуславливают распределение неологизмов по различным понятийным сферам. Доминирование определенной сферы является показателем её значимости для лексикона и аксиологической ценности для соответствующего социума.

Список литературы

1. Гуральник Т. А. Лингвистические маркеры социокультурного пространства в сфере неонимации (на материале американского варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 20 с.
2. Исаева Н. В. Новые наименования лиц на рынке труда (структурно-семантический и функциональный аспекты) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.
3. Катермина В. В., Шершнева Н. Б. Профессиональные неонимации в англоязычном дискурсе // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15, № 4. С. 447–453.
4. Кокова М. М. Наименование профессий в свете политкорректности (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 3 ч. 2015. № 8 (50) Ч. 1. С. 96–101.
5. Рец И. В. Лингвокультурологические и эколлингвистические аспекты неонимации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 24 с.
6. Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 20.02.2023).
7. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 20.02.2023).

Информация об авторе: Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия).

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕСТОИМЕНЕЙ *ТЫ*, *ВЫ*

Д. С. Катрецкая

г. Луганск, Россия
katretskaya.darya@mail.ru

Аннотация. Рассматривается русская национальная специфика функционирования местоименных форм *ты*, *вы*. Описаны условия, влияющие на выбор форм местоимений второго лица единственного числа. Проведена сравнительная характеристика номинаций, которые сопровождают *ты*-, *вы*-обращения. Изучены функции указанных местоимений и факторы, влияющие на употребление личных местоимений *ты*, *вы* в коммуникативной культуре.

Ключевые слова: этикет, местоимения *ты*, *вы*, деловая коммуникация

Для цитирования: Катрецкая Д. С. Русская национальная специфика местоимений *ты*, *вы* // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 92–95.

Речевой этикет имеет национальную специфику. Каждый народ создал свою систему правил речевого поведения. Личные местоимения неоднократно становились предметом лингвистического исследования в различных аспектах. Они рассматриваются как одно из основных средств «ролевого» дискурса, поскольку используются для указания на участников коммуникативного акта – говорящего и адресата.

У разных народов сложились свои традиции, свои этические нормы, особенности именования. В английском языке существует единственная форма

обращения – «you». В испанском и португальском языках, наоборот, насчитывается четыре формы именованья, в румынском языке – три. Во многих языках, как и в русском, используются два местоимения-обращения: вежливое «вы» и дружеское, непринуждённое «ты» [3, с. 56].

Особенностью русского языка является наличие в нем двух местоимений – *ты* и *вы*, которые могут восприниматься как формы второго лица единственного числа. Выбор той или иной формы зависит от социального положения собеседников, характера их отношений, от официальной / неофициальной обстановки.

Личные местоимения является отдельным и весьма своеобразным классом слов, «средством индивидуализации» [4, с. 55], «наиболее разноплановой за семантикой, грамматическими признаками и синтаксическими функциями частью языка» [4, с. 68]. В русском языке личные местоимения второго лица единственного числа представлены формами «ты» и «вы», которые различаются значением и спецификой функционирования.

Использование ты / Вы-форм как указателей адресата, с учётом ситуативных и социальных условий интеграции, относится к глобальным правилам речевого поведения и общения в целом [2].

Местоимение ты-Вы давно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных ученых, однако русская национальная специфика функционирования местоименных форм «ты» и «вы» исследована недостаточно, что и определяет актуальность исследования.

Целью данной статьи является выяснение русской национальной специфики употребления говорящим ты / Вы-форм при деловой коммуникации с помощью сравнения номинаций, которые сопровождают ты-Вы-обращения; определение значения переходов из одной формы обращения в другую, а также выявление факторов, влияющих на выбор упомянутых форм местоимений.

Изначальным, традиционным в русском языке было только обращение в форме единственного числа, то есть *ты*. И на протяжении многих веков русские люди были на «ты» со всеми, с кем вступали в те или иные отношения, то есть это обращение было повсеместным и социально нейтральным. Оно адресовалось и старшему, и младшему, и царю, и холопу. Но при этом всегда с личным местоимением «ты» употреблялось слово, которое уточняло статус лица. И в качестве таких уточнений могли употребляться самые разнообразные слова, такие, как *матушка, батюшка, отец мой, братец, сестрица, дядюшка, тётя, дедушка, друг мой*, а также – *царь-батюшка, государь, господин, воевода* и т.п.

На Руси люди испокон веков обращались друг к другу на «ты». Даже к Богу зывали – «Ты». Царю Ивану Грозному говорили «ты», и он не обижался, так как это естественное, нормальное обращение – на «ты», общепринятое тогда: к одному человеку как к одному и обращаться [3, с. 127].

В эпоху Петра I вежливое «Вы» с дипломатической переписки постепенно попало в другие сферы официального и неофициального общения. Известно, что на Руси впервые вежливые формы обращения были изложены в своеобразном учебнике, появившемся в 1717 году. Эта книга, составление которой проходило при личном участии Петра I, носила название «Юности честное зеркало, или Показания к житейскому обхождению» и предназначалась главным образом для молодых россиян [5, с. 23].

Примерно в тот же период государь, насаждавший в стране европейскую форму поведения, ввёл в употребление обращение на «вы», заимствованное им из ряда иностранных языков. В прежние времена во множественном числе обращались к человеку лишь в том случае, если хотели придать словам особый смысл. Говоря «вы», как бы подразумевали, что этот человек один стоит многих. Подобное обращение заключало в себе особую вежливость.

В годы революции и Великой Отечественной войны демократичное «ты» было более употребительным, оно быстро утверждалось не только в дружеском кругу, но и в официальном общении. «Ты» сближало и сплачивало всех в единую силу для борьбы с фашизмом [3, с. 62].

Следует отметить, что привычное сегодня обращение на «вы» укоренилось в русском языке, преодолевая сопротивление, исходившее иной раз от представителей самых прогрессивных кругов отечественной интеллигенции. Чтобы в этом убедиться, достаточно открыть толковый словарь В. И. Даля, составленный в середине XIX века. В нём выдающийся русский писатель и лексикограф характеризует обращение на «вы» как искажённую форму вежливости.

В русской лингвокультуре, как известно, данные формы обладают высокой степенью социальной значимости и поэтому «требуют рассмотрения как отдельные, с самостоятельными социостилистическими признаками» [1, с. 120]. Так, например, по мнению Г. З. Апресяна, общепринятое толкование местоимения «ты», которое обычно употребляется при обращении к близким людям или к кому-либо при грубом или фамильярном обращении, не всегда объясняет некоторые его узловые употребления, когда данные формы не являются грубыми и фамильярными. Он связывает употребление местоимений ты/Вы с понятием личной сферы говорящего [1, с. 64]. В зависимости от конкретной ситуации общения в эту сферу включается разное количество объектов. «Ты» употребляется по отношению к тому объекту, который в данный момент находится в личной сфере говорящего. К тем, кто в эту сферу не попал, обращаются на «Вы». Это обычное употребление данных местоимений, но некоторые значения этих форм выпадают из определения Г. З. Апресяна: например, Ты-хамское, Ты-уничжительное [1, с. 78].

Местоимение «Вы» имеет семантику власти, передает почет. В русской традиции распространена форма обращения на «вы» в семейном общении, в частности при обращении детей к родителям. Адресная форма «Вы», как уважение, в русском языке прочно закрепилось в среде большинства, начиная со второй половины XIX в., будучи уже вежливо-нейтральным [2, с. 59].

Местоимение «ты» привычно в общении между родными, между родителями и детьми (в разные периоды), между хорошо знакомыми людьми и является выражением солидарности (с семейным или профессиональным сообществом, группами людей по возрасту или убеждениями), подтверждением принадлежности к группе.

Функциональное отличие форм «ты-Вы» в современном языке является семантически значимым, поскольку они не только указывают на действующее лицо, но и выражают определенную тональность общения, делая его нейтральным, деловым, дружеским или даже умышленно грубым и невежливым [6, с. 38].

Речевой этикет русского языка предусматривает также переход с дружеского «ты» на более официальное «вы», хотя в повседневной жизни это встречается и нечасто. Тем не менее он возможен в тех случаях, когда отношения между собеседниками ухудшились и приняли сугубо официальный характер. Это может произойти в результате ссоры или каких-либо серьёзных разногласий.

Иногда обращение на «вы» может явиться следствием того, что разговор носит официальный характер и происходит в присутствии посторонних лиц, при которых собеседники, обычно говорящие друг другу «ты», вынуждены соблюдать общий этикет. В данном случае адресованные друг другу «вы» свидетельствуют не об изменении межличностных отношений, а лишь об особенностях конкретной ситуации. Например, преподаватели в присутствии учащихся, как правило, общаются между собой на «вы», хотя, оставшись одни, при надлежащих условиях вполне могут позволить себе неформальное «ты».

Таким образом, став социальной приметой в отношениях между людьми, комбинации местоимения «вы» или «ты» постепенно распределили между собой роли. «Ты» – не низкий стиль, а доверительность и близость; «вы» – официальность, уважительность и признательность, а вовсе не высокий стиль. В современном русском языке местоимения «ты» и «Вы» выражают две формы вежливости русского языка.

Список литературы

1. Апресян Г. З. Ораторское искусство. М. : Изд-во МГУ, 1978. 280 с.
2. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык. Культура речи. Деловое общение (для бакалавров). М. : КноРус, 2019. 335 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
4. Глинкина Л. А. Речевой этикет: «ты» и «Вы» // Русская речь. 1984. № 2. С. 62–66.
5. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : ИКАР, 2007. 478 с.
6. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Бабаева Б. Э. [и др.]. Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. 912 с.

Информация об авторе: *Катрецкая Дарья Сергеевна*, магистрант Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Россия).

ЖАНРЫ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ: КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ

Е. Н. Малашенкова

г. Саратов, Россия
malashenkova.en@yandex.ru

Аннотация. Вместе с неограниченными возможностями, которые принесли в наш мир цифровые технологии, увеличилось и количество конфликтных ситуаций в интернет-сети. Рассматриваются риски этикетного речевого жанра «поздравление» и включающегося в его состав субжанра «пожелание» в интернет-коммуникации. Выявлены потенциально конфликтогенные факторы: обесценивание факта поздравления из-за увеличения поводов для его актуализации; массовый обезличенный характер распространения поздравительных текстов, их шаблонность. Нередко воспринимаются негативно стереотипные пожелания. Кроме того, к коммуникативным неудачам приводят: нарушение этики общения, деструктивные коммуникативные тактики пишущего, негативная реакция адресата. Материал данного исследования – посты и комментарии в сообществах социальных сетей, где поднимается тема распространения и оформления поздравительных текстов.

Ключевые слова: русский язык, интернет-коммуникация, речевые жанры, речевой этикет, поздравление, пожелание, коммуникативные риски

Для цитирования: Малашенкова Е. Н. Жанры поздравления и пожелания в интернет-общении: коммуникативные риски // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 95–100.

Повсеместная компьютеризация привела людей к регулярному общению в интернет-сети. В современном обществе человек не может представить свою жизнь без гаджетов. Приобрело новые черты и пространство города: на улицах, в магазине, в поликлинике, в транспорте, нередко за рулём автомобиля, и в других местах горожане, иногда пренебрегая собственной безопасностью, используют мобильные телефоны, с помощью которых погружаются в интернет-пространство. В виртуальной реальности происходит обмен информацией, решаются многие личные проблемы. Однако, несмотря на преимущества новых технических средств связи, виртуальная коммуникация добавила во взаимоотношения людей новые коммуникативные сложности [5].

Одним из самых простых способов достижения коммуникативных целей и построения гармоничной коммуникации между людьми является соблюдение речевого этикета. Лингвисты традиционно выделяют этикетные речевые жанры (РЖ), например, благодарность, поздравление, извинение и др., цель которых – «установление речевого контакта между собеседниками, поддержание вежливых, доброжелательных отношений» [2, с. 3]. Тем не менее при реализации этих жанров возможно несоответствие действий одной стороны ожиданиям другой, способное повлечь за собой эмоциональный дискомфорт собеседников. Коммуникативные риски, как правило, напрямую связаны с участниками общения, их ценностными установками и ориентирами [7]. Не последнюю роль в возникновении коммуникативных неудач играет и специфика интернет-коммуникации.

Цель данного исследования – выявить факторы, которые можно рассматривать как коммуникативные риски при поздравлении в интернет-общении.

Материалом исследования послужили посты и комментарии в сообществах социальной сети «ВКонтакте» («Подслушано – Здесь говорят о тебе»; «Не все поймут» и др.): более 70 постов, связанных с темой поздравлений и пожеланий, а также данные небольшого опроса жителей города об их отношении к электронным поздравлениям. Пол и возраст интернет-пользователей неизвестен (все посты публикуются администратором группы анонимно), но предполагаем, что это преимущественно представители молодого поколения. В ходе анализа выяснилось, что проблемы реализации РЖ поздравления и входящего в него субжанра пожелания (субжанр – минимальная единица типологии речевых жанров, равная одному речевому акту [8, с. 14–15]) волнуют многих.

Перечислим потенциально конфликтогенные факторы, на которые обращают внимание участники интернет-общения.

1. Обесценивание факта поздравления

В последнее время стало популярным (особенно среди людей старшего возраста) отправлять открытки, анимации и видео практически каждый день, поздравляя с различными неофициальными праздниками (иногда примитивными, «выдуманскими»): (из поста интернет-пользователя) *у меня есть знакомая, которая уж очень сильно бесила меня всякими глупыми поздравлениями. Каждый день у неё – это праздник. То поздравит меня с понедельником, то с днём собаки, то вообще какой-то выдуманный праздник найдёт* (здесь и далее особенности орфографии и пунктуации интернет-пользователей сохранены). Или другой комментарий в сообществе «Не все поймут»: **Вы ДАЖЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ КАКОЙ ЭТО КОШМАР каждое утро получать картинку со всеми днями недели. С праздниками всего, что существует на свете.. еда, эмоции, цветного кирпича, кошка, улитка и дохлого паука. КАК БОРОТЬСЯ С ЭТИМ?** Отрицательные эмоции автора последнего комментария подчёркнуты выбором регистра Caps Lock.

Непрерывающаяся череда поводов для празднования приводит к утрате ценности поздравлений. Чем глупее повод (утрировано – «*день цветного кирпича, дохлого паука*»), тем большее отторжение вызывает поздравление. Нередко это становится поводом для прекращения общения: (из поста интернет-пользователя) *В один момент настолько сильно устала от этого, что заблокировала её и сказала, что телефон сломался*; (из разговора мужа М. и жены) М. *Леонидыч* (знакомый) *мне каждый день шлёт какие-нибудь поздравления. Зачем они мне? Я уже не отвечаю. Неужели человеку не понятно?* Характерно, что отправителя сообщений не останавливает факт молчания адресата, отсутствие ответа. В реальном общении это приводит к коммуникативной неудаче и даже к прекращению контакта.

2. Обезличенный характер поздравлений

Авторы постов негативно относятся к обезличенным поздравлениям: *меня бесят не все поздравления, а только обезличенные, которые делаются ссылкой, в ватсапе например, или когда просто тупую картинку из инета присылают и всё, это вообще колхоз какой-то*). Использование универсальных картинок из Интернета является маркером не просто отношения адресанта к адресату, но и культурного уровня отправителя (*это вообще колхоз какой-то*)).

Отсутствие сигналов межличностного общения провоцирует коммуникантов на негативное восприятие поздравления: (из поста интернет-пользователя) *причем видно, что не мне индивидуально, а по рассылке кидают. Не отвечаю даже на такие*. Поскольку такие поздравления часто остаются без ответа, нарушается диалогичная природа жанра, при этом жанр утрачивает свою ценность.

3. Стереотипность поздравительных текстов и включённых в них пожеланий

Коммуникативным риском является и формально-семантическое оформление поздравлений, особенно пожеланий. Пожелание может функционировать как этикетная формула, самостоятельный конвенциональный жанр или субжанр, включающийся в состав поздравления [1]. Многие пользователи возмущены пожеланиями, базирующимися на штампах: *Я люблю, когда меня поздравляют! Но бесят эти шаблонные пожелания-счастья, здоровья и т.д.* Стереотипные пожелания наделяются авторами постов и комментариев различными эпитетами, отражающими негативные коннотации: (из комментариев интернет-пользователей) «*открыточные*», *безликие, недушевные совсем, дурацкие, заунывные, фальшивые, однотипные* и др.

Универсальные компоненты пожеланий *здоровье* и *счастье* нередко либо высмеиваются, либо воспринимаются как раздражитель: *Ой, время начинает идти в 100 раз медленнее, когда звонят и из раза в раз желают здорооовья, еще раз здорооовья, будет здоровье, будет и все остальное....бла бла бла*. Люди готовы отключить телефон, чтобы не принимать банальные пожелания: *Я уже года три как отключаю телефон на День рождения. Не хочу, чтобы меня кто-то напрягал своими заунывными "щастья-здоровья"*. Однако прервать говорящего и его этикетную речь слушающие зачастую не готовы: *все эти окрыточные "счастья, здоровья и прочее"*. *Когда меня поздравляют на ДР тоже раздражает жутко, а прервать поздравляющего никак. Эти поздравления такая нелепость*. При этом моральные механизмы сдерживания открытой конфронтации наносят ущерб эмоциональному состоянию адресатов (*раздражает жутко*).

Авторы постов и комментариев выражают свои эмоции, подбирая сильные по эмоциональной окраске слова и выражения: ранее – *бесят, раздражает жутко, напрягал, нелепость*, междометие *фуу*. Особенно часто в комментариях употребляется лексема *ненавижу*: *Ненавижу стандартное словосочетание "счастья-здоровья", фууу*. Особый негатив вызывают поздравления в стихах: *А я вот*

не люблю, когда в смс присылают **стандартные поздравительные стишки**. Повышенная эмоциональность текстов свидетельствует о том, что их авторам небезразлична данная тема.

Поздравлениям-шаблонам противопоставляются индивидуально созданные тексты: **особенно бесят шаблонные поздравления, смски, которые отправляют всем по принципу copy-paste** (копировать-вставить – Е. М.). **Сама стараюсь поздравить людей лично, даже если не звоню, то хотя бы пишу личное сообщение, упоминаю имя человека, а не банальное "С Новым Годом!"**. Высоко ценится выражение в пожеланиях личных эмоций, проявление элементов творчества: *Уж лучше своими словами что-нибудь, хоть пару строк, а то эти стихи какие-то безликие, не душевные совсем*)); *А мне нравятся поздравления когда видно что человек сам сочинял, придумывал, подобрал именно для меня слова...* Как видим, краткость здесь не является недостатком.

4. Нарушение этических норм

Однако негативно оценивается и чрезмерное вторжение адресанта в личную жизнь адресата: **Бесит, когда человеку желают то, об отсутствии чего он в данный момент переживает. Заболел - "Здоровья тебе". Потерял дорогого человека – "Желаю, чтобы ты встретил кого-нибудь". Потерял работу – "Пусть ты найдёшь ещё лучше"**. Когда человеку плохо, он ищет сочувствия. Того, кто погорюет вместе с ним. А не обесценит все его переживания одной фразой. Или я чего-то не понимаю и от таких пожеланий кому-то правда становится легче? В комментариях пользователи поддерживают автора поста в том, что иногда поздравления бывают нетактичными, тогда как стандартные пожелания отражают «вечные ценности»: *Лучше пожелания стандартные, такие "вечные ценности", чем например у кого проблемы забеременеть - желать ребенка или кто не замужем – желать выйти замуж. Вот как раз это, по-моему, неприятно*.

Судя по комментариям, даже фундаментальный, транслирующий ключевую ценность человечества дезидерат **здоровье** может причинить боль, если получатель испытывает проблемы со здоровьем: **ага, особо бесят пожелания здоровья, от тех, кому известно о моем хроническом заболевании. В день рождения на звонки не отвечаю, потом прослушать или прочитать сообщения – шаблонные фразы – тошно**.

Таким образом, возникает противоречие: с одной стороны, стереотипные компоненты в пожеланиях активно отрицаются, с другой стороны, поддерживаются.

Это говорит о том, что поздравление, наряду с входящим в него пожеланием, не только этикетные жанры, но и риторические: они требуют от автора риторической компетентности, включающей умение соблюдать нормы этикета и вежливости, учитывать фактор адресата, строить текст в соответствии с жанровой формой.

5. «Навязывание» традиционных ценностей без учёта точки зрения адресата

Специального внимания заслуживает мнение участников паблика «Подслушано» (вероятнее всего, представителей молодого поколения) о традиционных ценностях (например, появление детей в молодой семье), выраженных в пожеланиях: 1) *На свадьбу поставили шарж с нашим изображением, чтобы гости писали туда пожелания. Не вешаю его уже 2 года, так как меня люто раздражает, что, кроме "детюшек побольше", ничего не желали*; 2) *Самое «крутое» пожелание на ДР от подруги: «замуж, детей и ипотеку». Любит, видимо, меня люто раздражает; самое «крутое» пожелание*), свидетельствует об изменении аксиологических констант молодого поколения, что требует дальнейших исследований.

6. Деструктивные коммуникативные тактики адресанта при поздравлении

Коммуникативная неудача может быть вызвана коммуникативной тактикой, выбранной адресантом (например, тактикой наставления, упрёка): *Родители всегда поздравляют меня с Днём рождения, в пожеланиях указывая то, чего мне, по их мнению, не хватает. Что-то очень нужное. Поэтому мне желают ума, "стать достойным человеком", найти работу, взяться за ум и так далее. Лучше бы забыли про мой День рождения. Почувствовать себя ничтожеством я могу и в любой другой день. #Подслушано семья@overhear.*

Автора поста задевает назидательность, которую родители вкладывают в текст пожелания (*желают ума, "стать достойным человеком", найти работу, взяться за ум и так далее*). В подобных пожеланиях адресат видит упрёк в несостоятельности, укоризну родителей и даже может чувствовать себя *ничтожеством*. Вероятно, более лёгкая, шутивная тональность пожелания не вызвала бы такой агрессии. Нередко пользователи жалуются на излишнюю назидательность поздравительных текстов даже от ровесников.

7. Реакция адресата

Учитывая этикетную специфику поздравления, исследователи отмечают, что слушатель выступает его активным «соучастником» [6]. Однако в нашем материале встречаются посты с негативной реакцией адресата на пожелания, что способно влиять на изменение отношений коммуникантов. В результате адресант попадает в неловкую ситуацию: *Очень раздражает, когда говоришь человеку искреннее поздравление, а он начинает спорить. Желает здоровья и долгих лет жизни: "Да куда уж мне, помереть бы, вот тогда все отдохнёт". Желает, чтобы дети росли послушными и помогали: "Да уж лучше бы они не помогли, всё только портят". Чувствуешь, что своим искренним пожеланием только задел, и ощущение, что лучше бы вообще ничего не говорил.* Складывается впечатление, что адресатом здесь является зрелый человек. Контраргументы, выставляемые им на каждое пожелание, провоцируют конфликт.

Могут не нравиться и языковые средства, которые использует адресант: *Поздравляла своего парня с ДР. Наговорила всяких приятных пожеланий, используя часто слово "будь". Ну мол, будь всегда здоров, будь счастлив и т.д. А он до конца дослушал и сказал: "Ещё приказы будут?" И прям обидно почему-то так стало. До слез. Я же от всей души, а ему видите-ли формулировка не понравилась...(#Подслушано провал).* В данном случае адресат в многочисленных императивах (которые, между прочим, являются полноценным способом выражения пожеланий ([3; 4])) обнаруживает сходство с приказом и шутит по этому поводу (*ещё приказы будут?*), что обижает создателя текста (*И прям обидно почему-то так стало. До слез*). Так, адресат своей реакцией может (возможно, ненамеренно) спровоцировать коммуникативную неудачу.

Таким образом, анализ постов интернет-пользователей обнаружил риски в реализации этикетного жанра поздравления и входящего в него субжанра пожелания. На наш взгляд, интернет-общение может влиять на традиции, разрушая их: важный для всех культур жанр поздравления в интернет-сфере становится конфликтногенным. Преодолению этого способствует повышение уровня коммуникативной компетенции интернет-пользователей.

Список литературы

1. Байкулова А. Н., Малашенкова Е. Н. Изучение речевого жанра «пожелание»: обзор работ в современной лингвистике // *Жанры речи*. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 74–91.
2. Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. 2004. 676 с.

3. Гусаренко М. К. Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 196 с.

4. Норман Б. Ю. Речевой акт пожелания под психолингвистическим углом зрения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2015. Вып. 13. С. 235–248.

5. Егорчев Ф. А., Рыбальченко О. В. Особенности современного сетевого этикета // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2019. № 8. С. 21–26.

6. Илларионова А. В. Сопоставительное описание функционирования единиц речевого акта пожелания в английском и русском языках // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-opisanie-funktsionirovaniya-edinit-rechevogo-akta-pozhelaniya-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 15.01.2023).

7. Сидорова Н. А. Коммуникативные риски в системе дискурса: типологизация // Военно-филологический журнал. 2020. № 1. С. 24–32.

8. Седов К. Ф. Антология речевых жанров. М., 2007. С. 7–39.

Информация об авторе: *Малашенкова Елена Николаевна*, аспирант кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

ИСТОЧНИКИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РАБОТЕ Д. С. ЛИХАЧЁВА «ПИСЬМА О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ»

А. А. Панчугова

*г. Пенза, Россия
anna_v58@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются источники чужой речи в «Письмах о добром и прекрасном» Д. С. Лихачёва в соответствии с четырьмя основными способами введения чужой речи в текст. Отмечается, что каждый способ обладает определённой группой источников, которые могут как совпадать, так и различаться, что объясняется стремлением публициста подробно донести до молодого поколения свою точку зрения на нравственные проблемы путём привлечения информации из различных источников и от людей, трудящихся в различных сферах общества.

Ключевые слова: чужая речь, цитирование, прямая речь, косвенная речь, несобственно прямая речь, письмо

Для цитирования: Панчугова А. А. Источники чужой речи в работе Д. С. Лихачёва «Письма о добром и прекрасном» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 100–103.

Вклад Д. С. Лихачёва в науку велик, его трудно переоценить – как и вклад учёного в защиту ценностей прошлого, настоящего и будущего страны. Книга «Письма о добром и прекрасном» является одним из произведений, адресованных юношеству. В ней учёный, которого неоднократно называли «совестью нации», говорит о нравственном воспитании молодёжи.

С точки зрения литературоведения книга периодически подвергается анализу, например, в работах Т. Н. Князевой, Е. Л. Яковлевой, А. В. Степановой,

В. О. Демидова и др. С точки зрения лингвистики труд учёного изучался менее активно. В основном работы посвящены исследованию концептов (О. В. Шаталова, А. А. Подольская, Н. В. Черникова), к грамматической стороне «Писем» обращались Ц. Чжан (изучение предложений тождества), К. А. Каткова (исследование односоставных предложений).

Настоящая работа посвящена анализу чужой речи как синтаксической особенности «Писем о добром и прекрасном». Отметим, что в современном языкознании нет чёткого определения понятия «чужая речь». В основе всех наиболее популярных трактовок термина лежит следующая дефиниция: «Чужая речь – синтаксически организованное введение в авторское повествование речи или мыслей другого лица» [2, с. 305; 5, с. 352].

Это позволяет нам прийти к следующему выводу: конструкции с чужой речью обычно состоят из двух компонентов: чужой речи и слов говорящего, вводящих чужую речь в более сложные синтаксические единицы.

В. В. Бабайцева отмечает, что чужая речь органически связана с речевым актом, со всем процессом общения. В результате этого нет возможности характеризовать чужую речь лишь с грамматической, языковой точки зрения, то есть как набор способов её передачи, а необходимо учитывать и особенности функционирования самих способов в речи [3, с. 239].

В настоящий момент в лингвистике наблюдаются разногласия о способах введения чужой речи в текст. Проанализировав лингвистическую литературу, мы пришли к выводу, что выделяется 3 подхода к классификации способов введения чужой речи в текст:

1) традиционный – форма прямой, косвенной и несобственно прямой речи. Представители этой точки зрения – В. Н. Волошинов, В. И. Кодухов, П. А. Лекант, Н. Ю. Шведова, Н. Д. Арутюнова, Д. Э. Розенталь, Т. И. Гусева, Н. С. Валгина и др.;

2) цитация (цитирование) как дополнительный способ введения чужой речи в текст. Такого мнения придерживаются Н. Н. Пержан, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, А. М. Ломов;

3) обобщённая классификация, которая включает в себя традиционный подход, цитирование и диалог. Данную точку зрения можно найти в работах таких лингвистов, как Е. С. Антонова, В. В. Бабайцева, Г. Г. Граник, Н. А. Борисенко.

Таким образом, большинство учёных придерживается мнения о трёх способах введения чужой речи в авторский текст, остальные точки зрения мы не можем опровергать и будем придерживаться взгляда о четырёх способах введения чужой речи в текст: прямой, косвенной, несобственно прямой речи и цитировании.

В данной работе мы поставили цель – рассмотреть источники чужой речи в работе Д. С. Лихачёва «Письма о добром и прекрасном» в соответствии с четырьмя выделенными способами.

Начнём с цитирования, так как это наиболее частотный способ введения чужой речи в текст. Его учёный использует 55 раз.

Уже в первом письме «Большое в малом» мы видим обращение к такому жанру малого фольклора, как поговорка: «*цель оправдывает средства*». В последующих письмах автор также обращается к пословицам и поговоркам: «*Береги честь смолоду*» («Письмо второе. Молодость – вся жизнь»), «*Точность – вежливость королей*» («Письмо тринадцатое. О воспитанности») и др.

Помимо пословиц и поговорок, в произведении цитируются фразеологизмы, крылатые выражения. Так, в «Письме восьмом. Быть веселым, но не быть смешным» используется фразеологизм *душа общества*: «*Не старайтесь чрезмерно быть "душой общества"*». В «Письме десятом. Честь истинная и ложная» употреблено крылатое выражение *честь мундира*: «*У нас исчезло такое несвой-*

ственное нашему обществу явление, как понятие дворянской чести, но **«честь мундира»** остаётся тяжёлым грузом».

В «Письмах о добром и прекрасном» Д. С. Лихачёв обращается к историческим, культурологическим, лингвистическим текстам. Например, в «Письме девятом. Когда следует обижаться» он пишет об английском правиле, которое гласит, что надо *«обижаться только тогда, когда вас хотят обидеть, намеренно обижают»*. В «Письме двенадцатом. Человек должен быть интеллигентен» академик обращается к словам из Библии: *«Чти отца своего и мать свою, и долголетен будешь на земле»*. «Письмо шестнадцатое. О жадности» содержит цитату из «Толкового академического словаря русского языка» (1957 г.): *«Стремление удовлетворить чрезмерное, ненасытное желание»*.

Часто учёный обращается и к высказываниям известных людей. Например, в «Письме седьмом. Что объединяет людей» Д. С. Лихачёв приводит слова Нила Армстронга: *«Небольшой шаг для человека – большой шаг для человечества»*. В работе имеется высказывание американского психолога Д. Джеймса: *«Мы плачем оттого, что нам грустно, но и грустно нам оттого, что мы плачем»*, писателя Ф. А. Абрамова: *«С Русского Севера вывозили гранит для строительства Петербург и вывозили слово – слово в каменных блоках былин, причитаний, лирических песен...»* и др.

В «Письме четвёртом. Самая большая ценность – жизнь» можно увидеть обращение к окказионализму, созданному М. Волошиным, – *«окоём»*.

Д. С. Лихачёв цитирует фольклорные и лирические произведения, например былины о Микуле Селяниновиче или Соловье Будимировиче, стихотворения А. Кольцова («Песня пахаря»), Н. Заболоцкого («Ночь в Пасанаури»), поэму А. Пушкина «Медный всадник». В «Письме третьем. Самое большое» Д. С. Лихачёв приводит строку из шовинистической немецкой песни – *«Германия превыше всего»*.

Таким образом, цитирование как способ введения чужой речи в текст широко используется в «Письмах о добром и прекрасном» Д. С. Лихачёва.

Второе место по частотности использования чужой речи в рассматриваемом произведении занимает несобственно прямая речь, «которая представляет собой подробный пересказ говорящим чужой речи «своими словами», но с сохранением некоторых элементов стиля другого лица» [4]. Она включена в текст 30 раз.

Чаще всего Д. С. Лихачёв приводит когда-то услышанные им высказывания. Например, в «Письме четвёртом. Самая большая ценность – жизнь» используются слова инструктора гимнастики: *«Чтобы вдохнуть полной грудью, надо хорошенько выдохнуть»* или слова, включённые в диалог между читателями и автором: *«...Когда человек упорствует в своей ошибке или чересчур переживает, думает, что жизнь кончилась, **«все погубло»**, – это досадно и для него и для окружающих...»; «...И вот тут я слышу тяжкий вздох молодого человека: **какую же скучную жизнь вы предлагаете нашей молодёжи! Только учиться. А где же отдых, развлечения? Что же нам, и не радоваться?»**»*

Чуть меньше академик использует косвенную речь – чужую речь, воспроизводимую не от лица говорящего и введённую автором повествования в форме изъяснительной придаточной части сложноподчинённого предложения [5, с. 166]. В работе насчитывается 28 примеров использования косвенной речи, источником которой являются

1) высказывания читателя или любого человека: *«Он наивно думает, что ему поверили...; ...часто говорят, что научные работы и учебники пишутся сухим языком, избилуют канцелярскими оборотами...»;*

2) слова самого учёного: *«Я убеждён, например, что настоящая воспитанность проявляется прежде всего у себя дома»*.

В книге можно найти примеры использования прямой речи. Отметим, что данный способ активно применяется при цитировании слов известных людей или строк из литературных произведений и используется всего 9 раз.

В работе академика Д. С. Лихачёва «Письма о добром и прекрасном» используются следующие виды источников чужой речи (перечислим их в соответствии с частотностью использования – от более частых к менее частым): исторические, культурологические, лингвистические труды; слова известных людей; литературные произведения и песни; поговорки, фразеологизмы, крылатые выражения; слова самого академика и читателей. Такая градация источников, на наш взгляд, связана с тем, что учёный в первую очередь хочет поделиться с молодежью не только и не столько своими мыслями, сколько мыслями других известных людей, обратить внимание подрастающего поколения на важные и актуальные тексты и их фрагменты, созданные мастерами слова.

Список литературы

1. Лихачёв Д. С. Письма о добром и прекрасном. М. : АСТ, 2021. 192 с.
2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
3. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. язык и лит.» : в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. 2-е изд., перераб. М. : Просвещение, 1987. С. 239–248.
4. Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткина Л. Л. [и др.]. Современный русский язык : учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / под ред. П. А. Леканта. М. : Дрофа, 2007. С. 540.
5. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2011. С. 352.

Информация об авторе: *Панчугова Анна Александровна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

О ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И МЕТОДАХ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ

Д. В. Попов

г. Андижан, Узбекистан
hey-day85@mail.ru

Аннотация. Исследован феномен языковой личности как один из центральных вопросов современной лингвистики. Рассматриваются различные подходы учёных к понятию и проблематике языковой личности. Концепция языковой личности востребована в гуманитарном знании, поскольку её развитие позволяет продвинуться на пути решения ряда теоретических и практических проблем, стоящих перед учёными.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковая личность, сознание, речь, носитель языка

Для цитирования: Попов Д. В. О языковой личности и методах её изучения // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 103–105.

При описании понятия «языковая картина мира» мы апеллируем к языку отдельной языковой личности. Язык, по словам известного психолингвиста А. А. Леонтьева, «...есть важнейший ориентир человека при его деятельности в мире. И если эту деятельность понимать как глубокий, осмысленный диалог человека с миром, как многоголосное, иногда унисонное, иногда полемическое общение различных компонентов той системы, которую мы называем миром, то язык есть прежде всего язык личности» [3, с. 282].

В психологии до сих пор нет общепринятого определения личности, как отмечают авторы книги «Теории личности» Л. Хелл и Д. Зиглер [5].

Среди различных теорий личности, представленных в мировой науке, наибольший интерес вызывает когнитивное направление (один из представителей – Джордж Келли), подчеркивающее влияние интеллектуальных, или мыслительных процессов на поведение человека. Келли считает, что люди воспринимают свой мир при помощи четких систем или моделей, называемых конструктами [5, с. 473]. Личность, по Дж. Келли, «...представляет организованную систему более или менее важных конструктов; человек использует личностные конструкты, чтобы интерпретировать мир переживаний и предвидеть будущие события» [5, с. 443].

В настоящей работе нас интересует не личность вообще, а личность, выраженная в языке, – *языковая личность* (*homo loquens*).

Широкое научное употребление данное понятие получило в 80-х гг. XX в. после публикации ряда работ Ю. Н. Караулова (и в особенности – книги «Русский язык и языковая личность», М., 1987) [1].

Особого внимания заслуживает определение языковой личности, данное Ю. Н. Карауловым в энциклопедии «Русский язык»:

1) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире;

2) наименование комплексного способа описания языковой способности индивида, соединяющего системное представление языка с функциональным анализом текстов [4, с. 671].

В. В. Красных наряду с определением языковой личности считает целесообразным выделить:

– «человека говорящего» – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность;

– речевую личность – личность, реализующую себя в коммуникации, выбирающую и осуществляющую ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающую и использующую тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических);

– коммуникативную личность – конкретного участника конкретного коммуникативного акта, реально действующего в реальной коммуникации [2, с. 17].

Если рассматривать уровневую организацию языковой личности, предложенную Ю. Н. Карауловым, можно сделать вывод, что они построены по иерархическому принципу, и чем выше уровень языковой личности, тем он более конкретен. Так, нулевой уровень представляет системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период. Первый уровень – социальные и социолингвистические характеристики языковой общности, к которой относится и языковая личность. Здесь определяются основные понятия картины мира. Второй уровень представлен сведениями психического плана. Именно на этом уровне определяется принадлежность личности к конкретному речевому коллективу, в котором и создаются все тексты её языка.

Уровни языковой личности тесно переплетаются друг с другом. Лексикон (вербально-семантический уровень) играет вспомогательную роль при воссоздании особенностей языковой личности. Он пересекается с тезаурусом (лингво-когнитивным уровнем), связанным «...не с семантикой слов и выражений, а со знаниями» [1, с. 171], и мотивируется на прагматическом уровне коммуникативными потребностями языковой личности (сферой общения, коммуникативными ситуациями и ролями).

Таким образом, при изучении языковой личности как целостного явления, необходим комплексный подход к её анализу с учётом конкретных взаимосвязанных квалификационных признаков: лингвокультурологических, социолингвистических и лингвапрагматических. Применение комплексного подхода к анализу языковой личности позволит получить полное и многогранное представление о изучаемой языковой личности.

Список литературы

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.
2. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М. : Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М. : Смысл, 1997. 287 с.
4. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Большая российская энциклопедия : Дрофа, 1997. 703 с.
5. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб. : Питер Пресс, 1997. 608 с.

Информация об авторе: *Попов Дмитрий Владимирович*, доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германских и славянских языков Андиганского государственного института иностранных языков (г. Андиган, Узбекистан).

ПОДПИСИ К СЕМЕЙНЫМ ФОТОГРАФИЯМ: СОДЕРЖАНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОТОБЛОГА «СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО»)

И. Г. Родионова

г. Пенза, Россия
Inessa96@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются тексты подписей к семейным фотографиям пользователей фотоблога «Советское детство» в социальной сети «ВКонтакте». Анализируется их содержание и языковое выражение. Делается вывод о том, что участники группы уделяют большое внимание описанию деталей при характеристике близких им людей и не стесняются показывать виртуальным собеседникам свои чувства и эмоции по отношению к родственникам.

Ключевые слова: подпись к фотографии, семейная фотография, интернет-общение, виртуальный собеседник, языковые особенности

Для цитирования: Родионова И. Г. Подписи к семейным фотографиям: содержание и языковые особенности (по материалам фотоблога «Советское детство») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 105–108.

В последнее время наблюдается усиление интереса российского общества к советскому прошлому нашей страны: во многих городах открываются музеи или выставки советского быта; подвергаются репринтному изданию поздравительные почтовые открытки, марки, карманные календари («календарики»), популярные в нашей стране несколько десятилетий назад; переводятся в цифровой формат и распространяются газеты, журналы, плакаты, фотографии советского времени. Причина такого «возврата в прошлое» видится, с одной стороны, в повышении внимания общества к истории страны, к её определённому историческому периоду, а с другой – в стремлении наших современников воспроизвести в памяти и сохранить для последующих поколений то, что связано со счастливыми годами их детства и юности.

Популярной формой обращения к советскому прошлому нашей страны в настоящее время стало создание в социальных сетях групп, объединяющих пользователей старшего поколения, которые охотно делятся друг с другом воспоминаниями о детстве и юности, семейными фотографиями, сведениями о своих предках и т.п. Такая «сетевая языковая личность» [1, с. 34] охотно поддерживает «дружеское общение с открытым сообществом виртуальных собеседников, разделяющих интересы субъекта» [1, с. 43].

Одной из подобных групп является фотоблог «Советское детство» социальной сети «ВКонтакте». Данное сообщество на момент создания статьи объединяло 128950 участников, которые делятся с виртуальными собеседниками фотографиями из семейных архивов, описывают тех, кто изображён на них, а также выражают своё мнение по поводу снимков других пользователей. Важно отметить, что сообщество имеет свои правила, среди которых соблюдение законодательства РФ, уважение участников и героев постов и др. За выполнением правил неукоснительно следят администраторы группы.

Анализ материала показал, что значительную часть снимков, помещённых в фотоблоге «Советское детство», составляют семейные фотографии, т. е. фотографии, на которых запечатлены родственники пользователей или сами пользователи вместе с родственниками. Объектом описания в настоящей статье являются подписи к таким фотографиям, предмет исследования – их содержательные и языковые особенности. Обратим внимание на то, что при цитировании сохранены орфография и пунктуация оригинальных текстов, а также использованные авторами графические символы.

Вполне естественно, что бóльшая часть фотографий посвящена самым близким людям – родителям. В подписях к снимкам данной группы используются такие лексемы, как *мама*, *папа*, а также эмоционально окрашенные *мамочка*, *мамуля*, *папочка*, *папуля*, с помощью которых выражается чувство любви и уважения к родителям: *Свадьба мамы и папы (1980), и я с мамой (1981), как следствие их любви* (Анна К.); *Моя мамочка в начале 50-х* (Марина М.); *Мой папочка!!! Ему здесь три года)) 1958)))* (Ирина К.); *Папа с дочкой. 1980 год. Мне 5 месяцев. Папуле 29 лет. Любимое фото!!!* (Елена П.). Слово *мать* в подписях отсутствует; лексема *отец* используется редко: *Я с отцом. 31 мая 1985 года. Красноярск. Выпускной в д/с 130* (Денис Т.); *Мой отец с сокурсниками по военно-морскому училищу на лыжной прогулке. 1957-58 гг. Здесь им по 17-18 лет* (Мария Б.).

Нельзя не отметить и другие особенности при описании пользователями своих родителей. Так, при характеристике мамы активно употребляются прилагательные-эпитеты: *Моя замечательная мамочка Светлана... 60-е годы. Весёлая, жизнерадостная, целеустремлённая* (Наталия Ж.); *С любимой мамулей* (Лара К.); *Я и моя любимая мамочка!!!* (Ольга П.). Горечь звучит в словах о родителях,

которые ушли из жизни: *Мамочка. 1963 год. Вернуть бы тебя на мгновение* (Светлана К.). Создавая подобные подписи, участники фотоблога делятся своими эмоциями, откровениями с незнакомыми им людьми, своеобразными виртуальными друзьями-собеседниками, с которыми никогда не встречались и скорее всего никогда не встретятся, – в этом особенность интернет-общения.

Пользователи группы указывают год рождения и возраст своих родителей: *Мои папа 1925 г. р. и мама 1935 г. р. Папы уже нет в живых 5 лет... Маме 87 лет...* (Лариса К.); часто, но далеко не всегда называют их фамилию имя, отчество, обращая большее внимание на дату снимка и на ситуацию, запечатлённую на фотографии: *Мой папа, Анатолий Фролович, во время службы в СА. 1955 год* (Елена П.); с гордостью рассказывают о профессиональных заслугах близких людей, используя при этом особые знаки пунктуации: *Мама и папа – советские врачи!!!!, (Папа хирург, кандидат медицинских наук, мама терапевт). Начало 1970-х годов – сколько радости, жизнелюбия и доброты в их искрящихся глазах!!!* (Виталий Ч.).

Особую группу фотографий и подписей к ним составляют попарно выложенные в фотоблог снимки, на которых запечатлены участники сообщества и их родители в одном возрасте. С помощью таких фотографий и подписей к ним пользователи показывают сходства и различия между собой и представителем старшего поколения – как во внешности, так и в фактах биографии: *В мае 1971 года окончил школу – мне 17 лет... В мае 1945 года, в 17 лет отец участвовал в штурме Берлина...* (Александр Р.); *Я и мой папочка ветеран ВОВ в одном возрасте на фото, правда, похожи?* (Марина М.).

Подписи к фотографиям с изображением родителей пользователей различны по объёму. Некоторые из них лаконичны: *Мой папа* (Оксана Х.). Другие представляют собой целый рассказ о родителях, об их прошлом и будущем и т.п. В подписях подобного типа через факты жизни одного человека в наибольшей степени отражается история страны: *Лето 1940 года моя мама (справа) отдыхает под Ленинградом. Через год начнётся война и мама всю блокаду будет медсестрой в госпитале в Ленинграде. Во время блокады она потеряет родителей* (Ирина М.); *Папа, совсем ещё юный, едет поднимать целину, 1957 год. Там он встретился с мамой* (Валентина У.).

Значительную группу составляют фотографии, на которых запечатлены бабушки и дедушки (а также прабабушки и прадедушки) подписчиков фотоблога «Советское детство». Эти родственники были участниками или свидетелями Великой Отечественной войны. Данный факт не мог не найти отражения в текстах подписей: *Мой дед – Василий Георгиевич. Моряк. 1928 год. В 1943 году погиб* (Елена П.). Участники фотоблога гордятся своими бабушками и дедушками и это чувство отражают в подписях: *Я со своими дедушками: Соколов Николай Михайлович, с усами (офицер, прошёл две войны: Финскую и Великую Отечественную) и Смирнов Алексей Иванович (в годы войны был ребёнком). Я их очень хорошо помню и горжусь ими* (Светлана Г.).

Подписчики группы делятся фотографиями с изображением бабушек-дедушек и прабабушек-прадедушек как представителей разных поколений, показывая при этом неразрывную родственную связь, которая в свою очередь отражает связь истории семьи с событиями современности: *Мой прадед Михаил Молчанов (сидит) погиб в блокаду, мой дед Иван Молчанов стоит слева – погиб, защищая Севастополь. Крым – наш!!!* (Марина М.).

Подписчики считают необходимым рассказать виртуальным собеседникам об увлечениях своих родственников: *Моя бабушка. 30е годы. Занималась в секции лёгкой атлетики в школе* (Алена И.).

Особенно трогательны содержащиеся в текстах подписей к фотографиям слова благодарности близким людям: *Моя дорогая бабушка, которой я бесконечно благодарен за искреннюю любовь, повседневную заботу и советское воспитание* (Павел Ф.).

В сообществе представлены фотографии, на которых, помимо родителей и бабушек-дедушек, запечатлены другие родственники. Это прежде всего братья и сёстры (обычно они изображены вместе с автором): *Мы с сестрой 1991 и 2022* (Александра К.); *Я с двоюродным братом Костей! Примерно 1966 год* (Андрей Х.), а также дяди и тёти (при этом в текстах подписей часто имеются уточнения – с чьей стороны этот человек приходится родственником): *Моя тётя (мамина старшая сестра)* (Андрей Т.); *Дядя (мамин брат) с сыновьями* (Ольга Ш.); *Мой родной дядя Юра* (Юлия И.).

Участники сообщества делятся с виртуальными собеседниками фотографиями, изображающими не только членов семьи, в которой они выросли, но и членов той семьи, которую они создали сами. Обычно это изображения автора с детьми или только изображения детей. В подписях к таким фотографиям, как правило, содержатся лексемы с суффиксами субъективной оценки, отражающие материнские или (реже) отцовские чувства автора: *Мой любимый Александровский сад! Со старшей доченькой, с младшими доченьками и сейчас* (Галина С.); *На прогулке в детсаду! Мой сыночек Андрюша! 3 годика* (Ольга И.).

В фотоблоге «Советское детство» широко представлены фотографии, отражающие события, важные для участников группы и членов их семей. Среди подобных снимков преобладают свадебные фотографии, подписи к которым содержат указание на дату торжества, а также на такую важную для автора деталь, как стаж семейной жизни тех, кто изображён на снимке: *Наша свадьба 1992 г. В этом году август годовщина 30 лет* (Ольга К.); *Нам 18. Свадьба 1989 г. Уже 33 года вместе!* (Вера Н.); *4 августа 1972 года (ровно 50 лет тому назад) – свадьба мамы и папы!* (Виталий Ч.).

В подписях к семейным фотографиям пользователи группы выражают свои эмоции, связанные с воспоминаниями о годах детства и юности: *Эх на часок бы в то время.) Все живы и здоровы.)* (Ирина М.); *Счастливое советское деревенское детство!* (Альбина В.); *Моё счастливое детство в Советском Союзе!* (Юлия Ф.); *Беззаботное, счастливое детство... 1958-1964 гг.* (Ирина С.) и размышляют о быстротечности времени: *54 года как один миг* (Елена М.). Авторы предстают как творческие личности, которые не лишены чувства юмора и самоиронии: *1961 г. Папа и мама молодые и красивые, ну а я просто красивая, 8 месяцев мне* (Марина Г.); *А я совсем не изменилась) 1 год и 19* (Инна К.).

Таким образом, фотографии, помещённые в фотоблоге «Советское детство», а также подписи к ним подтверждают, что семья является важнейшей ценностью для человека. Это находит отражение в содержательном и языковом оформлении текстов подписей к семейным снимкам. Пользователи группы уделяют большое внимание описанию деталей при характеристике близких им людей, они откровенны и не стесняются показывать виртуальным собеседникам свои чувства и эмоции по отношению к родственникам.

Список литературы

1. Карасик В. И. Сетевая языковая личность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (848). 2021. С. 33–45.

Информация об авторе: *Родионова Инесса Геннадьевна*, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИК ПРОТОИЕРЕЯ ГЕННАДИЯ ФАСТА «С БИБЛИЕЙ В РУКАХ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ...»: ОПЫТ ТЕОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

А. Н. Смолина

*г. Красноярск, Россия
angelic2009@mail.ru*

Аннотация. Представлены структурные, духовно-мировоззренческие и лингвостилистические особенности духовного дневника протоиерея Геннадия Фаста, написанные им во время путешествия по Святой Земле. Исследование выполнено в теолингвистическом аспекте, что предполагает изучение взаимодействия языка и религии на примере конкретных текстов. Уделяется особое внимание личности автора – настоятеля храма в честь равноапостольных Константина и Елены, проповедника, церковного писателя, автора трудов по пастырскому богословию, дневников, бесед, проповедей, религиозно-философских трактатов, толкований на священные тексты; в работе также сосредоточивается внимание на особенностях мировоззрения христианина, таких как теоцентризм, христоцентризм, эсхатологизм, провиденциализм, сотериологизм. При рассмотрении вопроса о композиции исследуемых дневниковых записей указывается на то, что они содержат не только компоненты, характерные для всех дневниковых произведений (указание на временные промежутки, место действия, наличие ауторефлексивной составляющей и т.д.), но и компоненты, отличающие духовный дневник от подобных жанровых форм, функционирующих вне сферы церковно-религиозного стиля (факты, связанные с духовной жизнью писателя, компоненты, содержащие духовно-христианскую ауторефлексию). Рассматриваются особенности реализации в исследуемом духовном дневнике интражанров натурной зарисовки, мнения, воспоминаний. Показывается фигуративно-тропеическая специфика духовного дневника протоиерея Геннадия Фаста: использование в идейных и элокутивных целях религиозно-христианских религиозимов, обращение к которым обнаруживает благоговейное отношение ко всему, что связано с христианской верой, географических наименований, эпитетов с книжной стилистической окраской, флоронимов, христианских аллегорий и сравнений, обращающих к текстам Библии, интертекстем, восходящих к текстам Священного Писания. Духовный дневник, использованный протоиереем Геннадием Фастом как форма повествования об окружающей действительности и отображения духовной жизни, вписывается в представляемом исследовании в систему жанров церковно-религиозного стиля.

Ключевые слова: теолингвистика, религиозим, теолингвистический анализ, церковно-религиозный стиль, духовный дневник, речевой жанр, географические наименования, стилистическая функция

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44099 «Разработка способов и моделей анализа религиозных текстов как один из путей развития теолингвистики».

Для цитирования: Смолина А. Н. Духовный дневник протоиерея Геннадия Фаста «С Библией в руках по Святой Земле...»: опыт теолингвистического анализа // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 109–117.

В представляемой работе духовный дневник протоиерея Геннадия Фаста анализируется с позиций теолингвистики, данная область филологии определяется как наука, «исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [4, с. 18]. Ранее нами предлагались различные способы изучения

религиозных текстов в теолингвистическом аспекте, что нашло отражение в таких работах, как «Модель описания речевого жанра «духовный дневник»: основные параметры и воплощение (стилистика и теолингвистический аспект)», «Русская христианская лексика духовно-нравственного содержания: краткий словарь (лексикографический проект)» [13, 14]. В частности, нами был внедрен и апробирован теолингвистический метод, «закрывающийся в выявлении значений религиозно-христианских слов-понятий посредством использования источников, в которых отражаются основные положения христианского вероучения, его сущность (Евангелие, труды святых отцов (святоотеческая литература) и церковных писателей Нового времени, научные работы современных богословов)...» [13, с. 802]. Как на важный при изучении религиозно-христианских текстов мы указывали на лингвоидеологический метод, направленный на выявление основных идей исследуемых текстов, слов и сверхсловных единиц, репрезентирующих их. Г. А. Копниной данный метод рассматривается как «разновидность контекстуального анализа в его широком понимании, которая направлена на определение идеологического содержания текста и аксиологической функции используемых в нем языковых/речевых единиц» [8, с. 89]. В нескольких работах нами предлагались для жанроведческого анализа параметрические модели, которые можно успешно применять при анализе текстов с христианским содержанием [11, 12]. Так, в диссертационном исследовании «Духовный эпистолярный русский православного монашества XX – начала XXI века: типология жанровых форм, их риторико-стилистика, организация, речевой этикет» среди наиболее важных из 10 параметров, предложенных для анализа духовных эпистолярных текстов, можно выделить такие: «духовно-религиозные интенции автора, духовно-религиозная идейно-тематическая основа содержания, композиция, аргументация, лингвостилистические средства репрезентации тем и идей, репертуар смыслоконституирующих образов, набор смыслоорганизующих интражанров» [11, с. 21]. В статье «Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры и реализация (теолингвистический аспект)» была использована модель, построенная на основе предложенной ранее в диссертации; в число параметров были включены новые, позволяющие наиболее полно описать речевой жанр духовного эссе: тактики и стратегии, интертекстуальное наполнение [12, с. 135]. В настоящей работе для теолингвистического описания духовных дневников протоиерея Геннадия Фаста и выявления проявлений религии, закреплённых в изучаемых текстах, предлагается использовать такие параметры, как композиция, интражанровое наполнение, лингвостилистические средства репрезентации тем и идей.

Для успешного теолингвистического анализа текста необходимо обратиться к личности автора, поскольку в духовных дневниках, являющихся автодокументальным жанром, несомненно, обнаруживается проявление религиозного мировоззрения. Здесь можно вспомнить о том, что писал об особенностях теоцентрического мировоззрения русский философ, историк и литературовед П. М. Бицилли. Исследователь, в частности, отмечал, что для верующих людей «мир есть целое лишь постольку, поскольку он весь, целиком, зависит от Бога, поскольку он является его творением и его отображением» [5, с. 88], обращая особое внимание на то, что в понимании христиан «каждый объект... служит символом высочайшего, предельного объекта, всеохватывающего единства, совершенной реальности – Божества, которое является источником всех прочих реальностей...»; «всякий объект определяется только отношением к Богу, но не отношением к другим объектам, и иерархический порядок их сохраняется лишь при условии, что иерархическая лестница доведена сознанием до конца» [5, с. 14, 89].

Геннадий Фаст – настоятель Абаканского храма в честь равноапостольных Константина и Елены, видный современный российский проповедник, церковный писатель, автор трудов по пастырскому богословию, дневников, бесед, проповедей, религиозно-философских трактатов, толкований на священные тексты (на книги Песнь Песней Соломона, Экклезиаст, Евангелие, Апокалипсис). Произведение «С Библией в руках по Святой Земле. Богословские заметки русского паломничества» – дневниковые записи протоиерея Геннадия Фаста, написанные в 1996 году, – отражают личные впечатления автора от паломничества в Иерусалим и его окрестности; эти записи содержат повествование о Святой Земле, описание ее природы, достопримечательностей, мест поклонения христиан, размышления о христианской вере, жизни Иисуса Христа, духовном пути христианина, о Промысле Божиим, уповании на Бога, смысле Священного Писания, смысле событий, происходящих в жизни автора дневниковых записей, духовной радости, перенесении искушений, духовном смысле Евангельских событий. Повествование ведется от лица человека, который верит в то, что Бог сотворил небо и землю; видимый и невидимый миры; в то, что Он управляет своим творением; Ему свойственно всеведение и всемогущество; ничто не совершается без Его воли; христианин должен следовать Божьей и стремиться ее постичь; необходимо соблюдать евангельские заповеди; молитва человека к Богу имеет действенную силу; человек наделен свободной волей; по завершении земной жизни человек предстает перед Божьим судом. К особенностям мировоззрения христианина относятся теоцентризм – принцип, согласно которому принцип, «вера в единого, индивидуального, самосознающего и самодействующего Бога, который существует вне и над миром и который рассматривается как творец, хранитель и властитель мира» [3, с. 52–59]; христоцентризм – принцип, который проявляет себя «этической и эстетической ориентацией на высший духовный и нравственный идеал, которым является Иисус Христос» [6, с. 542]; эсхатологизм – отношение к миру, связанное с представлениями о конечных судьбах мира и человека, бытия после земной жизни, провиденциализм – понимание происходящих событий как действия Промысла Божия, сотериологизм – представление о том, что главная цель человека – спасение души.

По форме произведение «С Библией в руках по Святой Земле...» представляет собой дневник, поскольку обладает определенными чертами, присущими дневниковым жанровым явлениям, такими, как ауторефлексивность, автоадресатность, наличие структурообразующего элемента, указывающего на время (дата или фиксирование временных границ с обращением внимания на порядок дней), реализация аутокогнитивно-социализационной функции, «предполагающей посредством... фиксации... текущих событий систематизацию внутренней жизни автора, возможность самопознания» [10, с. 7]. Несомненно, что произведение Геннадия Фаста – это особый тип дневника, который можно назвать духовным, поскольку он обладает таким признаком, как «специфическая адресантно-адресатная составляющая (автор – человек с религиозно-христианским мировоззрением, церковный писатель; адресат, если он мыслится, – также человек с религиозно-христианским мировоззрением, как и автор, совершенствующийся духовно через исполнение заповедей Евангелия)» [13, с. 808]; также для дневника Геннадия Фаста характерен еще один отличительный признак – «духовно-религиозная интенциональность, связанная со стремлением к обожению и спасению души, выражением мыслей, представляющих этические концепции, которые утверждаются в Новом Завете и святоотеческих трудах» [Там же].

Композиция записей духовного дневника Геннадия Фаста имеет свои особенности: в нем хронологически следуют друг за другом по дням авторские записи, в которых повествуется о паломничестве. Отделяются записи так: День пер-

вый на Святой Земле, День второй на Святой Земле и так далее (всего семь дней, и отдельно рассказывается о возвращении); в структуре присутствуют компоненты текста, в которых представлены события из жизни писателя, факты, связанные с ним, его духовной жизнью, с путешествием по Святой Земле (фиксация событий синхронна), а также компоненты, содержащие духовно-христианскую саморефлексию. Приведем пример: *А рядом стояли мы. И каждый по-своему переживал свою встречу со Святой Землей. <...> Кто-то впервые видел то, во что всегда верил. Кто-то вновь приветствовал ее, повторно совершая паломничество. Но единого хоровода, единого ликования у нас не было... <...> И невольно подумалось: «Рассеянные иудеи собираются. А единое христианство, единая Русь распадутся?» Но, несмотря ни на что, было неописуемо хорошо от того, что наконец-то мы здесь – на Земле Обетованной...* Отличие от обычных дневников наблюдается в том, что автор сопровождает повествование о событиях размышлениями, которые связаны с христианским взглядом на происходящее (верой Бога, в промысел Божий и участие в происходящем Бога, с попыткой понять судьбу христианства и др.). Специфика композиции более всего проявляется в содержании включаемых в нее компонентов: в повествовании о событиях, рассуждениях, связанных с ними, описаниях природы; все структурные части в той или иной мере содержат духовно-религиозное начало.

В структуре дневниковых записей присутствуют различные интражанры: натурная зарисовка, мнение, воспоминание и другие. Особое внимание в дневнике Геннадия Фаста обращает на себя натурная зарисовка – «образная фиксация природных явлений, описание конкретных особенностей времен года» [1, с. 21]. Поскольку дневниковые записи отражают впечатления автора от путешествия, его видение происходящего вокруг, восприятие природных и культурных памятников Святой Земли, натурная зарисовка играет определяющую роль в построении текста. Писатель сосредоточивается на тех местах, путешествие по которым стало одной из главных целей паломничества. Автор обращает нас в своих натуральных зарисовках к заповеднику Библейской природы в Израиле под названием «Неот Кедумим», Тель-Авиву, Старой Яффе, Иудейским горам, Иерусалиму, Вифлеему, Средиземному морю, Лидде, Хеврону, монастырю святой Тавифы, Галилее, Иордану, Генисаретскому озеру, горе Арабель, селению Магдала, храму Двенадцати Апостолов, городу Иерихону, храму во имя праведного пророка Елисея, археологическому памятнику Кумран, Гефсиманскому саду, Храмовой горе, Сионской горнице, долине Иосафата, горе Сион, Елеонской горе, Фавору и другим местам. Приведем пример реализации речевого жанра натурной зарисовки в дневнике Геннадия Фаста: *И вот мы едем в заповедник Библейской природы в Израиле – «Неот Кедумим». Это территория в 300 гектаров, являвшая еще несколько десятилетий тому назад пустынные ландшафты. Теперь это огромный заповедник с воссозданными библейскими пейзажами Святой Земли. <...> В «Неот Кедумим» мы увидим Пруд финиковых пальм. Укроемся от солнца в тени Виноградника пророка Исаии... Здесь есть и Пруд Царя Соломона, и Склон благовонных растений, и Долина Песни Песней. С каждой весной раскрываются в этой долине алые лютики – Цветы показались на земле... (Песн.: 2:12).* То, на чем автор заостряет внимание (святые места и их значение для христианина) обнаруживает проявления религиозности; все, что попадает в поле зрения писателя имеет непосредственное отношение к христианской вере – это святые места, связанные с ними события, явления, люди.

Языковыми особенностями реализации интражанра натурной зарисовки в произведении Геннадия Фаста является использование географических наиме-

нований (*Неот Кедумим, Иерусалим, Вифлеем, Иордан, Иерихон, Кумран, Сион, Палестина, Капернаум* и др.), причём большая часть этих языковых единиц является названиями важных для православных христиан святынь; использование теонимов (*Иисус, Христос, Бог, Господь, Мессия, Святой Дух*), использование библионимов (*Ной, Иафет, Иисус Навин, Соломон, Иона, Моисей, пророк Исаия, Авраам, Рахиль, Лия, Иаков, Иоанн Креститель, архангел Гавриил, Дева Мария* и др.), эпитетов с книжной стилистической окраской (*благовонные, необъятная, величественная, священные, процветающий, потрясающий, неповторимый, праведная, бесчисленные, неугасимый*), использование флоронимов (*эвкалипты, кактусы, пальмы, иссоп, лютик, оливы, финик, смоковница, сосна, виноградная лоза, маслина*). Говоря о натуральных зарисовках Геннадия Фаста, следует обратить внимание на их яркую и насыщенную поэтичность, обращение к библейским образам: *Как одеяние архангела Варахила, благословителя Божия, осыпано цветами, напоминающими райские поляны, так чудные цветы горы Блаженств воистину являют нам блаженство Царства Небесного. Любуясь цветами, удивляюсь, насколько же природа каждого святого места соответствует тому, что на нём произошло. Горные высоты Иерусалима, тихие поля Вифлеема, обновляющие струи Иордана, цветы горы Блаженств...* Поэтичность создается автором рассматриваемых дневниковых записей, в том числе и с помощью разнообразных средств выразительности – тропов и стилистических фигур, книжной лексики. В приведенном примере писателем используется сравнение цветов Горы Блаженств (речь идет о холме в Израиле, где, по преданию, Иисус Христос произнес Нагорную проповедь) и одеяния архангела Варахила, осыпанного цветами; также используются эпитеты (*райские, чудные, святого, обновляющие, тихие*), перечисление (*высоты, поля, струи, цветы*), книжная лексика (*одеяние, воистину, являют*).

Еще один интражанр духовного дневника, о котором следует сказать, – мнение, представляющее собой «вторичный... жанр, передающий субъективную информацию говорящего» [2, с. 258]. Протоиерей Геннадий Фаст обычно прибегает к этому жанру, когда возникает необходимость дополнить свой рассказ о путешествии рассуждениями о вере, об истории, происходящих событиях. Автор может высказать свое мнение в форме тезиса и привести аргументы. Приведем пример: *Везде есть опасности. Несет свои опасности и Святая Земля. Потрясение может быть очень сильным. А человек может оказаться к нему не готовым.* Это суждение Геннадий Фаст подкрепляет аргументом, который отсылает нас к прошлому: *Вспомним незабвенной памяти Николая Васильевича Гоголя и пережитое им на Святой Земле потрясение, после которого он уже не смог далее жить.* Далее писатель приводит еще одну мысль, показывающую, что на Святой Земле может быть и обратное, абсолютно противоположное и, по мнению автора, недостойное: *А бывает и наоборот. Это когда паломники ведут себя на Святой Земле, как заезжие туристы. Веселятся, пьют и скоморошничают без страха Божия. И если кто испытывает потрясение, то, наверное, их Ангелы Хранители.* Здесь, как и при языковом воплощении интражанра натурной зарисовки, мы встречаемся с использованием эпитетов (*пережитое, сильное, удивительное, божественное, одушевленная, одухотворенная, Небесное, вдохновляющая*). Помимо этого, может встречаться и антитеза: *Не уразумеет Истинного, он примет ложного.* Кроме того, автором используются религиозные термины, в частности библеизмы: *Но сюда же явятся и пророки Илия и Енох.* Для выражения эмоций используются восклицательные конструкции: *И совершится диво дивное!* Обращается автор и к традиционной для текстов церковно-религиозного стиля аллегорической передаче информации. Так, например, при выражении мыслей о приходе далеких от хри-

стианской веры людей к ее пониманию и принятию Геннадий Фаст пишет: *Природная маслина расцветет после того, как все дикие ветви уже будут привиты. Все языческие народы будут приведены ко Христу, полное число язычников войдет в Его Царство.* В данном примере смысл аллегории раскрывается самим автором. Важно сказать о том, что маслина в библейской традиции является «символом неизменного благочестия и Божия благословения», «эмблемой мира и обновления», а под дикой маслиной «разумеются язычники, которые по благодати Божией, через привитие к истинной М. (маслине – А. С.) – Христу, становятся истинными членами Церкви Христовой» [9, с. 326].

Специфически реализуется в дневниковых записях интражанр воспоминания. Особенности его воплощения заключаются прежде всего в том, что Геннадий Фаст вспоминает по преимуществу не события собственной жизни, а библейские события. Например: *А мысли вновь убегают в глубь веков. Здесь проходил не раз Авраам, здесь ходили пророки. Эту Землю избрал Себе Господь для воплощения. Ей принадлежат Его обетования.* Вспоминая о важных событиях христианской истории, писатель прибегает к лексическим, лексико-тропеическим и фигуративным средствам, стремясь создать яркие образы. Так, например, Геннадием Фастом используются сравнения: *Именно в этой пещере ради многих добрых дел, к которым Тавифа спешила, как серна, ее воскресил святой апостол Петр.* Прибегает автор и к анафоре, а также к эпифоре: *Вспоминается пророк Моисей, когда он издали увидел всю Святую Землю... Вся его жизнь была посвящена достижению этой земли. Ради нее оставлено всё. Ради нее отдано всё.* Весьма значимым становится использование интертекстом, в частности цитат из Священных текстов: *Но я почему-то вспоминаю совсем другое. Апостол Петр пытался уберечь Учителя и стал Ему прекословить: «Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою» (Мф. 16:22).* Эмоциональность воспоминаниям придает использование восклицательных конструкций: *Этот город видел более пятидесяти веков! Сюда пришел сын Ноя Иафет, потомками которого являемся все мы, европейцы, и основал этот город на берегу Великого моря.* Вспоминает автор и события собственной жизни, свою Родину, семью, город, в котором он живет и в который скоро будет возвращаться из путешествия: *Вошли и в большой русский храм во имя святого апостола Петра и помолились там. И как будто вновь оказались в России! Как будто никуда и не уезжали. Всё, как у нас на Родине. На Святой Земле много русских храмов. Это не просто храмы, это кусочки земли Русской, рассеянные по Земле Святой. И внешний вид, и иконы, и речь, и порядки, и даже дух русского православия чувствуется в этих храмах.* При воспоминаниях о родной земле писатель использует также и корневой повтор: *русский, русских, Русской, русского; храм, храмов, храмы, храмах.* Обращение к повтору способствует выделению важных отрезков текста, акцентированию внимания на значимых компонентах мысли, выражению эмоционального состояния, подчеркиванию того, что имеет для него значение. Т. П. Сухотерина и Е. Ф. Дмитриева, рассматривая воспоминания как речевой жанр на материале текстов естественной письменной русской речи отмечали, что «воспоминания не только информируют адресата, автор... исподволь, без назидания и поучения... воздействуя на психику адресата, воспитывая на примере...» формирует круг нравственных ценностей адресата [15, с. 123]. Такое утверждение имеет непосредственное отношение к интражанру воспоминаний, функционирующем в духовном дневнике. Несомненно, что воспоминания автора о библейских событиях направляют адресата к высшим духовным и нравственным ценностям христианства, например таким, как любовь и забота о ближнем, благоговейное, уважительное отношение к Богу, христианским святыням, добро, ответственность.

Рассмотрение особенностей воплощения речевого жанра «духовный дневник» в творчестве протоиерея Геннадия Фаста позволяет сделать выводы о том, что его автор при воплощении замысла тяготеет к внимательному и вдумчивому, серьезному и бережному отношению к библейским образам; формированию у читателя через представление образов, представленных в Священных текстах, исключительно высокой оценки и почтительных чувств к Иисусу Христу, Деве Марии, Иоанну Крестителю, пророку Ионе, святой Тавифе, святому Иоанну Богослову, Георгию Победоносцу, апостолу Петру, святой царице Елене, пророку Илие, что, несомненно, свидетельствует о вере самого автора в Божественное начало, о его религиозном мировоззрении. Важнейшим воплощаемым образом становится Образ Святой Земли, поэтично воссоздающийся Геннадием Фастом: *на Святой Земле паломник обращает внимание не столько на вид храмов, сколько на святыни, хранимые в них; на места, связанные со священными событиями; Как удивительно объясняется и подтверждается, оживает евангельский текст здесь, на Святой Земле; Воистину удивительны названия церквей во Святой Земле.* При создании образов автор использует высокую книжную лексику, сравнения, метафоры и аллегории, эпитеты, перечисление, различные виды повтора, синтаксический параллелизм, интертексты и иные средства выразительности. Благоговейное отношение ко всему, что связано со святыми местами, существенным образом отличает духовные дневники от тех дневников, которые пишутся светскими писателями, далекими от христианской культуры. Стилистические функции, в которых используются выразительные средства таковы: изобразительная, эмотивная, оценочная, синдикативная (сближения автора и адресата, укрепления общности между ними), смыслообразующая (порождения, формирования смыслов), аксиологическая (ориентирования на ценности), характерологическая.

Протоиерей Геннадий Фаст – церковный писатель Сибири, чей вклад в развитие русской церковной словесности весьма значим. Его проповедническая и писательская деятельность оказывает большое влияние на формирование религиозно-христианского мировоззрения прихожан храмов, где он проводит богослужения, на их укрепление в вере, способствует художественному развитию таких жанровых форм церковно-религиозного стиля, как проповедь, духовный дневник, толкование. Внимание к духовному творчеству Геннадия Фаста со стороны филологов, культурологов и искусствоведов поможет развитию теории церковно-религиозного стиля, теории церковной словесности, теории русской аксиологии, обозначению значимых культурных и социальных феноменов, составляющих часть нашего цивилизационного наследия.

Проведенный теолингвистический анализ, состоящий прежде всего в выявлении тех важных проявлений религии, которые закрепились в языке, позволяет нам сказать: в произведении «С Библией в руках по Святой Земле...» религиозное мировоззрение автора проявляется в активном использовании им религиозно-христианских религиознимов (важно, что их использование обнаруживает благоговейное отношение ко всему, что связано с христианской верой), христианских аллегорий и сравнений, обращающих к текстам Библии (например, образ маслины, обозначающий в библейской культурной традиции благочестие, Божие благословение, мир, обновление), интертекстом, восходящих к текстам Священного Писания. Угол зрения, под которым автор духовного дневника рассматривает события, происходящие в реальности, явления действительности, людей и их поступки, обнаруживает нахождение писателя в мыслях о Боге, что влияет на степень употребительности теонимов, слова *Бог, Христос* – весьма и весьма частотны. Темы (христианской веры, христианского паломничества, апостольско-

го служения, исполнения заповедей, искушений, греха, христианской ответственности, истории христианства, природы Святой Земли) и идеи (действия Промысла Божиего, спасения, воскресения, любви к Божию творению, терпения, христианского подвига и др.), обращение с событиями истории христианства, использование при этом соответствующих языковых единиц (*Священная история, историческая миссия христианства, евангельская история, священное событие, евангельское событие, библейское событие* и др.) также дают нам возможность понять, что перед нами текст, уникальность которого связывается с тем, что оно создано на христианской духовно-мировоззренческой почве, а его автор не просто свидетель происходящего, скрупулезно записывающий ход событий и описывающий красоты окружающей его природы, но и писатель дающий оценку событий и явлений с позиций человека, видящего во всем Промысел Божий и описывающий окружающий мир, глядя на него как на творение Бога. Таким образом, речь автора духовного дневника можно определить как относящуюся к сфере церковно-религиозного стиля по идейно-тематическим, лексическим, лексико-тропеическим, историко-контекстуальным признакам. Основные признаки церковно-религиозного стиля, выделенные М. Н. Кожинной, можно безоговорочно отнести и к текстам духовного дневника протоиерея Геннадия Фаста: «архаически-возвышенная тональность речи, соответствующая высокой цели религиозной деятельности... символизация фактов и событий невидимого мира... ориентированная на религиозные ценности оценочность речи; модальность достоверности, несомненности сообщаемого» [7, с. 415], несомненно, характерны для исследованного духовного дневника. Жанровое многообразие различных типов текста, функционирующих в церковно-религиозном стиле, заслуживает отдельного исследования, в котором будут представлены подсистемы жанров единой системы жанров церковно-религиозного стиля (подсистема этикетных жанров, подсистема литургических жанров и др.). Духовный дневник вписывается в подсистему автодокументальных речевых жанров церковно-религиозного стиля, к которым относятся также духовное письмо, духовные воспоминания, духовная автобиография.

В перспективе предполагается рассмотрение вопросов, связанных с дальнейшим изучением текстов церковно-религиозного стиля в аспекте теолингвистики, разработка новых способов и моделей анализа религиозных текстов, изучение жанров церковно-религиозного стиля (духовная автобиография, толкование на послания апостолов, духовное назидание и др.), теолингвистическое исследование духовного наследия русских церковных писателей XX и начала XXI века: архимандрита Иоанна (Крестьянкина), протоиерея Геннадия Фаста, святителя Луки (Войно-Ясенецкого), митрополита Вениамина (Федченкова), архимандрита Андроника (Елпидинского), архиепископа Василия (Кривошеина) и других.

Список литературы

1. Аккужина Ф. А. Обучение творческим письменным работам малого жанра (на примере художественно-публицистического жанра зарисовки) // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1 (50). С. 21–22.
2. Анисимова Т. В. Типология жанров деловой речи: риторический аспект : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000. 417 с.
3. Варзонин Ю. Н., Худнев Ю. А. Теоцентризм в теории современной риторики // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. № 4 (63). С. 52–59.
4. Гадомский А. К. Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 1. С. 17–28.
5. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб. : Мифрил, 1995. 244 с.
6. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. СПб. : РХГА, 2017. 549 с.

7. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. *Стилистика русского языка* : учебник. М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. 464 с.
8. Копнина Г. А. «Лингвистика информационно-психологической войны»: презентация научного проекта // *Проблемы речевой коммуникации* : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2018. Вып. 18. Кн. I. 136 с.
9. Никифор (Бажанов), архимандрит. *Иллюстрированная библейская энциклопедия*. М. : Эксмо, 2016. 640 с.
10. Рабенко Т. Г. Инвариантные и варианты признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») // *Жанры речи*. 2020. № 1 (25). С. 6–14.
11. Смолина А. Н. *Духовный эпистолярный русский православного монашества XX – начала XXI века: типология жанровых форм, их риторико-стилистическая организация, речевой этикет* : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2021. 569 с.
12. Смолина А. Н. Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры и реализация (теолингвистический аспект) // *Научный диалог*. 2021. № 10. С. 134–152.
13. Смолина А. Н. Модель описания речевого жанра «духовный дневник»: основные параметры и воплощение (стилистика и теолингвистический аспекты) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. № 3. С. 800–811.
14. Смолина А. Н. *Русская христианская лексика духовно-нравственного содержания: краткий словарь (лексикографический проект)* // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. № 4. С. 1092–1100.
15. Сухотерина Т. П., Федорова Е. Ф. *Графико-пространственная характеристика воспоминаний как речевого жанра* // *Альманах современной науки и образования* : в 2 ч. 2012. № 12 (67). Ч. 1. С. 122–126.

Информация об авторе: *Смолина Анджелла Николаевна*, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск, Россия).

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОВЕРИЯ И ОТКРЫТОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

И. Э. Федюнина

г. Белгород, Россия
innafedyunina@yandex.ru

Аннотация. Исследованы семантико-прагматические характеристики русских фразеологизмов, объективирующих доверие и открытость в отношениях. Анализируются пути и особенности формирования и реализации когнитивно-прагматического эффекта изучаемых фразеологизмов в дискурсивной ситуации. Рассматриваются изменения оценочной коннотации под влиянием контекста и окказиональных преобразований. Выявляется специфика восприятия и оценки доверия и открытости носителями языка.

Ключевые слова: фразеологизм, картина мира, доверие и открытость, дискурс, оценочная коннотация, рациональная и эмоциональная оценка, прагматический эффект

Для цитирования: Федюнина И. Э. Фразеологическая репрезентация доверия и открытости в отношениях в русской языковой картине мира // *Языковая политика*

и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 117–121.

В последнее время фразеология уделяет особое внимание дискурсивному функционированию фразеологических единиц (ФЕ) и тем возможностям, которые открывает исследование их когнитивно-прагматических характеристик. Перспективными в этом отношении представляются ФЕ, репрезентирующие фрагменты картины мира, связанные с человеческими отношениями и их оценкой.

Общепризнано, что доверие и открытость являются важнейшим условием построения здоровых отношений. С другой стороны, социологические и психологические исследования показывают, что существуют ситуации, в которых этот элемент отношений не слишком востребован, а «ряд социальных институтов... может адекватно функционировать только при сохранении приличествующего минимума лжи» [8, р. 162]. Очевидно, что проявление доверия и открытости может быть воспринято и оценено по-разному в зависимости от ситуативных, социокультурных и личностных факторов.

По мнению специалистов-фразеологов, прагматические возможности ФЕ (т.е. их способность объективировать и вызывать у реципиента то или иное отношение к характеризованному явлению) определяются их внутренней формой, степенью экспрессивности, гибкостью оценочной коннотации и смысловой вариативностью. Для описания последней характеристики в когнитивной фразеологии используется понятие смысловых фасет, представляющих собой «гибкий импликационал, расположенный вокруг предметно-понятийного ядра фразеологического значения» [1, с. 45–46]. Фасеты «чутко реагируют на дискурсивно-смысловое поле, в «силовое притяжение» которого попадает фразема» [там же] и способны преобразовывать и приносить определенные признаки денотативной ситуации в конкретном дискурсе. Для нашего исследования также важна специфика оценочной коннотации ФЕ. Лингвист Е. М. Вольф выделяет два тесно взаимосвязанных аспекта оценки – эмоциональный и рациональный, показывающих, «какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта» и выражающих «две стороны отношения, первая – чувство, вторая – мнение» [2, с. 40–42]. Эти аспекты реализуются в коммуникативной ситуации в разной степени и могут противоречить друг другу. Специалисты также утверждают, что эмоциональные реакции и оценки детерминируются не только индивидуальными особенностями – они в равной степени являются «социальным конструктом, социально обусловленной моделью поведения», которая «усваивается в ходе жизненного опыта в различных типовых ситуациях» [9, р. 47–49] в соответствии с нормами, правилами и ценностями конкретной культуры. Поскольку образность и оценочная коннотация ФЕ также имеют «социально закреплённый характер» [3, с. 242], их изучение помогает выявить особенности соответствующего фрагмента картины мира носителей языка.

Предварительные исследования показали, что изучаемые нами ФЕ, наряду с вышеуказанными свойствами, обладают «реальной или потенциальной образной подвижностью» [3, с. 241], в силу чего достаточно часто подвергаются в дискурсе окказиональным преобразованиям. Это свойство повышает их дискурсивную сензитивность и расширяет их прагматические возможности, поскольку такие ФЕ могут «существенно различаться в семантике со своим языковым прототипом» [6, с. 151] и становятся «смысловой схемой, наполняющейся в различных контекстах индивидуализированным смысловым содержанием» [там же]. Здесь будут рассмотрены дискурсивные ситуации, выявляющие наиболее характерные тенденции.

Начнём с анализа трёх ситуаций, в которых используется ФЕ *изливать душу*, обозначающая абсолютно доверительное откровенное общение. Отметим, что во всех трёх случаях ФЕ подвергается модификациям, существенно влияющим на её оценочную коннотацию.

- Подруги были тихушницы. Дружба, называется. Дружба для того и существует, чтобы *выворачивать душу, как карман*. А иначе – какой смысл [5, с. 21]. Здесь трансформация изначальной формы ФЕ включает замену глагольного компонента и расширение образной основы, построенное в виде сравнения. Замена компонента *изливать* на более экспрессивный *выворачивать* значительно интенсифицирует ключевую сему открытости, а сравнение *как карман* привносит дополнительный смысл щедрости и готовности обсуждать любые проблемы без утайки. Таким образом, общая позитивная коннотация ФЕ усиливается; как в эмоционально-нравственном, так и в рациональном аспектах подчёркивается невозможность, бессмысленность и непродуктивность построения близких отношений без полной откровенности и доверия.

- Он не любил выслушивать чужие исповеди. Иногда пассажир начинал *выгружать свою душу и складывать в Костю, как в мусорный пакет* [5, с. 251]. В данной ситуации используется тот же принцип модификации ФЕ, что и в предыдущей, но результат в когнитивно-прагматическом плане достигается противоположный. Сравнение «*выгружать как в мусорный пакет*» не только даёт исключительно негативную образную ассоциацию, но и меняет семантику изначальной ФЕ в целом, характеризуя поведение субъекта как бестактную и бесцеремонную попытку избавиться от негативных эмоций (или просто провести время) за чужой счёт, не думая о чувствах и желаниях собеседника.

- У меня всегда всё нормально. Что бы ни происходило, как бы погано ни было на душе, на вопрос «Как дела?» я всегда отвечаю: «Нормально». *Выплёскивать* всем подряд *то, что у тебя на душе*, – нет уж, увольте [4, с. 60]. В этом контексте прагматический эффект ФЕ определяется заменой компонента «*изливать*» на «*выплёскивать*» и вовлечением добавления «*всем подряд*», что привносит дополнительный негативный смысл неразборчивости; одновременно имплицитно недопустимость такой неразборчивости при обсуждении важных и личных тем. Однако негативная оценка несколько ослабляется за счёт информации контекста, подчёркивающей, что такая позиция говорящего объясняется отсутствием у него личной склонности к откровенности и обсуждению своих проблем с другими людьми.

В следующей группе коммуникативных ситуаций использована ФЕ *расставить точки над “i”*, актуализирующая полную открытость и прямоту в выражении мнения и построении отношений. Важно отметить, что данная ФЕ имеет флюктуирующую оценку, т. е. не несёт чётко выраженной позитивной или негативной коннотации. Её общий прагматический эффект формируется и реализуется исключительно ситуативно.

- Он не сможет жить спокойно, не поговорив открыто с отцом и *не расставив точки над “i”*. Он должен знать, имеет ли он право негодовать на отца или такого права у него нет. Он должен знать, справедливы ли его мысли и чувства [4, с. 125]. Для этого контекста характерно превалирование эмоционально-нравственного аспекта восприятия и оценки происходящего. Незнание истинного положения дел и неопределённость отношений с близким человеком репрезентируется как безнравственное и эмоционально непереносимое (последнее усиливается указанием на индивидуальную органическую потребность в ясном понимании ситуации). В результате действие, актуализируемое ФЕ, видится как обязанность, избавление от личных страданий и необходимое условие продолже-

ния отношений. Таким образом, обеспечивается однозначно позитивная коннотация ФЕ.

- Света выпустила колечко дыма и сняла совершенные ноги с плетёного кресла. – Садитесь. Сливки? Молоко? – Нет, спасибо, – отказался он и в кресло не сел. Ему не хотелось целую неделю выдерживать Светин прицельный огонь, а для этого нужно было сразу *расставить все точки над “i”* [7, с. 82]. В данном дискурсе реализуется приоритет рационального аспекта построения отношений. Субъект практически не вовлечён в ситуацию эмоционально, воспринимает её критически-иронично, а его потребность в быстром и однозначном прояснении отношений продиктована просто стремлением избавиться от потенциальных хлопот и интриг ненужной и неинтересной ему женщины. Общий позитивный прагматический эффект ФЕ сохраняется, но «суживается» до рациональной составляющей.

- Твоя прямота меня убивает. Ты со всеми так? *Расставляешь не только точки над “i”, но и знаки препинания.* У тебя, наверное, и друзей-то нет [4, с. 317]. Здесь мы снова наблюдаем дискурсивную трансформацию ФЕ посредством метафорического расширения, которое интенсифицирует ключевую сему ясности и прямоты, придавая ей чрезмерность и имплицитно потенциальные разрушительные последствия для отношений и высокую вероятность для субъекта остаться в одиночестве. Это также открыто репрезентируется в первой и последней фразах говорящего («убивает», «друзей нет»). В результате ФЕ приобретает резко негативную оценочную коннотацию, а её семантика «сдвигается» от значения ясности и открытости отношений к значению их порчи и разрушения.

И наконец, рассмотрим ещё одну дискурсивную ситуацию, вовлекающую ФЕ *с открытым лицом* и *с поднятым забралом*, актуализирующие абсолютную открытость намерений и потенциальных отношений. • «- Наш главный принцип – мы идём на выборы *с открытым лицом, с поднятым забралом*». Вот уж принцип так принцип. Нет ничего более неподходящего для Тимофея Кольцова, чем это *«открытое лицо»*. Вон какая рожа бандитская, и смотреть, что там у него, *за поднятым забралом*, охотников мало найдётся [7, с. 44]. Данный дискурс интересен тем, что изначально положительная оценочная коннотация ФЕ практически сводится к нулю за счёт использования каламбура (соположение метафорического значения компонента «лицо» в составе ФЕ и прямого его значения, причём выраженного вульгарной лексемой («бандитская рожа»). Такой приём привносит сарказм, издёвку в восприятие ситуации, подчёркивая контраст между неудачно выбранным политическим имиджем субъекта и его внешним видом (а возможно, и поведением), что совершенно исключает возможность завоевать положительное отношение избирателей.

Таким образом, доверие и открытость в отношениях – безусловно значимый фрагмент картины мира носителей русского языка, но его оценочное восприятие неоднозначно, что в полной мере демонстрируется разнообразием ситуативного когнитивно-прагматического эффекта исследуемых ФЕ. Большинство их проявляет высокую степень структурной и когнитивной гибкости, имеет флуктуирующую оценочную коннотацию и достаточно часто подвергается дискурсивным модификациям. В целом доверие и открытость для носителей русской культуры представляются абсолютно необходимыми и эмоционально востребованными в близких личных отношениях, но могут оцениваться как ненужные и даже деструктивные, когда потребность в них не взаимна, а также когда прямота и откровенность чрезмерны, неуместны или лицемерны. Также отметим, что степень потребности в доверии и открытости определяется не только внешними факторами и отношением к партнеру, но и индивидуально-психологическими особенностями участников коммуникации.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма : монография. Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. 152 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная систематика оценки. М. : Наука, 1985. 271 с.
3. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. М. : Высш. шк., 2006. 408 с.
4. Маринина А. Б. Каждый за себя. М. : Эксмо, 2004. 432 с.
5. Токарева В. С. Птица счастья. М. : АСТ, 2005. 349 с.
6. Третьякова И. Ю. Метод моделирования окказиональных фразеологизмов // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации : материалы междунар. науч.-практ. конф. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. С. 151–153.
7. Устинова Т. В. Гроза над морем. М. : АСТ, 2002. 286 с.
8. Barnes J. A. Pack of Lies: Towards a Sociology of Lying. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 200 p.
9. Ekman P. Basic Emotions // The Handbook of Cognition and Emotion. New York : John Willey & Sons Ltd, 1999. P. 45–60.

Информация об авторе: *Федюнина Инна Эдуардовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

ГОВОР СЕЛА КАЗАЧЬЯ ПЕЛЕТЬМА ЛУНИНСКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Р. В. Ширшаков¹, А. В. Савина²

^{1,2} г. Пенза, Россия

¹ shirshakov80@mail.ru

² anastasiasavina3478@gmail.com

Аннотация. Анализируются фонетические, грамматические и лексические особенности речи жителей села Казачья Пелетьма Лунинского района Пензенской области, которые позволяют определить место данного говора в современной системе диалектного членения русского языка.

Ключевые слова: русская диалектология, пензенские говоры, диалектное членение русского языка

Для цитирования: Ширшаков Р. В., Савина А. В. Говор села Казачья Пелетьма Лунинского района Пензенской области // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 121–123.

Впервые село Казачья Пелетьма упоминается в «Строельной книге города Пензы» в 1665 году, как Пелетьминская слобода конных казаков [3, с. 56]. Село имело статус стратегически важного поселения.

В 1675 году в Казачьей Пелетьме была построена церковь во имя Рождества Христова, Христорожественская. В связи с этим село получило второе название – по церкви – Рождественское.

Экспедиционное обследование было совершено летом 2019 года.

Фонетические особенности **Особенности вокализма**

Фонема [а] под ударением, находясь в положении между мягкими согласными, не изменяет своего качества и не переходит в зону артикуляции [е]: |оп'át'|, |д'ит'ám'и|, |остовл'ál'и|.

На месте древнего ъ после мягкого согласного произносится [э]: |ч'ьлов'эк|, |вр'эм'ја|, |н'эд'эл'и|.

В обследованном населённом пункте представлено неполное оканье, то есть различие <а> и <о> наблюдается в 1-ом предударном слоге, а в других предударных слогах они не различаются: |пъгъвор'йл'и|, |тръктор'йт|, |мълодой|, |роботъль|, |пръдолжалъс'|, |пръдовал'и|, |мълот'йл'и|, |од'иньцът'|.

Гласные фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге после мягких согласных совпадают в звуке *и*, то есть говору присуще иканье: |з'ирно|, |в'ирху|, |с'им'ја|, |д'ит'ám'и|.

Особенности консонантизма

Заднеязычный [г] носит взрывной характер: |гóды|, |гъвор'йт|, |ъгорóды|, |грибý|.

Аффрикаты [ц] и [ч] различаются: |дóч'къ|, |в'эч'ър|, |цэ́лый|, |ъгурцы|.

Звук [в] – губно-зубной, в положении перед глухими согласными и на конце слова переходит в [ф]: |фс'ó|, |óфцы|, |моркóфкъ|, |стьрикóф|, |тръкторóф|.

Фонема /ф/ реализуется звуком [ф]: |ф'эрму|.

Шипящие [ш] и [ж] твёрдые: |пръдолжалъс'|, |пошла́|, |жы́зн'|, |сажа́т|.

Отметим фонетические изменения, произошедшие в результате комбинаторных процессов.

В некоторых случаях наблюдается явление эпентезы в соседстве с сонорным согласным: |сьморóд'инь| (смородина), |бърокóвънь| (бракована).

Наблюдается явление диерезы: |ба́ушкь| (бабушка).

Последовательное выпадение звука [г] в словах *тогда*, *когда*: |тода́ вэ́дрь была́|, |кода́ пошла́ ма́мь|, |кода́ ж'эн'йл'ис'|.

Морфологические особенности

У имён существительных II-го склонения с основой на заднеязычный *к* в форме Т.п. мн.ч. наблюдается флексия -ими: |ја́щ'ик'им'и|, |с р'ьб'јатйшк'им'и|, |ва́р'ишк'им'и|, |игру́шк'им'и|, |дет'йшк'им'и|.

Встречается употребление имён существительных женского и среднего рода множественного числа родительного падежа с окончанием -ов: |йгрѣф|, |свиномáткъф|, |ја́блѣкъф|. Такое окончание распространяется (за счет окончания -еј) и на существительные мужского рода с мягким согласным в исходе основы: |родит'ьл'ьф|.

Личные и возвратное местоимения в родительном падеже единственного числа имеют форму *меня*, *тебя*, *себя*.

Глаголы в форме 3-го лица настоящего (простого будущего) времени единственного и множественного числа имеют в окончаниях твердый [т]: *шумит*, *сидит*, *слышит*, *кричит*, *смотрит*.

В именах прилагательных наблюдается стяжение окончаний, т.е. утрата интервокального [ј] и последующее слияние гласных: |бол'ша́|, |ли́шни|, |никуды́шны|.

Обнаруживается специфика в образовании форм настоящего (простого будущего) времени глаголов, имеющих в основе -ј-. В результате выпадения *ј* и стяжения гласных основы и окончания сформировались особые глагольные флексии средних членов парадигмы, не совпадающие с флексиями 1 и 2 спряжения [2: 163]: |знáт|, |зъкрывáм|, |сажа́м|, |роботъ́т|, |събира́т|.

Местоименные прилагательные *какие, какая* употребляются в форме: |какі́|, |кака́|.

У словоформы *один* во множественном числе наблюдается последовательное окончание -ы: |одны́|.

Встречаются диалектные формы наречий: |туды́|, |с'уды́|.

Замечено употребление наречия *оттудова* вместо *оттуда*: |отудьвь коро́ф гна́л'и|.

Синтаксические особенности

Для данного населённого пункта характерно употребление постпозитивной частицы *то*: |ста́рый то|, |ма́мь то|, |сим'я́ то|, |жы́т' то|.

Лексические особенности

Приведем ряд диалектных слов, записанных в период обследования говора села Казачья Пелетьма.

Поте́лка. Телка от 1 года до 2 лет. *И коро́вь и пот'э́лк'и и св'и́н'и ф'со бы́ль.* В СРНГ отмечено в ростовских говорах [4: 30/271].

Ска́льги. Прыгалки. *В м'я́ч'ик в ска́л'ги игра́л'и.* В СРНГ не зафиксировано.

Рушні́к. Полотенце. *Рушн'и́к сама́ вы́шылъ.* По данным СРНГ имеет широкую географию: встречается в архангельских, тверских, псковских, орловских, владимирских, рязанских, ярославских, костромских, пензенских, ульяновских и других говорах [4: 35/283].

Ру́я. Старые вещи. *По́т кровáт' лáз'иль за ру́яй.* В СРНГ зафиксировано в значении «груя; куча» во владимирских говорах [4: 35/292].

Несру́шный. *Дь он н'эсру́шный был.* Данного слова нет в Словаре русских народных говоров, но есть слово «несручный» – неспособный, неприспособленный к какому-либо делу [4: 21/163].

Вечо́рить. Проводить вечер. *С подру́гьм'и в'эчо́р'ил'и быва́ль.* В СРНГ не зафиксировано.

Сбру́я. Приспособление для запряжки лошадей. *На кон'я́ сбру́ю ны́ц'эп'и́л.* В СРНГ зафиксировано в нижегородских, костромских, архангельских и ярославских говорах [4: 36/189].

Гута́рить. Говорить, рассказывать что-нибудь. *До но́ч'и с н'им гута́р'ил'и.* По данным СРНГ имеет широкую географию: встречается в архангельских, ярославских, рязанских, пермских, владимирских, воронежских, пензенских и других говорах [4: 7/250].

В соответствии с современной группировкой говоров русского языка, представленной в труде Захаровой К. Ф., Орловой В. Г. «Диалектное членение русского языка» [1], говор села Казачья Пелетьма Лунинского района Пензенской области относится к переходным среднерусским окающим говорам Владимиро-Поволжской группы.

Список литературы

1. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. 2-е изд., стер. М. : Едиториал УРСС, 2004. 176 с.
2. Пожарицкая С. К. Русская диалектология : учебник. 2-е изд., испр. и суц. доп. М. : ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
3. Полубояров М. С. Мокша, Сура и другие... Материалы к историко-топонимическому словарю Пензенской области. М., 1992. 197 с.
4. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52. М. ; Л. ; СПб., 1965–2021.

Информация об авторах: *Ширшаков Роман Викторович*, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Савина Анастасия Валерьевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА: СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ХОДЕ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА

Н. А. Белова¹, Е. А. Кашкарева²

^{1, 2} г. Саранск, Россия

¹ belkasun@mail.ru

² kashea@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены возможные методические пути изучения технологии риторизации и риторического анализа текста как одного из приёмов её реализации на уроках развития речи в школе в контексте вузовской подготовки учителя. Предложено содержательное наполнение лабораторного занятия по теме «Использование приёмов риторизации на уроках русского языка в школе» курса «Методика преподавания русского языка», модель урока развития речи для работы на методической мастерской со студентами.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка, технология риторизации, риторический анализ текста, модель урока русского языка, методическая мастерская

Для цитирования: Белова Н. А., Кашкарева Е. А. Методическое осмысление риторического анализа текста на уроке русского языка в ходе вузовской подготовки учителя-словесника // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 124–128.

Широкий познавательный потенциал технологии риторизации определяет её интегративным характером, возможностью соотноситься с самыми различными предметными областями. Поэтому каждый учитель-предметник имеет большие ресурсы для выбора необходимого и наиболее уместного методического приема, дидактического материала, средств обучения в своей сфере, которые станут неотъемлемой частью программного занятия и позволят решать те образовательные и воспитательные задачи, которые заложены в технологии. В ходе вузовской подготовки учителя-словесника на занятиях дисциплины «Методика преподавания русского языка» необходимо не только знакомить студентов с достижениями классической методической науки и подходами к обучению методистов-исследователей и педагогов-новаторов, но и создавать условия для практического усвоения будущими учителями того нового, что появляется в методической науке и смежных областях и даёт высокий образовательный эффект.

В ходе теоретического осмысления темы мы обращались к работам отечественных авторов, посвящённым различным аспектам культуры речи и риторики, в том числе изучению понятия «риторизация» применительно к школьному филологическому образованию (Л. В. Ассуировой [1], Н. А. Беловой и Е. А. Кашкаревой [2], С. А. Минеевой [3], Е. Ю. Назаровой [4], В. А. Нищеты [6], М. В. Стуриковой [8] и др.); а также работам, в центре внимания которых находится методический аспект рассмотрения риторических приёмов на уроках развития

связной речи (Е. В. Никульченковой [5], О. А. Сальниковой [7] и др.). Обобщая подходы учёных, можно утверждать, что технология риторизации, активно развиваясь как одна из инновационных образовательных технологий, учитывая достижения системно-деятельностного подхода в обучении, нацелена на формирование осознанных коммуникативных действий учащихся. Данная технология реализуется с помощью специальных приёмов, одним из которых наряду с риторическими задачами и риторическими играми является риторический анализ текста. Понимание коммуникативной направленности текста осуществляется через его риторический анализ. Выделим несколько разновидностей риторического анализа как собственно риторического приема обучения:

1) анализ текста по выявлению и характеристике всех компонентов речевой ситуации, зафиксированной в тексте (кто сказал, кому сказал, о чём сказал, где, когда и зачем сказал), и характеристике поуровневых языковых средств, использованных автором речи для реализации своего коммуникативного намерения (как сказал?);

2) ответы на следующие вопросы: что хотел сказать говорящий? что он сказал? и что сказал ненамеренно? Ответы на данные вопросы позволяют выяснить, насколько говорящему удалось реализовать своё коммуникативное намерение. (Данная разновидность риторического анализа является одной из самых трудных, поскольку предполагает у коммуниканта наличие специфических речевых умений – умений «расшифровывать», «декодировать» текст с учётом прямого и косвенного информирования.);

3) поиск ответа на вопрос: что представляет собой речь как результат риторической деятельности? (Здесь идёт анализ трёх аспектов представленного текста: аспекта смысловой структуры текста (набор использованных автором топов – инвенция); аспекта расположения идей (диспозиция); аспекта риторических форм (тропов и фигур) (элокуция) [2, с. 72–73].

Все компоненты риторического анализа текста должны быть взаимосвязаны и взаимообусловлены. Задача учителя заключается, прежде всего, в правильном отборе текстов для анализа на уроках. Тексты, предлагаемые школьникам для риторического анализа, должны отвечать таким требованиям, как насыщенность и глубина содержания, стройность композиции, нацеленность на привлечение внимания слушателей, на возбуждение в них определённых чувств и эмоций.

В результате использования данного приёма у учащихся формируется комплекс важных речевых умений:

- умение работать с текстовой информацией, выделять главную и второстепенную информацию, перерабатывать её;
- умение продуцировать свои высказывания в различных речевых жанрах;
- умение осознанно ставить коммуникативную цель, подчиняя ей содержание и композицию своего высказывания;
- умение формулировать свою позицию и аргументировать её, подбирать иллюстрации (примеры);
- умение уместно отбирать языковые средства из всего их огромного арсенала и др.

От теоретического рассмотрения специфики технологии риторизации и аспектов проведения риторического анализа текста в методических целях на уроке русского языка можно перейти на лабораторном занятии к практическому освоению студентами данного приёма. Представленная ниже модель урока развития речи создавалась, отрабатывалась и обсуждалась в ходе методической мастерской.

Модель урока развития связной речи. Тема «На притчу ума не нападёшься. (Притчевое изречение как особый вид притчи в Библии)» 7 класс.

Методическая база урока включала проработку традиционных компонентов при создании урока, определение его **целей**. Студентами были сформулированы следующие **образовательные цели**: вспомнить о притче как речевом жанре; узнать, что называется притчевым изречением, познакомиться с его особенностями; научиться разграничивать афористическое высказывание и притчевое изречение; научиться анализировать притчу; научиться применять притчевые изречения применительно к той или иной ситуации; **развивающие**: развивать мыслительные операции, связную речь, память, воображение, творческие способности; **воспитательные**: формировать любовь к речи; формировать чувства ответственности за своё речевое поведение; формировать умение уместно использовать притчи в жизни. Далее осуществлялась работа по отбору необходимых **методов и приёмов обучения**. Были выбраны традиционные: **репродуктивные** (слово учителя, анализ текста), **продуктивные** (беседа, совместный риторический анализ); а также **собственно риторические** (метод развития коммуникативных способностей; метод работы над техникой речи; метод формирования навыков публичного выступления). **Этапы урока** выделены в соответствии с **комбинированным типом урока** (I. Организационный момент. II. Вступительное слово. III. Повторение изученного. IV. Объяснение нового материала. V. Закрепление нового материала. VI. Выводы, обобщения. VII. Домашнее задание).

Далее представим учебный материал, предложенный студентами в ходе проигрывания модели урока на лабораторном занятии с последующим его обсуждением участниками методической мастерской. **Вступительное слово учителя**: Ребята, вы знаете, что царь Соломон превосходил всех царей земли прежде всего своей мудростью, она проявлялась и в том, как он решал, казалось бы, неразрешимые загадки, и в том, как он умножал своё многочисленное богатство, и в том, как он выражал своё отношение к человеку, к миру, к Богу. Его мудрость – дар Божий.

Однажды ночью явился во сне Соломону Бог и сказал:

– Проси, что дать тебе.

И ответил Соломон:

– Стал я царём вместо Давида, но я отрок малый – ничего не знаю. Народа моего нельзя ни исчислить, ни обозреть. Дай мне, рабу твоему, сердце разумное, чтобы судить народ, различать добро и зло.

– Хорошо, что ты не просил ни долгой жизни себе, ни богатства, ни душ врагов, – сказал Бог. – Хорошо, что ты просил себе разума, чтобы уметь судить. Дам я тебе сердце разумное, какого не было прежде и после тебя не будет никогда. Но дам я тебе и то, чего ты не просил, – богатство и славу. А будешь соблюдать уставы мои и заповеди, и дни твои я продолжу.

Ребята, сегодня на уроке мы будем рассматривать притчи Соломона, так как тема нашего сегодняшнего занятия – притчевые изречения, а среди притч Соломона встречаются афористические изречения разного содержания, так что почти каждый стих есть отдельное целое, отдельная притча, не имеющая видимой связи ни с предыдущим, ни с последующим изречением. Притчи царя Соломона могут приобретать форму непосредственных советов и заповедей.

Повторение изученного ранее. *Но прежде чем мы перейдём к новой теме, вспомним, что такое притча.* (Притча – это короткий рассказ, сюжет которого раскрывается как иносказание с нравоучительной целью). *Расскажите об особенности евангельской притчи как жанра на уровне содержания.* (Некоторые евангельские притчи имеют двухчастную (как «классическая» притча), а другие трёхчастную форму. Вспомним, как общался Иисус со своими учениками: он не давал прямых ответов на задаваемые ему вопросы, а вместо этого рассказывал притчи – поучительные истории. Ученики должны были самостоятельно раз-

гадать смысл этой истории и найти ответ на свой вопрос. В риторике такой жанр (поучительная история, смысл которой должен быть разгадан получателем) имеет своё название – риторическая парабола: повествование сначала как бы отдалится, а затем возвращается к основной теме разговора, если суть истории угадана правильно). **Объяснение нового материала.** Перейдём к новой теме. Сейчас, ребята, я вам прочитаю притчу, а вы попытаетесь найти, где в ней афористическое высказывание, а где притчевое изречение: *«Путь ленивого – как терновый плетень, а путь праведных – гладкий».*

Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. Или пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит, её труды употребляют во здравие и цари и простолюдины; любима же она всеми и славна; хотя силу она слаба, но мудростью почтена. Доколе ты, ленивец, будешь спать? Немного поспишь, немного подремлешь, сложив руки, полежишь: и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник. Если же будешь не ленив, то, как источник, придет жатва твоя; скудость же далеко убежит от тебя». (Пример афористического высказывания дан в первом предложении текста. Пример притчeveго изречения содержится в первом предложении первого абзаца).

Ребята, запишите в тетрадь определение притчeveго изречения: Притчевое изречение – краткое выражение, суждение, факт общечеловеческого опыта, который можно применить к данной ситуации или обстоятельствам. Афористическое высказывание в большей степени является фактическим наблюдением, тогда как притчевое изречение выносит суждение по какому-либо религиозному или моральному вопросу.

Сейчас мы с вами выполним риторический анализ притчи.

*Кто говорит? Кому адресует свою речь автор? (Человек. Для того, чтобы побудить другого к трудолюбию). В какой ситуации (где и когда) такая речь могла быть произнесена? (Сказать это могут родители ребёнку, либо учитель). Какова коммуникативная задача говорящего? (Поучить, наставить на путь труда). Обратим внимание, что в тексте есть обращения («ленивец»), сравнения («и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя, как разбойник», «если же будешь не ленив, то, как источник придет жатва твоя»), риторические вопросы; многие предложения в тексте являются сложными и имеют большой объём. **Закрепление нового материала:** Предлагаю вам, ребята, выполнить следующие задания: 1. Прочитайте следующие притчевые изречения («Что колючий терн в руке пьяного, то притча в устах глупцов», «Плод праведника – древо жизни, и мудрый привлекает души», «Обращающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружится с глупыми – развратится», «Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою: а кто широко раскрывает свой рот, тому беда»). Смоделируйте (опишите) ситуацию, в которой может быть введено одно из изречений Соломона. Включите его в свой рассказ.*

2. Можно предложить следующую ситуацию: «Среди ваших друзей, возможно, есть любители поговорить, которые могут заниматься этим с утра до вечера, забывая обо всем на свете. Вы решили как-нибудь помочь им. Как-то зашёл разговор о людях болтливых и молчаливых. И тут вы вспомнили изречение царя Соломона: «От всякого труда прибыль, а от пустословия только ущерб» и рассказали его».

3. Прочитайте изречения царя Соломона («Приятна речь – соловьиный мёд: сладка для души и целебна для костей», «Язык мудрых сообщает добрые знания, а уста глупых изрыгают глупость», «При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои – разумен»). Какое из изречений вы хотели бы запомнить? Как вы его понимаете?

4. *Ребята, прочитайте притчевое изречение царя Соломона. Согласны ли вы с ним? Докажите свою точку зрения.* «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, – потому что приобретение её лучше приобретения серебра, и прибыли от неё больше, нежели от золота».

Выводы, обобщения: На сегодняшнем уроке вы познакомились с притчевым изречением как особым видом притчи в Библии. Познакомились с его особенностями, научились применять притчевые изречения применительно к той или иной ситуации. **Домашнее задание.** *Прочитайте следующие притчевые изречения. В какой ситуации вы могли бы ввести в своё выступление одно из притчевых изречений? Изложив притчевое изречение, продолжите своё размышление на тему высказывания* («Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным...»), «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода», «Не бросайте жемчуга вашего пред свиньями», «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними», «Светильник для тела, есть око»).

Риторический анализ способствует правильному восприятию и пониманию содержания текста. Включение данного приёма в ткань урока развития связной речи позволяет совершенствовать умения школьников работать с текстовой информацией, создавать тексты в определённом жанре речи. Выполняя практикоориентированные задания, последовательно отрабатывая моделирование различных типов уроков и тренируясь использовать адекватные теме и целям обучения методы, приёмы и средства, студенты овладевают методическим арсеналом современного учителя.

Список литературы

1. Ассуирова Л. В. Риторизация: введение элементов риторики в преподавание русского языка : интегративный учеб. для 5–6-х классов. М. : Пушкинский институт : Моск. учебник, 2005. 284 с.
2. Белова Н. А., Кашкарева Е. А. Риторика в школе: моделирование процесса обучения : учеб.-метод. пособие. Саранск, 2010. 365 с.
3. Минеева С. А. Проблемы и трудности риторизации // Риторика диалога в становлении научно-гуманистической системы образования: проблемы исследования и преподавания : материалы XI науч.-практ. конф. (10–11 ноября 2002 г.). Пермь : ЗУУНЦ, 2002. С. 131–134.
4. Назарова Е. Ю. Риторика и риторизация учебного процесса – способы формирования саморазвития учащихся // Первое сентября. Открытый урок. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/571788?ysclid=lcp107gcr3985206222> (дата обращения: 17.01.2023).
5. Никульченкова Е. В. Использование приёмов технологии риторизации для организации урока в современной школе // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=21085&ysclid=lcoxz88jz9412635758> (дата обращения: 15.01.2023).
6. Ницета В. А. Риторизированные технологии – модульно-локальные технологии риторизации школьного языкового образования // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2013. Т. 2, № 4 (5). С. 31–36.
7. Сальникова О. А. Что такое риторизация? // Русский язык в школе. 2012. № 3. С. 3–9.
8. Стурикова М. В. Риторизация образовательного процесса как развитие коммуникативной компетенции учащихся и студентов // Образование и наука. 2009. № 11 (68). С. 104–113.

Информация об авторах: *Белова Наталья Анатольевна*, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия); *Кашкарева Елена Алексеевна*, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева (г. Саранск, Россия).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ ФОНОВЫМИ КУЛЬТУРНЫМИ ЗНАНИЯМИ

О. В. Данич

г. Витебск, Республика Беларусь
odanich@mail.ru

Аннотация. Рассматривается уровень владения учащимися 4-х классов общеобразовательных школ Республики Беларусь фоновыми культурными знаниями, включёнными в предметное поле «белорусская лингвокультура». Проанализированы и интерпретированы данные экспериментального исследования в форме анкетирования.

Ключевые слова: фоновые культурные знания, экспериментальное исследование, младшие школьники

Для цитирования: Данич О. В. Экспериментальное исследование уровня владения младшими школьниками фоновыми культурными знаниями // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 129–132.

Наш интерес к фоновым культурным знаниям обусловлен их центральным местом в структуре такого важнейшего образования в когнитивной, коммуникативной, рефлексивной сферах деятельности детей младшего школьного возраста, как лингвокультурная грамотность. Данный вид грамотности рассматривается нами как общекультурная функциональная грамотность, представленная в национальном языке и формируемая его средствами. Актуальность исследования лингвокультурной грамотности обусловлен достаточно явным снижением уровня общей культуры современного общества, что не могло не отразиться на состоянии системы образования, в том числе и начальной школы (пусть и в меньшей степени!).

Уровень общекультурной грамотности определяется совокупностью знаний из важнейших областей естественных, гуманитарных и общественных наук, что должно обеспечить овладение учащимися содержанием учебных предметов. Под уровнем лингвокультурной грамотности учащихся мы понимаем одну из степеней понимания, осознания и владения базовыми фоновыми знаниями наднационального и традиционно-национального характера, системой ценностных ориентиров, обеспечивающих формирование способности к адекватному общению и пониманию глубинного смысла текстов всех типов.

Попробуем продемонстрировать важность организации работы над формированием лингвокультурной грамотности младших школьников, представив результаты экспериментального исследования актуального уровня владения именно фоновыми культурными знаниями.

Исследование осуществлялось в виде анкетирования, которое было организовано в 4-х классах ряда учреждений общего среднего образования. Испытуемыми были учащиеся различных школ: городских, сельских, специализированных гимназий и др. Выбор контрольной группы обусловлен целевыми установками исследования и требованиями, закрепленными в Образовательном стандарте начального образования, утвержденном Постановлением Министерства образования Республики Беларусь 26.12.2018 (№ 125). Данный документ акцентирует внимание на том, что «...Обучение и воспитание на I ступени общего среднего

образования является качественно новым этапом для формирования и развития успешной личности и направлено на формирование общей культуры, духовно-нравственное, социальное, личностное и интеллектуальное развитие учащегося, создание основы для самостоятельной учебной деятельности, успешной социальной адаптации, развития творческих способностей, установки на самосовершенствование, сохранение и укрепление здоровья учащегося [1, с. 14].

Четвероклассникам было предложено задание, ориентированное на выявление уровня владения фоновыми культурными знаниями, включающими культурно-национально окрашенные названия объектов духовной и материальной культуры. Общие фоновые знания обладают относительной устойчивостью, воспроизводимостью и узнаваемостью, поскольку в идеале не требуют специальных пояснений. В этом их схожесть с фразеологической лексикой, в то время как фразеологизмы и сами являются ярким компонентом фоновых знаний. Мы разделяем точку зрения большинства исследователей в области культурологии и лингвострановедения на то, что фоновые знания, в основном, представлены культурно-маркированными лексическими единицами, относящимися к сфере лингвокультурной грамотности. Заметим, что существует более широкая и более распространенная трактовка термина «фоновые знания», где, по мнению Г. Д. Томахина, «фоновые знания в широкой трактовке – это практически все знания, которыми располагают коммуниканты к моменту общения» [2, с. 28]. Как мы уже сказали, по нашему мнению, фоновые культурные знания являются одним из компонентов лексического значения слова. Этот компонент представляется местом хранения экстралингвистической информации, является следствием взаимодействия и взаимовлияния культуры народа и его языка. Этот компонент значения слов (понятно, далеко не всех!) получил разные наименования: культурный компонент значения, национально-культурный компонент, национальный смысл, культурная коннотация и др. (работы Н. Г. Комлева, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, В. А. Масловой и др.).

Составляя перечень названий объектов духовной и материальной культуры белорусов, мы выбирали реалии, безусловно, входящие в лингвокультуру белорусов. Ориентиром выступали, во-первых, данные ряда лингвокультуроведческих словарей и справочников, во-вторых, распространенность в повседневной и литературной речи, в-третьих, знакомство (в нашем случае, в условиях образовательного процесса) реципиентов с предлагаемыми реалиями.

Так, для выявления уровня владения фоновыми культурными знаниями учащиеся отвечали на вопросы, представленные в следующей анкете:

– Знаешь ли ты, что обозначают следующие слова (русские и белорусские) и цифры?

№	Слово-понятие	Знаю хорошо	Знаю не совсем	Совсем не знаю
1.	Бусел (бел.)			
2.	Ефросиния Полоцкая			
3.	Домовой			
4.	Драники			
5.	Христианство			
6.	Сумленне (бел.)			
7.	Купалье			
8.	Выцінанка (бел.)			
9.	1941–1945 гг.			
10.	Жыта (бел.)			

Уровень владения фоновыми культурными знаниями рассматривается нами как трехчастная структура.

Первая шкала – низкий уровень владения фоновыми культурными знаниями (при выполнении менее 33 % заданий).

Вторая шкала охватывает количество правильных ответов от 34 до 66 % и соответствует среднему уровню владения фоновыми культурными знаниями.

Учащиеся, давшие более 67 % правильных ответов при выполнении заданий, продемонстрировали достаточный уровень владения фоновыми культурными знаниями, который соответствует третьей шкале.

Задание, предполагающее выявление знания значений 10 русских и белорусских слов и знаковой даты было выполнено следующим образом: знаю хорошо – 73,6 % учащихся, знаю не совсем – 14,5 %, совсем не знаю – 22 %. Таким образом, согласно полученным экспериментальным данным, уровень владения фоновыми знаниями соответствует индексу достаточности.

Анализ полученных результатов позволил усомниться в адекватности оценки учащимися своих знаний. Для проверки предположения был проведено дополнительное исследование, касающееся актуального владения фоновыми культурными знаниями.

– Что (кого) обозначают эти русские / белорусские слова? Выберите правильный вариант ответа:

1. Бусел – это (*инструмент, птица, одежда*).
2. Ефросиния Полоцкая – это (*белорусская просветительница, купчиха из Полоцка, жена полоцкого князя*).
3. Домовой – это (*житель леса, предмет мебели, покровитель дома*).
4. Драники – это (*хулиганы-драчуны, белорусское блюдо из картофеля, белорусское блюдо из пшеницы*).
5. Христианство – это (*вера в бога, вера во многих богов, неверие в бога*).
6. Сумленне – это (*сомнение в правильности чего-либо, недоверие к чему/кому-либо, чувство ответственности за свои поступки*).
7. Купалье – это (*начало купального сезона, народный летний праздник, мифическое существо, которое живет в реке или озере*).
8. Выцінанка – это (*вырезанный из бумаги ажурный узор, красивая вышивка, резьба по дереву*).
9. 1941–1945 гг. – это период (*Первой мировой войны, Великой Отечественной войны, Второй мировой войны*).
10. Жыта – это (*рожь, хлеб, сельскохозяйственное орудие*).

Анализ результатов показал существенные расхождения между экспериментальными данными, полученными во время первого и второго этапа исследования. Действительно адекватно понимают значения предложенных слов только 65 % учащихся, соответственно деформированные или неверные ответы дали 35 % учащихся. Особенно «провальными» оказались знания таких слов, как сумленне (90 % неверных ответов), христианство – 30 %, 1941–1945 гг. – 28 %, Купалье, жыта и выцінанка – 12 % ошибочных ответов.

Можно предположить, что в ряде случаев сыграла свою роль ложная этимология: белорусское слово *сумленне*, обозначающее *совесть*, связывалось учащимися со словом *сомнение*, поскольку большинство испытуемых выбрали один из таких вариантов, как *сомнение в правильности чего-либо, недоверие к чему / кому-либо; Купалье (Купала, Иван Купала – древнейший праздник, имеющий языческие корни и связанный с днем летнего солнцестояния)*, воспринимался большинством детей как начало купального сезона.

С сожалением приходится констатировать, что даже идентификация такой знаковой даты для представителей белорусского этноса, как период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) вызвала затруднения: с точки зрения выпускников начальной школы это была и Первая мировая война, и Вторая мировая. Заметим, что исследование проводилось как раз после празднования Дня Победы, когда в каждом населённом пункте Беларуси дети могли видеть билборды, плакаты и т.д. с названием и датой, не говоря уже о социальной рекламе на телевидении. Есть о чём задуматься!

Также вызвало некоторое недоумение деформированное понимание детьми значения предложенных белорусских слов, таких как *жыта* (рожь), *выцінанка* (узор из бумаги), *сумленне* (совесть) школьниками из школ с белорусским языком обучения (в основном, расположенных в белорусской местности).

Хотелось бы отметить, что все понятия, обозначенные словами и цифрами, предложенными в анкете, должны быть потенциально знакомы школьникам, заканчивающим I ступень общего среднего образования, поскольку включены в содержание учебных предметов и встречаются на страницах учебных пособий.

Таким образом, результаты экспериментального исследования актуального уровня владения белорусскими младшими школьниками фоновых культурных знаний дает возможность определить этот уровень как средний. Учитывая принципиальную важность, даже «первичность» этого компонента лингвокультурной грамотности, мы позволим себе сказать об очевидной необходимости организовать работу, ориентированную на формирование и дальнейшее развитие данного вида грамотности, совершенно необходимой для успешной жизнедеятельности индивида как в рамках одной культуры, так и в условиях межкультурного взаимодействия.

Список литературы

1. Образовательный стандарт начального образования // Национальный образовательный портал Adu.by. 2022. URL: <https://adu.by/images/2019/01/obr-standarty-ob-sred-obrazovaniya.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
2. Томахин Г. Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностранный язык в школе. 1980. № 4. С. 21–38.

Информация об авторе: *Данич Оксана Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь); докторант научно-методического учреждения «Национальный институт образования» (г. Минск, Республика Беларусь).

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИЧАСТИЯ В ШКОЛЕ

А. А. Долбина

г. Пенза, Россия
nastya.dolbina.00@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены трудные вопросы изучения причастия в школе на материале действующих учебно-методических комплексов по русскому языку.

Ключевые слова: причастие, образование причастий, разграничение причастий и отглагольных имён прилагательных, учебно-методические комплексы

Для цитирования: Долбина А. А. Трудные вопросы изучения причастия в школе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 132–135.

Наибольшую трудность в усвоении лексико-грамматических форм у обучающихся вызывает причастие – синкретичная часть речи, обозначающая признак имени (лица, предмета), связанный с действием («признак по действию»), и употребляемая атрибутивно.

Изучение причастия является трудной темой, так как нет единого мнения о частеречном статусе данной языковой единицы. Так, некоторые исследователи, начиная с М. В. Ломоносова, считают причастие самостоятельной частью речи: Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Н. М. Шанский, В. В. Бабайцева.

В. В. Виноградов рассматривает причастие как «гибридное», глагольно-адъективное образование или как «смешанную часть речи» [5, с. 208].

Однако большинство лингвистов (Л. В. Щерба, М. В. Панов, А. Н. Тихонов и др.) считают причастие особой формой глагола, так как у причастий преобладают грамматические признаки глаголов, среди которых вид, переходность, возвратность, залог, которые не встречаются у других частей речи. Данная точка зрения является традиционной. Таким образом, в лингвистике существует два основных подхода к квалификации причастия.

В школьных учебниках при изучении причастия реализуются оба подхода: в одних УМК причастие рассматривается как особая форма глагола, в других – как самостоятельная часть речи.

Нами были проанализированы пять основных УМК по русскому языку, реализующих ФГОС:

1. УМК под редакцией М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской, Л. А. Тростенцовой.
2. УМК под общей редакцией В. В. Бабайцевой.
3. УМК под редакцией М. М. Разумовской и С. И. Львовой.
4. УМК под редакцией Е. А. Быстровой.
5. УМК под редакцией А. Д. Шмелёва.

В УМК под редакцией М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской, Л. А. Тростенцовой причастие изучается в 7 классе перед наречием и словами категории состояния, представлено как самостоятельная часть речи, которая обозначает «проявляющийся во времени признак предмета по действию». Такой подход предопределяет рассмотрение действительных и страдательных причастий настоящего и прошедшего времени как разных слов, что отражается в указаниях этих признаков как постоянных при морфологическом разборе [3, с. 40].

УМК под редакцией В. В. Бабайцевой причастие рассматривается в курсе 7 класса, но после изучения наречия, и представлено как самостоятельная часть речи. Общее грамматическое значение причастия определено здесь как «признак предмета по действию» [2, с. 167].

В УМК под редакцией Е. А. Быстровой причастие изучается в 7 классе и именуется особой формой глагола, которая имеет глагольные признаки (время, вид и др.) и признаки имени прилагательного (изменяется по числам, родам и падежам) [4, с. 105].

Причастие рассматривается в 6 классе как особая форма глагола и в УМК под редакцией М. М. Разумовской, С. И. Львовой [6, с. 69], и в УМК под редакцией А. Д. Шмелёва [7, с. 22].

Нужно отметить, что основные трудности при изучении причастия в школе связаны с его образованием и с разграничением причастий и отглагольных имён прилагательных.

При изучении тем, касающихся образования причастий, необходимо учитывать переходность глагола, от которого образовано причастие, а также категорию вида. От переходных глаголов образуются причастия действительного и страдательного залога (*читать – читающий, читавший, читаемый, читанный*), от непереходных глаголов – только причастия действительного залога (*спать – спящий, спавший*).

От глаголов несовершенного вида образуются причастия как настоящего, так и прошедшего времени (*сидеть – сидящий, сидевший; читать – читаемый, читанный*), от глаголов совершенного вида – только причастия прошедшего времени (*засидеться – засидевшийся, прочитать – прочитанный*).

Заметим, что в большинстве УМК указана важность обращения к данным категориям глагола при изучении тем, связанных с образованием причастий, кроме УМК под редакцией В. В. Бабайцевой.

В УМК под редакцией Е. А. Быстровой и в УМК под редакцией А. Д. Шмелёва при образовании причастий учитывается и возвратность глагола.

Кроме переходности и вида, важными показателями являются спряжение глагола (для форм причастий настоящего времени) и характер основы, от которой образуется причастие (для форм причастий прошедшего времени). Данная информация представлена во всех анализируемых УМК.

Вопрос о разграничении отглагольных прилагательных и причастий затрагивается частично в большинстве рассмотренных УМК, за исключением УМК под редакцией В. В. Бабайцевой и УМК под редакцией А. Д. Шмелёва, в них отсутствуют сведения по данной теме. В проанализированных учебниках названы основные критерии разграничения отглагольных имён прилагательных и причастий:

- наличие или отсутствие зависимых слов (УМК под редакцией М. Т. Баранова, Т. А. Ладыженской, Л. А. Тростенцовой и УМК под редакцией М. М. Разумовской и С. И. Львовой);
- возможность замены глаголом или синонимичным именем прилагательным (УМК под редакцией Е. А. Быстровой);
- значение временного признака или постоянного признака (УМК под редакцией Е. А. Быстровой).

Мы видим, что в действующих учебниках вопрос о разграничении причастий и отглагольных прилагательных освещён недостаточно полно, что может привести к появлению ошибок у учащихся.

Для преодоления трудностей при разграничении причастий и отглагольных имён прилагательных предлагаем дополнить представленную в учебнике информацию новыми сведениями. Их можно представить в виде сопоставительной таблицы.

Причастие	Отглагольное имя прилагательное
1. Обозначает признак предмета по действию.	1. Обозначает постоянный признак предмета.
2. В предложении или словосочетании употребляется в прямом значении.	2. В предложении или словосочетании употребляется в переносном значении.
3. Может иметь зависимые слова.	3. Не имеет зависимых слов.
4. Можно заменить оборотом с глаголом, от которого оно образовано.	4. Можно подобрать синонимичное прилагательное.

Таким образом, нами было выявлено, что основным трудностям в усвоении темы «Причастие», связанным с образованием причастий и отличием их от имён прилагательных, в действующих учебно-методических комплексах отводится недостаточное внимание, что влечёт за собой проблемы в восприятии данной языковой единицы и допущение ошибок в речи учащихся, письменной и устной. Во избежание этого учителю-предметнику необходимо дополнять и расширять теоретическую информацию, представленную в учебниках, и закреплять её выполнением практических заданий.

Список литературы

1. Бабайцева В. В., Николина Н. А., Чеснокова Л. Д. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц : учеб. для студентов высш. учеб. заведений : в 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / под ред. Е. И. Дибровой. М. : Академия, 2001. 704 с.
2. Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык. Теория 5–9 кл. : учеб. для общеобразовательных учреждений. М. : Дрофа, 2012. 319 с.
3. Баранов М. Т., Ладыженская Т. А., Тростенцова Л. А. [и др.]. Русский язык. 7 класс : учеб. для общеобразовательных учреждений : в 2 ч. М. : Просвещение, 2021. Ч. 1. 176 с.
4. Быстрова Е. А., Мангутова Н. В., Шабанова И. Л. Русский язык. 7 класс : учеб. для образовательных учреждений с родным (нерусским) и русским (неродным) языком обучения / под ред. Е. А. Быстровой. М. : Дрофа, 2012. 206 с.
5. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1986. 639 с.
6. Разумовская М. М., Лекант П. А., Львова С. И. [и др.]. Русский язык. 6 кл. : учеб. для общеобразовательных учреждений / под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М. : Дрофа, 2013. 335 с.
7. Шмелёв А. Д., Флоренская Э. А., Савчук Л. О. Русский язык. 6 класс : учеб. для общеобразовательных учреждений : в 2 ч. / под ред. А. Д. Шмелёва. М. : Вентана-Граф, 2013. Ч. 2. 296 с.

Информация об авторе: *Долбина Анастасия Алексеевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ И ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. А. Домасевич

г. Мозырь, Республика Беларусь
olga.domasevicg1@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются возможности формирования читательской грамотности учащихся в учреждениях общего среднего образования на уроках родного языка и литературы и во внеурочной деятельности. Формирование и развитие читательской грамотности у учащихся происходит через мотивацию к чтению. Развитый чтец не только умеет читать, но и использует полученные знания, навыки и умения для решения жизненных задач в различных сферах деятельности и социальных отношений.

Ключевые слова: язык, литература, внеурочная деятельность, читательская грамотность, мотивация к чтению

Для цитирования: Домасевич О. А. Формирование читательской грамотности учащихся на уроках родного языка и литературы и во внеурочной деятельности // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 135–140.

В современном образовании на первый план выходит формирование функциональной грамотности – умения использовать полученные знания, навыки и умения для решения жизненных задач в различных сферах деятельности и социальных отношений. Одним из компонентов формирования функциональной грамотности у учащихся является формирование читательской грамотности на уроках и во внеурочной деятельности.

«Каждый обязан заботиться о своём интеллектуальном развитии. Это его долг перед обществом, в котором он живёт, и перед собой. Основной (но, конечно, не единственный) путь интеллектуального развития – это чтение», – сказал Дмитрий Сергеевич Лихачёв.

Сегодня чтение перестаёт быть безусловной ценностью. И параллельно происходят нежелательные изменения в имидже и образе жизни, в представлениях об уровне жизни и предпочтениях. В связи с этим у каждого учителя возникает ряд вопросов: «Как предоставить возможности для духовного самосовершенствования личности?», «Как сформировать интеллектуальный и культурный потенциал как высшую ценность нации?». Уменьшение количества читателей – настоящая трагедия для общества, которое, забывая о книгах, начинает терять себя.

В современном образовании, когда интерес к литературе и художественным книгам снизился, возникла необходимость учить детей читать вдумчиво и осмысленно – развивать и повышать их читательскую грамотность.

Согласно международному исследованию PISA, читательская грамотность – это способность человека понимать и использовать письменные тексты, думать и читать для достижения своих целей, расширения своих знаний и возможностей и участия в общественной жизни.

Под чтением часто понимают перевод букв в звуки, а умение читать – как чтение вслух. Читательская грамотность включает в себя более широкий спектр навыков – знание слов, грамматики, структуры текста и знание мира. Термин «грамотность» означает владение инструментом (культурными средствами), позволяющим получать и передавать информацию в виде письменного текста. Говоря о грамотности чтения, мы хотим подчеркнуть активный, целенаправленный характер использования чтения в разных ситуациях и для разных целей. Например, способность человека понимать и использовать письменные тексты, чтобы размышлять над ними.

Формирование и развитие читательской грамотности у учащихся происходит через мотивацию к чтению. Развитый чтец не только умеет читать, но и ценит чтение, активно использует его при решении самых разных задач.

Формирование читательской грамотности предполагает развитие у учащихся следующих навыков и умений:

- находить и выбирать информацию;
- интерпретировать текст;
- оценивать содержание и форму текста;
- анализировать содержание и тематику текста;
- комментировать проблему, изложенную в тексте, и объяснять позицию автора;
- выражать и аргументировать собственное мнение;

- последовательно и логично излагать свои мысли, используя лексическое богатство родного языка и разнообразные грамматические формы;
- составлять собственное высказывание в соответствии с орфографическими, пунктуационными, лексико-грамматическими нормами современного литературного языка.

На уроках родного языка проводится работа с текстом. Это помогает учащимся не только осознанно овладевать лингвистическими знаниями, предусмотренными школьной программой, но и научиться пользоваться родным языком, овладевать этикой и культурой речи, в соответствии с литературными нормами создавать и проектировать свои устные и письменные выражения, выбирая в зависимости от речевой ситуации наиболее подходящий, ясный и точный языковой запас.

Отбираются тексты и задания, направленные на развитие лингвистического мышления, аналитико-синтетических языковых навыков учащихся, совершенствование устной и письменной речи. Они должны соответствовать целям обучения и возрасту учащихся, содержанию программы и пособия, содержанию изученного материала. Также тексты должны быть интересными, актуальными и информативными. А вопросы и задания к текстам четко сформулированными.

Для формирования речевых и коммуникативных навыков и умений учащихся предлагаются задания на восприятие, понимание, преобразование, создание текстов. Например:

- сформулировать тему и основную идею текста;
- выбрать заглавие к тексту;
- разделить текст на смысловые части, составить план;
- определить тип речи, назвать части, соответствующие её композиционной схеме;
- определить стиль и жанр текста, предоставить доказательства;
- пересказать текст, заменив время;
- создать свой текст на основе ключевых слов;
- перевести высказывание;
- составить текст-рефлексию на основе предложенного материала;
- высказать свое мнение по проблеме, поставленной в тексте.

Для формирования умения анализировать языковой материал, выделять определенные особенности языкового явления, обосновывать свой ответ, применять знания в практической речевой деятельности в знакомой или незнакомой ситуации предлагаются следующие задачи:

- определить языковую единицу в тексте, определить ее смысловую и стилистическую роль;
- составить словосочетание по предложенной схеме;
- заменить одну часть речи другой, найти различия;

Анализируя фонетические, лексические и грамматические единицы, наблюдая за содержанием и языковым оформлением текста, учащиеся видят созданные автором образы, что позволяет им понять богатство языка и задуматься о мировоззрении и способностях писателя.

Работая с текстом, учащиеся имеют возможность не только изучить системность языка, пополнить свой словарный запас, но и познать историю народа, окружающую его жизнь. Такое представление материала на уроках языка дает возможность проводить комплексную работу с текстом, что помогает учащимся извлекать информацию из текста, пересматривать ее и использовать для решения учебных и учебно-практических задач. И им это понадобится в их самостоятельной жизни.

На уроках литературы можно использовать задания, которые демонстрируют способность осознанно воспринимать и понимать прочитанный текст, размышлять над его содержанием, выражать собственное мнение, связывать идеи и персонажи со своим жизненным опытом, аргументировать свою оценку персонажей и событий, выражающую авторскую позицию, целесообразность использования образных средств.

При выполнении заданий учащиеся выполняют различные виды деятельности: познавательную, коммуникативную, исследовательскую, творческую. Задания требуют не столько восстановления информации или отдельных действий, сколько деятельности учащихся по осмыслению литературных произведений и явлений с точки зрения своей личности. Основа задания – текст литературного произведения или литературно-критическая статья. Прогнозируемые результаты:

- знание учащимися содержания изучаемых произведений, литературной терминологии;
- понимание взаимосвязи событий, действий, персонажей и способов их отображения;
- мотивация к выбору эпизодов, изображений, деталей, художественных средств для решения учебной задачи;
- обоснованность личной оценки исследуемого произведения, его идейно-художественного содержания;
- оригинальный, творческий подход к задаче.

Если основы работы с текстом закладываются на уроках родного языка и литературы, то во внеурочной деятельности внимание уделяется тексту как полезной информации. Внеурочные занятия позволяют учащимся работать с гораздо более широким кругом языковых явлений, чем в классе, что становится источником множества художественных впечатлений. Движущей силой внеурочных занятий является интерес. Если работа на уроке, регламентированная единой и обязательной для всех программой, направлена на формирование системы знаний, навыков и умений, внеурочная работа впечатляет учащегося добровольностью, свободой индивидуального выбора языкового материала, форм общения, с искусством речи, творческим выражением чего хотите и можете: попробовать себя в роли корреспондента, спикера.

Что касается форм организации внеурочной деятельности, то можно использовать уже известные и проверенные формы:

- лингвистический брейн-ринг, где учащиеся могут показать свой уровень общего образования, быструю ориентацию, умение формулировать свои мысли;
- лингвистический практикум, создание учащимися копилки «Увлекательный материал для совершенствования языка» (кроссворды, загадки, иллюстрации на разные разделы языка). Учащиеся выступают в роли ученых, самостоятельно разрабатывают материал, самостоятельно классифицируют его;
- литературные чтения, конкурсы на лучшее чтение произведений определенного поэта или произведений на определенную тему. При этом развивается поисковый подход к получению знаний, развивается способность ясного чтения по памяти, осознание роли литературы в жизни человека;
- постановка произведений литературы. Участие в таком театре позволяет учащимся раскрыть свой творческий потенциал, расширить круг единомышленников;
- при организации и проведении экскурсии по музею, историческим местам, родине известных художников и литературы учащиеся готовят отчет по теме экскурсии, с возможностью попробовать свои силы в качестве экскурсовода.

Таким образом, важнейшей задачей является формирование у учащихся читательской грамотности, преодоления шока аудитории, что позволяет чувствовать себя комфортно в любой языковой ситуации.

В целом выбор формы внеурочной деятельности по языку и литературе зависит от учителя и задач, которые он ставит для решения. Необязательно следовать регламентированным канонам при организации этой работы, учащиеся сами проявляют инициативу и предлагают совершенно неожиданные, но очень интересные формы работы по теме.

Готовясь к конкурсу чтецов, учащиеся выбирают для чтения конкретное произведение. Но они знают, что произведение должно быть не только четко прочитано наизусть, но и донесено до слушателя мнение автора. Невозможно обойтись без знакомства с биографией писателя, в какой период его жизни и творчества было написано это произведение. Слово «понимать» (читать) говорит о важнейшем элементе чтения и важнейшем направлении педагогической работы при формированию читательской грамотности.

Готовясь к дискуссии «Роль компьютера в жизни подростка», учащиеся не просто высказывают свои мысли, спорят. Они ориентируются на определенные тексты-доказательства – научно подтвержденные сведения ученых, врачей, статистики. Слово «использование» подчеркивает прагматические, функциональные, прикладные аспекты работы читателя.

При подготовке к творческим конкурсам (сочинения, собственные стихи, эссе, сказки, рассказы) учащиеся сначала собирают некоторую информацию по этой теме из книжных источников, из личного опыта, а затем размышляют над темой выражения. Слово «отражать» указывает на активность читателя, который использует свои мысли и переживания для понимания мысли автора.

Работая с пятиклассниками над формированием читательской грамотности, можно предложить им вести дневник чтения. Раз в квартал организовать рекламу книг по результатам дополнительного чтения. Учащиеся знакомят одноклассников с прочитанными произведениями. Но они не просто назовут автора и героев прочитанных произведений, перескажут содержание, а постараются передать смысл прочитанного – заинтересовать как можно больше новых читателей этой книги. Победителем станет тот, чью рекламируемую работу читает большее количество учащихся.

Учащиеся должны испытывать удовольствие от чтения, свободу выбора читательского круга, привязанность к общественным отношениям. Это поможет им расширить свои знания и возможности.

Читательская грамотность помогает человеку «достичь своих целей, расширить свои знания и возможности», предоставляя, например, возможность получить высшее образование или найти работу, а также удовлетворить менее конкретные и близкие желания – расширить и обогатить личную жизнь. Читательская грамотность помогает человеку «участвовать в общественной жизни», позволяя не только вносить свой вклад в жизнь общества, но и удовлетворять собственные потребности – и социальные, и культурные, и политические. Читательская грамотность делает человека более критичным и независимым, создавая условия для личной свободы.

По мнению философа и педагога Д. Дидро, «человек перестает думать, когда перестает читать». Повышая читательскую грамотность, мы воспитываем мыслящего человека, способного не только воспринимать письменный текст, но и понимать его глубокий смысл, критически оценивать содержание прочитанного, соотносить его с личным опытом.

Список литературы

1. Орлова Э. А. Рекомендации по повышению уровня читательской компетентности в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения : пособие для работников образовательных учреждений. М. : МЦБС, 2008. 72 с.
2. Рагачэўскі Ст. Р. Майстэрства навучання беларускаму слову ў школе : вуч.-метад. дапам. Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2019. 148 с.
3. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 36–46.
4. PIS. URL: <http://www.oecd.org/pisa/> (дата обращения: 10.02.2023).

Информация об авторе: *Домасевич Ольга Алексеевна*, учитель белорусского языка и литературы Средней школы № 16 г. Мозырь (г. Мозырь, Республика Беларусь).

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

О. О. Есафьева

г. Пенза, Россия
19692612@mail.ru

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь освоения лингвистических понятий на уроках русского языка в школе и предметных результатов. Предпринята попытка выявить причины появления противоречий в системе научных понятий, заложенной в многообразии российских учебников.

Ключевые слова: предметные результаты, лингвистический термин, понятие, слово

Для цитирования: Есафьева О. О. О лингвистических терминах на уроках русского языка в школе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 140–142.

Освоение базовых понятий лингвистики составляет значимую часть предметных результатов по русскому языку, что и определено ФГОС. Это освоение теснейшим образом связано с процессом формирования аналитических умений обучающихся в отношении языковых единиц посредством выполнения фонетического, морфемного, словообразовательного (как взаимосвязанных этапов анализа структуры слова), лексического, морфологического анализа, анализа словообразовательных пар и цепочек, синтаксического анализа и лингвистического анализа текста. Кроме того, ПООП к предметным результатам по русскому языку относит способность уточнять лексическое значение слова с опорой на его морфемный состав, различать значимые и незначимые единицы языка.

Система школьного образования сегодня устроена так, что без успешного освоения базовых понятий лингвистики в России одиннадцатиклассникам не сдать ЕГЭ. Варианты тестов в заданиях содержат лингвистические термины. Обучающиеся заинтересованы в правильной понимании их. В книжных магазинах и в интернете можно найти много материалов, которые помогают учителю выстроить работу над лингвистическими терминами на разных этапах урока. Некоторые

материалы прямо связывают высокие результаты в освоении образовательной дисциплины с качественной работой над терминологией, что закономерно: знать терминологию изучаемого предмета, уметь использовать её, нуждаться в ней при решении образовательных задач – основа основ. Учителями в этом направлении работы делается многое, однако учащиеся часто путают понятия, не зная значения слов-терминов. Источник этой проблемы, на наш взгляд, может крыться в учебной литературе.

Обратимся к такому важному средству обучения как учебник. В БСЭ об учебнике говорится: «Учебник, книга, в которой систематически излагаются основы знаний в определенной области на современном уровне достижений науки и культуры; основной и ведущий вид учебной литературы» [1]. Словарь-справочник по методике русского языка М. Р. Львова содержит следующее определение: «Учебник русского языка – основная часть учебного комплекса (комплекта), книга, излагающая основы научного знания по данному учебному предмету в соответствии с программой и предназначенная для обучения» [4, с. 223]. Здесь же сказано, что в учебник заложена «система научных понятий». А вот какое определение даётся в учебнике по методике преподавания русского языка в школе под редакцией М. Т. Баранова: «Школьный учебник – это специальная книга, излагающая основы научных знаний по русскому языку и предназначенная для достижения учебных целей» [5, с. 61]. Последнее, заметим, крайне важно. Среди основных функций учебника называется систематизирующая функция. Отдельно говорится о том, что в учебнике даются знания, «представленные в виде определённой системы» [5, с. 62]. С течением времени в определениях кое-что изменялось, но слова, с корнем «-систем-» оставались, потому что язык – «это система, и изучение его в школе должно носить системный характер» [5, с. 10].

Однако приходится признать, что научные понятия в отдельных учебниках не складываются в систему в целом. Причин тому может быть несколько: во-первых, авторы, руководствуясь принципом доступности, стараются каждый по-своему «облегчить» теоретический материал путём «сужения» определений; во-вторых, помещают в учебник «основы знаний в определенной области на современном уровне достижений науки», но делают это фрагментарно, не учитывая, логические нарушения в системе научных понятий. В обоих случаях затрудняется понимание учебного предмета, а «добросовестные» заблуждения обучающихся дают о себе знать довольно долго. Например, заложенная в 5-м классе уверенность, что подлежащее не может быть выражено глаголом. Уверенность эта основывается на заученном определении подлежащего. С. И. Гиндин, Н. А. Шапиро ещё в 2002 году в журнале «Русский язык» указали на это в ряду других противоречий, содержащихся в учебниках линии УМК Н. М. Шанского, но и в редакции 2020 года определение оставлено в исходном варианте.

Учитель имеет дело с тем, что разные учебники по-разному трактуют очевидные вещи: лексика – от греческого *lexis* «слово, выражение» (УМК Быстрова Е. А., 5 класс, 1 ч., с. 218), лексика – от греческого *lexikos* «относящийся к слову» (УМК Шанский, 5 класс, 1 ч., с. 149); противоречат друг другу тексты научного содержания: «Разные слова имеют разные лексические значения» (УМК Быстрова Е. А., 5 класс, 1 ч., с. 219), а следом даётся определение синонимов; «Слово – это единица языка, которая называет понятия, предметы, лица, действия, состояния, признаки, оценки» (там же), а позднее изучается имя числительное, которое обозначает количество предметов, порядок предметов при счёте. Ряд этих примеров можно продолжить.

Определение слова, как правило, учебники содержат, хотя основная единица языка представляется по-разному: «Слов в языке много, и все они имеют свои значения», «Слова называют предметы, людей, животных, птиц, явления природы, различные действия ... и многое другое» (УМК Бабайцевой В. В., 5–9 класс, теория, с. 13, 76), «Корень – это обязательная морфема в каждом слове, его главная часть. Нет слов без корня, он входит в основу любого слова» (УМК Шмелёва А. Д., 5 класс, 1 часть, с.158), «Без корня слово существовать не может» (УМК Быстровой Е. А., 5 класс, 2 ч., с. 4), «Слова служебных частей речи обычно имеют только грамматическое значение» (УМК Быстровой Е. А., 5 класс, 1 ч., с. 220). УМК Разумовской М. М. (5 класс, 1 ч.) содержит следующее утверждение: «Служебные части речи – это предлог, союз, частица. Они не имеют собственного значения». С точки зрения логики, утверждения противоречивы, поэтому выпускники наших школ затрудняются в ответах на такие, например, вопросы: во-первых, является ли предлог словом, во-вторых, есть ли корень у предлога. Даже студенты-филологи, получившие российское школьное образование, расходятся во мнениях. Из группы в 17 человек дважды утвердительно ответили пятеро, 10 студентов ответили, что предлог – слово, но корня не имеет, один ответил, что предлог не слово, но корень у него есть, и один студент дважды ответил отрицательно.

Заметим, что результат вовсе не характеризует уровень группы. Это может быть следствием искажения системности научного знания в многообразии российских учебников, авторские коллективы которых вынуждены непрерывно обновлять содержание в условиях частого изменения ФГОС, поэтому именно сегодня основное внимание, на наш взгляд, нужно уделить тому, чего в школьных учебниках не должно быть, что мешает достижению предметных результатов, затрудняет формирование познавательных УУД на уроках русского языка. Примерная основная образовательная программа основного общего образования среди познавательных универсальных учебных действий на первое место ставит умение «определять понятия». Только ответственное отношение создателей учебника к лингвистическому материалу позволит учителю сформировать это умение в полной мере.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext> (дата обращения: 20.02.2023).
2. Гиндин С. И., Шапиро Н. А. Начинаем разговор об учебниках // Русский язык. 2002. № 1. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200200104> (дата обращения: 20.02.2023).
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1986. 640 с. URL: <https://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5306> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Львов М. Р. Словарь-справочник по методике русского языка : учеб. пособие для студентов пед. ин-ов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М. : Просвещение, 1988. 240 с.
5. Баранов М. Т., Ипполитова Н. А., Ладыженская Т. А., Львов М. Р. Методика преподавания русского языка в школе : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. М. Т. Баранова. М. : Академия, 2000. 368 с.

Информация об авторе: *Есафьева Ольга Олеговна*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Русский язык как иностранный» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. В. Зайцева

*г. Луганск, Россия
dumayanna@mail.ru*

Аннотация. Исследуются научные подходы к определению, содержанию и структуре коммуникативных стратегий и тактик педагогической коммуникации. Коммуникативная стратегия рассматривается как динамический аспект педагогического дискурса, который состоит из совокупности запланированных говорящим и реализованных в процессе коммуникативного взаимодействия тактик, направленных на достижение коммуникативной цели. Коммуникативная тактика характеризуется как одно или несколько речевых действий, направленных на реализацию определённого этапа коммуникативной стратегии, которые обуславливают её гибкость и обеспечивают оперативное реагирование на коммуникативную ситуацию.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, педагогическое общение, дискурс

Для цитирования: Зайцева А. В. Стратегии и тактики педагогической коммуникации // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 143–147.

Значение общения в жизни человека, сущность коммуникативно-речевого акта, условия его эффективности привлекали внимание многих ученых. Однако такой аспект профессионально-педагогического общения, как использование коммуникативных стратегий и тактик, остаётся малоисследованным. Вместе с тем практика коммуникативного взаимодействия педагога с учащимися требует, чтобы коммуникативные действия учителя были должным образом спланированы и результативны. Если обычное бытовое общение преимущественно предварительно не планируется, то учитель, как и представитель любой другой профессии, обязан заранее продумать своё речевое поведение.

Коммуникативное взаимодействие, как правило, не сводится только к передаче, восприятию и пониманию информации, поскольку оно всегда происходит в определенной коммуникативной ситуации, погруженной в контекст. В связи с этим возникает необходимость использования различных речевых стратегий, которые позволяют получить результат, не наталкиваясь на сопротивление собеседника. Принцип стратегичности – это основа дискурсивного анализа, он предусматривает, что в дискурсе должна быть заложена программа его обработки, которая отражена адресантом в тексте как нацеленность на дискурсивное взаимодействие.

В лингвистике активное использование понятий «коммуникативные стратегии» и «коммуникативные тактики» началось с середины 80-х годов в связи с развитием прагматического подхода к анализу языковых явлений. Однако в современной науке до сих пор не сложилось единого подхода к определению понятия «коммуникативная стратегия», хотя эту проблему рассматривали многие учёные.

Так, под коммуникативной стратегией понимают совокупность запланированных говорящим действий и реализованных в ходе коммуникативного акта тео-

ретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели [8]; общие намерения, задачи в глобальном масштабе, которые диктуются практической целью продуцента [1]; творческую реализацию коммуникантом плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) речевой / неречевой задачи в речевом событии [4, с. 40].

В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, которая диктуется практическими целями говорящего. Коммуникативная стратегия речи является способом реализации замысла, она предусматривает отбор фактов и их представление в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы адресата [1, с. 85–86]; часть коммуникативного поведения или коммуникативного взаимодействия, в которой серия вербальных и невербальных средств используется для достижения определенной коммуникативной цели [5, с. 122].

В структуре коммуникативной стратегии выделяются следующие составляющие: целеполагание (преобразование мотива в цель, выбор конкретной цели), формирование стратегии на основе оценки ситуации, вербализация (реализация стратегии). Процесс реализации коммуникативной стратегии включает три стадии: начальную (входной этап), основную (ядерный этап), завершающую (выходной этап).

Анализ приведённых трактовок коммуникативной стратегии и её структуры показывает, что общей для них является идея планирования коммуникативных действий и их направленность на более или менее вероятное достижение намеренной цели.

Средством реализации коммуникативной стратегии являются коммуникативные тактики, следовательно, коммуникативная стратегия и тактика связаны между собой как род и вид. Коммуникативную тактику рассматривают как совокупность приемов и методов реализации коммуникативной стратегии, определенную линию речевого поведения на определенном этапе коммуникативного взаимодействия, направленную на получение желаемого эффекта и предотвращение эффекта нежелательного [7, с. 74]; одно или несколько действий, стратегической целью которых является убеждение, налаживание контакта, получение максимума информации относительно темы общения или собеседника, положительная самопрезентация [3, с. 210–212]; одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии [6, с. 16].

В различных коммуникативных сферах и ситуациях используются разные тактики. Коммуникативная тактика как одно или несколько действий, позволяющих реализовать стратегию, является динамичной структурой, она вызывает гибкость стратегии и обеспечивает оперативное реагирование на ситуацию. Рассматривая лингводидактические проблемы речевого планирования и контроля, О. С. Иссерс предлагает такую модель речевой тактики как схему планирования речевых действий:

1. Цель речевого взаимодействия.
2. Особенности будущего коммуникативного события.
3. Позиция сторон в будущем диалоге.
4. Установки на тип общения.
5. Условия успешности речевой тактики и перлокутивного эффекта.
6. Последовательность коммуникативных шагов.
7. Выбор языковых ресурсов [6, с. 246–254].

Языковые средства реализации коммуникативных стратегий и тактик целенаправленно подбираются говорящим как инициатором общения согласно целям, стилистическому направлению, характеру адресата, коммуникативной ситу-

ации таким образом, чтобы они максимально точно выразили его интенцию. Задача адресата – правильно дешифровать интенционный смысл сказанного.

Особенностью стратегического планирования коммуникации является то, что оно требует владения большим объемом как общих абстрактных, так и эпизодических знаний. В то же время коммуникативные стратегии – это своего рода гипотезы относительно того, как будет происходить коммуникативное взаимодействие. Итак, стратегический процесс нельзя вложить в пределы алгоритма или определенных правил, которые обуславливают значительные трудности в их освоении. В то же время любые коммуникативные стратегии могут быть описаны в виде коммуникативного продукта и с большой степенью вероятности могут гарантировать успех в коммуникативном взаимодействии, если обнаружены условия, которые определяют стратегический результат.

Стратегии педагогического дискурса имеют свою специфику, связанную со сферой деятельности. Показателями стратегий педагогического дискурса, по мнению А. Р. Габидуллиной, являются сложные коммуникативные события и тексты как их материальное воплощение. Специфика стратегий педагогического дискурса состоит в том, что их важнейшее задание – усвоение новых знаний, формирование умений и навыков. В связи с этим А. Р. Габидуллина предлагает следующую классификацию коммуникативных стратегий: основные эпистемические (познавательные) макростратегии и вспомогательные микростратегии – метадискурсивные и коммуникативно-прагматические. Эпистемические стратегии обеспечивают репродуктивную деятельность (нормативно-репрезентативные стратегии – пояснительная, оценочная, контролирующая, способствующая организационная) и инициируют диалогическую, креативную деятельность (проективные стратегии) [2].

А. Р. Габидуллина отмечает, что стратегии педагогического дискурса соотносятся с дидактическими задачами, методами, технологиями. Общим между эпистемической стратегией и методом обучения являются: целеполагание, планирование, направленность на определенный результат, выбор дидактических приемов и средств. Исследовательница пришла к выводу, что стратегия и метод соотносятся между собой как задача и способ её решения. Метадискурсивная стратегия является промежуточным звеном между эпистемическими и коммуникативно-прагматическими стратегиями, эксплицируя различные аспекты учебного взаимодействия, порождения учебного текста и его связи с коммуникативной ситуацией. Коммуникативно-прагматические стратегии (этикетные, императивные, оценочные) регулируют социальное и межличностное общение участников педагогического дискурса и отражают в основном психологический аспект взаимодействия учителя и учеников. Эти стратегии исследовательница считает универсальными, поскольку они включают общие составляющие любого институционального или межличностного общения.

Коммуникативно-прагматические стратегии способствуют эффективной организации диалогического взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата, основанному на соблюдении стандартизированных норм речевого поведения. Каждая из стратегий реализуется с помощью ряда тактик [2, с. 63–78].

В целом проблема классификации коммуникативных стратегий педагогического дискурса остается дискуссионной. Наиболее релевантными, по мнению М. Ю. Олешкова, могут быть типологии, связанные со сферой коммуникации и типами дискурсивного взаимодействия [9, с. 134]. Анализ подходов к классификации коммуникативных стратегий, в том числе стратегий учебно-педагогического дискурса, показывает, что чаще всего ученые при их определении ориентируются на функциональные характеристики этого вида деятельности.

В то же время предложенные учеными классификации охватывают далеко не все направления коммуникативно-стратегической деятельности педагога. О. С. Иссерс определяет такие принципы обучения стратегическому планированию коммуникативного взаимодействия:

1. Принцип обучения на основе моделирования коммуникативных ситуаций. Наибольший интерес представляют ситуации с осложненными параметрами, которые предусматривают уход от стереотипных решений. Подобно сценариев и фреймов, ситуация должна обновляться, допуская существование переменных категорий.

2. Принцип использования прототипичного подхода в формировании коммуникативных знаний. Поскольку процесс педагогической коммуникации преимущественно требует неотложной реакции учителя, в его сознании должен быть репертуар знаний, усвоенных таким образом, чтобы доступ к ним был несложным. Это может быть ряд однотипных коммуникативных явлений, характеризующихся признаками, которые в большей или меньшей степени близки к образцу, эталону этой категории явлений. Такими эталонами, например, являются стратегии вежливости, соответствующие нормам поведения в определенных коммуникативных ситуациях и имеют схематический характер.

3. Принцип фреймирования и рефреймирования. В процессе обучения можно использовать их индивидуальный опыт общения, однако он является незначительным, поэтому в лингводидактических целях необходимо его существенное обогащение с помощью фреймирования. Фреймирование предусматривает, что коммуникативное событие помещается в «рамку» со стереотипным набором действующих лиц и известной последовательностью действий. При этом нет необходимости прилагать усилия, чтобы сконструировать благоприятную ситуацию, поскольку происходит идентификация ситуации, то есть выбор соответствующего фрейма как условие адекватного выбора тактики. Таким образом, предлагается осуществлять обучение стратегическому речевому поведению путем перехода от конкретной ситуации к известной модели (фрейму) и наоборот. Итак, методика обучения должна охватить как можно более широкий набор однотипных ситуаций с отдельными переменными параметрами.

4. Принцип ритуализации речевого поведения, что позволяет реализовать стратегический подход в стандартных условиях. Например, для тактик можно подбирать названия, подобно дидактических правил, которые обучающимся легко будет запомнить. Основой могут служить определенные нормы, ценности, установки, условности, которые касаются ситуации или участников общения.

5. Принцип обучения на «негативном» речевом материале. Суть его заключается в том, чтобы научить осознавать альтернативные речевые действия на основе разграничения основных и дополнительных целей коммуникации. Негативный опыт общения наиболее убедительно демонстрирует несоответствие между целью и результатом.

6. Принцип ретроспективного осмысления речевого взаимодействия. Такое осмысление полезно для приобретения коммуникативного опыта [6].

Таким образом, в основе лингводидактической концепции стратегического планирования коммуникативного процесса должна лежать модель коммуникативной ситуации с различными параметрами и модификациями.

На основе проведенного анализа научных подходов к определению содержания и структуры коммуникативных стратегий и тактик следует понимать коммуникативную стратегию как динамический аспект педагогического дискурса, который состоит из совокупности запланированных говорящим и реализованных в процессе коммуникативного взаимодействия тактик, направленных на достиже-

ние коммуникативной цели. Коммуникативную тактику определяем как одно или несколько речевых действий, направленных на реализацию определенного этапа коммуникативной стратегии, которые обуславливают её гибкость и обеспечивают оперативное реагирование на коммуникативную ситуацию.

Список литературы

1. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург : АРГО, 1996. С. 21–48.
2. Габидуллина А. Р. Учебно-педагогический дискурс : монография. Горловка : Изд-во ГППИИЯ, 2009. 292 с.
3. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения: интерпретирующий подход к аргументации // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41, № 4. С. 327–337.
4. Зернецкий П. В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // Языковое общение: процессы и единицы : межвуз. сб. науч. тр. Калинин : КГУ, 1988. С. 36–41.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студ., обучающихся по спец. «Связи с общественностью». 2-е изд. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 224 с.
7. Касевич В. Б. Теория коммуникации и теория языка // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. СПб., 2001. С. 70–75.
8. Ключев Е. В. Речевая коммуникация : учеб. пособие для ун-тов и ин-тов. М. : Рипол-классик, 2002. 320 с.
9. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса : монография. Нижний Тагил, 2006. 342 с.

Информация об авторе: *Зайцева Анна Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Россия).

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЁНОГО-ФИЛОЛОГА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Е. П. Иванян

*г. Самара, Россия
ivanyan@pgsga.ru*

Аннотация. Рассматривается возможность изучения языковой личности учёного-филолога в вузовском учебном процессе. Описана методология изучения языковой личности на разных уровнях образования в различных видах учебной деятельности. Показано, что изучению подлежат языковые личности классиков русской филологии и современников, в том числе региональных учёных. Предлагаются современные методы работы по освоению теории языковой личности, среди которых работа с обучающими сайтами, виртуальными музеями. Показано, что изучение языковой личности учёного-филолога в педагогическом аспекте таит в себе значительный воспитательный потенциал гражданственности и патриотизма.

Ключевые слова: языковая личность, учёные-филологи, педагогический аспект

Для цитирования: Иванян Е. П. Изучение языковой личности учёного-филолога в педагогическом аспекте: к постановке вопроса // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 147–150.

В настоящее время, в Год педагога и наставника, языковая политика России и вопросы гуманитарного образования становятся наиболее значимыми. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [10] ориентирует преподавателей активно продвигать в педагогической деятельности традиционные ценности народов России, развивать патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. Важным считается формировать у обучающихся историческую память и преемственность поколений. В свете сказанного полагаем необходимым работать над содержательным наполнением преподавания в вузе и школе. Между тем в филологической науке и образовании доминирует антропоцентризм в языке и литературе [1], что даёт возможность преподавателям гармонично сочетать вопросы обучения и воспитания студентов. Предлагаем для этого обратиться к исследовательской парадигме изучения языковой личности (ЯЛ) учёного-филолога.

В настоящее время в лингвистической русистике уже осуществлен ряд подобных исследований [3, 4, 8, 11] или попутно рассматривается данная проблема [9]. Данная работа продолжает цикл наших исследований ЯЛ учёного-филолога, напр., [6]. Цель настоящей статьи – попытка разработать методологию изучения ЯЛ учёного-филолога в педагогическом аспекте, т.е. в учебных целях в практике высшего образования.

Алгоритм такой работы следующий.

1. Первичное знакомство с понятийным аппаратом теории ЯЛ на материале работы Ю. Н. Караулова [7].

2. Углублённое изучение теории ЯЛ на материале работ, напр. [3]. На этом этапе обучающимся предлагают подготовить учебные продукты (аннотированный библиографический список; ментальные карты с глоссарием или блок-схемы по изучаемым научным источникам; фишбоун; сиквел).

3. Исследовательская деятельность ЯЛ учёного-филолога может быть предложена в разных видах учебной работы (при написании курсовых работ в бакалавриате или магистратуре), доклада с презентацией на лингвистическом кружке или факультативе в магистратуре, при изучении дисциплины «Методология лингвистического исследования» в аспирантуре. Для уровня аспирантуры можно предложить подготовку аналитического обзора теории ЯЛ в лингвистической русистике, ср. [5]. В качестве примера приведем тему магистерской диссертации: «Характеристика языковой личности В. И. Даля в педагогическом аспекте». Пример темы курсовой работы на бакалавриате: «Характеристика языковой личности Л. В. Щербы».

Безусловно, названные виды учебной работы по изучению ЯЛ учёного-филолога правомерно сопровождать на выходе такими учебными продуктами, как доклад с электронной презентацией.

Для электронной презентации и текстовой подготовки доклада рекомендуем активно предлагать современные графические способы подачи научной информации, напр., построение диаграммы в Excel; различные виды инфографики. При изучении ЯЛ учёного-филолога подойдут такие виды инфографики, как «лента времени» (отражает наиболее значимые периоды научной и педагогической деятельности учёного), «географическая инфографика» (показывает места,

в которых проживал ученый). Для обучающихся продвинутого уровня можно предложить иерархическую инфографику, которая сможет отразить третий раздел в структуре ЯЛ учёного-филолога.

Полагаем, что выбором для ЯЛ ученого-филолога может решаться ряд задач. Так, при изучении учебной дисциплины «Общее языкознание», «Основы языкознания» на уровне бакалавриата полезным будет обращение к ЯЛ И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. Х. Востокова, М. В. Ломоносова. При изучении дисциплины «Лингвистическое краеведение» целесообразно обратиться к изучению ЯЛ ученого региона проживания обучающихся. Напр., в Самарском государственном социально-педагогическом университете (СГСПУ) будет актуальным знакомство с ЯЛ ученых Самарской лингвистической школы. Для этого нами совместно с доцентом Ю. А. Белкиной создан сайт «Виртуальный музей Самарская лингвистическая школа», в котором представлены персоналии ученых, размещены фото-галерея и видео-галерея, аудиозаписи, приводятся воспоминания преподавателей [2]. О различных видах учебных работ с обучающимися по материалам данного сайта см. [12].

Прописывая методологию изучения ЯЛ ученого-филолога в педагогическом аспекте, считаем немаловажным подчеркнуть, что для обучающимся следует предлагать и обращение к ЯЛ учёных-современников, поскольку в таком случае студенты получают возможность предложить интервью изучаемому преподавателю, почитать его высказывания на различных сайтах, посмотреть видео с его участием, получить материалы его творческих начинаний, напр., стихотворные тексты и проч. Как показывает практика, в таком случае получить исследование возможно по всем трем уровням (разделам) ЯЛ, а не только по второму и третьему.

Полагаем, что обращение к ЯЛ учёных-филологов должно вестись преподавателями-филологами на постоянной основе, а не эпизодически. В таком случае рекомендуем заблаговременно включать в календарный план работы вуза обращение к той или иной ЯЛ учёного-филолога данного региона. Напр., к юбилейной дате учёного обучающимся в магистратуре мы предлагаем конкурс буклетов по педагогической деятельности учёного-филолога Самарской лингвистической школы.

В работе со студентами преподаватель заранее планирует так организовать работу, чтобы обучающиеся выбирали факты воспитательного значения, факты, свидетельствующие о патриотизме и гражданственности ЯЛ ученого-филолога. Так, при обращении к ЯЛ В. И. Даля студенты могут найти много замечательных наблюдений, нравственно ценных цитат о русском языке, о русском характере. При изучении ЯЛ профессора СГСПУ С. В. Фроловой или профессора А. Н. Гвоздева на сайте «Виртуальный музей Самарская лингвистическая школа» студенты находят яркие факты, имеющие духовно-нравственную ценность.

Подведем итоги. Изучение ЯЛ учёного-филолога в педагогическом аспекте решает самые разнообразные учебные и воспитательные задачи, современные вопросы гуманитарного образования.

Список литературы

1. Абрамовских Е. В., Иванян Е. П., Кальнова О. И. Антропоцентризм в языке и литературе (по итогам научно-методологических конференций и семинаров) // Научный диалог. 2016. № 6 (54). С. 264–267.
2. Виртуальный музей Самарской лингвистической школы. URL: c27463.tmweb.ru (дата обращения: 20.02.2023).
3. Голованова Е. И. В. И. Даль как языковая личность: модель лексикографического описания // Мир русского слова. 2012. С. 5–12.
4. Дубровская Д. В. Структура языковой личности учёного // Челябинский гуманитарий. 2012. № 5. С. 19–23.

5. Иванян Е. П., Ключина А. М. Особенности технологии мастер-классов для аспирантов и соискателей в научной школе профессора Е. П. Иванян // Русистика без границ. 2022. № 4. С. 70–75.
6. Иванян Е. П. Характеристика языковой личности П. А. Леканта // Лекантовские чтения – 2022 : материалы Междунар. науч. конф. 2022. С. 13–17.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 261 с.
8. Маркелова Т. В. Грамматическая картина мира П. А. Леканта: рациональный и эмоциональный аспекты // Рациональное и эмоциональное в русском языке : сб. тр. Междунар. конф. (МГОУ). М. : МГОУ, 2017. С. 84–88.
9. Сеничкина Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. М., 2003. 32 с.
10. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента № 809 от 9 ноября 2022 г. // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 20.02.2023).
11. Чулкина Н. Л. Творческая языковая личность учёного-гуманитария Георгия Гачева // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 153–168.
12. Gurova I., Ivanyan E., Mihailova M. [et al.]. Methodology for Linguistic Education at Digital Age: Case Study for Regional Universities // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2022. Vol. 305. P. 416–424. doi:10.1007/978-981-19-3112-3_38

Информация об авторе: *Иванян Елена Павловна*, доктор филологических наук, профессор, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия).

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Г. И. Канакина

г. Пенза, Россия
kanakina-kafedra@mail.ru

Аннотация. Исследованы особенности изучения сравнительных конструкций в школьном курсе русского языка и предложены рекомендации по их грамотной квалификации.

Ключевые слова: сравнение, сравнительная конструкция, сравнительный оборот, сравнительное придаточное, языковедческая компетенция, коммуникативная компетенция

Для цитирования: Канакина Г. И. Сравнительные конструкции в школьном курсе русского языка: методический аспект // *Языковая политика и вопросы гуманитарного образования* : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 150–153.

Цель нашей статьи – помочь изучающим русский язык школьникам разобратся в многообразии структурных типов сравнения, научиться грамотно квалифицировать разные типы сравнительных конструкций.

Сравнительные конструкции привлекают внимание лингвистов своей структурной неоднородностью: «Сравнение – разноплановое явление. С одной стороны, это удивительное средство языковой выразительности, стилистический

компонент, придающий любому тексту актуальность, образность, яркость. С другой – это невероятно интересный семантический и структурный объект, воплощающий некую существующую в реальности и представленную лингвистически логическую схему сопоставления» [2]. Способам выражения сравнения в русском языке посвящены работы Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, А. Г. Руднева, М. И. Черемисиной, Н. А. Широковой, В. В. Бабайцевой и др.

На сегодняшний день нет единого представления о статусе сравнительной конструкции, поскольку сравнение может быть выражено конструкциями, существенно различающимися по своему составу и синтаксической функции. Так, М. И. Черемисина выделяет следующие типы сравнительных конструкций: конструкции со сравнительной степенью и показателями *чем* и *нежели*; конструкции со сравнительными союзами *как*, *словно* и *под.*; конструкции со сравнительными частицами *вроде как*, *как бы* и *под.*; конструкции с предлогами *типа*, *вроде*, близкими по смыслу к союзам; конструкции с творительным падежом сравнения (ср. *петь петоухом*); конструкции с прилагательными типа *похожий* и глаголами типа *различаться*; конструкции с союзами *а* и *и* [5, с. 186]. В. В. Одинцов среди грамматических средств оформления сравнения называет сравнительный оборот; сравнительное придаточное предложение; сравнительную степень прилагательного и наречия; форму творительного сравнения; присоединительную конструкцию, вводимую союзом *так и* и обычно содержащую развёрнутое сравнение [3, с. 327].

Несмотря на разнообразие способов оформления, сравнение в лингвистике определяется как система, включающая три основных компонента: 1) субъект сравнения (то, что сравнивается); 2) объект сравнения (с чем сравнивается); 3) характер (модуль) сравнения (общая характеристика сравниваемых моделей). Обязательными в сравнительных конструкциях являются первые два компонента, третий – факультативен.

Структура сравнительных конструкций, история их становления и изменения в русском языке описаны достаточно полно. Однако за пределами внимания исследователей оказалось описание разноуровневых сравнительных конструкций в методическом аспекте. В то же время изучение сравнения как способа осмысления окружающей действительности, логической модели построения языковых структур и смысловой базы для образования тропов необходимо для формирования логического мышления, языковедческой и коммуникативной компетенций и образной речи школьников.

Сравнительные конструкции на уровне простого и сложного предложений изучаются в 8 и 9 классах основной общеобразовательной школы. Морфологические способы выражения сравнительного значения достаточно представлены в действующих учебниках русского языка для 8 класса. Здесь рассматриваются: 1) степени сравнения прилагательных и наречий; 2) творительный сравнения; 3) другие падежные и предложно-падежные формы существительных. Правда, сведения эти представлены непоследовательно и разрозненно: часть при изучении второстепенных членов простого предложения среди обстоятельств образа действия, часть при рассмотрении пунктуации при сравнительных оборотах, выступающих в роли именной части сказуемого или обособленных обстоятельств. Наиболее последовательно информация о морфологических способах выражения сравнения представлена в учебнике для 8 класса из УМК под редакцией Е. А. Быстровой. Кроме того, в 9 классе в начале параграфа 17 «Сложноподчинённые предложения с придаточными образа действия, меры и степени, сравнения» [4, с. 225] обобщаются сведения о морфологических способах оформления сравнения, затем характеризуются сравнительные придаточные. В школьных учебниках даётся достаточно упражнений для практического овладения навыками

квалификации сравнительных конструкций и их употребления в речевой практике. Однако в них нет конкретных методических рекомендаций по разграничению похожих внешне (и по смыслу, и по наличию союзов) сравнительных придаточных и сравнительных оборотов. Заметим, кстати, что и в вузовских учебниках современного русского языка, по которым занимаются будущие учителя-словесники, нет чётких критериев разграничения этих конструкций. Для обучающихся основным признаком является то, что в сравнительном обороте в отличие от придаточного сравнения нет грамматической основы. Однако не всё так просто. Наиболее трудным для школьников является вопрос о квалификации сравнительных конструкций, которые не имеют в своём составе сказуемого. Они могут быть квалифицированы или как сравнительный оборот, или как неполное придаточное сравнительное предложение. Чтобы избежать ошибок в квалификации конструкций с семантикой сравнения, обучающихся необходимо знакомить с критериями разграничения неполных сравнительных придаточных предложений и сравнительных оборотов:

1. Неполное сравнительное придаточное имеет второстепенные члены из группы сказуемого (дополнения, обстоятельства). Например, в предложении *Существование его заключено в эту тесную программу, как яйцо в скорлупу* (А. Чехов) предложно-падежное сочетание *в скорлупу* не определяет слово *яйцо*, является дополнением и входит в группу опущенного в предложении сказуемого *заключено*, следовательно, перед нами неполное придаточное сравнения. Сравнительный оборот не содержит дополнений и обстоятельств, может включать лишь определения. Так, в предложении *Воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка* (М. Лермонтов) словоформа *ребёнка* является несогласованным определением к слову *поцелуй*, то есть входит в группу подлежащего, а следовательно, перед нами сравнительный оборот.

2. Неполное придаточное предложение имеет значение реального сравнения, полного уподобления двух фактов: *Тот только заслуживает название человека, кто умеет овладеть своим самолюбием, как всадник конём* (И. Тургенев). А сравнительный оборот обозначает приблизительное сходство: *И сосны, как хоругви, замерли под глубоким небом* (И. Бунин).

3. Неполное придаточное связывается с главным предложением союзом *как*, который нежелательно заменять союзами нереального сравнения (*будто, как будто, словно, точно*). В главном предложении часто имеется указательное слово: *Пусть моя смерть будет так же чиста, как моя жизнь* (А. Фадеев). Сравнительный же оборот связывается с основной частью предложения обычно союзами нереального сравнения (*будто, как будто, словно, точно*), что и как в этом же значении: *Ты меж сестёр словно горлинка белая промежду серых простых голубей* (Н. А. Некрасов).

4. Неполное сравнительное придаточное преобразуется в полное придаточное предложение при сохранении синонимии трансформ и без нарушения норм литературного языка: *Ничто так не волнует в природе, как весенний и осенний перелёт диких гусей* (М. Пришв.) – ... *как волнует весенний и осенний перелёт диких гусей*. Сравнительный оборот не допускает введения сказуемого, развертывания в полное придаточное предложение: *Небо нависло над городом, как глухой железный колпак* (А. Крон) [1, с. 248–249].

Нередко возникают трудности и в разграничении сравнительных придаточных и придаточных образа действия, меры и степени, особенно в том случае, если они присоединяются к главному одинаковыми средствами связи и отвечают на один и тот же вопрос (*как ?*). При разграничении внешне похожих придаточных предложений следует обратить внимание на три основных момента:

1. Вопросы к придаточному сравнительному – *как кто? как что?*; к придаточным образа действия, меры и степени – *как? каким образом? в какой мере? в какой степени?*

2. Придаточное сравнительное поясняет всё главное предложение; придаточное образа действия, меры и степени может пояснять наречие; сочетание глагола и наречия, наречия и прилагательного, наречия и наречия, местоимения и прилагательного в главном предложении.

3. Придаточное сравнительное присоединяется к главному только с помощью союзов *как, точно, словно, будто, как будто, чем, чем ... тем*; придаточное образа действия, меры и степени с помощью союзов *как, что, чтобы, словно, как будто* и союзных слов *как, сколько, насколько* [1, с. 251–252].

Полагаем, что представленные нами методические рекомендации будут полезны учителям-словесникам в работе по формированию у учащихся умения обнаруживать в тексте сравнительные конструкции и правильно их квалифицировать.

Список литературы

1. Канакина Г. И., Петрунина В. М. Трудные вопросы русского языка : учеб. пособие для учащихся старших классов школ с углублённым изучением русского языка, гимназий, педагогических лицеев и колледжей / под общ. ред. Г. И. Канакиной. Пенза, 2000. 298 с.

2. Крылова М. Н. И это всё сравнение: разнообразие структурных типов. URL: <https://www.rulit.me/books/i-eto-vsyo-sravnenie-raznoobrazie-strukturnyh-tipov-statya-read-443424-4.html> (дата обращения: 13.01.2023).

3. Одинцов В. В. Сравнение // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф. П. Филина. М. : Сов. энциклопедия, 1979. 432 с.

4. Быстрова Е. А., Киберева Л. В., Воителева Т. М., Фаттахова Н. Н. Русский язык : учеб. для 9 класса общеобразовательных организаций / под ред. Е. А. Быстровой. М. : Русское слово – учебник, 2014. 384 с.

5. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976. 272 с.

Информация об авторе: Канакина Галина Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

РАБОТА НАД СРЕДСТВАМИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ В СТИХОТВОРЕНИИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ

С. А. Климова¹, Л. Д. Мали²

^{1, 2} г. Пенза, Россия

¹ada62@yandex.ru

²ldmali@mail.ru

Аннотация. Рассматривается возможность языкового и литературоведческого анализа стихотворного текста на уроках литературного чтения в начальных классах с привлечением приёмов сравнительного анализа и наблюдения фонетических особенностей текста.

Ключевые слова: изобразительные средства, лирические и эпические стихи, методические приёмы, сравнение, восприятие, исследование

Для цитирования: Климова С. А., Мали Л. Д. Работа над средствами создания образов в стихотворении на уроках литературного чтения в начальных классах // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 153–157.

Работа с текстом стихотворного произведения на уроках литературного чтения требует разнообразия используемых приёмов. Современные требования к уроку предполагают включение в традиционный процесс работы элементов исследовательской деятельности и сравнительного анализа. Только в этом случае можно добиться понимания авторского замысла и поникновения в идейный смысл произведения.

Обратимся к стихотворению А. С. Пушкина «Зимний вечер» (хрестоматия «Родная речь» Л. Ф. Климановой, В. Г. Горецкого для 3 класса, ч. 1, с. 90–91). Первая часть произведения рассказывает о природном явлении и передаёт картины и звуки снежной бури. В процессе анализа эта часть стихотворения перечитывается и ставится проблемный вопрос: «Почему нам (читателям) удаётся представить происходящее и даже услышать те звуки, которые сопровождают сильную метель?» Чтобы получить правильный ответ, необходимо организовать небольшое исследование текста с позиции использования в нем глаголов и выделения повторяющихся звуков. В первых четырёх строках важны ударные гласные (у, о, э, о, и, э, а, э, а, о, а, а), этот ряд создаёт тягучее ощущение воющего ветра. Услышать это должен помочь учитель, который выразительно исполняет отрывок, немного выделяя голосом гласные звуки и тем самым знакомя детей с ассонансом.

В последующих строках внимание учащихся следует привлечь к согласным звукам. Здесь автор передаёт шум соломы и стук в окошко. Повторяющиеся шипящие и свистящие (аллитерация) помогают услышать загадочные шелест, свист и стук. Обыграть при чтении это тоже возможно.

Чрезвычайно значим выбор глаголов в данном тексте (четыре из шести передают звук: «завоет», «заплачет», «зашумит», «постучит»). Но важно и то, что глаголы выполняют свою смысловую функцию в единстве со сравнениями («заплачет, как дитя», «как зверь, она завоет»). Именно такое единство передаёт нужные звуковые оттенки и усиливает эмоциональность восприятия текста.

Для детей всегда интересен процесс сравнения и возможность сделать доступные обобщения. В связи с этим для наблюдения на уроке после анализа стихотворения А. С. Пушкина им может быть предложен текст произведения Д. Хармса «Буря мчится. Снег летит...»:

Буря мчится. Снег летит,
Ветер воет и свистит.
Буря страшная ревёт,
Буря крышу с дома рвёт.
Крыша гнётся и грохочет,
Буря плачет и хохочет.
Злится буря, точно зверь,
Лезет в окна, лезет в дверь.

Полезно сообщить учащимся, что Д. Хармс очень любил творчество А. С. Пушкина, писал о великом поэте в детских журналах. На уроке можно прочитать отрывок из рассказа «Пушкин», в котором в доступной форме даются биографические сведения о великом поэте и ведётся диалог с ребёнком, который выучил наизусть стихотворение «Зимний вечер», но ничего не знает о личности Пушкина. Д. Хармс утверждает, что биография поэта помогает лучше понять его творчество и, в частности, изучаемое стихотворение.

Обучающиеся должны знать, что стихотворение Д. Хармса создано через сто лет после смерти А. Пушкина. Школьники определяют, что эти произведения объединяет одна тема, они получают задание найти общее в текстах произведений, в языковых средствах создания образа бури. Работа касается анализа звуков, ритма, лексики, построения сравнений. Она ведётся с использованием интерактивной доски, которая даёт возможность демонстрировать оба текста одновременно, осуществлять подчёркивание повторяющихся у авторов слов. Важно обратить внимание учащихся на описание крыши. У А. Пушкина она «обветшала», покрытая соломой и просто шумит. У Д. Хармса крыша явно покрыта металлическим листом, поэтому «грохочет». А стихотворение звучит по-другому. Можно сравнить силу бури, её агрессивность, воздействие текстов стихов на читателя (слушателя).

Несомненно, что такая работа формирует у учащихся навыки сравнения художественных текстов, интерес к изобразительным средствам, которые используют разные авторы при описании одного и того же явления.

Интересным с позиции работы над образом и выбора приёмов осуществления анализа языковых средств является стихотворение Саши Чёрного «Воробей» (хрестоматия по литературному чтению «Родная речь» Л. Ф. Климановой, 3 класс, ч. 2, с. 47). Написанное от лица ребёнка, оно передаёт детское мировосприятие, любопытство, тягу ко всему живому. Образ воробья в детской литературе встречается очень часто, характерные черты этой птицы объединяют сюжеты произведений разных жанров. Стихотворение С. Чёрного оригинально прежде всего тем, что написано от лица ребёнка, который обращается к воробью, разговаривает с ним, пытается подружиться.

Воробей мой, воробьишка!
Серый, юркий, словно мышка.
Глазки-бисер, лапки-врозь,
Лапки-боком, лапки-вкось.

Чтобы раскрыть образы героев произведения (лирический герой и воробей), внимание обучающихся необходимо обратить на средства их создания. В стихотворении передаются движения птички. Этому способствует ритм стиха (только в первом четверостишии используется парная (параллельная) рифма) и описание прыгающих лапок, использование эпитета «юркий» и сравнения «словно мышка». Замечательное сравнение «глазки-бисер» передаёт характерную черту внешнего облика воробья.

Очень важным для учащихся является выделение в тексте слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами и определение их назначения в произведении (воробьишка, мышка, глазки, лапки, хлебца, спинка, пичужка). В каждом слове звучит милая непосредственность ребёнка, его любовное отношение к птичке. Естественности речи способствует использование разговорной лексики и оборванные синтаксические конструкции. Вопросительные и восклицательные предложения передают эмоциональность рассказчика, создают возможность для работы над выразительным чтением текста, в котором нужно передать порыв ребёнка к покровительству, его сострадание, доброту.

В тексте наблюдаются элементы аллитерации: повторяются звуки с и з («Ветер сыплет снегом, злюка...»), они передают свист ветра, а сочетание звуков шк («Сядем рядышком под вьюшкой...») имитирует шипение огня. Об этом нельзя забывать учителю при подготовке к выразительному чтению текста. Слово «фурх» автор тоже использует неслучайно. Основанное на звукоподражании, оно прекрасно передаёт быстрое движение птицы. Важно, чтобы выразительность звукового уровня стихотворного текста почувствовали учащиеся и старались

передать при чтении движения воробья, зимнюю ненастную погоду, характерные звуки окружающего мира.

В данном произведении можно выделить три части, каждая из которых рисует определённую картину. Первая – описание воробья, вторая – ребёнок предлагает воробью подружиться и кормит птичку, третья – воробей улетает. Такая структура текста даёт возможность на заключительном этапе урока провести словесное или графическое иллюстрирование, при поведении которого каждая картина создаётся на основе деталей текста. На этом этапе урока возможно составление палитры настроения. Несмотря на то, что восприятие цвета довольно субъективно, можно выделить традиционное соответствие настроения цвету: красный – восторг, оранжевый – радость, веселье, воодушевление, жёлтый – светлое, приятное настроение, зелёный – спокойствие, синий – грусть, печаль, фиолетовый – тревожное, напряжённое состояние, чёрный – уныние, белый – равнодушные. Таблица может включать и оттенки, например: серый – неуверенность, голубой – честность, бежевый – обида и др. Её оформление тоже весьма разнообразно. Главное – она должна быть перед глазами детей, а они при этом имели возможность выбрать соответствующий цвет для обозначения настроения лирического героя, которое меняется на протяжении произведения, и составить собственный вариант палитры, используя разноцветные полоски, краски, карандаши или компьютерный вариант закрашивания («заливки») фигур.

По образу воробья на итоговом этапе урока может быть составлен синквейн, в нём птичка получает обобщённую характеристику, в которой находит отражение глубина понимания текста. Учащиеся используют прилагательные и глаголы из текста и собственные варианты слов, как правило, содержащие элемент оценки. В предложении описываются действия птички (Воробей съел все крошки и улетел.) Выбор последнего слова опять же связан с текстом, большинство детей называют воробья «пичужкой».

Составление синквейна возможно и по образу лирического героя. Такой текст потребует от учащихся большей самостоятельности, потому что читатель не видит этого героя, а воспринимает только его речь:

рассказчик
добрый, внимательный
разговаривает, кормит, сочувствует
Ребёнок кормит воробья и предлагает ему дружить.
мальчик

Это типичный пример синквейна к данному стихотворению. Как мы можем заметить, оценка действий ребёнка здесь тоже присутствует. Причём все лексические единицы подбираются учащимися самостоятельно.

Сравнение с другими стихами о воробье возможно, так как этой птице посвящали свои произведения многие авторы. Дети могут наблюдать тексты и искать общее в основной мысли, центральном образе (характерные черты), сравнивать отбор лексики при описании и повествовании. Например, для сравнения можно взять стихотворение Л. Гусельниковой:

Юркий, маленький, смешной,
В перьях грудка, спинка...
Серый, шустрый, озорной.
Лёгок, как пушинка.
Говорит: Чирик – чирик.
Крошки собирает.
К холодам давно привык,
Дом свой не бросает.

Образ воробья в данном стихотворении создан с использованием похожих изобразительных средств. Сравнение подчёркивает лёгкость. Эпитеты передают движения птички, её внешний облик, характер. Есть в тексте и звукоподражания («чирик – чирик»), и информация о том, что на зиму воробей никуда не улетает и стойко переносит суровую погоду. Однако повествование от лица ребёнка, его обращение к птичке в стихотворении А. Чёрного делают текст произведения значительно эмоциональнее, оригинальнее, выразительнее.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что работа над поэтическими образами в эпических и лирических стихотворениях требует разнообразных подходов, обеспечивающих проникновение в авторский замысел. Эффективность обучения зависит от выбора приёмов работы, соответствующих конкретному тексту, от глубины проведённого учителем литературоведческого анализа стихотворного текста.

Список литературы

1. Воюшина М. П., Кислинская С. А., Лебедева Е. В., Николаева И. Р. Методика обучения литературному чтению : учеб. для студ. учреждений высш. проф. образования / под ред. М. П. Воюшиной. 2-е изд., испр. М. : Академия, 2013. 288 с.

2. Климова С. А., Миссурагина В. Д. Организация учебного исследования на уроках литературного чтения // Начальная школа. 2023. № 2. С. 30.

Информация об авторах: *Климова Светлана Анатольевна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и методика дошкольного и начального образования» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Мали Любовь Дмитриевна*, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и методика дошкольного и начального образования» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

РАБОТА С ТЕКСТОМ КАК НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА, СПОСОБСТВУЮЩАЯ РАЗВИТИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Л. И. Прозорова

*г. Мозырь, Республика Беларусь
luda1969@tut.by*

Аннотация. Формирование коммуникативной компетенции посредством работы с текстом способствует разностороннему развитию языковой личности и занимает особое место в развитии речи учащихся: формируется умение слушать, говорить, анализировать, приобретается опыт самостоятельной творческой деятельности, вырабатывается стремление учиться. Рассматриваются виды работ с текстом, способствующие формированию коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: компетенция, коммуникативная компетенция, текст, виды работы с текстом

Для цитирования: Прозорова Л. И. Работа с текстом как наиболее эффективная форма, способствующая развитию коммуникативных компетенций // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 157–161.

Изменения в обществе, политике, экономике и культуре требуют от учебных заведений подготовки выпускника, который будет востребован обществом, способен к самореализации, успешен, эффективен в современном многопроблемном мире. Поэтому в контексте современных требований важной задачей является формирование коммуникативной компетенции учащихся.

Проблема формирования коммуникативной компетенции учащихся стала актуальной в конце 60-х годов XX века и получила основательную разработку в методике преподавания иностранных языков (М. Свейн, Д. Хилл, Н. Хомский и др.).

С середины 80-х годов XX века проблема формирования коммуникативной компетенции школьников активно разрабатывается в методике преподавания русского языка (Е. В. Архипова, Е. А. Быстрова, И. А. Зимняя, Т. С. Кудрявцева, Л. А. Мурина, В. Ф. Русецкий, Н. М. Шанский и др.). Однако реализация задач коммуникативного обучения на современном этапе развития языкового образования в белорусской лингвистической методике как отдельная проблема специально не изучалась. Некоторые аспекты коммуникативно-ориентированного обучения были рассмотрены А. М. Валочко, Л. С. Васюкович, О. А. Лещинской, Л. А. Муриной, И. Н. Саматя, В. П. Савко и др.

Сам термин «компетенция» был введён в 1965 году американским языковедом Н. Хомским, который определил её как некую способность, необходимую для выполнения в основном речевой деятельности на родном языке [3]. Под понятием «компетенция» в современной методике понимается совокупность знаний, умений и навыков, которые создаются в процессе обучения русскому языку и обеспечивают овладение им и, в конечном счете, служат развитию личности школьника.

В 1972 году американский социолингвист Д. Хаймс предложил трактовать коммуникативную компетенцию как знание правил, которые позволяют понимать-создавать тексты [4].

Учебной программой понятие «коммуникативная компетенция» определяется как «овладение культурой речи, правилами речи, умением создавать самостоятельные устные и письменные выражения разных типов, стилей, жанров». Это определяет решение следующих взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов – языкового, речевого и коммуникативного.

По словам С. В. Мартынкевич «языковой компонент состоит из языковых знаний, умений и навыков на всех уровнях языка, необходимых для обеспечения содержания общения: знание фонетической системы языка, орфоэпические, акцентуальные, интонационные навыки и умения; знание особенностей лексической и фразеологической систем языка, правильности и уместности словоупотребления, синонимических и антонимических отношений; знание грамматической системы языка, правильная графика, орфография и др.; речевой компонент – знания, навыки и умения в рецептивных и продуктивных типах речи; владение коммуникативными качествами: богатством, точностью, логичностью и др. Сам коммуникативный компонент – это знания, необходимые для социально-ролевой, межличностной и формальной беседы, которые включают знание языковой культуры, этикета, речевого поведения и информационных навыков» [1].

Для развития всех компонентов коммуникативной компетенции при обучении языку необходимо сосредоточиться на таком теоретическом и дидактическом материале, который развивает стремление к языковому и речевому самосовершенствованию, способствует генерации утверждений на различные темы общественной жизни во время разговора. Особое внимание необходимо уделить соответствующему материалу, используя тексты.

Избрав предметом рассмотрения текст, лингвистика возвела его в статус языковой единицы вместе со словом, фразой, предложением. Недавние исследования выявили ряд важных свойств текста как языковой единицы – логическую целостность, экстралингвистическую направленность, структурный дизайн, семантическую независимость или полноту.

О. А. Лещинская подчеркивает, что «текст выступает прежде всего как некое законченное высказывание, имеющее свое содержание (информацию текста), свой смысл (выражение основной идеи, определенного мнения), организованное по модели одной из существующих форм общения литературного языка (стиль, его разновидность и жанр) и характеризующееся своими приметам» [2, с. 5].

Работа с текстом позволяет проследить взаимосвязь между языковыми единицами и применить теоретические знания на практике. В работе с текстом присутствуют следующие составляющие: понятие «текст», тема текста, основная идея текста, заголовок текста, конструкция (структура) текста, взаимосвязь между частями текста, взаимосвязь между предложениями в каждой части текста.

Наиболее эффективными в организации работы над текстом являются такие виды работ, как

- комплексная работа с текстом;
- лингвистический и стилистический анализ текста;
- диктант;
- эссе;
- изложения;
- переводы;
- редактирование текста;
- работа с текстами-миниатюрами;
- интеллектуальные и лингвистические упражнения;
- коммуникативные и игровые ситуации;
- составление синквейнов, кластеров.

Для того, чтобы учащиеся обладали коммуникативной компетенцией, то есть могли создавать собственные тексты, публичные выступления, участвовать в диалоге, разработана модель работы с текстом: работа с полным текстом, работа с неполным текстом, создание собственных текстов.

Работу с полным текстом (то есть целым текстом) провожу через следующие виды работ: диктант (объяснительный, зрительный, самодиктант, свободный, «Проверь себя», творческий диктант со сменой слов), изложение (подробное, сжатое, выборочное; с дополнительным заданием), перевод, редактирование текста (исправление орфографических, пунктуационных, грамматических и речевых ошибок), комплексная работа, интеллектуальные и лингвистические упражнения, лингвистический анализ текста, составление синквейнов, кластеров к тексту.

При работе с незавершенным текстом (текстом, в котором отсутствуют определенные элементы) я использую такие виды работ, как диктант с продолжением, интеллектуально-лингвистические упражнения.

При работе над созданием собственных текстов ученикам предлагаю следующие виды работ: эссе, интеллектуально-лингвистические упражнения, работа с миниатюрными текстами, коммуникативные и игровые ситуации.

Виды работы с полным текстом следует использовать для повышения познавательной активности учащихся, формирования новых знаний, умений и навыков, а также закрепления, применения, обобщения и контроля знаний.

Исходя из возрастных особенностей учащихся, на уроках уделяю особое внимание такой целостной функциональной единице, как комплексный анализ текста, при котором осуществляется функциональный и системный подходы к изучению языка, например:

1. Приготовьтесь четко прочитать текст.
2. Определите тему, основную идею текста. Запишите ключевые слова (фразы).
3. Дайте заголовок тексту.
4. Определите стиль текста. Докажи свою точку зрения.
5. Докажите, что это текст.
6. Какой тип речи (повествование, описание, рассуждение) представляет собой этот текст? Докажите это.
7. Какие средства связи между предложениями используются в тексте?
8. Объясните, используя словари, значение выделенных слов.
9. Найдите в тексте (если есть) синонимы, антонимы, омонимы. Какова их роль в тексте?
12. Найдите в тексте фразеологизмы. Объясните их значение.
13. Составьте план текста.
14. Проанализируйте орфографию и пунктуацию текста.

В V классе при изучении темы «Синонимы» на этапе рефлексии предлагаю ученикам поработать в парах, чтобы составить синквейн. Известно, что синквейн состоит из пяти строк. Первая строка – это тема, выраженная одним словом (одно существительное); вторая строка – описание темы двумя словами (два прилагательных); третья строка – описание действия в рамках данной темы (три глагола); четвертая строка – фраза из четырех слов, в которой выражается отношение автора к данной теме; пятая строка является синонимом первой на эмоционально-образном или философски-обобщенном уровне, которая повторяет суть темы (одно слово).

1. Синонимы.
2. Идентичный, близкий.
3. Отличаются, звучат, совпадают.
4. Синонимы – это близкие по значению слова.
5. Слово.

Этот вид работы способствует развитию у учащихся способности находить, выделять наиболее важные элементы, анализировать их, делать выводы и обобщать их, а также способствует развитию творческих способностей. Мне, как учителю, синквейн позволяет сразу решить несколько задач: изменить атмосферу в классе, сделать ее творческой, проверить, как ученики запомнили важнейшие понятия темы.

Виды работы с неполным текстом следует использовать для закрепления, применения, обобщения и контроля знаний.

Например, в VIII классе при изучении темы «Однородные члены предложения» на этапе закрепления изученного материала я использую интеллектуально-лингвистические упражнения: завершение текста по вводной или основной части, логическая перестановка предложений, исправление семантических недостатков в тексте, или предлагаю учащимся составить текст, подбирая правильные предложения. Каждому учащемуся выдается карточка с текстом, в котором опущены предложения. Эти предложения записаны в справке. Дети работают над картой. Предлагаю найти недостающие предложения с помощью справки. Предложения должны соответствовать смыслу и содержать определенное количество однородных членов. Таким образом, первое опущенное предложение должно содержать на один однородный показатель больше, чем первое предложение текста, а второе опущенное предложение должно содержать на один показатель меньше, чем первое предложение текста. Ценность подобных упражнений проявляется в том, что они стимулируют интеллектуальное и языковое развитие учащихся.

В IX классе при изучении темы «Сложные предложения» на этапе обобщения предлагаю учащимся диктант с продолжением. Они записывают текст, а затем в продолжение создают собственный текст, тематически связанный с предложенным. Понятно, что текст диктанта должен быть таким, чтобы можно было написать его продолжение или ответить на вопросы, которые задает автор текста (или которые можно было бы задать к тексту). Этот вид работы формирует орфографическую и пунктуационную грамотность учащихся, развивает логическое мышление.

Виды работы по созданию учащимися собственных текстов следует использовать с целью закрепления, обобщения и контроля знаний.

Полезным средством создания речевых возможностей на уроке считаю систему ситуационных упражнений. Учащихся больше всего интересуют коммуникативные и игровые ситуации, которые дают возможность продемонстрировать использование языка и речевых навыков.

Например, в V классе при изучении темы «Звуки речи» на этапе обновления знаний предлагаю следующую коммуникативную ситуацию: ученикам дается задание прочитать текст перед классом как дикторы, произнося каждый звук в соответствии с орфоэпическими нормами языка. Работая в парах, один учащийся выступает в роли корреспондента, а второй отвечает на вопросы. Я предлагаю темы для интервью, а учащиеся выбирают их. Получив тему, разрабатывают вопросы и ответы на них, а затем выступают перед классом. Этот вид работы способствует развитию коммуникативных навыков и ассоциативного мышления учащихся.

В VII классе при изучении темы «Имя прилагательное» на этапе подведения итогов предлагаю учащимся поработать над сочинением: составить небольшой связный текст на тему «Осенняя красота», используя прилагательные.

В IX классе, чтобы подвести итоги и систематизировать изучение темы «Сложное предложение», предлагаю ученикам мини-сочинение «Дорога, которую я выбираю». Такая работа способствует развитию у учащихся языковых, речевых и коммуникативных навыков.

Таким образом, считаю, что работа с текстом является наиболее эффективным средством формирования коммуникативной компетенции учащихся. Система использования видов работы с текстом на уроках языка помогает учащимся овладеть разными видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, навыками и умениями использовать язык в разных сферах и ситуациях общения.

Список литературы

1. Мартынкевіч С. В. Развіццё камунікатыўнай кампетэнцыі школьнікаў пры вывучэнні беларускай мовы (5–6 класы) : вучэб.-метаад. дапаможнік. Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2010. 102 с.
2. Ляшчынская В. А. Тэкст на ўроках беларускай мовы : практычны дапаможнік для студэнтаў філалагічных спецыяльнасцей ВНУ / М-ва адукацыі РБ ; Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. 64 с.
3. Хомский Н. Язык и мышление. М. : Изд-во МГУ, 1972. 122 с.
4. Hymes D. On Communicative Competence // Sociolinguistics / eds. J. B. Pride and J. Holmes. Harmondsworth : Penguin, 1972. P. 269–293.

Информация об авторе: *Прозорова Людмила Ивановна*, учитель белорусского языка и литературы высшей квалификационной категории Средней школы № 16 г. Мозырь (г. Мозырь, Республика Беларусь).

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В КЛАССЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА

Н. Ю. Текаева

г. Нижний Новгород, Россия
tekaevaNU@mail.ru

Аннотация. Раскрывается опыт работы по формированию речевой компетентности в полиэтническом классе. Описываются методы и приёмы обучения русскому языку детей-билингвов в начальной школе.

Ключевые слова: полиэтничный класс, речевая и языковая компетентность, русский язык как неродной, структурные элементы языка

Для цитирования: Текаева Н. Ю. Особенности формирования речевой компетентности в классе полиэтнического состава // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 162–165.

Мы живём в век крупномасштабных миграций и перемещения населения. Даже воспитанные в духе патриотизма и интернационализма педагоги проявили растерянность, столкнувшись с проблемой, когда им приходится учить не только писать, но и говорить на русском языке своих подопечных. В не менее непривычных условиях оказались и одноклассники, общающиеся на разных языках. Поэтому во многих образовательных учреждениях возникает необходимость создания условий, которые помогли бы учителю начальной школы, работающему в полиэтническом классе, решать следующие задачи:

1. Привить интерес к русскому языку, психологически готовить учащихся к дальнейшему изучению русского языка.
2. Приучать слух детей к звукам, словам русской речи, готовить речевой аппарат к правильному произношению этих звуков и слов.
3. Создавать у детей запас наиболее употребительных русских слов и фраз, вырабатывать умение пользоваться этим минимумом в разговорной речи.
4. Учить строить элементарные фразы на русском языке, употребляя слова в правильной грамматической форме.
5. Обучать русскому словесному ударению.
6. Воспитывать позитивное отношение и интерес к русскому языку как государственному языку Российской Федерации.

Речевая компетентность (система речевых действий) выступает в данном случае как универсальное учебное действие. Умение использовать языковые средства с учётом закономерностей их функционирования для построения устных и письменных высказываний является очень важным. Коммуникация возникает в области синтаксиса, поэтому основным объектом изучения является предложение; материал других ярусов языка изучается в качестве «строительного» для предложений.

Учебный материал для анализа мы стараемся предъявлять в виде звучащих слов, словосочетаний, предложений, причём не только при изучении звуков речи, но, как мы отмечали выше, и во время работы над другими структурными элементами языка, а также по правописанию. При этом условии у детей развивается

фонематический и орфографический слух, они легко учатся членить слова на звуки, звукосочетания, составляющие морфемы, соотносить их с соответствующими значениями языка. И здесь одним из важнейших приёмов, используемых в период устного курса, выступает использование наглядности. При обучении фонетике можно выделить два типа фонетических упражнений с использованием наглядности: упражнения на аудирование, которые охватывают не только отдельные звуки, но и слоги, слова, предложения; и упражнения на воспроизведение определенного звукового явления с применением сигнальных карточек и слоговых схем.

Расширить возможность демонстрации наглядности и применять её как основу для практической деятельности учащихся позволяет использование информационно-коммуникативных технологий на уроках. Мультимедиа мотивирует интерес учащихся, даёт положительный опыт сотрудничества с русским языком, возможность думать и общаться на неродном для них языке.

Ещё одним из продуктивных способов вовлечения ребёнка в познавательный процесс является включение дидактических игр и занимательных заданий в урок, что позволяет решить многие педагогические задачи. «Ребёнок-билингв в игре без стеснения преодолевает коммуникативный языковой барьер, и вместе с тем приобретает необходимые навыки умственного труда и чувство уверенности в своих интеллектуальных силах» [2, с.72]. Поскольку в классе, как правило, обучаются дети с разным уровнем владения русским языком, то коллективная форма участия в дидактической игре существенно увеличивает объём речевой деятельности на уроках всех школьников.

У многих детей-билингвов творческие задания в обычной форме (например, мини-сочинение) могут вызвать затруднения в связи с малым словарным запасом. В игре же учащийся преодолевает этот барьер легко – при помощи учителя или при помощи товарищей по команде – и не испытывает дискомфорта от своего «незнания». Ниже приведём примеры некоторых игр.

Игра «Умная стрелка»: используется наглядное пособие – круг, разделённый на части (с различными сюжетными картинками), и подвижная стрелка, закреплённая в центре. Учитель называет действие (рисует, играют, строят, умывается и т.д.). Дети ставят стрелку на соответствующую картинку и придумывают по ней предложение.

Игра «Найди ошибку»: учитель предлагает детям послушать предложение и определить, правильно ли оно составлено, а если неправильно, то исправить.

Игра «Удары мячом об пол»: учащиеся делятся на группы из двух-трёх человек. Каждая группа получает задание бить по мячу рукой и одновременно проговаривать в ритме отскакивающего мяча нужные речевые единицы. Например: 1) для заучивания названий лиц по признаку родства – Я знаю / десять / русских / слов: / брат / сестра / сын / дочь / отец / мать и т.д.; 2) для заучивания модели выражения желания – Я / могу / сказать / по-русски: я / хочу / есть; / я / хочу / спать; / я / хочу / читать / и т.д.

Игра «Песочные часы»: ученики выполняют различные задания за время, ограниченное песочными часами. Например, придумать рассказ о своём товарище или прочитать текст без остановок и т. п.

Игра «Нетерпеливые слушатели»: выбирается водящий, который садится перед учащимися и начинает рассказ. Задача ребят – задать максимум вопросов к каждой фразе, сказанной водящим. Если водящий, отвечая на вопросы, теряет нить повествования, он проигрывает. Если он смог довести рассказ до логического конца, то выигрывает.

При обучении русскому языку как неродному мы активно используем правила-инструкции, памятки, разъясняющие закономерности русского языка и помогающие формировать языковую компетенцию школьников, а также опорные схемы. Например: О людях и животных мы спрашиваем *кто?* О вещах мы спрашиваем *что?* О мальчике, мужчине говорим *он*, а о девочке, женщине – *она*. *По-русски говорят*: мальчик пришёл, *но* – девочка пришла; мальчик большой, сильный, *но* – девочка большая, красивая, добрая.

Уже с первых дней обучения в первом классе мы применяем составление рассказов. Ученику нерусской национальности для пересказа прежде всего нужно помнить глаголы и употреблять их в правильной грамматической форме. Это очень трудно для первоклассника. Поэтому мы даём на наборном полотне «программу» из трёх колонок, за каждой из которых закрепляется определённое грамматическое значение. Если в тексте имеются глаголы прошедшего времени, то каждая из колонок «программы» получает значение «он», «она», «они». Если нужны глаголы настоящего времени – «программа» меняется на «я», «ты», «он». Потом в соответствующие колонки вставляются карточки, на которых напечатаны слова из взятых на уроке текстов: «устал-устала», «купил-купила» и т.д. После этого начинается пересказ – процесс комбинирования слов из «программы» с предметными рисунками и словами на опорной таблице.

Учащиеся полиэтнических классов, для которых русский язык является неродным, часто нарушают порядок слов в русском предложении. Это можно предупредить только постоянной работой на уроке с семантическими связями внутри предложения. Необходимо учить детей правильно задавать вопросы ко всем членам предложения.

Большую трудность у детей нерусской национальности вызывают падежные конструкции. Поэтому учитель должен раскрыть им значение падежей, так как это поможет их практическому усвоению, формированию навыка установления связей между зависимыми словами, и придерживаться определённой последовательности введения падежных конструкций в речь.

Ещё один из приёмов поддержания интереса к учению и залог его успешности среди детей нерусской национальности – это использование пальчиковых кукол. Работа с ними помогает формировать и совершенствовать навык устной речи, знакомит учеников с многообразием языковых стилей, традициями и культурой нашей страны. Школьники с увлечением включаются в ролевые игры, учатся устанавливать контакт, как с игрушкой, так и друг с другом.

В своей практике мы также используем:

- заучивание наизусть и выразительное чтение учащимися не только стихотворных текстов, но и прозаических отрывков;
- запоминание отдельных выражений и оборотов литературной речи и запись их в словарики «Юный языковед»;
- частое выразительное чтение художественных текстов самим учителем, анализ и сравнение произведений разных народов;
- блокноты «Минутка», куда ребята под контролем родителей записывают еженедельно свою скорость чтения;
- экран соревнования «По дорогам непрочитанных книг» и др.

При этом важно помнить о том, что «обучение активной коммуникативной деятельности учащихся в полиэтническом классе эффективно только при благоприятном учебно-психологическом климате, который помогает учащимся, слабо владеющим русским языком, преодолеть боязнь говорить, речевую замкнутость. Лучше, когда ученик, хотя и с ошибками, но говорит, чем когда он не говорит вовсе» [1, с. 66].

В заключении хочется сказать, что эффективность применения всех этих методов и приёмов обучения в классах с полиэтническим составом в начальной школе во многом зависит от следующих условий:

- небольшой наполняемости классов (не более 25 человек);
- наличие игровых уголков, игрового реквизита;
- соблюдение в середине урока одной – двух подвижных пауз, физкультминутки;
- особого мастерства учителя, создания в классе атмосферы доверия и толерантности между теми, кто учит, и теми, кто учится.

Итак, главная причина отставания и дезадаптации в классе детей-билингвов – непонимание русской речи. Родители таких ребят должны как можно чаще общаться дома с детьми на русском языке. Ребёнок при поступлении в школу должен пройти предварительную подготовку. А имеющихся подготовительных курсов и школ русского языка для всех нуждающихся иностранных детей и подростков явно не хватает, да и не все родители могут оплатить своему ребёнку обучение на таких курсах). В результате большинство из ребят, плохо понимающих по-русски, всё же приступают к занятиям в общеобразовательной школе.

В этой связи, на наш взгляд, необходимо принятие стандартов, которые бы определяли минимально значимый уровень владения русским языком для обучения в том или ином классе. Нужна качественная подготовка большого числа учителей-специалистов с преподаванием русского языка как неродного, а также внимание особого внимания и публичное обсуждение данной проблемы со стороны органов управления образованием.

Список литературы

1. Михеева Т. Б. Специфика обучения русскому языку многонационального контингента учащихся // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 6. С. 62–68.
2. Озрокова М. Ю. Дидактические игры как средство умственного воспитания младших школьников-билингвов на уроках русского языка // Успехи современного естествознания. 2010. № 1. С. 72.

Информация об авторе: *Текаева Наталья Юрьевна*, учитель начальных классов Школы № 52 (г. Нижний Новгород, Россия).

ВЫКАРЫСТААННЕ АКТЫЎНЫХ ФОРМАЎ НАВУЧАННЯ НА ЎРОКАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ ЯК СРОДАК ФАРМІРАВАННЯ ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНАЙ КАМПЕТЭНЦЫІ ВУЧНЯЎ

Т. Л. Яраш

*г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
tania.yarosh.74@mail.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АКТИВНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ

Т. Л. Ярош

*г. Мозырь, Республика Беларусь
tania.yarosh.74@mail.ru*

Анатацыя. У артыкуле разглядаюцца формы і прыёмы фарміравання лінгвакультуралагічнай кампетэнцыі вучняў на ўроках беларускай мовы ў сярэдняй агульнаадукацыйнай школе. Прапануюцца арыгінальныя формы развіцця моўнай асобы школьнікаў.

Ключавыя словы: лінгвакультуралагічная кампетэнцыя, метады і прыёмы навучання, урокі беларускай мовы, нестандартныя формы ўрока, рэфлексія

Анотацыя. Рассматриваются формы и приёмы формирования лингвокультурологической компетенции учащихся на уроках белорусского языка в средней общеобразовательной школе. Предлагаются оригинальные формы развития языковой личности школьников.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, методы и приёмы обучения, уроки белорусского языка, нестандартные формы урока, рефлексия

Для цитирования: Яраш Т. Л. Выкарыстанне актыўных формаў навучання на ўроках беларускай мовы як сродак фарміравання лінгвакультуралагічнай кампетэнцыі вучняў // Языковая політыка і вопысы гуманітарнага адукацыі : сб. науч. ст. по матэрыялам VII Міжнародн. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 165–169.

Адной з галоўных задач сучаснай школы з’яўляецца павышэнне якасці адукацыі. Па гэтаму сучаснаму грамадству неабходны высокаадукаваныя, высокакультурныя асобы.

Менавіта вучэбны прадмет “Беларуская мова” ва ўстановах агульнай сярэдняй адукацыі Рэспублікі Беларусь прадугледжвае “фарміраванне сапраўднага грамадзяніна, удумлівага чытача, адукаванага суразмоўніка, спагадлівага, высакароднага чалавека”, які валодае “мовай як сістэмай захавання і перадачы каштоўнасцей культуры, як сродкам спасціжэння айчынай і сусветнай культуры” [2].

Між тым, сучасная практыка выкладання роднай мовы ў школе і вуні сведчыць пра зніжэнне колькасці і якасці ўзроўня чытання, пісьменнасці, абмежаванні лексічнага запасу, маўленчага і камунікатыўнага патэнцыялаў. Такім чынам, перад настаўнікамі беларускай мовы і літаратуры паўстаюць не толькі прыватныя вучэбныя праблемы, але і праблемы сацыяльна-кампетэнтнаснага плану, паколькі пераадоленне адзначаных цяжкасцей магчыма за кошт фарміравання моўнай, маўленчай, камунікатыўнай, лінгвакультуралагічнай кампетэнцыі вучняў. З аднаго боку, кампетэнцыі фарміруюцца і выяўляюцца ў дзейнасці, з другога боку, моўны працэс вучоныя вызначаюць як творчы. Па гэтаму мы лічым, што фарміраванне кампетэнцыі вучняў у працэсе навучання беларускай мове павінна ажыццяўляцца ва ўмовах раскрыцця творчага патэнцыялу і творчай самарэалізацыі асобы.

Асаблівае значэнне ў сённяшняй адукацыйна-выхаваўчай сітуацыі набывае фарміраванне ў вучняў лінгвакультуралагічнай кампетэнцыі, паколькі сучаснае грамадства вымагае падрыхтоўкі асобы, якая не толькі добра ведае нацыянальную мову і размаўляе на ёй, але і арыентуецца ў набытках айчынай культуры, з павагай і шанаваннем ставіцца да іх. Паводле навішых навукова-метадычных даследаванняў, пад лінгвакультуралагічнай кампетэнцыяй разумеюць «сукупнасць сістэмных ведаў пра культуру, якая адлюстроўваецца ў мове, гатоўнасць інтэрпрэтаваць моўныя і экстралінгвістычныя факты, а таксама сукупнасць аналітычных і камунікатыўных уменняў пры знаёмстве з этнічнымі культурнымі каштоўнасцямі краіны, мова якой вывучаецца» [1, с. 32].

У ліку важнейшых рэзерваў фарміравання лінгвакультуралагічнай кампетэнцыі мы вылучаем выкарыстанне нестандартных формаў урока і прымяненне актыўных прыёмаў выкладання. Менавіта нестандартныя формы

правядзення ўрокаў павышаюць пазнавальную актыўнасць вучняў, садзейнічаюць падтрыманню пастаяннай цікавасці да вучэбнай працы, а таксама лепшаму засваенню праграмнага матэрыялу.

Ажыццяўленне сказанага пры вывучэнні беларускай мовы ў агульнаадукацыйнай школе адбываецца праз разнастайныя творчыя заданні, неардынарныя дзеянні, канструктыўныя сказы, займальныя практыкаванні, дыдактычны матэрыял і інш.

На працягу некалькіх гадоў намі на ўроках беларускай мовы былі апрабаваны розныя нестандартныя формы ўрока і прыёмы выкладання вучэбнага матэрыялу. Абапіраючыся на ўласны вопыт, прапануем разгледзець магчымасць выкарыстання актыўных прыёмаў навучання на розных этапах ўрокаў беларускай мовы, якія, на наш погляд, спрыяюць удасканаленню моўнай, маўленчай, камунікатыўнай і лінгвакультуралагічнай кампетэнцый вучняў.

Так, на матывацыйным этапе, калі фармулююцца тэма і мэта ўрока, магчыма выкарыстанне такога прыёма, як «Здзіўляй».

Асабліва мэтазгодна яго прымяненне, на нашу думку, пры вывучэнні тэмы «Склад, націск» у 5 класе агульнаадукацыйнай школы. Падчас ўрока праводзіцца самоаблівы эксперымент са свечкай.

Запальваецца свечка, якая трымаецца на некаторай адлегласці перад ротам. Пры вымаўленні назоўніка *маці* язычок полымя калыхаецца два разы, пры вымаўленні слоў *добры дзень* – тры разы. Настаўнік ставіць перад вучнямі задачу растлумачыць, што ж адбываецца з полымем свечкі? Такім чынам актывізуецца пазнавальныя і творчыя здольнасці вучняў, развіваецца ўменне разумець мову не толькі як акт камунікатыўны, але і культуралагічны.

Задачу гэтую вучні павінны вырашыць у канцы ўрока. Яны займаюцца даследчай працай, прыводзяць прыклады, прыходзяць да пэўных вынікаў пра складовую структуру слова і рухомасць націску ў беларускім маўленні, знаходзяць адказ на праблемнае пытанне.

Фарміраванне лінгвакультуралагічнай кампетэнцыі адбываецца не толькі непасрэдна ў працэсе выкладання, але і падчас невялікага і неабходнага для эфектыўнага правядзення ўрока і засваення вучнямі вучэбнага матэрыялу адыходу ад тэмы ўрока, але тым не менш непасрэдна звязанага з тым, што вывучаецца на ўроку. Так, пры правядзенні фізічнай хвілінкі, задача якой – зняць напружанне, стварыць пазітыўны настрой, прымяняем прыём «Фантазіруй. Уяўляй. Паказвай». Вывучаючы тэмы «Парадкавыя лічэбнікі, іх скланенне і правапіс» (дыдактычны матэрыял «Масленіца»), прапануем эцюд «Снегапад»:

«Устаньце, калі ласка! (гучыць мелодыя) Заплюшчыце вочы і ўявіце снегапад. Сняжынкi падаюць зверху, падстаўце ім свае далоні. Снег гусцее, гусцее. Падзьміце на сняжынкi, пагрэйце шчокі, апусціце рукі. Вось і сонейка выглянула. Хутка прыйдзе вясна. Ад гэтага вам прыемна, хораша...». Так, звяртаючыся да эмацыянальна-інтуітыўнай сферы вучняў, настаўнік падкрэслівае сімвалічны сэнс пераходу ад зімы да вясны, яго значэнне ў жыцці нашых продкаў, вучыць школьнікаў жыць у суладдзі з прыродай і навакольным светам, быць чуйнымі да жыцця.

Пры вывучэнні тэмы «Лексіка-граматычныя разрады назоўнікаў» (дыдактычны матэрыял «Мазырскі нафтапрацоўчы завод») у 6 класе прапануем фізкультурны эцюд «Зямля пад белымі крыламі»:

«Заплюшчыце вочы і ўявіце, што вы – буслы. Узнімаецца высока ў неба і бачыце цудоўную Мазыршчыну, якая патанае ў засені лясоў і рэк, зелені лугоў і палёў. Адчуіце, як б'ецца ваша сэрца, а гэта і сэрца прамысловага гіганта – Мазырскага нафтапрацоўчага завода. Працягніце рукі, дакраніцеся да завода,

узніміце яго ў свае далоні. Расплюшчыце вочы, усміхніцеся адзін аднаму. Вам прыемна, добра». Такія хвілінкі дапамагаюць развіваць маўленчую, лінгвакультуралагічную кампетэнцыі вучняў і садзейнічаюць развіццю творчага ўяўлення школьнікаў, развіваюць іх крэатыўныя здольнасці.

На этапе абагульнення ведаў арганізуем дзейнасць вучняў па пераводзе асобных ведаў і спосабаў дзейнасці ў цэласную сістэму.

Так, прыёмы «Алфавіт», «Канан» прызначаны для праверкі ведаў, уменняў вучняў, атрыманых падчас урокаў беларускай мовы на працягу пэўнага часу. Апошні прыём дазваляе правесці апытванне ўсіх вучняў, садзейнічаць развіццю лагічнага мыслення, хуткасці і правільнасці фармулёўкі адказаў на пытанні. Напрыклад, прапануем вучням наступныя пытанні і заданні:

1. Якое свята адзначаецца з 13 на 14 студзеня? (Каляды)
2. Якую яшчэ назву мела свята, што адзначалася ў сярэдзіне студзеня? (Васілле)

3. Які пост заканчваўся ў студзені? (Калядны) [3].

Пытанні па тэме «Назоўнік»:

1. Знайдзіце ў тэксце назоўнікі

На свята рабілі Куццю. Яе называлі Вялікай. Прыгатаваную кашу ставілі да заходу сонца на покуці, пад гаршчок клалі сена, а зверху накрывалі хлебам.

2. Знайдзіце рэчыўныя назоўнікі ў тэксце

На свята гатавалі вячэру. Ставілі на стол селядзец, рыбу, квас з грыбамі, бліны, кісель і куццю – кашу з ячменю.

3. Змяніце па склонах назоўнікі

Ісус Хрыстос, Каляды

4. Вызначце род, лік, склон назоўнікаў у сказах

Увечары хадзілі па сяле калядоўшчыкі, пераапрапанутыя ў казу, жорава, кабылу і цыганюў. Абрад называўся «ваджэнне казы» [3].

5. Дапішыце назоўнікі ў песню:

Устань, ..., расхадзіся.

Нашаму ... нізка пакланіся.

О, ... ідзе, каляду нясе.

Тры кускі ..., каб ... ўстала.

(Козанька, пану, пан, сала, каза)

6. Устаўце патрэбныя канчаткі назоўнікаў

Гаспадар дзякаваў калядоўшчык.. сал.., каўбас.., піраг.. або граш.. . Яны развітваліся і ішлі да іншай хат.. . Калядоўшчык.. зычылі шчасц.. сям'.., прасілі аддзячыць.

У адпаведнасці з правіламі вучні разбіваюцца на тры каманды. Выбіраюцца кансультанты, якія ведаюць адказы на пытанні (пытанні яны атрымалі раней), эксперты, капітаны каманд. Члены каманды выбіраюць картку з пытаннем і адказваюць на яго. Каманда можа ўдакладняць адказ свайго гульца. Калі ніхто з каманды не ведае правільнага адказу на пытанне, тады капітан павінен «купіць» інфармацыю ў іншай каманды або ў інфармацыйным цэнтры. Адказ павінен абавязкова прагучаць. Пасля заканчэння пытанняў падлічваюцца балы кожнага вучня і агульны бал каманды.

Як бачым, падобны прыём скіраваны не толькі на фарміраванне моўнай культуры і граматычнасці вучняў, але і на выхаванне павагі да народнай беларускай культуры, арыентаваны на веданне традыцый беларускага народа і іх далейшае выкарыстанне вучнямі ў сваім жыцці.

Важным момантам любога ўрока з'яўляецца рэфлексія, якая дапамагае прааналізаваць вынікі вучэбнай дзейнасці. У сваёй практычнай дзейнасці перавагу аддаем такім прыёмам, як «Кошык і чамадан», «Ацэначнае акно», «След», «Устаньце, калі...», «Сонейка», «Павуцінка».

Асаблівую цікавасць, на нашу думку, уяўляе рэфлексія «Павуцінка». Вучні, стоячы ў крузе, кідаюць клубок іншаму вучню, які павінен сказаць аб сваёй дзейнасці, дзейнасці групы, выказаць свае пажаданні на будучыню і ўласныя адчуванні пасля ўрока.

Каб дамашняе заданне было эфектыўным і спрыяла замацаванню новых ведаў, фармулюем заданні творчага характару: «Незвычайнае звычайна», «Ідэальнае заданне». З вопыту настаўніцкай працы відавочна, што яны асабліва падабаюцца вучням, бо прыцягваюць школьнікаў незвычайнасцю задачы і магчымасцю выявіць свае крэатыўныя здольнасці.

Напрыклад, у адным з заданняў неабходна выпісаць толькі прапушчаныя літары. Паглядзець, якое слова атрымалася.

Я “Роднае слова”

Да ночы вучу.

За ..нігаю новаю

Спаць не х..чу.

Мне бацька гаворыць:

– .. навукай дружы.

Ты “Роднае слова”,

Сыноч, бер..жы.

Такім чынам, выкарыстанне на ўроках беларускай мовы нестандартных формаў і прыёмаў вучэбнай работы садзейнічае развіццю лінгвакультуралагічнай кампетэнцыі вучняў, фарміруе ў іх павагу да нацыянальнай мовы і культуры.

Спіс літаратуры

1. Боровиков П. Ю. Концепция формирования лингвокультурологической компетенции школьников на основе аудиотекстов при обучении английскому языку // Молодой учёный. 2015. № 9 (89). С. 32–35.

2. Вучэбная праграма па вучэбным прадмеце «Беларуская мова» для VIII класаў ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання і выхавання : [утв. постановлением М-ва образования Республики Беларусь, 27 июля 2017 г., № 91] // Национальный образовательный портал. URL: https://adu.by/images/2017/08/up_Bel_mova_5-7kl.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

3. Сысоў У. М. З крыніц спрадвечных. Мінск : Выш. шк., 1997. 415 с.

Інфармацыя пра аўтара: *Ярош Таццяна Леанідаўна*, настаўнік-метадыст, настаўнік беларускай мовы і літаратуры Сярэдняй школы № 16 г. Мазыра (г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь).

Інфармацыя аб аўторэ: *Ярош Тат'яна Леанідаўна*, учитель-методист, учитель белорусского языка и литературы Средней школы № 16 г. Мозыря (г. Мозырь, Республика Беларусь).

ОСОБЕННОСТИ ОВЛАДЕНИЯ ЛЕКСИКОЙ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

Н. Ю. Яшина¹, З. С. Нуреева²

¹г. Нижний Новгород, Россия

²с. Большое Рыбушкино, Нижегородская область, Россия

¹yashina-nata58@mail.ru

²zulfya.nureeva2015@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности лексики татарского языка, влияющие на овладение лексическими единицами русского языка. Описываются подходы, приёмы обогащения и активизации словаря младших школьников в условиях двуязычия.

Ключевые слова: лексика, лексическое значение, семантика, словарь, русский язык как неродной, татарский язык, младшие школьники

Для цитирования: Яшина Н. Ю., Нуреева З. С. Особенности овладения лексикой младшими школьниками при изучении русского языка как неродного // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 169–173.

Проблема изучения лексики всегда является актуальной потому, что расширить и актуализировать словарный запас младших школьников стихийно невозможно. Особого решения данной задачи требуют условия двуязычия в начальной школе, когда русский язык является неродным для обучающихся татарской национальности. Овладение лексикой в объёме требований образовательной программы невозможно без применения педагогом поэтапного, системного и дифференцированного подходов.

На начальном этапе (1–4 классы) знакомство со словом осуществляется на практическом уровне: когда слово противопоставляется реалии (предмету, его признакам и действиям). Младшие школьники знакомятся со словами, близкими и противоположными по смыслу (синонимы и антонимы), с многозначными словами.

Внимание лексике как разделу русского языка обусловлено следующими аспектами изучения языка, особенно как неродного:

- обеспечение системного подхода к изучению и усвоению лексики;
- изучение морфемики, орфографии, грамматики на основе лексических понятий;
- установление связей лексики с другими уровнями языка (словосочетание, предложение, текст).

М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов отмечали, что в начальной школе обучающиеся знакомятся, прежде всего, со словом как одной из основных единиц языка (наряду со звуком и предложением), обладающим лексическими и грамматическими значениями, со связями слова с другими единицами языка; а также получают сведения о том, что слова в языке не изолированы друг от друга, а объединяются в группы по их лексическому значению [2, с. 40].

При объединении слов в семантические группы, по мнению И. П. Лысаковой, Г. М. Васильевой, С. А. Вишняковой и др., важно учитывать следующие положения:

- соблюдение тематической однородности лексики в каждой группе;
- знакомство с новой лексикой должно строиться на основе повторения изученной ранее, которая связана с новой по семантике;
- открытость семантической группы, что позволяет включить в ее состав ранее изученную лексику [3].

В начальной школе важно сформировать у младших школьников умение выделять в слове, прежде всего, его лексическое значение и устанавливать семантические (смысловые) связи данного слова с другими словами в предложении, тексте. Это необходимо для того, чтобы обучающиеся осознали особенности употребления слова в речевой деятельности. Данные умения формируются при изучении лексики и закрепляются при изучении других разделов науки о языке.

Следует подчеркнуть, что формирование орфографических умений невозможно без понимания семантической и структурной близости однокоренных слов. Расширение гнезд однокоренных слов является необходимым условием для

подбора проверочных написаний. Для предотвращения ошибок в слитном и раздельном написании *не* и *ни* с именными частями речи важно умение подбирать синонимы и антонимы к проверяемому слову. Не допускать ошибок на раздельное написание приставок с глаголами школьниками помогает открытие практическим путем понимания «непроницаемости» слова (в отличие от построения словосочетаний с предлогами).

Умение выделять лексическое значение слова позволяет школьникам устанавливать различные виды связей:

1) словообразование – толкование значения однокоренных слов с опорой на производящее (мотивирующее) (*город – городской, пригород; дорога – дороженька, подорожник*);

2) образование словоформ многозначного слова (*зуб: зубы и зубья, зубов и зубьев*);

3) при создании словосочетаний взаимосвязь сочетающихся слов с их лексическими значениями (например: *коричневый костюм, но карие глаза; кофейный напиток – платье кофейного цвета*).

Степень усвоения лексического материала школьниками с родным языком нерусским во многом зависит от различных способов семантизации, выделенных А. А. Акишиной, О. Е. Каган: применение наглядности, употребление слова в контексте, развернутое толкование слова, подбор синонимов и антонимов, определение родового понятия и выделение видовых признаков, опора на словообразовательную ценность лексической единицы, перевод слова с одного языка на другой [1]. При этом важно познакомить обучающихся с различными видами словарей для начальной школы (в первую очередь толковым словарём) и основными способами толкования лексического значения слова.

Младшие школьники начинают изучать русский язык, имея определенные навыки владения родной речью. Несовпадение лексических значений отдельных слов в русском и татарском языках вызывает затруднения в употреблении лексики в собственных высказываниях в различных коммуникативных ситуациях. Например, приводит к ошибкам в оформлении слов в составе словосочетаний: 1) *май* – в одном значении – это «еда» (*масло*), в другом – «название месяца»; 2) *таш* – *кирпич, камень*; 3) *ата* – *отец, стрелять, цвести*.

Если слово в обоих языках имеет одно значение, эффективным приёмом является игровой приём «Переводчик». Можно предлагать выполнить перевод как с татарского языка на русский, так и с русского языка на татарский:

1) *месяц май (май ае)*;

2) *булка с маслом (май белән ипи)*;

3) *кирпичный дом (таштан өй)*;

4) *каменная ограда (таш киртәсе)*.

В русском языке давно существуют слова тюркского происхождения (*амбар, базар, кремль, сарафан, сарай, сундук, таз, туман* и др.). Значения отдельных слов полностью совпадают в русском и татарском языках. Например: *сарафан* – длинная одежда с поясом, без рукавов, которую надевают поверх рубахи; *сундук* – ящик или коробка для хранения одежды и бытовых принадлежностей; *амбар* – хранилище для зерна и др. Отдельные слова в русском языке несколько изменили значение исконных татарских слов. Например: слово «*сарай*» в татарском языке обозначало дворец с большим двором, с жилыми и торговыми помещениями; в русском языке сараями называют постройки для хранения ненужных в доме вещей, хлама. Слово «*туман*», обозначающее в обоих языках «*облачный мрак*», в татарском языке имело ещё одно значение: «*тумэнами*» назывались большие воинские подразделения, в состав которых входило около 10 тысяч воинов.

Знакомство школьников со сведениями из истории происхождения слов, с фактами заимствования и преобразования значения слов в неродном языке необходимо для более точного их употребления в речи.

Педагогу следует учитывать, что в татарском языке несколькими глаголами или прилагательным может соответствовать лишь одно слово русского языка, например: *встретить* – *очрату, каршылау*; *толковый* – *акыллы, төпле*; *колкий* – *чәнчүле, эче*. И, наоборот, к одному татарскому слову можно подобрать несколько синонимов из русского языка. Например: *уйларга* – *думать, размышлять*; *пешеру* – *стряпать, варить, печь*; *аңлы* – *понятливый, сознательный*.

Для употребления в речи наиболее точного по значению слова сначала важно организовать наблюдение над конкретным языковым материалом. Затем обучающиеся выбирают наиболее подходящий глагол из двух предложенных. Например: Прочитай предложения. Подумай, какой глагол их двух будет точнее в каждом предложении. Спиши предложения, раскрывая скобки.

Саша долго (думал, размышлял) над моей просьбой.

Ваня вслух (думал, размышлял) над решением задачи.

Далее задания усложняются:

1) Вставь в предложения пропущенные глаголы.

Мама ... вкусный борщ.

Вкусные оладушки ... бабушка на завтрак.

2) Составь предложение со словом *понятливый*.

Большие затруднения возникают у младших школьников с правильным употреблением слов с переносным значением, особенно у глаголов (*идти, бежать, играть* и др.). Рассмотрим пример задания:

Вставь подходящие по смыслу глаголы. Можно ли в данные предложения вставить глагол «*играть*»? Почему? В каком значении глагол «*играть*» будет употреблен в каждом предложении?

На лужайке (что делают?) ... лисята.

Лучи солнца (что делают?) ... на зелёных полянах.

Под деревьями (что делают?) ... солнечные зайчики.

В словах татарского языка отсутствуют *приставки*, соответственно у младших школьников, изучающих русский язык, возникают трудности в точном употреблении глаголов с приставками нужного значения. Например, им сложно увидеть разницу в глаголах *вошёл и зашёл*, так как в татарском языке движение вовнутрь обозначается одним словом – *керде*, а *написал, записал* – *язды*.

В данном случае предлагаем задания с постепенным усложнением или выбор учащимися задания по уровню сложности (дифференцированный подход). Для предупреждения подобных ошибок используем задания типа:

1 уровень – Спиши предложения, раскрывая скобки. Выбери правильный глагол.

Митя (написал, записал) в тетрадь буквы.

Саша (написал, записал) домашнее задание.

Во дворе (упал, выпал) снег.

На землю (упал, выпал) кирпич.

2 уровень – Подумай, какой глагол нужно вставить в предложение. Запиши предложение.

В наш подъезд ... почтальон.

Ко мне после школы ... друг.

Старший брат ... мне письмо из армии.

Ученик ... в дневник домашнее задание.

3 уровень – Составь и запиши предложения с глаголами *вошёл и зашёл*.

Другая трудность для школьников – написание словосочетаний с глаголами. Предлагаем задания на составление словосочетаний и текста. *Например:*

1 уровень – Соедини имена существительные с подходящими глаголами.

Гром, туча, деревья, ветер, молния, дождь

появилась, загромыхал, пронёсся, закачались, сверкнула, хлынул.

2 уровень – Составь словосочетания с данными глаголами.

Появилась, загромыхал, пронёсся, закачались, сверкнула, хлынул.

3 уровень – Составь рассказ «Гроза», употребив данные глаголы.

Появилась, загромыхал, пронёсся, закачались, упали, застучали, сверкнула, хлынул.

Итак, практика показывает, что применение педагогами начальной школы описанных нами подходов и приёмов работы с лексическим материалом способствует обогащению, расширению и активизации словаря обучающихся с неродным русским языком. Владение лексикой в объёме образовательной программы позволяет младшим школьникам увереннее использовать изучаемые лексические единицы при решении учебных задач и при создании собственных высказываний в различных коммуникативных ситуациях в условиях двуязычия.

Список литературы

1. Акишина А. А., Каган О. Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. М. : Русский язык. Курсы, 2014. 256 с.

2. Баранов М. Т., Ипполитова Н. А., Ладыженская Т. А., Львов М. Р. Методика преподавания русского языка в школе : учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. М. Т. Баранова. М. : Академия, 2001. 368 с.

3. Лысакова И. П., Васильева Г. М., Вишнякова С. А. [и др.]. Методика обучения русскому языку как иностранному : учеб. пособие для вузов / под ред. И. П. Лысаковой. М. : Русский язык. Курсы, 2019. 320 с.

Информация об авторах: *Яшина Наталья Юрьевна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры начального образования Нижегородского института развития образования (г. Нижний Новгород, Россия); *Нуреева Зульфия Саяровна*, учитель начальных классов Больше-Рыбушкинской средней общеобразовательной школы имени А. С. Садекова (с. Большое Рыбушкино, Нижегородская область, Россия).

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ РКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

К. С. Безрукова

г. Москва, Россия
ksenya.bezrukova.97@mail.ru

Аннотация. Отмечается, что качественное образование возможно при наличии нравственного воспитания, которое предполагает развитие личности, способной к принятию духовно-нравственных, социальных, семейных и других ценностей, поскольку именно ценности определяют содержание духовно-нравственного развития и воспитания личности. Представлены результаты анкетирования иностранных студентов медицинского факультета на предмет причины выбора их специальности, которое проводилось в целях определения отношения студентов к их будущей профессии. Обосновывается, что роль обучения русскому языку является ведущей среди образовательных дисциплин в процессе воспитания личности, развития нравственных качеств и творческих способностей. Рассматриваются направления в реализации аксиологического подхода к преподаванию русского языка в поликультурной образовательной среде.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, нравственное воспитание, аксиологический подход к обучению, ценность

Для цитирования: Безрукова К. С. Аксиологический подход к обучению РКИ иностранных студентов-медиков как необходимое условие качественного образования // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 174–176.

Введение Федерального государственного образовательного стандарта нового поколения обусловило широкое распространение ценностного подхода как в школьной, так и в вузовской практике, поскольку личностные и метапредметные результаты обучения наряду с предметными становятся важнейшими требованиями к освоению основных образовательных программ [5]. Достижение личностных результатов предполагает ценностное освоение метапредметного содержания посредством межпредметной интеграции, обеспечивающей овладение системой универсальных человеческих ценностей и формирующей системно-целостного взгляда на мир.

Модернизация российского образования вызвана переходом к качеству образования, реализующему компетентностный подход, наряду с которым актуализируется аксиологический подход, поскольку качественное образование возможно при наличии качественного нравственного воспитания. По мнению О. Д. Олейниковой, нравственное воспитание – это «воспитание гуманизированного ценностного отношения к жизни, обеспечивающего устойчивое и гармоничное развитие человека» [3, с. 259]. Так, важной целью образования, а также одной из приоритетных задач общества и государства является воспитание нравственного, ответственного, инициативного, компетентного гражданина. Следовательно, образова-

тельный процесс должен включать развитие «личности, многосторонней и многогранной» [4, с. 9], способной к принятию духовно-нравственных, социальных, семейных и других ценностей, поскольку именно ценности определяют содержание духовно-нравственного развития и воспитания личности.

Таким образом, ведущее место в рамках личностно-развивающей парадигмы современного педагогического процесса занимает аксиологический подход к содержанию образования.

Для определения отношения студентов к их будущей профессии в начале учебного года нами было проведено анкетирование иностранных студентов-медиков первого курса Российского университета дружбы народов на предмет причины выбора их специальности. В опросе приняли участие студенты из Ирана, Ирака, Ливана, Иордании, Турции, Нигерии, Гаити, Шри-Ланки, Вьетнама. Результаты анкетирования оказались неоднозначными. 45 % студентов на вопрос «Почему Вы выбрали свою специальность?» ответили, что хотят помогать людям, поскольку у одних студентов в семье династия врачей и перед ними все время был пример человека, «горящего» своим делом, у других – умер близкий человек, которого не удалось спасти. Такие студенты проявляют заинтересованность на занятиях и ответственно подходят к процессу обучения.

Однако мысли 55 % анкетированных студентов сосредоточены на зарабатывании денег, либо «родители заставили». Данная группа студентов на протяжении семестра либо жаловалась на строгих преподавателей основных дисциплин, либо не посещала занятия. После сессии на вопрос «Как вы сдали сессию?» эти студенты отвечали «сдали и ладно», «еще сдаем». В таком случае учебный процесс видится формальным. Студентами движет прагматическая цель: получить желаемую оценку или же вовсе сдать на минимум. Заинтересованности в получении знаний и опыта в большинстве случаев нет. В профессиональной сфере существует мнение, что как человек учится, так он и работает. Если студент вовлечен в учебный процесс, активно проявляет себя на занятиях, хочет знать больше, то и как специалист он будет инициативным, высококвалифицированным, всесторонне развитым, творческим человеком, формирование которого – главная задача системы образования. Однако если человек бездуховен, то его деятельность имеет исключительно прагматическую направленность, обеспечивающую личную выгоду.

Таким образом, результаты анкетирования иностранных студентов, обучающихся на первом курсе медицинского факультета, дают понять, что в настоящее время наблюдаются ценностный кризис и утрата жизненных, нравственных идеалов. Происходит отчуждение интересов студентов от интересов социума и задач учебного процесса. Перед преподавателями встает задача воспитать творческую, активную и граждански ответственную личность путем познания студентом национальных и гуманистических ценностей, что поможет обучающимся в процессе успешной самореализации. В процессе воспитания личности, развития нравственных качеств и творческих способностей ведущая роль среди образовательных дисциплин отводится русскому языку и литературе. По мнению А. Д. Дейкиной, язык связывает человека с нацией, формирует чувство причастности к судьбам народа [2].

Для приобщения студентов к традиционным российским ценностям в процессе обучения следует формировать ценностно-мировоззренческие компетенции, которые предполагают воспитание уважительного отношения к культуре, умение давать морально-нравственную оценку событиям и явлениям социальной действительности и выстраивать свою траекторию поведения. Развитие данной компетенции реализуется путём освоения знаний, ценностно ориентированных на достижение духовности, на ведение праведной жизни с любовью к людям, на следование духовным и материальным истинам, на использование ресурсов для истинных жизненных потребностей.

Сформировать положительное отношение к выбранной профессии возможно посредством применения аксиологического подхода в обучении. При помощи данного подхода происходит формирование системы ценностей, позволяющей студенту осознать значимость выбранной специальности, личностный смысл в дальнейшей трудовой деятельности, реализовать творческий подход в процессе профессиональной деятельности, увидеть перспективы и возможности самосовершенствования.

Е. В. Архиповой выделено три направления в реализации аксиологического подхода к преподаванию русского языка в поликультурной образовательной среде: развитие речи и духовной сферы посредством языка; обращение к духовным ценностям народа на занятиях по русскому языку и расширение этнокультурного компонента в содержании обучения; формирование ценностных ориентаций и представлений в единстве с формированием языковой способности [1].

С нашей точки зрения, на занятиях по русскому языку как иностранному для студентов-медиков необходимо создавать ситуации, в которых обучающиеся высказывают свое отношение к проблеме, осознанно аргументируют свою ценностную позицию, что требует аксиологически направленного материала. Например, обсуждение значимости клятв, отношения к эвтаназии, экспериментов над животными в целях развития медицины. Содержанием такого материала является прямая информация, в которой выражена оценка автора к тому или иному явлению; косвенная информация, которая позволяет обучающимся сделать свои выводы; задания, направленные на выражение собственной позиции по поводу того или иного явления; задания, нацеленные на подбор языковых средств для собственных высказываний с точки зрения их ценностных, нравственных качеств.

Подбор языковых средств возможно реализовать посредством работы со словарём, в частности со словарем пословиц и поговорок, крылатых слов и выражений – образно-экспрессивных языковых единиц, вошедших в язык из литературных, исторических и культурологических источников (слова, изречения, цитаты, принадлежащие выдающимся личностям, содержащимися в произведениях художественной литературы, кинофильмов, мультфильмов и т.д.). Такими источниками могут выступать «Записки юного врача» М. А. Булгакова, «Записки врача» В. В. Вересаева, «Сердце хирурга» Ф. Г. Углова и др.

Данное исследование дает основание для разработки и внедрения материалов по русскому языку как иностранному, основанных на аксиологическом подходе, для студентов медицинских факультетов вузов Российской Федерации в целях формирования личностных ценностей, которые связывают внутренний мир отдельного человека с жизнедеятельностью социума.

Список литературы

1. Архипова Е. В. Аксиологический подход к обучению русскому языку в полиэтнической образовательной среде // Самарский научный вестник. 2015. № 1 (10). С. 19–21.
2. Дейкина А. Д. Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка. М. ; Оренбург : Агентство «Пресса», 2009. 305 с.
3. Олейникова О. Д. Нравственное воспитание как необходимое условие качественного образования // Философия образования. 2010. № 1. С. 259–266.
4. Стрельчук Е. Н. Русская речевая культура иностранных бакалавров негуманитарных специальностей : монография. М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. 208 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт. URL: <https://fgos.ru/> (дата обращения: 20.02.2023).

Информация об авторе: Безрукова Ксения Сергеевна, аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия).

ПРИЁМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ НА ЗАНЯТИИ ПО РКИ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА АСИ ПЕТРОВОЙ «ЭТО ТАКАЯ МЕЛОЧЬ»)

Ж. К. Гапонова¹, А. А. Серогодская²

^{1, 2} г. Ярославль, Россия

¹ jangap1@mail.ru

² atlas_fill@mail.ru

Аннотация. Предлагаются эффективные приёмы работы с небольшим рассказом современной подростковой литературы, связанные с эмоциональным чтением. Чтение неадаптированных текстов русских авторов рассматривается как способ повышения мотивации иностранцев при обучении русскому языку, создания благоприятного психологического фона при обсуждении прочитанного. Предложена работа над содержанием рассказа Аси Петровой «Это такая мелочь»: представлена система вопросов и заданий, направленная на формирование коммуникативных навыков, знакомство с культурой России и концептосферой русского человека. Начиная разговор с лексической работы над многозначностью слова *мелочь*, преподаватель поэтапно, используя методику комментированного чтения, подводит иностранцев к пониманию смысла произведения, развивая читательскую, лингвокультурологическую, эмотивную компетенции.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, подростковая литература, музыка, лингвокультурология, эмотивность

Для цитирования: Гапонова Ж. К., Серогодская А. А. Приёмы эмоционального чтения на занятии по РКИ (на примере рассказа Аси Петровой «Это такая мелочь») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 177–181.

Дидактический материал, предлагаемый в большинстве современных учебников, представляет собой учебные тексты, написанные самими авторами. Содержание таких текстов хотя и направлено на обучение типовым ситуациям или этикетным формулам, однако часто лишено экспрессии и критического осмысления. Проблема повышения мотивации к говорению/обсуждению на занятиях по РКИ не исчерпана поиском и отбором текстов, а также созданием коммуникативных комплексов упражнений. Одним из стимулов, повышающих мотивацию иностранцев при обучении русскому языку, может быть чтение неадаптированных текстов русских авторов. Кроме того, чтение литературы на изучаемом языке должно, на наш взгляд, сопровождаться обсуждением прочитанного в непринужденной обстановке. Психологами давно доказано, что благоприятный психологический фон стимулирует к изучению иностранного языка, повышает уверенность, наблюдательность обучающегося, устраняет страх выражать собственные мысли. Работая над содержанием прочитанного текста, преподаватель создает такую систему вопросов и упражнений, которая соответствовала бы и другим целям, например, знакомству с культурой той страны, язык которой изучается, формированием коммуникативных навыков. Кроме того, преподаватели РКИ советуют избегать монотонности и скуки на занятии, чтобы избежать блокировки центров восприятия и памяти [1, с. 19]. Обучение чтению может быть интересным и доставляющим удовольствие обучающемуся. Реализовать описанные выше принципы позволяет работа с небольшими рассказами, направленная на формирование умений эмоционального чтения.

Эмоции имеют прямое влияние на мотивационные и когнитивные аспекты обучения. Художественная литература, вобравшая в себя эмоциональный опыт человечества, позволяет преподавателям РКИ реализовывать на занятиях стратегии аффективного обучения, то есть воздействовать на эмоции читателя. Как известно, стимулирование положительных эмоций на занятии может служить мотивацией для обучения чтению, вовлечению студента в описываемую в тексте ситуацию, при этом такое погружение редко возможно при чтении учебных текстов и выполнении упражнений. В статье мы предлагаем описание урока-чтения с включением в его структуру музыкальных фонограмм. Музыка способна усилить воздействие текста, пробудить эмоциональное восприятие, вызвать чувства, описанные автором. Таким образом, внося фонограмму как обязательный элемент урока изучающего чтения, преподаватель подводит студентов к более глубокому осмыслению событий, чувств человека, культурного кода страны. Иностранцы студенты в процессе занятия должны не только развивать все виды речевой деятельности, но и учиться считывать эмоции и настроение сокурсников при восприятии произведения. Верная интерпретация способствует эффективной межкультурной коммуникации.

Выбирая произведения для занятий по РКИ, мы придерживаемся принципа: хорошо обсуждается то, что откликается. Поэтому выбранный нами материал должен соответствовать основным критериям: должен быть направлен на формирование критического мышления, дать возможность организации непринужденного обсуждения и апелляции к эмоциям читателей.

Материалом для описываемого занятия мы выбрали рассказ современного прозаика Аси Петровой «Это такая мелочь». Методический потенциал ее произведения остаётся незамеченным в практике преподавания РКИ. Произведения автора небольшие (1–3 страницы), но, несмотря на это, в них поднимаются интересные, порой неудобные вопросы, затрагиваются социальные проблемы, а самое главное в них находят отражение особенности современного русского языка и культуры. А. Петрова прекрасно передает мироощущение подростка, богатое противоречиями и разными эмоциями. Неоднозначные даже для взрослого вопросы решаются героем в повседневных ситуациях: чего не стоит говорить, куда уходит привязанность, как помириться с другом, почему не стоит переживать из-за мелочей?

Начиная разговор с лексической работы над многозначностью слова *мелочь*, преподаватель поэтапно, используя методику комментированного чтения, подводит иностранцев к пониманию главного – счастье в мелочах, человеку немного надо, чтобы стать счастливым. Эта идея традиционна для русской культуры и находит отражение как в разных видах искусства прошлых эпох, так и в наши дни (ср. стихотворение Р. Рождественского «Человеку надо мало...»: читатель понимает, что стать счастливым очень просто. Для этого не нужно обладать материальными благами, а искать счастье нужно не в чем-то глобальном, далеком, а в простых, обыденных вещах). Обращение к концепту *счастье* может стать перспективной темой для межкультурного диалога на последующих занятиях.

Предлагаемое занятие имеет традиционную структуру: комплекс пред-/при-/послетекстовых упражнений, направленных на повышение читательской, лингвокультурологической, эмотивной компетенций. По мнению психолога О. Г. Серебрянцевой, задания должны вызывать эмоции, активизировать мыслительную деятельность, естественную речевую реакцию на вопрос, реплику или высказывание, стимулировать на речевые поступки, что, в конце концов, приводит к спонтанному речевому общению [2]. А спонтанное речевое общение и есть цель многих занятий по РКИ.

В нашем занятии одним из важных составляющих, помимо фонограммы, является задание, направленное на развитие креативного письма. Поскольку креативное письмо предполагает выражение своих реальных чувств, эмоций и мыслей, оно служит повышению понимания изучаемого языка, а также стимулированию мотивации и эффективности обучения. Таким образом, задания с применением аффективных стратегий учения позволяют студентам осознать свои индивидуальные психологические особенности и управлять процессом овладения иностранным языком [2].

Текст Аси Петровой был предложен американским студентам (уровень В1) в аутентичном варианте, однако рассказ можно адаптировать под необходимый уровень, а лексику семантизировать удобными преподавателю способами. Остановимся на основных этапах занятия.

1. Лексическая работа со значениями слова *мелочь*

Что объединяет эти фразы? В каком значении используется слово *мелочь*?

1. У вас нет мелочи? Мне не хватает семи рублей на проезд.
2. На рыбалке не было нормальной рыбы, поймали одну мелочь.
3. К нам придут гости, купи что-нибудь по мелочи к столу и детям.
4. На забастовку пришли дворники, уборщицы и прочая мелочь.
5. Не плачь, мы найдем твою шапку. Это не проблема, это такая мелочь! Не стоит расстраиваться из-за мелочей.

2. Чтение текста. Эпизод № 1

1. Прочитайте первое предложение рассказа.
– *Да не переживай ты так. Это такая мелочь!*
2. В каком значении используется слово *мелочь*? Кто и кому мог бы сказать эту фразу?
3. Как вы думаете, о чем будет рассказ? Достройте ответную реплику (что бы вы ответили на эту фразу?)

3. Чтение текста. Эпизод № 2

Эту фразу я слышу почти ежедневно, и притом от всех подряд. Учителя так говорят, родители, друзья. Просто я часто переживаю. Иногда действительно из-за мелочей, а иногда, наверное, не совсем. Например, я переживаю, что не нравлюсь нашей учительнице Марине Станиславовне. Папа говорит – это мелочь. Вроде бы папа прав. Закончу школу и забуду об этой училке. Да и сейчас она ничего плохого мне не делает. Но ведь это моя жизнь, часть моей жизни. Это человек, которого я вижу каждый день и чье настроение на меня влияет. Когда кто-то, даже кто-то незначительный, да хоть водопроводчик! – у нас постоянно проблемы с горячей водой, – делается постоянным участником твоей жизни, это... становится важным. Потому что... а кто еще важен? Королева Англии? Президент Трамп, которого я в жизни не увижу? Ну, глобально, конечно, да. Но не эти люди учат меня в школе, ставят мне оценки, налаживают мне горячую воду, смотрят на меня косо или с улыбкой, хвалят меня, радуют или огорчают...

Как часто вы слышите фразу «Это такая мелочь!» на своём языке? Герой согласен с этой фразой? Для вас водопроводчик важнее королевы и президента?

4. Чтение текста. Эпизод № 3

Если вдуматься, то все, что мы называем мелочами, – потолок после дождя протекает, насморк, повздорил с приятелем – важнее, чем глобальное потепление и война в Сирии. Нет, серьезно! Папа приходит домой понурый не потому, что где-то на другом конце света бомбу взорвали, а потому, что ему начальник нахамил, зарплату понизили и к тому же папа зверски проголодался. И последний пункт вообще самый важный, если быть до конца честным.

Если продолжать быть честным, то во вселенском философском масштабе войны, бомбы, международные конфликты, нищета и болезни тоже мелочи. Потому что в конце концов все умрут и все будет неважно. Вот какой я умный.

Работа со вторым абзацем. Дискуссия, в ходе которой студенты делятся на две группы и аргументируют одну из позиций: «нет, это важно (это не мелочи) / да, это мелочи (это неважно)».

5. Чтение текста. Эпизод № 4

На этой оптимистичной ноте мой мыслительный процесс прервал папа. Он впервые за год вернулся домой с букетом ирисов. Это был огромный букет без упаковки. Просто стебли перехватили белой лентой. Мама вышла из спальни и буквально запрыгала. Рот до ушей.

– Какая красота! Красотища! Ура-ура-ура! В кои-то веки! Ведь не дождешься от тебя обычно. Ми-и-и-и-и! Спаси-и-ибо! – Мама почти танцевала со своим букетом.

– Ну что ты, – улыбнулся папа, – это такая мелочь.

– А по какому поводу?

1. Как вы думаете, какова ответная реплика папы?

2. Почему мужчина подарил цветы? В вашей стране принято дарить цветы?

Кому? В какой ситуации?

6. Чтение текста. Эпизод № 5

– А по какому поводу?

– Да просто настроение хорошее. Солнышко. А еще наконец-то квартальную премию заплатили.

– Мизерную?

– Ну да, как всегда. Но все равно – мелочь, а приятно.

Родители обнялись и стали медленно, без музыки танцевать в крошечном холле нашей маленькой уютной квартирке. Обожаю, когда они танцуют. Сразу перестаю переживать из-за международных конфликтов и двоек по математике.

1. Могут ли танцевать мужчина и женщина без музыки? Как они узнают в каком ритме нужно двигаться? Действительно ли музыка звучит у них в голове? Счастливы ли они в этот момент?

2. Почему, глядя на родителей, мальчик перестает переживать из-за глобальных проблем и неприятностей в повседневной жизни? Вы согласны с выражением: если хочешь быть счастливым, нужно научиться радоваться любым мелочам? Почему рассказ называется «Это такая мелочь»?

3. Какой вид искусства помогает усилить ощущение счастья? (студенты, отвечая на этот вопрос, как правило, называют музыку). Выберите музыкальное сопровождение для последнего абзаца текста («Крылья», «Я хочу быть с тобой», «Дыхание»). Далее следовало обсуждение, почему студент выбрал ту или иную композицию (формируем умение прислушиваться к своим ощущениям и описывать их).

Послетекстовые задания предлагались нами в качестве домашнего задания.

1. Ответьте на вопрос: какую мелочь вы могли бы сделать незнакомому человеку, другу, подруге, любимому человеку, родителям, коллеге, чтобы им было приятно?

2. Обучающимся раздаются картинки счастливых моментов людей. Задача студента – описать свою картинку, сосредоточившись только на одном из пяти чувств (слух, вкус, обоняние, осязание, зрение).

В ходе занятия обучающиеся неоднократно обращались к личному опыту, делали выводы на основе эмпатии. После прочтения четырех фрагментов текста студенты прониклись значимостью мелочей в контексте рассказа и уверенно предположили, что муж подарил цветы жене не на праздник, а чтобы сделать ей приятно, порадовать. Обращая внимание на детали повествования (на первый за год букет цветов без упаковки, на стабильно низкую премию, крошечный холл и маленькую квартиру), студенты отмечают, что героям рассказа для счастья нужны близкие, любимые люди, понимание, внимание, маленькие радости. Будучи солидарными с тем, что материальное благополучие уступает внутренней гармонии, соучастию в жизни близких людей, американские студенты отметили, что для них финансовый успех является определяющим. Неоднократно из уст студентов звучала мысль о том, что русские люди философичные и душевные.

Таким образом, обучение чтению на материале рассказов современного автора может быть интересным и эмоционально насыщенным. Занятия, построенные на обсуждении произведения, способствуют не только развитию навыков, связанных с получением и переработкой информации, формированием ценностных установок, но и приобретению удовольствия от чтения и понимания, обсуждения и сопереживания.

Список литературы

1. Розанова С. П. Преподавателям РКИ: сто сорок семь полезных советов : учеб.-метод. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017.
2. Серебрянцева О. Г. Аффективные стратегии учения и развитие умений речевого самоконтроля в процессе овладения иностранным языком // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 2 (92). URL: <https://research-journal.org/archive/2-92-2020-february/affektivnye-strategii-ucheniya-i-razvitie-umenij-rechevogo-samokontrolya-v-processe-ovladieniya-inostrannym-yazykom> (дата обращения: 28.01.2023).
3. Петрова А. Д. Наверно, я ещё маленький. М. : Рипол-классик, 2018.

Информация об авторах: Гапонова Жанна Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, декан факультета русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского (г. Ярославль, Россия); Серогодская Анастасия Алексеевна, магистрант Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского (г. Ярославль, Россия).

К ОПЫТУ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВИДЕОРЯДА В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗА

И. Ю. Гац

*г. Мытищи, Россия
tetatet808@yandex.ru*

Аннотация. Выдвинуто научное предположение, что в языковой подготовке иностранцев, учитывающей условия развивающихся принципов медиадидактики, перспективно характеризовать аудиовизуальные средства обучения как креолизованные тексты. В качестве иллюстрации применения креолизованных текстов приводится анализ видеосюжетов патриотической тематики, которые использовались на занятиях в военном учебном заведении. Доказывается, что наиважнейшим критерием отбора креолизованного

текста с лингводидактической целью является наличие профессионально сопряжённого контента, обладающего не только ценностно-смысловой логикой и функциональным содержанием, но и воспитательным значением.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, креолизованный текст, анализ вербальных и невербальных средств

Для цитирования: Гац И. Ю. К опыту семиотического анализа видеоряда в языковой подготовке обучающихся вуза // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 181–186.

В теории обучения иностранному языку применение аудиовизуальных средств с целью профессиональной подготовки традиционно рассматриваются в трёх аспектах. Во-первых, как наглядно-чувственная опора для восприятия и переработки языковой и речевой информации, во-вторых, в качестве источника получения, преобразования и интерпретации лингвокультурологической информации, которой постоянно оперирует носитель языка в повседневном языковом существовании. Наконец, как основа для расширения профессионального опыта [1; 3; 4; 5; 7; 9]. Овладевающий иностранным языком испытывает потребность в регулировании своих действий, он самостоятельно ищет иноязычные тексты, подбирает, исходя из собственных желаний и мотивов, субъектов для коммуникации в интернет-пространстве и, конечно, обращается к медиа-источникам. Поэтому полагаем, что целенаправленное погружение изучающего иностранный язык в креолизованные тексты носителя языка – естественный путь поддержания интриги живого, непосредственного познания. Как точно определила И. А. Колесникова, обучающий предлагает «контент, полученный путём сетевой синергии» [6, с. 72], тот продукт, который находится в открытой среде и не является по своему назначению сугубо дидактическим. Креолизованный текст открытого сетевого пространства становится содержанием обучения и коммуникативным средством, игнорировать которое обучающий не может.

Рассуждая далее, пытаясь доказать выдвинутое гипотетическое предположение, установим, что именно относится к креолизованным текстам и почему их следует отличать от аудиовизуальных средств учебного назначения. Современный пользователь выработал привычку обращаться к текстам нового формата, обладающего высокой степенью информационного сжатия, смысловой компрессии (мультипликация, комиксы, аниме, лонгриды, стрипы, мемы, клипы, бегущая строка, сверхкороткие шоу, рекламные ролики, пр.). Тексты новой знаковой культуры сегодня изучаются, исследуются [5; 7; 8; 9; др.]. Авторы сходятся в одном утверждении, что «дискурс новой культуры приоритетно формируется через обращение к эмоциям, личным убеждениям, личному опыту», – утверждает Колесникова [6, с. 74]. В своём исследовании опираемся на сложившееся сегодня представление о том, что креолизованный, или поликодовый, текст – семиотически сложное единое смысловое образование, иначе его называют мультисемиотическим. Креолизованный текст буквально сплетён из смыслов и различных кодов и знаков. По степени воздействия на получателя информации, он обладает большей эффективностью, поскольку сигналы и сведения одновременно поступают по нескольким каналам, отсюда сложность восприятия многокомпонентного текста и переработки кодов. Вполне уместно здесь вспомнить классическое понимание креолизованного текста Р. Бартом: «В телевидении, кино, в рекламе возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображения, звука и начертания знаков» [2, с. 124]. Формирующиеся в цифровой дидактике правила предъявления поликодовых текстов учитывают исходные читательские умения и читательские дей-

ствия, которыми обладают читатели до восприятия креолизованного текста. Лингводидактическая интерпретация креолизованного текста, в нашем понимании, связывается с устранением, снятием знамиевой энтропии. С одной стороны, обучая языку на основе коммуникативной ситуации, изучающий иностранный язык осваивает синтаксические модели и речевые стереотипы, с другой – он исследует семиотические знаки, коды, невербальные подсказки, которые приняты в конкретной лингвокультурной сфере. Кроме того, исходя из семиотической теории Р. Барта, полагаем, следует учитывать индивидуальное прочтение, поскольку восприятие компонентов креолизованного текста «индивидуально варьируется» [2, с. 313]. И в этом отношении употребление термина «креолизованный» в цифровой лингводидактике, по нашему мнению, предпочтительнее.

Учитывая задачи исследования, руководствовались критериями отбора поликодовых текстов для лингводидактической среды обучения: ёмкое информационное наполнение; явно выраженное эмоциональное воздействие; профессионально ориентированное содержание. Среди креолизованных текстов, которые могут быть востребованы на занятиях со слушателями военных учебных заведений, своё место найдут: информационные источники (такие, как материалы официальной группы газеты «Спецназ России» [vk.com/specnazalpha], «Герои России» [vk.com/russiageroes], «Спецназ-ПРО» [vk.com/specpro]; визуальные источники: репродукции картин, фотографии скульптур и памятников, созданных студией военных художников имени М. Б. Грекова; фотографии героев; медиатека: фрагменты документальных фильмов и специальных репортажей о жизни героев; короткометражные художественные фильмы патриотического содержания.

Цель применения креолизованных текстов – научить выражать своё эмоциональное отношение к увиденному. В соответствии с технологией коммуниктивно-деятельностного обучения подобные тексты привлекаются для разных коммуникативных ситуаций, для развития навыков спонтанного говорения. Лексико-грамматический материал заранее известен обучающимся. Он представляет собой традиционный набор предтекстовых заданий. Взаимообогащающий диалог предполагает анализ невербализованных образов, включающие в свой состав номинативные и дескриптивные единицы, и вербализованные [8, с. 12–13]. Просмотр и обсуждение видеосюжетов проходило в аудитории смешанного типа, где присутствовали носители русского языка и владеющие русским языком на уровне В-2, уже имеющие опыт анализа аутентичных текстов: «Архангел Михаил» (2019), продолжительность – 12 мин (режиссёр – Алексей Голубев; музыка Андрея Мисина, слова Дмитрия Минаева) и «Альфа. «Испанец» (2019), продолжительность 6 мин 45 с (режиссёр – Юрий Ярушников).

Сюжет «Архангела Михаила» отсылает нас к подвигу старшего лейтенанта Александра Прохоренко, вызвавшего огонь на себя в бою под Пальмирой. Реальные события содержат в себе государственную тайну, поэтому этот короткий фильм только весьма условно обозначает место и время действия. Однако противостояние сил, содержательная меткость каждого кадра погружают зрителя в перипетии происходящего. Обобщённый смысл кинотекста понятен буквально с первых кадров: прощание с любимой дочкой, отправка в «горячую точку», выполнение задания. Кинотекст посвящён военнослужащим, погибшим при исполнении долга. Назначение каждой детали фильма: игрушка, семейная фотография, протянутая рука с пустой миской, человек на коленях, обрывочный хлёсткий звук автоматной очереди, одежда персонажей, беспорядочные людские крики и искривлённые страхом лица, игра детей во дворе и бесшумное продвижение людей в камуфляжной форме, обручальное кольцо, чека и кольцо на гранате – считывается по общепонятным семиотическим знакам. Крупный план главных персона-

жей фильма – российских офицеров – противопоставлен общему плану врага. Цветовое решение кадра тоже символично: сочетание золотого цвета, цвета охры и голубого, бирюзового. Цвета солнца и неба поддерживают название фильма и заставляют обратиться к преданию об архангеле Михаиле, вожде святого воинства Ангелов, и обращают к песенному тексту, на фоне которого и разворачивается кинотекст. Без помощи преподавателя текст песни не будет понятен иностранцам, необходима вербальная опора, и устная, и письменная (предлагается студентам до просмотра). Каждая строка потребует отдельного комментария. Такой анализ рифмованных строк является традиционным на занятиях в иноязычной аудитории. Анализ вербальных текстов проводится в соответствии с методическими принципами обучения русскому языку как иностранному и известен опытному преподавателю. Своё же рассуждение сосредоточиваем вокруг специфических особенностей креолизованных текстов. Поэтому обратимся к тому, как в клипах представлена русская речь. Речь персонажей только угадывается. Это простые, неосложнённые и неполные конструкции. Одновременно зритель воспринимает короткие реплики на других языках. Среди конструкций, требующих пояснения, особо выделим: *время слёзы похоронит; на весах судьбы я взвешен; от огненного края; мне Господь рубеж отметил; в этом нижнем мире зыбком; я – солдат и значит грешен*. Во втором сюжете ключевой фразой становится: *Мы будем помнить тех, кто ушёл в бесконечность*. Пафос текста рождает в сознании носителя русского языка ассоциации с понятиями «патриотизм», «родина», «самопожертвование», «дух». Ритмичное движение кадров соотносится с ритмом рэп-текста (*Один день – одна цель*), больше похожего на агитационную речь, речь активно воздействующую, речь призывную. Речь воина, отправляющегося в поход с одной мыслью: «Ни шагу назад!». Этот призыв отсылает нас к приказу Наркома обороны в июле 1942 года. Анализ рэп-текста, сопровождающего этот клип, будет напоминать погружение иностранца в русские прецедентные тексты. Разнородная информация кино текста представляет быт, воинскую службу, уставные отношения членов группы «Альфа». Символ и аллегория переключают человека смотрящего и читающего этот текст в более широкий жизненный план, в котором есть место понятиям долга и служения. Каждый персонаж «Испанца» позволяет проследить за развитием действия и подводит зрителя к кульминации действия. Отсутствие интонации в рэп-тексте, намеренно подчёркнутое монотонное исполнение ещё сильнее воздействует на слушателя, приближает его к высшей точке восприятия и понимания авторского замысла. Так и герой, Испанец, останется в высшей точке навсегда: *стоит до конца и не падает вниз* – словесная конкретизация. Управление «А» в форме подобного креолизованного текста выразило государственную позицию, представило своеобразную саморефлексию посредством интертекстуального диалога – диалога средствами кинотекста и текста рэп-композиции. Предметом анализа, обсуждения на учебном занятии по русскому языку становятся, в том числе, сигналы выражения ментального состояния субъекта.

Всё говорит о том, что этот кинотекст создан по законам действия в видеоклипе – сжато, ёмко. Информационная, зрительная, вербальная, семиотическая компрессия, смысловая компрессия – смерть во имя жизни. Для обучающего важна сама возможность связать иллюстративную, изобразительную сторону видеоряда с вербальным песенным текстом и личным опытом, личным переживанием смотрящего. Благодаря такой возможности, дидактический однонаправленный текст будет отличаться от креолизованного текста, используемого в условиях учебно-познавательной деятельности. Содержательное ядро анализа – это семиотические знаки, которые помогают ощутить трагизм ситуации. Расшифровка зна-

ков происходит через позу и мимику персонажа, а его походка и перемещение рассматриваются как его намерение. Предельное внимание к эмоциям героя сюжета и его взгляду, который перехватывает камера крупным планом. Кинообраз становится центром анализа, обсуждения, интерпретации. Основными инструментами режиссёра для создания кинообраза являются: действия персонажа, его поза, жесты и выражение лица.

Вербальные компоненты в креолизованных текстах представлены начальными и конечными титрами, бегущей строкой в печатной форме, включены знаки естественных языков и знаки киноязыка. В креолизованном тексте иконические знаки вступают в интегративные отношения, профессионально ориентированная «картинка» привносит семантические дополнения. Иконические компоненты динамичны, они представлены в двумерном пространстве. Визуальный код кинотекста поддерживается вербальной составляющей, которая сохраняет воздействующее идейное содержание в репличных сценах. Эти два текста могут восприниматься как носители национально значимого, социально-культурного, семиотического и лингвистического содержания. Они обладают совершенно определённым аксиологическим содержанием, то есть фиксируют и транслируют не только нравственно-патриотические ценностные установки, присущие гражданину России. Подобные тексты полезны для аналитико-синтетической деятельности со слушателями военных учебных заведений: через систему воздействующих семиотических знаков заявлены государственно-патриотические ценности: гражданская зрелость, готовность защищать интересы и ценности России, верность гражданскому и воинскому долгу, активная гражданская позиция и посильное участие в решении проблем в обществе и государстве. Фактура, художественное киноизображение гармонично поддерживается музыкальным рядом, оказывающим прямое эмоциональное воздействие. Лаконичный кадр сюжета вмещает в себя фрагмент картины мира русского человека.

Обобщение личного опыта преподавания, материалов опроса и итогов самостоятельной работы иностранных курсантов, позволили, во-первых, определить, что продуктивно рассматривать и описывать тексты новой знаковой природы, используемые в цифровой лингводидактике, как тексты креолизованные, прагматически осложнённые. Во-вторых, подтвердить тезис о том, что креолизованный текст как средство воспитания читательской грамотности потребителя сетевого пространства выступает и средством развития эмоционального интеллекта обучающихся. В-третьих, в ходе исследования были установлены лингводидактические параметры для проведения анализа креолизованного текста, а именно:

- содержание устной монологической речи слушателя заключается в построении адекватного речевой ситуации высказывания – самопожертвование, служение, ответственность за жизнь других;
- уровень развитости речевых навыков определяется через единицу контроля – самостоятельное высказывание с коммуникативной опорой;
- материалом для проведения устного речевого контроля избирается креолизованный текст;
- измерителями свойств речи являются: количество использованных в высказывании номинативных и дескриптивных элементов (описание фона, пейзажа, описание действий персонажей, оценочные суждения о закадровых текстах, общем личном восприятии, личной оценки содержания кинотекста).

Список литературы

1. Азимов Э. Г. Комплексное использование информационно-коммуникационных технологий в преподавании РКИ // Теория и практика обучения русскому языку как иностранному в цифровую эпоху. М. : Сам Полиграфист, 2020. С. 31–38.

2. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 114–163.
3. Витковская М. И., Троцук И. В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2005. № 6–7. С. 18–27.
4. Гальскова Н. Д., Никитенко З. Н. Цифровизация лингвистического образования: преимущества и риски // Шатиловские чтения. Цифровизация иноязычного образования : сб. научных трудов. СПб., 2020. С. 13–20.
5. Казинс М. Человек смотрящий / пер. с англ. Н. Роговской, Т. Шушлебиной. СПб. : Азбука, 2018. 480 с.
6. Колесникова И. А. Постпедагогический синдром эпохи цифромодернизма // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 8-9. С. 67–82.
7. Нефёдов И. В. Видеоконтент и мобильные технологии в проектной деятельности при обучении РКИ // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 2. С. 168–179.
8. Хурмуз О. В. Методическая модель использования художественных фильмов при обучении русскому языку как иностранному : автореф. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2019. 19 с.
9. Чошанов М. А. Е-дидактика: новый взгляд на теорию обучения в эпоху цифровых технологий // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16, № 3. С. 673–685.

Информация об авторе: *Гац Ирэн Юрьевна*, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры инновационных технологий филологического образования Государственного университета просвещения (г. Мытищи, Россия).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТКРЫТЫХ СЕТЕВЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РКИ

Л. В. Гришкова

*г. Москва, Россия
m.oscar@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются открытые сетевые ресурсы как одно из эффективных средств обучения, обеспечивающих взаимодействие между обучающимися и преподавателем. Представлена классификация открытых сетевых ресурсов. Анализируется целесообразность использования сетевых ресурсов в преподавании русского языка как иностранного. Представлен обзор современных открытых сетевых ресурсов, которые могут быть использованы преподавателем для взаимодействия с обучающимися в процессе изучения русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, информационно-коммуникационные технологии, сетевые ресурсы на занятиях РКИ, Интернет в обучении РКИ

Для цитирования: Гришкова Л. В. Использование открытых сетевых ресурсов для взаимодействия с обучающимися в процессе изучения РКИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 186–190.

Введение

На сегодняшний день интернет-ресурсы присутствуют практически во всех сферах человеческой деятельности, включая образовательную среду. Данная сре-

да характеризуется интегративностью, вариативностью, динамичностью, взаимодействием всех субъектов образовательного процесса. Одним из важнейших элементов обучения является организация самостоятельной работы студентов, где преподавателю отводится ведущая роль. Для успешного процесса планирования, управления, осуществления контроля за самостоятельной деятельностью обучающихся и получения обратной связи актуальным вопросом становится использование открытых сетевых ресурсов, которые служат одним из эффективных инструментов для взаимодействия между преподавателем и обучающимися. Также следует отметить, что использование открытых сетевых ресурсов на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ) способствует формированию навыков всех видов речевой деятельности, повышению эффективности учебного процесса и интереса иностранных обучающихся к изучению РКИ.

В настоящее время в глобальной сети Интернет представлено огромное количество открытых сетевых ресурсов по РКИ. Такие ресурсы являются бесплатными для всех пользователей сети. Под «открытыми образовательными ресурсами» понимаются цифровые материалы, размещенные в свободном доступе, либо выпущенные под лицензией, разрешающей их свободное использование или переработку для преподавателей, студентов и других заинтересованных лиц с целью использования в преподавании, изучении, научных исследованиях и самообразовании [1, с. 114–116].

Следует отметить, что понятие «открытых сетевых ресурсов» более узкое, чем понятие «открытые образовательные ресурсы», поскольку открытые сетевые ресурсы размещаются и функционируют только в сети Интернет.

К таким ресурсам относятся различные образовательные сайты и порталы, социальные педагогические сети, учебные пособия, видеохостинги, научные журналы, онлайн-словари, онлайн-тренажеры, энциклопедии, учебные курсы, модули и многие другие.

Классификация открытых сетевых ресурсов

Классификация открытых сетевых ресурсов может основываться на различных критериях. В области изучения русского языка как иностранного мы разделили открытые сетевые ресурсы на несколько групп [2, с. 52–53].

– Справочно-информационные сетевые ресурсы. К ним относятся онлайн-словари, учебные пособия, энциклопедии, научные журналы, социальные геосервисы (Google Maps, Yandex Maps, WikiMapia, AskCity и т.д.), виртуальные среды, электронные библиотеки, информационные порталы, видеолекции.

– Практические сетевые ресурсы, направленные на отработку всех видов речевой деятельности: говорения, аудирования, чтения и письма. К этой группе открытых сетевых ресурсов относят онлайн-уроки, курсы, модули, тренажеры, упражнения, обучающие онлайн-игры, веб-приложения.

– Методические сетевые ресурсы. К данной группе ресурсов относятся материалы, которые помогают преподавателю к подготовке к занятиям и направлены на достижение обучающимися планируемых результатов. К ним относятся цифровые образовательные ресурсы, федеральные ресурсы, сообщества преподавателей, методические материалы, материалы к учебникам, образовательные форумы и порталы, социальные педагогические сети, блоги, видео-ресурсы (YouTube, RuTube), сайты издательств, электронные библиотеки, вебинары.

Рассматривая открытые сетевые ресурсы по их функциональному назначению при обучении РКИ, их можно разделить на три группы [3]:

1. Аутентичные материалы. К ним относятся ресурсы, созданные носителями русского языка для пользования такими же носителями языка.

2. Лингводидактические средства. К данным средствам относят программы и сайты, специально созданные для изучения русского языка как иностранного.

3. Интернет-платформы. К интернет-платформам относятся программы и сайты, используемые для создания учебных материалов по РКИ, а также для проведения занятий.

Таким образом, представленные выше классификации охватывают разнообразные открытые сетевые ресурсы. Также следует упомянуть, что многие из этих ресурсов являются многофункциональными, в следствие чего они могут относиться к разным категориям.

Обзор современных открытых сетевых ресурсов по РКИ

В данном разделе статьи мы рассмотрим открытые сетевые ресурсы, которые, на наш взгляд, позволяют наилучшим образом организовать взаимодействие между обучающимися и преподавателем на занятиях по РКИ и совершенствовать навыки во всех видах речевой деятельности. К числу таких ресурсов мы относим портал ГРАМОТА.РУ, сайт городского методического центра Департамента образования и науки города Москвы, видеохостинг YouTube, сервисы для создания тестов онлайн, ресурс Learn Russian Step By Step.

Интерактивные диктанты, представленные на справочно-информационном портале ГРАМОТА.РУ – Русский язык для всех [9] и на сайте городского методического центра [4], являются открытыми сетевыми ресурсами для проверки орфографии и пунктуации. Обучающиеся имеют возможность написать диктант и выполнить упражнения в интерактивном режиме, вставляя в пустые клетки необходимые орфограммы и знаки пунктуации. Стоит отметить, что при выполнении заданий даются варианты ответов из числа предложенных, что облегчает задачу иностранным студентам. После выполнения заданий система автоматически проверяет задания и выдаёт сообщение о количественном анализе сделанных ошибок. На портале ГРАМОТА.РУ [Рис. 1] также есть возможность увидеть пояснение в виде правила к допущенной ошибке. Кроме этого, данный портал содержит полезные разделы по обучению русскому языку, такие как «Скороговорки», «Пословицы и поговорки», «Видео» и многие другие. Данные разделы очень ценны для иностранных студентов, изучающих русский язык как иностранный. В проекте «Интерактивный диктант» есть функция прослушивания текста посредством аудиозаписи. Работая с интерактивными диктантами, иностранные обучающиеся одновременно знакомятся с отрывками из художественных произведений (рис. 1). Данные ресурсы могут быть использованы как для организации самостоятельной работы обучающихся, так и на аудиторных занятиях по РКИ под руководством и контролем преподавателя.

Видеохостинг YouTube [10] даёт возможность преподавателям и обучающимся получить доступ к огромному количеству аутентичных видеоматериалов. К таким материалам относятся видеоуроки, различные интервью известных деятелей, выступления, фильмы, театральные постановки, песни, новости, телепрограммы и многое другое. Воспринимая живую речь носителей русского языка в аудиовизуальной форме, обучающиеся погружаются в естественную языковую среду, что, безусловно, повышает эффективность обучения. Иностранные студенты также получают возможность увидеть обстановку, манеру поведения, внешний вид, артикуляцию, интонирование носителей русского языка, подмечая культуру, обычаи и традиции страны изучаемого языка. На занятиях по РКИ преподаватель может показать как целое видео, так и фрагменты с последующим обсуждением. Есть возможность скачивания и обрезки видео. Обучающиеся, работая в группах, могут снять собственное видео, используя инструменты видеохостинга. У пользо-

вателей есть возможность комментировать, загружать и обмениваться видеозаписями. Задача преподавателя заключается в качественном отборе видеоматериалов, отвечающих целям обучения и уровню обучающихся.

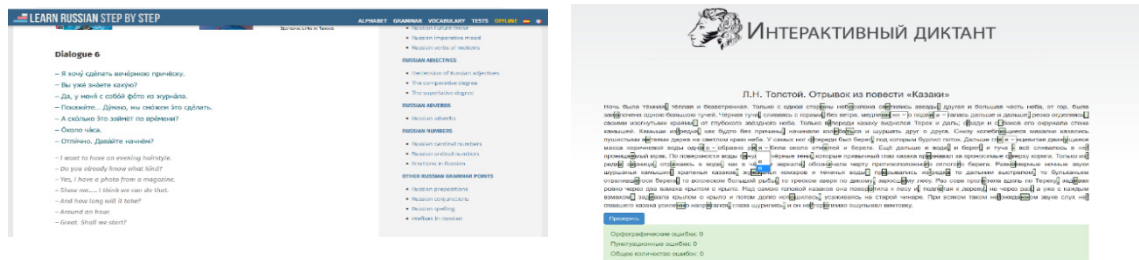

Рис. 1. Портал ГРАМОТА.РУ и Интерактивный диктант

Проведение онлайн-тестирования с помощью специальных онлайн-сервисов помогает преподавателю получить быструю обратную связь об успеваемости обучающихся. К числу бесплатных популярных онлайн-конструкторов следует отнести Online Test Pad [7], Мастер-Тест [5], Madtest [8]. Используя конструктор данных онлайн-ресурсов, преподаватель может создавать разнообразные тесты, оперируя заданиями на проверку всех видов речевой деятельности, количеством вариантов и возможностью добавлять комментарии к ответам иностранных студентов. Онлайн-тесты помогают преподавателю экономить время и получить объективную оценку знаний обучающихся.

Открытый сетевой ресурс Learn Russian Step By Step [6] представляет из себя мультимедийное учебное пособие по РКИ. Интерфейс пособия представлен на 3-х языках: на английском, французском и испанском. Данный ресурс включает в себя разделы по грамматике, лексике, культуре изучаемого языка и онлайн-тесты с автоматической проверкой результатов (рис. 2). Все слова и фразы озвучены носителями русского языка. На данном ресурсе можно также найти озвученные диалоги и разнообразные подкасты. В пособии представлены тексты на иностранных языках, носящие лингвострановедческий характер, а также русские пословицы и поговорки. Примерами таких текстов служат тексты про национальные праздники и города России, еду, культуру и историю России. Также в рассматриваемом сетевом пособии представлены полезные статьи по изучению РКИ.

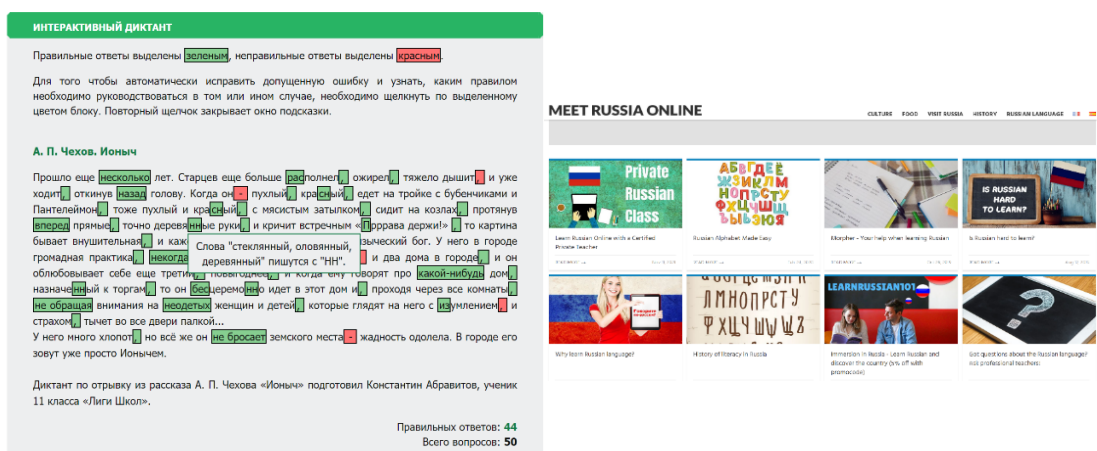

Рис. 2. Ресурс Learn Russian Step By Step

Данный сетевой ресурс может быть использован во время аудиторных занятий по РКИ, в качестве самостоятельной отработки материала при последующей проверке на занятии, при закреплении материала, а также при подготовке к занятиям.

Заключение

Таким образом, использование сетевых открытых ресурсов в процессе обучения РКИ служит одним из эффективных инструментов, обеспечивающих взаимодействие между преподавателем и обучающимися, а также способствует формированию навыков всех видов речевой деятельности. Данные виды ресурсов могут быть использованы как при организации самостоятельной работы иностранных студентов, так и на аудиторных занятиях.

Список литературы

1. Андреев А. А. Открытые образовательные ресурсы // Высшее образование в России. 2008. № 9. С. 114–116.
2. Бухаркина М. Ю. Открытые сетевые ресурсы в обучении иностранным языкам (на примере английского языка). М. : Lambert Academic Publishing, 2015. 118 с.
3. Мурунов С. С. Классификация интернет-ресурсов в обучении иностранным языкам // Преподаватель высшей школы: традиции, проблемы, перспективы : материалы XII Всерос. науч.-практ. Internet-конф. (с междунар. участием) (г. Тамбов, 8–14 декабря 2021 г.). Тамбов : Изд. дом «Державинский», 2021. С. 129–135.
4. Интерактивный диктант. URL: <http://dict.mosmetod.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).
5. Мастер-Тест. URL: <https://master-test.net/> (дата обращения: 15.02.2023).
6. Learn Russian online and free. URL: <https://learnrussianstepbystep.com/en/learn-russian/> (дата обращения: 15.02.2023).
7. Конструктор тестов. URL: <https://onlinetestpad.com/> (дата обращения: 15.02.2023).
8. Конструктор квизов, тестов и викторин. URL: <https://site.madtest.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).
9. Грамота.Ру. URL: <http://www.gramota.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).
10. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/> (дата обращения: 15.02.2023).

Информация об авторе: Гришкова Людмила Владимировна, аспирант Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия).

СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Д. М. Диденко

г. Луганск, Россия
cheltsova01@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются важные изменения в преподавании русского языка как иностранного, произошедшие в начале 2020 г. в результате объявления пандемической угрозы распространения COVID-2019, которые затронули все сферы работы преподавателей, обучающихся иностранных студентов: профессиональную, социальную и даже личную. В этой связи как никогда остро стоит вопрос о качественно ином подходе к процессу обучения, в том числе и русскому языку как иностранному, переходе на дистанционные образовательные технологии и в конечном счёте переосмыслении самого педагогического процесса.

Ключевые слова: дистанционное образование, русский язык как иностранный, ИКТ-компетенция, модернизация образования

Для цитирования: Диденко Д. М. Современные средства обучения в практике преподавания русского языка как иностранного как элемент модернизации педагогического процесса // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 190–194.

Преподавание русского языка как иностранного представляет собой сложный, многоаспектный процесс передачи знаний, умений, способов познавательной деятельности на новом языке, формирования коммуникативной компетенции [1, с. 105]. Эффективная деятельность преподавателя зависит от того, как он сможет выстроить мотивацию обучающихся, насколько он учтет особенности их личности, их интересы и потребности. Все эти факторы указывают на необходимость не только творческого подхода педагога к отбору материала и способам его презентации, но и на создание определенной атмосферы для побуждения учащихся к активной познавательной деятельности.

Глобальные катаклизмы и изменения «общего миропорядка», произошедшие в начале 2020 года, заставили всё мировое педагогическое сообщество перейти (на безальтернативной основе) на дистанционное обучение. Стресс, которому подверглись преподаватели предметники, методисты, педагоги, работающие с иностранными обучающимися, еще долго будет поводом для рефлексии разного рода: профессиональной, общечеловеческой, социальной... Нам же уже сейчас очевидно, что именно этот момент послужил точкой обратного отсчета в принятии решения педагогическим сообществом о незамедлительном переходе на «дистант»: а вот стало ли это реперной точкой или точкой бифуркации – покажет время (не такое уж и далекое).

Столь стремительный переход образовательных организаций на дистанционную форму обучения остро ставит вопросы о том, способны ли сейчас цифровые технологии предложить адекватные инструменты, ресурсы и сервисы для организации удобной и продуктивной работы в цифровой среде и обеспечить в ней реализацию полноценного образовательного процесса [2, с. 3]. Тотальный переход к дистанционной форме обучения совершался буквально в течение нескольких дней, преподавателям в авральном режиме приходилось осваивать новые технические платформы и способы передачи информации. И вот здесь мы наяву увидели и прочувствовали «на собственной шкуре», что теоретические положения об ИКТ, его внедрении в образовательный процесс, отчеты вузов и министерств о работе многочисленных локальных и региональных ЭОС были адекватны только на бумаге. Если технические вузы достаточно быстро сориентировались в критической ситуации, то вузам гуманитарным, педагогическим пришлось опробовать новые платформы, о которых раньше практически никто из них не слышал. Кто-то из коллег пользовался Skype, расширяя возможности данного программного обеспечения и используя виртуальные доски, кто-то перешел на ставший моментально популярным Zoom (сервис для проведения видеоконференций и онлайн встреч), кто-то попытался наладить работу в Google Классе, Canvas, Moodle, многие преподаватели начали вести прямые трансляции в YouTube. В это же самое время появились многочисленные подборки «1000 и 1 ресурс для преподавателя», «100 советов педагогу для работы в дистанте» и т.д., которые не то, чтобы упрощали процесс обучения и коммуникации со студентами, но, зачастую, носили всего лишь справочный характер, перечисляя уже известные ресурсы. От такой перенасыщенности информацией у преподавателей возникал эффект «перегрева»:

первоначальный энтузиазм быстро сменялся раздражением и отрицанием потенциальной эффективности онлайн ресурсов из-за чрезмерной и назойливой их рекламы, пусть и невольной. Непривычная коммуникация со студентами в дистанционном формате приносила, поначалу, больше дискомфорта – желание дать традиционный лексико-грамматический, коммуникативный, языковой материал в новой «упаковке» не всегда реализовывалось полностью – не хватало времени не только на освоение «инструментария» по созданию таблиц, графиков, схем, текстов с гиперссылками, но и на уже привычные презентации, «hand outs», текстовые материалы. И на этом этапе в глобальном смысле пришло понимание о необходимости скорейшего практического переосмысления ИКТ компетентности преподавателя, в том числе, и работающего с инофонами и обучающего их русскому языку. Если теория гласит, что «процесс обучения русскому языку как иностранному (далее РКИ) на каждом конкретном этапе его организации включает систему действий преподавателя и обучающихся, результат образовательной деятельности, критерии его оценки и обладает своей спецификой и индивидуальностью, для достижения качественного результата подготовки обучающихся учебный процесс должен быть технологичным по содержанию, вариативным и адаптивным к образовательной инфраструктуре, предусматривать динамичное совершенствование и развитие методического потенциала обучения, выбор оптимальных средств обучения, направленных на формирование коммуникативных умений, навыков на русском языке» [1, с. 361], то практика показывает размытость этой формулировки и требует корректировки понятий технологичности, оптимальных средств обучения и пр. Мы убедились, что не только повышение качества образования, но само образование, как процесс динамический, в наши дни невозможно без применения новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые представляют собой «совокупность методов, процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации» [1, с. 176].

Благодаря развитию ИКТ появляются качественно новые отношения между образовательными субъектами и, вместе с тем, формируется принципиально новая среда, которая во многом определяет изменение современного образовательного пространства. В данной статье автор попытался обобщить опыт перехода на дистанционное обучение в практике преподавания РКИ по итогам второго полугодия 2019–2020 учебного года и перечислить основные технологические решения, помогающие преподавателям оптимизировать процесс обучения студентов иностранным языкам.

Одним из ведущих принципов обучения, в частности иноязычному общению, был и остаётся принцип наглядности [1–7]. Известно, что в преподавании иностранных языков наглядность служит не только важным средством семантизации, но и способом овладения ситуативной речью [2; 3; 7]. Наглядные образы создают зрительную опору мыслительных механизмов, планирования и протекания речевой деятельности, способствуют формированию речевых автоматизмов. С появлением компьютеров и Интернета наглядность начала очередной этап обновления. Современное техническое развитие требует визуализации, картинки, неких форм, обращённых не к рациональному сознанию человека, а к его эмоциям, визуальным образам. Способность отражать действительность при помощи визуальных объектов или образов вошла в перечень новых общекультурных компетенций как критерий развития гармоничной творческой личности.

Вместе с новыми технологиями в нашу жизнь входят и новые понятия, например, такие как мультимедиа. Мультимедиа (англ. multimedia) является контентом (или содержимым) одновременно включающим информацию в различных

формах – цифровую и анимированную графику, картинки, текст, звук, видеоряд, воспроизводимые техническим средством нового уровня – компьютером. Компьютерные технологии обработки информационного материала создают качественно новый уровень хранения, преобразования, защиты, передачи и получения информационных данных, обеспечивая комфортное, многообразное, высокоинтеллектуальное взаимодействие участников коммуникации. В результате мультимедиа становится эффективной образовательной технологией, сочетающей такие качества, как интерактивность, гибкость, персонализированность и интеграцию различных типов учебной информации. Отметим также, что применение мультимедийной наглядности в изучении языков помогает учитывать индивидуальные особенности учащихся и способствует повышению их мотивации.

В настоящее время проводятся различные исследования восприятия учащимися мультимедийного контента [5; 6]. Под влиянием мультимедийного компьютерного или мобильного содержимого у нового поколения студентов происходит качественное изменение восприятия информации. Как следствие сознание современных молодых людей начинает работать в новом режиме мышления. Предпочтение отдаётся ярким визуальным образам, интенсивно сменяющим друг друга на экране технического или мобильного устройства, поскольку большая часть современного информационного потока преобладает в визуальном виде. Визуализация – это формирование зрительного, наглядного или мысленного образа, процесс, при котором сведения представляются в виде изображения для создания максимального удобства их понимания; придание зримой формы любому мыслимому объекту, субъекту, процессу или явлению, в том числе посредством технических и цифровых устройств. Визуализация информации существенно упрощает и сокращает путь её поступления в сознание человека. Кроме того, визуальные образы развивают ассоциативное мышление, активизируют чувственное восприятие реалий и явлений, воображение и фантазию, стимулируют творческую активность и мнемонические процессы, умение анализировать данные, концентрируют и удерживают внимание, побуждают к активному поиску. Визуальное восприятие как общее культурное явление, характерное для современных эволюционных процессов в обществе приводит к тому, что в ходе информационной коммуникации зрительный знак начинает преобладать над текстовым. В связи с этим визуализация учебной информации становится эквивалентом учебной наглядности, а мультимедийная наглядность – новым уровнем учебного познания, способным интенсифицировать образовательный процесс, сделать его более динамичным и вовлекающим.

Перевод статичных аналоговых фотографий, изображений в цифровой формат, использование цифровых картинок и имиджей, рисунков, фотографий и слайдов на языковом занятии повышает качество подачи изучаемого материала и предоставляет новые широкие возможности для его эффективного усвоения. Представление учебной информации в виде цифрового слайда, кадра, слайд-шоу, инфографики, компьютерной презентации или видеоподкаста учитывает эргономические параметры зрительного восприятия информации в соответствии с современным техническим развитием, а также потребностями современного поколения учащихся, формирует новые подходы к эстетике учебного процесса, обеспечивает возможность восприятия информации на зрительном, слуховом и эмоциональном уровне, что позволяет достичь наиболее эффективного понимания материала.

В обучении иностранным языкам, в частности русскому как иностранному, мультимедийная наглядность становится новым способом моделирования объективной реальности, которая способна вызывать у учащихся представление о соот-

ветствующих иноязычных образах в процессе учебной коммуникации. К мультимедийной наглядности, применяемой на занятиях по РКИ, можно отнести практически любые средства, способные привести в образовательную деятельность различную информацию и визуализировать её. Спектр мультимедийной наглядности достаточно широк. Наиболее востребованной в преподавании РКИ, как при изучении тем страноведческого характера, так и языка специальности, является цифровая графическая, художественно-изобразительная и аудио-мультимедийная наглядность. К названным видам мультимедийной наглядности относим картинки, цифровые фотографии и анимационные картинки, размещённые в поисковых системах сети Интернет, виртуальные туры, экскурсии, слайд-шоу, мультимедийные презентации, мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» (интернет-портал «Образование на русском»), мультимедийные ресурсы «Время говорить по-русски!», «Learn Russian», инфографику, аудио- и видеоподкасты, технологию вордклауд, QR-code-технологию, мобильные приложения, призванные интенсифицировать учебный процесс, оказывать помощь учащимся в понимании и усвоении учебного материала и использовании его в речевой коммуникации. Применение мультимедийной наглядности на занятиях по РКИ делает возможным использование цвета, иллюстраций, звука, видео, анимации и т.д. в процессе презентации изучаемого материала, включение материалов сети в содержание урока, самостоятельного поиска визуальной информации учащимися во время работы над темой/проектом. Мультимедийная наглядность также становится незаменимым элементом и внеаудиторных интерактивных занятий (ТОЗов, конкурсов чтецов, литературно-музыкальных композиций, страноведческих конференций, уроков дружбы, интернациональных концертных программ), где визуальное и аудио-сопровождение играет важную роль в формировании лингвострановедческих и инокультурных образов.

Список литературы

1. Артемьева Ю. В. Использование online-технологий на уроках русского языка как иностранного // Записки Горного института. 2021. № 3. С. 212–215.
2. Базилевич В. Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). С. 20–22.
3. Гончаренко Н. В. Мультимедийная наглядность как новый уровень учебного познания в преподавании русского языка как иностранного // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 45. С. 14–18.
4. Дегтяренко В. В. Наглядность как дидактический принцип обучения иностранных студентов-медиков страноведению // Педагогика и современность. 2013. № 4. С. 60–63.
5. Игнатенко О. П., Томиленко Н. А. Использование видеоматериалов как средство формирования коммуникативных навыков на занятиях РКИ // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 56. С. 61–64.
6. Крайникова, С. А., Фатеева Ю. Г. Использование интернет-технологий при обучении иностранному языку // Актуальные вопросы современного образования : сб. ст. V Междунар. науч. конф. Ставрополь, 2014. С. 40–44.
7. Рублева Е. В. Использование квест-технологии на занятиях по русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 2019. № 3. С. 104–112.

Информация об авторе: *Диденко Дарина Михайловна*, магистрант Института филологии и социальных коммуникаций Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Россия).

ГЕЙМИФИКАЦИЯ В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Ю. А. Ермолаева¹, И. Б. Ковалева²

^{1, 2} г. Уфа, Россия

¹yuliaerm1015@yandex.ru

²inessakovaleva69@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы введения элементов геймификации на занятиях по русскому языку как иностранному в рамках проектной деятельности иностранных студентов технического университета. Приводится ряд игровых механик, которые способствуют вовлечению в совместную деятельность. Определяется важность использования геймификации в современном образовательном процессе.

Ключевые слова: проектная деятельность, геймификация, игровая механика

Для цитирования: Ермолаева Ю. А., Ковалева И. Б. Геймификация в рамках преподавания русского языка как иностранного // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 195–197.

Одним из приоритетных направлений образовательного процесса в УГНТУ является проектная деятельность, под которой понимается уникальная деятельность, направленная на достижение заранее определённого итога, создание определённого личностного результата, имеющая начало и конец во времени [2]. Проект направлен на решение конкретной практической задачи, которая, с одной стороны, должна быть решаемой на основе сформированного базиса знаний, умений и навыков обучающихся, с другой стороны, требует дополнительных усилий и предполагает развитие новых способностей. Реализация проекта осуществляется в течение семестра с использованием различных инновационных методов активного обучения, которые позволяют повысить мотивацию обучаемых, их вовлечённость в образовательный процесс (подробно об этом [3]).

Повышению мотивации и вовлечённости студентов, изучающих русский язык как иностранный, способствует внедрение различных элементов геймификации в проектную деятельность. Под геймификацией в образовании мы понимаем процесс включения игровых механик в обучающий курс для увеличения интереса, усиления вовлечённости и лояльности. Её активное внедрение в современный образовательный процесс базируется на положении о том, что успешное обучение представляет собой слагаемое трёх элементов: 10 % – изучение теории; 20 % – обратная связь и наблюдения за профессионалами; 70 % – практический опыт. Именно с помощью геймификации обучающиеся могут получить уникальный практический опыт.

Известный специалист по геймификации Ю Кай Чоу определил, что «геймификация начинается не с игровых элементов, а с того, как она воздействует на ключевые стимулы поведения человека» [цит. по [1, с. 19]]. Он выделил ряд основных аспектов вовлечения:

1. Глобальное значение и призвание: вы добровольно выполняете работу, не ожидая вознаграждения.
2. Разработка и выполнение: внутренний двигатель для преодоления сложностей, достижения целей и развития навыков.

3. Расширение творческих возможностей и обратной связи: студентам в процессе обучения необходимо самовыражение и получение адекватной обратной связи.

4. Владение и распоряжение: когда вы что-то контролируете, вам хочется это улучшать; люди верят, что то, чем они обладают, гораздо ценнее, чем на самом деле.

5. Социальное влияние, связи: общение, конкуренция, признание и наставничество – элементы, относящиеся к этому аспекту.

6. Нехватка, нетерпение: люди не хотят терять то, что ограничено по времени или является редким, исключительным. Кроме того, когда мы не можем получить что-то сразу, мы хотим это сильнее.

7. Любопытство и непредсказуемость: аспект, который делает захватывающими азартные игры.

8. Лишение, потеря: страх пропустить что-то важное, что будет доступно в течение ограниченного периода времени [Там же].

Принимая во внимание перечень основных аспектов вовлечения, сформулированных Ю Кай Чоу, приведём несколько игровых элементов, которые можно встроить в проектную деятельность студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Безусловно, самыми понятными и базовыми инструментами являются очки, бейджи и рейтинги. Очки – это баллы, которые участники проектной деятельности получают за выполнение заданий. Их можно обменять на бейджи, влияющие на общее место в рейтинге. Значимыми элементами геймификации могут стать соревнования и вознаграждения, отслеживаются и в реальной жизни.

Приведём другие игровые элементы:

1. Шанс: определяет вероятность случайного везения. Например, участники или команда могут сыграть в простую игру и в зависимости от удачи получить дополнительные очки или подсказку.

2. Сотрудничество: команды объединяются, чтобы достичь одной цели.

3. Накопление ресурсов: коллекционирование наград. Например, при реализации проекта участники получают разные статусы в зависимости от прохождения разных этапов деятельности.

4. Состояние победы: ясные правила достижения выигрыша, понятные всем участникам.

5. Сделки: участники могут обмениваться ресурсами и активами с другими.

6. Достижение: основывается на материальном или виртуальном выражении результата выполнения какого-либо действия. Например, участники, выполняя какие-либо действия, получают медали, премии и т.д.

7. Назначенная встреча: чтобы достичь успеха, требуется вернуться в игру в конкретное время и совершить какое-то действие; если же это условие не соблюдается, произойдёт что-то плохое.

8. Вознаграждение за усилие: человек ощущает больше счастья от того, что трудится, а не от того, что отдыхает. Этим объясняется увлечение игрой: геймеры готовы усердно работать, зная, что получают награду за действия, совершенные в игре.

9. Постепенная отдача информации: для полноценного понимания процесса участник должен получать информацию дозированно. Например, в начале реализации проекта участникам демонстрируются базовые действия, а по мере прогресса открывается доступ к более сложным этапам и действиям.

10. Совместное исследование: все участники объединяются с целью вместе найти решение задач, преодолеть препятствия и принять вызов, который бросает проект. Примером могут быть игровые методы решения задач (мозговой штурм).

В данной статье мы привели лишь несколько примеров игровых механик, которые можно использовать при организации проектной деятельности.

В целом привлечение элементов геймификации в образовательный процесс даёт ряд преимуществ, а именно:

- создание безопасной среды для отработки навыков, где цена ошибки не высока, что приводит к более активному обучению из-за отсутствия страха;
- побуждение к смене поведения, которое проявляется в том, что очки, значки и списки лидеров положительно влияют на процесс обучения;
- получение уникального опыта обучения, во время которого участники испытывают не скуку, а веселье, получая в то же время необходимые навыки.

Список литературы

1. Беляева А. В., Будяк Ю. Д., Складнева В. В. Внедрение геймификации в процесс мотивации студента к обучению в условиях пандемии // Безопасная образовательная среда будущего: вызовы и технологии решения : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. М. ; Саранск, 2021. С. 19.

2. Дудина И. М. Основы проектной деятельности : учеб.-метод. пособие. Ярославль : ЯрГУ, 2019. 28 с. URL: <http://www.lib.uni Yar.ac.ru/edocs/iuni/20190601.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

3. Ермолаева Ю. А., Фефелова Г. Г. Организация проектной деятельности при реализации дисциплины «Технологии делового взаимодействия»: опыт УГНТУ // Актуальные проблемы технических, естественных и гуманитарных наук : материалы Междунар. науч.-техн. конф. Уфа : Изд-во УГНТУ, 2021. С. 137–141.

Информация об авторах: *Ермолаева Юлия Александровна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета (г. Уфа, Россия); *Ковалева Инесса Борисовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета (г. Уфа, Россия).

ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И. А. ЕФРЕМОВА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИКИ ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ

Н. С. Журавлева

г. Москва, Россия

Natasha.zhuravleva99@mail.ru

Аннотация. Составление лексических каталогов по изучению языка специально-сти актуально в современной методике обучения русскому языку как иностранному из-за развития компьютерных технологий. Особенность идеографического словаря И. А. Ефремова состоит в специфическом анализе лексических и культурных данных советской эпохи. Цель исследования – доказать, что выделенные рубрики словаря и их лексическое содержание могут стать дидактическим материалом для овладения лингвокультурологической и языковой компетенциями иностранными учащимися.

Ключевые слова: идеографический словарь, лексический каталог, окказионализмы, ономастическое пространство, дидактический материал

Для цитирования: Журавлева Н. С. Идеографический словарь И. А. Ефремова при изучении лексики иностранными учащимися // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 197–202.

Цель статьи заключается в демонстрации дидактических возможностей лексического каталога, составленного по Идеографическому словарю. К задачам исследования относятся: разработка рубрик словаря – концептов как отражение советской языковой личности и её футурологического исследования; создание лексического каталога для иностранных студентов-филологов.

Вопросами создания профессионально ориентированных лексических каталогов по отдельным специальностям занимались многие лингвисты: Е. А. Власова, З. И. Есина, В. К. Жаров, О. А. Ильина и другие. Халеева О. Н. в статье «Работа с терминологией на подготовительном факультете в группах гуманитарного профиля» [1, с. 16] говорит об эффективности изучения лексики при помощи лексических минимумов. Словарь одновременно становится и методом изучения лингвокультурологической компетенции (советская эпоха и мир советской научной фантастики) и дидактическим материалом для изучения лексики. Впервые о том, что авторский словарь может быть методом реконструкции языковой личности заговорил И. В. Ружицкий в статье «Может ли писательский словарь стать методом?» [4, с. 476], где доказал возможность и корректность понимания писательского словаря как метода реконструкции языковой личности. Особенностью такого метода будет составление многопараметрового авторского словаря, который раскроет авторскую картину мира в полной мере.

На первом этапе основная задача заключалась в сборе языкового материала. Для анализа были выбраны «космические романы» И. А. Ефремова, в которые входят романы «Туманность Андромеды» (1957), «Час Быка» (1970) и повесть «Сердце Змеи» (1958), следовательно, идеографический словарь будет представлять фрагментарное описание советской языковой личности И. А. Ефремова, целью которой было описать будущее нашей цивилизации. Представленные романы были объединены нами в один цикл «космических романов» по ряду причин: сквозные персонажи, единое летоисчисление, единая концепция будущего – «Великое кольцо».

Второй этап данного исследования связан с обработкой полученного языкового материала. Обработка проходила на компьютере. Перед этим все имеющиеся тексты были собраны в единый текстовый документ формата Word. Объединение всех источников в одном документе было осуществлено посредством копирования содержимого каждого конкретного источника. Далее полученный файл был переформатирован в формат txt для того, чтобы мы имели возможность работать с ним в специальной компьютерной программе «Wordstat», так как данная программа работает только с документами формата txt.

В результате обработки текста с помощью программы «Wordstat» был получен лексический каталог, упорядоченный по алфавиту, который отражал более 200 000 словоупотреблений. Так, с 220 000 словоупотреблений в исходном документе стало 44 000 словоупотреблений.

На следующем этапе производилась редакция частотного каталога по «космическим романам». Программа «Wordstat» подсчитывает только словоформы, следовательно обработка словарной дефиниции проводилась вручную. Лексические единицы приводились к начальной форме, например, существительные ставились в именительные падеж. После ручной редакции количество лексем в «космических романах» стало 17 700 лексем. Далее стояла задача разделить лексем по части-речной принадлежности.

На заключительном этапе лексем были каталогизированы по частям речи в следующем количественном соотношении: имена существительные – 5914, имена прилагательные – 5911, глаголы и глагольные формы – 5232, наречия – 472, служебные части речи – 116; имена числительные и местоимения не были редактированы.

Выявлены составляющие научной картины мира И. А. Ефремова и её лексическая наполняемость. Все лексемы можно разделить на классы, которые имеют подгруппы: Человек (Человек как живое существо, Вера и искусство, Человек и его внутренний мир, Язык и речь, Социальная сфера жизни человека), Живая природа (Растительный мир, Животный мир), Неживая природа (Вещества, Утварь, Отвлеченные понятия, Космос), Техника (Технические понятия, Оборудование и изобретения, Медицина, Транспорт). Разработан лексический каталог по имени собственному: антропонимы (113 лемм), топонимы (116 лемм), космонимы и астронимы (62 леммы), фитонимы (8 лемм), эргонимы (21 лемма), хрононимы (20 лемм). (Таблица 2. Количество лемм в каждой группе онимов).

При составлении частотного словаря необходимо учитывать погрешности, которые всегда возникают в ходе работы, что может привести к некоторым искажениям результата. Особенность функционирования компьютерной программы «Wordstat» [3, с. 174], которая сортирует только словоформы, а не лексемы, не позволяет определить точное количество уникальных лексем, так как дальнейшее редактирование происходит вручную. Нужно признать, что вышеописанная проблема оказывает некоторое влияние на точность составления лексических списков, однако вряд ли может существенно исказить общий результат.

Наибольший интерес для нас представляет окказиональная лексика, так как именно она, в первую очередь, отражает индивидуальность советской языковой личности И. А. Ефремова. В «космических романах» присутствуют не только одиночные окказиональные лексемы, но и целые окказиональные ономастические системы. Так, окказиональное ономастическое пространство состоит из следующих групп онимов: антропонимы, топонимы, космонимы, астронимы, фитонимы, эргонимы, хрононимы и порейонимы. Каждая из групп ономастического пространства представляет собой систему, с определенной структурой и принципом номинации. Данный пласт лексики сосредоточен на поддержании реальности художественного произведения и, одновременно с этим, на воссоздании футурологической модели цивилизации. Например, хрононимы задают вектор развития нашей цивилизации, кратко описывая этапы, через которые человечеству предстоит пройти: *Эра встретившихся рук, Эра Общего языка, Эра Великого Кольца*. Эргонимы представляют административно-правовую систему футурологической модели цивилизации, при которой каждая отдельная личность принимает участие в решении глобальных проблем, имеет свой голос и может повлиять на развитие всего космического пространства Великого Кольца. Космонимы и астронимы воплощают авторскую идею о научно-техническом прогрессе, где космос настолько освоен, что космические путешествия могут позволить себе все. Топонимы доказывают реальность данной модели цивилизации, так как пространство планеты Земля сохранилось (название материков, океанов, равнин), однако претерпело изменения, такие как озеленение Африки, изменение климата, избавление от глобальных катаклизмов. Уже на уровне ономастического пространства И. А. Ефремов составляет футурологическую модель цивилизации, которая благодаря детальным описаниям функционирования каждой системы больше похоже на инструкцию современному обществу.

На основе материалов Идеографического словаря И. А. Ефремова мы предлагаем ввести элективный курс «Советская научная фантастика», где иностранным обучающимся будет предложена возможность составления лексического каталога. Процесс составления лексического каталога предоставит возможность иностранным обучающимся самостоятельно проанализировать лексическую систему советской эпохи, выделить узуальные и окказиональные лексемы, сравнить свою культуру с культурой советской эпохи и в последствии выстроить межкультурный диалог.

Составление лексических каталогов по изучению языка специальности актуально в современной методике обучения русскому языку как иностранному из-за развития компьютерных технологий. Именно способ ранжирования лексики по тематическим группам с указанием на количество словоупотреблений позволит реконструировать личность писателя и его картину мира, которая, во-первых, представляет собой футурологическую модель цивилизации, а во-вторых, во многом моделирует советское общество.

Интерес иностранцев к русскому языку обусловлен интересом к научной деятельности и высшему образованию в технической сфере, так как весь мир признает научные заслуги СССР в XX веке. И. А. Ефремов же является представителем советской языковой личности с научным типом мышления, который отличался своим словотворчеством (идеостилем). Особенность его текстов – научно-художественный стиль, где преобладают термины, окказиональное ономастическое пространство и интермедийные метафоры.

Мы можем говорить о таком феномене, как советская языковая личность, так как советская идеология во многих аспектах перекроила русскую ментальность. В начале XX века произошла переоценка ценностей, реорганизовались социальные институты. Это позволило сформировать новую советскую ментальность. Национальные концепты «старого мира» - дореволюционной России изменились полностью или же претерпели масштабные преобразования, в ходе которых и сформировалась советская картина мира. При комментировании сложившейся ситуации в русской культуре и языке А. А. Ворожбитова использует сравнение с солнечным затмением русской ментальности. Характерными чертами становятся гиперидеологизация языка, создание новояза и официолекта. При исследовании советского дискурса А. А. Ворожбитова в своей статье «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация» [2, с. 4] создала периодизацию советского дискурса и выделила разновидности советского дискурса. Периоды были выделены следующие: истоки (вторая половина XIX века), «нелегальный период» (XX в. до 1917 г.); функционирование (20-е гг.; 30-е гг.; эпоха Великой Отечественной войны; «оттепель»; «застой»); перестройка; постперестройка. Расцветом советской идеологии и официоза языка можно назвать третий период: «смена сталинской системы террора хрущевским реакционно-политическим государством».

Литературный язык советской культуры претерпел многие изменения на разных своих уровнях. Пополнение словарного состава русского языка происходило за счет новообразований аффиксальным способом (*передовик, фронтовик дипломник заливка, задувка, антимаateria и др.*), сложением основ (*домоуправление, Днепрострой, взрывостойкость, миноискатель и др.*), аббревиацией (*АЭС – атомная электростанция, АМО – Автомобильное московское общество, ПТА – Петроградское телеграфное агентство и др.*). Многие неологизмы советской эпохи возникли в результате коренных изменений в экономической жизни страны, а также с развитием науки, техники, переустройством быта (*пятилетка, совхоз, колхоз, комбайн, госплан, космодром и др.*). Это только малая часть характерных черт языка советской эпохи. Однако именно на уровне лексики в тексте мы можем понять в какой период было написано произведение. С «космической» научной фантастикой дело обстоит иначе. В центре повествования находится другая цивилизация, точнее цивилизация Земли, но уже совершенно другой эпохи – более развитой. Язык И. А. Ефремова отличается изобилием окказионализмов и окказиональной ономастики: *рапт, винтолет, звездолет, гауробуйвол, фаант, хлорелла, ЭРМ, ТВФ, СДФ и др.* Как мы видим, окказионализмы по большей части состоят либо из фонетических окказионализмов, либо из новообразований, обра-

зованных традиционными словообразовательными способами. Общей чертой будут и апеллятивные имена. Для советского времени называть в честь определенных исторических или культурных событий было не просто модно, а являлось нормой, так возникли имена *Владлена, Октябрина, Сталина, Марлен* и др. У И. А. Ефремова же сделан ещё один шаг дальше, когда в антропооснову антропонима берется не культурно значимое понятие, а всё что вмещает в себя язык, например, *Дар Ветер, Соль Саин, Веда Конг* и др. Та или иная черта русского литературного языка отражается в «космических романах» И. А. Ефремова.

Советский народ не просто существовал в декларируемой ипостаси, а находил отражение в каждой отдельно взятой личности, в каждом среднестатистическом гражданине Советского Союза. Таким образом, советский человек как языковая личность – это советская языковая личность. Противоречивость советской языковой личности состоит в том, что, во-первых, самодостаточная личность имеет свои индивидуальные черты, а во-вторых, языковая личность вынуждена находиться в «рамках» массовой идеологизации и представления каждой выдающейся личности как пример строителя коммунизма.

В процессе прохождения курса «Советская научная фантастика» обучающиеся будут осуществлять исследовательскую деятельность: выделять тематические подгруппы в рубриках словаря, минимизировать тематические группы по принципу частотности для создания лексического минимума, характеризовать каждую тематическую группу, в результате чего и будет реконструирована советская языковая личность.

В результате исследовательской деятельности планируется, что обучающиеся: **знают** терминологическую базу наук лексикология и лексикография; составляющие элементы советской языковой личности; особенности футурологической модели цивилизации «космических» романов И. А. Ефремова; **умеют** различать узуальные и окказиональные лексемы; относить слова по значению в соответствующие тематические группы; анализировать культурологический материал; соотносить культуру советской эпохи с родной культурой; **владеют** навыком представления лексикографического материала; способностью реконструировать языковую личность; навыком межкультурной коммуникации; навыком проектной деятельности для самостоятельного решения учебных задач.

Материалы статьи представляют ценность для лингвистов, занимающихся изучением языка писателя и лексикографическим описанием личности, для преподавателей РКИ как методика составления лексического каталога для иностранцев направления «Филология» и других профилей, а также для лингвокультурологических исследований, так как в статье представлен специфический, компьютерный метод анализа культурологических данных.

Внутри лексических групп расположены как узуальные, так и окказиональные лексемы, которые отражают индивидуальные особенности советской языковой личности И. А. Ефремова. Применение этих тематических групп для составления лексического каталога будет осуществляться для изучения лексики иностранными учащимися, во-первых, для лингвокультурологического представления советской эпохи, во-вторых, овладения лексической системой русского языка. Ономастическое пространство, разделенное на группы онимов, позволит овладеть языковой компетенцией (изучение лексики, окказионального словообразования, функции имени собственного в тексте).

Список литературы

1. Ван Ш., Халеева О. Н. Работа с терминологией на подготовительном факультете в группах гуманитарного профиля // Альманах по материалам Первой международной заочной научно-практической конференции молодых ученых. М., 2017. С. 15–19.

2. Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2000. Вып. 2. Язык и социальная среда. С. 2–7.

3. Вохмина Л. Л., Ильина О. А., Науменко Ю. М., Халеева О. Н. Аспектное изучение русского языка в иностранной аудитории : учеб. пособие. М. : Ай Пи Ар, 2021. 240 с.

4. Ружицкий И. В. Может ли писательский словарь стать методом? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 7. С. 466–476.

Информация об авторе: *Журавлева Наталья Сергеевна*, магистрант факультета русской филологии Московского государственного областного педагогического университета (г. Москва, Россия).

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ НА УРОКАХ РКИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ-АРМЯН

И. Р. Саркисян

*г. Ереван, Республика Армения
innasargsyan@gmail.com*

Аннотация. В ракурсе интеллектуализации и интенсификации учебного процесса рассматривается проблема лингвистического развития учащихся-армян на уроках русского языка как иностранного (РКИ) на основе межъязыковых сопоставлений (логичной разновидностью которых является сопоставительный анализ языковых фактов армянского и русского языков на уроках русского языка). Адекватное и грамотное использование фактов родного и изучаемого языков даст реальную методическую возможность преподавателю-русисту интересно и эффективно разнообразить приёмы обучения РКИ, соответственно, превратить уроки русского языка в армянской школе в увлекательные занятия с осязаемым повышением уровня мотивации изучения РКИ. Дидактическая целесообразность предлагаемых методов и приёмов обучения РКИ в школах Армении в ракурсе рассматриваемой проблемы может быть апробирована в процессе опытно-экспериментального обучения. Последующий SWOT-анализ позволит выявить все плюсы и минусы данной методической системы, а также обоснует / не обоснует целесообразность её внедрения в учебный процесс.

Ключевые слова: лингвистическое развитие учащихся, межъязыковые сопоставления, обучение РКИ, дидактическая целесообразность, интегрированные уроки русского языка

Для цитирования: Саркисян И. Р. Актуальность межъязыковых сопоставлений на уроках РКИ как средство развития лингвистических способностей учащихся-армян // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 202–205.

В ракурсе интеллектуализации и интенсификации учебного процесса проблема лингвистического развития учащихся-армян на уроках РКИ на основе межъязыковых сопоставлений (логичной разновидностью которых является сопоставительный анализ языковых фактов армянского и русского языков на уроках русского языка) приобретает особую актуальность. Следует отметить очевидный факт, выявленный в результате анализа программ РКИ для школ Республики Армения: в настоящее время в школьных учебных программах русского языка как

иностранный сведения по сопоставительной типологии армянского и русского языков практически отсутствуют. Причём объяснить данное явление отсутствием соответствующих научно-методических разработок нельзя, поскольку методисты-русисты нашей республики не обошли вниманием данную проблему, представив вниманию преподавателей интересные научные и научно-методические работы.

Многие учёные вполне обоснованно полагают, что использование знаний по иностранному языку (в данном случае – РКИ) поможет лучше и глубже понять родной язык (в данном случае – армянский). Российский исследователь Л. Р. Зиндер справедливо отмечал: «Мы ”находимся в плену” у родного языка, освободиться от которого можно только благодаря сравнению родного языка с иностранным языком» [1, с. 94].

Адекватное и грамотное использование фактов родного и изучаемого языков даёт реальную методическую возможность преподавателю-русисту интересно и эффективно разнообразить приемы обучения РКИ, соответственно, превратить уроки русского языка в армянской школе в увлекательные занятия с ощутимым повышением уровня мотивации изучения РКИ. Согласно данным, полученным на основе анализа учебного процесса, сопоставительный/сравнительный анализ фактов русского и армянского языков заметно стимулирует у учащихся-армян стремление и любовь к изучению непосредственно родного армянского языка. Более того, уроки с применением сравнительно-сопоставительного анализа языкового материала могут помочь старшеклассникам с выбором будущей профессии, ибо интерес к изучению иностранных языков в дальнейшем может способствовать возникновению интереса к изучению лингвистики (филологии) как науки, то есть профессионально ориентирует будущих студентов.

Не вызывает сомнений факт, что проводимые на уроках РКИ языковые сопоставления способствуют интеллектуализации учебного процесса, расширяют кругозор учащихся-армян, а также формируют всестороннюю культуру школьников, их эстетический вкус. При этом заметно повышается уровень общего развития учащихся, а также заметно интенсифицируется процесс усвоения знаний по всем учебным дисциплинам.

Оговорим, что при использовании на уроках РКИ метода сопоставительно-типологического анализа языкового материала следует непременно учесть актуальные в рассматриваемом аспекте социальные и педагогические факторы. В ракурсе социальных факторов считаем необходимым отметить востребованность армянским монолингвальным обществом на современном этапе расширенных знаний об иностранных языках. Нельзя не осознать и принять очевидное: сегодня монолингвальная / мононациональная Армения постепенно становится всё более многоязычной. На наш взгляд, это весьма позитивная тенденция с объективными и субъективными факторами, среди которых мы хотим особо выделить развивающиеся связи с иностранными государствами и, в первую очередь, с Россией.

Любой язык имеет свой уникальный, неповторимый и индивидуальный облик: в первую очередь, его уникальное звуковое оформление, семантическая образность, понятийность, словарные единицы в их контекстном значении, а также неповторимый грамматический строй. Знание прежде всего родного (армянского) языка, равно как и изучаемого (изучаемых, в том числе и РКИ), понятие о системообразующих факторах различных языков, несомненно, способствует обогащению личности.

В настоящее время армянское общество отнюдь не удовлетворено состоянием языковой и речевой культуры выпускников школ РА. И это касается не только родного армянского языка. Владение русским языком выпускниками школ нашей республики по-прежнему остаётся неудовлетворительным и оставляет

желать лучшего. С учётом вышесказанного в системе образования Армении повышается интерес к углублённому изучению русского языка, разрабатываются актуальные инновационные программы. Эти программы, как правило, бывают заметно расширены и дополнены непосредственно за счёт хорошо разработанной научно-лингвистической базы.

Представляется целесообразным наряду с социальными причинами отметить также и дидактические факторы. Сегодня в армянской школе заметно меняется стратегия языкового образования, соответственно, вырабатываются его модернизированные стандарты. Всё это закономерно требует скорейшего пересмотра традиционной (а нередко и устаревшей) тактики обучения русскому языку в школах РА. Более того, особое внимание, уделяемое в настоящее время в нашей стране гуманитарному, в частности, именно лингвистическому школьному образованию, также активно способствует новым позитивным переменам в теории и практики изучения РКИ. Намечается создание специализированных билингвальных армянско-русских средних общеобразовательных школ, где учащиеся-армяне будут иметь возможность углублённого изучения русского языка.

Сегодня в РА большое внимание в школьном преподавании РКИ уделяется межпредметным связям, активно в практику преподавания русского языка входят так называемые интегрированные уроки (русский язык – армянский язык, русский язык – история, русский язык – география и пр.). Однако следует отметить, что при этом в учебном процессе нет желаемой интеграции изучения РКИ и армянского языка, равно как изучения РКИ и другого иностранного языка. Эта тенденция приводит к тому, что учащиеся-армяне практически лишаются представления об изучаемых иностранных языках как о сопоставимых системах. В этом ракурсе можно предложить создание вариантных программ при сохранении базового компонента и обязательном выполнении курса-минимума РКИ. Такой подход предполагает снятие определённых ограничительных рамок в организации языкового образования, что, на наш взгляд, позволит приучить учащихся любить, ценить, а также понимать, чувствовать, в первую очередь, родной язык, а этому будут непосредственно способствовать знания, перенесённые на уроки армянского языка с уроков РКИ и других иностранных языков.

Обращаясь к актуальным психолого-дидактическим исследованиям в области изучения иностранных языков, мы пришли к закономерному выводу о том, что реализация предлагаемого методического подхода к внедрению межпредметных связей на уроках РКИ в ракурсе решения насущной задачи обеспечения качественного лингвистического образования, возможна при применении межъязыковых сравнений / сопоставлений как средства лингвистического развития учащихся. Оговорим, что попытки использовать на уроках РКИ межъязыковые сопоставления в школьном и вузовском обучении иностранным языкам уже предпринимались, и теоретическая (методическая [2; 3 и др.] и лингвистическая [4]) база данного подхода в Армении давно разработана. Однако метод межъязыковых сопоставлений в ракурсе лингвистического развития учащихся армянских школ так и не используется. Справедливости ради отметим, что рассматриваемый подход используется на филологических отделениях некоторых вузов РА. Возможно, в школах он не нашёл эффективного применения из-за отсутствия разработанных форм его реализации как в учебном процессе, так и в школьных учебниках РКИ. Однако мы уверены, что использование межъязыковых сопоставлений на уроках РКИ, несомненно, сделает уроки русского языка интереснее, ярче и эффективнее, что закономерно повлечёт за собой повышение мотивационного уровня изучения данного предмета. Более того, сопоставление армянского и русского языков однозначно будет способствовать развитию языковых способностей учащихся-армян, развитию у них так называемого языкового чутья, а также образного мышления.

Для успешной реализации вышесказанного следует провести детальный анализ уровня языковой подготовки школьников РА, равно как и анализ имеющихся школьных учебников РКИ для учащихся-армян. Далее необходимо провести отбор дидактического материала, который содержит межъязыковые сравнения / сопоставления, после чего можно будет разработать систему соответствующих упражнений, направленных на привитие навыка сравнения / сопоставления языкового материала. А дидактическая целесообразность разработанных методов и приёмов обучения РКИ в школах Армении в ракурсе рассматриваемой проблемы может быть апробирована в процессе опытно-экспериментального обучения. Последующий SWOT-анализ позволит выявить все плюсы и минусы предлагаемой методической системы, а также обоснует целесообразность / нецелесообразность её внедрения в учебный процесс. Хотя в научно-методической литературе уже неоднократно и убедительно доказано положительное влияние использования межъязыковых сопоставлений родного и изучаемого языков непосредственно на лингвистическое развитие учащихся.

Список литературы

1. Зиндер Л. Р. Введение в языкознание. Сборник задач : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1987. 176 с.
2. Саркисян И. Р. Сопоставительное изучение языков как возможный способ осуществления межкультурной коммуникации на уроках РКИ // Общество на рубеже эпох: взгляд на современность через призму социальных и гуманитарных наук : материалы второй Междунар. науч.-практ. конф. Т. 1. Кн. 2. Педагогика. Пермь, 2014. С. 107–112.
3. Саркисян И. Р. Рассмотрение проблемы формирования поликультурной личности через призму сопоставительного анализа русского и армянского языков // Русский язык на перекресте эпох: традиции и инновации в русистике : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ереван : РАУ, 2015. С. 213–217.
4. Саркисян И. Р. Типология грамматических категорий. Ереван, 2011. 222 с.

Информация об авторе: *Саркисян Инна Робертовна*, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского и славянских языков Государственного университета имени В. Я. Брюсова, профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (г. Ереван, Республика Армения).

КРИТЕРИИ ОТБОРА ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

А. П. Шапошникова

г. Москва, Россия
1032206033@pfur.ru

Аннотация. Рассматривается документальное кино как видеоматериал для обучения с целью раскрытия его потенциала и систематизации отбора фильмов для занятий русским языком как иностранным (РКИ). Проанализированы требования, предъявляемые к художественным фильмам в методике преподавания иностранных языков, в частности РКИ. Представлены критерии для отбора документальных фильмов с учётом всех отличительных черт данного видеоматериала.

Ключевые слова: документальные фильмы, критерии отбора материала, аудиовизуальный метод, русский язык как иностранный

Для цитирования: Шапошникова А. П. Критерии отбора документальных фильмов для обучения русскому языку как иностранному // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 205–209.

Видеоматериалы являются частью аудиовизуального метода и занимают особое место на занятии русским языком как иностранным. Их использование подразумевает иную систему работы, часть времени которой занимает просмотр самого видеоматериала. Построить всё преподавание на аудиовизуальном методе нецелесообразно, поэтому оно является лишь частью обучения. Это говорит о том, что отбор видеоматериалов особенно важен, так как от этого будет зависеть успешность проведения занятия и заинтересованность учащихся в дальнейшем просмотре подобных материалов.

В зависимости от целей занятия критерии отбора видеоматериала могут меняться. Тем не менее, есть требования, которые предъявляются к любому учебному тексту, которым аудио-текст фильма так же является. К данным требованиям относятся воспитательная ценность, информативность, значимость, достоверность излагаемых фактов, соответствие возрастным особенностям и речевому опыту учащихся [2, с. 171].

Критерии для отбора видеоматериалов будут отличаться, поскольку они учитывают не только языковую, но и визуальную часть. Более того, для разных жанров видеоматериалов будут свои особенности, поскольку информация предъявляется в них разными способами – начиная от того, аутентичный это материал или нет, и заканчивая целями занятия, которые поставил преподаватель.

Подробнее разберём критерии для отбора художественных фильмов. Гао Ф. выделяет следующие: страноведческая ценность, возрастные особенности, национальное происхождение, культурные особенности аудитории обучающихся, наличие в фильме конфликта [3, с. 213]. Здесь прослеживается акцент именно на страноведческой информации и том, как она будет воспринята иностранной аудиторией.

Е. А. Рубцова, Т. Ю. Романова, Е. В. Полякова обращают внимание на такие критерии: жанровая принадлежность, длительность, соответствие видеоматериала уровню коммуникативной компетенции учащихся, их интересам, насыщенность страноведческой информацией, диапазон содержащейся в фильме социокультурной и социолингвистической информации, языковое содержание фильма [5, с. 74–75]. Авторы данной статьи вводят такое важное понятие, как длительность, поскольку слишком большой видеоматериал может занять всё время занятия и не воспримется аудиторией.

М. В. Георгицэ для уровня А2 выделяет следующие критерии отбора аутентичного видеоматериала: индивидуальные особенности обучающихся, тематика видео, длительность видео, самостоятельность материала, интересность и занимательность, наличие культурного компонента, произнесение речи и естественная скорость звука, чёткость изображения и звука [4]. На уровне А2 к обучающим задачам добавляется задача заинтересовать учащихся в дальнейшем изучении языка, поэтому видеоматериалы должны отвечать интересам обучающихся, быть занимательными для них. Как видно, остальные критерии к их отбору схожи с теми, что предъявляются на более продвинутых уровнях.

Документальный фильм с одной стороны является аутентичным материалом, поскольку изначально предназначен для просмотра носителем языка и не адаптирован под учащихся, с другой стороны – подготовлен для восприятия новой информации посредством монологической речи и визуализации. Цель про-

смотр документального фильма так же отличается от любого другого видеоряда – она заключается в получении новой информации в обширном объёме. Документальный фильм «открывает глаза на те аспекты жизни, о которых студенты, возможно, никогда и не думали» [1, с. 43]. Важно построить систему занятия таким образом, чтобы и работе с языковым материалом, и работе с получаемой информацией было уделено равноценное время.

По этой причине важно дифференцировать различие предъявляемых критериев к художественному и документальному кино. Несомненно, многие из данных критериев схожи, поскольку предъявляются к видеоматериалам в целом, однако в случае документальных фильмов должна учитываться работа с информацией. Видеоматериал для занятия с использованием документального фильма – это материал, насыщенный информацией и подходящий для студентов по уровню владения языком. Отобрать подходящий документальный фильм можно по следующему плану:

1. Доступность. Любой видеоматериал, применяемый на занятии русским языком как иностранным, должен быть в открытом доступе. Это нужно для того, чтобы студент, заинтересовавшийся темой и желающий продолжить просмотр, мог это сделать без излишних трудностей. Желательно, чтобы это был фильм с известной всем платформы или сайта, на котором не требуется регистрация.

2. Тематика документального фильма. Выбор осуществляется в соответствии с профилем обучения студентов, а также проходимой на данный момент лексической темой в рамках практического курса русского языка. Кроме того, тема может быть определена на основе интереса самих учащихся (с помощью голосования или опроса). На данном этапе языковой уровень не учитывается, поскольку определяется только вектор направления выбора материала. Для иностранных студентов может быть приятным просмотр документального фильма о своей стране на русском языке. Например, фильмы о природе или национальной кухне.

3. Качество материала. При выборе документального фильма особое значение имеет качество материала, поскольку информация из него поступает именно через аудиовизуальный путь. Таким образом, стоит отказаться от показа документальных фильмов с некрасочным видеорядом и плохим звуковым оформлением. К плохому звуковому оформлению, в том числе, относятся переведённые документальные фильмы, изначальная аудиодорожка которых недостаточно приглушена и мешает восприятию русской речи.

4. Языковой уровень. Отобрав подходящие по тематике и качеству документальные фильмы, преподаватель должен помнить о языковом уровне своих учащихся для последующих критериев. Предыдущие критерии были направлены исключительно на документальный фильм как материал для зрителя, далее по критериям он рассматривается непосредственно как средство обучения.

5. Продолжительность. В среднем, продолжительность документальных фильмов начинается от часа. Таким образом, у преподавателя нет возможности показать весь фильм полностью в связи с продолжительностью самого занятия и лингводидактической обусловленностью такого решения. Это говорит о том, что документальный фильм на в методике преподавания русского языка как иностранного – это не весь фильм полностью, а его фрагмент. В зависимости от уровня владения языком студентов преподаватель на данном этапе решает, какой объём может быть показан на занятии. Оптимальный размер фрагмента – от 2 до 5 минут (однако данные цифры могут меняться в зависимости от скорости речи диктора).

6. Фрагмент. Определившись с тематикой, языковым уровнем и продолжительностью, преподаватель выбирает конкретный фрагмент документального

фильма для показа на занятии. К фрагменту предъявляются следующие требования: информативность (данный отрывок должен быть интересен сам по себе, независимо от фильма), законченность (текст данного отрывка должен быть закончен по смыслу и не должен обрываться на моменте, когда идея не доведена до логического заключения или не завершается открытым вопросом, на основе которого можно построить размышления на занятии), наглядность (видеоряд данного отрывка должен быть так же самостоятельным и отображать именно то, о чём говорится в данном фрагменте, то есть не затрагивать те моменты, которые не были озвучены), лингвистический материал (данный фрагмент может включать в себя научные термины, однако нужно провести предпросмотровую работу, чтобы студенты не потеряли нить повествования).

7. Система упражнений и заданий. Выбрав определённый фрагмент, преподаватель должен подготовить систему языковых упражнений и речевых заданий не только для отработки языка, но и для осознания и закрепления полученной информации. Таким образом, система работы с документальными фильмами – это и языковое, и образовательное целое.

8. Самостоятельная работа. Одна из желательных целей работы с документальным фильмом – показать студенту, что он может смотреть документальный фильм самостоятельно, что это не так сложно, как может показаться на первый взгляд. По этой причине работа на занятии должна подготовить студента к самостоятельному просмотру документального фильма дома.

По данной системе критериев составляется общая картина того, каким должен быть документальный фильм на занятии русским языком как иностранным. В готовом виде это может быть фрагмент фильма, на основе которого подготовлена работа, предназначенная либо для профильной, либо для общей группы учащихся. Ключевые требования к документальному фильму – это наличие базы, на основе которой учащиеся могут получить новые знания, возможность закрепить полученные навыки владения иностранным языком и стимул к дальнейшему изучению интересующих тем с помощью изучаемого языка.

Документальное кино в методике преподавания русского языка как иностранного – это материал, который делает занятие междисциплинарным. Внимание сконцентрировано не столько на языке, сколько на получаемой информации на иностранном языке. Именно образовательная функция документальных фильмов отличает их от других видеоматериалов и подразумевает несколько другой подход в организации учебного процесса. В заключении важно сказать о том, что и художественное, и документальное кино необходимо для изучения русского языка как иностранного. Для успешного использования данных видеоматериалов необходимо грамотно подобрать материал с помощью предъявленных критериев.

Список литературы

1. Křivanová J. The Use of Documentary Films in English Language Teaching : diploma thesis Charles University in Prague. 2021. URL: <https://dspace.cuni.cz/bitstream/handle/20.500.11956/157414/120395855.pdf?sequence=1> (дата обращения: 24.02.2023).

2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика : учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 6-е изд., стер. М. : Академия, 2009. 336 с.

3. Гао Ф. Система работы с художественным фильмом на уроках РКИ (на примере фильма А. Звягинцева «Возвращение») // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VII (XXI) Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных (16–18 апреля 2020 г.). Томск, 2020. С. 212–214.

4. Георгицэ М. В. Критерии отбора аутентичного видеоматериала для обучения русскому языку как иностранному на уровне А2 // Наука в мегаполисе. 2021. № 4 (30)

Исследования молодых учёных. URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-30/literary-linguistics/criteria-selecting-authentic-video.html> (дата обращения: 24.02.2023).

5. Рубцова Е. А., Романова Т. Ю., Полякова Е. В. Критерии отбора аутентичных видеофильмов при обучении иностранных учащихся устной разговорной речи на продвинутом этапе обучения // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2017. Т. 3 (69), № 4. С. 66–78.

Информация об авторе: *Шапошникова Ангелина Петровна*, студентка Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия).

ОТРАЖЕНИЕ В ДРЕВНЕРУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

М. Б. Адамович

г. Пенза, Россия
maksimka.adamovich@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются древнерусские фразеологические единицы, обозначающие общественные отношения между членами коллектива. На основе фразеологического материала и контекстов из памятников письменности делаются выводы и дополняются уже известные знания об уровне развития судебных, правовых отношений, типологии документов и должностей, экономического развития Древней Руси.

Ключевые слова: древнерусский язык, фразеология, картина мира, общество

Для цитирования: Адамович М. Б. Отражение в древнерусских фразеологизмах уровня развития общественных отношений // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 210–215.

Исследование быта, культуры, традиций наших предков до сих пор остается актуальной проблемой для лингвистов, историков и этнографов. Так, каждый год археологические экспедиции приносят нам новые берестяные грамоты, которые являются ценнейшим источником для изучения быта людей; уже исследованные памятники письменности вновь оказываются в поле зрения ученых и подчас корректируются в переводах и интерпретациях; всё шире и шире распространяется понимание, что имеющиеся знания о картине мира наших предков – лишь небольшая часть огромного исторического полотна. Изучая какую-либо часть понятийного мира древнерусского человека, мы не можем быть уверены, что эти понятия были так же важны для «них», как для нас. А может «они» и мы говорим вообще о разных вещах или исследуемое понятие было включено в другую систему миропонимания, другие ключевые смыслы, отсутствующие ныне?

Эти проблемы связаны с сильным влиянием современного сознания, диктующего нам вопросы, которые мы задаем древнерусскому человеку через памятники письменности (ПП). Но несмотря на все сложности в интерпретации текста, созданного в иной культурной среде, весьма активно изучаются различные отношения, имеющие место в древнерусском обществе. Например, к 1000-летию появления писаного права на Руси (2016 год) был выпущен сборник «Русская правда: проблемы происхождения и изучения памятника права. Правопонимание и правовое регулирование в истории России», где даются новые интерпретации законам Русской правды, различным сторонам правовых отношений в древнерусском обществе. Или С. В. Самохвалов в исследовании «Судебные приставы допетровской Руси (очерк истории развития института судебных приставов в XII–XVII веках)» дает исчерпывающее описание наименований судебных должностей.

Существует множество исследований по частным вопросам культурных, общественных, экономических отношений в Древней Руси, но в таких работах невозможно охватить весь материал (например, языковой) из-за его значительных

объемов. Так, ни в одной из статей указанного выше сборника при рассмотрении способов доказательств, исполнений судебных решений и т.п. не привлекается фразеологический материал; то же самое можно сказать и о работе С. В. Самохвалова и многих других работах, посвящённых подобным вопросам. Непривлечение фразеологии при рассмотрении общественных отношений в Древней Руси не может быть оправдано отсутствием таких единиц в древнерусском языке. Так, в I и II томах «Словаря древнерусского языка XI-XIV вв.» (СДРЯ XI-XIV вв.) из 388 отобранных нами фразеологических единиц (ФЕ) 100 относится к тематической группе (ТГ) «**Фразеологические единицы, обозначающие общественные отношения между членами коллектива**», которая является самой объёмной во всей выборке, что указывает на её центральное положение в картине мира древнерусского человека. Сама ТГ чётко делится на 5 тематических подгрупп (ТПГ), которые позволяют более подробно представить содержание общественных отношений, которые концентрировали на себе внимание наших предков.

Самой большой является ТПГ «**Фразеологизмы, обозначающие процесс судопроизводства и понятия закона**» (40 ФЕ). В ней отразились различные элементы судебного процесса, типы документов и штрафов. Что касается суда, то в Древней Руси различали обстоятельства совершённого преступления – *ноужьная (ноуждьная) вина* "вынужденное обстоятельство", *правая вина* "действительная причина, служащая основанием для чего-л.", *безь виньногъ вины* "без какой-л. причины". ФЕ фиксируют важное место системы доказательств при судебном разбирательстве, причем количество и характер свидетелей было строго определён. Так, запрещалось выставлять менее одного свидетеля: *русину же не лзгъ вести одіного русина в послушьство* [4, с. 399] "выставлять в качестве свидетеля"; холопам запрещалось *вылазити на правьдоу*, то есть являться в качестве свидетеля. Одним из способов доказательства на суде в Древней Руси было предоставление вещественных доказательств, что отразилось во фразеологизмах *выяти знамение* и *въняти знамение* "предъявить вещественное доказательство, улики": *а кто порветь бороду. а выиметь знаменье. а вылизуть послуи то ·ві· гривны продажи* [5, с. 264]. Естественно, существовала развитая система штрафов и наказаний, самым серьезным из которых был *потокъ*; в нашей выборке есть две ФЕ с данным компонентом – *выдати* (кого-л.) *на потокъ* "наказать изгнанием из общины" и *выдати* (кого-л.) *на потокъ а на разграбление* "наказать изгнанием из общины, лишив имущества". По данным Русской правды мы знаем, что такое наказание применялось только к разбойникам, коннокрадам и поджигателям: *аче боудеть коневыи тать, а выдати князю на потокъ* [5, с. 241]; *за разбойника людье не платять. нъ выдаютъ и всего. съ женою. и съ дгтьми на потокъ. а на разграбление* [там же]; *аже зажьжеть гоумно-то на потокъ и на розграбежь домъ юго* [3].

Феодальная раздробленность также влияла на правовую систему Древней Руси. Так как в каждой отдельной волости высшим судебным органом был князь (иногда его ставленники), в договорных грамотах приходилось регулировать границы распространения их судебных полномочий, что отразилось в единственном зафиксированном нами употреблении ФЕ *соуда не выводити* "о лишении права ведения суда, разбора дела": *а за рубежи из новгородьскои волости, твоимъ дворямъ [так!] суда не выводити. ни судити* [5, с. 238].

Отдельное место в правовых отношениях Древней Руси было отведено иностранцам. Это мы видим в Русской правде (чтобы обвинить в убийстве полноправного гражданина, нужно предоставить двух свидетелей, но если дело касается варяга или колбяги, то им достаточно принести судебную клятву [1, с. 35]) и в отдельных договорных грамотах, например, в *Грамоте полоцкого епископа Иакова к рижскому пропсту и рижским ратманам относительно мирных сношений*

и пропуска хлеба в Полоцк, где отдельно для рижан устанавливается такой же порядок выдавания исправы, что и для полочан: *ажсе будеть рижанинь чимь виновать полочанину. выдайте имь исправу такоже* [5, с. 241] "провести разбор чьего-л. дела и вынести решение".

В Древней Руси существовала разветвлённая типология документов, касающихся судебных процессов, экономических отношений, завещаний, рабовладения (если СДРЯ XI–XIV вв. даёт 12 наименований грамот, то «Словарь русского языка XI–XVII вв.» даёт в общей сложности 129 наименований [7, с. 119–120]). Кроме известных духовных, купчих и жалованных грамот, на Руси существовала, например, *грамота дърноватая* "грамота, утверждающая крепостную зависимость, прикрепление к земле"; *безсоудная грамота* "грамота, выданная одной из тяжущихся сторон, оправданной без суда из-за неявки противной стороны"; *отъпоустыная (мирная) грамота* "грамота, утверждающая отпуск, разрешение на уход и т.д.

Развитые феодальные, крепостные отношения оставили серьёзный след в древнерусской фразеологии, о чём говорит ТПП «**Фразеологизмы, обозначающие положение субъекта по отношению к кому-либо**» (19 ФЕ). Все единицы данной ТПП однородны в структурном и семантическом плане: *стати на* (чьей-л.) *воли* "подчиниться кому-л."; *възяти волю надъ кем-л.* "заставлять повиноваться кого-л."; *поити въ* (чьей-л.) *воли, ходити въ* (чьей-л.) *воли, въ* (чьей-л.) *волю, по* (чьей-л.) *воли* "повиноваться кому"; *быти въ божьей (вашей, своей и т. п.) воли* "быть под чьей-л. властью, в чьей-л. подчинении"; *быти подъ* (чьей-л.) *властию* и т.д. Анализируя данную подгруппу, можно сказать, что в ней все фразеологизмы обозначают отношения «снизу вверх», то есть отношения подчинительные, когда объект таких отношений осознаётся бесправным (особо это видно во ФЕ *давати въ роуцъ* "отдавать во власть"; *дати въ роуцъ* "отдать во власть, на милость кому-л."; *дати на роуцъ* "отдать в опеку кому-л."). Такая тенденция объясняется 1) активным развитием феодальных отношений и 2) становлением образа «сильной и грозной власти великого князя, способного дать народу защиту и тишину» [2, с. 9].

В исследованиях общественных отношений Древней Руси не дается комментарий по поводу наименований должностей типа *блюстель мѣста, мѣстных (помѣстных) блюстель* "блюстителю; лицо, наделенное определенными правами, полномочиями"; *больший, великий бояринъ* "относящийся к числу наиболее знатных и влиятельных бояр"; *молодые бояринъ* "член младшей дружины князя" и т. п. В упоминаемой выше статье С. В. Самохвалова об этом тоже нет информации. Единственное, что нам удалось найти, так это довольно объемную статью в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», где есть следующее замечание: «Между боярами была разница, но лишь бытовая, сходная с делением людей вообще на лучших, средних и худших. В летописях иные бояре называются лепшими, великими и т. п.» [10]. То есть автор данной статьи считает, что характеристика типа *большой, великий, светлый, малый* и т. п. является субъективной, а не указанием на различия в функции. Контексты в памятниках письменности не позволяют в полной мере соглашаться с таким мнением. Так, *блюстель мѣста / мѣстных (помѣстных) блюстель; добрыи / лоучии бояринъ; молодые бояринъ* выполняли функции послов: *токмо аще боудеть дияконъ мѣстных блюстель. рекъше посоль, таковыи бо лицъ иматъ своего патриарха* [4, с. 241]; *се слышавъ ир(с)ъ посла къ игор(е)ви лутышии бояры. мола и глѣ. не ходи но возьми дань. юже ималъ влечь и придамъ еще къ той дани* [3]; *новгородци прислаша своего посла, молодшого боярина, подвойского, к своему брату Пскову* [6, с. 308]. *Больший / великий бояринъ, светлый бояринъ* были самыми приближенными к князю / царю людьми: *горожане же рекоша. мы тебе* [князя Кондрата]

не привели и ни слалъ по те. но голова намъ Краковъ. тамо же и воеводы наши, и бояри велиции [4, с. 301]; и рече имъ...идите обо всякомъ дѣлѣ бить челомъ большему боярину Борису Годунову, – такъ бо царь Феодоръ Иоанновичъ изволилъ ево называть бошимъ [7, с. 308]. Разница между великим боярином и меньшим устанавливается и на основе разницы выплачиваемого штрафа: *аще (ж) поуститъ бояринъ женоу. велики(х) бояръ за соромъ ей. т̣ гривень... менши(х) бояръ. гривна золота* [4, с. 301].

Помимо наименований бояр и блюстителей, в ТПП **«Наименования гражданских, духовных и военных должностей»** (18 ФЕ) входят единицы типа *властель / волостель воиньскыи, вьсьскыи, градьныи, градьскыи, мѣстьныи, църковьныи; властелинъ градьныи; властелинъ градьскыи*. К сожалению, памятники письменности и исследования не дают нам точного представления об их функциях. Можно лишь сказать, что *мѣстьныи властель* мог быть главой церкви: *асель прозвутерь мѣстьныи властель римьская цркве* [4, с. 443], а в функции слободского волостеля входили, видимо, судебные полномочия при разделении земель: *а по которая мѣста слободьскыи волостели судили тѣ слободы при мнѣ* [4, с. 468].

При наличии развитой судебной, штрафной систем, разветвленной типологии документов, гражданских, духовных и военных должностей в Древней Руси естественно была уже сложившаяся экономическая система, что отразилось в ТПП **«Фразеологизмы, обозначающие экономические отношения»** (18 ФЕ). В неё вошли фразеологизмы, обозначающие понятия о выдаче / взятии залогов, займов и о найме: *аще же в зало(г) возмещи ризоу ближняго твоего. к заходу слнца о(т)даси емоу* [5, с. 149]; *аще въ невѣдѣньи. в наемъ возметъ корьчагъ разьбье(н) и излѣется вино. твердыи же і дати долъженъ есть* [там же]. В одном из примеров видим условие дачи в заём под проценты: *аще же боудеть жито възалъ въ заемъ. осмоую часть коегождо къбла да възметъ* [там же]; или отношения исполнителя и получателя: *аще кто в займъ возметъ. і по своіему ісповѣданію о(т) прооуставления. заимодавецъ не исполнить. да повелитъ тому. долъжныи* [там же].

Существует огромное количество литературы, анализирующей «кунную» денежную систему Древней Руси (например, монография В. Л. Янина «Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода»), поэтому мы не видим надобности пересказывать её особенности, скажем только, что денежная система Древней Руси (до «безмонетного периода») составляла 5 основных элементов: гривна – ногата – куна – резана – верица. Промежуточные звенья данной системы были отражены во ФЕ древнерусского языка, например, *широкыи грошь* "серебряная монета стоимостью в четверть гривны"; *гривна роусьская*; *гривна лядьская* "польская гривна"; *гривна золота / злата*; *гривна волжьская*; *гривна грошии*.

Самой малочисленной, но не менее важной является ТПП **«Фразеологизмы, обозначающие виды общественных отношений»** (5 ФЕ). Древнерусский человек строго дифференцировал *градьскыи вещи*, то есть общественные обязательства (здесь и далее лексема *вещь* имеет значение "дело, действие"), от которых можно отстранить на время исполнения обязанностей: *запрѣти тѣмницьномуу стражю твърдо блюсті его. даже оупразнитъса о(т) градьскыи. вещии* [4, с. 409]. *Житиискыи вещи, людьскыи вещи, мирьскыи вещи*, то есть обыденная жизнь (суета), воспринимались скорее отрицательно, как нечто такое, от чего необходимо уйти, что может осквернить человека: *и згьло противно связавшемуся житиисками вещи. и того печ(л)ми и мятежи оупражняющюса* [4, с. 409]; *аще ся привя(за)лъ еси лю(д)скы(м) веще(м)... обаче лѣпле е(с) малы осквернитиса*

лю(д)скими вещми [там же]; противник же препиратеть на(с) остати въ мирьскихъ вещехъ [там же]. Управлять церковными вещами, то есть церковной жизнью, нужно было особым образом: *оже пеущия црквными вещми. и клирики. ако правому пастуху, а не наимнику* [4, с. 410].

Фразеологизмы очень чувствительны к переменам в обществе, поэтому если происходят какие-либо изменения, повлекшие утрату реалии, отражённой во фразеологизме, он либо полностью выходит из употребления, либо носители языка подменяют в нем образ, переосмысливают его. Естественно, отражая такие переменчивые реалии, как судебная система, законодательство, наименование должностей и т. п. ФЕ часто безвозвратно утрачиваются, а обновление в них образа редко возможно по причине его отсутствия (большая часть ФЕ исследуемой ТГ является безобразными). Из 100 ФЕ исследуемой ТГ во фразеологии современного русского языка без изменений или с небольшими изменениями сохранились единицы *бити чельмь* "обращаться с просьбой, просить о чем-л."; *доушевьяная грамота*; *дати на порукоу (на пороуць)* "отдать на поруки, освободить по поручительству"; *съклонити голову* "покориться". Первые два фразеологизма зафиксированы во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова [8, с. 25, 156], следующие два – во «Фразеологическом словаре русского языка» А. Н. Тихонова [9, с. 212, 260]. Возможными соответствиями единиц *житишкыя веци*; *сидѣти надъ головою* "присутствовать при написании завещания" являются *дело житейское* "о чем-л. обыкновенном, обыденном" [9, с. 80] и *сидеть над душой* "надоедать своей назойливостью, докучать своим присутствием" [8, с. 614].

Итак, во фразеологии древнерусского языка сохранилась информация о развитой судебной системе со строгими требованиями к доказательствам, свидетелям, с особым отношением к иностранцам, с принятием во внимание геополитической обстановки; в Древней Руси была широко представлена типология должностей начиная от больших и светлых бояр (самых приближенных к царю) и заканчивая городскими, слободскими, деревенскими волостелями. Развитые правовая и судебная системы требовали документации, типология которой также отразилась в древнерусской фразеологии. Многовековые феодальные отношения не могли не оставить следа в картине мира древнерусского человека, поэтому ТПГ «**Фразеологизмы, обозначающие положение субъекта по отношению к кому-либо**» является самой однородной по составу и структуре единиц, и именно из этой ТПГ сохранилось больше всего ФЕ – три. О сложившихся и довольно активных экономических отношениях в Древней Руси свидетельствует ТПГ «**Фразеологизмы, обозначающие экономические отношения**», где есть ФЕ, отражающие 1) регулирование процессов займа, найма, залога и 2) развитую денежную систему.

Список литературы

1. Аринин А. Н. «Правда Ярослава»: причины создания, цели и основное содержание // «Русская Правда»: проблемы происхождения и изучения памятника права. Правопонимание и правовое регулирование в истории России (К 1000-летию появления писаного права на Руси) : материалы круглого стола 10 ноября 2016 г. М. : Российский гос. ун-т правосудия, 2017. С. 13–19.
2. Лихачёв Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV – начало XV в.). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 172 с.
3. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 23.01.2023).
4. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 1. 526 с.
5. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1989. Т. 2. 493 с.

6. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М. : Наука, 1974. Вып. 1. 403 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М. : Наука, 1977. Вып. 4. 371 с.
8. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. : Астрель, 2008. 878 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2007. 334 с.
10. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IVА. Бос–Бунчук // Руниверс. URL: <https://runivers.ru/lib/book3182/> (дата обращения: 09.02.2023).

Информация об авторе: *Адамович Максим Борисович*, студент Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С. В. Кезина

г. Пенза, Россия
svkezina@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются объективные трудности этимологизации слов. Исследованы актуальные этимологические словари русского языка на предмет их соответствия требованиям современной филологической мысли. Осуществлён этимологический анализ общеупотребительного слова *блюдо*, репрезентирующий различные этимологические решения, отсутствие чётких критериев этимологизации, историко-культурную ценность этимологических разысканий. Сделан вывод о предпочтительности словарей с обширной аналитической базой и обоснованным выбором этимологического решения из числа предложенных наукой.

Ключевые слова: этимологизация, этимологическое решение, русские этимологические словари, классики отечественного языкознания, историко-культурная информация

Для цитирования: Кезина С. В. Этимологизация как актуальная проблема филологического образования // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 215–219.

В трудные для Отечества периоды истории русский народ всегда консолидировался и вставал на защиту национальных ценностей. Сейчас мы наблюдаем то же: современная научная мысль ознаменована возрождением отечественных традиций, предполагающих добросовестный и кропотливый труд с опорой на наследие классиков, прежде всего отечественного языкознания. В преподавании отечественного языка активно обсуждается и реально используется концепция нашего великого земляка Ф. И. Буслаева. Знания отечественного языка, истории и культуры, обширные, прочные, надёжно скреплённые межпредметными связями, являются мощным оружием в борьбе за русский язык, который «в огромной степени обеспечивает суверенитет, единство и идентичность российской нации» [3].

Филологическое образование в таких общественно-политических условиях выходит на передний край, особенно его историческая составляющая, представленная историческим циклом дисциплин. В преподавании исторического цикла дисциплин есть ряд проблем, требующих особого внимания. Одна из них – проблема этимологизации. Эта проблема всегда имела место и была связана с объективными трудностями, основными из которых являются а) невозможность привлечения в рамках одной словарной статьи обширного разноисточникового материала для этимологического анализа, б) затемнённости этимона вследствие исторических изменений, свойственных флективным языкам, в) большое количество этимологических решений, представленных зарубежными и отечественными исследователями, г) отсутствие оптимальных принципов фонетического и семантического сближения слов-когнатов, привлекаемых для реконструкции. Сейчас проблема этимологизации значительно актуализировалась. Это связано прежде всего с увеличением количества этимологических словарей, некоторые из которых решают задачу быстрого и доступного получения информации. Именно такую задачу, на наш взгляд, ставят перед собой этимологические словари русского языка Г. А. Крылова и А. В. Семёнова. Концепция этих словарей вполне отвечает потребностям широкого пользователя: дать кратко общее представление о происхождении наиболее употребительных слов русского языка. Однако в современной этимологии отсутствуют универсальные принципы этимологизации, поэтому она не может дать простой ответ на каждый вопрос. Более того, современного пользователя, особенно филолога, не удовлетворяет спорный характер одних этимологических версий, неучтённость ряда других и не всегда обоснованное предпочтение той или иной версии автором конкретного словаря. Неполнота аналитической базы и недостаточная разработанность научной теории развития семантики как основные трудности этимологизации были отмечены на Международном симпозиуме «Славянская этимология сегодня» (Белград, 2006) [5] и на Этимологическом симпозиуме «Этимологическое исследование старославянского языка в славянской, индоевропейской и общелингвистической перспективе» (Брно, 2015) [2].

Пути решения проблем этимологического анализа, предложенные на симпозиуме «Славянская этимология сегодня» позволяют сделать вывод о том, что наибольшей научной и культурной ценностью обладают этимологические словари, привлекающие значительный фактический материал для исследования, представляющие различные научные версии и объективно оценивающие наследие этимологической мысли. Анализ актуальных этимологических словарей показал, что отечественная этимологическая мысль, как правило, связана с деятельностью Отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Этот Отдел был образован в 1961 году по инициативе директора Института акад. В. В. Виноградова. С 1961 по 2001 год Отдел возглавлял О. Н. Трубочёв (академик РАН с 1992 года), ученик С. Б. Бернштейна. С 1974 года до конца жизни Трубочёв работал над «Этимологическим словарём славянских языков» (после него словарь издаётся под ред. А. Ф. Журавлёва, доктор филологических наук, специалиста в области славянского и сравнительно-исторического языкознания, ученика Н. И. Толстого).

Этимологический словарь М. Фасмера «Russisches etimologisches Wörterbuch» был переведён О. Н. Трубочёвым и издан в период с 1964 по 1973 гг. О. Н. Трубочёв не только перевёл словарь, но и значительно дополнил его (новая серия дополнений сопровождала второе издание словаря 1986-1987 гг.). Затем у учёного возникла мысль расширить дополнения в соответствии с новыми этимологическими разысканиями, а также вновь изданными историческими и диалектными словарями, реализовать которую он не успел.

В 1993 году был издан «Историко-этимологический словарь современного русского языка» профессора МГУ им. М. В. Ломоносова П. Я. Черных, ученика А. М. Селищева. П. Я. Черных посвятил работе над словарём 20 лет. В аннотации к словарю читаем: «Словарь предназначен для лингвистов, преподавателей русского и других славянских языков, студентов филологических вузов и для всех, интересующихся происхождением слов современного русского языка» [10, с. 2]. Одним из рецензентов Словаря был акад. О. Н. Трубочёв, а основную правку материалов осуществила Ж. Ж. Варбот, ученица П. С. Кузнецова, доктор филологических наук, этимолог. Ж. Ж. Варбот с 1962 года (более 60-ти лет) работает в Отделе этимологии и ономастики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (с 2014 года заведует этим Отделом). Словарь продолжает оставаться одним из ценнейших этимологических трудов.

Дело О. Н. Трубочёва по дополнению словаря М. Фасмера продолжил его ученик акад. А. Е. Аникин, главный научный сотрудник Отдела этимологии и ономастики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН. Он составил «Русский этимологический словарь». Автор хотел всего лишь реализовать то, что не успел учитель, но работа «в данном направлении с самого начала стала превращаться в нечто более развёрнутое и масштабное, нежели подобная серия в том виде, в каком она составлялась О. Н. Трубочёвым» [1, вып. 1, с. 8]. «Русский этимологический словарь» представляет собой «свод этимологий русской лексики, охватывающий *основной словарный фонд русского языка* (выделено нами – С. К.), и «предназначен для читателей, интересующихся историей русского языка и его отношений с другими языками Евразии» [1, вып. 1, с. 4]. Словарь утверждён к печати Учёным советом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Рецензентами являются, в частности, Ж. Ж. Варбот и Л. В. Куркина, тоже ученица П. С. Кузнецова, доктор филологических наук, этимолог, с 1965 года (около 60-ти лет) работает в Отделе этимологии и ономастики. Из сказанного следует, что словарь очень авторитетный.

С Отделом этимологии и ономастики связано также имя А. К. Шапошникова (учился у О. Н. Трубочёва индоевропеистике и славистике). А. К. Шапошников с 2002 года сотрудничал с Отделом в качестве иностранного исследователя, с 2014 года в штате, сейчас – ведущий научный сотрудник. Изданный им в 2010 году «Этимологический словарь современного русского языка» тоже рассчитан на широкого пользователя, словник словаря представлен 5000 наиболее употребительных слов современного русского языка.

Итак, наиболее авторитетными этимологическими словарями русского языка являются «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Этимологический словарь славянских языков» О. Н. Трубочёва, «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных, «Русский этимологический словарь» А. Е. Аникина и «Этимологический словарь современного русского языка» А. К. Шапошникова. Перечисленные словари составлялись, переводились и редактировались учениками классиков отечественного языкознания: С. Б. Бернштейна, Н. И. Толстого, А. М. Селищева, П. С. Кузнецова, О. Н. Трубочёва. Эта преемственность непрерывной отечественной традиции обеспечивает этимологическим исследованиям и их авторам достойное место в научном контексте современной эпохи.

В качестве примера определим происхождение слова «блюдо», одного из самых употребительных в русском языке. В Словаре М. Фасмера читаем: «Древнее заимств. из гот. *biuþs*, род. п. *biudis* "блюдо, миска", также д.-в.-н. *biutta* "квашня, улей", нов.-в.-н. *Beute* "добыча" от гот. *biudan* "предлагать"» [8, т. I,

с. 178]. Согласно с древним заимствованием из готского репрезентируют Словари А. Г. Преображенского [7, т. I, с. 31], Н. М. Шанского, Т. А. Бобровой [11, с. 26], Крылова Г. А. [4, с. 39], О. Н. Трубочёва [13, с. 132–135]. В «Этимологическом словаре славянских языков» О. Н. Трубочёв приводит ряды родственных слов к *блюдо*: болг. *блюдо* "блюдо", "блюдо, кушанье", болг. диал. *блюд* "круглый поднос, на котором сажают хлеб в печь", макед. *блюдо* "круглая доска, на которой месят хлеб или едят", словин. *bluda* "глиняная миска", рус. диал. *блюда* "чаша", *блюдо* "блюдец", "тарелка, обычно глубокая", укр. *блюдо* "деревянная посуда для брынзы" и др. [13, с. 132–133]. Этимолог утверждает: «Слав. слово давно удовлетворительно объяснено как раннее заимствование из герм., ср. прежде всего гот. *biuþs*, род. п. *biudis* "стол", далее – др.-в.-н. *biutta* "дѣжа, квашня", "улей"», др.-англ. *bēod*, др.-в.-н. *beot*, *piot* "стол", "миска" [13, с. 134]. При этом О. Н. Трубочёв отвергает версии об исконно славянском происхождении лексемы *блюдо* а) С. П. Обнорского, полагающего, что славянское **bl'udo* из герм. *biud-* развиться не могло; б) Г. А. Ильинского, по мнению которого германские и славянские слова родственны и восходят к и.-е. **bheut-* "надыматься, быть овальным"; в) Стефана Младенова (свободно говорил на 18-ти языках), выступающего за родство исследуемых слов; г) М. Н. Петерсона, который считает слова родственными и выводит их из и.-е. **bheut-* "бить, рубить"; д) В. В. Мартынова, специалиста в области славяно-германских лексических взаимодействий, предлагающего идею обратного проникновения: из праславянского в прагерманский; е) и других исследователей. Научный интерес представляет сама идея, по которой О. Н. Трубочёв не принимает версии об исконно славянском происхождении слова: «...наиболее очевидным остаётся происхождение герм. *biud-* "стол", "миска" от герм. глагола *biudan* "предлагать", "подавать", тогда как привлекаемое для объяснения слав. **bl'udo* некоторыми исследователями вплоть до последнего времени слав. **bl'usti*, **bl'udǫ* (см.) едва ли когда-либо подходило как исходная глагольная база для нашего имени, поскольку **bl'usti* неизменно сохраняло и.-е. функцию глагола абстрактного, морального значения "хранить, оберегать"» [13, с.135].

Семантика "хранить, оберегать" как раз лежит в основе этимологизации лексемы *блюдо* П. Я. Черных: «Согласно традиционному в этимологических словарях объяснению, о.-с. **bljudo* (:**bljudǫ* : *bljuda*) заимствовано из готского. В действительности же могло быть иначе: и германское (готское), и славянское слова могли быть параллельно возникшими образованиями от одного и того же и.-е. корня **bheudh-*, выразившего знач. "беречь", "хранить", "соблюдать"» [10, т. I, с. 97]. «Эта точка зрения была достаточно ясно изложена уже Срезневским, утверждавшим, что слово «может быть отнесено к числу древних остатков общей собственности многих языков» [10, т. I, с. 97]. Заметим, что семантика слова в индоевропейских языках вполне согласуется с исходным значением "беречь / хранить / соблюдать", из которого развивается значение "вместилище, в том числе для хранения", например: др.-в.-н. *biutta* "дѣжа, квашня", "улей"», рус. диал. *блюда* "чаша", укр. *блюдо* "деревянная посуда для брынзы" [13], др.-рус. *блюдо* "корзина", исл. *vjod* поэт. "поднос", разг. "деревянный ящик для лесо" [10].

Мы согласны с П. Я. Черных и считаем, что исходное значение было «предлагать», «подавать», а именно «беречь / хранить / соблюдать», первично связанное не с моральными представлениями, а с предметными. На самых ранних ступенях развития общества важно было беречь племя, детей, огонь (очаг), пищу (ягоды, грибы, растения, тушки животных) – словом, всё, что поддерживало и сохраняло жизнь древнему человеку. Сказанное вполне обоснованно представлено в исследовании Ю. В. Монича [6]. Вероятность исконно славянского происхож-

дения слова *блюдо* поддерживается А. Е. Аникиным [1, вып. 3, с. 272], А. К. Шапошниковым [12, с. 68] и Г. П. Цыганенко [9, с. 35].

Итак, анализ этимологических словарей и этимологизация общеупотребительной лексемы *блюдо* показали, что 1) при определении происхождения слов следует использовать авторитетные этимологические словари, которые привлекают обширный фактический материал, представляют разные версии и обоснованно выбирают одну из них; 2) иногда этимологи не приходят к однозначному решению и приходится считаться с несколькими версиями; 3) этимологический анализ лексемы *блюдо* ещё раз показал, что его результатом является не только определение происхождения слова, но и реконструкция историко-культурного контекста, вот почему через этимологизацию, через извлечение из слов историко-культурной информации мы приобщаемся к языку, истории и культуре Отечества.

Список литературы

1. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 3 (бе – болдыхать) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 344 с.
2. Варбот Ж. Ж. Этимологический симпозиум «Этимологическое исследование старославянского языка в славянской, индоевропейской и общелингвистической перспективе» // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 146–149.
3. Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации. URL: https://mosmetod.ru/files/ruslit/conceptcia_rus_lit.pdf (дата обращения: 20.01.2023).
4. Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Полиграфуслуги, 2005. 432 с.
5. Куркина Л. В., Варбот Ж. Ж. Международный симпозиум «Славянская этимология сегодня» // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 149–153.
6. Мониц Ю. В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 97–120.
7. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М. : ГИС, 1959. Т. 1–2.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973. Т. I–IV.
9. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Киев : Рад. школа, 1989. 512 с.
10. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1994. Т. 1–2.
11. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 1994. 400 с.
12. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : ФЛИНТА : Наука, 2010. Т. 1. 584 с.
13. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 2 (*bez – *bratrъ). Праг-славянский лексический фонд /АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1974. 238 с.

Информация об авторе: *Кезина Светлана Владимировна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СБЛИЖЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ТИПОВ И ВАРИАНТОВ СКЛОНЕНИЯ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Я. А. Киндаева

г. Пенза, Россия
yana.kindaeva@gmail.com

Аннотация. Рассматривается сближение типов и вариантов склонения имён существительных в истории русского языка на примере древнерусского памятника письменности «Слово о полку Игореве». Описываются причины, особенности и модели взаимовлияния древнерусских типов и вариантов склонений в произведении, написанном церковнославянским языком древнерусской редакции.

Ключевые слова: древнерусские типы склонения, варианты склонения, сближение типов и вариантов склонения, падежно-числовая форма, «неправильные» словоформы имён существительных

Для цитирования: Киндаева Я. А. Сближение древнерусских типов и вариантов склонения в «Слове о полку Игореве» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 220–223.

Формирование современной системы склонения происходило на протяжении многовековой истории русского языка за счёт унификации шести древнерусских типов склонения. В многотипности древнерусской системы склонения была заложена основа для её ликвидации: в ней был чётко выражен показатель рода – флексия. Род – основной фактор, изменивший многотипную систему склонения.

Процесс сближения различных типов склонения в древнерусском языке ярко отразился в оригинальных памятниках письменности, в том числе в одном из самых ярких произведений Древней Руси – «Слове о полку Игореве». Кроме того, что памятник имеет огромное историко-культурное значение, он является ценнейшим источником языковых фактов последней четверти XII века.

Чтобы увидеть живые изменения в древнерусской системе склонения, нами был проанализирован текст Слова. Методом сплошной выборки мы получили 1031 словоформу и определили, что 108 словоформ не являются исконными. Эти 108 словоформ участвовали в живом процессе сближения древнерусских типов склонения. Рассмотрим их.

Наиболее многочисленную группу представляют «неправильные» словоформы ИС с основами на *-ō, -jō (82 словоформы). Среди причин «неправильности» данных форм отмечаем а) раннее сближение с другими типами склонения, б) взаимодействие твёрдого и мягкого вариантов внутри типа склонения на *-ō, -jō, в) развитие категории одушевлённости [1, с. 185].

Наибольшее количество примеров сближения ИС находим в группе, отразившей взаимовлияние типов склонений на *-ō, -jō и *-ŭ. В тексте древнерусского памятника встречаются словоформы, репрезентирующие влияние *-ŭ на *-ō, -jō: (о) пълку (М. п. ед. ч.) вместо (о) пълцѣ, (10)соколовь (Р. п. мн. ч.) вместо (10) соколь, Дону (Р. п. ед. ч.) вместо Дона, Игоревѣ (Д. п. ед. ч.) вместо Игорю, дятлове (И. п. мн. ч.) вместо дятли и др. (26 примеров из 82). Выявлены также примеры изменения ИС с древней основой на *-ŭ под влиянием основ на *-ō, -jō (их 2): сыну (Д. п. ед. ч.) вместо сынови, сыны (Т. п. мн. ч.) вместо сынъми. Анализ подтверждает, что тип склонения с основой на *-ŭ рано стал разрушаться в силу сво-

ей немногочисленности. Особенно часто сближение *-й и *-ё, -јѥ отмечено в форме Р. п. ед. ч. (11 примеров) и Р. п. мн. ч. (4). В результате исторического сближения в современном русском языке у существительных м. р. в Р. п. ед. ч. и Р. п. мн. ч. имеют место вариантные окончания, восходящие к разным древнерусским типам склонения, среди которых *-ё, -јѥ и *-й.

Среди ИС с древней основой на *-ё, -јѥ отдельно стоит выделить группу слов, отражающих объединение И. и В. п. мн. ч. Таких словоформ в тексте древнерусского памятника письменности 18: 14 из них показывают влияние И. п. мн. ч. на В. п. мн. ч., а 5 – влияние В. п. мн. ч. на И. п. мн. ч. В тексте «Слова...» находим, например, словоформы: комони (В. п. мн. ч.) вместо комонѣ («сѣдлай...свои бръзьи комони»), гради (В. п. мн. ч.) вместо грады («...гради подѣлиша») – под влиянием И. п. мн. ч., яругы (И. п. мн. ч.) вместо яруги («яругы имь знаеми») и др. Заметим, что в твёрдой разновидности склонения форма В. п. вытесняет форму И. п., а в мягкой разновидности, наоборот, форма И. п. возобладала над В. п. Например: рускыя плъкы отступиша...[3] (неисконное –ы в И. п. у ИС твёрдого варианта склонения на *-ё, -јѥ возникло под влиянием В. п.) и ...лелѣючи корабли...[3] (неисконное –и в В. п. у ИС мягкой разновидности склонения на *-ё, -јѥ возникло под влиянием И. п.).

В «Слове о полку Игореве» находим различные примеры (их 15) сближения вариантов склонения на *-ё, -јѥ. Сближение это имело двусторонний характер. Твёрдый вариант влиял на мягкий: например, (въ) Путивлѣ (М. п. ед. ч.) вместо (въ) Путивли, (въ) полѣ (М. п. ед. ч.) вместо (въ) поли, (между)иноходцы (Т. п. мн. ч.) вместо (между) иноходци и др. (14 примеров). С другой стороны, мягкая разновидность влияла на твёрдую: плъки (Т. п. мн. ч.) вместо плъкы. Заметим, что такой пример в тексте только один. Таким образом, приведённые примеры подтверждают, что твёрдая разновидность основ на *-ё, -јѥ в процессе сближения вариантов склонения была доминантной.

Взаимодействие твёрдой и мягкой разновидностей склонения на *-ё, -јѥ затронуло также формы двойственного числа именительного падежа. В Слове 3 примера такого влияния: (два) солнца вместо (два) солнци, сердца вместо сердци, мѣсяца вместо мѣсяца.

Следующей по численности неправильных словоформ является группа ИС, отразивших развитие категории одушевлённости. Формой выражения категории одушевлённости стал винительный падеж: при обозначении одушевлённых предметов форма родительного падежа стала использоваться в значении винительного. Предполагают, что начало этого процесса относится к праславянской эпохе, а проходил он в течение нескольких столетий. Примеров, иллюстрирующих форму В. п. ед. ч. = Р. п. ед. ч. у ИС м.р., в тексте «Слова о полку Игореве» обнаружено 16: брата вместо братъ, Всеволода вместо Всеволодь («Игорь ждетъ мила брата Всеволода»), Бориса вместо Борисъ («Бориса же ...на судъ приведе»), Кобяка вместо Кобякъ («...поганаго Кобяка... выторже»), князя вместо князь («...кають князя Игоря») и др. Слова данной группы иллюстрируют ранний этап развития категории одушевлённости, поэтому почти все они являются именами собственными со значением лица [2, с. 272]. В то же время наблюдается влияние Р. п. на В.п. у нарицательных ИС м.р. ед.ч. со значением лица, которые стоят «рядом» с именами собственными (брата Всеволода, князя Игоря).

Особую группу слов представляют ИС ср. р., испытывавшие живое влияние ИС м. р. (их 3): стады (И. п. мн. ч.) вместо стада, озера (В. п. мн. ч.) вместо озера (нач. ф. озеро), (чрезъ) облакы (В. п. мн. ч.) вместо (чрезъ) облака (нач. ф. облако). Результаты такого влияния не утвердились в истории русского языка.

Единичный пример в тексте «Слова о полку Игореве» среди ИС типа склонения на *-ё, -јѥ иллюстрирует процесс утраты звательной формы: «...и тебѣ,

тмутораканьский бльвань». Здесь И. п. вытесняет Зв. п. (бльвань вместо бльване).

Итак, «Слово о полку Игореве» показывает, что склонение на *-ǫ, -jǫ является самым многочисленным по количеству представляющих его «неправильных» словоформ.

Второй по численности «неправильных» форм является группа ИС, относящихся к типу склонения на *-ā, -jā (25 словоформ). Твёрдая и мягкая разновидности сближались, утрачивая различия в окончаниях падежных форм «при сохранении различного качества конечных согласных основы» [2, с. 281]. Взаимодействие разновидностей склонения на *-ā, -jā затронуло формы и ед. ч., и мн. ч. Под воздействием твёрдого варианта изменились, например, следующие формы: япончицами (Т. п. мн. ч.) вместо япончицями, лжу (В. п. ед. ч.) вместо лжую, птицъ (Р. п. мн. ч.) вместо птиць, галици (И. п. мн. ч.) вместо галицѣ и др. (всего 20 примеров). Мягкий вариант склонения также влиял на твёрдый: славѣ (Р. п. ед. ч.) вместо славы, ладѣ (Р. п. ед. ч.) вместо лады, жажду (Т. п. ед. ч.) вместо жаждою и др. (всего 5 примеров). Анализ показал, что влияние твёрдой разновидности на мягкую преобладает. Известно, что именно твёрдый вариант склонения на *-ā, -jā стал основой для современного первого склонения.

Среди ИС на *-ī в «Слове о полку Игореве» только одно имеет неисконную форму («путь»). Из истории языка мы знаем, что ИС мужского рода на *-ī попали под влияние склонения на *-ǫ, -jǫ и стали склоняться по этому типу. Слово «путь» в истории русского языка сохранило старые падежные формы, но в тексте «Слова...» есть пример неправильной формы как следствия влияния склонения на *-ǫ, -jǫ: в И. п. мн. ч. встречаем пути вместо путие («...пути имь вѣдоми...»).

Таким образом, «Слово о полку Игореве» ярко иллюстрирует процесс сближения склонений древнерусского языка. Текст литературного памятника отразил в основном неисконные формы типов склонений на *-ā, -jā, *-ǫ, -jǫ и *-ǫ̃, -jǫ̃, которые сформировали современную парадигму словоизменения ИС. В «Слове о полку Игореве» представлены следующие основные направления унификации системы склонения: сближение типов склонений на *-ǫ, -jǫ и *-ǫ̃, -jǫ̃; сближение твёрдого и мягкого вариантов внутри склонений на *-ā, -jā и *-ǫ, -jǫ, а также сближение падежно-числовых форм внутри одного типа склонения, связанное с развитием категории одушевлённости.

Анализ системы склонения ИС, представленной в «Слове о полку Игореве», позволил сделать следующие выводы:

1. В тексте древнерусского памятника отражены 108 «неправильных» словоформ, репрезентирующих сближение древнерусских типов склонения. Сближение затронуло больше всего ИС основой на *-ǫ, -jǫ (82 словоформы) и на *-ā, -jā (25).

2. Взаимодействие твёрдого и мягкого вариантов склонения испытали ИС основой на *-ā, -jā (25 словоформ) и *-ǫ, -jǫ (15).

3. Сближение осуществлялось также в результате развития категории одушевлённости (16 словоформ).

Итак, «Слово о полку Игореве» показывает, что процесс формирования современной системы склонения имён существительных происходил в живом древнерусском языке последней четверти XII века.

Список литературы

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., стер. М. : КомКнига, 2006. 512 с.
2. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка : учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1983. 399 с.

3. Слово о полку Игореве / вступит. статья и подготовка древнерус. текста Д. Лихачёва ; сост. и коммент. Л. Дмитриева. М. : Худож. лит., 1983. 222 с.

4. ФЭБ: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». URL: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/> (дата обращения: 23.01.2023).

Информация об авторе: *Киндаева Яна Александровна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СТАРОСЛАВЯНИЗМЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

С. В. Кувшинова

г. Пенза, Россия

serafima_kuvshinova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются генетические старославянизмы в тексте «Слова о полку Игореве». Обобщены фонетические признаки слов южнославянского происхождения. Определены стилистические функции болгаризмов: придание содержанию торжественности, характеристика предметов феодального обихода, описание образов русских князей и воинов, создание поэтики древнерусского произведения.

Ключевые слова: церковнославянский язык, старославянская лексика, генетические старославянизмы, стилистическая функция

Для цитирования: Кувшинова С. В. Генетические старославянизмы в «Слове о полку Игореве» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 223–225.

«Слово о полку Игореве» – величайший памятник древнерусской литературы. Время написания произведения, «проникнутого самой нежною и самой сильною любовью к Родине, овеянного теплотою лирического чувства и скрепленного пафосом гражданственности» [2, с. 3], исследователи относят к концу XII века (1194–1196 гг.).

«Слово о полку Игореве» написано церковнославянским литературным языком древнерусской редакции. Поэтому влияние старославянского языка на язык древнерусского произведения значительно прежде всего в грамматике. Но и в лексике это влияние тоже имеет место. По нашим подсчётам, в тексте «Слова о полку Игореве» около 900 знаменательных слов. Влияние старославянского языка в лексике выразилось в использовании в тексте произведения генетических старославянизмов – слов южнославянского происхождения с характерными приметами и славяно-русизмов – образований по старославянской словообразовательной модели от русских основ (от основ исконно русских слов, которые были развиты на основе индоевропейских корней и вошли в русский язык на определённом этапе его исторического развития).

Настоящее исследование посвящено генетическим старославянизмам. Перечислим признаки **генетических старославянизмов**, по которым производилась выборка лексем из «Слова о полку Игореве»:

1. Начальные а, е, ю, я на месте восточнославянских я, о, у, е (*агнец – ягнёнок, елень – олень, юдоль – удоль, яд, яства – еда*).

2. Сочетания ра, ла в начале слова перед согласным на месте русских ро, ло (*равный – ровный, ладья – лодка*).

3. Неполногласные сочетания на месте восточнославянских полногласных сочетаний (*град – город, млечный – молочный*). Неполногласные сочетания только тогда являются приметами южнославянских по происхождению слов, когда в восточнославянских языках (например, в русском) им соответствуют полногласные сочетания (*среда – середина*).

4. Жд на месте ж (*вождь – вожак*).

5. Щ на месте ч (*освещать – свеча*).

6. И на месте русского е перед *j* или йотированным гласным (*змий – змея*).

7. Отсутствие перехода е в о (ё) под ударением перед твёрдым согласным (*небо – нёбо, перст – напёрсток, крест – перекрёсток*).

8. Твёрдый з на месте русского з' (*польза – нельзя*) [бóльшая часть признаков представлена в: 1, с. 139].

В «Слове...» употребляется 58 лексических единиц, отличающихся старославянскими генетическими признаками. Среди них преобладают лексемы с неполногласными сочетаниями: *брань* «битва», *глава храбрыи, златъ, сребренъ, злаченый, младъ, преди, предъ, преднии, пламянь, вранъ, крамола, страна, время, древо, жребии, стрежаше, среди, чресь (чрезъ), власть, злато, златыи, облакъ, глаголати, скратишась, бръмя, кръсити, забрало, бръгъ, Владимиръ, врата, драгыи, преградити, обратитися, гласъ, славиш* и др. Вряд ли болгарские неполногласные соответствия свидетельствуют о «механической перелицовке» общепотребительных исконных слов, как полагает С. П. Обнорский [3, с. 191]. Более вероятным является предположение, что автор использует слова с неполногласными сочетаниями в стилистических целях.

Реже употреблялись лексемы с южнославянским жд, которому в древнерусском соответствует ж из *dj: *жажда, побъждати, дождь, нужда, Даждьбогъ, порождень, прихождаху, вижду*.

Менее частотными в употреблении оказались сочетания с щ на месте русского ч: *вѣщици, ношь, полуношь*.

В наименьшем количестве в памятнике письменности представлены слова, в которых начальному южнославянскому *e* соответствует русское *o*: *единъ*, а также *и* на месте русского *e* перед *j* или йотированным гласным: *ручиш* (русское *ручей*), *славиш* (русское *соловей*).

Стоит отметить, что количество старославянизмов не очень велико по сравнению с остальной лексикой (58 к 900 лексическим единицам, из которых 700 исконно русские).

Несмотря на свое незначительное количество, генетические старославянизмы активно выполняют в тексте «Слова о полку Игореве» важные стилистические функции, способствуя раскрытию авторского замысла: а) придают повествованию торжественное звучание («*съ вами, русици, хоцу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону*», «*въступи Игорь князь въ златъ стремянь*», «*чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка – храброму Святъславличю*», «*не было оно обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръныи воронъ, поганьи Половчине*», «*въступита, господина, въ злата стремянь за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича*»); б) характеризуют предметы феодального обихода (*златъ столъ, златъ стремянь, златъ шеломъ, злато слово, злато ожерелие, сребрено стружје*); в) создают образы князей и русских воинов («*начяши князи ... сами на себѣ крамолу ковати, а поганьи съ встѣхъ стран прихождаху съ побѣдами на землю Рускую*»; об Игоре и Всеволоде – «*Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести*

закалена»); о Святославе Киевском – «Тогда великии Святъславъ изрони **злато** слово слезами смъшено»); г) выступают в роли эпитетов, участвуют в создании метафор. Самым распространённым эпитетом является лексема **храбрый** (15 употреблений): «храброму Мстиславу», «храброму Святъславичю», «храбрии русичи», «храбра князя», «храбраго плъку», «храбрая сердца», «храбрая дружина», «храбрая мысль». Старославянизмы активно используются для создания метафорических образов, из которых текст древнерусского произведения буквально соткан: «**един** же изрони жемчюжну душу изъ **храбра** тѣла **чресь злато** ожерелие», «Ту Игорь князь **высѣдѣ** изъ **сѣдла злата**, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо **градом** забрали, а веселие пониче», «Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ **Бѣла-града**», «Уныша **цвѣты** жалобою, а **древо** с тугою къ земли прѣклонилося» и др.

Итак, использование генетических старославянизмов в «Слове о полку Игореве» свидетельствует, во-первых, об использовании лексики старославянского языка в русском литературном языке древнерусского периода, во-вторых, о значительных стилистических возможностях слов старославянского происхождения даже при таком ограниченном их количестве.

Список литературы

1. Демидова К. И., Зуева Т. А. Современный русский литературный язык : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2007. 320 с.
2. Слово о полку Игореве. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 161 с.
3. Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М. : ГУПИ Министерства просвещения РСФСР, 1960. 354 с.

Информация об авторе: *Кувшинова Серафима Владимировна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ИСТОРИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ **ОРАНЖЕВЫЙ** В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М. Н. Перфилова

г. Пенза, Россия
sovyshka2608@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается происхождение цветообозначения *оранжевый* в русском языке, его семантические изменения и приобретение свойств доминанты лексико-семантической группы оранжевого тона.

Ключевые слова: цветообозначение, лексико-семантическая группа, доминанта лексико-семантической группы, русская словообразовательная модель

Для цитирования: Перфилова М. Н. История цветообозначения *оранжевый* в русском языке // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 225–229.

В русском языке лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) оранжевого тона наряду с группами коричневого и фиолетового тонов относится к наиболее поздним по времени формирования. Анализ разнотипных источников показывает,

что в ней в течение длительного времени не могла определиться доминанта – главное цветное слово, которое концептуализирует многообразие оттенков определённого цвета [1, с. 11], а следовательно, не могли обозначиться границы ядра и периферии ЛСГ – важнейших компонентов, отвечающих за устойчивость, стабильность (ядро) и подвижность, динамику группы (периферия).

Упорядочивание группы оранжевого тона по аналогии с группами других тонов началось после возникновения к середине XVIII века цветного слова *оранжевый*. Оно образовалось суффиксальным способом от французского *orange* – «апельсин», начало письменной фиксации которого относится к первой четверти XVIII века. *Orange* является сокращением от сочетания *potte d'orange* (дословно – «апельсиновое яблоко»), образованного от итальянского слова *arancia* «апельсин» [13, с. 274], к которому восходит и слово *померанец*. Согласно распространённой версии, итальянское *arancio* произошло от латинского *aurum* – «золотой» [10], однако М. Фасмер относит его к персидско-арабскому *nāraŋj* и указывает на вероятное родство с древнеиндийским *nāraṅgas* «апельсиновое дерево» [9, с. 148].

Апельсин по сравнению с рядом других предметов (персик, медь, охра, огонь, абрикос и т.д.) стал настолько подходящим для определения эталона цвета, что русский язык включил его французское наименование в свою словообразовательную систему, создав от заимствованной основы новое цветообозначение при помощи суффикса -ев-, известного ещё с периода существования праславянского языка. Обращает на себя внимание тот факт, что к заимствованной основе присоединился суффикс, обычно добавлявшийся к славянской основе на *i как позиционный вариант суффикса -ов- [11, вып. 1, с. 42] и предполагавший мягкость предшествующего согласного. В русском языке звук [ж] перестал быть мягким уже в XIV веке [4, с. 152], поэтому, вероятно, на присоединение суффикса -ев- оказало влияние французское произношение, смягчающее согласный.

С точки зрения семантики колоратив *оранжевый* в истории претерпел незначительные изменения. В «Словаре русского языка XVIII в.» у него отмечались значения «относящийся к апельсиновому дереву, апельсиновый», «приготовленный из апельсинов, с использованием апельсинов» и «жёлто-красноватый, цвета апельсина» [7, вып. 17, с. 64]. В «Словаре современного русского языка» и «Большом академическом словаре русского языка» у цветообозначения отмечена только сема «один из основных цветов солнечного спектра, средний между красным и жёлтым; жёлтый с красным оттенком, цвета апельсина» [8, вып. 8, с. 994; 3, вып. 14, с. 78]. Таким образом, колоратив на этапе современного русского языка утратил нецветовые семы, указывающие на отнесённость к апельсинам. Это способствовало развитию абстрактности его значения – одного из главных условий того, что цветообозначение *оранжевый* стало доминантным в своей ЛСГ: оно приобрело способность наиболее общим образом именовать многообразные оттенки оранжевого цвета. Данный факт повлиял на то, что имеющиеся синонимы для обозначения оранжевого цвета были вытеснены на периферию, а некоторые из них претерпели процесс устаревания (например, *жаркой, рудожёлтый, редрый, сонцоватый*).

Помимо абстрактности значения колоратив *оранжевый* со временем приобрёл и других черты, которыми обычно обладают доминанты ЛСГ:

1) устойчивость. Несмотря на то, что колоратив возник достаточно поздно по сравнению с доминантами в других ЛСГ, он также отличается высокой степенью устойчивости, поскольку существует уже несколько веков и до сих пор не был вытеснен каким-либо другим колоративом;

2) частотность употребления. В отличие от доминант других ЛСГ, колоратив *оранжевый* является вторым по частотности среди цветообозначений своей группы: на первом месте по причине более раннего возникновения находится колоратив *рыжий* [12];

3) словообразовательная активность. Как показывают данные исторических словарей, поначалу словообразовательная активность цветолексема *оранжевый* сводилась к её включению в цветообозначения-композиции – прилагательные, передающие сложные оттенки цвета (использовался морфологический способ соединения основ слов): *бледно-оранжевый*, *нежно-оранжевый*, *огненно-оранжевый*, *оранжево-рыжий*, *тёмно-оранжевый*, *ярко-оранжевый* и др. Однако по мере приобретения черт доминанты колоратив стал самостоятельно производить слова других частей речи, аналоги которых можно найти в других ЛСГ. Так, в «Большом академическом словаре русского языка» зафиксировано слово *оранжевость*, образованное от прилагательного *оранжевый* суффиксальным способом при помощи старославянского по происхождению суффикса -ость. Оно имеет семантику «свойство по знач. прил. *оранжевый*», то есть абстрактное значение оранжевого цвета [3, т. 14, с. 78]. В этом же словаре зафиксирован глагол *оранжеветь* со значением «становиться оранжевым» [3, т. 14, с. 77], образованный от имени прилагательного суффиксальным способом по модели со словообразовательным значением «приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным» [6, с. 344]. Имена существительные с абстрактным значением цвета и глаголы со значением приобретения цвета в русской цветовой лексике традиционно образуются от доминантных колоративов (для сравнения в ЛСГ других тонов: *красный* → *краснота*, *краснеть*; *зелёный* → *зелень*, *зеленеть*; *синий* → *синева*, *синеть*; *белый* → *белизна*, *белеть* и т.д.). В целом приобретённая относительно недавно способность ЦО *оранжевый* производить слова других частей речи подобно доминантам других групп свидетельствует о выходе ЛСГ оранжевого тона на новый уровень развития, приближающий её к более древним по времени формированию группам;

4) широкая сочетаемость. Благодаря приобретению абстрактности значения цветолексема *оранжевый* постепенно расширяет свою сочетаемость. Среди основных денотативных областей, в которых она используется, можно отметить «растения», «животные», «ткани», «природные явления» и т.д.;

5) исконно русское происхождение. Как и доминанты ЛСГ других тонов, колоратив *оранжевый* является исконно русским по происхождению, так как образован по русской словообразовательной модели, хоть и от заимствованной основы (как, например, цветолексема *фиолетовый*, ставшая доминантой в ЛСГ фиолетового тона). Отметим, что заимствованные основы для наименования оранжевого цвета используются в славянских языках в целом: для обозначения этого цвета не было общеславянского имени [2, с. 235], что напрямую связано с поздним формированием ЛСГ оранжевого тона;

б) включение в устойчивые, в том числе терминологические, сочетания. Согласно исследованию Н. Б. Бахилиной, колоратив *оранжевый* изначально был книжным и использовался, в частности, в научных трудах для описания изучаемых предметов и явлений [2, с. 240]. Позднее он вошёл в разговорную речь, поскольку обладал потенциалом к развитию абстрактности. В современном русском языке цветолексема *оранжевый* продолжает использоваться в научной сфере и входит в состав устойчивых сочетаний: *метиловый* / *ксиленоловый* / *катионный* / *акридиновый* / *тиозоловый* *оранжевый* (разновидности индикаторов в аналитической химии), *оранжевая бротула* (вид глубоководной рыбы), *оранжевый дартер* (вид пресноводной рыбы-брызгуна), *оранжевый карлик* (разновидность субзвёзд-

ного объекта), *оранжевый личинкоед* (вид тропической птицы), *оранжевая революция* (серия гражданских протестов, имеющая целью смену действующей власти) и т.д. Исследователи Е. Н. Лагузова и Е. Н. Мартынова отмечают также развитие «сигнальных» значений, которые реализуются колоративом в устойчивых сочетаниях: «К устойчивым выражениям, включающим «сигнальное» значение прилагательного *оранжевый*, относятся выражения «*оранжевый*» *уровень опасности* – ‘второй по уровню опасности после красного’; *оранжевая книга* – ‘основной документ, который устанавливает критерии и правила оценки защищённости компьютерных систем’; ‘неофициальное издание нескольких публикаций’; *оранжевые жилеты* – ‘сигнальные жилеты’. На основе метонимического переноса значения у данного выражения появились дополнительные значения: ‘гастарбайтеры’, ‘работники коммунальных служб’, ‘работники городского транспорта’. Выражение *оранжевая нить*, означавшее всегда защиту от злого умысла, приобрело дополнительное значение в контексте всероссийской акции 2021 года, главным атрибутом которой стала *оранжевая нить* – ‘символ объединения и победы над пандемией’» [5, с. 446].

Исследование истории цветообозначения *оранжевый* показало его уникальность, которая заключается не только в том, что на укрепление его позиции в целом в русском языке и в частности в ЛСГ оранжевого тона повлияли как интралингвистические (абстрактность значения, частотность, широкая сочетаемость и т.д.), так и экстралингвистические факторы (импортирование и широкое распространение апельсинов позволили сделать предмет-эталон цвета общедоступным для русскоязычного населения). Уникальным является то, что колоратив *оранжевый* смог стать доминантой несмотря на позднее время возникновения. Благодаря его развитию мы можем наблюдать семантические и словообразовательные процессы, которые происходили в далёком прошлом с доминантами других ЛСГ.

Список литературы

1. Алымова Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. СПб., 2007. 268 с.
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М. : Наука, 1975. 286 с.
3. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. Л. И. Балахонова. М. : Наука ; СПб. : Наука, 2004–2019.
4. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., стер. М. : КомКнига, 2006. 512 с.
5. Лагузова Е. Н., Мартынова Е. Н. Устойчивые выражения с цветовым прилагательным *оранжевый* в русском языке XXI века // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7, № 4. С. 440–447.
6. Русская грамматика АН СССР : в 2 т. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.
7. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. Ю. С. Сорокин. Л. ; СПб. : Наука, 1984–2015.
8. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. М. Чернышев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. и доп. О. Н. Трубачёва. М. : Прогресс, 1986.
10. Этимологический словарь итальянского языка Отторино Пианиджани. URL: <https://www.etimo.it/?cmd=id&id=1204&md=7a2963eb3de63f1ab4daa85cb4461b18> (дата обращения: 25.02.2023).
11. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. О. Н. Трубачёва. М. : Наука, 1974–2003.
12. A Frequency Dictionary of Russian: Core Vocabulary for Learners. 2013. 400 p.

13. Gamillscheg E. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1929. P. 274. URL: <https://archive.org/details/etymologischesw00krgoog/page/n283/mode/2up> (дата обращения: 25.02.2023).

Информация об авторе: *Перфилова Мария Николаевна*, кандидат филологических наук, документовед кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СЛАВЯНО-РУСИЗМЫ В СОСТАВЕ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ (ПО РУКОПИСЯМ X–XI ВВ.)»)

К. А. Почивалова

г. Пенза, Россия
pochivalovaxenia@yandex.ru

Аннотация. На материале «Старославянского словаря (по рукописям X–XI вв.)» рассматриваются продуктивные и непродуктивные старославянские словообразовательные модели, при помощи которых осуществлялись переводы с богослужебной литературы и которые продолжают активно использоваться в русском языке для образования новых слов – славяно-русизмов.

Ключевые слова: старославянский язык, старославянская лексика, старославянская словообразовательная модель, славяно-русизмы

Для цитирования: Почивалова К. А. Славяно-русизмы в составе старославянской лексики (на материале «Старославянского словаря (по рукописям X–XI в.)») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 229–231.

Старославянский язык сыграл важную роль в формировании и развитии славянских литературных языков. Однако его словарный состав до сих пор остается малоизученным. «Старославянскими называют слова, встречающиеся в старославянских памятниках письменности (обычно X–XI вв.)» [1, с. 193].

Лексика древнейших переводов неоднородна по происхождению. Г. А. Хабургаев отмечает: «Около половины старославянского словаря составляет лексика, по происхождению непосредственно связанная с живой славянской речью эпохи первых переводчиков» [3, с. 112]. По мнению Хабургаева, в большинстве случаев слова имеют праславянское происхождение: «К этому же слою старославянского словаря следует отнести и собственно диалектную лексику, известную только южно-славянским говорам <...> и западно-славянским говорам. <...> По преимуществу это лексика, хотя и диалектная, но праславянского происхождения. В эту же группу входят и заимствования, подобные южнославянским грецизмам <...>, восходящим не к языку оригиналов, а к словарю тех южнославянских диалектов, которые непосредственно соприкасались с греческими» [3, с. 113]. Эта иная группа заимствований, представленная грецизмами оригиналов, оставленными без перевода, составляет от 15 до 20 % всего словарного состава сохранившихся текстов.

Нас интересует состав и объём в старославянских памятниках генетических старославянизмов (болгаризмов – слов с южнославянскими фонетическими

приметами) и славяно-русизмов – слов, образованных по старославянской словообразовательной модели от русской основы (под русской основой мы понимаем основу слов, унаследованных русским языком в порядке непрерывной традиции индоевропейского языка-основы). По мнению В. В. Виноградова, старославянизмы и славяно-русизмы взаимно дополняли друг друга, образуя в целом старославянскую лексику. «В истории русского языка понятие старославянизма должно быть дополнено более широким понятием литературного или книжного славяно-русизма древнейшей формации. В самом деле, старославянизмы меняли свой стилистический облик и свои семантические функции, становясь элементами древнерусского литературного языка, его книжно-славянского типа. Они скрещивались с русизмами» [2, с. 94]. «Можно думать, что старославянизмы, вливаясь в речь не только древнерусского духовенства, но и других грамотных слоёв древнерусского общества, здесь создавали модели для образования новых из восточнославянского лексического материала. Морфологические элементы, восходящие к старославянскому языку, могли вступать в новые сочетания с чисто русскими морфемами. Таким образом возникали разряды славяно-русизмов» [2, с. 95]. Если лексика старославянских переводов в большинстве случаев имеет праславянское происхождение [Хабургаев], о чём свидетельствуют старославянские памятники, то можно утверждать, что восточнославянский лексический материал уже в древнейших переводах активно использовался в «словотворчестве» переводчиков с греческого языка и славяно-русизмы появились задолго до образования русского литературного языка.

Материалом для настоящего исследования послужила лексика «Старославянского словаря (по рукописям X-XI веков)», в котором представлено около 10.000 старославянских слов из 18-ти старейших рукописей (17 из них – греческие). Мы проанализировали около 50 % словарного состава «Старославянского словаря (по рукописям X-XI веков)» и методом сплошной выборки получили 534 славяно-русизма.

Рассмотрим продуктивные словообразовательные модели старославянского языка, используемые при переводах с богослужебных книг на славянскую основу.

Наиболее продуктивной словообразовательной моделью для образования имен существительных является модель: «основа русского глагола + суффиксы *-ениј-, -ниј-*». По этой модели образовано **291** слово, что составляет 54% от числа проанализированных. Данный формант, по мнению Г. А. Хабургаева, «приобрел статус специфического показателя значения опредмеченного действия или его результата» [3, с. 122] (Балова-ние, забъв-енид, вельдарова-ниѣ «щедрое даяние», въплъщ-ение, говѣ-нид «набожность, благочестие», досажд-енид, жела-нид, избавл-енид, истрѣбл-енид, лихоима-нид «корыстолюбие», коуроглаш-енид «пение петухов» и др.).

Следующей по продуктивности моделью является модель образования сложных слов: «*благо-, бого-, добро-, зло-* + основа русского слова» (нами выявлено **118** слов, что составляет около 23% от проанализированного материала). Среди них наиболее частотной является модель с первой частью *благо-* (**50** примеров), далее: *бого-* (38), *добро-* (22) и *зло-* (8). Г.А. Хабургаев говорит о том, что «сложные имена обычно образовывались для обозначения различных качеств, свойств» [3, с. 116] (Благо-творити, благо-чинение, бого-видець, бого-сварьникъ «богоборец», добро-дѣс «делающий добро», добро-личьнь «красивый», зьло-творити, зьло-съмрътьнь «заслуживающий смерти, окаанный» и др.).

Суффиксы *-еств-* и *-ств-* оказались менее продуктивными (**73** примера, что составляет 13% от проанализированных слов). С помощью данных суффиксов

образованы названия отвлеченных понятий от именных основ (существительных или прилагательных) [3, с. 122]. Модель «русская именная основа + суффиксы *-еств-* и *-ств-*» представлена следующими примерами: братолюб-ств-о, велич-ств-о, воинь-ств-о, воєводь-ств-о, господь-ств-о, диаконь-ств-о, коварь-ств-о, крьстиань-ств-о, любодѣи-ств-о «прелюбодеяние», мьногобожь-ств-о и др.).

Рассматривая непродуктивные словообразовательные модели, мы пришли к следующим выводам.

К наименее частотным относится модель «основа русского глагола + суффикс *-тель-*» (15 слов), с помощью которой «образованы многочисленные названия деятелей (мужского рода)» [3, с. 119]. (законоучи-тель, защиты-тель, зьда-тель «создатель», избави-тель, исправи-тель «вождь», ицѣли-тель «врач, целитель», каза-тель «наставник», миродръжи-тель «владыка мира», мэчи-тель, обличи-тель и др.).

Отдельно следует отметить славяно-русизмы, включающие два словообразовательных средства старославянского происхождения (28 слов):

1) «первая часть *благо-, бого-, добро-, зло-* и суффиксы *-ениј-, -ниј-*» (18 слов: благо-вол-ѣние, благо-вѣщ-ѣние, благо-дар-ѣние, благо-извол-ѣние, благо-чин-ѣние, бого-бор-ѣние, бого-позна-ние, бого-словл-ѣние, добро-говѣ-нид, добро-сѣтвор-ѣнид и др.);

2) «первая часть *благо-, бого-, добро-, зло-* и суффиксы *-еств-, -ств-*» (9 слов: благо-вѣсть-ств-овати, благо-дарь-ств-ити, благо-дарь-ств-ивѣ, благо-дарь-ств-овати, благо-дарь-ств-ьнѣ, благо-словесь-ств-овати, бого-словесь-ств-овати, добро-род-ств-о, зьло-дѣи-ств-о);

3) «первая часть *благо-, бого-, добро-, зло-* и суффикс *-ость/-есть*»: богомѣдр-ост-ьнѣ. Как правило, словосложение, распространѣнное суффиксами, использовалось при калькировании. Позже словосложение из способа калькирования превращается в практике старославянских книжников в продуктивный способ словообразования с целью создания «неологизмов» – лексических эквивалентов слов греческого оригинала» [3, с. 116]. Вот почему трудно отделить словосложение как самостоятельный способ словообразования от калькирования.

Реже славяно-русизмы образуются при помощи суффиксов *-ость/-есть* (жалость), приставки *ис-* на месте русской *вы-* (ис-ходити, ис-хытити «вырвать, выхватить»), суффикса *-знь* (бол-знь «болезнь», боа-знь «боязнь, страх»).

Итак, к наиболее продуктивным старославянским словообразовательным моделям относятся следующие: «основа русского глагола + суффиксы *-ениј-, -ниј-*» (291 пример), «*благо-, бого-, добро-, зло-* + основа русского слова» (118), «русская именная основа + суффиксы *-еств-* и *-ств-*» (73). Менее продуктивными являются словообразовательные модели «*благо-, бого-, добро-, зло-* + основа русского слова + суффиксы *-ениј-, -ниј-, -еств-, -ств-, -ость/-есть*» (28) и «основа русского глагола + суффикс *-тель-*» (15). Единичны славяно-русизмы, образованные при помощи суффиксов *-ость/-есть*; приставки *ис-* на месте русской *вы-*; суффикса *-знь*. Важно, что перечисленные модели словообразования в подавляющем большинстве активно используются в современном русском языке.

Список литературы

1. Бондалетов В. Д., Самсонов Н. Г., Самсонова Л. Г. Старославянский язык : сб. упражнений / науч. ред. проф. В. Д. Бондалетов. М. : ФЛИНТА : Наука, 2000. 312 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. М. : Наука, 1978. 319 с.
3. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М. : Просвещение, 1986. 285 с.

Информация об авторе: Почивалова Ксения Алексеевна, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИМЕННИКА РУССКИХ КНЯЗЕЙ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Л. Т. Таирова

г. Пенза, Россия
li.tairova0219@gmail.com

Аннотация. Проводится анализ именника русских князей в «Слове о полку Игореве». Отмечается влияние антропонимов на выражение авторской мысли, создание историко-культурного контекста произведения и дальнейшее развитие темы единства Руси в литературе.

Ключевые слова: антропоним, именник русских князей, историко-культурный контекст, образы русских князей

Для цитирования: Таирова Л. Т. Историко-культурная значимость именника русских князей в «Слове о полку Игореве» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 232–236.

Древнерусская литература охватывает период с 11 по 17 века. В этом временном промежутке был создан исторический памятник «Слово о полку Игореве», произведение, проникнутое «самой нежною и самой сильною любовью к Родине, овеванное теплотою лирического чувства и скрепленное пафосом гражданственности» [3, с. 3]. По мнению многих литературоведов, именно с него начинается новый художественный этап развития истории древней русской литературы.

«Слово о полку Игореве» имеет колоссальное значение для понимания истории и культуры Древней Руси и оказывает большое влияние на определение дальнейшего пути развития русской литературы. Это величайший памятник древнерусской культуры, идейный замысел которого до сих пор остается актуальным. События, описанные в произведении, были типичны для своего времени и показаны на широком историческом фоне. Историко-культурный контекст «Слова о полку Игореве» воссоздается преимущественно с помощью системы его персонажей, а точнее – образов русских князей. Эти образы преследуют важную цель – пробудить национальное самосознание.

Русская культура XII века отмечена энергичным поступательным движением. Немногочисленные пока еще культурные центры становятся более многочисленными. Культура Руси развивается и крепнет, проникается народным духом и укрепляет свою самобытность. К этому периоду и относится «Слово о полку Игореве». По словам Д. С. Лихачёва, в «Слове...» достигли своего весеннего цветения лучшие стороны русской культуры. Оно рассматривается литературоведами как произведение, отражающее прогресс, отмеченный идейной борьбой за единство государства. «Слово...» описывает прошлое и настоящее одновременно, в том числе и посредством его именника, который отражает фрагмент русской истории на момент XI – последней четверти XII века.

При проведении выборки было установлено, что в целом именник «Слова о полку Игореве» состоит из 46 антропонимов, 28 из которых являются наименованиями русских князей. В тексте произведения встречаются следующие антропонимы: Игорь Святославич (Новгород-Северский), Ярослав Мудрый, Мстислав Храбрый (Тмутараканский), Роман Святославич (Тмутараканский), Владимир Святославич, Всеволод Святославич (Трубчевский), Святослав Игоревич, Олег

Игоревич, Владимир Всеволодович Мономах, Борис Вячеславович, Святополк Изяславич, Олег Гориславич (Черниговский, Тмутараканский), Святослав Всеволодович (Киевский), Ярослав Всеволодович (Черниговский), Владимир Игоревич (Путивльский), Рюрик Ростиславич, Давыд Ростиславич, Ярослав Владимирович Осмомысл (Галицкий), Ингварь Ярославич, Всеволод Ярославич, Изяслав Владимирович (Полоцкий), Брячислав Изяславич (Полоцкий), Всеслав Брячиславич (Полоцкий), Всеволод Ярославич (Киевский), Ростислав Всеволодович, Василько Святославич (Полоцкий), Святослав Ольгович (Черниговский). Таким образом, именно русских князей по большей части и составляют именник «Слова о полку Игореве».

В «Слове...» рассказывается о двух исторических временах – времени князей – «дедов» и времени их «внуков» [2, с. 81].

Основу текста представляет антитеза «старое время / старые князья – нынешнее время / нынешние князья». Таким образом, целесообразно рассмотреть следующий хронологический пласт, описанный в произведении, – XI–XII века.

К князьям-«дедам» отнесены «старый Владимир» и также названный «старым» Ярослав Мудрый. Кто такой «старый Владимир», неизвестно. По одной версии, отстаиваемой А. В. Соловьёвым, это Владимир I Святославич, креститель Руси. По другой версии, защищаемой Б. А. Рыбаковым, – это Владимир Всеволодович Мономах. Аргументы сторонников отождествления «старого Владимира» с Владимиром Святославичем представляются более убедительными. Владимир Мономах, в отличие от Владимира Святославича, не был предком Игоря. Он был родоначальником линии Мономаховичей, враждовавшей с Ольговичами, и потому торжественное упоминание «Почнемъ же, братие, повѣсть сию от стараго Владимира до нынѣшняго Игоря» едва ли может относиться к Мономаху.

Бесспорно, имя Мономаха упомянуто в «Слове...», но встречается лишь единожды, причем Мономах отнюдь не возвеличивается: «Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ», слыша звон славы своего соперника в борьбе за черниговский престол – Игореву деда Олега Святославича [2, с. 82].

Образ князя Олега Святославича также можно условно отнести к параллели «старое время / старые князья». Вражда потомства Олега – «ольговичей» – и потомства Мономаха – «мономаховичей» – наполняет своим шумом весь XII и первую половину XIII в. Олега Святославича автор «Слова о полку Игореве» прозвал Гориславичем, указав в нем одного из тех князей, от которых «сѣяшется и растяшеть усобицами» Русская земля [3, с. 13]. Характеристика князя-крамольника Олега Гориславича дана по преимуществу в освещении последствий его усобиц для всего русского народа. Характеризуется даже не он сам как личность, а его деятельность и последствия его деятельности. Именно он, Олег, положил начало сложному узлу усобиц, связанных с вотчинным правом Руси [4, с. 256].

Таким же зачинателем усобиц изображен и родоначальник полоцких князей – Всеслав Полоцкий. Весь текст «Слова...» о Всеславе представляет собою размышление о его злосчастной судьбе. Всеслав изображен в «Слове...» с осуждением и с теплотой лирического чувства: неприкаянный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, «вещий», но несчастный неудачник [3, с. 125]. Перед нами исключительно яркий образ князя периода феодальной раздробленности Руси.

В остальных русских князьях исследуемой параллели «старое время / старые князья» автор «Слова...» больше подчеркивает их положительные черты, чем отрицательные. Он гиперболизирует военные подвиги русских князей, их могущество, их славу. В этой гиперболизации автор выражает свои мечты о сильной власти на Руси, о военном могуществе русских князей. Владимир I Святославич так часто ходил в походы на врагов, что его нельзя было пригвоздить к горам

Киевским. Всеволод Суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор «Слова...» скорбит о том, что его нет на юге. Ярослав Галицкий подпер горы венгерские своими железными полками, загородил дорогу венгерскому королю, отворял Киеву ворота, стрелял в «салтанов» за землями. Эпоха же Олега и Всеслава («дедов») понимается в «Слове...» как время «первых усобиц», отголоски которых проступают в событиях, сопутствующих повествованию о «новом» времени [1, с. 162].

Начинать анализ параллели «нынешнее время / нынешние князья» стоит с образа главного героя произведения, князя Игоря Новгород-Северского. Игорь назван сыном Святослава и внуком воинственного Олега Святославича: «Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова». Игорь Святославич – сын эпохи. Это «средний» князь своего времени: храбрый, мужественный, в известной мере любящий родину, но безрассудный и недалководный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести родины [3, с. 124].

В образе Игоря Святославича подчеркнуто, что его поступки обусловлены в большей мере заблуждениями эпохи, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош. Но его деяния считаются плохими, потому что над ним господствуют предрассудки феодального общества и заблуждения эпохи [3, с. 124]. Вот почему, несмотря на видимую личную симпатию к князю Игорю, автор все же подчёркивает в герое не индивидуальное, а общее, что роднит его с другими подобными ему князьями, самолюбие и недалководность которых привели к междоусобной борьбе, раздорам и в конечном итоге к потере единства Руси как государства.

Почти двести лет, со времени принятия христианства, Русь не знала завоевательных походов. В 1185 году выступает в поход князь Игорь. Однако он, движимый тщеславием и гордыней, предпринимает поход не для обороны своего княжества, как прежние князья, а именно завоевательный, которому автор «Слова...» противопоставляет праведный поход Владимира Мономаха с целью защиты Русской земли, проводя тем самым еще одну историческую параллель [5, с. 279]. Стоит обратить внимание на то, какое влияние оказали результаты походов на судьбу самих князей: В 1111 году Владимир Мономах одержал блестящую победу над половцами в битве при Сальнице, и набеги половцев на Русь прекратились; Игорь Святославич проигрывает поход, обретает бесславие и попадает в плен, из которого ему удалось бежать.

В Древней Руси спасение Игоря из плена не могло рассматриваться иначе, как с помощью Бога. Князь осознает свой грех и приносит покаяние, отмеченное в летописи. Но произошедшее покаяние – это обретение Бога. И Господь выводит его из плена: «Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу» [5, с. 282]. Спасение князя Игоря и возвращение его на Русь автор превращает из локального, частного события в явление, исполненное глубокого общественно-исторического и даже космического значения [2, с. 75].

Проявленное князем раскаяние и смирение привели его и к примирению с Мономаховичами. Именно поэтому Игорь и направляется в Киев, в их Богородичную церковь. Здесь проявляется еще одна весьма значимая ретроспективная историческая аналогия:

а) смирение и примирение с Олегом Святославичем привело Владимира Мономаха на киевский великокняжеский престол;

б) смирение и примирение с Мономаховичами (Рюриком Ростиславичем и Владимиром Глебовичем) привело Игоря Святославича на княжеский Черниговский престол. Мир настал в Русской земле, потому-то и «страни ради, гради весели» [5, с. 282].

Игорь совершил поход на половцев вместе со своим братом Всеволодом Святославичем, князем Курским и Трубчевским. Авторская оценка героя в основном положительная. В «Слове о полку Игореве» подчёркивается, что Всеволода связывают с Игорем крепкие братские узы. «Одинъ, братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый – ты, Игорю!» – обращается он к брату. Автор подчёркивает героизм Всеволода: он с восхищением описывает, как сражается князь.

На поле битвы Всеволод Святославич проявляет исключительные силу и мужество [2, с. 68]. Однако следует еще раз отметить, что поход, в который Всеволод выступил вместе с Игорем, носил захватнический характер. Этот факт делает данного героя одним из виновников междоусобиц на Руси.

О том, что поход Игоря и Всеволода Святославичей бесславный, свидетельствует в «Слове...» и киевский князь Святослав, обращаясь к князьям: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити, а себе славы искати. Нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте» Одно дело, защищая свои земли, свое Отечество от набегов половцев, – тогда это будет честная битва; другое дело – уподобляясь им, делать такой же набег [5, с. 259].

Киевский князь Святослав Всеволодович в произведении изображается безукоризненным, безупречным положительным героем. Автор «Слова...» изображает его правителем всех земель русских. Это человек глубокого ума. В его уста поэт вложил мысль о том, во имя родины все распри и личные обиды должны быть забыты, а все русские силы должны быть объединены для борьбы с врагом.

Одна из самых характерных фигур эпохи, к которой обращается Святослав в «Златом слове», – Рюрик Ростиславич. Это был беспокойный и деятельный, по своему блестящий князь XII в. Предприимчивый и смелый, гостеприимный и запальчивый, «мудролюбивый» и непостоянный, Рюрик провел всю свою жизнь в походах и в феодальных распрях. Семь раз добивался он киевского «золотого стола» и дважды добровольно его уступал своим побежденным соперникам. Он был одним из образованнейших людей своего времени и обладателем закаленной в боях дружины. Его покровительству и инициативе обязаны мы составлением летописного свода 1200 г., сохранившего в своем составе киевскую летопись XII в. – одну из лучших по своим литературным достоинствам русских летописей, – богатую событиями, богатую по языку, полную деталями княжеского и дружинного быта – звоном оружия, честью и славой Руси.

Не менее интересен и другой князь, к которому обращается автор «Слова...» с призывом «прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти», – Всеволод Юрьевич Суздальский, по прозвищу «Большое Гнездо». Это был выдающийся политический деятель своего времени, один из самых сильных князей Руси XII–XIII вв. Всеволод вел неустанную борьбу с боярством за укрепление княжеской власти. Его боялись и слушались прочие русские князья: князья-соседи и князья далекой южной Руси. Он первым из владимирских князей принял титул «великого князя» и стремился утвердить за Владимиром Залесским значение центра Руси [3, с. 16].

Таким образом, слова «дед» и «внук» приобретают в «Слове...» особый смысл. Они служат не только устойчивым метафорическим выражением, обозначающим любых предков и потомков, но и знаком двух конкретных эпох, разделенных двумя поколениями и отстоящих друг от друга на расстоянии приблизительно одного века.

Подобно Ярославу Галицкому, прозванному за свой политический ум Осмомыслом, престол которого господствует над Венгрией и Киевом, откуда он

обозревает происходящее, автор «Слова...» видит Русь как бы с идеальной высоты [3, с. 121]. Отношение его к русским князьям двойственное: он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами, скорбя об их неудачах, но осуждает их эгоистическую политику и раздоры, их нежелание совместно защищать Русскую землю. Для выражения всего спектра эмоций, испытываемых автором, и раскрытия идеи произведения в ход повествования включается прием исторической аналогии, сопоставления «старого времени» с условным «нынешним».

В заключение скажем, что через именованных русских князей автор создаёт историко-культурный контекст произведения и раскрывает его главную мысль: без единения мира на Русской земле никогда не будет.

Список литературы

1. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». Вена : Wiener slawistischer almanach, 1984. 406 с.
2. Ранчин А. М. «Слово о полку Игореве». Путеводитель. СПб. : Нестор-История, 2019. 272 с.
3. Слово о полку Игореве. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 161 с.
4. Слово о полку Игореве. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 484 с.
5. Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М. : Согласие, 2020. 488 с.

Информация об авторе: *Таирова Лилия Толибовна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ОБРАЗЕ ОДНОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА

А. П. Василенко

г. Брянск, Россия
a.p.vasilenko@mail.ru

Аннотация. Находясь на пересечении разных кодов культуры, фразеологизм может варьировать изначально заложенное этносом своё культурное содержание, при этом наблюдается трансформация уже сложившегося представления о мире в связи с переходом фразеологизма в иную систему ценностей. В частности, речь идёт о фразеологизме *банановая республика*, о его гастрономическом и геополитическом коде культуры.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, гастрономический код культуры, геополитический код культуры, архетип

Для цитирования: Василенко А. П. Пересечение культурных кодов в образе одного фразеологизма // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 237–240.

Фразеология является одним из ярких пластов номинативного инвентаря языка, в которой, с точки зрения синхронно-диахронного обозрения, прослеживается жизненное многообразие народа. Устойчивые обороты языка пронизаны информацией – культурными кодами (об этом, например, [2, с. 218]), – являющиеся образным мировоззренческим ориентиром и образным поведенческим эталоном для носителя языка. Вся эта информация запечатлевается в образе фразеологизма.

Для примера рассмотрим оборот *банановая республика*, который содержит в себе очевидный гастрономический (собственно образ фразеологизма) и геополитический код культуры (экономические основания, способствовавшие возникновению данной номинации).

Банановая республика (букв: банановая республика) – небольшая зависимая страна тропического пояса, из английского *banana republic* [9, с. 41].

Данный фразеологический оборот получил свое распространение в видеорепортажах о развивающихся странах мира.

Прослеживается этимология оборота. По всей вероятности, структура впервые употребляется в сборнике рассказов известного американского писателя О. Генри «Король и капуста». Данный сборник вышел в свет в начале двадцатого столетия [8].

Банановая республика – это вымышленное название небольшого тропического государства. Бюджет государства строился, в основном, на экспорте фруктов. Прототипом для построения топонимического образа фразеологизма становится реально существующее государство – Гондурас, на территории которого писатель скрывался некоторое время от преследований техасских властей.

На сегодняшний день данный оборот является термином в области политической, экономической и географической деятельности человека. Под название «*банановая республика*» попадают небольшие страны, которые не обладают авто-

номией, достаточно зависимы от плантационного хозяйства. Экономика таких государств строится, в преобладающем большинстве случаев, на аграрной специализации, характеризуется высоким процентом экспортирования продуктов сельского хозяйства.

В оригинальных англоязычных лексикографических источниках под оборотом *banana republic* подразумевают следующее:

- «бедная коррумпированная небольшая страна, расположенная на территории Южной или Центральной Америки» [7];
- «зависимая, обычно расположенная в тропиках, небольшое государство» [3];
- «небольшая латиноамериканская страна, характеризующаяся политической нестабильностью; экономика этих стран находится в зависимости более влиятельных государств, подчинена иностранным интересам, направлена на экспорт продукции, например, бананов» [6].

Следует отметить довольно активное использование фразеологизма *банановая республика* в современных дискурсивных практиках. Так, в освещении политической жизни русскоязычные СМИ активно используют фразеологизм в заголовках статей, например: «С Россией остались только банановые республики» [5]; «Британия официально стала банановой республикой» [1]; «Россия – это не банановая республика: в Совфеде отреагировали на новые санкции США» [4].

Причем как из заголовков, так и содержания самих статей становится очевидно, что *банановая республика* – это сатирический образ не только южноамериканских и африканских государств, ориентированных на производство и экспорт сельскохозяйственной продукции. В семантике оборота реализуется потенциальное значение экономической и политической зависимости некоторых стран от более крупных и влиятельных игроков международной арены. *Банановая республика* – это очевидная субдоминантная роль на фоне активности доминантных ролей.

Поэтому полагаем, что структура образа фразеологизма складывается на выделении геополитического (компонент *республика*) и гастрономического понятий (компонент *банан*).

Адъективный компонент *банановый* напрямую связан с тем, как в определённой культуре относятся к данному продукту питания, от особенностей его непосредственного применения в пищу до специфических способов реализации в экономическом плане.

Являясь экзотизмом для одной культуры, *банан* становится абсолютно обыденным явлением в другой культуре. На широком применении в бытовом плане и строится представление о *банане* как о продукте легко добываемом, не требующем особого вложения труда, маркёром обыденности и, возможно, скудности из-за отсутствия возможности разнообразить гастрономический выбор.

Наличие подходящих климатических условий позволяет *банану* культивироваться в огромных количествах, что в семантическом плане может быть отражено в таких промышленно-производственных понятиях, как «примитивность», «незамысловатость», «доступность», «ограниченность», «ординарность».

Топонимическая реалья *банан*, являясь одновременно гастрономическим кодом культуры народов, где произрастает этот фрукт, выступает символизацией мира солнечного, яркого, теплого (ассоциация с желтым цветом) – климатическо-го пространства со своими сложившимися обычаями.

Кроме того, *банан* может быть воспринят как *casual-стиль* ввиду своей широкой распространенности на определенной территории (некоторые из них: Доминиканская Республика, Камерун, Коста-Рика, Никарагуа, Сальвадор, Сенегал, Шри-Ланка), агрономической (климатически обусловленной) неприхотливо-

сти. Отсюда – коннотативная семантика тривиальности, а также национальной необременённости в способах добывания этого продукта.

Во фразеологизме компоненту *banana* немалая роль отдается символике цвета как признаку солнечности, яркости, а также вкусовым признакам плода – сладости, – что может говорить о формировании положительной коннотативной семантики.

Формирование культурной пищевой традиции проходит на фоне формирования бытового уклада народа, а сама метафора *banana republic*, как кулинарно-гастрономический код, является прямым доказательством обыденности – с одной стороны, а с другой – жизненной важности. Жизненная важность обусловлена и сугубо национальной потребностью экспортировать данный фрукт в рамках сформировавшихся экономических факторов (торговля).

Данный дуалистический аспект гастрономического кода культуры в метафоре *banana republic* (а именно: использовать самим в пищу и делиться с другими) порождает связь с иной семиотической системой, наполненной иными смыслами, и в первую очередь, финансово-экономическими, – это геополитический код культуры.

Экономическая нестабильность регионов, называемым общим *banana republic*, формирует интерес в торгово-промышленной сфере у тех людей, которые способны контролировать рынок сбыта и осуществлять скоординированный товарооборот с учётом интересов сторон, участвующих в коммерческой сделке, а также оказывать определённую долю влияния на данные территории и формировать у них нужную линию поведения на мировой арене.

И уже с точки зрения геополитического кода культуры, метафора *banana republic* уже не содержит гастроэнтерологическую связь образа с национальной системой знаков. Происходит формирование противоположной семиотической системы, которая строится уже на основе утилитарности, рассмотрении *banana republic*, прежде всего, как сырьевой отрасли, ориентированной на экономическую целесообразность самого региона *banana republic*, и его субдоминантный характер (страны третьего мира).

Есть вероятность полагать, что в геополитическом коде культуре проявляется архетипическое осмысление мира в общей оппозиции *сильный – слабый*. Именно данная оппозиция является оценочной в контексте глобальной культуры, а сама метафора *banana republic* утрачивает положительную этническую коннотацию (выраженную в гастрономическом коде культуре), и реализует, скорее всего, саркастический подтекст (слабая республика наряду с сильными республиками) с точки зрения шкалирования геополитической значимости *banana republic* на мировой арене.

Таким образом, рассматривая фразеологизм *банановая республика* с точки зрения разных кодов культуры (гастрономического и геополитического), можно говорить о смещении изначального внутри территориального (гастрономического) акцентного поля в сферу вторичного (геополитического) восприятия роли объекта в системе общих территориальных ценностей.

Оборот *banana republic* со временем расширил свое значение. Фактически, за более чем вековую практику, оборот перешел из художественной литературы в современную публицистику и научные труды. Объясняется такой факт, прежде всего, сохранением как этнической реалий, так и приращением семантики межнациональной роли. Это тот случай, когда одним номинативным метафорическим образом можно первично определить статус государства, практически назвав его несостоявшимся, немощным и зависимым в экономическом плане, и, вторично – подчеркнуть главный промысел страны, сохранив этническую уникальность региона.

Список литературы

1. Британия официально стала банановой республикой // Иносми.ру. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180711/242721597.html> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. М. : Либроком, 2013. С. 218.
3. Комлев Н. Г. Определение банановой республики : онлайн-словарь иностранных слов. 2006. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-komlev/fc/slovar-193.htm#zag-202> (дата обращения: 09.02.2023).
4. Россия – не банановая республика. В Совфеде ответили на санкционные угрозы США // Федерал Пресс. URL: <https://fedpress.ru/news/77/policy/2150049> (дата обращения: 10.02.2023).
5. С Россией остались только банановые республики // Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru/blog/troitskiy/2347229-echo/> (дата обращения: 10.02.2023).
6. Definition of banana republic // Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/banana-republic> (дата обращения: 12.02.2023).
7. Definition of banana republic // Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/banana%20republic> (дата обращения: 12.02.2023).
8. Henry O. Origin of banana republic. Cabbages and Kings. Doubleday, 1904. P. 132. URL: https://books.google.de/books?id=6jpmSL2T0CoC&redir_esc=y (дата обращения: 09.02.2023).
9. Safire W. L. Safire's political dictionary. Oxford university press: Political Science, 2008. 862 p.

Информация об авторе: *Василенко Анатолий Петрович*, доктор филологических наук, профессор Института русской и романо-германской филологии Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского (г. Брянск, Россия).

СТАНДАРТНЫЕ ЗАМЕЩЕНИЯ ПОЗИЦИИ АРГУМЕНТА В КОНСТРУКЦИИ *ПОБЕДИТЬ В СЕБЕ X*

А. Н. Великий¹, Е. В. Ничипорчик²

^{1,2} г. Гомель, Республика Беларусь

¹ VELIKY@gsu.by

² evnich@gmail.com

Аннотация. Исследовано функционирование конструкции *победить в себе X* в русскоязычном текстовом пространстве. Выявлена ключевая роль местоименного компонента в элиминировании прямого значения глагола *победить*. Определены семантические классы слов, обозначающих феномены внутреннего мира человека и замещающих позиции аргумента в конструкции *победить в себе X*.

Ключевые слова: значение, конструкция, компонент, позиция, аргумент

Для цитирования: Великий А. Н., Ничипорчик Е. В. Стандартные замещения позиции аргумента в конструкции *победить в себе X* // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 240–245.

Для построения высказываний человек использует разного рода языковые единицы, в том числе и конструкции – неэлементарные по форме образования. Сторонники теории Грамматики конструкций считают, что конструкции и есть основные единицы языка, при этом под конструкцией понимается «языковое вы-

ражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [7, с. 19]. Согласно данной теории, конструкциями являются языковые единицы любого уровня (если они обладают формой и содержанием), их элементами могут быть и морфемы, и слова, и предложения [7, с. 19].

В центре нашего исследовательского внимания – конструкция *победить в себе X*. Ключевой компонент данной конструкции – глагол *победить*. В системе языка данный глагол является полисемантом. В толковых словарях фиксируются как минимум два значения глагола *победить*: 1) ‘нанести поражение противнику, выиграть бой, войну’; 2) (переносное) ‘преодолеть, превозмочь, побороть’ [9, с. 151; 6, с. 525].

Как известно, реализация любого из значений полисемантического слова детерминируется его сочетаемостью. Н. Н. Амосова в связи с этим замечает, что «совмещение в слове хотя бы двух значений автоматически превращает каждое из них в несвободное, контекстуально связанное» [1, с. 32]. Правда, степень семантической слитности сочетаний, в которых фиксируется слово, характеризующееся в системе языка многозначностью, порой различна [4; 5] и «указательный минимум», по терминологии Н. Н. Амосовой, необходимый для детерминации значения полисеманта, тоже может отличаться в различных семантических реализациях многозначного слова [1, с. 27–28]. Наблюдается эта закономерность и при анализе контекстуальных употреблений слова *победить*.

Значение, связываемое с победой кого-либо над кем-либо, реализуется в практически неограниченном количестве композиционных сочетаний типа *Петя победил Колю*. Заметим, однако, что реализация данного значения предопределяется замещением аргументных позиций (позиций, связываемых с семантической ролью агенса и пациенса) при глаголе *победить* словами с семой одушевленности или словами со значением совокупности лиц (*армия, команда* и т.п.) [8, с. 359]. Переносное значение глагола *победить* реализуется в иного рода условиях. Во фреймовой структуре *Y побеждает X* наблюдается так называемая «смена таксономического класса» [2] одного или двух аргументов, связываемых с семантическими ролями субъекта и объекта: *мы победили страх, чувство победило принципы*. Как видим, и здесь проявляется зависимость значения полисеманта от того, наименования какого рода объектов замещают позицию условно левого и условно правого аргументов.

Своеобразие конструкции *победить в себе X* обуславливается наличием в ее составе прономинативного компонента *в себе*. Данный компонент указывает на локализацию противостояния, противоборства во внутреннем мире человека, а следовательно, способствует формированию значения внутреннего конфликта, выражаемого конструкцией в целом. Интересно, что в случае отсутствия этого компонента элиминирование прямого значения глагола *победить* детерминируется семантической спецификой его условно левого и / или условно правого аргументов в речевой цепи, при этом наблюдается вариативность слов, детерминирующих переносное значение полисеманта (*жажда, голод, страх, (...) побеждает X; Y побеждает страсть, ревность, лень, (...)*). В конструкции же *победить в себе X* прямое значение глагола элиминируется прономинативным компонентом, и в любых контекстуальных условиях семантическая реализация глагола в составе данной конструкции будет связываться со значением внутреннего конфликта, состояния, в котором волевым усилием человек пытается преодолеть в себе что-либо нежелательное, неприемлемое, неприятное, а возможно, и желаемое, но по каким-то причинам запретное. Примечательно, что замещение позиции левого аргумента в этом случае с неизбежностью связывается со словами, обозначающими человека, значительно реже – совокупности лиц.

Выясним, какие же стандартные замещения позиции условно правого аргумента наблюдаются при функционировании конструкции *победить в себе X* в речи. В качестве материала для исследования используем тексты Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) [3].

Анализ контекстов, в которых фиксируется конструкция *победить в себе X*, показывает, что для обозначения условно правого аргумента могут использоваться следующие языковые структуры:

1) одиночные субстантивные словоформы: *Верочка усиливалась победить в себе отвращение, но не могла* [Н. Г. Чернышевский. Что делать? (1863)]; *Тётя Варя, победив в себе брезгливость, раскаленным утюгом выжаривает вшей из обмундирования* [Т. Окуневская. Татьянин день (1998)];

2) сочетание существительного с прилагательным: *Победи в себе злые чувства, говорил старик* [М. Тырин. «Будет немножечко больно» (2014)]; *Но в конце концов, пытаясь победить в себе эту природную тупость, я вдруг пришёл к восхитительно оригинальному выводу* [С. Мостовщиков. Рублевка (1997) // «Столица», 13.05.1997].

3) сочетание субстантивов (в том числе и с факультативным атрибутивным распространителем одного из существительных): *Уже в 1698 г. английский епископ Бернет заметил, что Петр с большими усилиями старается победить в себе страсть к вину* [В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 54-65 (1904)]; *Он не мог победить в себе смутного чувства радости, явившегося от сознания, что скарб уцелел* [Д. Я. Айзман. Домой // «Еврейский мир», 1909, январь, 1909];

4) сочетание существительного с инфинитивом (с факультативным атрибутивным распространителем существительного): *Герцен никогда не мог говорить с ним серьезно или победить в себе непреодолимое желание потешиться над ним: все в Савиче возбуждало в нем насмешливое расположение духа, даже прическа* [Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания (1890)]; *И ежели отрешиться от мысли о начальстве, ежели победить в себе потребность каяться, признаваться и снимать шапку, ежели сказать себе: за что же начальство с меня будет взыскивать, коли я ничего не делаю <...>, то, право, жить можно* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878–1879)].

Как видим, анализ языковых форм, используемых для замещения позиции аргумента, убеждает в том, что семантическая связанность компонентов конструкции обуславливает непременно наличие в речевой цепи языковых средств, обозначающих феномены внутреннего мира человека и реализующих семантическую роль «объекта» приложения действия. По сути же человек борется с самим собой и является носителем данного состояния, этим объясняется логичность высказываний с местоименным замещением позиции условно правого аргумента (такое замещение аргумента в текстах НКРЯ оказалось единичным): *Начало апреля характеризуется нередкими срывами переговоров, напряженными отношениями с близкими, но постарайтесь победить в себе псевдо «я»* [Астропрогноз РМ. Звезды не врут (2000) // «Рекламный мир», 15.02.2000].

Разумеется, феномены внутреннего мира человека – очень широкое понятие. Как показывают наблюдения, семантические классы слов, которые используются для обозначения такого рода феноменов в составе конструкции *победить в себе X*, достаточно разнообразны. В то же время можно говорить о выделении частотных (стандартных) и эпизодично фиксируемых языковых средств, обозначающих «провокантов» внутреннего конфликта – «объектов» приложения волевых усилий.

Итак, к числу наиболее частотных заместителей позиции условно правого аргумента в конструкции *победить в себе X* в текстах НКРЯ относятся обозначения чувств ($\approx 41\%$ от числа всех обозначений, зафиксированных в позиции условно правого аргумента):

Победив в себе природную робость, зависевшую от деликатности его нервной организации, Кант не сумел в такой же степени отделаться от застенчивости [М. М. Филиппов. Иммануил Кант. Его жизнь и философская деятельность (1893)]; *Из всей толпы Христос приметил только Закхея, потому что тот своей устремленностью к Нему победил в себе всякий страх перед людьми, всякий ложный стыд, перенес насмешки, поругания – лишь бы увидеть Христа* [Митрополит Антоний. Размышления на пути к Пасхе (1991)]; *Не звоню Лева: не могу победить в себе сильного раздражения против него* [А. К. Гладков. Дневник (1966)].

К числу менее частотных, однако стандартных обозначений «провокантов» внутреннего конфликта, фиксируемых в составе конструкции *победить в себе X*, относятся наименования желаний, искушений, влечений (в том числе физических влечений):

Подобно своим учителям, он должен победить в себе гордое желание стать богом [В. Хлебников. Есир (1918–1919)]; *Но, победив женщину, мужчина уже не мог победить в себе воспитанную ею жажду любви и нежности* [М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925)]; *Всего лишь слабый человек, который не смог победить в себе страсть к выпивке* [И. Голлай. Южноуралец Александр Шмунк не пришел в суд, чтобы отвоевать детей // Комсомольская правда, 2009.05].

Стандартными обозначениями «провокантов» внутреннего конфликта являются также наименования действий разума, элементов мировоззрения, состояний ума, стремлений, связанных с познанием, жизненными установками, и т.п.: *С одной стороны, слова этого лишенного упований человека действовали на меня заразительно; с другой – я никак не мог победить в себе мысли: как же это так?* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Недоконченные беседы («Между делом») (1873–1884)]; *Русский народ победит германизм, и дух его займет великодержавное положение в мире, лишь победив в себе «розовищину»* [Н. А. Бердяев. О «вечно-бабьем» в русской душе (1915)]; *Он лжет и брату своей жены, все ссылаясь на Бога, в которого не верит, и портному, явившемуся за долгом, и не может достаточно нарадоваться тому, что теперь он уже победил в себе последние предрассудки* [Л. И. Шестов. Шекспир и его критик Брандес (1898)]; *Я, однако, не мог победить в себе мелочного любопытства, и мне доставляло удовольствие вызывать некоторых людей на откровенность* [Г. А. Газданов. Вечер у Клэр (1930)].

Эпизодично отмечаются наименования относительно стабильных физических и психоэмоциональных состояний, которым человек пытается противостоять: *И так как они лежат здесь почти всегда нагишом, тела у них становятся обветренными, загорелыми, крепкими, и у них понемногу накапливаются силы, чтобы победить в себе свою болезнь* [К. И. Чуковский. Солнечная (1936)]; *Борьба есть зло, так же как и лень... и блажен тот, кому даны силы победить в себе косную неподвижность* [Н. П. Вагнер. Сказки Кота-Мурлыки (1872)]; *Но для этого нужно победить в себе все силы косности, всё бессилие, всю инертность и все движения тела и души, которые несовместимы с такой властью над собой* [Митрополит Антоний. О некоторых категориях нашего тварного бытия (1966)].

Особое место в числе обозначений, замещающих позицию условно правого аргумента, занимают употребленные в метонимическом значении наименования лиц, а также использованные для обозначения черт характера человека и его поведенческих стереотипов фаунонимы. Интересно, что сдвиги в семантике таких слов детерминированы, как и для глагола *победить*, прономинативным компонентом *в себе*: *Я в себе победил очень многое. Я записываю это себе в большой актив. В эту страшную ночь, вместо того чтобы погибнуть, я нашел в себе силы выжить, написав этот рассказ. Я победил в себе **пораженца**, победил Финка* [Л. А. Данилкин. Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова (2007)]; *Толстой моралист, философ и ересиарх, загорающийся при каждом упоминании о Востоке, никогда не победил в себе **представителя нашей западной аристократии**, графа Льва Николаевича, добродушного яснополянского помещика, одинаково любящего и цыганские песни, и душеспасительные разговоры с игуменом соседнего монастыря* [В. Зубов. Махатма Ганди // «Завтра. Ежемесячник утвержденных» № 1, 1933 г.]; *Чтобы победить в себе **зверя**, люди должны приучать себя быть справедливыми и к своим, и к чужим, не делать другим того, чего себе и своим не хотят* [В. А. Маклаков. Из воспоминаний (1954)]. Такого рода замещения аргумента в конструкции *победить в себе X* чаще фиксируются в публицистических текстах, чем в художественных.

Итак, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, «указательным минимумом» для семантически реализуемого глагольного полисеманта в русском языке может быть местоименная словоформа. Во-вторых, в составе конструкции *победить в себе X* прономинативный компонент *в себе* может делать связанным значение не только глагольной словоформы, но и субстантивной словоформы, подвергающейся метонимическому или метафорическому переосмыслению в связи с замещением позиции условно правого аргумента. Наиболее частотно в текстах НКРЯ позиция аргумента в конструкции *победить в себе X* замещается наименованиями чувств; стандартными заместителями этой позиции выступают также наименования желаний, стремлений, влечений, мыслительных актов, состояний ума, элементов мировоззрения (в том числе в их метонимической языковой репрезентации), реже в позиции условно правого аргумента фиксируются наименования физических состояний и поведенческих стереотипов.

Список литературы

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. 208 с.
2. Кашкин Е. В., Ляшевская О. Н. Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank // Hse.ru. URL: <https://publications.hse.ru/chapters/85386403/> (дата обращения: 22.02.2023).
3. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.01.2023).
4. Ничипорчик Е. В. Анималистическое начало в метафорических реализациях слова *грызть* // *Animalistische Phraseologie in den slawischen Sprachen (Linguistische und linguokulturelle Aspekte) : Kollektivmonografie / Н. Walter, V. M. Mokienko (Hrsg.). Greifswald : Universität Greifswald, 2019. S.70–77.*
5. Ничипорчик Е. В. К проблеме соотношения категорий воспроизводимости и идиоматичности в «новых» вариантах «старых» фразеомоделей (на материале устойчивых сочетаний с компонентом *грызть*) // *Новое в русской и славянской фразеологии /* гл. ред. А. М. Архангельская. Оломоуц, 2020. С. 75–81.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1991. 915 с.
7. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М. : Азбуковник, 2010. 584 с.

8. Русские глагольные предложения : экспериментальный синтаксический словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : ФЛИНТА : Наука, 2002. 464 с.

9. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1984. Т. 3. 749 с.

Информация об авторах: *Великий Андрей Николаевич*, магистрант кафедры русского, общего и славянского языкознания, начальник отдела культуры и досуга молодёжи Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь); *Ничипорчик Елена Владимировна*, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь).

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ

В. А. Дубинина

г. Луганск, Россия
dubinina_v@mail.ru

Аннотация. Рассматривается прагматический потенциал эвфемизмов и дисфемизмов как единиц вторичной номинации. Исследованы особенности их употребления в современной коммуникации.

Ключевые слова: эвфемизм, дисфемизм, прагматический потенциал, коммуникация

Для цитирования: Дубинина В. А. Прагматический потенциал эвфемизмов и дисфемизмов // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 245–248.

Современные языковые тенденции характеризуются всё более частотным употреблением лексем, которые смягчают, вуалируют или маскируют реальную действительность. В лингвистике такой процесс принято называть эвфемизацией. На сегодняшний день в лингвистике сформировалось устойчивое понимание этого феномена. В словаре Т. Ф. Ефремовой находим такое определение: «Эвфемизм – слово или выражение, заменяющее другое, которое по каким-л. причинам нежелательно или неудобно употребить в определенной ситуации» [4]. И. Гальперин в работе «Очерки по стилистике на английском языке» отмечает: «Эвфемизмы – это слова и словосочетания, которые появляются в языке для обозначения понятий, уже имеющих названия, но считаются почему-то неприятными, грубыми, непристойными или низкими. Они являются частью словарного состава языка и являются синонимами слов, ранее обозначавших эти понятия» [2, с. 164–165]. Анализируя лексику английского языка, И. Гальперин выделяет группу слов, называемых дисфемизмами или какофемизмами. Их стилистическую функцию он определяет как противоположную эвфемистической, ведь дисфемизмы выражают понятие в более резкой, преимущественно нелитературной форме [2, с. 165].

Эвфемизмы и дисфемизмы являются единицами вторичной номинации, обладающими особым прагматическим потенциалом. Традиционная лингвистическая наука рассматривает их, учитывая лексико-семантические параметры, структурные характеристики или способы создания, однако современные исследования

эвфемизации и дисфемизации основываются и на других факторах. В соответствии с коммуникативной задачей говорящего выделяют функции, цели и задачи, которые могут выполнять эти наименования.

Цель статьи – проанализировать особенности эвфемизации и дисфемизации языка, учитывая их прагмалингвистические характеристики.

Особенностью современного подхода к изучению эвфемизмов и дисфемизмов является то, что их следует рассматривать не только как лексическое явление, а как дискурсивное, в рамках прагматичного определения, интегрированного в коммуникативную лингвистику. В контексте этого подхода предлагается определение эвфемизма или дисфемизма как когнитивного процесса концептуализации нежелательного слова, проявляющегося в дискурсе путем использования речевых механизмов, включая различные виды замещений.

М. Ковшова отмечает, что эвфемизмы «служат заменой для тех слов или выражений, которые, по мнению говорящего, и в соответствии с правилами речевого этикета, неприемлемы, не соответствуют цели общения и могут привести к коммуникативной неудаче» [6, с. 7]. Также следует отметить, что исследовательница впервые указывает на то, что эвфемизм является речевым актом, поэтому его следует рассматривать в контексте лингвистической прагматики: эвфемизм – факт языка, ориентирующийся на речевую коммуникацию; его семантика связана между знаком, значением и говорящим, цель его использования – смягчение языка [6, с. 29]. Эвфемизация как процесс и установка позволяет отвлечь внимание реципиента от объекта или предмета действительности, который теоретически может вызвать негативную реакцию, может способствовать коммуникативной девиации. Поскольку вторичные наименования скрывают истинную сущность явления, характеризуются нейтральной или положительной коннотацией, они могут выступать средствами манипуляции [7, с. 52].

Эвфемизмы и дисфемизмы являются речевыми актами, противоположными своей иллокутивной силой: коммуникативная функция первых – дать возможность говорящему избежать вероятных коммуникативных конфликтов или неудач в процессе общения, смягчить или завуалировать сказанное; в отличие от этого, вторые концентрируют внимание на отрицательных чертах по отношению к объекту или предмету высказывания, выражают негативную оценку, недовольство или возмущение [6, с. 105]. В контексте эвфемистической замены важен принцип вежливости, ведь благодаря соблюдению или наоборот – нарушению его постулатов возникают новые лексемы или выражения, которые, например, скрывают физические или ментальные недостатки человека [5, с. 43]. Нередко появление эвфемистических наименований исследователи связывают с несоблюдением принципа кооперации, а именно постулата качества, называя следующие номинации эвфемистическими импликатурами. Эвфемистической импликатурой является вывод адресата, который обусловлен декодированием реального смысла способа вторичной номинации с относительно положительной коннотацией, используемой для изменения нежелательных, неприятных или запрещенных наименований. Если рассматривать дисфемистическую замену, то следует сказать, что использование таких слов или словосочетаний нарушает как культурные и языковые конвенции, так и прагматические принципы вежливости и кооперации, ведь коммуникативная установка говорящего негативизировать дискурс.

Также следует отметить, что для того, чтобы определить прагматический потенциал эвфемизмов и дисфемизмов, следует обратить внимание и на их характер: «Прагматика эвфемизмов и дисфемизмов обусловлена их природой: и те, и другие являются словами-перифразами, то есть единицами вторичной номинации, а их денотаты принадлежат к интенциональным или антропоцентрическим объектам, то есть наименование которых происходит не только через языковые

конвенции или объективные характеристики, а также через отражение субъективной точки зрения говорящего. В то время как эвфемизмы «улучшают» денотат, характеризующийся отрицательным отношением к нему, дисфемизмы «ухудшают», «огрубляют» любой денотат независимо от его реальных черт. К тому же в последнем случае одновременно с добавлением отрицательной коннотации происходит и снижение стилистического регистра» [1, с. 4].

Оппозиция эвфемизм-дисфемизм базируется на том, что, выбирая ту или иную вторичную номинацию, говорящий имеет разную коммуникативную цель. Вследствие вуалирования референции, предвосхищая отрицательную реакцию реципиента, эвфемизмы маскируют действительность; дисфемизмы, наоборот, дают пейоративную оценку денотату, выражают субъективное отношение к нему. Как «положительные» лексемы, так и «негативные» предполагают наличие стигматизированного денотата. Однако в случае дисфемизмов стигматизация может быть ситуативной, в некоторых случаях будет наблюдаться нарушение речевых и культурных табу, тогда определяющей является максима «искренности», а не максима «кооперации» [1, с. 12].

В общем, процесс эвфемизации сопровождается подбором соответствующих языковых средств с целью построить эффективный и успешный коммуникативный акт, а выбор тех или иных приемов происходит в соответствии с главной задачей – не оскорбить участника коммуникации, избежать возможных девиаций. Благодаря тому, что эвфемизация оказывает «смягченное» влияние на реципиента, между говорящим и адресатом сообщения как участниками речевого акта происходит эмоциональное сближение, что способствует успешному разрешению коммуникативной ситуации.

В любом случае имплицитное значение, являющееся основой эвфемизма как явления, соответствует прагматическим интенциям сообщения [3, с. 82–83]. В отличие от этого, используя дисфемизмы, говорящий руководствуется противоположными целями, ведь употребление единиц сниженного стиля провоцирует кардинально иной эффект, негативно влияющий на коммуникативную ситуацию в целом. Также следует отметить, что сегодня ученые нередко связывают эвфемизм и иллокуцию: «Цель эвфемизма и основное предназначение иллокутивного акта схожи, их задачей является достижение определенной цели в процессе коммуникации. Иллокуция является частью речевого акта, прагматичный компонент содержания высказывания, отражающий коммуникативную установку говорящего» [3, с. 126].

Бушуева Т. С. в диссертации «Прагматический потенциал эвфемизмов и дисфемизмов» отмечает, что оба типа вторичных номинаций характеризуются высоким уровнем экспрессии. В случае эвфемизмов она мелиоративна, у дисфемизмов – пейоративна [1, с. 12]. В общем, эмоционально-экспрессивная окраска играет важную роль для эвфемизмов и дисфемизмов как единиц вторичной номинации. Коннотативная семантика, свойственная наименованию, впитывает в себя всю информацию и реализует оценочную и эмоциональную функции. Эмотивно-оценочный компонент вместе с основой оценки образует коннотацию эвфемизмов, что приводит к преимуществу прагматического компонента эвфемических единиц над сигнификативным. Эвфемическая коннотация определяет прагматическое значение эвфемизмов – информацию о субъективно-оценочном, эмоциональном отношении к денотату или самой прямой номинации. Бушуева Т. С. делает вывод, что реализация прагматического потенциала обеих единиц зависит как от внутриязыковых, так и от экстралингвистических факторов. Во-первых, на это оказывает непосредственное влияние устойчивость связей с компонентом табу и принадлежность к той или иной лексико-семантической группе. Во-вторых, структура значения и способ создания определяет прагматический

потенциал каждого конкретного наименования, например, для лексем или выражений, образованных путем метафорического переноса, важную роль играет прототип, взятый за основу. В-третьих, на это влияет контекст конкретной речевой ситуации; среди факторов можно выделить ролевую структуру участников речевого акта, их поведенческие стратегии, интенции говорящего и т.д.

Также важным аспектом является продолжительность существования дескрипции в языке как эвфемизма или дисфемизма: «Как и многие другие коннотативные лексические единицы, они склонны к прагматическому нивелированию, потере мелиоративного или (что, однако, происходит реже) пейоративного потенциала» [1, с. 13]. Можно подытожить, что в каждом конкретном коммуникативном акте единицы вторичной номинации могут реализовать прагматический потенциал неодинаково. Исследователь должен принимать во внимание как лингвистические, так и экстралингвистические факторы для того, чтобы сделать вывод.

Таким образом, необходимо исследовать эвфемистические и дисфемистические номинации с учетом прагмалингвистического аспекта, ведь они обладают особым прагматическим потенциалом. В соответствии с коммуникативной установкой говорящего осуществляется выбор тех или иных средств, которые способны влиять на ход коммуникации.

Список литературы

1. Бушуева Т. С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М., 2005. 20 с.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 462 с.
3. Дегтярёва А. Р. Функциональная типология эвфемизмов современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Кемерово : КемГУ, 2015. 265 с.
4. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2005. Т. 1: А–Л. 1168 с. URL: <http://slov.com.ua/efremovoy2/page/lider.43335/> (дата обращения: 10.02.2023).
5. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М. : Высш. шк., 1989. 126 с.
6. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М. : Гнозис, 2007. 320 с.
7. Лысякова М. В., Гаева А. А. Лексико-грамматические свойства дисфемизмов (на материале политического дискурса) // Вестник Российского университета дружбы народов. Вып. 9, № 1. 2018. С. 50–70.

Информация об авторе: *Дубинина Виктория Александровна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Россия).

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПРИЁМЫ ТОЧНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА

Т. В. Иванова

г. Саратов, Россия
tania.iwanova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается юридический документ как объект документной лингвистики. Исследуются особенности его логико-смысловой организации и языкового оформления. Дается классификационное описание номинативных единиц и приёмов

важной стилистической черты документа – точности, что позволяет расширить представление о принципах отбора слов, словосочетаний, языковых конструкций, допустимых в документной юридической коммуникации.

Ключевые слова: документная лингвистика, юридический документ, смысловая точность документа, номинативные единицы юридического документа

Для цитирования: Иванова Т. В. Тематические группы лексических единиц и приёмы точности юридического документа // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 248–253.

Юридический дискурс в научной литературе представляется как совокупность различных юридических текстов, в которых отражена информация правового характера. К ним относятся как устные, так и письменные разновидности, представленные в различных функциональных стилях: это могут быть тексты законов, судебных постановлений и решений, составленные от лица государства; речь, произнесенная в зале судебного заседания адвокатом или прокурором; криминальная хроника, представляющая собой материал СМИ; научный доклад по юриспруденции; исковые заявления от лица граждан и т.д. При таком подходе юридический документ можно рассматривать как разновидность юридического текста, который, в свою очередь, представляет интерес с точки зрения языковой организации и формирования документной культуры.

Языковые особенности законодательных актов, проблема толкования в них норм права отражены в работах А. С. Пиголкина [14], Н. А. Власенко [4], В. Б. Исакова [6], Е. А. Крюковой [8], О. В. Никитиной [13] и др. Проблемы ясности и доступности языка отдельных судебных актов, анализ языковых норм, стилистических моделей, правил аргументации при создании юрисдикционных документов разных жанров представлены в исследованиях Т. В. Губаевой [5], А. Н. Комарова [7], А. В. Милькова, С. А. Параскевовой, Э. Г. Айрапетовой, Ю. В. Ковалевой [11], О. Ю. Авдевиной, В. В. Девяткиной [1], О. В. Никитиной [12] и др.

В предлагаемом исследовании юридический документ рассматривается как объект документной лингвистики – науки, объединяющей лингвистику деловой письменной речи и документоведение, как разновидность документных текстов. Материалом исследования стали судебные акты разных лет, размещенные на официальных сайтах российских судов¹.

Определяющими параметрами юридического документа, как и любого другого, являются особенности его логико-смысловой организации, языковое оформление и стилистическая грамотность, а коммуникативное качество точности документа считается абсолютным требованием, которому подчиняется весь языковой строй: и выбор слова, и правила написания и пунктуации, и построение предложений.

Несомненный интерес представляет системность лексики юридического документа с точки зрения объектов номинаций, представленных в нем. Изучение лексического состава юридического документа позволяет уяснить принципы отбора слов, словосочетаний, языковых конструкций, допустимых и недопустимых в документной юридической коммуникации.

Взяв за основу классификацию номинаций деловой сферы О. Ю. Авдевиной [2, с. 6–8], обозначим и уточним тематические группы основных номинативных единиц юридического документа:

¹ На сайтах информация предоставлена интернет-порталом ГАС «Правосудие» (sudrf.ru).

1) наименования людей: номенклатурные наименования по должности или званию (*мировой судья, дознаватель, нотариус, прокурор, юрисконсульт, военный юрист, судебный пристав*); по роли в процессуальных действиях или правовой коммуникации (*заказчик, исполнитель, арендатор, арендодатель, заемщик, займодавец, наследодатель, налогоплательщик*);

2) наименование документов, куда входит обозначение жанра непосредственно составляемого документа и других жанров, к которым идет отсылка в исходном тексте (*приговор, апелляционная жалоба, постановление, решение, протокол осмотра предметов, протокол выемки, заключение эксперта*); в эту группу входят названия государственных документов (*Конституция Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации*), которые чаще представлены в юридическом тексте в форме аббревиатуры (*УК РФ, УПК РФ, ГК РФ, НК РФ*);

3) наименование действий, процессов, результатов деятельности (*обеспечение, принять меры, защита прав, осмотр, привлечь, заказ, направлять*); процессуальные документы включают номинации, обозначающие действия, связанные с составом правонарушений (преступлений) и с самим производством по делу, в основном, представляющие собой составные наименования (*оставить по принадлежности, причинение вреда, отбывание наказания, слушание дела, вынесение постановления, установить срок*);

4) наименование предметов: домашней обстановки и обихода, вещей индивидуального пользования, продуктов питания, драгоценностей и других предметов роскоши, транспортных средств (*утюг, холодильник, стол, кресло, браслет, автомобиль, пачка сарделек*); в процессуальных документах наименования предметов используются при обозначении вещественных доказательств, имеющих значение, например, для рассматриваемого уголовного дела: наименования предметов, служивших орудиями совершения преступления, сохранивших на себе следы преступления, или предметов, на которые были направлены преступные действия (*нож, кошелек, телефон, часы, канистра, топливный бак, шланг, бутылка, велосипед*);

5) наименование признаков предметов, оценок, качеств, образа действия и степени действия и другая признаковая лексика (*указанный, особый, невостребованный, неправомерные, незаконный, корыстный, потребительский, обоснованно, противоправно, безвозмездно*); отдельно в этой группе, на наш взгляд, необходимо выделить наименования, обозначающие статус и положение лиц, вовлеченных в правовой конфликт: *работающий / неработающий, судимый / ранее не судимый, владеющий русским языком / не владеющий русским языком, с неполным средним образованием, разведенный, сожительствовавший*);

6) названия учреждений, организаций, служб, в том числе имена собственные (*судебный участок № 1, уголовно-исполнительная инспекция, Южная транспортная прокуратура, Октябрьский районный суд, товарищество собственников жилья «Бригантина», Озинская районная станция по борьбе с болезнями животных, микрофинансовая организация*);

7) пространственные наименования (*участок местности, территория, район, помещение, здание, строение, земельный участок, местожительство*);

8) обозначение количественных, в том числе временных понятий (*дата, часы, минуты, период, срок, количество, объем, вес, длина*);

9) терминологические понятия (термины и терминологические сочетания) юридической сферы деятельности (*дознание, неявка, ходатайствовать; моральный вред, инкриминируемое преступление, подписка о невыезде*);

10) ментальная лексика, обозначение абстрактных понятий (*мотив, причина, следствие, обязанности*), логические связки, в роли которых выступает служебная лексика (*в течение, с учетом, впоследствии, после чего*).

На наш взгляд, в качестве самостоятельной можно выделить тематическую группу номинаций, частотность употребления которых в юридических документах высока, – «вещества и материалы» (*картон, железо, бензин, духи, туалетная вода, гашишное масло, дезоморфин, тротил*). Вещества и материалы могут являться как средством совершения преступления, так и предметом преступления. Номинации наркотических, психотропных, сильнодействующих или ядовитых веществ используются в текстах юридических документов, поскольку с ними связана отдельная категория уголовных преступлений (оборот, приобретение, хранение таких веществ).

Номинации юридического документа требуют соблюдения важной стилистической черты – точности воспроизведения, которая достигается в тексте особыми приемами. На примере судебных приговоров (далее – СП) и постановлений (далее – П) обозначим основные из них.

Включение в текст родового и видового понятий, например: *...все выловленные Лебедевым П.Н. биологические ресурсы – рыба вида карп – в количестве 16 экземпляров отпущена в среду обитания – реку...* (СП-2020, Саратовская обл.); *в вышеуказанный период действует запрет на вылов водных биологических ресурсов, в том числе вылов рака* (СП-2020, Саратовская обл.)¹. В приведенных примерах родовыми выступают понятия *биологические ресурсы, среда обитания*, видовыми – *карп, река, рак*. Видовые понятия, как правило, приводятся в скобках после родового, например: *обвиняется ... в тайном хищении ... 259,2 кг масличной культуры (подсолнечника)* (СП-2019, Саратовская обл.);

Детализация описаний предметов и пространственных наименований: *участок местности, расположенный около разрушенного здания солдатской бани* (СП-2017, Саратовская обл.); *На акватории реки Голенькая, на участке, расположенном в 600 метрах от с. Самовольное Озинского района Саратовской области* (СП-2020, Саратовская обл.); *...стальная бесшовная труба с заводским антикоррозийным покрытием 09Г2С длиной 7 м 30 см* (СП-2020, Саратовская обл.); *нож с пластиковой рукоятью черного цвета, перемотанной изолентой синего цвета* (СП-2020, Саратов).

Повтор терминологической лексики: *В это время у Р. возник умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества. Реализуя свой преступный умысел, Р., убедившись, что за его преступными действиями никто не наблюдает, тайно похитил...* (СП-2019, Саратов). Заменить термин *умысел* не представляется возможным, поскольку им в уголовном праве обозначается форма вины, при которой лицо осознает общественную опасность совершенного им деяния.

Тавтологические сочетания: терминологические, общепринятые официальные номенклатурные, процедурные, профессиональные клишированные, например: *При пересечении таможенной границы Таможенного союза в зоне деятельности Брянской таможенной гр. Р. Молдова Иванов И.И. заполнил пассажирскую таможенную декларацию* (П-2017, Ростовская обл.). В приведенном примере употребление однокоренных слов связано с обозначением вполне самостоятельных наименований, которые нельзя заменить. Сочетание *таможенная граница* – официальное; это граница территории, на которой действует единое таможенное законодательство и ведется единый статистический учет внешней торговли; *Таможенный союз* – собственное официальное название международной организации; *Брянская таможня* – наименование специальной государственной службы; *таможенная декларация* – название официального документа;

¹ В примерах сохраняется орфография, пунктуация и стиль исходного текста.

Семантическая дифференциация языковых синонимов: слова, которые в языке являются синонимами, в юридическом документе могут разойтись в терминологическом и общеупотребительном плане. Например, в словарях синонимами выступают слова *осмотр* и *досмотр*, при этом только второе из них имеет стилевую помету «специальное» [3, с. 297], тогда как в юридической практике и слово *осмотр* выступает в качестве термина и используется наряду с другим – *досмотр*. Осмотр и досмотр – процедурные меры, которые проводятся при наличии принципиально разных условий: для осмотра необходимо согласие человека, которому принадлежит осматриваемое имущество (принцип добровольности), лицу, осуществляющему осмотр, не разрешается прикасаться к вещам, производство осмотра документально не подтверждается; досмотр проводится только с участием понятых или при помощи видеосъемки, можно применять кинестетические действия, при этом согласие досматриваемого не нужно (принудительная мера), итоги досмотра отражаются в протоколе.

Слова *экземпляр* (со значением «отдельный предмет из ряда подобных» [10, с. 893]) и *штука* (со значением «отдельный предмет из числа однородных» [10, с. 888]) в юридических документах часто используются в контексте, связанном с указанием количества предметов или вещей. В этих значениях в нормативных словарях они представляются также синонимичными. Но когда речь идет именно об отдельных представителях какого-либо разряда животных (растений), то возникает дифференциация: в этом случае используется только номинация *экземпляр*, самостоятельное значение которой («отдельный представитель какого-нибудь разряда животных, растений») зафиксировано уже в «Толковом словаре иностранных слов» Л.П. Крысина [9]. В этом значении синонимом к слову *экземпляр* выступает и другое – *особь*. Например: ...*сложил вдоль забора похищенную тротуарную тактильную плитку ГОСТ Р 52875-2007 в количестве 135 штук* (СП-2020, Саратовская обл.); *добыча раков с использованием орудий лова – ловушек (раколовок) в количестве 3 штук* (СП-2020, Саратовская обл.); *незаконно добыл с помощью сетей рыбу в количестве 183 экземпляров, а именно: карась – 4 экземпляра, щука – 8 экземпляров, лещ – 135 экземпляров* (СП-2017, Саратовская обл.); *незаконно выловил рыбу пород: тарань в количестве 64 особей, судак в количестве 2 особей* (СП-2017, Краснодарский край).

Уточняющие конструкции с союзами *то есть, а именно*: Таким образом, <ФИОЗ> совершил кражу, *т.е. тайное хищение чужого имущества, т.е. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 158 УК РФ* (СП-2018, Саратов); ...*возник преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества, а именно на тайное хищение телевизора марки «ERISSON», модель «19 LEJ 03»* (СП-2019, Саратов);

Приём включений, передающийся знаком «скобки»: 06 октября 2020 года в 20 часов 00 минут он совместно с полицейским (водителем) 2 взвода (мобильного) 5 роты полка ППСП УМВД РФ по г. Саратову Сучковым Р.А. заступил на службу по охране общественного порядка в форменном обмундировании (СП-2019, Саратов).

Таким образом, классификационное описание номинативных единиц позволяет выявить системный характер профессиональной лексики, обозначить ее функциональную принадлежность в юридическом документе. Системность лексических единиц юридического документа формирует представление о его предметно-номинативном составе, особой организованности и стилистической однородности текстов юридической сферы, действующих в документной юридической коммуникации, принципах отбора слов, словосочетаний, языковых конструкций.

Список литературы

1. Авдеевнина О. Ю., Девяткина В. В. Истец vs истица: языковые нормы и социокультурные коды наименования лиц в юридическом дискурсе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2. С. 234–244.
2. Авдеевнина О. Ю. О подходах к изучению лексики деловой сферы // Проблемы филологического образования : межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Саратовский источник, 2020. Вып. 12. С. 3–11.
3. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник. М. : Рус. яз. : Медиа, 2007. 564 с.
4. Власенко Н. А. Язык права. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 176 с.
5. Губаева Т. В. Русский язык в судебных актах : науч.-практ. пособие. М. : РАП, 2010. 180 с.
6. Исаков В. Б. Язык права // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2000. С. 72–78.
7. Комаров А. Н. Язык и стиль судебных документов. Практические рекомендации по оформлению судебных актов / сост.: Е. П. Попова, Ю. С. Фадеева, Т. Н. Циплакова. СПб. : Кадис, 2003. 63 с.
8. Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
9. Крысин Л. П. Толковый словарь иностранных слов // Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия. URL: <https://megabook.ru/book/Толковый%20словарь%20иностраных%20слов%20Л.П.%20Крысина> (дата обращения: 10.02.2023).
10. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М. : Эксмо, 2011. 928 с.
11. Мильков А. В., Параскевова С. А., Айрапетова Э. Г., Ковалева Ю. В. Язык и стиль изложения судебных актов : науч.-метод. рекомендации. Ессентуки, 2009. 55 с.
12. Никитина О. В. Описательная часть судебного решения: стилистическая модель и ее реализация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, № 3. С. 25–29.
13. Никитина О. В. Неявная информация в законодательном тексте: понятие, виды, риски интерпретации // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве. Т. 2: Лингвистические аспекты. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. С. 74–87.
14. Пиголкин А. С. Язык закона // Правоведение. 1991. № 5. С. 108–110.

Информация об авторе: *Иванова Татьяна Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия).

О СВЯЗЯХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С СИНТАКСИСОМ В СТРУКТУРЕ МОТИВИРОВАННЫХ МНОГОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Г. К. Касимова

г. Пенза, Россия
zuhra_kasimova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается структура лексических значений многозначных существительных, мотивированных глаголами, с точки зрения источников формирования предметных номинаций. Глагол, являясь центром высказывания, предложения, обладает определёнными синтаксическими характеристиками, в частности определёнными сочета-

емостными свойствами. В процессе синтаксической деривации девербатив, номинализируясь, наследует валентностные свойства и выступает источником определённых вторичных номинаций. Предметные номинации формируются как в процессах семантической деривации, когда их источником выступает исходное значение девербатива, так и в процессах лексической деривации, когда мотиватором выступают отдельные значения глагола.

Ключевые слова: девербатив, имя действия, мотиватор, дериват, синтаксическая деривация, семантическая деривация, лексическая деривация

Для цитирования: Касимова Г. К. О связях словообразования с синтаксисом в структуре мотивированных многозначных существительных // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 253–258.

Источником любого мотивированного слова, как известно, выступает мотивирующее слово, точнее, основа со всеми ее характеристиками, грамматическими и семантическими. В последние десятилетия словообразование многими исследователями рассматривается на синтаксической основе (Е. Л. Гинзбург, Е. С. Кубрякова, Л. А. Араева, З. А. Мирошникова, И. В. Евсеева и др.), что представляется достаточно оправданным, так как мотивирующее слово, обладая определёнными грамматическими свойствами, во многом предопределяет формирование мотивированных значений.

Связям словообразования с синтаксисом посвящена монография Е. Л. Гинзбурга, в которой автор детально исследует семантику производящей основы и производного слова, структуру словообразовательного значения. В частности, он пишет: «Структура семантики производного – это его глубинная структура и ее преобразования, минимальным образом и однозначно определяющие место производного в ряду перифрастических номинативных единиц, в частности в словообразовательном гнезде, еще уже – в синонимическом ряду [1, с. 7].

Анализ зависимости семантики мотивированного слова от синтаксической конструкции мотивирующего слова представлен в работах Е. С. Кубряковой: «в акте словообразования (при «первом» создании данного производного слова) мотивация принимает форму не мотивации одного слова другим, а форму мотивации определенной синтаксической конструкцией, в составе которой присутствует непосредственно мотивирующее слово и где оно выступает в привычном и естественном для него сочетании с другими словами. Наличие скрытых сем в структуре деривата может быть, с этой точки зрения, объяснено при обращении к закономерностям лексической и синтаксической сочетаемости мотивирующего слова.

Думается, что исследование фактора лексической и синтаксической сочетаемости слов помогает пролить свет не только на природу скрытых компонентов в структуре производного, возникающих вследствие моделируемой семантической контракции компонентов производного, но и на решение более общих проблем в теории словообразования – проблемы специфики словообразовательных правил, с одной стороны, и соотношения словообразования с синтаксисом и лексикологией (лексикой), с другой» [2, с. 159].

Анализ многозначных имен действия показывает значительную роль глагола, семантико-синтаксические характеристики которого активно включаются в процесс деривации. В подтверждение нашей точки зрения можно привести также мнение З. И. Резановой, согласно которому «производное слово формально создается на базе производящего слова, семантически – на основе мотивирующего суждения, наиболее изоморфной формой языкового представления которого является высказывание. Слово и высказывание противопоставлены как синтетически и аналитически организованные номинации» [3, с. 14].

Рассмотрим структуру отдельных многозначных существительных, мотивированных глаголами, которые, как известно выступают центром высказывания (предложения). Так, имя действия *развал* в исходном значении предстает синтаксическим дериватом, вбирая в себя семантику мотивирующей основы: **Развал** '1. Действие по глаг. развалить – разваливать¹ (в 1 знач.); действие и состояние по глаг. развалиться – разваливаться¹ (в 1 знач.). Развал стены'. ← **Развалить** '1. Рассыпать, раскидать что-л. собранное в кучу, сложенное. *Развалить бревна. Развалить кучу кирпичей.* || *Разг.* Сломать, разрушить (постройку, сооружение)'. **Развалиться** '1. Распасться, рассыпаться на части, куски. *Развалившийся штабель дров.* || *Разрушиться, превратиться в развалины.* || *Разг.* Разорваться, разлезться. – *Мы в ряды еще с ней утром ходили, башмачки Полечке и Лене купить, потому у них все развалились.* Достоевский, Преступление и наказание'. – МАС. 1-й ЛСВ глагола обозначает действие, направленное на разрушение чего-либо, которое включает такие валентности, как результат, объект, место действия. Транспозиционное значение деривата, номинализируясь, осваивает семантику мотивирующей глагольной основы и начинает выступать мотиватором для вторичных номинаций. 2-й ЛСВ девербатива в процессе лексической деривации мотивируется 2-м ЛСВ глагола, формируя значение результата действия: **Развал**. '2. Полное расстройство, упадок, разлад. *Развал работы. Развал дела*'. ← **Развалить**. '2. перен. Привести в полное расстройство, в упадок. *Развалить хозяйство*'. – МАС. 3-й ЛСВ глагола выступает мотиватором для 5-го ЛСВ девербатива со значением объекта действия: **Развалить**. '3. *Прост.* Разрубить, рассечь, разделить'. → **Развал**. '5. *Спец.* Половина распиленного вдоль бревна'.

В процессе деривации, таким образом, актуализируются значения результата (2, 3-й ЛСВ), объекта (5-й ЛСВ) и места (4-й ЛСВ) действия. Устаревшее значение (6-й ЛСВ) представляет собой метафору.

'2. Полное расстройство, упадок, разлад. *Развал работы. Развал дела*'.

'3. *Разг.* Беспорядок. *Вся комната была завалена открытыми чемоданами и заплечными мешками. И среди этого развала со штативом в руках стоял доктор Иван Иванович. Каверин, Два капитана*'.

'4. *Прост. устар.* Место, где торговали подержанными вещами, старьем, книгами, обычно разложенными прямо на земле'.

'5. *Спец.* Половина распиленного вдоль бревна'.

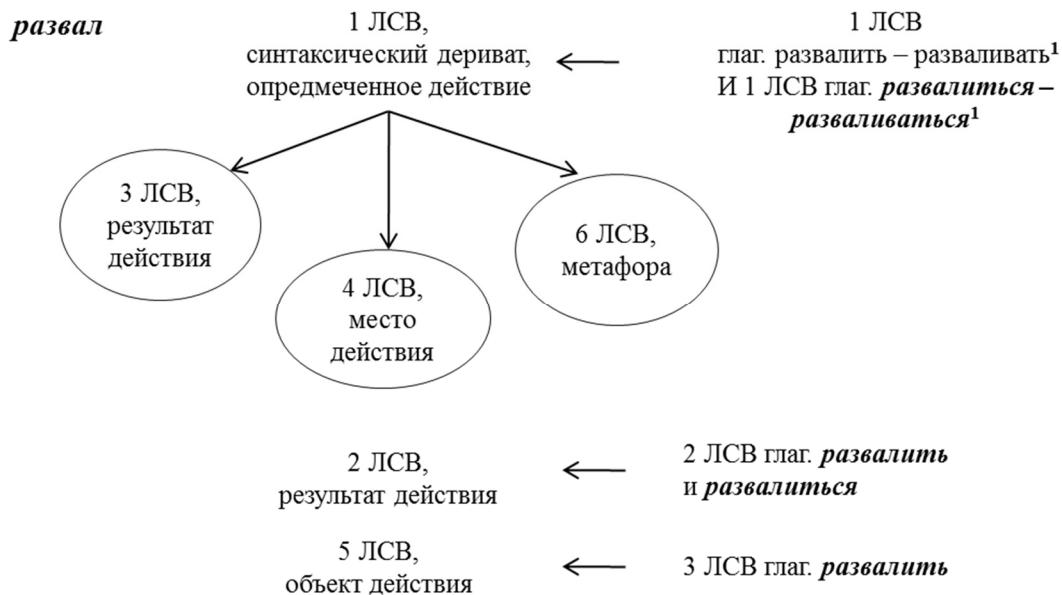
'6. *Прост. устар.* Пора наиболее полного развития, оживления чего-л.; разгар. *Я попал в Лебедянь в самый развал ярмарки.* Тургенев, Лебедянь'. – МАС.

В процессе деривации глаголы *развалить – разваливать* участвуют в полном объеме (все три ЛСВ), в то время как глаголы *развалиться – разваливаться*¹ – частично (только 1-й ЛСВ).

Структура многозначного девербатива *развал* сформирована по комбинированному типу полисемии: радиальный (1-й ЛСВ → 3,4, 6-й ЛСВ) и отраженный (2-й ЛСВ глагола → 2-й ЛСВ девербатива, 3-й ЛСВ глагола → 5-й ЛСВ девербатива) типы. На схеме структура имени действия представлена следующим образом.

Девербатив *нагрузка* содержит в своей семантической парадигме шесть ЛСВ, мотивирующий глагол – два ЛСВ, которые полностью участвуют в процессе деривации, расширяя семантическую парадигму деривата. Первый ЛСВ существительного, будучи сформированным в процессе синтаксической деривации, включает в себя семантику мотиватора и выступает мотивирующей базой для вторичных номинаций. **Нагрузка** '1. Действие по глаг. нагрузить – нагружать (в 1 знач.). *Набережная как вымерла: ни разгрузки, ни нагрузки.* Серафимович, Ветер'. – МАС ← **Нагрузить**. '1. Наполнить грузом, кладью. *Кибитку нагрузили грибами, вареньем, медом, мочеными и сушеными ягодами, назначенными в по-*

дарки. Герцен, Кто виноват?. || Поместить, положить груз, кладь на кого-, что-л., во что-л. *Нагрузить вещи на машину!* – МАС.

Семантика мотивирующего глагола предполагает физическое действие наполнения чего-либо чем-либо, а также размещение чего-либо где-либо. Синтаксическими валентностями глагола являются объект, средство, количество, место действия. Осуществляет действие субъект. Данные значения при их актуализации способствуют формированию вторичных номинаций девербатива. От исходного ЛСВ имени действия, мотивированного первым ЛСВ глагола, формируются такие предметные номинации, как объект действия (2-й ЛСВ), субъект неодуш. (5-й ЛСВ) и средство действия (6-й ЛСВ):

'2. То, что нагружено; груз. *Обнажившийся на отливе мокрый песок плотен и выдерживает автомашины с самой тяжелой нагрузкой.* Зыков, Три аксиомы'.

'5. Спец. Совокупность сил, действующих на какое-л. тело (сооружение, механизм, деталь). *Тепловая нагрузка. Нагрузка на ось паровоза. Работа мотора с повышенной нагрузкой!*

'6. Прост. То, что дают, продают в качестве дополнения к чему-л. *Продавать товары с нагрузкой!* – МАС.

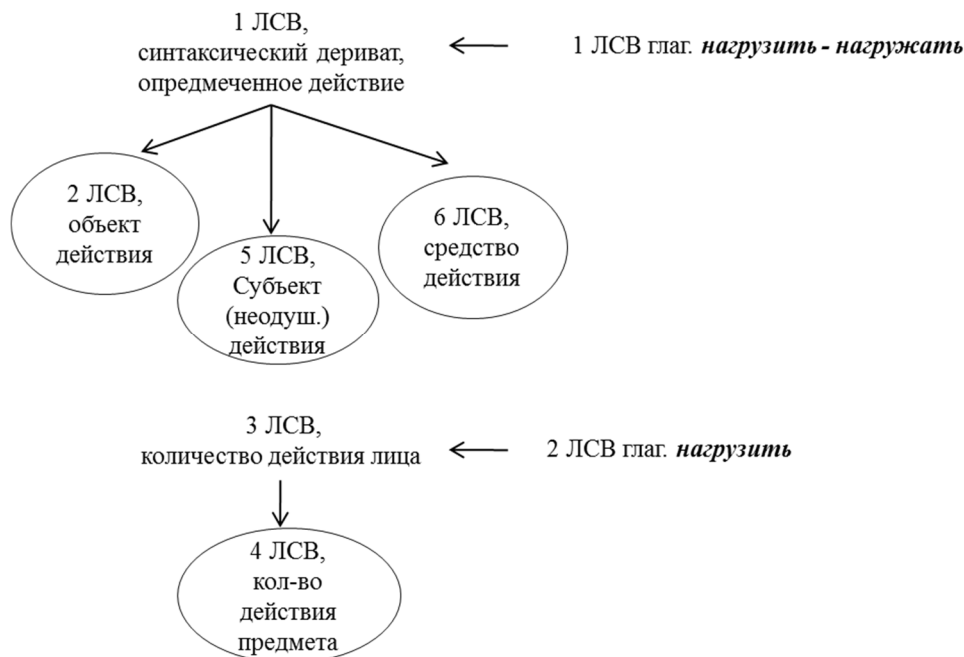
По типу отраженной полисемии от 2-го ЛСВ глагола образуется 3-й ЛСВ деривата со значением количества действия лица, от которого, в свою очередь, по типу цепочечной полисемии образуется значение количества действия предмета.

Нагрузить. '2. перен. Разг. Возложить на кого-л. какую-л. работу, обязанность, поручение'. → **Нагрузка.** '3. Количество работы, степень занятости какой-л. работой'. → **Нагрузка.** '4. Загруженность работой какого-л. аппарата, машины и т.п. *Максимальная нагрузка мотора!* – МАС.

Таким образом, семантическая парадигма девербатива **нагрузка** сформирована по комбинированному типу полисемии: радиальный (1-й ЛСВ деривата → 2, 5, 6-й ЛСВ) + отраженный и цепочечный (2-й ЛСВ глагола → 3-й ЛСВ деривата → 4-й ЛСВ) типы полисемии. Вторичные (предметные) номинации формируются путем актуализации актантных значений мотиватора.

Семантическая парадигма имени действия **окружение** включает пять ЛСВ, которые мотивируются четырьмя ЛСВ глагола. Глагол предполагает действие, направленное вокруг чего-либо, где-либо с каким-либо результатом. Синтаксическими валентностями глагола предстают результат, место действия. Действие осуществляет определенный субъект. Исходное значение существительного

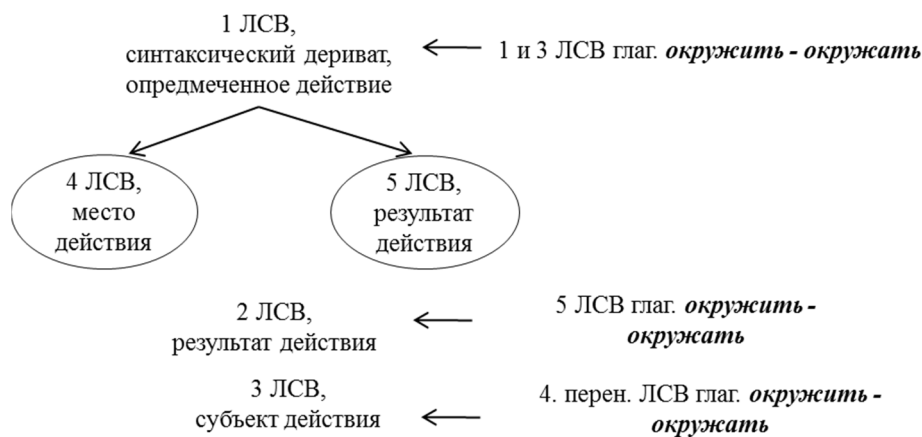
мотивируется 1 и 3-м ЛСВ глагола и в процессе синтаксической деривации приобретает транспозиционное значение. Номинализируясь в процессе деривации, 1-й ЛСВ deverbative выступает источником для предметных номинаций (4 и 5-й ЛСВ) со значениями места и результата действия.

Окружить. '1. Расположиться, занять место вокруг кого-, чего-л.' '3. Обойти кругом, взять в кольцо, лишая возможности выхода, отступления'. → **Окружение.** '1. Действие по глаг. окружить—окружать (в 1 и 3 знач.)'. → '4. Окружающий, прилегающий к чему-л. район; окрестность'. '5. Положение, при котором кто-, что-л. находится в кольце вражеских войск'. – МАС.

2-й ЛСВ deverbative мотивируется 5-м ЛСВ глагола. В процессе лексической деривации объективируется такая синтаксическая валентность глагола, как результат действия. **Окружить.** '5. чем. Создать вокруг кого-л. какую-л. обстановку, атмосферу'. → **Окружение.** '2. Окружающая обстановка, условия существования кого-, чего-л. *Географическое окружение*'. – МАС.

3-й ЛСВ deverbative мотивируется 4-м ЛСВ глагола. В процессе лексической деривации формируется субъектное значение деривата. **Окружить.** '4. перен. Приблизить каких-л. лиц к кому-л., создать из каких-л. лиц чье-л. окружение, общество. – *Вы окружили себя помощниками, которых совершенно не знаете. Чехов, Жена*'. → **Окружение.** '3. Совокупность лиц, составляющих общество, в котором кто-л. вращается; окружающая среда'. – МАС.

Структура лексического значения девербатива *окружение* сформирована по комбинированному типу полисемии: радиальный 1-й ЛСВ деривата → 4 и 5-й ЛСВ девербатива) + отраженный (5-й ЛСВ глагола → 2-й ЛСВ девербатива, 4-й ЛСВ глагола → 3-й ЛСВ девербатива) типы полисемии.

Проведенное исследование формирования структуры лексических значений многозначных отглагольных существительных показывает следующую картину. Исходное значение девербативов образуется в процессе синтаксической деривации, приобретая транспозиционное значение. Номинализируясь в процессе деривации, оно наследует синтаксические валентности глагола. Отдельные из них, актуализируясь в процессах семантической деривации, способствуют формированию различных предметных номинаций. При мотивации глаголом наблюдается процесс лексической деривации, при котором также объективируются те или иные актантные значения.

Список литературы

1. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М. : Наука, 1979. 264 с.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. 2-е изд., доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
3. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования. Русское производное имя. Томск, 1997. 40 с.
4. Словарь русского языка (МАС) : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1981–1984.

Информация об авторе: *Касимова Гульзухра Кевировна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва в г. Пензе (г. Пенза, Россия).

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СВАДЕБНЫХ ЗДРАВИЦ

М. Б. Кетенчиев

г. Нальчик, Россия
ketenchiev@mail.ru

Аннотация. Проанализированы лингвистические особенности алгышей, в которых закодированы традиционные архетипические представления карачаевцев и балкарцев об окружающей действительности. Рассматриваются их изобразительные средства, а также структурно-семантические характеристики. Исследована специфика семантики оптативных по значению конструкций, наличествующих в благопожеланиях, выявлена их функциональная нагруженность. Показана взаимосвязь сферы функционально-семантической категории оптатива и малых жанров фольклора, к которым относятся в первую очередь алгыши-благопожелания.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, фольклор, алгыши, оптативные конструкции, структура, семантика, функция

Для цитирования: Кетенчиев М. Б. Синтаксические особенности карачаево-балкарских свадебных здравий // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 258–262.

Здравницы, или алгыши «благопожелания», относятся к малым жанрам устного народного творчества, в силу чего их изучают фольклористы. Так, например, некоторые специалисты в области карачаево-балкарской филологии проводили обзор истории записи и публикации здравниц [2], а другие исследовали их жанровые и функциональные характеристики [6]. Они нашли место и в литературоведческих работах в плане актуализации идиостиля того или иного писателя, а также раскрытия национально-художественных особенностей поэтического текста [7]. Лингвисты же отмечают тот факт, что многие лексемы, входящие в состав благопожеланий, относятся к их ядерной сфере [10] и способствуют формированию изобразительных средств, к которым относятся, например, фразеологические единицы во всем их семантическом многообразии [9]. В грамматических же исследованиях на обсуждение выносятся вопросы, связанные с парадигматическими особенностями благопожелательных конструкций [5; 8] и частеречной принадлежностью их составляющих [1]. Между тем многие лингвистические проблемы, выходящие на алгыши, все еще остаются вне поля зрения филологов, к которым можно отнести и их синтаксическую структуру.

Исходя из вышеизложенного, в данной статье мы ставим цель выявить и описать функционально-семантические возможности оптативных конструкций в свадебных алгышах. Материал исследования для достижения указанной цели подобран путем сплошной выборки из хрестоматийного издания текстов фольклора, подготовленного Т. М. Хаджиевой [3, с. 380–390].

В зачинах архетипичных алгышей часто встречаются вокативные конструкции, в состав которых входит имя верховного божества карачаевцев и балкарцев *Тейри (Тенгри)*, на что обращается внимание и в специальных лингвистических исследованиях [4]. Это обусловлено тем, что тостующий в первую очередь апеллирует к Богу, чтобы он исполнил то или иное пожелание. Причем в тексте *Тейри* получает характеристики, присущие высшей силе: *Жокъдан бар этген Тейри, // Бардан да жокъ этген Тейри, // Хар затха кючю жетген Тейри, // Жаратхан жанына ырысхы берген Тейри!* «Из ничего творящий Тейри, // Сущее уничтожающий Тейри, // Сотворенного им богатством наделяющий Тейри!».

В более поздних текстах лексема *Тейри* вытесняется теонимом *Аллах*, что вызвано уже влиянием восточной культуры и ислама: *Я Аллах, быланы ёмюрлери узакъ болсун!* «Боже, пусть долгой будет их жизнь!».

В целях привлечения к себе внимания произносящий тост употребляет слово *аланла* в значении «соплеменники»: *Аланла, сабыр этигиз, // Алгышхы да тынгылагъыз* «Аланы будьте спокойны, // К алгышу тоже прислушайтесь».

Ср. высказывание: *Жашла, киеу аякъны алайыкъ къолгъа, // Чыгъайыкъ биз ахшы жолгъа* «Ребята, чашу зята в руки возьмём, // Выйдем мы в добрый путь». Данное благопожелание адресуется молодёжи (друзьям жениха), которая собирается ехать за невестой. Такие примеры свидетельствуют о том, что употребление обращений маркируются в этнокультурном отношении и ситуативно обусловлено.

Следует отметить и то, что обращения сопровождаются различными императивными междометиями, а также междометными лексемами со значением просьбы: *Ха, аланла, тебирейик* «Ха, аланы двинемся в путь»; *Эй, маржа, жашла, алгыш этейик* «Эй, пожалуйста, ребята, сделаем свои алгыши» и т. п.

В ткань рассматриваемого жанра фольклора органично вплетаются фразеологические единицы, которые имеют различную синтаксическую структуру и множество значений. Они в целом стилистически окрашены и относятся к так называемому слою общеупотребительной фразеологии. Следует отметить, что такого рода устойчивым дескрипциям присуща достаточно яркая эмоционально-экспрессивная окраска, которая детерминируется их образностью, поскольку в их

состав входят выразительные средства языка: *Халкыбыз бир тилли болсун!* «Народ наш пусть единокорным будет!»; *Жашауларындан аяклары таймасын* «В своей жизни чтобы неудач не терпели»; *Жашауда аяк тиреучю болсунла* «В жизни чтобы на ноги становились (материально)»; *Тилеклирибиз кыбыл болсунла* «Наши мольбы пусть сбудутся».

В качестве образных средств выступают и различные компаративные конструкции. В алгышах сравнение реализуется как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях. Маркерами компаратива часто выступают морфемы (-ча, -лай/-лей), послеложные имена (*кибик*) и глаголы (*уша-*): *Ырысхыгыз кеп болсун сабанлада кылкыча* «Как на ниве колосьев будет много у вас добра»; *Алгыши келсин жсауунлай* «Пусть алгыш как дождь придет»; *Юйленигиз тенгизде юзmez кибик* «Пусть как в море песка в доме вашем изобилие будет»; *Кызыгыз Сатанайга ушасын* «Пусть дочь ваша будет похожа на Сатанай (героиня нарсткого эпоса)». Спецификой алгыша является то, что в нем компаративные конструкции не являются одиночными, а организуют многочисленные ритмические ряды. Это придает тексту большую экспрессивность: *Насыбы, ырысхысы кеп болсун: // Кекден жсауган жсаун кибик, // Жерден чыкыган кырдык кибик, // Агачлада чырпы кибик, // Сабанлада кылкы кибик!* «Счастья и богатства у него пусть будет много: // Как дождя, льющегося с неба, // Как травы, произрастающей из-под земли, // Как кустов, ветвей в лесах, // Как колосьев на пашне». Как видим, эталонами сравнения в таких текстах выступает многообразие окружающей действительности.

В силу специфики жанра алгышам в целом присуща оптативная семантика, которая реализуется благодаря функционированию в них различных синтаксических конструкций. В некоторых из них стержневыми элементами выступают глаголы желательного наклонения, употребляющиеся в форме первого лица множественного числа: *Кыуанчда боза аякны кюлга алайык, // Кыраллыкны тюз жолунда барайык, // Палахдан кюрлай калайык* «На празднестве возьмем в руки чашу с бузой, // Пойдем по праведному пути государственности, // От невзгод освободимся».

В конструкциях рассматриваемой семантики встречаются и глаголы желательного наклонения на -гын: *Тулук, тулук мирзеу алгын, // Кыайыларынгы кыуандыргын, // Кыуанч азыкка кыпхын, // Тейриден тилегинги тапхын* «Чтобы мешками зерно убирал, // Чтобы новых родственников радовал, // Чтобы на радость вкушал еду, // Чтобы Тенгри твоим мольбам внял».

Однако в благопожелательном тексте превалируют императивные конструкции со сказуемыми, выраженными глаголами повелительного наклонения третьего лица единственного числа: *Тегереги уландан толсун, // Жашауу кыуанчдан толсун* «Вокруг неё пусть будет много сыновей, // Жизнь её пусть радостью наполнится»; *Жашы жексин егюзлени, // Кызы урсун кийизлени* «Сын пусть волов запрягает, // Дочь пусть кийизы готовит»; *Ырысхы, насып юйюезде толуп кыалсын, // Аман адам мындан чыкмай ёлюп кыалсын* «Богатство, счастье пусть ваш дом наполнят, // Плохой человек отсюда не выйдя пусть умрет».

Поскольку часто тостующий на торжестве обращает внимание на перспективу семьи, то в его алгышах употребительны и глаголы повелительного наклонения третьего лица множественного числа: *Кызыларынг ийнек саусунла, // Жашларынг ууга барсынла, // Чалгыны кыты тутсунла* «Пусть дочери твои доят коров, // Пусть сыновья твои на охоту ходят, // Пусть их руки крепко держат в руках косу».

Наряду с побудительными конструкциями оптативной семантики с целью придания своей речи большей значимости произносящий алгыш использует

и экспрессивные восклицательные конструкции, которые обычно употребительны в финальной части благопожелания: *Ол затланы кёрюр ючюн, // Биз тартабыз алгышы аякъ!* «Чтобы увидеть всё это, // Мы пьём задравную чашу!».

Рассмотренные выше высказывания свидетельствуют о том, что в благопожеланиях встречаются глагольные лексемы, отмеченные широким спектром значений. Однако наибольшим функционально-семантическим потенциалом в них отмечен вспомогательный глагол *бол-* «быть», который вкуче с различными частями речи выступает в качестве сложного именного сказуемого: *Ашлыкъларыбыз башылы болсунла, // Келинлерибиз жашлы болсунла, // Ёгюзлерибиз бешили болсунла, // Биченликлерибиз ташсыз болсунла* «Зерновые с колосьями пусть будут, // У невест пусть сыновья будут, // Волы наши пусть пятилетними будут, // Сенокосы пусть без камней будут».

В состав алгышей вводятся и собственно повествовательные конструкции: *Бу алгышы аякъды, // Кенг аякъды, // Барыбызгъа тенг аякъды* «Это задравная чаша, // Широкая чаша, // Для всех нас равная чаша».

В алгышах налицо как утвердительные, так и отрицательные высказывания. Первые нацелены на исполнение пожелания: *Игилик бери болсун, // Аманлык кери болсун* «Хорошее пусть прибудет, // Плохое пусть подальше будет». Вторые же носят антонимичный характер и предполагают неисполнение того, что будет вредить адресату здравицы: *Жашамасынла халкъны бузгъан аманла* «Пусть не живут люди, портящий народ». Однако имеет место и то, что отрицание – это благо для жизнедеятельности человека: *Жырып, тыякъ ётмесин, // Тартып оракъ кесмесин* «Пусть палка не пройдет, // Пусть серп не возьмет». Здесь речь идет о том, чтобы зерновые росли кучно и обильно. Отрицательные конструкции в основном адресуются в качестве зложелания слушателям, у которых недоброе отношение к виновникам торжества: *Аны суймегенни Аллахдан тилеги толмасын, // Жегерге эшеги болмасын, // Жатаргъа тёшеги болмасын* «Кто этого не любит, тому пусть Аллах не внемлет, // Пусть не будет осла, чтобы запрячь, // Пусть постели не будет, чтобы лечь».

Из сложных конструкций больше всего встречаются сложносочиненные высказывания, благодаря которым автор здравицы стремится выразить все многообразие пожеланий в адрес адресата: *Алтын болсун терегигиз, // Кюмюш болсун керегигиз, // Кисей болсун кёлегигиз, // Ариу болсун суйгенигиз ...* «Дерево ваше пусть будет золотым, // Изделия ваши пусть будут золотыми, // Рубашки ваши пусть будут кисейными, // Красивыми пусть будут ваши любимые ...».

Свою нишу в здравицах находят и сложноподчинённые конструкции. Они репрезентируют условия, которые релевантны для жизни этноса: *Къатын берсе – ариуун берсин, // Къой берсе – туюлюсюн берсин, // Ийнек берсе – сютлюсюн берсин, // Ёгюз берсе – тартханын берсин, // Ат берсе – чапханын берсин ...* «Жену даст – пусть дает красивую, // Овцу даст – пусть дает шерстистую, // Корову даст – пусть дает молочную, // Вола даст – пусть дает волокущего, // Коня даст – пусть дает скачущего ...».

Как видно из проанализированного выше фактологического материала, карачаево-балкарские алгыши представляют собой в целом ритмически организованные оптативные тексты, которые богаты на различные изобразительные средства. Они характеризуются многообразием синтаксических структур и репрезентируют множество значений, тесно связанных с традиционным образом жизни карачаевцев и балкарцев. Благопожелания имеют перспективу для дальнейшего исследования в лингвокультурологическом аспекте, что даст возможность осветить целый ряд проблем, выходящих на такой важный аспект, как языковая экспликация национальной картины мира.

Список литературы

1. Ахматова М. А., Текуев М. М., Додуева А. Т. Функционирование пространственных послеложных имен в карачаево-балкарском нартском эпосе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 4 (28). С. 142–150.
2. Гулиева (Занукоева) Ф. Х. К истории записи и публикации малых жанров карачаево-балкарского фольклора // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 4-1 (47). С. 129–135.
3. Карачаево-балкарский фольклор : хрестоматия / сост. Т. М. Хаджиева. Нальчик : Эль-Фа, 1996. 592 с.
4. Кетенчиев М. Б. Проблемы вокативных конструкций в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии : сб. ст. к 70-летию Ж. М. Гужеева. Нальчик : Издат. отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2010. С. 69–74.
5. Кетенчиев М. Б. Парадигмы простого предложения по синтаксическим наклонениям в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 392–396.
6. Локьяева Ж. М. Особенности и функциональная роль благопожеланий (алгыш) (на материале карачаево-балкарского фольклора) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6 (98). С. 302–311.
7. Узденова Ф. Т. Творческая индивидуальность и национально-художественное своеобразие современной балкарской поэзии // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 208–211.
8. Улаков М. З., Кетенчиев М. Б. Парадигма именного отрицания в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 3 (53). С. 160–165.
9. Хуболов С. М. Семантические разряды компаративных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 1 (63). С. 290–294.
10. Novgorodov I. N., Gadzhiakhmedov N. E., Ketenchiev M. B. [et al.]. Chulym Turkic is a Uralian Kipchak language, according to the Leipzig–Jakarta list // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 907. P. 411–419.

Информация об авторе: *Кетенчиев Мусса Бахаутдинович*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия).

ОБРАЗНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ КОЛОРИСТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Я. О. Кротова

г. Пенза, Россия
ysvyatova@list.ru

Аннотация. Рассматриваются основные когнитивные механизмы семантической трансформации, детерминирующие процесс образования колористических фразеологизмов как в русских говорах, так и в современном русском языке. Выявлены образные когнитивные модели образования диалектных колористических фразеологизмов. Сделан вывод о преобладании общеязыковых и диалектных колористических устойчивых сочетаний, репрезентирующих частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов. Отмечено, что метафорическому переосмыслению в таких случаях подвергается именно цветообозначение, входящее в состав фразеологической единицы.

Ключевые слова: фразеомообразование, фразеологическая единица, когнитивная модель, образность, метафора, метонимия

Для цитирования: Кротова Я. О. Образные когнитивные модели образования диалектных колористических фразеологизмов // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 262–267.

В настоящее время активно исследуются когнитивные механизмы фразеомообразования. В центре научного внимания – процесс лингвокреативного мышления, преобразующий исходные единицы в устойчивые. Цель нашего исследования – описать когнитивные модели образования диалектных колористических фразеологических единиц (ФЕ).

Основными механизмами передачи концептуального содержания ФЕ являются метафора и метонимия [8, с. 70]. Они позволяют создавать «образ внутренней формы» ФЕ [9, с. 135] и продуцировать вторичные номинации, обозначающие широкий спектр явлений действительности [6, с. 8].

Баранов А. Н. и Добровольский Д. О., помимо метафорических и метонимических моделей внутренней формы ФЕ, выделяют) синонимическую модель (*любо-дорого смотреть*), б) модель редупликации (*чин-чином*), в) модель взаимодополняющихся множеств (*душой и телом*) [1, с. 23–24], но число таких ФЕ невелико.

Особое внимание в современной лингвистике уделяется категории цвета – особой зрительной категории, представляющей собой постоянное качество, присущее предмету. Цветообозначения (ЦО) в составе ФЕ выражают богатство их значений и ассоциативных связей, обнаруживают способность отражать в языковом сознании материальный и духовный мир человека [7, с. 382]. Входя в состав ФЕ, ЦО наделяется особым содержанием, которое диктуется стойкими бессознательными ассоциациями. Однако они постепенно переходят в осознанные, благодаря чему у ЦО формируются символические значения, которые помогают выявить абстрактные смыслы и периферийные концептуальные признаки, закреплённые в смысловой структуре ЦО.

При исследовании диалектных колористических фразеологизмов мы опираемся на когнитивные модели фразеомообразования, разработанные Ли Цзин на основе систематизации 15 видов фразеологических структур Ю. А. Гвоздарёва [3, с. 207–214] и соотнесения их с исследуемыми колористическими фразеологизмами современного русского языка [6, с. 14–20]. Рассмотрим модели, представленные в научной литературе.

1. ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов. К ним относятся ФЕ, основанные на переменных сочетаниях, метафорически соотносимых с обозначаемыми реалиями. Например, во ФЕ *белая ворона* – о том, кто выделяется чем-л. среди окружающих людей, непохож на них [10, с. 44]. Метафоризация касается нетипичных свойств человека, отличающих его от других. В основе переноса лежит ассоциация по настоящему цвету вороны (чёрный), который противопоставляется белому как нетипичному.

2. ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов. В колористических фразеологизмах полного метонимического типа цветовой атрибут исходного предмета в составе словосочетания становится основным признаком для выделения и обозначения предмета. Например, *белый билет* – свидетельство об освобождении от военной службы [10, с. 43], где компонент *белый* указывает на цветовой признак билета, вместо его функционального признака (метонимическая модель «часть документа → документ»).

3. ФЕ с метонимически-метафорическим переносом. Такие ФЕ образуются на базе необычных сочетаний отдельных слов, т. е. при образовании ФЕ совмещаются логически несовместимые понятия. Компонент-цветообозначение в таких ФЕ метонимически указывает на цвет денотата, а другой компонент метафорически соотносится с денотатом. В ФЕ *жёлтый уголь* – о солнце как источнике электроэнергии [10, с. 383] сочетаемость компонентов целого обусловлена тем, что определяемый элемент (*уголь*) уподобляется другому источнику энергии – солнцу, значение которого устойчиво ассоциируется с ЦО *жёлтый*.

4. ФЕ с метафорически-метонимическим переносом. Здесь компонент «цвет» метафорически переосмысливается, а другой компонент создает метонимическое отношение с денотатом. Например, ФЕ *красный уголок* – культурно-просветительное учреждение клубного типа; помещение, занимаемое таким учреждением [10, с. 516]; в данном случае компонент *уголок* (часть) соотносится с денотатом помещение (целое), а компонент *красный* метафорически связывается с революционной символикой.

5. ФЕ, репрезентирующие частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов. Во ФЕ с компонентом «цвет» ЦО подвергается метафорическому переносу, а второй компонент – сохраняет прямое значение. Например, *зелёный возраст* – юношеский возраст [10, с. 435]; основанием для метафорического переноса выступает признак несформированности, в силу чего неопытные молодые люди уподобляются зелёным неспелым плодам.

6. ФЕ, репрезентирующие частично метонимическое преобразование мотивирующих компонентов. ЦО здесь подвергается метонимическому переносу, а другой компонент сохраняет своё буквальное значение. Например, *зелёный стол* – карточный стол, обтянутый сукном такого цвета, предназначенный для записи мелом счета игры [10, с. 435].

7. ФЕ, репрезентирующие необразное преобразование мотивирующих компонентов. В данном случае ЦО в составе ФЕ непосредственно соотносится со своим прямым цветовым значением. Здесь речь идет о семантической специализации, когда ФЕ образуются путём сужения значения исходного свободного словосочетания, в отличие от которого компонент-прилагательное в ФЕ обозначает не цветовой признак, а выделяет денотат в новый конкретизирующий вид. Например, *красный лес* – хвойный лес [10, с. 517].

Таким образом, метафора и метонимия характеризуются образностью, которая создаётся путём вторичной номинации, и являются когнитивной основой фразеологической номинации. Безобразное преобразование также может использоваться для создания ФЕ, отражающих новый конкретизированный денотат.

Методом сплошной выборки нами было отобрано около 500 диалектных колористических ФЕ. В настоящем исследовании мы проанализируем образные диалектные ФЕ с компонентом «цвет» (131 ФЕ) в соответствии с классификацией когнитивных моделей ФЕ, предложенной Ли Цзин.

1. ФЕ, репрезентирующие полное метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (6 ФЕ). Например, *ступить в красный сапог* – неудачно выйти замуж, хлебнуть горя в семейной жизни. При образовании этого фразеологизма происходит метафорическое отождествление обувания и вступления в брак. Кроме того, для сапога характерен мотив доминирования, подчинения: ср. *жить (находиться, держать) и т. п. под сапогом* «жить, находиться, держать и т.п. в полном подчинении» [2, с. 175]. Отсюда негативная коннотация ФЕ. Красными же сапоги называли потому, что в народном сознании сложилось представление о красных сапогах как нарядной, богатой, но неудобной (в отличие от лаптей) обуви. Другой пример: *не за синие щеки* – не просто так, а заслуженно. Эта

ФЕ соотносится с общеупотребительной ФЕ *за красивые глаза*, где часть тела человека метафорически называется его достоинством, а прилагательное подчёркивает его исключительность, красоту. Здесь же, по нашему мнению, ФЕ имеет значение *не из жалости*, так как в народном сознании цвет *синий* метафорически соотносится с мотивами болезни, смерти, тёмной силы.

2. ФЕ, репрезентирующие полное метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (16 ФЕ). *Белая баба* – русалка: основной компонент выражает принадлежность мифологического существа к женскому полу, а ЦО указывает на цвет живого существа, рыбы, внешние признаки которой имели русалки, по мнению наших предков. *Пёстрая горячка* – сыпной тиф: горячка – это наименование симптома проявления тифа (лихорадки) вместо наименования самой болезни, а ЦО указывает на внешнее проявление характерной сыпи.

3. ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (27 ФЕ). *Синяя покрывка раскрывается* – по суеверным представлениям – явление разверзающегося ночью неба: ЦО метонимически указывает на цвет ночного неба, а основной компонент *покрывка* метафорически указывает на «назначение» небесного свода – покрывать землю. *Белые комары* – падающий первый снег. Здесь ЦО метонимически указывает на цвет снега, а комарами снег называют из-за сходства его передвижения в воздушном пространстве с движением этих насекомых.

4. ФЕ с метафорически-метонимическим переносом (10 ФЕ). *Серый квас* – постная, без мяса окрошка. ЦО *серый* выступает в метафорическом значении «пустой, невзрачный, безвкусный», точно так же как цвет *серый* противопоставляется ярким, насыщенным цветам спектра. Основной компонент ФЕ обозначает ингредиент блюда, т. е. строится по модели «целое → часть от целого». *Красная горка* – первое воскресенье после пасхи, а также неделя, следующая за пасхальной. *Красный* цвет издревле ассоциируется в народном сознании с молодостью, силой, здоровьем, праздником. На Красную горку большие группы нарядно одетых людей, прежде всего молодёжи, выходили на ближайшие к селу возвышенности, что послужило основой наименования этого праздника (метонимически указывается на место действия), водили хороводы, пели, катали пасхальные яйца; девушки демонстрировали свои таланты и наряды, молодёжь присматривалась друг к другу [5, с. 402–404].

5. ФЕ, репрезентирующие частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов (31 ФЕ). *Белый месяц* – народный праздник у бурят, монголов, китайцев — встреча первого месяца нового года. *Белый* здесь имеет значение «новый, чистый, счастливый». Согласно традиции, накануне праздника каждая семья наводит порядок в жилище, верующие украшают домашний буддийский алтарь, в качестве подношений помещают перед изображениями божеств разнообразные угощения. За три дня до праздника все съезжаются в буддийский храм, где участвуют в обряде Дугжууба, во время которого совершается очищение от грехов и несчастий ушедшего года [4]. *Зелёная сеть* – о новой сети. Основанием для метафоры выступает признак «неспелости», молодости, поэтому сеть уподобляется неспелым плодам.

6. ФЕ, репрезентирующие частично метонимическое преобразование мотивирующих компонентов (16 ФЕ). *Белым лесом* в говорах называют березняк по цвету стволов берёз (метонимическая модель «часть предмета → множество предметов»). *Зелёный год* – неурожайный год. Всё посеянное, посаженное не успевает вызреть из-за недостатка тепла, солнца, поэтому весь цикл полевых работ метонимически получил определение *зелёный* по цвету несозревших плодов.

Кроме ФЕ, соотносённых с когнитивными моделями фразеоморфирования, предложенными Ли Цзин, мы выделили ещё две группы ФЕ, обладающих образностью:

1. ФЕ, в которых ЦО выступает в роли эпитета, яркого определения, выражающего оценочное отношение говорящего к изображаемому (33 ФЕ): *красный берег, бережок* – эпитет берега; *серый бор* – эпитет бора; *синь ворон* – эпитет ворона.

2. ФЕ, построенные по модели редупликации (3 ФЕ): *на убел белый* – очень белый; *синь-синеть* – очень сильно выделяться своим синим цветом; *из серых серый* – самый темный, отсталый. Такие ФЕ тоже являются образными, поскольку определяют крайнюю, предельную степень признака, выводят его на новый качественный уровень, выражают оценку.

Итак, образные диалектные колористические фразеологизмы, как и ФЕ современного русского языка, представлены в классификации когнитивных моделей фразеоморфологии, предложенных Ли Цзин. Интересно, что как среди общеязыковых ФЕ, так и диалектных группа ФЕ, репрезентирующих частично метафорическое переосмысление мотивирующих компонентов, т.е. таких, где ЦО подвергается метафорическому переносу, а основной компонент сохраняет прямое значение, представлена очень широко: 98 ФЕ (31 %) среди общеязыковых ФЕ, 30 ФЕ (23%) среди диалектных ФЕ. Это говорит о высокой валентности ЦО и о способности легко образовывать переносные значения по сходству как в современном русском языке, так и в говорах.

Второе и третье место по численности ФЕ в общем употреблении занимают модели с полным метонимическим (50 ФЕ) и полным метафорическим переносом (49 ФЕ). В говорах эти позиции принадлежат моделям, по которым образуются ФЕ с метонимически-метафорическим переносом (27 ФЕ) и с ЦО-эпитетом (23 ФЕ). Это свидетельствует, на наш взгляд, о разных целях использования ФЕ в языке. В современном русском языке, строгом и кодифицированном, ФЕ сильнее поддаются образному переносу, поскольку их значения достаточно освоены всеми носителями языка. В говорах же важно дать оценку описываемому явлению с помощью образного эпитета или дать такое наименование предмету, в котором основной компонент выражает сходство с тем предметом, который понятен говорящему и собеседнику, а ЦО в прямом смысле обозначает цвет такого предмета.

В то же время мы выделили ещё 2 модели образования диалектных ФЕ: 1) где ЦО – эпитет, 2) модель редупликации. Такие ФЕ нельзя отнести к получившимся в результате безобразного преобразования, поскольку ЦО в них выступает в роли яркого определения или посредством редупликации выражает крайнюю степень признака, что помогает нам определить отношение говорящего к описываемому явлению окружающего мира.

Стоит отметить, что большинство диалектных колористических ФЕ (336 ФЕ, 72 % от общего числа ФЕ) образовано путём сужения значения, т. е. необразного преобразования, когда ЦО выступает в качестве характерного признака называемого явления, выделяя его в новый вид. Этот показатель более чем в 5 раз больше, чем среди ФЕ современного русского языка (42 ФЕ из 315, т.е. около 13,3 %). Из сказанного следует вывод, что главная функция ЦО в составе ФЕ в говорах – чёткое наименование явлений окружающего мира для их дифференциации и систематизации, в то время как образное, оценочное значение ЦО во ФЕ приобретали гораздо реже.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
2. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. А. С. Герд. М. : Наука, 2009. Т. 13. URL: <https://iling.spb.ru/publications/363> (дата обращения: 20.02.2023).

3. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеологического образования. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. проф. Л. Б. Савенкова. Ростов н/Д. : Логос, 2010. 246 с.
4. Российский этнографический музей. URL: <https://ethnomuseum.ru/muzej/> (дата обращения: 06.01.2023).
5. Славянские древности : этнолингвистический словарь / Рос. акад. Наук, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2014. Т. 5.
6. Цзин Ли. Деривационный потенциал цветообозначений в актах фразеологического образования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 24 с.
7. Цзин Ли. Цветовая картина мира в русском и китайском языках: на материале фразеологизмов с именами цвета // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-мефодиевские чтения. 2019. С. 382–386. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39161243> (дата обращения: 28.11.2022).
8. Цзин Ли, Катышев П. А. Когнитивный механизм использования цветообозначений в актах фразеологического образования // Сборник материалов Международной научно-практической конференции на тему «Глобализация и языковая картина мира». Ч. 1. (15–16 мая 2019 г.). Фергана, 2019. С. 70–73.
9. Чень Янь. Внутренняя форма фразеологизма как предвосхищение его актуального значения // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 1. С. 135–136. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyllolog/2012/01/2012-01-35.pdf> (дата обращения: 01.12.2022).
10. Фразеологический словарь русского языка / сост.: А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2007. 334 с.

Информация об авторе: *Кротова Яна Олеговна*, магистрант Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы Средней общеобразовательной школы с углублённым изучением информатики № 68 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

М. В. Ладутько

г. Могилёв, Республика Беларусь
ladutko.m@mail.ru

Аннотация. Рассматривается гуманитарный научный дискурс с позиции его лингвистического анализа. Выявляется специфика научного дискурса и его разновидности – гуманитарного научного дискурса. Описываются коммуникативное, когнитивное и интегративное направления лингвистического анализа гуманитарного научного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, научный дискурс, направления лингвистического анализа

Для цитирования: Ладутько М. В. Направления лингвистического анализа гуманитарного научного дискурса // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 267–271.

Научный дискурс – это «язык в языке», по Ю. С. Степанову, но представленный в виде особой научной данности [1, с. 65–66]. Он представляет собой последовательность высказываний, производимую на основе исторически сложившейся системы правил, традиций и ценностей науки как социокультурной

общности, посредством которой общество реализует свои когнитивные потребности.

Научному дискурсу как типу институционального дискурса присущи следующие категориальные признаки: а) являться знакообразующей базой в силу своей многоплановой структуры, на разных уровнях которой осуществляется когнитивная обработка информации, поступающей от всех участников коммуникативно-прагматической ситуации; б) представлять семантическое единство, обусловленное целостностью событийного восприятия коммуникативно-прагматической ситуации; в) представлять сочетание социального и интроспективного, проявляющегося в отражении социально значимых проявлений внутреннего мира человека; г) обладать смыслогенерирующей и миропорождающей способностью, проявляющейся в процессе лингвокреативного осмысления событийного содержания, в результате чего и происходит «погружение в жизнь» [3, с. 185–186].

Целью научного дискурса В. И. Карасик называет процесс вывода нового знания о предмете, явлении, их свойствах и качествах, представленный в вербальной форме и обусловленный коммуникативными канонами научного общения – логичностью изложения, доказательством истинности и ложности тех или иных положений, предельной абстракцией предмета речи [4, с. 5–20]. Общие характеристики научного дискурса в плане выражения представлены через обобщенный характер, объективность изложения, точность, логичность и безличность изложения. Для современного научного дискурса свойственны замкнутость, системность, стандартизация средств выражения.

Р. С. Аликаев специфику гуманитарного научного дискурса объясняет, «явным преимуществом индуктивных методов исследования, в отличие от дедуктивных; генетическим родством гуманитарных наук и публицистики; большей формальной и жанровой свободой гуманитарной сферы и большей коммуникативной и прагматической компетентностью самих гуманитариев, которая позволяет им более свободно варьировать жанровые и стилистические формы речи» [1, с. 70].

Среди направлений лингвистического анализа гуманитарного научного дискурса выделяются коммуникативный, когнитивный, интегративный.

Исследуя научную коммуникацию как передачу научного содержания знания от научного мышления одного человека к научному мышлению другого в условиях научного дискурса, представители всех направлений лингвистического анализа гуманитарного научного дискурса исходят из знания законов коммуникации: закона возрастания коммуникативно-когнитивных потребностей людей; закона ускорения и увеличения объема научно-информационного обмена; закона системной организации и упорядочения структур посредством коммуникации; закона устойчивого воспроизводства сложившихся коммуникативных связей в природе и закона расширенного воспроизводства коммуникативных связей в научном обществе.

В рамках коммуникативного направления сосредоточивается внимание на особенностях функционирования текста как дискурса в диалогическом социокультурном пространстве, акцентируется собственно диалогический момент научной коммуникации.

Коммуникативный аспект научного дискурса имеет субъектную направленность. Научный дискурс определяется тремя взаимообусловленными научными субъектами: исследователем-адресантом, который процесс познания и осмысления научных знаний переводит на язык научных смыслов, на язык текстовых и языковых значений для адекватного восприятия учеными-реципиентами в процессе научной коммуникации; ученым-адресатом, воспринимающим и осмысли-

вающим в научном дискурсе пространство научного текста; репрезентантом нового научного знания, который является хранителем потенциального концепта-стимула для своего нового научно-исследовательского текста через перевод значений научного текста на язык собственных научных смыслов.

Коммуникативный подход объединяет дескриптивный анализ дискурса и прагматические исследования, последовательно учитывая коммуникативную и прагмалингвистическую стороны речевого взаимодействия. В рамках дескриптивного направления изучается ситуация общения, коммуникативные ограничения, налагаемые на реализацию дискурса, дискурсивные жанры, коммуникативная компетенция, дискурсивные стратегии, соотнесение дискурсивных форм с коммуникативными нормами. Учитывая тот факт, что научный дискурс аргументативен по своей природе, исследователи предлагают модели аргументации и систематизируют тактико-стратегические ресурсы. Например, Т. Н. Савчук представляет иерархически организованную динамическую модель аргументативного научного дискурса: 1 уровень аргументативная стратегия – общий план аргументации, линия аргументативного поведения, определяемая прагматической установкой (коммуникативной целью) аргументатора; 2 уровень аргументативная тактика – стратегически мотивированное коммуникативное действие; 3 уровень аргументативный прием – реализующий тактику способ построения высказывания / текста [7, с. 146].

Установление зависимости от ориентации научного сообщения на адресата в выявлении исходных пресуппозиций участников общения, коммуникативных интенций, внутренней структуры высказывания, контекстных условий, ситуации коммуникации – одна из задач коммуникативного исследования научного дискурса. Изучение содержательной стороны научного дискурса тесно связано с его восприятием, который разворачивается посредством реализации определенных программ внутреннего и (или) внешнего диалога. Во внутреннем диалоге (авторской рефлексии) исследователь-адресант периодически проблематизирует процесс и результаты собственного речемыслительного поиска, формулирует и «прорабатывает» альтернативные варианты. Внешний диалог как способ речевого воздействия разных субъектов характеризуется установкой адресанта на изменение знаний адресата, моделей его научного опыта, на поддержание норм научного сообщества. Оценка результата коммуникативного аспекта научного дискурса осуществляется в прагматических терминах «эффективно» либо «неэффективно».

Прагматический подход к исследованию научного дискурса включает теории, рассматривающие общее знание, референцию и инференцию, важное значение в нем играют понятия полисубъектности и интерсубъектности, связан с изучением речевых актов, конверсационных максим, дейксиса, эпистемики дискурса.

В научном дискурсе реализуется категория модальности, в поле которой входят следующие «модальные значения:

- 1) оценка говорящим содержания высказывания с точки зрения реальности / нереальности, выражаемая при помощи форм наклонения и времени глагола;
- 2) оценка обозначаемой в высказывании ситуации с точки зрения ее возможности, необходимости или желательности, выражаемая модальными глаголами и другими модальными словами;
- 3) оценка говорящим степени уверенности в достоверности сообщаемого;
- 4) значения, по которым дифференцируются различные виды коммуникации, т.е. сообщение, вопрос и побуждение;
- 5) утверждение и отрицание, по которым дифференцируются утвердительные и отрицательные предложения;
- 6) эмоциональное отношение говорящего к содержанию сообщения» [2, с. 67–68].

В процессе научной коммуникации субъект речи не просто строит предложения, а использует их для совершения таких действий, как информирование, доказательство, обоснование, убеждение, воздействие, предупреждение и др. С позиции теории речевых актов ядро телеологической модальности (модальности цели) составляют иллокутивные глаголы, которые могут эксплицировать разные намерения субъектов научного дискурса: побуждение (советовать, требовать, рекомендовать), информирование (сообщить, информировать; объяснить), выражение эмоций (благодарить, желать) и др.

Когнитивное изучение дискурса вытекает из конструктивной природы ментальных процессов: понимание конкретного дискурса представляет собой процесс, который всегда происходит здесь и сейчас (on-line) и позволяет постоянное переосмысление [10, с. 18], поэтому ментальные репрезентации прочитанного текста не являются копиями текстовых значений, а выступают «результатом стратегического процесса конструирования или воплощения смысла, которые охватывают элементы текста, знание коммуникантов о контексте, элементы их убеждений и предыдущих знаний» [10, с. 18].

Когнитивное направление лингвистического анализа позволяет перейти от описания единиц и структур гуманитарного научного дискурса к моделированию структур сознания участников научной коммуникации. Методологически смыслообразующая основа научного концепта в научном видении мира содержательно обеспечивается сущностью научной картины мира, основанной эволюционными законами формирования языковой картины мира. Моделирование когнитивной базы дискурса осуществляется через анализ фреймов и концептов дискурса, выявление ценностных доминант, характер причинно-следственных связей в соответствующих фрагментах научной картины мира.

Когнитивно-дискурсивный подход в исследовании научного дискурса сочетает в себе интерес когнитивистики к производству и пониманию речи и интерес анализа дискурса к контексту, ситуации общения. Е. С. Кубрякова отмечает, что в дискурсивном исследовании усилия ученого «направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [5, с. 11].

Смысловая структура гуманитарно-научного текста представляет собой развернутое изложение ментальных концептов. Представление ментального концепта опирается прежде всего на последовательное перечисление отличительных признаков, сравнение с другими концептами, доказательство истинности их существования. В структуре гуманитарных текстов чаще представлены такие функционально-смысловые типы речи, как умозаключение, рассуждение, доказательство, которые связаны с аргументацией.

В современных исследованиях аргументация в научном дискурсе выступает как форма мышления и способ взаимодействия сознаний. Ее рассматривают как когнитивно-речевую процедуру, нацеленную на убеждение адресата в достоверности некоторого положения (тезиса), защищаемого субъектом речи. Успех аргументации связывают со степенью близости аргументирующего субъекта с адресатом, сформированности когнитивной основы для взаимопонимания. В фокусе современных исследований структуры аргументирующего рассуждения особенности использования фоновых и экспертных знаний ученых-исследователей в научно-гуманитарной аргументативной практике [8].

Когнитивно-семиотический подход, расширяя границы аргументации, открывает перспективу для исследования визуальных и мультимодальных проявлений данного феномена в гуманитарно-научном дискурсе.

Интегративное направление рассматривает гуманитарный научный дискурс как сложный феномен, несущий различные виды информации и содержания, с позиции когнитивной лингвистики, теории речевых актов, лингвистической прагматики. Основной задачей исследований становится описание механизма сложных взаимоотношений между участниками научного дискурса, познанием, речью и поведением. М. Ю. Олешков предлагает рассматривать дискурсивную практику как «интеграцию следующих векторов речевоздействующих сил: аргументирующей (семантика), аккумулирующей (синтактика), прагматической (прагматика) и мотивирующей (сигматика). В четырехмерном пространстве речи, как правило, используются все четыре возможные речевоздействующие силы, функционирующие с разной степенью значимости в зависимости от структуры дискурса и макроинтенций участников дискурсивного процесса. В итоге, речевая активность продуцента речи обусловлена следующими соотношениями: семантическими (знак – действительность), синтаксическими (знак – знак), прагматическими (знак – человек) и сигматическими (знак – ситуация)» [6, с. 223].

Рассмотренные направления лингвистического анализа гуманитарного научного дискурса позволяют представить его как многомерный объект исследования, как когнитивно-коммуникативную деятельность, которая протекает в социокультурном контексте.

Список литературы

1. Аликаев Р. С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик : Эль-Фа, 1999. 317 с.
2. Бондарко А. В. Модальность. Вступительные замечания. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / под ред. А. В. Бондарко. Ленинград : Наука, 1990. С. 59–72.
3. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 185–197.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
5. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания ; отв. ред. С. А. Ромашко. М., 2000. С. 5–13.
6. Олешков М. Ю. Макроинтенция в дискурсе: интеграция смыслов. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/1305/> (дата обращения: 25.02.2023).
7. Савчук Т. Н. Аргументация в русско- и белорусскоязычном научно-гуманитарном дискурсе. Минск : Издат. центр Белорус. гос. ун-та, 2018. 279 с.
8. Савчук Т. Н. Экспертные знания в гуманитарном научном дискурсе: лингвоаргументологическое измерение // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. 2022. № 3. С. 52–61.
9. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 33–73.
10. Dijk T. A., van. The study of discourse // Discourse studies: A multidisciplinary introduction : in 2 vol. Vol. 1.: Discourse as structure and process / ed. by T. A. van Dijk. London : Sage, 1997. P. 1–34.

Информация об авторе: *Ладутько Марина Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и славянского языкознания Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова (г. Могилёв, Республика Беларусь).

ЛЕКСИКА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ОТ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ К СОЗДАНИЮ НОВЫХ ТИПОВ ЗНАКА

С. С. Сергушкина

г. Пенза, Россия

sofya.sergushkinasss2017@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются языковые особенности виртуального общения на примере группы социальной сети «ВКонтакте». Отмечаются особенности общения в группе на лексическом уровне. Обращается внимание на соблюдение пользователями орфографических норм. Приводятся примеры образования новых слов путём искажения орфографии и изменения смысла уже имеющихся. Делается вывод о том, что участники группы стремятся к эмоциональному выражению мыслей, при этом они часто осознанно нарушают языковые нормы.

Ключевые слова: социальная сеть, разговорная речь, письменная речь, литературная норма языка

Для цитирования: Сергушкина С. С. Лексика социальных сетей: от разговорной речи к созданию новых типов знака // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 272–274.

В современном мире одним из самых распространённых видов общения является коммуникация в интернет-пространстве. Особую популярность сегодня приобретают социальные сети. Социальная сеть представляет собой платформу, предназначенную для неформального общения пользователей и непринуждённой коммуникации в реальном времени. Общение в социальных сетях существенно отличается от диалога «вживую».

Интернет-общение необходимо рассматривать как новую сферу функционирования русского языка. Если письменная речь даёт возможность пишущему подготовить сообщение, продумать речь, обратиться к словарям и справочникам, а устная речь является спонтанной и творится в момент общения без определённой подготовки со стороны говорящего, то Интернет является пространством преимущественно письменного общения, но по своим языковым особенностям представляет собой «гибридную» форму устной и письменной речи. Сегодня появляются исследования, полные негативных оценок языка интернет-общения. У пользователей отмечается деформация «представлений о языковых нормах и культуре речи» [1, с. 18]; «грубость, невоспитанность, ориентация на чувственность», которые говорят «о возможном деструктивном влиянии на личность пользователя, его моральное и духовно-нравственное состояние» [3, с. 7].

Поскольку виртуальное общение в настоящее время актуально, нами были проанализированы лексические особенности одного из проявлений такого жанра общения, как чат (беседа) студенческой группы в социальной сети ВКонтакте. Анализ словарного состава сообщений участников даёт возможность расширить представление о языковых особенностях виртуального общения. Целью создания беседы во ВКонтакте послужило неформальное общение студентов как на темы, связанные с учёбой, так и на темы, далёкие от учебного процесса. Для анализа были использованы сообщения с 31.08.2022 по 30.01.2023.

На уровне лексики отмечается тенденция к использованию разговорной речи, которая выражается в использовании **разговорных и просторечных слов**,

в частности, **сложносокращённых** (авторская орфография и пунктуация сохранены). Рассмотрим наиболее частотные: «*Конспект **научнику** отправляем или нет?*» (*научник* – научный руководитель); «*госы в июне или когда там они?*» (*госы* – государственные итоговые экзамены в высших учебных заведениях); «*по **ирл** экзамен какого числа?*» (*ирл* – история русской литературы), «*а **всм** ты не знаешь кто твой руководитель*» (*всм* – в каком смысле?); «***иняз** вчера последний экз сдал*» (*иняз* – студенты факультета иностранных языков), «*отчёт сдаём на **лимпл** или на **мпря?***» (*ЛиМПЛ* – кафедра литературы и методики преподавания литературы, *МПРЯ (РЯиМПРЯ)* – кафедра русского языка и методики преподавания русского языка) и т.п. Употребление данных словоформ свойственно преимущественно студенческому жаргону. Наблюдается и обратный процесс – добавление к аббревиатуре суффиксов с оценочным значением: «*что за девчушки из **пгушки***» (*ПГУ* – Пензенский государственный университет). Суффикс *-шк-* в данном случае используется для обозначения фамильярной, несколько пренебрежительной ласки. Образованию грубой словоформы, которая часто используется в речи студентов педагогического института, способствует суффикс *-ух-*: *педуха, стипуха* и т.п.

Следует отметить, что кроме сложносокращённых слов активно используются **усеченные формы** (авторская орфография и пунктуация сохранены): «*а всё, **пон***» (*понял*); «*В этот раз хоть **экзов** мало, по-божески*» (*экзаменов*); «*Не путайте **рил** краеведение и теорию литературы*» (*реально*); «*Так ничё **нз**, наша подгруппа вторая и нам к 13:45 в **пт***» (*нз* – не знаю, *пт* – пятница), «*давайте **крч** поделим вопросы*» (*короче* – одно из часто употребляемых «слов-паразитов»); «*А **поч** ты думаешь, что **зав** не успеешь*» (*поч* – почему, *зав* – завтра); «*вы в эиос титульный **курсача** загрузили?*» и т. п.

В данном чате встретилось множество грубых и стилистически сниженных слов, не имеющих отношение именно к студенческому жаргону: «***Офигеть** они придумали*»; «*ну это **треиш** однозначно*», «***треишак** конечно*» (*треиш* в переводе с англ. “мусор”, в Интернете трешем начали называть все, что относится к чему-то шокирующему, ужасному, неподобающему); «*мы же провели это мероприятие уже, такой **кринж** еще раз я не переживу..*» (*кринж* – стыд); «*по сравнению с этой, на той практике я была на **чилле***», «*да **блин***» (*чилл* – популярный фразовый глагол, калька от *chill out* в значении “расслабиться”); «*так и **кукухой** поехать недолго*», «*Если вы не собираетесь ехать, вам надо ей сказать, а не просто **слиться***», «***чеканёшься***», «*не **въезжаю**, о чём он говорит*», «*Вот просто уже и ответить что-то хочется и напрягать его **стрёмно***», «*я **поугарала** с него сейчас*» (здесь наблюдается новая традиция в написании: стало в сети частотным вместо *посмеялся над ним* употребление *посмеялся с него*); «*Да просто они **токсикки***» (*токсикки* – производное от *токсичный*; в Словаре актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века Т. В. Леонтьевой употребляется с пометой *жарг.*, если применяется к людям) [4, с. 345–346]; «*они **троллят** чтоль, первую пару в выходной ставить, меня не будет*» (*троллить* — провоцировать пользователей Интернета на конфликт путем их оскорбления, унижения; оскорблять, раздражать [4, с. 356] и т. п. Отмечается и, напротив, использование уменьшительно-ласкательных форм слов – диминутивов [2]: «*я лучше **видосики** посмотрю*», «***шустренько***», «***котики***», «***божечки***», «***носочки***», «***зайка***», «***пупсики***», «***сладенькие***», «***фоточки** подъехали*», «***умненькая** такая*», «***заечка** такая*», «*я не думала, что она на экзамене таким **солнышком** будет*» и др. Употребление такой лексики свойственно больше детям, но студентов привлекает такой стиль общения для создания особой эмоциональности.

Безусловный интерес представляет особая орфография текстов сообщений в виртуальной группе. Следует отметить, что пользователи не являются безгра-

мотными людьми, а подобный стиль общения показывает стремление собеседников к упрощению интернет-языка и желание добавить иронии или сарказма к переписке. В анализируемой нами беседе частотны следующие проявления такого языка: «*Падрушки, что нам задали на завтра?*», «*зочем*», «*Пачиму??*», «*непонел*», «*смарити*», «*памагити*», «*нихачю*», «*девачьки*», «*пойду лучше схожу покушоц*» и т. п. Иногда искажение орфографических норм приводит к созданию совершенно новой лексемы со своим новым значением. Так, звукоподражание «*ахахаха*», отражающее реакцию смеха на сообщение, стало заменяться лексемой «*ору*», иногда с написанием «*ару*». «*ОРУУУ*» и т.п., что стало синонимом слову *смеюсь*, *кричу от смеха*. Еще одним примером создания нового языкового знака является интернет-термин **сюр**. Первоначально данное слово образовалось от сокращения лексемы *сюрреализм*. Так называется направление в литературе и искусстве двадцатого века, сложившееся в 1920-х годах в художественной культуре западного авангардизма, которое отличается использованием парадоксальных сочетаний форм. Сейчас участники анализируемой нами беседы активно используют данную лексему для указания на абсурдность ситуации (авторская пунктуация и орфография сохранены): «*я надеюсь, он забыл про нашу пару, но ситуация **сюр** конечно*»; «*если я с такими баллами четвёрку получу будет просто **сюр***» и т.п. Иногда данная лексема семантически сближается с упомянутой выше лексемой *треш*. Без искажения орфографии тоже возможно образование нового значения слова. Так, в анализируемой нами беседе слово **огонь** часто употребляется в значении “красиво”, “замечательно”: «*Блин, Полина, фотка новая **огонь** просто*», «*Я не читала ещё, но говорят сюжет у книги **огонь***» и т. п.

Таким образом, тенденция к сближению письма и устной речи в интернет-коммуникации привела к распространению графико-орфографических дериваций, направленных на сознательное искажение слова. Пользователями анализируемого контента являются образованные люди, которые осознанно используют подобные языковые средства. Все приведённые языковые особенности свидетельствуют скорее о речевой игре, нежели об отсутствии должного уровня грамотности у студентов. Но следует отметить, что это не только креативное отношение к слову, но и непредсказуемая опасность, которая может повлиять на искажённые представления о нормах русского языка. Поэтому очередная интернет-забава может быть адекватно воспринята только при условии владения нормами русского литературного языка.

Список литературы

1. Аргашокова С. Х. Лингвоэкологические проблемы в социальных сетях // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2017. № 10. С. 18–22.
2. Гох О. В. Эмоционально-оценочная суффиксация в интернет-языке // Вестник Коми государственного педагогического института. 2011. № 9. С. 14–17.
3. Краснова И. В. Язык компьютерных диалогов: нормативно-этический аспект (на материале русскоязычных чатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 24 с.
4. Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург : Ажур, 2021. С. 345–346.

Информация об авторе: *Сергушкина Софья Сергеевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЙ В ПИСЬМАХ А. В. СУВОРОВА К ДОЧЕРИ НАТАЛЬЕ

А. В. Суровцева

*г. Пенза, Россия
asj-sav@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты анализа обращений в письмах А. В. Суворова к дочери как важной единицы эпистолярного текста. Обращения рассматриваются с точки зрения структурно-семантического подхода, делается вывод о трёх основных функциях обращения в письме, способах их реализации, особенностях использования А. В. Суворовым данного структурного элемента с позиции функционирования.

Ключевые слова: функция, обращение, эпистолярный жанр, эмоциональность, стилистически окрашенные единицы

Для цитирования: Суровцева А. В. Функции обращений в письмах А. В. Суворова к дочери Наталье // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 275–277.

Эпистолярный жанр – один из древнейших жанров. Он возник ещё во времена Античности. Аристотель считал, что эпистолярная форма позволяет автору оставаться самим собой. Эпистолярный жанр позволяет осуществлять непосредственное общение собеседников [1]. В частном письме важна не только информация, которую передают, но и настроение, чувства, эмоции собеседников. Все эти аспекты в свою очередь влияют на стиль письма и т.п. Благодаря этому особой важностью в эпистолярной литературе обладают обращения – то, с чего обычно начинается любое письмо, то, что задаёт тон всему содержанию, то, что первым влияет на восприятие адресата.

В настоящей статье мы обратили внимание на важный компонент эпистолярного текста – обращение. Такая языковая единица, как обращение, требует дополнительного изучения с точки зрения её функционирования в эпистолярной литературе. Обращения в письме являются уникальным языковым феноменом, отличающимся яркой выразительностью, образностью и эмоциональностью, выполняют функцию установления контакта между адресантом и адресатом. Материал для анализа – письма А. В. Суворова к дочери Наталье – выбран неслучайно: письма русского полководца ранее никем не изучались с данной точки зрения [3, с. 243–244].

Обращение является полифункциональной единицей. Сфера общения, целевые установки, характер отношений между коммуникантами влияют на формирование функций обращения в эпистолярном тексте.

В лингвистической науке существуют различные точки зрения относительно функций обращения. Количество функций, установленное лингвистами, изменяется от одного до шести. Самыми частотными при выделении учеными являются следующие:

- 1) вокативная (звательная);
- 2) апеллятивная (контактоустанавливающая);
- 3) эмоционально-оценочная.

Письма А. В. Суворова к дочери Наталье имеют частный характер, отражают общение отца и ребенка, личностно ориентированы, поэтому обладают такими чертами как интимность, непринужденность общения, большая эмоцио-

нальность. Проанализировав материал, мы пришли к выводу о том, что обращения в данной переписки выполняют все названные выше функции.

1. Вокативная функция, то есть первичная для обращений функция называния адресата, отнесённости ко второму лицу. Благодаря обращениям привлекается внимание собеседника к последующему содержанию письма: **О, Наташа!** *Коли б ты здесь ехала, то бы так и плавала в грязи, как в пруду, сплошь версты две-три на один час. 19 ч. марта в Таршане;* **Наташа!** *Когда я к Д. И. пишу благословение Божие с домашними или подобное, ты, естественно, тут же разумеешься.*

2. Апеллятивная функция заключается в назывании адресата, установлении и поддержании контакта с ним, побуждении его к общению, поэтому её часто называют контактоустанавливающей. Вокативная и апеллятивная функции тесно взаимосвязаны, так как суть обращения заключается не просто в назывании и привлечении внимания адресата к последующему высказыванию, но и в поддержании дальнейшего контакта с ним, в побуждении его к ответной реакции: *Уведомляю сим тебя, моя Наташа: Костюшка злой в руках, взяли, вот так-то наши!; Голубушка Суворочка, целую тебя! Ты меня еще потешила письмом от 30 апреля; О! ай да Суворочка, как же у нас много полевого салата, птиц, жаворонков, стерлядей, воробьев, полевых цветков!; Прости, мой друг Наташа; я чаю, ты знаешь, что мне моя Матушка Государыня пожаловала Андреевскую ленту «За веру и верность».*

3. Эмоционально-оценочная функция обращения служит индикатором эмоциональных, оценочных, социальных отношений адресата и адресанта. Именно эта функция связана с экспрессивностью, эмоциональностью. В отличие от других типов писем, в которых обращение содержит статусную характеристику адресата, его социальное положение, профессию, в личных письмах прежде всего выражается отношение адресанта к адресату. Подтверждением этому является тот факт, что большинство обращений в рассмотренных письмах в своём составе имеют хотя бы одну стилистически окрашенную единицу:

1) эмоционально-оценочные прилагательные: **Любезная Наташа!** *Ты меня порадовала письмом от 9 ноября;* **Милая моя Суворочка!** *Письмо твое от 31 января получил;* **Любезная Суворочка,** *здравствуй!;*

2) приложения-имена существительные, обладающие положительной окраской: **Суворочка, душа моя,** *здравствуй!;* **Душа моя, сестрица Суворочка!;** **Душа моя Наташа!** *Божие благословение с тобою!;* **Голубушка Суворочка,** *целую тебя!;*

3) суффиксы субъективной оценки: **И я, любезная сестрица Суворочка,** *был тож в высокой скуке, да и такой черной, как у старцев кавалерские ребронды;* **Ай, да любезная сестрица.** *Ich küsse die Hände meiner gnädigsten Софья Ивановна; она твоя матушка;* **Душа моя, сестрица Суворочка!** *Целую руки милой государствене Софье Ивановне.*

Автор использует в качестве распространителя и междометие: **Ай, да любезная сестрица;** **Ай-да Суворочка,** *здравствуй, душа моя, в белом платье.* Данное междометие относится к эмоциональным по значению, служит для выражения положительной оценки (похвалы, восхищения).

Таким образом, мы видим, что функции обращений в письмах А. В. Суворова к дочери разнообразны. Следует отметить, что эти функции не изолированы. Обычно несколько функций осуществляются одновременно, т. е. образуется синкретизм. Вокативная и апеллятивная функции заложены в понятие обращение, но эмоционально-оценочная становится отражением той самой духовной связью адресата и адресанта, которая так важна в личной переписке, помогает выражать отношение автора к собеседнику.

Список литературы

1. Рыжова Н. В., Дьякова К. В. Обращение в эпистолярном жанре (по произведениям русской литературы). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-v-epistolyarnom-zhanre-po-proizvedeniyam-russkoy-literatury> (дата обращения: 03.02.2023).
2. Суворов А. В. Наука побеждать. М. : Азбука, 2021. 256 с.
3. Суровцева А. В. Обращения в письмах А. В. Суворова к дочери Наталье // Бу-слаевские чтения : сб. науч. ст. X Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Пенза, 14–21 апреля 2022 г.) / под общ. ред. канд. пед. наук, доц. Л. П. Перепелкиной. Пенза : Изд-во ПГУ, 2022. С. 243–245.

Информация об авторе: *Суровцева Анастасия Владимировна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ С БЕЛОРУССКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА» ВАЛЕНТИНОЙ ЩЕДРИНОЙ)

М. Н. Шевченко¹, Е. С. Колесникова²

^{1, 2} г. Мозырь, Республика Беларусь

¹ mi6363@mail.ru

² cool.katerina1pilipei2013@ya.ru

Аннотация. Рассматриваются языковые особенности авторизованного перевода повести Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха» на русский язык Валентиной Щедриной. Исследованы приёмы художественного перевода лексических средств на разном уровне в одинаковых контекстах, в которых выявлены переводческие трансформации: изменение синтаксической структуры предложения, транскрибирование, замена слов и словосочетаний, антонимический перевод, лексические добавления, опущения, деметафоризация и реметафоризация.

Ключевые слова: текст, перевод, языковые элементы, белорусизмы, трансформации, приём

Для цитирования: Шевченко М. Н., Колесникова Е. С. Особенности перевода языковых элементов с белорусского на русский язык (на примере перевода повести Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха» Валентиной Щедриной) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 277–281.

Перевод художественных текстов является одним из наиболее востребованных в современном белорусском обществе, в котором русский язык является другим государственным языком, на котором разговаривает значительная часть белорусов. Чтобы донести историю и культуру белорусского народа, его национальные, этнографические и другие жизненные особенности до всего населения страны, актуальным является вопрос о переводе художественных произведений с белорусского языка на русский. Поэтому многие произведения белорусских писателей переведены на русский язык, среди них авторизованный перевод В. Щедриной исторической повести Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха».

Одной из проблем перевода таких текстов, на наш взгляд, является передача на переводимый язык национально-культурных особенностей и языковых элементов. К белорусским языковым элементам, которые вызывают трудности в переводе, относятся *белорусизмы* или *безэквивалентные* слова белорусского языка, которые не имеют соответствующего слова в русском языке по форме и содержанию.

Однако, «употребление белорусизмов в переводных текстах является процессом объективно-закономерным. Идеино-художественное содержание произведений, их стилистика, необходимость передать образность и выразительность языка оригинала служат предпосылками широкого использования белорусизмов. Объективность данного процесса находит подтверждение как в использовании определенных белорусизмов с одинаковыми художественными целями и задачами в различных произведениях, так и в том, что в выполненных разными переводчиками переводах одного и того же произведения к решению этих целей и задач привлечены в одинаковых контекстах одни и те же белорусизмы» [4, с. 75].

Текст-оригинал и переведенный текст значительно разнятся, так как не всегда переводчик достаточно близко передает идейно-эстетическую функцию произведения и его национально-этнографическую образность. Потому, «перевод художественного произведения – и не дословная копия оригинала, и не совершенно новое произведение, а «что-то третье». Однако, чтобы художественный перевод был авторитетным, правильно доносил до читателя мысль автора, максимально сохранял авторский стиль, он должен быть подробным. Подробный перевод сохраняет идейно-образную структуру, основные стилевые черты и национальные особенности оригинала» [1, с. 3].

В ходе сопоставительного анализа оригинала повести и его перевода нами были выявлены следующие переводческие трансформации: изменение синтаксической структуры предложения, транскрибирование, замена слов и словосочетаний, антонимический перевод, лексические добавления, опущения, деметафоризация, реметафоризация. Рассмотрим перечисленные трансформации подробнее.

Самый распространённый вид переводческой трансформации в данном произведении является **изменение синтаксической структуры предложения**.

С целью разрыва высказывания и его членения на отдельные интонационно-обособленные сегменты писатель использует двоеточие и тире в функции запятых. При переводе знаки препинания были расставлены в соответствии с правилами пунктуации в русском языке, а потому были заменены на запятые:

А калі мне скажуць заўтра, што я памру, – ну што ж: адпачынак таксама нядрэнная штука [2, с. 13]. – А если мне скажут, что завтра я умру, ну так что же, отдых тоже неплохая штука [3, с. 401].

В другом случае наблюдается обратная ситуация. В отличие от оригинального текста, с целью выделить высказывание, при переводе на русский язык функцию запятых выполняют знаки тире и употреблён восклицательный знак:

Мне ўсё здавалася, што за зіму, якую я прабуду ў горадзе, тут памрэ нейкая бабуля, якая адна, разумееце, адна ведае зараз чароўны стары сказ [2, с. 18]. – Мне казалось, что за зиму, которую я проведу в городе, здесь умрет какая-то бабуся, которая одна – понимаете, одна! – знает чарующее старинное сказание [3, с. 406].

Художественный приём **транскрибирование** – воссоздание переводимого слова при помощи букв языка перевода, применяется переводчиком в большинстве имён собственных, которые не переводятся на русский язык, а транскрибируются:

1) Вы ў маёнтку *Балотныя Яліны* [2, с. 16]. – Вы в имении *Болотные Ялины* [3, с. 415]. (Яліны (бел.) – ели (рус.));

2) *Надзея Яноўская* [2, с. 30]. – *Надея Яновская* [3, с. 419]. (Надзея (бел.) – Надежда (рус.));

3) – Яшчэ тое, – панура мармытаў *Рыгор*, – што ты памыляешся, Беларэцкі [2, с. 132]. – Еще то, – угрюмо бормотал *Рыгор*, – что ты на кривом шляху, Беларецкий [3, с. 529]. (Рыгор (бел.) – Григорий (рус.)).

Кроме этого, для создания разницы в говоре между белорусской шляхтой и крестьянами, речь крестьян в русском переводе сопровождается употреблением белорусских слов, которые также транскрибируются на русский язык:

1) Але ж, *бачу* я, ты гэта толькі зараз прыдумаў: звярнуцца да мяне [2, с. 120]. – Однако, *бачу* я, ты это только теперь придумал: обратиться ко мне [3, с. 517]. (*Бачу* (бел.) – *вижу* (рус.));

2) Усе яны тут ў чаканні жывуць, і, я скажу, большасці так і *трэба* [2, с. 119]. – Все они живут в ожидании, и скажу вам, большинству так и *треба* [3, с. 516]. (*Трэба* (бел.) – *нужно* (рус.)).

Безэквивалентная лексика повести, которая не имеет в русском языке аналогов, также транскрибируется (табл. 1).

Таблица 1

Белорусизмы в переводе повести В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха»

Белорусизм	Транскрипция на русский язык	Значение слова
Залом	Залом	Желая заколдовать чужое поле, недруг завязывал на нём узлом пучек колосьев. Этот процесс назывался церемонией с заломом
Андарак	Андарак	Широкая длинная юбка из домотканого материала.
Птушка-пасмяцюха	Птица-посметюха	Хохлатый жаворонок. От слова «смецце» – мусор
Гамон	Гамон	Конец
Пачынак	Починок	Одна или две хаты в лесу, начало будущей деревни
Прыдомак	Придомок	Прозвище: приставка к фамилии, образовавшаяся некогда, в давние времена, от клички
Калдуны	Колдуны	Национальное блюдо из тертого картофеля и крутого теста. Наполняются сырым рубленным мясом с грибами
Лемпарт	Лемпарт	Рысь, леопард (бел., арх.)
Дрыкгант	Дрыкгант	Вымершая белорусско-польская порода лошадей
Свірэпа	Свирепа	Свирепю на белорусском языке XVI столетия называли клячу
Карбач	Карбач	Короткая толстая плеть
Шлёпы	Шлёпы	Шлейфы (диалект.)
Рубок	Рубок	Одежда
Табіна	Табина	Ткань светлых и серебристых оттенков
Лабідуда	Лабидуда	Пехтерь, пентюх, телепень (от молодости). Нечто молодое, здоровое и нескладное
Мачанка	Мачанка	Подливка из муки, сала, мяса, копченой ветчины и ребрышек, в которую макают (“мачают” блины)
Штонікі	Штоники	Вид лапши, нарезанной квадратиками, нарезанными с одной стороны
Кулага	Кулага	Блюдо из муки, которая должна была киснуть минимум сутки
Гарбуз	Гарбуз	Тыква. Однако в тексте слово употреблялось в качестве отказа. <i>Дать гарбуза</i> – значит отказать в сватании

Часто используется в тексте-переводе приём **замена слов и словосочетаний**, который обычно употребляется для того, чтобы значение слова в языке перевода конкретизировалось. В данном переводе часто наблюдается замена одних числительных на другие без видимой на то причины:

1) Да *дваццатага* калена будзем мы помсціць бязлітасна, і не схаваецца вы ад нас [2, с. 54]. – До *дванадцатаго* колена будем мы мстить безжалостно, и не скроетесь вы от нас [3, с. 445];

2) *Пяцьсот дваццаць чатыры тысячы дзвесце восемдзсят восьмая* частка крыві Рамана ў яе жылах, – падумаўшы, імгненна падлічыў я [2, с. 60]. – *Четыре тысячи девяносто шестая* часть крови Романа в ее жилах, – подумав, подсчитал я [3, с. 453].

3) Дык вось, упершыню, можа, за апошнія *дзсяць год* палац сустракаў гасцей [2, с. 62] – Так вот, впервые, может, за последние *два десятка лет* дворец встречал гостей [3, с. 454].

Автор текста-перевода использует и **антонимический перевод** – замена слова или выражения на противоположное в переводимом языке. Например:

1) Вось зараз мне чамусьці вельмі добра і так спакойна, як не было ўжо два гады, з таго дня, як *памёр* бацька [2, с. 35]. – Вот сейчас мне почему-то очень хорошо и так покойно, как не было уже два года, когда еще был *жив* отец [3, с. 425];

2) Я заўжды жаласна губляюся і раблюся Сліняём Кісялёвічам ад жаночых і дзіцячых слёз, а гэта сляза была такая, якой крыў Божа пабачыць камусьці ў жыцці, ды яшчэ ад жанчыны, для якой бы ахвотна распляскаўся ў блін, каб толькі *яна была вясёлай* [2, с. 155]. – Я всегда теряюсь и становлюсь Слюнтяем Киселевичем от женских и детских слез, а эта слеза была такая, какую упаси Боже увидет кому-то в жизни, к тому же слеза женщины, ради которой я охотно превратился бы в прах, разбился в лепешку, чтобы только *она не была печальной* [3, с. 553].

Характерной чертой переведенного текста являются **лексические добавления** – использование или добавление лексических единиц (слов, словосочетаний и предложений) в переводе, которые отсутствуют в оригинале:

1) Зборы мае былі нядоўгімі, я сабраў невялікі сак, узяў котчы вазок і хутка пакінуў «сталіцу» гэтага параўнаўча цывілізаванага павета, каб адрачыся ад усялякай цывілізацыі, пераехаўшы ў суседні лясны і балотны павет, што па тэрыторыі мала чым паступаўся перад якой-небудзь дзяржавай, накшталт Люксембурга [2, с. 18]. – Сборы мои были недолгими: я уложил необходимые вещи в небольшой дорожный сак, нанял возок и вскоре покинул «стольный град» этого, сравнительно цивилизованного, уезда, чтобы проститься со всякой цивилизацией, переехав в соседний, лесной и болотный, уезд, который по территории не уступал какому-нибудь государству вроде Люксембурга *или даже Бельгии* [3, с. 407];

2) Перад намі была вялікая прыхожая-гасціная, як гэта вадзілася ў старасвецкіх панскіх дамах. Але што за прыхожая! [2, с. 24] – Перед нами была огромная прихожая-гостиная, как это водилось в старинных помещичьих домах. *Теперь сказали бы «холл»*. Но какой красоты! [3, с. 413].

В качестве противоположного приёма **лексическим добавлениям** используется приём **опущения**, который заключается в том, что лексические единицы оригинального текста опускаются при переводе. Например:

1) І паўсюду я бачыў гора народнае, бачыў брудных дзяцей, бачыў сляпых жабракоў, бачыў гора народа майго, даражэй за які – я зараз ведаю гэта – у мяне не было нічога на свеце [2, с. 16]. – И повсюду я видел слепых нищих, видел горе моего народа, дороже которого – я теперь знаю это – у меня не было ничего на свете [3, с. 404];

2) Я праездзіў жнівень, верасень, частку кастрычніка і павінен быў зачапіць толькі два тыдні, самы пачатак глухой восені, калі я мог спадзявацца на

што-небудзь вартае [2, с. 17]. – Я проездил август, сентябрь, часть октября, а только-только зацепил глухую осень, – когда я мог надеяться на что-нибудь стоящее [3, с. 405];

3) Я схапiў руку фурмана, расцiснуў яму пальцы i, выхавiўшы пугу, пачаў хвастаць па тым месцы ў цемры, дзе павiнны былі быць коні [2, с. 21]. – Я выхватил у кучера кнут и начал хлестать по тому месту во тьме, где должны были быть кони [3, с. 409].

Языковые элементы **деметафоризация** и **реметафоризация** как приём перевода применяются достаточно широко. **Деметафоризация** при переводе возникает тогда, когда выражение в оригинальном тексте, употреблённое с помощью иносказания или метафоры, преобразуется в простое выражение с прямым смыслом:

1) Вiдаць, на першым паверсе яна была дома, а на другiм была толькi ахмiстрыня, толькi рэдкiм госцем i, адпаведна пераходам, *мяняла скуру* [2, с. 26]. – Видимо, на первом этаже она была дома, а на втором – только экономкой, редкой гостьей и, соответственно переходам, *менялась* [3, с. 415].

2) – Хто?! – раўнуў я i сам адчуў, як збялелi мае вочы [2, с. 160]. – Кто?! – взревел я и сам почувствовал, что *стал страшен* [3, с. 559].

Реметафоризация – замена метафоры на другую, схожую по смыслу и содержанию на переводимый язык. Например:

1) У мяне *слiна цячэ* ад адных успамiнаў [2, с. 48]. – У меня *сердце замирает* при этих воспоминаниях [3, с. 439];

2) *Людзi ламаюцца* з-за гэтых папер [2, с. 126]. – *Люди уродуют души* из-за этих бумаг [3, с. 523];

3) *Сорам з вамi нават не начаваў* [2, с. 173]. – У вас ни стыда, ни совести [3, с. 573].

Таким образом, перевод повести В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха», выполненный В. Щедриной, нельзя назвать полностью свободным. Несмотря на использование таких переводческих приёмов, как лексические добавления, опущения, замены и другие, переводчик стремился передать исходные общественные и национально-культурные реалии, сохранить индивидуально-авторский стиль при помощи широкого использования белорусизмов. Все белорусские слова, встречающиеся в русском переводе, поясняются в виде сносок, а не переводятся соответствующей лексикой русского языка. Такой перевод позволяет русскому читателю, не знакомому с белорусской культурой, окунуться в самобытное пространство белорусского народа.

Список литературы

1. Аскерка В. В., Пятровiчава Л. I. Варыянтнасць перакладу твораў беларускiх пiсьменнiкаў на рускую мову // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия IV. Химия, технология органических веществ и биотехнология. 2009. С. 3–5.

2. Караткевiч У. Дзiкае паляванне караля Стаха: Аповесць; Чорны замак Альшанскi. Мiнск : Маст. лiт., 2000. 574 с.

3. Короткевич В. Черный замок Ольшанский: Дикая охота короля Стаха / пер. с белорус. В. Щедриной. Мiнск : Маст. лiт., 1992. 605 с.

4. Махонь С. В. Белорусские языковые элементы в переводах одинаковых художественных текстов // Вопросы лингвистики. 1996. № 1. С. 73–78.

Информация об авторах: *Шевченко Михаил Николаевич*, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь); *Колесникова Екатерина Сергеевна*, студентка Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь).

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НОРМА: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К. К. Бауаев

г. Нальчик, Россия
kazim_bauaev@mail.ru

Аннотация. Рассматривается ход и направление развития русской литературы после установления советской власти, которые во многом определялись идеологической догматикой большевизма. По мнению автора, существенным при этом оказалось не только давление прямого политического заказа, в соответствии с которым пришлось привести свою тематику и проблемный ряд большинству литераторов, но и судьба литературы, которая оказалась в непосредственной зависимости от двух базовых положений большевистского понимания революции как таковой и процесса формирования общества нового типа. Новый строй подходил к процессу создания системы новой духовности, новой поэтической традиции.

Ключевые слова: традиция, литература, автор, литератор, символизм, проблема, читатель

Для цитирования: Бауаев К. К. Эстетическая норма: идеологическое давление и формирование новой поэтической традиции в русской литературе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 282–288.

Селекция социальных групп и элементов по признаку солидарности с коммунистическим радикализмом была морально-этическим постулатом большевиков после октябрьского переворота 1917 года. На системный контроль были взяты все сферы жизни, на их целенаправленное подчинение целям и задачам политической борьбы, были предприняты попытки регулирования эстетического сознания масс и создания новой концепции искусства. Концепт столкновения и конфликта со всеми проявлениями духовности вне жесткой и однозначной классовой ориентации оказался основополагающей формантой нового понимания категории прекрасного и обозначил ожидания большевизма в области искусства вообще, литературы – в частности [1, с. 239].

«Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, «колёсиком и винтиком» одного-единого, великого социалистического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы» [3, с. 100–101]. Мысль вождя выражена как нельзя более ясно, и воследовавшие в этой же работе реверансы в адрес индивидуальности и творческой свободы сути высказывания не меняли. Более того, Ленин уже в 1905 году предрёк печальную судьбу тех авторов, которые не будут абсолютно солидарны с «волей народа», и его мысль сегодня воспринимается как иезуитское предостережение и угроза, которую государство многожды воплощало в жизнь: «Каждый волен писать и говорить всё, что ему

угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов» [3, с. 102].

В своей небольшой статье Ленин, в принципе, заложил основы и такой важной составляющей доктрины «социалистического реализма» как закрытость метода. Во всяком случае, толковать его замечания относительно «буржуазной свободы», иначе, как попытку ограничения тематического и проблемного ряда литературы невозможно: «В обществе, основанном на власти денег... не может быть свободы реальной и действительной. Свободны ли вы... от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в романах и картинах... Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза» [3, с.103–104].

Много позже, уже в послевоенные годы, этот постулат Ленина был критически осмыслен рядом советских литературоведов, что привело к широкой дискуссии относительно открытости-закрытости метода социалистического реализма. Однако к этому времени формальную и архетипическую изолированность последнего пытались взломать лишь отверженные государством диссиденты, период же действительного расцвета экспериментальных поисков русскоязычных авторов, пришедшийся на начало XX столетия, был практически вычленен из истории литературы [2, с. 160].

Инерция большевистского посыла в эстетическом пространстве Советского Союза оказалась таковой, что в первой половине 70-х годов прошлого века один из столпов марксистско-ленинской теории искусства был вынужден констатировать и объяснять архитектурную и образную ущербность соцреализма совершенно надуманными предположениями о некоем идеологическом страхе, имевшем, якобы, сугубо субъективные корни: «Почему первые, более ранние попытки наших киномастеров – попытки, послужившие для Феллини, возможно, одним из отправных пунктов, – не развились... в большое художественное новаторство..? Ответить на поставленные вопросы можно только с учётом всех, в том числе и общественно-психологических моментов в движении нашего искусства... наши критики на протяжении десятилетий... «предупреждали» художников об опасности проникновения в советское искусство фрейдистских тенденций... боязнь «оступить» во фрейдизм взяла верх над стремлением к углубленному психологическому анализу» [7, с. 134].

На самом деле отторжение новационных находок русского символизма, акмеизма, футуризма, имажинизма – всего, крайне подвижного в концептуальном плане сообщества русских писателей первых десятилетий XX века – было естественным и ожидаемым ответом коммунистической догматики на чрезмерное и неконтролируемое архетипическое многообразие литературы, в первую очередь, поэзии.

Идеологическая борьба с поэтической «вычурностью и штукарством», так раздражавшими В. И. Ленина [9, с. 309–310], начиналась с тезиса вождя о необходимости сохранить лучшие достижения буржуазной культуры, при этом творческие находки и открытия последних предреволюционных десятилетий и первых лет Советской власти в список подлежащего к сохранению, очевидно, не входили. Помимо прямого давления на писателей, чьё творчество было отмечено тягой к нетрадиционной образной креативности, к осложнению синтаксиса и когнитивных моделей в целом, большевики в неявной форме поддерживали тех авторов, которые предпочитали упрощенную выразительность и семантику, художественное представление, близкое к «классическим» апперцептивным схемам.

Например, государство (в лице М. Горького) проявило активный интерес к такому литературному объединению, как «Серапионовы братья», невзирая

на то, что участники движения, в основном, декларировали своё неучастие в политических баталиях эпохи [12, с. 155] – то есть, фактически, позиционируя себя в качестве «псевдосвободных», а на самом деле «буржуазных» художников, если оставаться в границах терминологии вождя мирового пролетариата. Сегодня трудно судить об этом, но, по всей видимости, это был момент, когда молодая республика должна была продемонстрировать всему миру свою культурное и даже цивилизационное родство с прежней державой – экономическое положение страны требовало скорейшего прорыва системной блокады РСФСР и деловых контактов с Западом. Презентация культуры государства как толерантного и адекватного по отношению к остальной планете явления была в 1921–1922 годах политической задачей, директивно поставленной перед писателями [10, с. 16]. «Серрапионовы братья» на самом деле – невзирая на их установочные декларации о приверженности классической традиции – были реальными провозвестниками новой социалистической культуры, рассматривались государством именно в этом качестве. Они пытались осознать подлинное значение процессов советской действительности. Так, Всеволод Иванов опубликовал повесть «Бронепоезд № 14 – 69» («Красная новь», 1922, кн. 6) и другие произведения партизанского цикла. Не соответствовали декларациям «Серрапионовых братьев» творческие устремления Николая Тихонова, целый ряд стихотворений которого («Баллада о синем пакете», «Баллада о гвоздях» и др.) стали классикой советской революционной поэзии, а поэма «Сами» явилась одним из лучших произведений, посвящённых Ленину. Большие общественные проблемы поднимались и в произведениях Константина Федина, Николая Никитина, Михаила Слонимского, и в этой связи весьма примечательным видится тот факт, что творческие и жизненные судьбы многих авторов, входивших в объединение, сложились, в основном, вполне благополучно, в отличие от их предшественников, так или иначе участвовавших в эстетических экспериментах начала XX столетия.

Но, в целом, повторимся – Советская республика не имела запаса времени на налаживание системы безусловного контроля за архетипикой литературных текстов на любых уровнях, кроме идеологического. Тиски идеологической догматики предопределили заметные изменения, конкретно – опрощение и примитивизацию – пафосных моделей стихотворений, концентрированность ресурса лирического переживания, но по большому счёту, эти изменения можно отнести на счёт вкусовых предпочтений читателя. Новшества в поэтическом синтаксисе, связанные с установкой на приближение текста к живой речи и прозе [3, с. 57], в конце концов не прижились и, в виде эстетически значимого явления остались индивидуальным достижением В. Маяковского.

Наиболее серьёзным и масштабным феноменом, обозначившим вторжение в русскую поэтическую традицию новых веяний идеологической и даже политической генерации, было становление целой системы новых культурных мимов, выступавших в конкретных текстах в роли однозначных эмблем советского строя. Дело даже не в том, что поэтический глоссарий воспринял огромное количество новых единиц, не подвергнутых аналитическому и художественному осмыслению, а в том, что их поверхностная семантика диктовала апперцептивные схемы окружающим их образам. Описывая явления информационного взаимодействия образов, Б. М. Гаспаров пишет: «Для того, чтобы... процесс смысловой индукции мог начаться, текст должен обладать некоторым изначальным потенциалом связей, смысл которых заведомо ясен для воспринимающего и интерпретирующего этот текст субъекта. Если таких связей в тексте слишком мало – или если наше видение не способно эти связи обнаружить (в силу неадекватности того арсенала культурной памяти, который мы проецируем на данный текст), – никакая герме-

тическая рамка (собственно текст – Б. К.) сама по себе не произведет индуцирующего эффекта. В этом смысле текст предстанет в нашем восприятии как «бесмысленный» ... «бессвязный», «неинтересный», «непонятный» – все равно, вызывается ли такой приговор свойствами самого текста, либо свойствами нашего смыслового зрения» [4, с. 289].

Информационная коннотация – явление, объективно существующее и обеспечивающее связность и логику как письменного текста, так и речи. Но, полностью принимая мысль Б. М. Гаспарова, и несколько упрощенно формулируя её, мы должны будем констатировать, что смысловая связь слов, образов, символов – любых семантически значимых элементов текста – актуализируется на том уровне ассоциативного богатства («изначального потенциала связей»), который присущ наименее емкому «индуктивному» элементу.

По отношению к конкретным произведениям это означает, что ассоциативный ореол, всё богатство смысловых коннотаций поэтического образа секуляризируется и стремится к уровню семантической наполненности простейшей компоненты этого образа, или, если речь идет о некоем периоде, последовательности представлений – простейшей компоненты данного ряда. Это в той или иной степени наблюдается даже у тех поэтов, резистентность стиля и индивидуальных поэтических представлений которых неоспорима и может считаться эталоном устойчивости:

...Вчера иконы выбросили с полки,

На церкви комиссар снял крест...

...На стенке календарный Ленин...

...Конечно, мне и Ленин не икона... [5, с. 187–188] – в данном случае следующие в ощутимом синтаксическом порядке – стихотворение не завершено, но приблизительно в каждой второй строфе Есенин прибегает к «творческому глоссемосочетанию» [13, с. 12], вводя в стих нетрадиционные для себя элементы – сюда же мы относим и «собачонку, по-байроновски лающую у ворот».

Поэт явно пытается избежать эффекта «опрощения» образа, однако если «иконы, выброшенные с полки» практически полноценно представляют весь ассоциативный ореол объекта, и «комиссар», переводя семантику «иконы» в плоскость политических реалий, лишь частично лишает их традиционного содержания, то дальнейшее упоминание этого, пожалуй, одного из самых глубоких символов жизни русского крестьянства претерпевает коренные изменения.

Уподобление портрета Ленина иконе отнюдь не обогащает эту идеологическую эмблему – читатель имеет дело с визуальной меткой нового строя, вполне узнаваемой и даже, может быть, позитивной, но полностью меняющей апперцептивную схему пары «икона» – «Ленин». Фактически происходит полное замещение зрительного ощущения – икона теряется, её черты и краски размываются и в итоге – повторное, реверсное обращение сознания к «иконам, выброшенным с полки» наталкивается на плоскостной, актуализированный лишь на понятийно-идеологическом уровне отражения, но в высшей степени узнаваемый облик вождя. Именно поэтому, в преддверии возврата к «обедненному» слепку иконы, Есенин уточняет не её, а суррогатный заменитель последней, он конкретизирует образ портрета – «календарный Ленин». В итоге – первично упоминаемые «иконы» воспринимаются лишь идеологическим мимом – так же, как во второй процитированной строке «крест, снятый с церкви» является ведомым образом, семантика его, в лучшем случае локализуется в общей культурной памяти, а в самом тексте имеет значение в связке с акцентированным и харизматичным «комиссаром». При всём этом значащее действие комиссара не делает его более выпуклым и художественно достоверным – это всего лишь плоскостное клише, не имеющее

колебаний смысла и развитого культурного шлейфа, а его взаимоотношения с «крестом» заданы изначально – «комиссар» это тот, кто априори в ряду своих целей и стандартных действий видит и определенные шаги в символическом поле «церкви».

Ясно, что художественной задачей Есенина было достижение обратного эффекта – подъём семантической насыщенности новой поэтической объектности к показателям традиционной образности. Думать так заставляет регулярность использования описанного приёма – сопряжение новационного и стабильного символа с намеренной конкретизацией первого:

...И вот сестра разводит,
Раскрыв, как Библию, пузатый «Капитал»,
О Марксе,
Энгельсе...
Ни при какой погоде
Я этих книг, конечно, не читал... [5, с.188]

Если быть совершенно точным – подобное распределение семантического ресурса символьных пар не является результатом обращения поэта к антропогенному, неосвоенному в поэтическом отношении бытию. Есенин вполне адекватно, художественно убедительно и нетривиально использовал объекты «вторичного мира» в своей поэзии и тому есть огромное количество подтверждений. Собственно говоря, зооморфизация и антропоморфизация явлений, как исконно фольклорный метод освоения действительности был органически присущ поэту, даже в границах этих распространенных фигур Есенин был весьма и весьма убедителен:

...Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озёрных кроясь,
Железной ноздрей храпя,

На лапах чугунных поездов?.. [5, с. 126] – как можно видеть, предметный индустриальный мир органично вписывается в систему индивидуальных поэтических представлений русского поэта, информационная усеченность наблюдается лишь в определенном ряду выражений, а именно – в культурно-идеологической эмблематике, в том наборе словесных обозначений, появление которых в текстах автора было обусловлено давлением политических институтов общества.

Э. Кассирер, вскрывая суть «психологического» отношения к познаваемому, утверждал: «...мы стараемся объяснить свойственное сложным психическим образованиям единство не из простой совместной наличности... их частей, но из их взаимных влияний друг на друга... «Реален» в смысле опыта и психологического переживания всегда лишь совокупный результат, а отдельные слагающие его имеют лишь значение гипотетических элементов значение и правомерность которых измеряется тем, могут ли они в своем соединении представить сызнова совокупность явлений» [6, с. 431, 434].

Отличительным качеством начальных культурных мимов Советской республики было то, что их составляющие, реализованные на разных ярусах отражения, были крайне неравнозначны в смысле информационной значимости. Основной объем их семантики актуализировался в сфере рациональной понятийности, причем – суженной до минимальных пределов, включавших в себя сумму идеологических значений даже в тех случаях, когда речь шла о реальных объектах. К слову, все мы сталкивались и со знамёнами, и со звёздами, многие держали в руках такие хозяйственные орудия, как серп и молот. Но в эстетике формировавшейся «партийной» литературы эти предметы лишались своего вещного, мате-

риального наполнения. Более того – они очень отдаленно и эфемерно соответствовали первично-денотативным значениям обозначающих их слов, вычленив из их общего объема идеологически значимые оттенки и частные политически актуальные смыслы.

Поэтому, возвращаясь к замечанию Э. Кассирера к его достаточно архаичной, но все же вполне понятной терминологии, мы считаем, что во многих случаях даже в отношении реального предметного окружения требования идеологической утилитарности, свойственные догматике большевизма, приводили к отсечению не только «взаимных влияний частей познаваемого», но и самих «частей», то есть рефлексивных матриц объектов и явлений на тех или иных ярусах гносеологического отражения. Что же касается номинаций, отвлеченных идеологом, пафосных обозначений и обозначений неких «социалистических» виртуальных объектов, типа «партия», «коммунизм», «трудовой народ», «массы» и так далее – они использовались, за редчайшими исключениями, лишь в узких, «точечных» и однозначных семантических интерпретациях, полностью интегрированных в большевистскую риторику. Попытки художественных девиаций в сфере социалистической эмблематики зачастую приводили к анекдотическим результатам, типа «я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше».

Заметим, что подобные выводы возможно сделать, анализируя развитую русскую поэтическую традицию. Как мы уже говорили, в отношении целого ряда – весьма значимого – поэтических объектов русская авторская поэзия выступала в роли «новописьменной». При этом высокий уровень школы русского поэтического творчества сохранялся в разной степени у разных авторов. Рассмотрение творчества одних позволяет в разной степени распространить на них наблюдение О. Мандельштама, сделанное им по поводу характера эволюции А. Блока: «Блок... не выбросил ни одного пиетета, не растоптал ни одного канона. Он только усложнял свое поэтическое credo всё новыми и новыми пиететами... Литературная мягкость Блока происходила отнюдь не от бесхарактерности: он чрезвычайно сильно чувствовал стиль, как породу, поэтому жизнь языка и литературной формы он ощущал не как ломку и разрушение, а как скрещивание, спаривание различных пород, кровей и как прививку различных плодов к одному и тому же дереву» [11, с. 90–91].

На другой, диаметрально противоположной позиции находятся стихи множества авторов, которые демонстративно пренебрегали классической формой и содержанием русской поэтической традиции. Творчества самого яркого из них – А. К. Гастева – мы вкратце уже касались и, при всей непохожести на него Блока нельзя не отметить фундаментальную черту онтологической общности столь разных стихотворцев.

Список литературы

1. Бауаев К. К. Критерии «новописьменности» и авторское самосознание // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 237.
2. Бауаев К. К., Кучукова З. А. Северный Кавказ: гора языков и язык гор // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19, № 2. С. 158–174.
3. Брейдо Е. М. Акцентный стих Маяковского // Русский стих. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. С. 51–61.
4. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М. : Наука, 1993. 340 с.
5. Есенин С. А. И душа моя – поле безбрежное... : стихотворения. М. : Изд. дом Родионова, 2005. 239 с.
6. Кассирер Э. Познание и действительность (Понятие о субстанции и понятие о функции). СПб. : Университетская книга : Алетейя, 1995. 454 с.

7. Куницын Г. И. Политика и литература. М. : Сов. писатель, 1973. 592 с.
8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. М. : Изд-во политической литературы, 1967. 462 с.
9. Луначарский А. В. Ленин и искусство // Ленин о культуре и искусстве : сб. статей и отрывков. М. : ИЗОГИЗ, 1938. С. 301–317.
10. Луначарский А. В. Свобода книги и революция // Печать и революция. 1921. Ч. I. С. 16.
11. Мандельштам О. Э. А. Блок (7 августа 1921 г. – 7 августа 1922 г.) // Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. М. : Прогресс-Плеяда, 2010. Т. II. 763 с.
12. Русская литература XX века. Школы. Направления. Методы творческой работы. СПб. : Логос ; М. : Высш. шк., 2002. 586 с.
13. Якубинский Л. П. О поэтическом глоссемосочетании // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Петроград : 18-я Государственная типография, 1919. Ч. I. С. 10–12.

Информация об авторе: *Бауаев Казим Каллетович*, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия).

ПРОБЛЕМА ИРОНИЧЕСКОГО МОДУСА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

Д. М. Бичиева

г. Нальчик, Россия
jamila.bichieva@mail.ru

Аннотация. Рассматривается интерпретация иронического модуса в произведениях А. П. Чехова. Анализируются комические рассказы Чехова с точки зрения авторского отношения к персонажам, выявляются конкретные формы иронического высмеивания автором человеческих пороков.

Ключевые слова: Чехов, ирония, комедия, драма, трагедия, реальность, рассказ, драматизм, замысел

Для цитирования: Бичиева Д. М. Проблема иронического модуса в произведениях А. П. Чехова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 288–292.

Ирония является одной из наиболее знаковых особенностей творчества Антона Павловича Чехова, его художественного и личностного видения мира. Ирония присутствует в ряде чеховских произведений, начиная с самых ранних вещей: поначалу ироническая оценка выражается открыто, откровенно, по мере же развития художественного мастерства писателя и перехода к «объективной манере» повествования ирония приобретает более скрытую, латентную форму [14, с. 289]. Как правило, целью чеховской иронии является, в первую очередь, разоблачение несостоятельности жизненной позиции персонажей, обличение ошибочности мышления и ценностных ориентаций, выявление внутреннего дефицита «среднего человека», той «духовной слепоты», которая «путями ложнологических построений парализует личностное начало в человеке и в конечном итоге приводит его к нравственному индифферентизму», и которая «в качестве причины несостоявшейся жизни составит глубинную основу цепи ситуаций большинства рассказов Чехова» [14, с. 289]. В произведениях великого русского

писателя и драматурга присутствует поистине огромное число оттенков как комедии, так и драмы, однако проницательные читатели заметят, что Чехов никогда не говорит о трагедии громкими словами. По этой причине современники, не до конца понявшие чеховский стиль, считали его недостаточно яркой для писателя фигурой. В ранних рассказах Чехов никогда не говорит о драме напрямую. Ирония и юмор неизменно становятся его основными приемами.

Чем больше Антон Павлович анализировал простейшие жизненные ситуации, тем более неожиданные выводы он делал. Комичные обстоятельства вдруг оборачивались трагическим исходом, а драма, наоборот, внезапно превращалась в нелепый фарс. Все эти случайные фрагменты жизни находили отражение в произведениях Чехова, где одно порой нельзя отличить от другого, а самая серьезная мысль всю дорогу прячется под маской иронии.

Как правило, чем более тонкой душевной организацией обладает художник, тем более сложное, неопределенное чувство возникает у читателя, когда тот знакомится с его произведениями. Именно так всё обстоит с произведениями А. П. Чехова: смешное у него представляется грустным, а грустное – наоборот, смешным, и грань между этими двумя, казалось бы, противоположными видами эмоциональных переживаний писатель проводит действительно очень тонкую – и именно это придает его произведениям привычную уникальность.

В писательской философии Чехова явно прослеживается желание видеть мир, в котором люди «являются людьми и живут как люди». Вероятно, это и является той самой причиной, по которой в рассказах Антона Павловича больше грустного, нежели смешного. Драматизм содержания скрывается за комической ситуацией, поступками героев, веселыми шутками. Но постепенно радостные интонации исчезают, уступая место грустным, глухим и даже тяжелым. В своих произведениях Чехов отразил ощущаемую им серость, грязь и убожество существования обыкновенного человека. С одной стороны он обрисовывает сытость и праздность образа жизни богачей, с другой – ничтожество и бессилие, которыми насквозь пропитана жизнь бедняков. И в городе, и в деревне жизнь людей пуста, бессодержательна, бессмысленна – создается впечатление, будто вокруг нет ни одного доброго, порядочного человека. Чехов наблюдал несправедливость и бесчеловечность современной ему жизни и хотел осветить эту проблему, вот почему в его произведениях настолько часто можно встретить иронию.

Чехов придерживался мнения, что «тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть» [12, с. 23]. Эти слова можно поставить в качестве эпиграфа ко всему творчеству писателя, а также к его знаменитым рассказам «Хамелеон», «Злоумышленник», «Смерть чиновника», «Ионыч», «О любви», «Крыжовник», «Человек в футляре», «Попрыгунья». Эти небольшие по объему произведения являются настоящей энциклопедией современной писателю жизни, на которую сам Антон Павлович смотрит то, как бы с позиции отстраненного наблюдателя, то мудро иронизируя над пороками собственных героев, а то и вовсе с едкой сатирой. При этом за горьким смехом писателя легко можно разглядеть его тяжёлые и не приносящие радости мысли о важнейших нравственных и общественно-социальных проблемах своего времени [1, с. 237].

Иронический модус, через призму которого Чеховым изображается реальность, не исчерпывается одной лишь трансформированной до состояния наименьшей важности характерологией героев. Автор также демонстрирует иронию по отношению ко всем своим предшественникам в русской классической литературе, произведения которой он, следуя емкому выражению российского филолога Д. М. Магомедовой, он «переписывает». Персонажи Чехова стремятся действовать по классическим литературным шаблонам, будто стараются равнять-

ся на неё. Однако в конце концов каждый сюжет подобного типа благодаря ироническому взгляду писателя так или иначе оборачивается пошлостью и нелепостью, целью которых является высмеивание действующих лиц чеховских сюжетов. Особенность сознания чеховского героя, который, как правило, ориентирован на литературные образцы, заключается в факте того, что эти персонажи неоригинальны и вторичны, в них присутствует некий симптом постоянного бессознательного тяготения чеховского героя к хождению по протоптанным дорожкам и безопасным моделям поведения.

Кроме того, непривычная специфика чеховского героя более явно может быть обнаружена непосредственно в наиболее часто встречающихся в русской литературе сюжетных ситуациях – любовных, связанных с дуэлями, сценах исповедания, так называемых «историях души человеческой». Таким образом, к примеру, дуэль Лаевского и фон Корена из повести «Дуэль» не позволяет выявить победителя и заставляет обоих дуэлянтов внутренне преодолеть ясность духовных горизонтов, а итогом ситуации спасения обманутой и заслуживающей сострадания женщины в «Рассказе неизвестного человека» становится несостоятельность и жизненная невозможность сюжета по образцу Достоевского и Толстого [2, с. 161].

Следуя законам иронического модуса, Чехов меняет и повествовательную структуру текста. Форма повествования от лица рассказчика, который находится на некоторой дистанции от своих героев, позволяет Чехову сосредоточить внимание на наиболее важной особенности образа своего героя – иронической несовместимости его самосознания и жизненного положения. Чехову такая форма повествования представляется аналогом высказывания персонажа драматического произведения с присущей ему двуплановостью, планом самосознания героя и как бы «встроенным» в это высказывание планом авторского видения собственного героя. Подобная форма в высшей мере точно отображает авторский замысел, который включает в себя попытки иронической дискредитации притязания героя на свою причастность к высшим ценностям жизни. В этой иронической дискредитации и кроется основная стилевая идея произведений Чехова.

Иронический модус повествования, который ориентирован не на индивидуальную или социальную уникальность, а на исследование общечеловеческой ограниченности любого «обычного» думающего и чувствующего человека, привел Чехова к уходу от наиболее важного принципа реалистического искусства – к отказу от индивидуального прописывания характеров. В какой мере наделены неповторимым характером учитель словесности, Лаптев («Три года»), художник («Дом с мезонином»), Гуров («Дама с собачкой»), Михаил Полознев из повести «Моя жизнь»? В разных вариантах это все тот же человек – неудовлетворенный, скучающий, страдающий. Создавая череду подобных «безликих» героев, Чехов был заинтересован не столько индивидуальными личностями, сколько состоянием единого эпохального сознания.

При первом прочтении рассказ «Смерть чиновника» сначала кажется смешным – главный герой, чиновник Червяков, чихнул на лысину генерала и замучил того извинениями. «Доизвинявшись» до генеральского гнева, «придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и ... помер» [9, с. 10]. Самое страшное в этой, казалось бы, забавной истории – то, как показана в ней картина духовного измельчания человека и непоборимого раболепства перед высшими чинами. Умереть от страха, когда тебя отчитывает представитель вышестоящей должности – само по себе смешно, однако на протяжении всего рассказа Червяков фактически именно этого и добивался, а трагедия скрывалась за тонкой иронией.

Самую большую известность среди рассказов Чехова получил такой же двусмысленный в своей комичности «Хамелеон»). Главный герой рассказа, квартальный Очумелов, стал своеобразным символом эпохи, связанным с чертами пустословия и произвола. Его поведение вызывает и смех, и слезы: потому он и «хамелеон», что воплощает в себе всю суть своей должности. Сам по себе он, возможно, и не самый плохой человек, однако сущность его должности – в бытии одновременно безмолвным холопом перед вышестоящими и надменным повелителем рядом с нижестоящими («Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!») [8, с. 328]. В «Хамелеоне», как и в «Злоумышленнике», за смешными мелочами быта, за анекдотическими ситуациями раскрывается глубокий смысл: все общество, вся окружающая действительность России рубежа двух веков прогнила, деградировала, растеряла последние основы нравственности.

Подобная тема затрагивается и в рассказе «Толстый и тонкий». Встреча двух товарищей детства омрачается тем, что один из них («толстый») по жизни добился существенно более высокого служебного положения. При этом «толстый» совсем не хотел принижать своего бывшего приятеля – он наоборот ведет себя добродушно и искренне рад встрече. Однако «тонкий», услышав о тайном советнике и двух звездах, «съежился, сгорбил, сузился» [3, с. 71]. На его лице появились присущие таким случаям «сладость и почтительная кислота», он глупо захихикал и начал прибавлять ко всем словам частицу «с» – и в итоге от такого поворота событий «тайного советника стошнило» [3, с. 72]. По большому счету ситуацию, описанная в этом рассказе, трудно назвать смешной – это самая злая ирония и самый жестокий сарказм, какие только способен был использовать Чехов. Вполне возможно, сам автор когда-то был вынужден стать свидетелем подобной ситуации в реальной жизни и потом долго не мог отойти от ужаса.

И уже совсем не смешным в своей едкой правдивости предстает рассказ «Маска». По сюжету самые важные люди города съезжаются на бал-маскарад, однако кто-то внезапно устраивает в читальне клуба возмутительный дебош. Но стоит лишь хулигану снять маску и превратиться в миллионера, как все тут же начинают пытаться загладить свою вину и не знают, как угодить «почетному гражданину» [12, с. 24]. Так и чувствуется авторское возмущенное желание крикнуть: «Что же вы делаете? Так нельзя!».

В своих маленьких, словно мимолетных произведениях А. П. Чехов рассказывает о жизни, которая строится по законам господства и подчинения. Это настолько само собой разумеющееся обстоятельство, что люди перестали замечать, как низко они готовы пасть во имя подчинения системе чиновничества и лживого произвола. От всей души пускаясь в иронию и преувеличения, Чехов рисует юмористические ситуации, в которых изображения людской подлости и пошлости выходят необычайно яркими. Писатель М. Горький говорил о Чехове: «Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни» [4, с. 368].

Обличая в своих рассказах не только людские, но и общественные пороки, писатель преследовал цель зеркалом повернуть к читателям их жизнь, помочь увидеть, как привычные и якобы не имеющие значения мелочи могут испортить даже добрые начинания. Да, в «Хамелеоне» много забавных поворотов. И все же, если задуматься и вчитаться, то смешное здесь вновь окажется грустным или даже пугающим. Ведь если льстецы и чиновники возьмут на себя ответственность решения важных вопросов, то дело вряд ли сдвинется с мертвой точки, потому что им не ведомы слова «честь», «справедливость» и «закон».

Примечательно, что современники называли эти тонкие, по-настоящему мастерски написанные рассказы «газетным фельетоном» и советовали автору не тратить свой талант понапрасну на подобные «пустяки». Только в наше время, когда люди, по крайней мере, научились знать низости раболепства перед начальством, рассказы Чехова были прочитаны и получили своё признание.

Обобщая всё, что было сказано выше, ирония в произведениях А. П. Чехова может быть образно охарактеризована как умная, честная, спокойная, далекая от безразличной умудрённости, скрыто-тревожная, в какой-то степени даже как ищущую в своем внешнем спокойствии. Иронический модус в творчестве писателя дает возможность изучить всю богатую гамму тонов и полутонов души человека, вызывает у читателя неоднозначное отношение к прочитанному и к фигурирующим в произведениях героям. Иронический персонаж А. П. Чехова пропитан верой в то, что он не является окончательно погибшим, не совсем погряз в равнодушии и всё еще обладает способностью сопротивляться окружившему его со всех сторон собственническому укладу. Художественный метод Антона Павловича Чехова выстраивается на доверии к читателю, к его умению понять замысел художника. Гениальность писателя проявилась в том, что он искренне поверил в человеческий талант, чуткость и отзывчивость рядового представителя своей аудитории. Будто бы отодвигаясь на задний план собственного художественного мира, Чехов вводит в него читателя как «партнера» в творческом процессе, целью которого является установление своего сходства с литературным героем. Такого рода ориентация на читателя, такой принцип художественного отражения жизни стал фактически новаторским принципом художественного творчества, присущим непосредственно чеховскому реализму.

Список литературы

1. Бауаев К. К. Критерии «новописьменности» и авторское самосознание // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 237.
2. Бауаев К. К., Кучукова З. А. Северный Кавказ: гора языков и язык гор // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2022. Т. 19, № 2. С. 158–174.
3. Ганженко М. Б. «Какое наслаждение уважать людей!»: к изучению рассказа А. П. Чехова «Толстый и тонкий» в национальной школе // Русская словесность. 2000. № 5. С. 71–75.
4. Горький М. Собрание сочинений : в 16 т. М. : Правда, 1979. Т. 16. С. 368.
5. Грачева И. В. Глубины чеховского слова // Русская речь. 2000. № 3. С. 20–25.
6. Гриценко З. А. Традиции древнерусского путевого очерка в произведении А. П. Чехова «Остров Сахалин» // Творчество А. П. Чехова : межвуз. сб. науч. тр. Ростов н/Д., 1984. С. 56–59.
7. Зайцев Б. К. Чехов: литературная биография. М., 2000. 207 с.
8. Коровина В. Я. А. П. Чехов. «Хамелеон», «Злоумышленник». Литература. 7 кл. М. : Просвещение, 2016.
9. Кошелев В. А. «... Лег на диван и... помер». Чехов и культура абсурда // Литературное обозрение. 1994. № 11/12.
10. Набоков В. В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М., 1996. 440 с.
11. Семанова М. Л. Чехов – художник. М., 1976. 312 с.
12. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. М., 1977. Т. 8. С. 23–24.
13. Храпченко М. Б. История русской литературы. Т. 9. Ч. 1. Литература 70–80-х годов. М., 1956. 536 с.
14. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 289 с.

Информация об авторе: *Бичиева Джамия Мухтаровна*, магистрант Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия).

КОМПАРАТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Е. А. БЛАГИНИНОЙ)

М. А. Бобунова

г. Курск, Россия
bobunova61@mail.ru

Аннотация. Показано место компаративов в художественном тексте. Материалом исследования стали стихи для взрослых Е. А. Благиной из сборников «Окна в сад» и «Складень». Формы сравнительной степени анализируются с учётом их частеречной принадлежности и морфемного состава. Описаны особенности употребления данных слов. Особое внимание уделяется нерегулярным формам образования компаративов. Делается вывод о роли слов указанной модели в идиолекте писателя.

Ключевые слова: компаратив, художественный текст, Е. А. Благина

Для цитирования: Бобунова М. А. Компаративы в художественном тексте (на материале стихотворений Е. А. Благиной) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 293–296.

Компаратив, т. е. форма сравнительной степени, используется в русском языке для обозначения того, что названный им «качественный признак представлен в большей степени, чем тот же признак, названный формой положительной степени» [12, с. 562]. Указанная грамматическая форма является средством интенсификации высказывания в художественном тексте [8] и нередко выполняет эмоционально-выразительную функцию. И. Б. Голуб, автор книги «Стилистика русского языка», отмечает выразительные возможности, заложенные в формах степеней сравнения имени прилагательного: «Сама природа их, как грамматической категории, указывающей на более (или менее) интенсивное проявление качественного значения, делает их экспрессивными» [6].

Лингвисты неоднократно обращались к анализу форм степеней сравнения в поэтическом тексте (см., например: [11; 13]). Объектом нашего исследования стало поэтическое наследие выпускницы Курского пединститута Е. А. Благиной (1903–1989). Язык её стихотворений отличается естественностью, чистотой, изяществом слога, гармоничностью повествования, цельностью поэтического мира, что подтверждают работы курских и орловских филологов [3; 4; 5; 7]. Известная в большей степени как автор для детей, Елена Александровна писала и для взрослых. В 1966 г. вышел сборник «Окна в сад» [1], а в 1973 – «Складень» [2]. Именно эти сборники и выбраны в качестве материала описания.

Составленный нами словник компаративов представлен лексемами разной частеречной принадлежности:

– прилагательными: *Что может быть грустней предмета, Который во все ни к чему?.. Вот лестница большая эта В моем разрушенном доме* [1, с. 53];

– наречиями: *Я любила проснуться На ранней заре, Чтоб скорей прикоснуться К стволам и коре* [2, с. 7];

– словами категории состояния: *Дереvence рубили не жалея, Потому что застило оно... В доме стало чуточку светлее, А зато в душе – темным-темно!* [2, с. 44].

Чаще всего встречается сравнительная степень прилагательного, причём в большинстве случаев используется модель «компаратив + форма родительного

падежа существительного», хотя зафиксированы и одиночные компаративы: *С каждым веком плач твой безутешней: «Ветер буйный, солнце, упаси!» Видно, потому порою вешней Так кричат зегзицы на Руси* [1, с. 49].

Формы сравнительной степени в русском языке образуются с помощью разных морфем. Наиболее распространены суффиксы *-ее / -ей*, что подтверждает и наш словарь: *безутешней, горячей, грустней, желанней, милее, пристальнее, светлее, скорей*. Как свидетельствует «Русская грамматика», значительно реже компаратив образуется с помощью морфем *-е* или *-ше*, причём многие из таких форм «в употреблении редки и встречаются преимущественно в поэтической речи» [12, с. 564]: *«Завтра день разлуки и печали»... Память, ох, на прошлое остра! ... С каждым годом горше, чем вначале, С каждым днём тяжеле, чем вчера* [2, с. 47].

Обратим внимание на компаратив *тяжеле*. В «Орфоэпическом словаре русского языка» отмечается, что сравнительная степень прилагательного *тяжелый* – *тяжелее*, но в художественном тексте возможно устарелое *тяжеле* [10, с. 875]. Хронологическая помета дается и в орфографическом словаре: *Тяжелее* и (*устар.*) *тяжеле, сравн. ст.* [14, с. 1103].

У прилагательного *одинокий*, по сведениям словарей, сравнительная степень не употребляется [10, с. 496], однако в стихотворении «Там сияют зарницы» Благинина использует компаратив *одиноче*: *Они ведь ещё не узнали – Та царевна-лягушка Счастливой была ли? Может, нету на свете Ее одиноче? Может, ветер разлуки Ей выстудил очи* [2, с. 56]. Заметим, что данную форму нельзя считать окказиональной, поскольку в поэтическом корпусе НКРЯ есть семь документов, свидетельствующих об употреблении такого компаратива в поэзии И. В. Одоевцевой, Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, О. А. Седаковой, И. Северянина, Ю. Д. Шумакова и Б. Ю. Поплавского. Приведём несколько примеров: *Я в женщине не отыскал родни: Я всех людей на свете одиноче* (И. Северянин); *Иль точнее и короче – Нет в лазури одиноче, Белопарусней меня* (И. Одоевцева). Подобная форма несколько раз отмечена и в художественной прозе (преимущественно первой половины XX века) [9].

Прилагательное *мёртвый* в прямом значении ‘лишившийся жизни’ в литературном языке компаратив не образует, поскольку указанный признак не может проявляться в большей или меньшей степени. В то же время сравнительная степень *мертвее* возможна в переносном значении ‘безжизненный, бесплодный, безмолвный и др.’ [10, с. 388]. Однако в стихотворении Благининой «Овальный портрет» компаратив *мертвее* используется по отношению к лицу. Такая форма сильнее передает горечь утраты человека, похоронившего своего мужа: *Я на крик: – Милый, для чего мне Твои утешные слова? Ты вспомни, вспомни, вспомни, вспомни, Что без тебя и я мертва! Я без тебя – тебя мертвее... О, как мне, горемычной, быть, Коль не хочу и не умею Ни ждать, ни верить, ни любить!* [1, с. 59].

Для поэтического стиля Благининой характерно использование нескольких компаративов в одном контексте. Они могут быть связаны сочинительной связью и выступать в роли однородных членов или включаться в состав сложноподчиненных предложений с сопоставительной придаточной частью. Ср.: *И что-то есть пленительное в этом Пылании зари: Все освещается не внешним светом, А изнутри. Мне солнечных милее и дороже Такие дни... Не потому ль, что на тебя похожи, Мой друг, они?* [1, с. 93]; *И чем желанней свежест, Тем солнце горячей... Захлёбываясь, нежась, Бежит вблизи ручей* [1, с. 92].

Разные компаративы могут использоваться в составе синтаксических фигур для большей выразительности текста.

*Поди, до кровель намело,
А всё снега, снега...*

*И хлеще холода тепло
Чужого очага.
И горше всех былых разлук
Разлука в этот раз.
И слаще всех любовных мук
Пожатые дружественных рук,
Улыбка добрых глаз [1, с. 51].*

Полагаем, что синтаксическая фигура параллелизма, усиленная лексической анафорой, оказывает определённое эмоциональное воздействие на читателя.

В русском языке от компаративов с помощью префикса *по-* образуются формы со значением умеренной степени проявления признака. Благинина использует подобную форму в диалоге белого офицера с ребенком, вкладывая ее в уста взрослого человека для смягчения ситуации: *Он побледнел: – Поосторожней, детка, Вы несмышленыш, видно по всему! Забыли? Существует контрразведка! – Разведка тоже, – я в ответ ему [1, с. 39].*

Проведённый анализ показывает, что Е. А. Благинина умеренно использует компаративы, тщательно отбирая нужную форму в каждом конкретном случае, причём, наряду с общеупотребительными конструкциями активного запаса, включает в текст устаревшие и нерегулярные формы, которые в совокупности выполняют важные художественные функции. Обратим внимание на то, что автор нередко употребляет формы сравнительной степени для формирования рифмы, при этом в пару с компаративом включаются слова разных частей речи: существительные (*коней – сильней; горячей – ручей, одиноче – очи*), прилагательные (*безутешней – вешней*), глаголы и глагольные формы (*мертвее – не умею, жалея – светлее*). В целом стихотворения Е. А. Благиной подтверждают мысль о том, что компаратив оказывается неотъемлемым средством выражения интенсивности, экспрессивности и выразительности в поэтическом тексте.

Список литературы

1. Благинина Е. А. Окна в сад. Книга стихов. М. : Сов. писатель, 1966. 123 с.
2. Благинина Е. А. Складень. Книга стихов. М. : Сов. писатель, 1973. 63 с.
3. Бобунова М. А. Цветовая лексика в поэзии Е. А. Благиной // Курское слово. 2017. № 15. С. 57–65.
4. Бобунова М. А. Фитонимическая лексика в поэзии Е. А. Благиной // Курское слово. 2018. № 18. С. 39–45.
5. Бобылев Б. Г. «Мне страшно оступиться...»: лингвостилистический анализ стихотворения Е. Благиной «Колея» // Русский язык в школе. 2018. Т. 79, № 5. С. 64–66.
6. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. URL: <https://knigogid.ru/books/896481-stilistika-russkogo-yazyka/toread/page-200> (дата обращения: 12.01.2023).
7. Доронина Т. В. «Горькая сказка бытия»: к вопросу о цельности поэтического мира Елены Благиной // Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения») : материалы Междунар. науч. конф. 2020. С. 223–229.
8. Жерновая О. Р. Компаративы как средство интенсификации высказывания в художественном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Филология. 2000. № 1. С. 222–228.
9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 15.01.2023).
10. Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М. : АСТ, 2015. 1008 с.
11. Пантелеев А. Ф., Долматова А. С. Компаратив в лирике М. И. Цветаевой // Таврический научный обозреватель. 2015. № 5-2. С. 82–86.
12. Русская грамматика : в 2 т. М. : Наука, 1982. Т. 1. 783 с.

13. Твердохлеб О. Г. Объекты сравнения в поэзии Н. С. Гумилева // Вестник Пермского университета. 2016. № 3 (35). С. 59–66.

14. Русский орфографический словарь: ок. 160 000 слов. М. : Азбуковник, 1999. 1280 с.

Информация об авторе: *Бобунова Мария Александровна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета (г. Курск, Россия).

ИНФИНИТИВ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

М. П. Болотская

г. Пенза, Россия

margarita_bolotskaya@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются возможности инфинитива в передаче модальных значений в художественном тексте (на материале художественных произведений В. Токаревой). Исследуется семантическое насыщение конструкций с присловным инфинитивом.

Ключевые слова: инфинитив, модальность, художественный текст, В. Токарева

Для цитирования: Болотская М. П. Инфинитив как средство выражения модальности в художественном тексте // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 296–298.

Важнейшее свойство инфинитива, участвующего в выражении темпоральных, субъектных и иных отношений, – причастность к передаче модальности [2, с. 504], которая осуществляется разными способами, что обуславливает специфику употребления инфинитива.

Реализовать семантику модальности на лексическом уровне инфинитиву помогают слова, к которым он примыкает. Данная ключевая семантическая категория выявляется, например, в сочетании инфинитива с существительными, семантическая структура которых содержит сему модальности: *возможность, готовность, желание, затея* и др., например: *Почему бы им не прийти вместе, если есть возможность не разлучаться* («Звезда в тумане»); *А что, я не имею права слова сказать?* («Инструктор по плаванию»); *От слова «похихикать»* («За рекой, за лесом») и др.

Семантику необходимости, целесообразности, желательности, возможности и пр. реализуют в текстах конструкции, представленные инфинитивами со вспомогательными глаголами различной семантики. Согласно классификации В. М. Брицына [1, с. 79], нами были выделены следующие группы:

1) с фазовыми глаголами начинательности: *А если начать думать, обязательно до чего-нибудь додумаешься* («Самый счастливый день»);

2) с фазовыми глаголами, выражающими продолжение, прекращения действия: *А тогда чего она перестала ходить?* («Звезда в тумане»);

3) с дефинитивными глаголами: *Гардеробищица, как более низкий чин, не посмеет послушаться и отменить распоряжение* («Плохое настроение»);

4) с пробационными глаголами: *Я занимаюсь тем, что пытаюсь выделить этот гормон счастья* («Звезда в тумане»);

5) с глаголами психической деятельности: *Больше всего она боится остаться одна со своей драмой* («Звезда в тумане»);

6) с глаголами приобретения / утраты навыков и привычек: *Татьяна привыкла встречать его внизу, мальчика из Акмаллы* («Телохранитель»);

7) с глаголами, имеющими сему «говорение»: *Через три года они обещали вернуться и забрать её обратно* («Хорошая слышимость»).

Будучи зачастую полнозначным глаголом, присловный инфинитив в то же время более всего приспособлен для развития и восполнения смысла слов, от которых он зависит, для раскрытия и изъяснения их семантики, что ярко проявляется в глагольно-инфинитивном словосочетании с модальным глаголом, открытым для восполнения, например: *Я не прячусь. Я не хочу его огорчать* («За рекой, за лесом»). Ср.: глагол *хочу* 1) в значении *иметь желание* употребляется либо с дополнением, либо с инфинитивом: *Я хочу перейти в девятый класс и хочу дубленку вместо своей шубы* («Самый счастливый день»); 2) в значении *иметь намерение* требует инфинитива: *Может быть, вы хотите проводить папу?* – *проговорила она* («За рекой, за лесом»); 3) семантика *стремиться к чему-либо* раскрывается без помощи инфинитива. Ср.: *И продолжаю делать, как ты хочешь* («Ничего особенного»). При выполнении инфинитивом связочной функции лексическое наполнение конструкции обеспечивается не инфинитивной связкой, выполняющей грамматическую роль, а присвязочным компонентом: *И всё оттого, что Лора хочет быть счастливой* («Один кубик надежды»).

Ещё более наглядно восполняющая сущность инфинитива проявляется, например, при другом модальном глаголе – *мочь*, который употребляется в следующих значениях: 1) «быть в состоянии, в силах что-либо делать»: *Я всё понимал и ничего не мог понять* («Рубль шестьдесят – не деньги»); 2) «иметь возможность что-либо делать»: *Я могла бы не согласиться с собеседником, не принять сочувствия. А могла бы принять сочувствие и расслабиться, сказать, что я не ем, и не сплю, и не могу ни о чем больше думать* («Звезда в тумане»); 3) «быть способным, уметь что-либо делать»: *И это единственная правда, которую я могу себе сказать* («Звезда в тумане»). Заметим, что в сочетании со словами, содержащими сему побуждения к действию (*велеть, давать, завещать, запрещать, заставлять, звать, мешать, оставить, позволять* и др.), объектный инфинитив часто выражает изъяснительно-восполняющее значение. Количество таких употреблений увеличивается за счёт повторов. Привлекают внимание и случаи употребления объектного инфинитива, который, строго говоря, имеет значение совместного действия: *Утром Он позвонил ей по телефону и предложил позавтракать в буфете* («Зигзаг») – *предложил позавтракать* героине рассказа, но и сам собирался *позавтракать*.

Цель действия, выражаемая инфинитивом-обстоятельством, имеет непосредственное отношение к модальности. В текстах рассказов В. Токаревой обстоятельство примыкает к небольшой группе глаголов: *выводить, выйти, идти, лечь, ложиться, остаться, отправиться, отъехать, побежать, приехать, прийти, сесть, уехать, ходить*. Обычно такого рода обстоятельства со значением цели располагаются после сказуемого (непосредственно или дистантно), однако для актуализации выражаемого инфинитивом смысла он выносится в препозицию: *Забирать пришли сын и невестка Даша* («Телохранитель»). Актуализации в высокой степени способствует вынесение инфинитивного обстоятельства за пределы предложения (парцелляция): *А зачем вы пришли? Сказать, что забыли?* («Звезда в тумане»).

Непосредственное отношение к модальности имеют словосочетания, включающие инфинитив, зависимый от прилагательных *готов, должен, намерен*, ввиду чётко выраженной в данных прилагательных модальной семантики: *Вс должен быть минимальным* («Уик энд»); *Она каждый раз готова была выйти замуж* («Звезда в тумане»). Лексическое значение данных слов прямо связано с ирреальной модальностью: действие мыслится как планируемое.

Не менее ярко модальное значение проявляется в сочетаниях, где инфинитив примыкает к словам категории состояния: *возможно, можно, надо, невозможно, нельзя, необходимо, нужно* и др. Соединение в минимальном контексте двух слов категории состояния позволяет уточнять передаваемую инфинитивом модальную семантику: *Ни в коем случае нельзя ориентироваться на страсть, надо учитывать перспективы отношений, брать мужа на вырост* («Инструктор по плаванию»).

Противопоставление антонимов подчёркивает выражаемую в словосочетаниях модальность (*возможно – невозможно*): *Он не понимал, почему сидеть всю ночь на лавке – возможно, а лечь в постель и заснуть – невозможно* («Телохранитель»). Антонимическое противопоставление инфинитивов действует аналогично: *Лучше произносить текст, чем молчать* («Инструктор по плаванию»), так же, как повтор неопределённой формы: *Хочется есть, есть, есть...* («Уик энд»), а также инверсия и актуализирующая пауза, обозначенная при помощи тире: *Сострадать можно недолго* («Телохранитель») – *Сострадать долго – невозможно*. («Телохранитель»). Парцелляция выполняет аналогичную функцию выделения: *Надо просто подождать. Потерпеть. И вытереть ей слезы со щёки. И заставить улыбнуться сквозь слезы* («Телохранитель»).

Список литературы

1. Брицын В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке. Киев : Наук. думка, 1990. 318 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. : Высш. шк., 1986. 614 с.
3. Токарева В. С. Сальто-мортале : сборник. М. : АСТ : Хранитель, 2008. 318 с.

Информация об авторе: *Болотская Маргарита Павловна*, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ А. М. ВОЛКОВА «ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА»

Е. М. Вавилова

г. Заречный, Пензенская область, Россия
e.m.vavilova@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются собственные имена в повести-сказке А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города», отмечается их роль в произведении.

Ключевые слова: ономастика, ономатология, антропонимика, топонимика

Для цитирования: Вавилова Е. М. Имена собственные в сказочной повести А. М. Волкова «Волшебник Изумрудного города» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 298–301.

Нам с детства знакомы персонажи замечательной сказочной повести Александра Волкова про девочку Элли и её друзей. Вместе с ней и её пёсиком Тотошкой мы на летающем домике во время страшного урагана попали в Волшебную страну, где встретили новых друзей. Вместе с ними совершили путешествие в Изумрудный город по дороге из жёлтого кирпича, познакомились с жителями Волшебной страны, преодолевали трудности, выбирались из, казалось бы, безнадёжных ситуаций, побеждали злых волшебниц, исполняли заветные желания...

Самый неожиданный поворот в жизни Александра Мелентьевича начался с того, что он, большой знаток иностранных языков, решил изучить ещё и английский. Материалом для упражнений послужила книга Л. Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз». Он прочел её, рассказал двум своим сыновьям, решил перевести. Но в итоге получился не перевод, а переложение книги американского автора. Кое-что писатель переделывал, кое-что добавлял. Например, придумал встречу с людоедом, наводнение и другие приключения. Пёсик Тотошка у него заговорил, девочку стали звать Элли, а Мудрец из Страны Оз обрёл имя и титул – Великий и Ужасный волшебник Гудвин... Появилось множество и других милых, забавных, иногда почти незаметных изменений. А когда перевод или, точнее, пересказ был закончен, то вдруг выяснилось, что это уже не совсем баумовский «Мудрец». Американская сказка превратилась просто в сказку. А её герои заговорили по-русски так же непринужденно и весело, как за столетия до этого говорили по-английски.

Александр Волков год работал над рукописью и озаглавил её «*Волшебник Изумрудного города*» с подзаголовком «*Переработки сказки американского писателя Фрэнка Баума*». Рукопись была послана известному детскому писателю С. Я. Маршаку, тот её одобрил и передал в издательство, настоятельно посоветовав Волкову заняться литературой профессионально.

«Волшебник Изумрудного города» вызвал большой поток писем автору от его маленьких читателей. Дети настойчиво требовали, чтобы писатель продолжил сказку о приключениях доброй маленькой девочки Элли и её верных друзей – Страшилы, Железного дровосека, Трусливого льва и смешной собачки Тотошки. На письма подобного содержания Волков откликнулся книгами «*Урфин Джюс и его деревянные солдаты*» и «*Семь подземных королей*». Но читательские письма продолжали идти с просьбами продолжить рассказ. Александр Мелентьевич вынужден был ответить своим «напористым» читателям: «Многие ребята просят меня, чтобы я писал ещё сказки об Элли и её друзьях. Я на это отвечаю: сказок об Элли больше не будет...» А поток писем с настойчивыми просьбами продолжить сказки не уменьшался. И добрый волшебник внял просьбам своих юных поклонников. Он написал ещё три сказки – «*Огненный бог Марранов*», «*Жёлтый туман*» и «*Тайна заброшенного замка*». Все шесть сказочных повестей об Изумрудном городе были переведены на многие языки мира общим тиражом в несколько десятков миллионов экземпляров.

В повести «*Волшебник Изумрудного города*» нам встречается много имён собственных: это и названия волшебных стран, и названия жителей, и имена героев.

Раздел лингвистики, изучающий собственные имена, историю их возникновения и преобразования, называется ономастикой или оноματοлогией.

Выделяют несколько направлений ономастики, среди которых:

– антропонимика – исследует собственные имена людей (*Иван Калита, Игорь Кио, Рюрик*);

– топонимика – изучает собственные имена географических объектов (*Чёрное море, Невский проспект, озеро Байкал*).

Топоним (от др.-греч. τόπος – место + ὄνομα – имя, название) – имя собственное, обозначающее название (идентификатор) географического объекта [4, с. 125].

Антропонимы (др.-греч. ἄνθρωπος – человек и ὄνομα – имя) – единичное имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной [4, с. 5].

Обратившись к значению имён собственных и подумав над их звучанием, было выделено 5 групп имён собственных.

1 группа: обычные существительные, которые автор использует как имена героев и пишет их с большой буквы: *Страшила, Белка, Аист, Людоед, Паук, Болтуны*.

2 группа: словосочетания, в которых даётся характеристика героям: *Железный Дровосек, Трусливый Лев, Летучие Обезьяны, Саблезубые Тигры*.

Имена 1 и 2 групп иногда употребляются автором в прямом смысле (*Людоед, Паук*), а иногда при чтении сказки у них появляется новый смысл (*Страшила* совсем не страшный, *Трусливый Лев* на самом деле очень храбрый, а *Железный Дровосек* имеет мягкое и доброе сердце).

3 группа: настоящие имена собственные, которые встречаются в реальном мире людей: *Элли, Джон, Анна, Роберт, Боб, Дик, Рольф, Джеймс*, кличка собаки *Тото (Тотошка)*.

Все имена английские, так как события происходят в Канзасе. Автор, таким образом, создаёт настоящий мир людей и делает сказку правдоподобной, поэтому мы называем её повесть-сказка.

4 группа: необычные имена собственные, придуманные автором, но понятные нам, так как они содержат характеристику героев: *Жевуны* – основной народ Голубой страны. Названы так за привычку постоянно двигать челюстями, будто что-то пережёвывая; *Мигуны* – народ, населяющий Фиолетовую страну, названы так за привычку часто мигать.

5 группа: имена героев выдуманной автором страны. Эти существительные необычны: *Виллина, Гингема, Бастинда, Гудвин, Фрегоза, Прем Кокус, Дон Гиор, Уорра, Фарамант, Рамина, Флинта, Лестар, Марраны*.

Имена положительных героев звучат мягче, нежнее: *Виллина, Стелла, Флинта, Рамина*.

Имена отрицательных персонажей имеют неприятное, резкое звучание: *Гингема, Бастинда, Марраны, Уорра*.

В сказке Александра Волкова создан мир добрых и злых героев. Добро побеждает зло, поэтому добрых персонажей гораздо больше.

Используя разные именованья своих героев, автор добивается того, что мир его сказки то реалистичен, то, наоборот, становится необычным. Имена то «играют» с нами (*Страшила, Трусливый Лев*), то подсказывают (*Виллина, Стелла, Гудвин*).

Список литературы

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М. : Просвещение, 1983. 224 с.
2. Волков А. М. «Волшебник Изумрудного города» и другие сказочные повести. М. : Олма Медиа Групп, 2010. 800 с.

3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М. : Азъ, 1992. 955 с.

4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 200 с.

Информация об авторе: *Вавилова Елена Михайловна*, учитель русского языка и литературы лицея № 230 г. Заречного (г. Заречный, Пензенская область, Россия).

СООТНОШЕНИЕ «ТИШИНЫ» И «МОЛЧАНИЯ» В РАССКАЗЕ В. М. ШУКШИНА «СОЛНЦЕ, СТАРИК И ДЕВУШКА»

А. В. Гаспарян

*г. Ереван, Республика Армения
armine.gasparyan@ysu.am*

Аннотация. Рассматривается один из рассказов В. Шукшина («Солнце, старик и девушка»), относящийся к раннему периоду творчества писателя. Используя в рассказе различные языковые средства (лексические, грамматические, синтаксические, пунктуационные), В. Шукшин передаёт состояние безмолвия и тишины в природе и в душе человека. Это произведение восходит к традициям древней народной поэтики: по созерцательности, отсутствию действия и наполненности благостной тишиной его можно соотнести с русской иконой. В рассматриваемом рассказе, как и во всех произведениях Шукшина, выявлен подлинный интерес к судьбе обыкновенного человека, подчёркнута его неповторимость и масштабность.

Ключевые слова: лексический повтор, неполные конструкции, молчание, тишина, неповторимость человека

Для цитирования: Гаспарян А. В. Соотношение «тишины» и «молчания» в рассказе В. М. Шукшина «Солнце, старик и девушка» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 301–305.

Творчество В. М. Шукшина, классика русской литературы советского периода, многогранно и неоднозначно, за кажущейся простотой стиля скрываются не раскрываемые до конца внутренние пласты художественного текста. Писатель изображает героев в какой-то единичной ситуации, и они действуют в ней соответственно своему характеру (не случайно один из его сборников называется «Характеры»). Почти всем рассказам свойственны быстрая смена событий, динамизм в повествовании, экспрессивность речи персонажей. «Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается – выкину его чемодан к чёртовой матери, и всё!» Так говорит злючка-сноха Чудика в одноимённом рассказе. Не менее выразительно звучит речь героя «Трёх граций», ведущего повествование от первого лица: «Вон идёт Рыжая. Лапочка моя! Ой-ой – в новом свитере! А походка!.. Вся – движение, порыв. Наполеон на Аркольском мосту».

В своих рассказах Шукшин часто использует несобственно-прямую речь, характеризующую героя, передающую его мысли, переживания: «Борис, сын, с некоторых пор стал не то что стыдиться, а как-то неловко ему было, *что ли*, – стал как-то переживать, что отец его скотник и пастух. Алёша заметил это и молчал... От молодости это, от больших устремлений. Пусть... *Вишь*, стыдится, что

отец пастух... Эх, милый! Ну давай, давай целясь повыше, глядишь, куда-нибудь и попадёшь. Учится хорошо... Удивительно вообще-то, но все нормально» (рассказ «Алёша Бесконвойный»). Все выразительные средства: меткие, простонародные выражения, диалектизмы, парцелляции, короткие, односоставные предложения – придают произведениям Шукшина динамизм и внутренний пульс, энергию. Ощущается ритм повествования.

В данной статье рассматривается один из рассказов В. М. Шукшина, не очень часто упоминаемый исследователями творчества писателя. Он относится к раннему периоду его творчества (написан в 1963 г.). Речь идёт о рассказе-судьбе «Солнце, старик и девушка». Он не очень типичен для повествовательной манеры Шукшина. Определяющим в этом незатейливом по сюжету рассказе становится, по нашему мнению, мотив *молчания*, который по-разному соотносится с мотивом *тишины*, *безмолвия*. Есть ли существенная разница между молчанием и тишиной? Попытаемся определить значение данных понятий. *Молчание*, как считает Копылова Т. Р., является семантически более узким по сравнению с единицей *тишина*.

Тишина – отсутствие звуков вообще, *молчание* – отсутствие речи. Молчанием в тексте могут выражаться самые различные ситуации, например, непонимание между героями; отсутствие темы для разговора; степень близости с кем-либо, которая позволяет обходиться без слов; недовольство ситуацией, поведением кого-либо; игнорирование собеседника и т.д. Если *молчание* является коммуникативным знаком, понятие *тишина* вряд ли можно охарактеризовать как «обмен информацией», потому что *тишина* – это «ничто», «отсутствие шума». «Тишина, в отличие от молчания, не выносит приговор, не проклинает, не наказывает, не обижает и не бьёт больно, не возбуждает любопытство, не уверяет, не ласкает, не дарит надежду, не одобряет. И поле сочетаемости лишь подтверждает её индифферентность по отношению к человеку: *тишина бесстрастная, неземная, глубокая, невозмутимая, торжественная, священная, безмятежная, бесконечная*» [3, с. 128]. Тишина, как и молчание, наполнена эмоцией в русской культуре. Но если «молчание» может обладать с точки зрения коннотации не только положительными, но и отрицательными свойствами (молчание может причинять боль, неудобство, непонимание, то есть рассматривается как проявление человеческого поведения), слово «тишина» всегда выражает состояние покоя в природе или в душе и обрастает коннотативным значением со знаком «плюс». Тишина, в отличие от молчания, не вовлечена в коммуникацию. Тишина объективно присутствует в природе, а в переносном значении выражает состояние покоя и умиротворенности в душе человека.

В рассматриваемом рассказе, несмотря на постоянное употребление глаголов *молчали*, *замолчали*, *помолчали*, *промолчал*..., преобладает именно мотив *тишины*, которая есть состояние и человека, и природы, и окружающего мира. «Религиозно-духовная практика, отражающаяся в парадигме *молчание – безмолвие – тишина*, повлияла на современное функционирование этого слова, сделало его более сложным, обусловило употребление лексемы *безмолвие* в значении ‘полное молчание’, ‘полная тишина’, *тишь*, *затишье* – ‘спокойствие в мире природы’, *тихость* – ‘кротость, покой в душе’» [5, с. 31].

В рассказе «Солнце, старик и девушка» нет суетливой деятельности героя-чудика. Это произведение В. Шукшина вполне можно соотнести по созерцательности и отсутствию действия с русской иконой. «Одиночество, молчание и тишина являются единственным условием слушания и слышания Бога, условием диалога между ним и человеком. Феномен молчания связан и с русской иконописью, лишённой драматического действия, создающей образ вечного созерцания» [4, с. 38]. Рассказ начинается фразой «Дни горели белым огнём. Сухая трава шуршала

под ногами», и в представлении читателей возникают последние августовские дни, охваченные жарким белым пламенем умирающего лета. На берег стремительной Катунь каждый вечер выходит «древний старик». Как в дальнейшем выясняется, старик не такой уж и древний: ему восемьдесят лет. Называя его *древним*, Шукшин имеет в виду скорее не возраст, а его первозданность. Тем самым автором, как нам кажется, подчёркивается близость старика к природе. Садится Старик всегда на одно и то же место – возле коряги. Он и сам похож на корягу – «сухой, коричневатый, морщинистый». Уже в начале рассказа присутствует мотив *безмолвия, первозданности, величественной неподвижности* природы. Действие разворачивается в замедленном темпе, и благодаря коротким простым предложениям, монотонности и обрывочности фраз, которыми обмениваются старик и девушка, а также выразительным описаниям природы воссоздается автором... умиротворенная тишина. Молчание двух героев оказывается весомее слова. Обрывки звуков, плеск воды, крик ночной птицы лишь усиливают в тексте почти физическое ощущение тишины в природе. «Солнце коснулось вершин Алтая и стало *медленно погружаться* в далекий синий мир... Отчётливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. А в долине... *тихо* угасал красноватый сумрак... Яркие-рыжие лучи... удержались недолго – тоже *тихо* угасли».

Возникающие в безмолвии тихие звуки Шукшин передаёт определёнными лексическими средствами: «Некоторое время сидели просто так – слушали, как *лопочут* у берега маленькие торопливые волны. В лесочке, неподалеку, *робко* вскрикнула какая-то ночная птица. Ей *громко* откликнулись с берега, с той стороны.

– Хорошо, – сказал *негромко* старик».

Как видим, автор использует слова, характеризующие спокойствие августовского вечера: *лопочут* (издают негромкие, приятные звуки), *негромко, робко*. Лишь один раз читаем *громко откликнулись*, но это «с той стороны берега», не там, где сидят герои. К тому же наречие «громко» ещё больше подчёркивает наступившую вслед за этим звуком тишину.

Тема безмолвия, тишины присутствует постоянно в рассказе. Она передаётся не только лексикой, но и синтаксическими конструкциями, эллиптическими предложениями:

«– Солнце-то какое! – *негромко* воскликнул старик (*воскликнул, но негромко*).

– Какое?

– Большое.

– А-а... Да. Вообще красиво здесь.

– А вода вона, вишь, какая... У того берега-то...

– Да, да...

– Ровно крови подбавили.

– Да. – Девушка посмотрела на тот берег. – Да».

Как видим, герои обходятся минимумом слов, молчание в диалоге пунктуационно передаётся многоточием, предложения короткие и прерывистые: «Замолчали. Старик всё смотрел на солнце... Опять помолчали».

На второй день происходит более обстоятельный разговор между стариком и девушкой, однако тема безмолвия продолжает присутствовать. Постоянно повторяются слова *замолчали, помолчали, негромко, слабо*... На берегу реки молчат от избытка чувств. Природа, Солнце одушевлены. Невидимой нитью связаны между собой три персонажа (Солнце, Старик и Девушка). Старик это чувствует и делится своими впечатлениями с городской незнакомой девушкой. Он не лишён художественного вкуса, подмечает красоту заходящего солнца, воды, в которую «ровно крови подбавили».

Дома у старика также царит молчание, но оно несоотносимо с тишиной в том значении, о котором говорилось ранее. Здесь молчат не от полноты чувств, а от душевного дискомфорта. Старик *«тихо* сидел. Сын приходил всегда усталый, всем недовольный. Невестка тоже всегда чем-то была недовольна. Старику крошили в молоко хлеб, он ел, сидя с краешку стола. Осторожно звякал ложкой о тарелку – старался не шуметь. Молчали». Автор мог бы добавить: *тихо* сидя с краешку стола (*шумно* с краю не сидят); глагол *звякать* «разбавляется» словом *осторожно*. Чтобы не помешать тем, кому в тягость. Чтобы избежать неловкой ситуации.

На другой вечер снова встречаются на берегу три персонажа: Солнце, Старик и Девушка. Дедушка охотно рассказывает о своей жизни. Он давно ни с кем не говорил. А тут вдруг девушка, проявившая интерес к его жизни... Правда, она его не очень внимательно слушает, пропускает отрывки из его рассказа, спрашивает невпопад. Но старику достаточно и того, что его не прерывают. А рассказывает он о самом трагичном в своей жизни – смерти четырёх сыновей – спокойно и умиротворенно. Без лишнего пафоса, даже без эмоций. Настолько спокойно, что удивляет слушательницу. Тихо рассказывает о худой своей доле на фоне молчаливой природы. То есть и здесь – тема тишины, умиротворённости. Она присутствует в самом разговоре. «А солнце опять садилось за горы. Опять *тихо* горела заря».

Как уже говорилось, в рассказе *тишина* имеет и переносное значение, выражающее спокойствие в мире природы и в душе прожившего свою жизнь старого человека.

Когда уже прощались до следующего вечера, старик слабо, тихо пожаловался, словно объясняя девушке, почему он вдруг может не прийти завтра. «Старик *промолчал*.

– Вы придете завтра, дедушка?

– Не знаю, – *не сразу* откликнулся старик. – Ломает чего-то всего».

Напоследок старик опять говорит о том, что чувствует. «Ломает меня».

На следующий день девушка одна сидит на берегу реки и, возможно, смотрит на солнце. И слушает тишину. Не дождавшись старика, девушка идёт искать его и встречает мужика во дворе дома, описанного накануне стариком. Они также больше молчат, чем разговаривают. Молчат по причине отсутствия темы для разговора: никаких точек соприкосновения между встретившимися героями. И вновь диалог на фоне молчания. «Он как-то странно посмотрел на девушку. Та *замолчала*...

– Скажите, он был слепой? – спросила девушка после *долгого молчания*».

Узнав о смерти старика, девушка «пошла из ограды и заплакала». Заплакала тихо, негромко не только от жалости к дедушке, с которым несколько дней просидела на берегу. Скорее всего, она впервые в жизни поняла необратимость законов природы.

Таким образом, в рассказе постоянно присутствует мотив *тишины*, противостоящий суетности, *мышинной возне* повседневной жизни. Именно поэтому в рассказе возникает образ Солнца. «Оно просто встаёт и просто заходит, а разве это просто!» Жизнь старика, подобно Солнцу, такое же обычное, но в то же время значительное явление.

Итак, представим в виде таблицы соотношение *молчания* и *тишины* в рассказе В. Шукшина «Солнце, старик и девушка».

	1)	2)	3)	4)
Тишина	+	+	-	-
Молчание	+	-	+	-

- 1) Старик и девушка на берегу: тишина и молчание совпадают;
- 2) Старик охотно рассказывает о своей жизни: происходит разговор, но присутствует тишина;
- 3) Старик в своём доме: молчание наличествует, а тишины нет;
- 4) Девушка находит дом старика: молчание прервано, и нет тишины.

В данной статье мы попытались проанализировать не обычный для повествовательной манеры Шукшина рассказ, выделив в нём преобладающий мотив тишины, тогда как в большинстве его рассказов присутствует тема движения, динамического развития сюжета, характеров. И всё же читатель, который хорошо знаком со стилем писателя, безошибочно отнесет рассказ «Солнце, старик и девушка» к перу Шукшина. В чём же сходство этого произведения с остальными? Оно заключается в том, что Шукшин во всех своих рассказах в любом, самом обыкновенном человеке видит что-то очень значительное, важное. Любая человеческая жизнь представляет для писателя высшую ценность, и утрата этой жизни невозможна. Речь идёт о неповторимости и необыкновенности каждого человека. Шукшин выступает с апологией обычного человека: в душе каждого дремлют целые миры поэзии и лиризма. О той же неповторимости говорит в своей монографии «Из истории русского романа XIX века» Э. Бабаев, приводя мысль Г. Гейне о целой всемирной истории, погребённой под каждым надгробным камнем. Почти то же самое писал М. Ю. Лермонтов: «История души человеческой едва ли не любопытнее и полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою...» [2, с. 169–170].

Рассмотренный нами рассказ лишь на первый взгляд оставляет впечатление совершенно простого и бесхитростного текста. При его внимательном и глубоко прочтении перед вдумчивым читателем шаг за шагом раскрывается авторский замысел, ибо, по утверждению В. Г. Адмони, «...тексты воспринимаются читателем (или слушателем) не мгновенно, одновременно, а постепенно, обычно по мере движения текста от его начала к его концу. Но подлинное, в той или иной мере адекватное восприятие текста становится возможным лишь после завершения процесса ознакомления с текстом, когда оказывается явной вся система отношений, организующих текст» [1, с. 64]. Мы бы добавили – скрупулёзного, вдумчивого ознакомления.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Грамматика и текст // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 63–69.
2. Бабаев Э. Г. Из истории русского романа XIX века. М. : Изд-во МГУ, 1984. 269 с.
3. Копылова Т. Р. Молчание как культурный знак // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 4. С. 126–129.
4. Копылова Т. Р. Молчание в современной лингвистике: подходы к анализу // Вестник Удмуртского университета. 2014. Вып. 2. С. 36–39.
5. Копылова Т. Р. Молчание: от концепта к русскому коммуникативному поведению (особенности формирования) // Вестник Удмуртского университета. 2015. Вып. 2. С. 27–32.

Информация об авторе: *Гаспарян Армине Владимировна*, преподаватель кафедры русского языка Ереванского государственного университета (г. Ереван, Республика Армения).

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПУНКТУАЦИОННЫХ ЗНАКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

И. Г. Гомонова

г. Гомель, Республика Беларусь
inna-gomonova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается явление вербализации знаков препинания в художественных текстах. Выявляются типичные приёмы использования вербализованных пунктуационных знаков. Исследование проводится на материале Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: вербализация, пунктуационный знак, знак препинания, восклицательный знак, вопросительный знак

Для цитирования: Гомонова И. Г. Вербализация пунктуационных знаков в художественном тексте // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 306–309.

Вербализация пунктуационных знаков – это явление, стоящее на границе синтактико-пунктуационного и лексического уровней, суть которого состоит в словесном обозначении знаков препинания. Явление вербализации знаков препинания выполняет в устных и письменных текстах различные функции: от сугубо дидактической (в научной лингвистической литературе или устных текстах, разъясняющих ту или иную пунктуационную норму) до экспрессивной (в художественных и публицистических текстах, где данный прием используется для увеличения их эмоционально-выразительного потенциала). По мнению исследователей, вербализацию графических символов можно назвать одной из разновидностей авторской пунктуации, так как их словесное обозначение выполняет еще одну важнейшую функцию – создает неповторимый стиль текста [1].

В данном исследовании на материале художественных текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [2], рассматриваются особенности вербализации знаков препинания *восклицательный знак* и *вопросительный знак*.

По данным Национального корпуса русского языка, сочетание *восклицательный знак* встречается в художественных текстах разных авторов 338 раз. При этом активно используется в составе количественно-именных словосочетаний: *Капитан поставил сбоку красным карандашом два восклицательных знака* (Г. Адамов. Тайна двух океанов); *В этом я было больше удивления, чем в пяти восклицательных знаках, поставленных рядом* (М. Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская); *Письма были длинные, страстные, сумбурные, со множеством сокращений, тире, многоточий, помарок, неправильных переносов и восклицательных знаков* (В. П. Катаев. Время, вперед!). Такие сочетания выражают высочайшую степень проявления эмоций говорящего или пишущего: *Рассказал ей все; описал ей Полозовых, мужа и жену – впрочем, больше распространялся насчет собственных чувств – и кончил тем, что назначил ей свидание через три дня!!! (с тремя восклицательными знаками)* (И. С. Тургенев. Вешние воды); *Сегодня вечером написали с Женей ему письмо, т. е. писала я, а Женя делала приписки и ставила бесчисленное количество восклицательных знаков* (Е. А. Нагродская. Гнев Диониса).

Существительное, выступающее в роли главного компонента количественно-именных словосочетаний, может иметь метафорический характер: *Первый листок содержал уведомление о тяжелой болезни почек; на втором, которого Детрей не читал, стояла шеренга восклицательных знаков, заканчивающихся словами: «Лучше бы помирились»* (А. С. Грин. Джесси и Моргиана); *...Эллис всегда отличался почти потрясающим бескорытием; он отдавал людям с улицы все, что имел; он годами позабывал об обеде; давно уже книги свои он пожертвовал нищему; но он был ужасно небрежен по отношению к книге как таковой; и дать ему книгу – значило: или ее получить перемаранной заметками на полях, с дождем восклицательных знаков, или – книги лишиться...* (Андрей Белый. Между двух революций).

Типичным для сочетания *восклицательный знак* является его использование в составе сравнительных конструкций. Прежде всего предметом сравнения является человек (фигура, части тела, положение в пространстве и др.): *Петербургский поэт, щупленький, чёрненький, с носом, похожим на восклицательный знак, и незнакомая женщина стали испуганным шепотом упрощать Есенина и о чем-то уговаривать меня* (А. Мариенгоф. Роман без вранья); *Иван Кузьмич поправил очки, закинул голову назад, придал было бровям глубокомысленное выражение, но с первых же слов приподнял их в виде восклицательного знака, да так и оставил* (М. В. Авдеев. Иванов). Кроме того, компонент *восклицательный знак* используется в составе метафорических генитивных сочетаний, образно характеризующих разные объекты действительности: *Он разжиженно-фиолетовой тенью скользил сначала в одну сторону, на минуту приобретая плоть и внешность около восклицательного знака фонаря, а там, опять рассосавшись в лиловый призрак, тек обратно, опустив голову со сползшими на кончик носа очками* (А. Абрагамовский. Часовщик); *Она медленно размешала в борще белый восклицательный знак сметаны, но затем, пожав плечом, отставила тарелку* (В. В. Набоков. Дар).

Вербализованный *восклицательный знак* в художественных текстах часто сопровождается метафорическими эпитетами: – *Ну, а если на мою долю выпадет печальная необходимость «констатировать смерть от отравления наперстянкой», – наперстянкой, выписывая которую, я сам ставил такие красноречивые восклицательные знаки?* (В. В. Вересаев. Записки врача); *Последнее слово заканчивалось десятком энергичнейших восклицательных знаков, и все изречение в общем представляло правило, которое гимназист выкопал откуда-то для себя* (Л. Н. Андреев. Москва. Мелочи жизни).

В анализируемом материале представлены также случаи олицетворения с участием сочетания *восклицательный знак*: *Я перечитывал свой рецепт, – и эти восклицательные знаки смотрели на меня задорно и вызывающе, словно говорили: «Да, давать человеку больше шести десятых грамма наперстянки нельзя, если не хочешь отравить его, – а ты назначаешь количество в тридцать раз более дозволенного!»* (В. В. Вересаев. Записки врача).

Образное употребление сочетания *восклицательный знак* всегда связано с выражением какого-либо эмоционального состояния или эмоциональной реакции на событие: *Что делать? Работать над своим развитием, чтобы достигнуть цели жизни: счастья. Что делать? (но судьба самого автора, вместо дельного знака вопроса, поставила насмешливый восклицательный знак)* (В. В. Набоков. Дар); *Он хотел воспеть этот новый мир, но всякий раз каждый восклицательный знак приводил к отрицанию самого себя* (Б. Окуджава. Упраздненный театр).

По данным Национального корпуса русского языка, номинация *вопросительный знак* встречается в художественных текстах разных авторов 245 раз и активно используется для обозначения знака препинания: *Засветив настольную лампу, Сазонов дважды прочитал солдатское письмо. В некоторых местах он расставил карандашом бледные **вопросительные знаки*** (И. Меттер. Сухарь); *Улл провел от каждого из нарисованных им символов черту вверх – так, что все они встретились в одной точке, над которой он поставил жирный **вопросительный знак*** (В. Пелевин. Бэтман Аполло).

Кроме того, для сочетания *вопросительный знак* в анализируемых текстах характерны следующие переносные значения:

– ‘удивление, недоумение’: *На мосту заметил он своего прежнего профессора и шмыгнул лихо мимо его, как будто бы не заметив его вовсе, так что остолбеневший профессор долго еще стоял неподвижно на мосту, **изобразив вопросительный знак** на лице своем* (Н. В. Гоголь. Портрет); *Ильиншина, по обыкновению, перевела взоры на сопровождавшее ее начальство, ища в нем достодолжного объяснения этим рыданиям, и потому в ее взорах выражался теперь обычный в подобных обстоятельствах **знак вопросительный*** (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных);

– ‘загадка, вопрос, проблема’: *Они иногда наплывают такую массой, возбуждают такое странное и тягостное настроение, что мир превращается в собрание загадок и **вопросительных знаков**, жизнь представляется жалкой сутолокой, а в душе до боли копошатся вопросы всех надежд* (А. О. Осипович (Новодворский). Роман); *Но долго молчать я тоже не мог: где-то в моём сознании висел, зацепившись, **вопросительный знак** и беспокоил, как заноза – что означало странное восклицание этого человека, когда он падал раненый?* (А. П. Хейдок. Миами).

Писатели сравнивают с *вопросительным знаком* разные объекты. Прежде всего предметом сравнения является человек (фигура, части тела, положение в пространстве и др.): *Дед **Щукарь** изогнулся **вопросительным знаком**, протянул вперед руку и, поводя грязным указательным пальцем, тяжело дыша, с трудом просипел...* (М. А. Шолохов. Поднятая целина); *Снять ещё очки – и ребячья какая-то будет голова, негустые светлые **волосы** завиточками там и сям **поднялись, как вопросительные знаки*** (А. И. Солженицын. Случай на станции Кочетовка).

Типичными для анализируемого материала являются конструкции *превратиться (обратиться) в вопросительный знак* и *изобразить вопросительный знак*: *По правую руку его жена и дочь с устремившимся к нему движеньем всего тела; за ними почтмейстер, **превратившийся в вопросительный знак**, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лица, относящимся прямо к семейству городничего* (Н. В. Гоголь. Ревизор); *Весь **обратившийся в большой вопросительный знак**, раскрыв рот и выпуча глаза, он глядел на Ольгу, как на привидение* (А. П. Чехов. Драма на охоте); *В школе за партией Лева не сидел, а **изображал вопросительный знак**, поддерживая зад на весу полусогнутыми онемевшими ногами* (В. Скворцов. Сингапурский квартет).

Вербализованный *вопросительный знак* в художественных текстах сопровождается метафорическими эпитетами: *Он как бы производит техническое обследование текста. На этом этапе Фомич любит исправить опisku радиста, крупно перечеркнув неверную букву и водрузив над ней **угрожающий вопросительный знак*** (В. Конецкий. Вчерашние заботы); *Редкие и робкие **вопроситель-***

ные знаки побиваются в неравной борьбе толстыми палками восклицательных знаков!! (А. Белинков. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша / «Собирайте металлолом!»).

Таким образом, сочетания *вопросительный знак* и *восклицательный знак* употребляются в художественных текстах в прямом и переносном значениях; используются в однородных рядах с названиями других знаков препинания и других компонентов текста; используются в составе сравнительных оборотов и метафорических генитивных сочетаний; сопровождаются метафорическими эпитетами. Выявленные приемы вербализации знаков препинания выполняют в художественных текстах, как правило, экспрессивную функцию, используются для увеличения их эмоционально-выразительного потенциала. При помощи словесного обозначения знаков препинания авторы создают в своих произведениях яркие образы, которые служат формированию индивидуально-авторского стиля.

Список литературы

1. Ищук Е. Н. Вербализация пунктуационных знаков в письменных и устных текстах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2. С. 130–138. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-punktuatsionnyh-znakov-v-pismennyh-i-ustnyh-tekstah-funktsionalnyu-aspekt> (дата обращения: 11.02.2023).

2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 17.02.2023).

Информация об авторе: *Гомонова Инна Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь).

ЛЕКСИЧЕСКОЕ МАГНИТНОЕ ПОЛЕ В СОЗДАНИИ ОБРАЗНОСТИ

Г. Е. Горланов

г. Пенза, Россия
elizar41@mail.ru

Аннотация. Удачно расположенные слова в художественном тексте создают свою лексическую энергетику. Выработанное таким образом лексическое магнитное поле стиха создаёт запоминающийся эстетический эффект. На примере строчки-образа «Как хороши, как свежи были розы...» автор показывает их влияние на последующие эпохи – И. Тургенев, И. Северянин, И. Анненский.

Ключевые слова: лексика, стих, творчество, преемственность, ритм, интонация

Для цитирования: Горланов Г. Е. Лексическое магнитное поле в создании образности // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 309–313.

Термин «магнитное поле стиха» заимствовано мною из статьи поэта Василия Фёдорова [4, с. 77–78]. Василий Дмитриевич видит это магнитное поле в антитезе, например в строчках Пушкина «Мне грустно и легко; печаль моя светла». Возникает полярность из-за разности значения слов: «грусть – легко», «печаль – светла». Смысловыми нагрузками подобные словосочетания, условно говоря,

представляют собой как бы две стороны магнита с плюсовым и минусным зарядами. Выраженная мысль, полагаю, правильная, однако словесное магнитное поле выступает в художественных текстах (в прозе и поэзии) многообразней. Всякое слово – кирпичик, основной материал в создании художественного произведения, заключает в себе энергию, оживляющую слово, эта энергия для слова всё равно что душа для человека, рождающая и заставляющая жить во временных пространствах.

Для поэта – художника слова – главная задача сводится к удачному расположению словарных кирпичиков, чтобы заключённая в них энергия высекала словесную искру, рождающую лексическое магнитное поле. Наберёт писатель в своём поиске таких слов – его слава не найдёт, – увы, смириться придётся, работать надо лучше. Впрочем, для творческих людей одной работы, какой бы она титанической ни была, недостаточно, нужно ещё озарение, или, научными словами говоря, талант, способный энергию автора и словесных кирпичиков связать с энергией божественного космоса, вбирающего в себя особенности эпохи, места жития и характера самого автора, рискнувшего выразить своё «я» на листе бумаги. Если совпадёт всё сказанное, тогда и появятся «Я помню чудное мгновенье...», «Белеет парус одинокий...», «На заре туманной юности...», «Утро туманное, утро седое...», «Гори, гори, моя звезда...», «Отговорила роща золотая»...

Подобного рода созданные образы после вылета из родительского гнезда продолжают жить собственной жизнью, переходят в стадию мифов. И вот уже выходит двухтомная книга, посвящённая теме любви, – «Чудное мгновенье...». В некоторых случаях забывается сам автор. Как-то мне пришлось встретиться с рассказом И. С. Тургенева из его сборника «Стихотворения в прозе» «Как хороши, как свежи были розы...», написанным им в сентябре 1789 года. Писателю шёл тогда 61 год. Который раз уже в изумлении перечитываю его своеобразное эссе-воспоминание. Состоит оно из шести маленьких циклов с рефреном: «Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы...

Теперь зима; мороз запушил стёкла окон; в тёмной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол; а в голове всё звенит да звенит:

Как хороши, как свежи были розы...» [3, с. 41].

Что же это за забытые стихи? Кто автор строчек, которого не называет Тургенев? Пришлось перечитать поэтов, работавших в первой половине XIX века. Разыскиваемые строчки написал Иван Петрович Мятлев (1796-1844), называлось стихотворение «Розы». Появилось оно в 1834 году, состояло из 5 четверостиший. Первая строфа открывалась:

Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой! [5, с. 98]

Всё стихотворение исполнено в романтическом стиле, с соответствующей романтизму лексикой: «взор прельщали», «лелеял младость», «ангел красоты», «жизни пламень». Оказывается, «заветные цветы» были сорваны для венка молодой девицы. И «В венке из роз она была царицей». Какая же романтика без красоты, любви и смерти. Финал предсказуемый – «в погосте белый камень, // На камне – роз моих завянувший венок». Не будем обращать внимание на рифму «розы – морозы» – в тридцатые годы девятнадцатого столетия, должно быть, веяли свежестью, как и от только что сорванных роз. В целом строфа, как и всё стихотворение, неплохо выглядит с точки зрения стихотворной техники, однако мощная

магнитная энергия первой строчки затмевает едва заметную по напряжению энергию последующих слов. По этой, вероятно, причине тонкий лирик Тургенев даёт оценку стихотворению в целом «Я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною...» Мощная энергетика роз Мятлева вызвала желание обратиться к розам, в 1925 году Игорь Северянин написал «Классические розы» (так было названо стихотворение), в которых есть свои запоминающиеся строчки.

Как хороши, как свежи были розы,
Моей страной мне брошенные в гроб! [2, с. 297].

К этим воспоминаниям следует добавить замечательного поэта Инокентия Анненского, который в своём стихотворении, посвященном Л. И. Микулич, использовал тот же образ («Там были розы, были розы, // Пускай в поток их унесло...»), вспоминая о былых днях. Удачная строчка вызывает калейдоскоп эмоций и сокровенные воспоминания у поэтов. В самой строчке уживается два временных плана: настоящее – взгляд из сегодняшнего дня – и сокровенное прошлое, вбирающее в себя мотив воспоминания. Кажется, сам стихотворный размер пятистопного ямба в данной интерпретации таит в себе временную паузу, в которую можно внести определённое содержание.

Внешне, казалось бы, в словах о розе ничего особенного нет, они просты и даже избиты. Слово-кирпичик «хороший», хотя и эмоционально окрашенное, само по себе даже не поэтично звучит, по крайней мере, в поэтической речи редко употребляется (очень уж избито и «хорошо» и «плохо»). То же самое можно сказать и про «свежий». Дополнительный заряд энергии каждому слову придаёт их изменённое написание. Не просто «хороший» и «свежий», а «хороши», «свежи». Дополнительный заряд придаёт усилительная частица «как», повторённая дважды. Вот это найденное и повторённое создаёт кроме магнитного поля ещё мелодию. Тургенев это словосочетание повторил семь раз, включая название, и нигде у него нет восклицательного знака, после каждого повторения следует многоточие. У Ивана Сергеевича в повторяющемся построении слов, создающем аккордную энергетическую нагрузку, важную смысловую нагрузку несёт слово «были», а возвышающую прелесть былого выражают дважды повторённые «как». Любые изменения в строчке (убрать, скажем, хоть один раз «как» или переставить слова) погасят искру магнитного поля стиха, сделают его невыразительными.

Меня полонил образ увядших роз И. М. Мятлева после прочтения раздумчивой миниатюры И. С. Тургенева. С воскресших строчек начинается и кончается моё стихотворение «Розы», в котором мне хотелось напомнить о любви в «дворянских гнёздах» писателя, уверенного в их неувыдаемости в будущих столетиях. Если иметь в виду моё продолжение темы, то он оказался прав. Мотив любви, навеянный розами...

Он не умрёт среди житейской прозы.
Когда-нибудь припомнит кто-то вновь:
Как хороши, как свежи были розы,
Как дорога нам первая любовь [1, с. 198].

Заинтересовали меня авторы учебника «Литература 11 класса в 2-х частях, под редакцией члена-корреспондента РАО В. Г. Маранцмана. Самого Маранцмана! В этом учебнике на странице 394 есть такое любопытное исследование. «Многие поэты XIX века учились у Пушкина или приходили к нему в конце жизни, как Есенин и Маяковский. Но редко кому удавалось спеть с великим поэтом хотя бы в терцию. Бродский дерзнул. Среди «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» (1974) есть переложение пушкинского «Я вас любил...»:

Я вас любил. Любовь ещё (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги,

*все разлетелось к чёрту на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно
с оружием. И далее, виски:
в который вдарить? Портила не дрожь, но
задумчивость. Чёрт! Всё не по-людски!
Я вас любил так сильно, безнадёжно,
как дай вам Бог другими – но не даст!
Он, будучи на многое горазд,
не сотворит – по Пармениду – дважды
сей жар в крови, ширококостный хруст,
чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды
Коснётся – «бюст» зачёркиваю – «уст»!*

Открываю любимый томик Пушкина «А. С. Пушкин. Избранные произведения», подаренный мне по случаю окончания школы в 1959 году. Читаю первые две строчки (стр. 123 указанного сборника): «Я вас любил: любовь ещё, быть может, // В душе моей угасла не совсем...» После «любил» стоит двоеточие (без всяких разбивок строчки), а после как само собой разумеющееся – «любовь ещё, быть может». Чудесно звучат слова, создающие магнитное стиховое поле. Читатели многих поколений восторгались песенным ритмико-интонационным совершенством. И вдруг в двадцатом веке стихотворец, потеряв всякую скромность, кидает свою беспомощную прозу в поэтически пылающий костёр настоящей поэзии. Самоубийца. Как он не догадывается о катастрофической опасности нахождения рядом с высоким напряжением. В таком случае поневоле мой научный стиль переходит в ироничный.

Нет, Пушкину не в силах тягаться с кумиром современной либеральной интеллигенции. Случись чудо – воскресни по желанию члена-корреспондента РАО Пушкин и встань рядом с прославленным Бродским... Наверняка Пушкин не стал бы общаться, «хотя бы в терцию», а вызвал бы на дуэль за оскорбление своего имени пошленькими придумываниями слов-кирпичиков. Это же не двадцатый век – тогда запросто можно было бы вызвать обидчика на дуэль. Напоминаю, такие выдумки из учебника, утверждённого Министерством образования, выписаны, а не из какой-то там «программы капустника». Конечно же, ни Есенин, ни Маяковский такую белиберду не сочинят, сие под силу только завидующим гению Пушкина. Названные поэты, кстати, замечательные стихи написали в честь Пушкина, Названное «сонетом» (это, по задумкам Бродского, стихи из цикла «20 сонетов к Марии Стюарт», обозначенные под номером 6), не выдерживают никакого сравнения с названными русскими поэтами. У Бродского душещипательно получается: можно только поблагодарить автора за сохранённую им же самим жизнь. И то хорошо, что у него два виска оказалось. Здесь уже можно и Богу спасибо сказать. Оба виска любимых для автора. В какой стрелять? Пока раздумывал, «сей жар в крови» угас. Ужастики закончились. «Всё не по-людски получилось». Да и как может по-людски получиться, если поэту, попавшему на страницы школьного учебника, медведь на ухо наступил. Невольно вспоминается в этой связи И. М. Мятлев со своими чудесными строчками «Как хороши, как свежи были розы», умертвившими своей энергией остальные строфы всего стихотворения.

Список литературы

1. Горланов Г. Е. Избранное. Стихи. Пенза, 2010. 295 с.
2. Северянин И. Гармония контрастов. Стихотворения. М., 1995. 395 с.

3. Тургенев И. С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Худож. лит., 1962. Т. 10. 251 с.
4. Фёдоров В. Д. Наше время такое. М. : Современник, 1973. 511 с.
5. Чудное мгновенье. Любвиная лирика русских поэтов. М. : Худож. лит., 1988. Кн. 1. 447 с.

Информация об авторе: *Горланов Геннадий Елизарович*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ Г. Е. ГОРЛАНОВА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

А. Н. Гуйда

г. Пенза, Россия
guyda_19@mail.ru

Аннотация. Рассматривается функционирование иноязычной лексики в современных поэтических текстах пензенского учёного, литературоведа, критика и поэта Г. Е. Горланова; влияние заимствованных лексем на тематическое своеобразие поэзии автора.

Ключевые слова: иноязычная лексика, заимствование, поэзия, язык, Г. Е. Горланов

Для цитирования: Гуйда А. Н. Иноязычная лексика в поэзии Г. Е. Горланова: тематическое своеобразие // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 313–315.

Стихотворная речь представляет собой очень сложное языковое явление. Правильно подойти к ее анализу можно только в том случае, если рассматривать ее, прежде всего, как стилистически функционирующее явление языка. Стих есть особый тип речи, своеобразная выразительная система, существенно отличающаяся как от обиходной речи, так и от художественной прозы и т.д.

Совершенно своеобразна лексика стиха, поскольку слово в стихе играет значительно более самостоятельную роль сравнительно с другими типами речи. Система пауз в стихе имеет совершенно особый и самостоятельный характер. Ощутимость слова определяет особую ощутимость звукового состава речи. Система словосочетаний в стихе получает своеобразную стилистическую мотивировку. Речевой стих является целостной формой, органическим сплавом целого ряда входящих в него речевых элементов. Речевые элементы могут быть как исконно русского, так и заимствованного происхождения. В данной статье мы рассмотрим, как иноязычная лексика реализуется в стихотворениях известного пензенского поэта Г. Е. Горланова.

Г. Е. Горланов известен читателям как ученый-литературовед, критик и поэт. Он является также автором нескольких книг и учебных пособий по краеведению, в частности по культуре нашего края.

Одно из центральных мест в его поэзии занимает тема творчества.

*«Ты входил в зал,
Других богинь милее.
Овациям и злобе нет конца,*

*Вся публика от восхищенья млеет,
Смелеют робких юношей сердца...»*

«Поэзия» [2, с. 156].

В данном отрывке встречаем латинизмы овация (нем. *ovation* < лат. *ovatio* – то же от *ovāre* «ликование») [6, с. 113] и публика (через польск. *publika* или нем. *Publikum* из ср.-лат. *publicum (vulgus)* «народ») [6, с. 398], которые имеют книжную окраску, что помогает понять значение поэзии для автора и его читателей.

*«Когда судьба звала в пророки,
Очистив волю от оков,
Я вспомнил все свои пороки,
Грехи промчавшихся веков.
Преобразились вдруг долины,
В реальность превратились сны.
Мне помогли **исполины** –
Родной поэзии сыны...»*

«Пророк» [2, с. 54].

Лексема *исполины* (заимств. через тюрк. «великан») [4, с. 141] используется Г. Е. Горлановым с целью стилизации. Поэт подчеркивает творческие заслуги А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, «родной поэзии сынов», метафорично называя их исполинами.

Ещё одной немаловажной темой творчества пензенского поэта является тема Родины и вместе с тем родной природы.

*«Вчера на нашей речке,
Где греется на солнышке лоза,
Порвав личинки тонкие уздечки,
На белый свет явилась стрекоза.
Она сначала толстым **дирижаблем**
По стебелёчку двигалась вперёд...»*

«Вечное движение» [2, с. 24].

Лексема *дирижабль* (фр. *dirigeable* «управляемый») [4, с. 516] метафорично подчеркивает то, что природа всеильна. Она управляет стрекозой, которая только возродилась, и всеми явлениями, описываемыми в стихотворении. Природа в широком понимании слова, по мысли поэта, является символом вечного движения.

*«Старушки так усердно пели,
Что в комнате витал **мираж**,
А за окном в ночи метели
Им подпевали "Отче наш" ...»*

«Выбор» [2, с. 32].

Стихотворение «Выбор» наполнено драматическим пафосом. Здесь лирический герой размышляет о том, почему все чаще ощущает зов Божьего храма. Религиозный мотив подчеркивает лексема *мираж* (франц. *mirage*) [5, с. 302], используемая автором. Она олицетворяет божественное начало, которое витает рядом с человеком и оберегает от невзгод.

*«С её уходом стало тише,
Умолкла дождика гармонь,
И лишь дождевики с влажной крыши
Гурьбою падают в ладонь.
В их брызгах скрыта тайна **граций**,
И, может, даже жизни суть...»*

«Предувствие» [2, с. 42].

Лексема *граций* (лат. *gratia* «милость») [4, с. 453] является здесь частью метафоры, которая используется поэтом для придания образности природе. Очевидно, что поэт восхищается периодом после прошедшей грозы, ощущает спокойствие и Божью благодать.

Невозможно не отметить, что лирика Г. Е. Горланова пропитана философским пафосом и оптимистичным чувством. Сам он в предисловии к сборнику «Избранное» писал: «Считаю себя счастливым человеком, не обделённым вниманием Космоса. По этой причине основной пафос сборника – оптимистичный» [2, с. 6].

Тема дружбы также актуальна для творчества Г. Е. Горланова. В его стихах лирический герой всегда с особой теплотой и нежностью обращается к своим соратникам. Поэт искренно верит, что друзья помогут в самую трудную минуту.

*«Чудесный вид с прекрасного коттеджа.
На клумбах роз шикарнейший парад,
Ажурный грот с названием «Надежда».
Благоухает в нежных розах сад».*

«О пользе дружбы» [2, 71].

В стихотворении автор, иронизируя над лирическим героем, Петровичем, и его накопленным материальными благами, использует лексему *коттедж* (англ. *cottage*, от *cot* «хижина») [1, с. 249]. В финале поэт подчеркивает: каждому человеку на этой земле необходимы друзья. Именно они могут прийти на помощь в трудную минуту, защитить и спасти от беды.

Подводя итог, отметим, что иноязычная лексика в поэзии Г. Е. Горланова реализует в первую очередь стилистическую функцию. Нередко являясь частью образного сравнения, заимствованная лексика помогает передать авторский замысел, влияет на тематическое своеобразие поэтического творчества. Использование поэтом данного пласта лексики доказывает актуальность процесса заимствований в русском языке на рубеже XX–XXI веков.

Список литературы

1. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М. : Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
2. Горланов Г. Е. Избранное. Стихи. Пенза, 2010. 296 с.
3. Льюрова Н. В. Иноязычные элементы в современной русской поэзии // Научные исследования: от теории к практике. 2014. С. 285–288.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986. Т. 2. 671 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

Информация об авторе: *Гуйда Анастасия Николаевна*, магистрант Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы Средней общеобразовательной школы № 78 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ТРИ ВСТРЕЧИ»

В. Л. Карякина

г. Самара, Россия
kariackina.v@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности репрезентации лексико-семантического поля «Цвет» в рассказе И. С. Тургенева «Три встречи», осуществляется анализ словообразовательных особенностей и системных связей цветообозначений в тексте произведения. Устанавливается роль колоративов в реализации художественного замысла автора.

Ключевые слова: колоративная лексика, колоративы, цветообозначения, цветопись, И. С. Тургенев, лексико-семантическое поле, художественные функции

Для цитирования: Карякина В. Л. Колоративная лексика в рассказе И. С. Тургенева «Три встречи» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 316–320.

Интерес филологов к изучению особенностей функционирования лексики цвета в литературно-художественном дискурсе обусловлен прежде всего тем, что колоративы вступают в отношения синтеза с текстом: приобретая более сложные функционально-семантические свойства, цветообозначения придают ему дополнительную эмоционально-экспрессивную окраску, создают эффект эмоционального воздействия на читателя, становясь одним из средств репрезентации замысла произведения и авторской картины мира. Кроме того, цвет обладает важным символическим смыслом, восходя к различным культурным мифологемам.

Целью нашего исследования является анализ особенностей функционирования колоративной лексики в рассказе И. С. Тургенева «Три встречи».

Творчество И. С. Тургенева в течение многих десятилетий было предметом пристального внимания филологов (см. работы П. Г. Пустовойта [6], А. Кипренского [1], Г. Б. Курляндской [2], Ю. В. Лебедева [3], В. Б. Мусий [4], С. М. Петрова [5] и других исследователей). Однако, несмотря на детальную изученность наследия писателя в самых разных аспектах, некоторые произведения Тургенева, в частности рассказ «Три встречи», не рассматривались с точки зрения лингвопоэтики, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Рассказ И. С. Тургенева «Три встречи» стал первым опытом автора в цепи его лирико-психологических произведений о женской любви. В этом произведении писатель сосредоточивает внимание не столько на быте, материальном мире, сколько на проблемах духовной, нравственной жизни человека, на изображении его чувств, переживаний, вызванных различными сложными, порой драматическими ситуациями. В раскрытии проблематики рассказа немаловажную роль играет цветопись.

Согласно результатам проведённого нами исследования, лексико-семантическое поле «Цвет» в рассказе И. С. Тургенева включает 52 наименования, которые можно объединить в 9 лексико-семантических микрополей в зависимости от доминантных лексем (микрополя – семантические объединения, связанные значением какого-либо конкретного цвета, обычно выраженным доминантой поля (ядерной лексемой)): «Красный цвет», «Жёлтый цвет», «Зелёный цвет», «Голубой

цвет», «Синий цвет», «Коричневый цвет», «Белый цвет», «Серый цвет», «Чёрный цвет». Статистические результаты нашего анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Лексико-сематические микрополя лексики цвета
в рассказе И. С. Тургенева «Три встречи»**

Микрополе	Лексические единицы	Количество лексических единиц
«Красный цвет»	имена прилагательные: <i>красный</i> (2), <i>багровый</i> (1), <i>бледно-розовый</i> (1) глаголы: <i>рдеть</i> (1), <i>красневший</i> (1)	6
«Жёлтый цвет»	имена существительные: <i>желтизна</i> (1) имена прилагательные: <i>желтый</i> (1), <i>золотой</i> (3), <i>золотистый</i> (1)	6
«Зелёный цвет»	имена существительные: <i>зелень</i> (1) имена прилагательные: <i>изумрудный</i> (1), <i>зелёенький</i> (1) глаголы: <i>зеленеть</i> (1)	4
«Голубой цвет»	имена прилагательные: <i>голубой</i> (1), <i>голубенький</i> (1)	2
«Синий цвет»	имена прилагательные: <i>темно-синий</i> (1) глаголы: <i>синеть</i> (1)	2
«Коричневый цвет»	имена прилагательные: <i>карий</i> (1), <i>русый</i> (1)	2
«Белый цвет»	имена существительные: <i>белизна</i> (1) имена прилагательные: <i>белый</i> (4), <i>седой</i> (1), <i>светлый</i> (2), <i>белокурый</i> глаголы: <i>белеть</i> (2), <i>белеющий</i> (1)	12
«Чёрный цвет»	имена прилагательные: <i>чёрный</i> (8), <i>вороной</i> (1), <i>тёмный</i> (5)	14
«Серый цвет»	имена прилагательные: <i>серый</i> (2), <i>серебристый</i> (1)	3

Приведённые данные свидетельствуют о том, что наиболее многочисленными в рассказе являются лексемы, входящие в микрополя ахроматических цветов – чёрного и белого.

Элементы данных лексико-семантических микрополей являются одним из языковых средств объективации основной идеи рассказа «Три встречи» – мысли о непрочности человеческого счастья, трагичности судьбы, которая наиболее ярко выражена в образе главной героини.

Создавая её портрет, автор подчеркивает цветовой контраст чёрного и белого в её облике, что создает ощущение романтичности образа: *чёрные глаза, чёрные волосы, вся в белом, по бледно-розовому лицу, из-под чёрного бархата*. В то же время с этим противопоставлением связана и загадка, оставляющая читателя в напряжении до самого конца рассказа: остается неизвестной личность девушки, причина её влияния на повествователя.

Как в портретных, так и в пейзажных описаниях Тургенев использует преимущественно узуальные сочетания колоративов (например, *на тёмно-синем небе; чёрные тени; ярко рдели; нежно белели цветы; золотые шары тяжёлых плодов*), добиваясь большей ёмкости и выразительности с помощью тропов (эпитетов, метафор). Однако в ряде случаев автор использует необычные сочетания («белеющая трава», «чёрные лица», «красневшие окна»), где в цветовую характе-

ристику закладывается многозначность, что делает образы особенно запоминающимися, яркими.

Если говорить о парадигматических отношениях цветоименований в рассматриваемом тексте, то следует отметить, что наиболее частотными здесь являются отношения пересечения, которые представлены синонимами (*красный – багровый – бледно-розовый*) и антонимами (*белый – чёрный*). Это, с одной стороны, подчёркивает романтическую ауру рассказа, а с другой, объективирует драматизм повествования, заключающийся в столкновении мечты, иллюзий главных героев произведения и прозаической реальности.

Цветоименования, представленные в рассказе «Три встречи», можно классифицировать также в зависимости от частеречной принадлежности колоративов, выделяя различные лексико-семантические группы (далее – ЛСГ).

ЛСГ «Цветообозначения-существительные» представлена в произведении 3 единицами и включает в себя слова из микрополей «Жёлтый цвет», «Зелёный цвет» и «Белый цвет»: «желтизна», «зелень», «белизна». Все эти слова образованы от прилагательных, но разными способами: «желтизна» и «белизна» – суффиксальным (с помощью суффикса *-изн-*), а зелень – бессуффиксным (с помощью нулевого суффикса).

ЛСГ «Цветообозначения-прилагательные» содержит 41 слово и охватывает все микрополя, описанные выше: «красный» (2), «багровый», «бледно-розовый», «жёлтый», «золотой» (3), «золотистый», «изумрудный», «зелёнький», «голубой», «голубенький», «тёмно-синий», «карий», «русый», «белый» (4), «седой», «светлый» (2), «белокурый», «чёрный» (8), «вороной», «тёмный» (5), «серый» (2), «серебристый». Высокая частотность цветообозначений-прилагательных традиционно типична для лексико-семантического поля «Цвет», поскольку именно в адъективных колоративах отражается многообразие оттенков цветов.

Большая часть цветообозначений-прилагательных обозначает непосредственно цвет, например, «красный», «жёлтый», «голубой». Ряд лексем выражает цвет через отношение к другим предметам: металлам («золотой» (3), «золотистый», «серебристый») или минералам («изумрудный»).

Сложные цветообозначения (*бледно-розовый, тёмно-синий*) в анализируемом рассказе Тургенева встречаются редко. Несколько более частотны прилагательные с суффиксом *-ист-*, обозначающие обладание признаком цвета в незначительной степени («серебристый», «золотистый»), и с суффиксом *-еньк-*, указывающий на меньшую или смягчённую степень цвета («голубенький», «зелёнький»).

В рассказе «Три встречи» представлена ещё одна ЛСГ – «Цветообозначения-глаголы», в которую входят слова «рдеть», «зеленеть», «синеть», «белеть» (2) и причастия «красневший», «белеющий» (всего 7 единиц). Включение их в описание природы создаёт у читателя ощущение непосредственного присутствия на месте событий.

Цветообозначения выполняют в тексте рассматриваемого произведения целый ряд художественных функций.

1. Номинативная функция. Колоративы называют цвет того или иного предмета или явления: «карие глаза», «синее небо», «зелёнькая ленточка».

2. Эстетическая функция отражает способность цветообозначений выражать художественность, поэтичность текста. Употребляясь в определённом контексте («изумрудная зелень», «...два окна, красневшие в мягкой полутени...»), лексика цвета становится частью различных средств выразительности.

3. Психологическая функция заключается в способности цветообозначений отражать нервно-психологическое состояние человека, особенно ярко она прояв-

ляется в таких формах психологизма как сны героя. В рассказе «Три встречи» сновидение рассказчика наполнено различными цветами. Сначала это приятные светлые и яркие цвета: «жёлтый песок», «вся белая с длинными белыми крыльями», «золотые длинные нити». Они передают тёплые чувства героя к таинственной незнакомке, отношение к ней, как к идеалу, ангельскому созданию. Но вторая половина сна уже окрашивается совсем другими тонами («тёмный проход»), которые отражают тревогу рассказчика, его переживания.

4. Эмотивная функция заключается в способности лексики цвета вызывать различные ощущения и чувства у читающего. Описание природы в самом начале рассказа И. С. Тургенева «Три встречи» вызывает ощущение спокойствия, умиротворения: «... всё небо было испещрено звёздами; таинственно струилось с вышины их голубое, мягкое мерцание...».

5. Знаковая функция отражает возможность рассмотрения слов как символов: цветовые характеристики часто используются писателями для обозначения подтекста, скрытого смысла. С этой точки зрения рассмотрим динамику образа главной героини рассказа И. С. Тургенева «Три встречи». В начале произведения её облик выражается так: «... стройная женщина, вся в белом...», «... как великолепно блеснули в его сиянии её большие, чёрные глаза...», «... какой тяжелой волной упали её полураспущенные чёрные волосы...». Девушка наделяется ангельской чистотой, простотой, она является как бы недостижимой мечтой рассказчика. Во вторую встречу образ незнакомки меняется: «... по её длинному серому платью...», «... по бледно-розовому лицу...», «... по лоснистым чёрным волосам...», «... золотые, влажные искорки просвечивались в её темных глазах...». Во-первых, нужно отметить, что её облик стал более насыщенным, «цветным», благодаря этому она превращается из мечты, идеала в настоящего, живого человека. Во-вторых, меняется и цвет одежды героини: белый замещается серым. В последнюю встречу в описании внешности героини доминирует чёрный цвет: «... женщину в чёрном домино...», «Темно и грозно глядели из-под чёрного бархата её черные большие глаза...». Изменение цвета наряда (из белого в серый, а затем в чёрный) – деталь, которая символизирует конец мечты героя о прекрасной незнакомке, а сама героиня признается в смерти духовной: «моё собственное сердце умерло». Цвета в рассказе И. С. Тургенева соотносятся с традиционной символикой, но также выражают оттенки смыслов, обусловленные интенцией автора.

Исходя из результатов проведенного нами исследования, можно заключить, что лексика цвета в рассказе И. С. Тургенева «Три встречи» является значимым элементом, о чём свидетельствует многообразие микрополей лексико-семантического поля «Цвет», а также полифункциональность используемых писателем колоративов.

Рассказ «Три встречи» наполнен ощущением хрупкости человеческого счастья и страстной, глубокой грустью о несбывшихся надеждах. Эти лирические чувства переданы в том числе и с помощью мастерского использования автором колоративной лексики. Цветопись тонко используется Тургеневым для создания удивительной ауры рассматриваемого произведения, о котором Т. Штурм писал: «В „Трех встречах“, как ни слабы они по композиции, есть что-то пленительное, главное в них не в событии, о котором повествуется, а в том впечатлении, которое оно производит на рассказчика...» [9, с. 582].

Список литературы

1. Кипренский А. Язык и стиль Тургенева // Литературная учеба. 1940. № 1. С. 41–65.
2. Курляндская Г. Б. Эстетический мир И. С. Тургенева. Орёл : Изд-во Гос. телерадиовещат. компании, 1994. 341 с.

3. Лебедев Ю. В. Преходящее и вечное в художественном мирозерцании И. С. Тургенева // И. С. Тургенев: мировоззрение и творчество, проблемы изучения : межвуз. сб. науч. тр. Орёл, 1991. С. 3–10.
4. Мусий В. Б. Человек и природа в художественной прозе И. С. Тургенева 40–50-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985. 16 с.
5. Петров С. М. И. С. Тургенев. Творческий путь. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1961. 590 с.
6. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. М. : Изд-во МГУ, 1987. 301 с.
7. Серов Н. В. Цвет культуры. Психология, культурология, физиология. СПб. : Речь, 2003. 672 с.
8. Тургенев И. С. Три встречи // Тургенев И. С. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1980. Т. 4. С. 218–245.
9. Шульце-Леман К. Тургенев в переписке Т. Шторма с Л. Пичем // Литературное наследство. М., 1967. Т. 76. С. 580–593.

Информация об авторе: *Карякина Валентина Леонидовна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара, Россия).

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Т. Н. Козина

г. Пенза, Россия
pspu-izo2012@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования являются евангельские образы, вошедшие в произведения современной русской прозы. Анализ литературного контекста убеждает в том, что сакральные образы, являясь идеальной моделью, предлагают читателям образец для подражания.

Ключевые слова: Евангелие, образ, сакральный, современная проза

Для цитирования: Козина Т. Н. Евангельские образы в современном литературном контексте // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 320–326.

Восстановление православного круга праздников привело не только к обретению утраченной обрядности, но и заставило многих людей задуматься о собственной духовной жизни. Современная литература реагирует на запросы своих читателей: во многие прозаические произведения введены евангельские образы *«Бога Живаго», Богородицы, креста, монаха, священника*. Авторы пытаются открыть современникам необходимость пути познания самого себя и окружающей действительности. Обращаясь к архетипической памяти своих респондентов, писатели говорят о мире невидимом, существующем рядом с нами. Сакральные образы помогают художникам слова запечатлеть момент духовного опыта героев и показать путь к гармонизации жизни.

В современном культурном контексте есть описания первой встречи с **Богом**. Герои современной прозы проходят через страдания, оказываются на грани

между жизнью и смертью, прежде чем обрести смысл жизни и почувствовать *потребность в изменении себя, самосовершенствовании*. Иного пути нет.

Тема романа «Бог дождя» (2007) М. А. Кучерской связана с поиском «*Бога Живаго*» (Евр. 3, 12). Первые главы произведения повествуют о юношеских метаниях, жажде общения, а также о полном неприятии героиней окружающего мира: «Отчаяние и какая-то непонятная, безадресная злоба поднимались и комкали душу... Жизнь её не имела ни малейшего смысла». Постепенно к Ане приходит понимание того, что с ней происходит. Это «никакая не депрессия, а мука безбожия». Желая умереть, девушка одна отправляется на дачу. Здесь ночью, в полной тишине и темноте, она испытывает ужас смерти: «точно холодную каменную плиту положили на грудь и нажали сверху». В этот момент Ане захотелось жаловаться, плакать, просить прощения «у всех, кого обидела зря». «И уже на грани исчезновения и утраты сознания... она выговорила наконец еле-еле: «Боже мой! Боже мой, помоги!». После этих слов ужас и смерть постепенно отошли, Ане стало легче. Но главное, что она ощутила: «Рядом появился кто-то. Кто согреет, когда холодно. Вытрет слёзы, когда тяжело. Будет её любить» [5, с. 41].

В подобной ситуации оказывается и герой романа В. А. Чугунова «Мечтатель» (2008). Центром повествования стали споры о вечности, жизни, совести молодых людей начала 1970-х годов. В эпоху тотального атеизма из рядов пионеров и комсомольцев выходили юные семинаристы, будущие священники немногочисленных действующих храмов. Полемические страсти восемнадцатилетних юношей и девушек, пытающихся вырваться из стереотипов обыденности, описаны Чугуновым ярко, зримо. Решение главного героя стать священником автор связывает со сдвигом в его душе и сознании. Бабушка Никиты находит своё определение изменения состояния внука: «Слава Тебе, Господи. Посетил Господь». Полюбивший взрослую женщину герой запутался в своих желаниях и чувствах. Не видя выхода в сложившейся ситуации, Никита решает покончить жизнь самоубийством. Глядя на лезвие бритвы, юноша думает о смерти, о том, что никто и никогда уже не узнает всей правды о нём, что он никого не предавал, а «что само собой так получилось, помимо... воли». В этот момент герою вспомнилось одно место из Евангелия, где рассказывалось о свадьбе в Канне Галилейской. Его поразила мысль о том, что в этом эпизоде говорится о простой человеческой радости: «Значит, она-то, эта радость – и есть суть всей нашей жизни! А я что делаю?..». Сделав несколько поклонов, юноша выходит на улицу и видит мерцающие звезды. «И вот тут несказанный свет вдруг пролился в моё сердце! Такого счастья, такого покоя доселе я не испытывал еще никогда!

– Божечка, хорошо-то как у тебя!.. – вполголоса воскликнул я и заплакал.

Я никогда ещё так не плакал, не ведал таких слёз. О, это были слёзы радости, слёзы избавления, слёзы жизни! И как любил я в эту минуту Бога! Как благодарен был Ему за всё – за всё!» [8, с. 376, 375].

Автор оставляет своего героя *в начале духовного пути*. Совершенствование будущего священника начинается с осмысления себя и своего места в мире, своего отношения к высшим ценностям и предположения о своём несоответствии им.

Культурные тексты, запечатлевшие начальный момент духовного опыта молодых людей, убеждают читателей в том, что, только столкнувшись со страданием, человек способен осознать сложность бытия, неоднозначность происходящего в жизни.

Обращаясь к архетипической памяти читателей, прозаики вводят в текст сакральный образ **Богородицы**. В книге «Крещённые крестами» (2009), вспоминая встречу солдата и его жены, Э. С. Кочергин уподобляет образ русской женщины образу Богородицы. Именно поэтому замолчали потрясённые силой и кра-

сотой её поступка присутствующие на вокзале люди. Увидев в окне голову своего мужа, молодая сибирячка, не дожидаясь полной остановки поезда, пробралась внутрь. Вскоре «она, красивая, черноглазая, появилась в дверном проёме вагона, держа на руках, как ребёнка, совсем безногого, однорукого обрубка в тельнике...

– Матерь Божья, Матерь Божья, Иисус Христос! – крестясь, завопила, глядя на них, всегда пьяная бабка-побирушка и рухнула перед вагоном на колени.

Толпа онемела» [4, с. 74].

Фраза «толпа онемела» является аллюзией на ремарку из трагедии «Борис Годунов» А. С. Пушкина – «народ безмолвствует». В момент появления «черноглазой бабёнки» с мужем-инвалидом на руках происходит всеобщее прозрение относительно истинной глубины трагедии минувшей войны.

Одним из главных евангельских образов является *крест*. В основе рассказа Н. Ф. Иванова «Золотисто-золотой» (2007) – реальное событие. До призыва в армию Евгений Родионов жил в посёлке Курилово Подольского района Московской области. Служил он пограничником во время чеченской войны. В феврале 1996 года четверо солдат, дежуривших на блокпосту, были захвачены в плен боевиками, которые пересекали границу в машине «Скорой помощи». В плену от ребят требовали сознательного отречения от Иисуса Христа. Для этого нужно было снять нательный крест и назвать себя мусульманином. Если пленник упорствовал, его избивали, унижали, над ним издевались. Тех, кто не отказывался от своей веры, ждала смерть. Несмотря ни на какие угрозы боевиков, Евгений Родионов отказался снять православный крест. Русский солдат погиб в неполные девятнадцать лет: «...через голову и не стали снимать, делов-то – отрубили голову мечом, и тот сам упал на траву» [8, с. 62]. Маленький нательный крест в рассказе Иванова становится аллюзией на крестный путь Иисуса Христа.

Название романа В. О. Пелевина «Т» (2009) обращает читателя к *символике креста*. «Т» – начальная буква фамилии главного героя. Давая такое заглавие, автор имел в виду нечто другое, так как символ названия не имеет точки, указывающей на неполноту слова. Современный вид буквы «Т» был создан путём преобразования различных форм креста. Этот символ означает равновесие противоположных сторон – начала и конца, альфы и омеги.

Вход в текст книги Пелевина вызывает ассоциации с Крестным путём Иисуса Христа на Голгофу: «После суда Христос был отдан в руки палачей, которые должны были привести страшный и незаконный приговор в исполнение. Воины сняли с Иисуса Багряницу, одели Узника в Его собственные одежды и возложили на Него крест – два бревна, сколоченные в виде буквы “Т”». В книге Пелевина крест становится символом духовных исканий главного героя: «Ибо когда несёшь крест, надо ведь знать, куда...». Образ креста играет в тексте Пелевина конструктивную роль: он *конденсирует сакральную семантическую оппозицию*, являющуюся сигналом авторских интенций.

Символика креста просматривается в организации романного пространства во время первой встречи читателя с главным персонажем. Реальный граф Т. проплывает на барже мимо идущего за плугом по пашне ряженого графа Т. Чтобы скрывать свои отъезды из Ясной Поляны, персонаж использует двойника. Далее сквозной образ позволяет разобраться в соотношении двух содержательных уровней текста: фактологического и концептуального. Он пронизывает все прочие темы и мотивы, организуя единый текст и выявляя его глубокий духовный смысл.

Сакральная семантическая цепочка помогает жизненным реалиям ворваться в замкнутое пространство постмодернистского текста. Так, по пути в Оптину Пустынь, избежав смертельной опасности, граф Т. обращает внимание на «звуки и краски мира: шелканье вездесущих соловьев, молитвенный плач кукушки,

невыразимые цвета летнего вечера... Постепенно в душу снизошли покой и почти молитвенное умиление». Религиозные образы и звуки помогают графу Т. обрести собственное «я»: «Тут вдали зазвонили ко всеобщей, и он пришел в себя» [6, с. 326, 84]. В этом эпизоде храм не присутствует, он возникает через код звука, внося *мотив святости и защиты от инфернальной силы*.

В современной прозе появляются произведения, героем которых становится монах. Принявший постриг подвизается в воспитании всякого рода добродетелей, живёт в целомудрии, нестяжательстве, послушании. Монах отказывается от бренного мира, чтобы лучше познать мир сакральный, который принципиально отличается от обыденной реальности, являясь исключительно ценным, сокрытым и неприкосновенным. В небольшом рассказе Д. А. Ермакова «На берегу» (2008) содержательность композиции влияет на верное понимание идейного замысла произведения. Основным композиционным средством становится антитеза в расстановке персонажей. К одиноко сидящему у костра Плотникову со стороны леса подходит монах. Диалог героев состоит из развёрнутой монологической речи Плотникова и коротких реплик монаха. Появление незваного гостя начинает раздражать рыбака, он «был недоволен тем, что нарушено его одиночество, да ещё монахом, с которым и говорить-то не знаешь о чём».

От предложения выпить монах отказался. Из-за его молчания в Плотникове «закипало раздражение. Он с вызовом спросил:

– Монах?

Незнакомец кивнул.

– Ну и как?

– Что? – Монах вопросительно приподнял брови.

– Спас душу? – И, не дождавшись ответа, продолжал: – Я бы, может, тоже хотел так, ушёл – и одна забота: душу спасай, молись... А работать? А семья...

– Простите меня, – произнёс вдруг монах, встал, подхватил свой вещмешок и ушёл в сторону».

Особенность подачи автором предметно-психологической реальности, продуманная соотносённость собственно-речевых единиц раскрывают читателю глубокое смирение инока. Молитва является пищей для души. Она очищает ум, освящает сердце, кротким становится нрав. Монахи пребывают в молитве постоянно, этим объясняется молчание героя рассказа. Когда через какое-то время персонаж пошёл разыскивать монаха, то увидел, что тот молится, стоя на коленях. «В этот момент выглянула из-за тучи луна, и Плотников увидел перед ним икону, прислонённую к мешку» [1, с. 15].

Больше герои не встречались. Но месяц спустя Плотников вновь приезжает на то же место. Он стоит на берегу и пытается понять: почему он никак не может забыть того монаха? Кроткое смирение инока затронуло душу Плотникова. Его жизнь, подобно «беспокойной воде», наполнена суетой, отсюда беспричинное раздражение, непонятное озлобление на незнакомого человека. Пытаясь убежать от жизненных проблем, герой в одиночестве едет на рыбалку, затем также в одиночестве хочет есть уху и пить водку. Его физическое *тело* постоянно получает пищу, а *душа*, лишённая её, глубоко страдает. Плотников озлобился не на то, что монах нарушил его уединение, а на то, что почувствовал, что это другой человек, живущий не по законам суетного мира. Повтор – ещё одно композиционное средство, которое обнаруживает попытку персонажа понять поведение монаха. Его возвращение на место встречи с ночным незнакомцем свидетельствует о желании совершить первый шаг к изменению своей жизни.

Сакральность образа монаха достаточно полно раскрывается в «Завещании старого монаха» Л. С. Петрушевской (2002). Автор определяет жанровую

принадлежность данного текста к сказке. В «Завещании старого монаха» присутствуют элементы новеллистической сказки. В основе сюжета лежит необычное происшествие, но оно не выходит за рамки реальных человеческих отношений. Необычайное событие удваивается, при этом об одном из них узнают только читатели: другим героям произведения оно остается неизвестным.

Согласно канонам новеллистической сказки герои Петрушевской являются антагонистами. «Бедняцкий монастырь, стоявший без охраны в глухом лесу, то и дело навещали. Окрестным парням нужны были деньги на выпивку, и в конце концов монахи стали обходиться совсем небольшим – жестяные консервные банки для кипятка, кучка соломы на чем спать, рогожи чем прикрываться, а мед

и ягоды и прочую лесную добычу они прятали там же, в лесу, в дуплах, на манер белок» [7, с. 128]. Местные жители жили неплохо: «благоденствие снизошло на этот край». Увлечённые накоплением материальных ценностей, крестьяне «не выносили» нищих, убогих и больных. Они издевались над Трифоном – настоятелем монастыря, приходившим в селение просить милостыню. Он вёл себя *спокойно и смиренно*.

Во время одного из таких походов старого монаха ограбили и избили. Этот эпизод становится завязкой основного плана повествования. Главная цель писательницы – *исследовать пути грешника к покаянию*. На Трифона напали двое местных молодых людей, держащих в страхе всё селение. Долгое время Белый и Рыжий безнаказанно грабили и убивали. Стремясь подчеркнуть пагубность поведения персонажей, автор вместо имен дает им клички. Кульминацией всех планов повествования становится обращение старого монаха к женщине, имеющей больного ребёнка. Он объясняет ей, что нужно сделать для выздоровления мальчика. Молодая мать, выполняя завещание Трифона, в течение месяца молится на месте его убийства. По истечении этого срока она возвращается в село, ведя за руку выздоровевшего сына.

Трифон умирает мученической смертью ради того, чтобы два великих грешника – Белый и Рыжий встали на путь покаяния. Заключительный абзац текста содержит сообщение о появлении в монастыре двух новых монахов, которые «никогда не показываются людям, они днем и ночью молятся в верхнем храме». Вынося скрытые от посторонних глаз перемены в монастыре в сильную позицию текста – последний абзац повествования, Петрушевская утверждает *главенство духовной жизни над материальной*. Кроме того, появляется возможность прочтения скрытого плана толкования заглавия сказки: новые монахи восприняли знание Трифоном деталей собственной смерти как завещание, оставленное им.

В сказке «Завещание старого монаха» Петрушевская достаточно широко изображает нравственное состояние общества: злобу, страдания, муки, невозможность счастья. И всё же в художественном мире произведения есть некая скрепа, создающая единство всех частей жизни. Ею является вера, претворенная в служении монахов. Только они приходят на помощь страждущим, больным, старым, одиноким. Их помощь бескорытна и сострадательна. Бедные монахи являют жителям окрестных сел пример нестяжания, довольства тем, что дается, смирения и душевного покоя. Образы монахов в сказке Петрушевской принадлежат вечности, с их помощью автор утверждает истинные ценности в мире.

Еще одним образом, заимствованным современными прозаиками из христианской религии, является **образ священника** (греч. «иерей» – священник). Он имеет благодать и право совершать основные таинства, кроме рукоположения.

Роман «Россия: общий вагон» (2008) Н. С. Ключаревой представляет людей, населяющих Россию, пассажирами общего вагона: «мутными глазами общего вагона... смотрела страна». Живущим бесцельно писательница противопоставля-

ет современных героев – людей неравнодушных, помогающих заблудшим найти свой жизненный путь, обрести душевную гармонию с миром. Среди них – несколько священников.

Символом закончившейся эпохи в романе Ключаревой становится село Высокое. В нём остался единственный житель – *отец Сератион*: «А службы всё равно служит, хоть и нет прихожан, храм-то стоит...». Рассказывающий о священнике из соседнего села отец Андрей подводит неутешительный итог: «Исчезает Россия, исчезает прямо на глазах». Но словно в опровержение его слов, «откуда-то издалека ветер донес слабые обрывки звона» [3, с. 140]. Отец Андрей тоже ударил в колокол. Мир наполнился тяжёлым гулом. Являясь одним из существенных элементов христианского храмового богослужения, колокольный звон не только оповещает о начале службы, но и выражает праздничное настроение и духовную радость христиан. В романе Ключаревой он дает надежду на возрождение России.

Другой священник – герой романа «Россия: общий вагон» – *отец Борис*. В уральском городке Верещагине он открыл детский приют. Начало стройки – символично: открытие нового тысячелетия с созидания, а не с разрушения, как было в XX веке. К собственным пяти детям отец Борис подселил пять беспризорников, затем в приют пришли старушки. «Так и живут вместе, стар и млад. Хорошо там. Леса кругом, дали необитаемые. Стен у обители ещё нет, всем ветрам открыта». Священник не считает материальное благополучие первичным: «любви то на всех хватает!». Обитель строится и развивается, приходят новые беспризорники, принимают всех.

В рассказе об уральском священнике Ключарева восстанавливает утраченную на крутых поворотах истории России истину: *человеческие отношения, жизнь общества должны основываться на любви*. Писательница верит, что эта евангельская истина постепенно распространится по всей России. Душевное состояние детей, которых приютил отец Борис, передают колокольчики, развешанные ребятами на березах: «И постоянно этот звон тихий... так звучат детские души...».

Несколько подробнее, чем о других, рассказывается об *отце Андрее*. Молодой священник, бывший городской житель, становится председателем умирающего совхоза. Ему буквально на ходу приходится учиться специальностям, нужным для села: кормить коров, водить трактор. Жить трудно, не все получается и удастся, но священнику помогает вера: впервые сел за руль трактора, «перекрестился и поехал...». За хозяйственными делами отец Андрей не забывает о своем главном назначении – спасти души людей. В Интернете он познакомился с Гришей. Тот после беседы в ФСБ по поводу его нетрадиционной ориентации искал пути эмиграции. По совету знакомого Гриша решил «закопаться под паломника», поэтому заглянул на православный форум. Здесь он познакомился с отцом Андреем, который написал заблудшему: «Зачем тебе бежать за границу, приезжай к нам в Горки, здесь тебя точно никто не найдет».

Гриша уезжает в Горки назло всем, думая, что ненадолго. Получивший высшее образование по модной специальности «маркетинг и реклама» в совхозе он стал работать экономистом. Уезжать в эмиграцию и возвращаться в Москву юноша передумал:

– Там всем на меня плевать, а отец Андрей во мне первый человека увидел. И жизнь тут спокойнее. Да и взрослеть пора. Мне уже двадцать три, а я живу, то есть жил, совсем по-детски, безответственно [3, с. 133, 126, 128].

Происшедшие в сознании и поведении Гриши перемены не носят временный характер. Об этом свидетельствует выражение его лица, являющееся отражением состояния души: «Никита впервые видел у Гриши такое лицо. Как будто омытое внутренним светом». Это лицо счастливого человека, открывшего для себя истинный смысл бытия.

Сострадания и любви отца Андрея хватит на всех. Когда главный герой – Никита рассказывает ему о беженке из Грозного, которая в преклонные годы ради того, чтобы было где переночевать, моет лестницы в элитном доме, священник советует: «Вези-ка ты её лучше сюда. У нас, вон, половина избы пустует. Будет нам с Гришкой вместо матери» [3, с. 133–134].

Молодая писательница, как и её старшие коллеги, прослеживает пути прихода человека к Богу, но в отличие от Петрушевской, Ключарева не прячется за жанром сказки. Используя кинематографический приём в изображении персонажей, она выделяет крупным планом из массы реальных людей очередного героя повествования. Коллизии произведений Петрушевской и Ключаревой сходны. В обоих текстах бывшие злодеи через глубокое раскаяние приходят к вере в Бога и служению Ему. Произведения современных писательниц вызывают аллюзию на евангельскую сцену раскаяния разбойника (Лк. 23, 41). Евангельский разбойник раскаялся в последние минуты жизни, а персонажи современных прозаиков получили возможность добиться прощения всею своею последующей жизнью. Петрушевская и Ключарева в своих произведениях обращаются к *мотиву прощения за грехи*.

Основывая свои произведения на евангельских образах, прозаики делают попытку соизмерить современность с вечностью. Сакральные образы предстают в современной прозе как образцы для подражания, идеальная модель высшего порядка, которую вновь и вновь повторяют. Сакральные образы противостоят трагичности жизни, выступая определенными гарантами стабильности, преодоления катастрофичности и конечности бытия.

Список литературы

1. Ермаков Д. А. Путь чая. Вологда : XXI век, 2003. 48. с.
2. Иванов Н. Ф. Зачистка. М. : Эксмо, 2007. 380 с.
3. Ключарева Н. Л. Россия: общий вагон. СПб. : Лимбус Пресс : Изд-во К. Тублина, 2008. 200 с.
4. Кочергин Э. С. Крещённые крестами: записки на коленках. СПб. : Вита Нова, 2009. 272 с.
5. Кучерская М. А. Бог дождя. М. : Время, 2008. 320 с.
6. Пелевин В. О. Т. М. : Эксмо, 2009. 384 с.
7. Петрушевская Л. С. Случай в Сокольниках: рассказы из иной реальности. М. : Вагриус, 2002. 175 с.
8. Чугунов В. А. Мечтатель. Н. Новгород : Родное пепелище, 2008. 384 с.

Информация об авторе: *Козина Татьяна Николаевна*, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой «Изобразительное искусство и культурология» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИТОНИМОВ В РАССКАЗАХ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

А. В. Краснобаева

г. Пенза, Россия
anastasya.kusaikina@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается фитонимическая лексика как средство создания сравнения, метафоры, гиперболы и олицетворения в рассказах К. Г. Паустовского. Делается вывод о том, что фитонимы способствуют образной интерпретации предметов и явлений окружающей действительности.

Ключевые слова: фитоним, сравнение, метафора, олицетворение, гипербола, К. Г. Паустовский

Для цитирования: Краснобаева А. В. Изобразительно-выразительный потенциал фитонимов в рассказах К. Г. Паустовского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 326–328.

Фитонимическая лексика занимает важное место не только в составе любого языка, но и в языковой картине мира этноса, что, безусловно, находит отражение в художественной литературе, где фитонимы, помимо номинативной функции (называния реалий растительного мира), выполняют функцию информативную (дают читателю пространственные ориентиры, вызывая ассоциации с той частью земного шара и той климатической зоной, где возможно произрастание того или иного растения) и изобразительно-выразительную (служат для образной интерпретации предметов и явлений окружающей действительности).

Настоящая статья посвящена анализу изобразительно-выразительных возможностей фитонимов в рассказах К. Г. Паустовского [1].

Наиболее активно фитонимическая лексика используется при создании **сравнения**, которое может быть выражено как синтаксически – сравнительным оборотом с союзами *как*, *точно*, *словно* и др., так и морфологически – предложно-падежными формами существительных, с помощью прилагательного *похожий* и др.: *Он вспомнил белую пыль, лёгкие пороховые дымки около жёлтых стен, клоушья штукатурки, с шумом падающие на мягкий от солнца асфальт, хриплый голос Вильямса – молчаливого, сжимавшего чёрными лапами ствол винчестера, каску полисмена с громадным, как **цветок мака**, кровавым пятном и звон пуль, дёргавших телеграфные провода («Лихорадка»); Я видел, как я иду по каменистой тропе домой, оглядываюсь и вижу далёкий дым парохода, плывущего к островам, брошенным, как **кошницы пальм, цветов и звёзд**, в зелёное покачивание океанов («Этикетки для колониальных товаров»); Хлопья снега лежали на кустах, как **мохнатые цветы**, рядом с серыми пушистыми шарами волокнистых семян («Парусный мастер»); Стаи белых птиц металась перед ней, как **хлопья одуванички** («Старый челн»); Пришла из лазарета худенькая Настя с синими, как **цветы литовского льна**, глазами («Рассказ о лимоне»); Его вода **была по цвету похожа на желтоватую листву акаций** («Пришелец с юга»); Она (поэма) должна быть написана такими же холодными и белыми стихами, как **подснежные цветы** («Рождение рассказа»). Сравнение используется и при описании реалий, названных фитонимами: *Леса стояли сухие, как **порох*** («Заячьи лапы»); *Даже кое-где на **берёзах** в саду появились **жёлтые пряди**, как **первая седина у ещё нестарого человека*** («Подарок»). Фитонимические сравнения позволяют читателю наглядно представить описываемые К. Г. Паустовским реалии.*

Анализ материала показал, что в фрагментах, включающих фитонимы, используется **метафора**, под которой понимается «такой тип переносного значения слова, который задаёт семантическую двуплановость на основе реализуемых в контексте сходных признаков денотатов с целью отражения индивидуально-значимой образной картины мира» [2, с. 9]. При этом считаем необходимым разграничить метафорическое употребление фитонимов и метафорическое употребление других лексем при описании фитонима. Метафорическое употребление фитонимов придаёт высказыванию афористический характер: *Познание – это **клубень**. Из него вырастают невиданные и вечные **цветы** воображения* («Рождение рассказа»). В качестве других лексем-метафор, характеризующих объекты растительного мира, наиболее часто выступают глаголы и краткие формы прича-

ствий, называющие действие или состояние растения: *Это светили осенние листья* («Жёлтый свет»); *Леса, будто выкованные из топкого олова, сверкали под декабрьским небосклоном* («Парусный мастер»); *Леса были заржавлены, их покрывала жёлтая плесень* («Потерянный день»).

Фитонимическая лексика в рассказах К. Г. Паустовского служит для создания **гиперболы**: *Я видел вишни величиной с яблоко и песчаную пустыню, зелёную и сочную от кактусовых зарослей* («Лихорадка»). *Жёлтые листья плыли островами, цеплялись за коряги, останавливались* («Подпасок»). Автор прибегает к данному средству выразительности для усиления эмоционально-оценочного и для расширения смыслового значения слова, преувеличения в отражении действительности, чтобы придать речи образность и выразительность.

Используя в рассказах **олицетворение**, К. Г. Паустовский наделяет растительные реалии свойствами живых существ с целью передать всеобщую одушевлённость окружающего мира: *Шумело море, и виноградники дрожали в сухом, солнечном стекле* («Лихорадка»); *За ветреную и долгую ночь сад сбросил сухую листву...* («Жёлтый свет»); *Их* (пушкинские строфы) *слушали только листья, птицы да небо – бледное и застенчивое псковское небо* («Михайловские рощи»); *Кажется, что цветы и травы – цикорий, кашка, незабудки и таволга – приветливо улыбаются вам, проходим людям...* («Ильинский омут»); *Или сон-трава. Спит она по ночам, голову клонит, тяжелеет от росы* («Бакенщик»); *Есть земля, Василиса, где стоят тихие, светлые воды и пшеница в полях клонит голову до самой земли...* («Австралиец со станции Пилево»).

В заключение отметим, что в большинстве случаев изобразительно-выразительный потенциал фитонимической лексики реализуется в авторской речи.

Список литературы

1. Паустовский К. Г. Собрание сочинений : в 9 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 6. 623 с.
2. Туралина Н. А. Именная метафора в русской поэзии начала века : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01. Орёл, 2000. 37 с.

Информация об авторе: *Краснобаева Анастасия Владимировна*, магистрант Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы Средней общеобразовательной школы № 20 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

РОЛЬ ФИТОНИМИЧЕСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАСКРЫТИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Н. Г. Кузнецова

г. Пенза, Россия
kuznetsova1878@mail.ru

Аннотация. Рассматривается роль фитонимических лексических единиц в раскрытии женских образов романа М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Ключевые слова: фитонимы, флористический образ, символика, образ, образность

Для цитирования: Кузнецова Н. Г. Роль фитонимических лексических единиц в раскрытии женских образов романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 328–331.

Во многих произведениях мировой литературы упоминаются фитонимы (наименования деревьев, цветов, растений). В языкознании нет общепринятого толкования данного термина. Согласно А. М. Летовой, под термином «фитоним» подразумевается «семантическая общность наименований деревьев, трав, кустарников, цветов, ягод, овощных и иных культур» [2, с. 31]. Флористический образ существовал в разные литературные эпохи. Так, из античной литературы нам известен миф о прекрасном юноше Нарциссе, очень красивом, но холодном цветке. Фитонимы функционируют в художественных текстах и выполняют не только номинативную, но и оценочную функцию. Так, фитонимы играют роль в раскрытии качеств характера, поведения героев произведений. Растение – богатейший источник образности в художественном тексте. Читая и перечитывая произведение Шолохова, мы убеждаемся, что в раскрытии женских образов «Тихого Дона» большую роль играют флорообразы.

Дважды Аксинья, страстная, эмоциональная, «приворожившая» Григория на всю жизнь (несколько раз он пытался забыть её, стать примерным мужем, но не смог; Аксинья всё время в его мыслях, в его сердце) сравнивается писателем с «*дурнопьяном*». «Волосы у тебя дурнопьяном пахнут. Знаешь, эдаким цветком белым» [3, с. 35]. Так говорит Аксинье влюблённый в неё Григорий. «Не лазоревым алым цветом, а собачьей бесилой, дурнопьяном придорожным цветёт поздняя бабья любовь» [3, с. 52]. Дурнопьян (дурман обыкновенный) – ядовитое растение, основным симптом отравления им – сильное возбуждение. Не случайно в народе это растение называют «шалльной травой»; «травой колдунов»; «дурнишником». И не случайно сам Шолохов использует именно в народе употребляемое название дурнопьяна – «собачья бесила». Сердцу не прикажешь: Аксинья и Григорий решают уйти из хутора, наняться в имение Листницких, лишь бы быть вместе. «Аксинья распахнула опушенные полы донской шубы, обвилась вокруг Григория, как *хмель* вокруг дуба» [3, с. 164]. Хмель известен как вьющееся многолетнее растение, устойчивое, выносливое; способное карабкаться по стене, дереву, беседке, используемое в пивоварении (то есть для изготовления хмельного напитка). Навсегда «присох» Григорий к Аксинье: страстной, эмоциональной, бросившей вызов общественному мнению. Григорий буквально «пьян» любовью к Аксинье, не может не думать о ней. «Крепко приросло то, на что он в жениховском озорстве играючи рукой помахивал, – дескать, забудется... А оно вот и не забылось и кровотоцит при воспоминаниях» [3, с. 126–127]. Прибегнул писатель и к сравнению своей героини с «*лебедой*» и «*бурьяном*». Вернулся из лагерей Степан; Григория собираются женить на Наталье; он предлагает Аксинье забыть про их связь. Молодая женщина обижена, ей больно, она чувствует себя ненужной, униженной: «Пусто и одичало, как на забытом, затравевшем лебедою и бурьяном гумне, стало на душе у Аксиньи» [3, с. 120]. Лебеда и бурьян – сорняки, ненужная в крестьянском хозяйстве растительность. Разве что в голодное время использовали люди в пищу лебеду. После женитьбы Григория на Наталье он чувствует, что не может забыть Аксинью; она «не отпускает» его. «При встречах» с бывшим возлюбленным Аксинья «роняла вязкую *тину* слов: «Здорово, Гришенька! Как живёшь-любишься с молодой жёнущкой?» [3, с. 127]. Тина, как мы знаем, – вязкая трава, выстилающая дно водоёмов, в которой можно запутаться, из-за которой можно даже утонуть.

Неоднократно разбитную, легкомысленную, не особо разборчивую в связях с мужчинами Дарью Шолохов сравнивает с «*красноталовой хворостинкой*».

«Дарья – в малиновой шерстяной юбке, гибкая и тонкая, как красноталовая хворостинка, толкала Петра» [3, с. 96]. «Замужняя жизнь не изжелтила, не высушила её; высокая, тонкая и гибкая в стану, как красноталовая хворостина, была она похожа на девушку» [3, с. 149]. Краснотал (или ива остролистная) – яркий представитель семейства ивовых; у краснотала побеги с красной корой, гибкие

и тонкие прутьи. Невольно притягивают взгляд, особенно зимой, красные, гибкие, изящные ветки. Символическую нагрузку несёт и цветовая гамма: красный цвет ассоциируется со страстью, пламенем, любовью. В третий раз сравнение Дарьи с красноталом мы обнаруживаем в четвёртой книге. Дарья уже вдова, тяжело пережившая смерть мужа Петро. Но она всё та же: яркая, по-девичьи тонкая, острая на язычок, жадная до плотских утех женщина. «А вот Дарья была всё та же... Жила она на белом свете, как красноталовая хворостинка: гибкая, красивая и доступная» [4, с. 63]. «Цветёшь?» – спрашивает Григорий. «Как *придорожная белена!*» – отвечает Дарья [4, с. 63]. Белена – очень ядовитое растение; в народе её называют «бешеной травой», «дурнопьяном». Отсюда и происходит устойчивое выражение «белены объелся». Разбитная, красивая, по-девичьи стройная, доступная Дарья действует возбуждающе на мужчин. С дурнопьяном, как мы писали выше, сравнивает писатель и страстную в любви к Григорию Дарью. В раскрытии образа Дарьи символическую нагрузку несёт эпизод с *цветком*, названия которого героиня романа не знает. Дарья неизлечимо больна «позорной» болезнью; она невольно завидует Наталье, её способности любить. Дарья «с жадностью и изумлением», будто впервые его видит, смотрит на «этот простенький и невзрачный цветок», «прозрачно-лёгкий, почти невесомый»; нюхает его и «бережно» кладет на землю. Дарья с грустью говорит, что «не примечала» «красоты», которая, оказывается, всегда была рядом: «...господи, красота-то какая! А я её и не примечала...» [3, с. 123]. Цветок в руках Дарьи – образ-символ. Простенький, но такой прекрасный, он олицетворяет слишком поздно осознанные и оценённые Дарьей человеческие ценности: красоту родной земли, настоящую любовь, верность, семейные ценности.

Тяжёлый разговор Натальи и Григория (Григорий откровенно говорит жене, что она «чужая какая-то»; что не любит он её) сопровождает «мертвенный» запах «отживших трав». «Тоскливо, мертвенно пахли отжившие *травы*» [3, с. 139]. В русском фольклоре осенняя, пожухлая зелень символизирует «несчастливые» ситуации личной жизни героев: измену, разлуку, не взаимное чувство.

Последние дни умирающей Ильиничны сопровождает запах *полыни*. В воспоминаниях немолодой женщины – «опалённая солнцем августовская степь», «трескучий звон кузнечиков» и «приторно горький запах полыни» [4, с. 307–308]. Как отмечает исследователь Лазутин, осина, рябина и полынь в народном творчестве всегда являются «символами горя и печали» [1, с. 118]. Горькой, трудной была жизнь Ильиничны, сильной и мудрой женщины: тяжёлый физический труд, непростой характер мужа. «Нехай хучь первый годок покохает-ся, – вздыхала Ильинична, вспоминая свою горбатую в работе жизнь» [3, с. 126].

Итак, фитонимы в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» способствуют более глубокому раскрытию женских образов, придают повествованию лирическую тональность.

Список литературы

1. Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора : учеб. пособие для студентов филологических специальностей. М. : Высш. шк., 1981. 228 с.
2. Летова А. М. Из истории исследования фитонимической лексики: лингвокультурологический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2012. № 2. С. 30–34.

3. Шолохов М. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. Роман : в 4 кн. М., 1975. Кн. 1. 384 с.

4. Шолохов М. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 1. Тихий Дон. Роман : в 4 кн. М., 1975. Кн. 4. 464 с.

Информация об авторе: *Кузнецова Нина Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Литература и методика преподавания литературы» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В. Я. БРЮСОВА

Т. Ю. Кузнецова

г. Пенза, Россия

kuznetzova160101@yandex.ru

Аннотация. Представлен анализ функционирования относительных имён прилагательных в поэтических текстах В. Я. Брюсова: рассмотрены тематические группы относительных имён прилагательных; исследованы относительные имена прилагательные, перешедшие в качественные; проанализированы особенности эмоционально-экспрессивного использования прилагательных в художественном тексте.

Ключевые слова: относительные имена прилагательные, качественные имена прилагательные, краткая форма имени прилагательного, степени сравнения имён прилагательных

Для цитирования: Кузнецова Т. Ю. Семантика и особенности функционирования относительных имён прилагательных в поэтических текстах В. Я. Брюсова // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 331–333.

Анализ функционирования относительных прилагательных был проведён на материале поэтических текстов В. Я. Брюсова (всего проанализировано 75 стихотворений, исследовано 172 языковые единицы, 226 словоупотреблений).

Относительные прилагательные были сгруппированы в несколько тематических групп, где признак предмета указывает на разнообразные отношения:

1) к лицу или предмету (50 языковых единиц, 74 словоупотребления): *соседние дачи* («Дачи осени»), *царская пирамида* («Египетский раб»), *детское тело* («В прошлом»), *женский смех* («Данте в Венеции») и др.;

2) ко времени (49 языковых единиц, 60 словоупотреблений): *вечерний звон* («Баллада о любви и смерти»), *ночная полумгла* («В ночной полумгле»), *утренняя тень* («Египетский раб»), *завтрашний день* («Тонкой, но частою сеткой...») и др.;

3) к месту (31 языковых единиц, 35 словоупотреблений): *морское дно* («В горнем свете»), *долинный цветок* («Возвращение»), *нильские пески* («Город вод»), *британский берег* («Над Северным морем»), *африканская пустыня* («Ночью»), *нубийский раб* («Помпеянка») и др.;

4) к отвлечённому понятию (28 языковых единиц, 36 словоупотреблений): *вечная разлука* («В будущем»), *победная песня* («В Вильно»), *ответный клич*

(«Возвращение»), *любовная тоска* («Земле»), *роковая судьба* («Иксион и Зевс») и др.;

5) к материалу, из которого сделан предмет (10 языковых единиц, 17 словоупотреблений): *каменные ступени* («Лестница»), *гранитное ложе* («Облегчи нам страдания, боже...»), *сапфирный венец* («России»);

6) к действию, виду активности как свойству предмета (3 языковых единиц, 3 словоупотребления): *закоптёлая банка* («В Голландии»), *невучий звук* («В горнем свете»), *жгучая боль* («День»);

7) к количеству (1 языковая единица, 1 словоупотребление): *тысячелетний взлом* («Я выросстал в глухое время...»).

Сгруппировав относительные имена прилагательные в данные тематические группы, мы убедились, что они довольно разнообразны по своей семантике. Наиболее часто встречаются относительные прилагательные, указывающие на отношение к лицу или предмету, а также имена прилагательные, выражающие отношение ко времени.

Относительные прилагательные в поэтических текстах В. Я. Брюсова часто переходят в разряд качественных. Ярким примером служит прилагательное *золотой*. Прямое значение этого прилагательного – «сделанный из золота, покрытый золотом» – находим в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой [3, с. 387]. В текстах В. Я. Брюсова данное прилагательное употребляется в переносном значении «счастливый»: *Но раз в золотое мгновенье / Я высказал тайну свою* («Мы встретились с нею случайно...»). Также оно приобретает значение цвета: *Пусть же в памяти потонет / Золотой и белый день* («Знойный день»).

Имя прилагательное *железный* в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова имеет прямое значение, связанное с указанием на материал (то есть «сделанный из железа») [1, с. 257]. В текстах В. Я. Брюсова употребляется в переносных значениях «суровый» и «тяжёлый»: *Судьбы мне внятен ход железный / И вопль умолкших голосов* («В горнем свете»); *Мы для тебя влечём ярем железный* («Женщине»); *Готова разрешить ударом / Её железная рука* («Последняя война»).

В переносном значении употребляются и многие другие относительные прилагательные. Например, *серебряный* приобретает значение цвета и переходит в разряд качественных: *В серебряной пыли полуночная влага / Пленяет отдыхом усталые мечты* («Отверженный герой»); *Не уйти нам, не уйти нам / Из серебряной черты* («Тишина»).

Прилагательное *стальной* употребляется в тексте В. Я. Брюсова в значении цвета и является качественным: *На стальных левиафанах / Пробежал державно ты* («Хвала человеку»).

Ещё один пример – употребление прилагательного *пустынный* в переносном значении «пустой»: *Вступая в мир осиротелый / Пустынных и закрытых дач* («Дачи осенью»).

Имя прилагательное *живой* в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой имеет основное прямое значение «такой, который живёт, обладает жизнью» [2, с. 427]. В стихотворении В. Я. Брюсова это прилагательное реализует значение «полный энергии» и является, таким образом, качественным:

*Хочу лишь одного – быть вам подобным
Теперь и после: лёгким и живым,
Как волны океанские свободным,
Вносящимся в лазурь, как светлый дым.*

(«Юношам»).

Относительные имена прилагательные, переходя в разряд качественных, часто приобретают и морфологические особенности последних. Так, становится возможным образование от этих прилагательных кратких форм: *Быть может, вдруг мир станет мёртв...* («Юношам»).

Имя прилагательное *мёртвый* в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой имеет значение «такой, который умер, лишился жизни» [3, с. 489]. Указанное имя прилагательное в данном контексте реализует переносное значение «пустой», поэтому является качественным и приобретает возможность образовывать краткую форму.

Также, переходя в разряд качественных, относительные прилагательные способны образовывать степени сравнения. Следует отметить, что это явление воспринимается как единичное, употребляющееся лишь в отдельных случаях. В поэтических текстах В. Я. Брюсова встречаются чаще других простая сравнительная и простая превосходная степени сравнения. Простая сравнительная степень: *Всё каменней ступени, / Всё круче, круче всход...* («Лестница»). Относительное прилагательное *каменный* используется в метафорически переосмысленном значении. *Каменный* в данном контексте – «стойкий», «твёрдый», поэтому является качественным и приобретает возможность образовывать простую форму сравнительной степени. Простая превосходная степень: *Но счастлив я, что был мной прожит / Торжественнейший день земли.* («Я выросал в глухое время...»). Употребляя приведённую форму, поэт акцентирует внимание на важности этого дня по сравнению с другими.

Таким образом, относительные прилагательные обозначают свойства предмета по его отношению к другому предмету или действию, выполняют тем самым информативную функцию. Также относительные имена прилагательные обладают потенциальной возможностью приобретать переносно-метафорические значения, что обусловлено индивидуально-авторским восприятием окружающего мира. Проанализировав данные имена прилагательные, мы убедились в том, что часто встречается явление перехода прилагательных этого разряда в качественные. Переходя в другой разряд, относительные имена прилагательные в поэтических текстах В. Я. Брюсова зачастую приобретают способность образовывать краткие формы и некоторые формы степеней сравнений. Использование относительных имён прилагательных в переносном значении помогает создать образность, колоритность, усиливает экспрессию.

Список литературы

1. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М. : Дом Славянской кн., 2008. 959 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 2000. 940 с.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.

Информация об авторе: *Кузнецова Татьяна Юрьевна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД)

И. О. Курыгина

*г. Мытищи, Россия
disatino@inbox.ru*

Аннотация. Анализируются интертекстуальные вкрапления в художественном тексте. Рассматриваются и поясняются значения некоторых интертекстов, определяются их функции, анализируется перевод на английский язык.

Ключевые слова: русская литература, интертекстуальность, функция, перевод

Для цитирования: Курыгина И. О. Особенности функционирования интертекстуальных включений в русской литературе (интерпретация и перевод) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 334–337.

В русском художественном тексте весьма значимое место занимают интертекстуальные включения, которые способен интерпретировать не каждый читатель. Авторы в своих творениях используют ссылки, цитаты, аллюзии и другие фрагменты уже существующих текстов для того, чтобы с одной стороны – наделять свои произведения художественным своеобразием, а с другой стороны – отразить национально-культурную картину мира.

Выбрав в качестве объекта исследования интертекстуальные включения, мы полагаем, что предложенная тема является актуальной, так как изучение интертекста – одно из важных развивающихся направлений современной лингвистики. Цель предлагаемой статьи – проанализировать специфику внутритекстовых ссылок, определить их функции и рассмотреть особенности перевода на русский язык.

Для достижения обозначенной цели приведем ниже задачи исследования: 1) определить понятие «интертекстуальность»; 2) выбрать примеры интертекстуальных включений для дальнейшего анализа; 3) изучить и проанализировать особенности интертекстуальных включений и их перевод на английский язык.

Отметим, что наше исследование выполнено на материале произведений русской художественной литературы. Отбор примеров интертекстуальных включений осуществлен на материале таких произведений, как «Станционный смотритель» (А. С. Пушкин), «Герой нашего времени» (М. Ю. Лермонтов), «Горе от ума» (А. С. Грибоедов). В ходе исследования в указанных произведениях мы выбрали наиболее содержательные и интересные, с точки зрения дальнейшей интерпретации, примеры интертекстуальных включений, анализ которых приведем в настоящей статье.

Начнем с определения понятия интертекстуальности. Интертекстуальность – термин, введенный постструктуралистским теоретиком Юлией Кристевой [10, с. 122]. Под интертекстуальностью понимается «наличие маркированных или немаркированных форм включения текстов предшествующей и настоящей культуры в другой текст с целью его семантического и эмоционального обогащения» [8, с. 152].

Ученые, работающие в области анализа интертекстуальности, выделяют следующие виды интертекстуальных включений: заглавия, которые отсылают читателя к другому произведению, цитаты, аллюзии, реминисценции (воспоминания), эпиграфы, пересказ чужого текста, который автор включает в свое произведение, пародирование текстов, а также имена литературных героев произведений, пословицы, поговорки и другие.

Перейдем к следующему этапу исследования. Для реализации поставленных ранее задач рассмотрим примеры, иллюстрирующие применение интертекста. В некоторых случаях мы также обращаемся к Евангелие для поиска первоначальных значений этих включений.

Начнём с романа «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, где главный персонаж Печорин приводит цитату из произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «*Но смешивать два эти ремесла есть тьма охотников – я не из их числа*» [7, с. 119]. Эта цитата принадлежит герою стихотворной комедии Чацкому. В романе «Герой нашего времени» мы видим, что в стихе вместо «искусников» используется «охотников». В качестве интертекста здесь представлено цитирование, однако с небольшими изменениями. Смысл изречения – отказ делать разные вещи, часто взаимоисключающие, одновременно. Употребляя это высказывание, автор выражает отказ смешивать работу и веселье, в то время как в произведении М. Ю. Лермонтова смысл несколько иной. Здесь главный герой показывает неудовольствие от смешения двух напитков – вина и минеральной воды. Обратившись к переводу «Героев нашего времени», мы видим, что выше упомянутое вкрапление переведено следующим образом: «*And many are willing to mix the two, but that is a thing I never do*» [13, с. 114]. Переводчики постарались сохранить рифму и при этом использовали дословную передачу. Мы считаем этот перевод весьма удачным, поскольку он не только передает прямое послание автора, но и соответствует рифме оригинала.

Приведем следующий отрывок из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», где Чацкий цитирует поэта Г. Р. Державина: «*И дым Отечества нам сладок и приятен!*» [3, с. 275]. Однако углубившись в историю происхождения изречения, мы обнаружили, что мысль о сладости «дыма отечества» высказывалась еще поэтом Древней Греции Гомером. В поэме «Одиссея» говорится, что Одиссей был готов на смерть, лишь бы «*видеть хоть дым, от родных берегов вдалеке восходящий*» [1]. Интертекстуальная связь в этом случае представлена в виде скрытой аллюзии. В произведении А. С. Грибоедова сказанное передает тоску по Родине и ностальгию по былым временам. Обратимся к переводу «Горя от ума», выполненного российским поэтом-переводчиком А. С. Вагаповым. Интертекстуальное включение он перевел следующим образом: «*We're find the smoke of Homeland best*» [11]. Перевод не является дословным, а используется семантический (смысловой) эквивалент. На наш взгляд, такая передача не совсем точно отражает мысль, поскольку не все читатели смогут понять, какой «дым» имел в виду автор произведения. Мы предлагаем следующий вариант перевода: «*We find the spirit of our Homeland best*». Нам кажется такой вариант более удачным, поскольку рифма стиха не нарушена, но при этом иностранным читателям будет понятнее, что автор имел в виду дух Отечества.

В этом же произведении мы находим слова Фамусова, который, обращаясь к своей дочери, говорит: «*Где чудеса, там мало складу*» [2]. Цитата отсылает нас к балладе В. А. Жуковского «Светлана» [6, с. 55]. Используя цитату, отец высказывает свое отношение к французским романам о любви, которые читала Софья. В переводе А.С. Вагапова эти строки звучат как: «*Forget the miracles – they're all*

wrong» [11]. В данном случае, нам кажется, что применяемый семантический эквивалент точно отражает смысл оригинальной фразы.

В качестве следующего примера возьмем фрагмент из повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» из сборника «Повести Белкина» [9, с. 186]. Вырин называет свою дочь «*заблудшей овечкой*», что является отсылкой к притче «Блудный сын» [5, с. 400]. В современном языке данное словосочетание имеет следующий смысл: человек, ушедший в поисках новых впечатлений, в конце концов возвращается к прежней жизни. Интертекстуальное вкрапление представлено в виде библейской аллюзии. В обоих произведениях дети покидают своих родителей ради самостоятельной и независимой жизни. Разница состоит в том, что в притче сын вернулся к живому отцу, в то время как в повести дочь приезжает на могилу отца. Перевод данного словосочетания таков: «*Erring ewe-lamb*» [12, с. 12]. Примечательно, что в названии притчи на английском языке используется другое наименование «*The Parable of the Lost Sheep*», но переводчик им не воспользовался. Передача уменьшительно-ласкательных суффиксов действительно вызывает множество проблем, однако переводчик справился с задачей, используя слово *lamb* вместо *sheep* (*lamb* – это детеныш овцы).

Мы также находим примечательным поговорку «*Ум ума почитай*» [9, с. 178]. Вероятно, задумка автора была в том, чтобы показать его несогласие с высказыванием «*Чин чина почитай*». Интертекст здесь выступает в виде поговорки. Переводом на английский язык является следующий пример: «*Let rank honour rank*» [12, с. 3]. Переводчик использовал прием дословного перевода, который вполне отражает смысл слов автора.

Интересно в повести «Станционный смотритель», как рассказчик сравнивает смотрителя с персонажем из стихотворения И. И. Дмитриева «Карикатура» [4, с. 491]: «<...> *слезами, которые живописно отирал он своею полою, как усердный Терентич в прекрасной балладе Дмитриева*» [9, с. 190]. Включение представлено в виде точечной цитаты. Связь двух текстов просматривается также и в схожести сюжета. Вариант перевода на английский язык здесь представлен при помощи сравнения с *like*: «<...> *like the zealous Terentitch*» [12, с. 17], который мы находим весьма удачным.

Таким образом, проанализировав некоторые интертекстуальные включения, мы приходим к выводу, что их значения со временем не поменялись. Предтекстом выступили следующие источники: «Одиссея» (Гомер), «Карикатура» (И. И. Дмитриев), «Евангелие от Луки», «Светлана» (В. А. Жуковский), «Арфа» (Г. Р. Державин). Переводчики использовали различные методы перевода для передачи интертекстуальных включений, а именно: дословный перевод, семантический эквивалент, эквиритмичный перевод. Помимо передачи смысловой нагрузки, главной функцией интертекстуальных включений является функция экспрессивная, поскольку все анализируемые отсылки несут в себе эмоциональную нагрузку.

Список литературы

1. Гомер. Одиссея. М. : Правда, 1984. URL: http://az.lib.ru/g/gomer/text_0060.shtml (дата обращения: 10.02.2023).
2. Грибоедов А. С. Горе от ума. М. : Эксмо, 2021. 608 с.
3. Державин Г. Р. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1957. С. 275–276. URL: <https://rvb.ru/18vek/derzhavin/01text/104.htm> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1967. С. 491–501. URL: https://rvb.ru/18vek/dmitriev/01text/10unpubl_poems/196.htm (дата обращения: 10.02.2023).
5. Евангелие. 2000 лет в западноевропейском изобразительном искусстве. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. 608 с.

6. Жуковский В. А. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. Баллады. Поэмы и повести. М. ; Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. URL: <https://rvb.ru/19vek/zhukovsky/01text/vol2/01ballads/246.htm> (дата обращения: 10.02.2023).
7. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Стихотворения. Харьков : Фолио, 2012. 382 с.
8. Неровная М. А. Функциональные особенности исламских интертекстуальных включений в англоязычном художественном тексте и их перевод на русский язык (на материале романа Халеда Хоссейни «Тысяча сияющих солнц» / “A Thousand Splendid Suns”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3 (81), ч. 1. С. 152–155.
9. Пушкин А. С. Дубровский. Повести Белкина. М. : АСТ, 2019. 222 с.
10. Фомин К. А. Концепция интертекстуальности Ю. Кристевой как трансформация теории литературной традиции // Идеи и идеалы. 2015. № 3 (25), т. 2. С. 120–128.
11. Griboyedov A. S. Woe from wit (A Four-Act Comedy) / translated by A. S. Vagapov. 2012. URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a/woe-corr.shtml (дата обращения: 10.02.2023).
12. The Postmaster. Lingua Booster. Изучение иностранных языков. 2021. URL: <https://linguabooster.com/ru/en/book/postmaster> (дата обращения: 10.02.2023).
13. Wisdom J. H., Murray M. A Hero Of Our Time / translated From The Russian of M. Y. Lermontov. 2013. URL: <https://liteka.ru/english/library/1043-a-hero-of-our-time#1> (дата обращения: 10.02.2023).

Информация об авторе: *Курыгина Ирина Олеговна*, студентка Московского государственного областного педагогического университета (г. Мытищи, Россия).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *ДОРОГА* В ТВОРЧЕСТВЕ НАТАЛЬИ О’ШЕЙ

Н. В. Лукина

г. Пермь, Россия
lukina.71@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются поэтические тексты Натальи О’Шей в аспекте выявления лексических средств репрезентации концепта *ДОРОГА*. Концепт *ДОРОГА* интересен с точки зрения его семантической структуры и представления в индивидуально-авторской картине мира разных писателей и поэтов, поскольку различные аспекты понятия *ДОРОГА* постоянно присутствуют в повседневной жизни людей. Исследуются основные значения концепта и лексические средства его репрезентации в творчестве одного из современных поэтов.

Ключевые слова: концепт, дорога, репрезентация, индивидуально-авторская картина мира

Для цитирования: Лукина Н. В. Лексические средства репрезентации концепта *ДОРОГА* в творчестве Натальи О’Шей // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 337–342.

Творчество Хелависы (Натальи О’Шей) привлекает исследователей оригинальностью текстов, в которых можно встретить реалии, заимствованные из мифов, легенд, сказок, кельтских народных песен, средневекового эпоса и переосмысленные автором. Существует немало работ, посвященных исследованию

творчества Хелависы как в языковедческом, так и в литературоведческом аспектах. Например, было описано семантическое поле «растения» в текстах песен (Хусаинова, Осетрова), рассмотрено понятие «смерть» в мифопоэтической картине мира (Холина, Тер-Оганова), литераторы посвятили свои работы мифопоэтическому компоненту в поэзии Хелависы (Дробышева), мифологическим образам в текстах отдельных песен (Любарский).

Индивидуально-авторская картина мира Хелависы, представленная в ее творчестве, является далеко не изученной, что открывает перед исследователями широкое поле деятельности. В частности, представляет интерес репрезентация концепта ДОРОГА в поэтических текстах Натальи О'Шей.

«Концепт ДОРОГА (ПУТЬ) представляет собой один из наиболее значимых архетипов в мировой литературе: вся совокупность понятий, образов, символов, мифов, связанных с универсумом дороги, является базой для его концептуализации» [3, с. 87]. Образ дороги встречается в произведениях великих мастеров слова. Это и «Одиссея» Гомера, «Божественная комедия» Данте, «Дон Кихот» Сервантеса и многие другие произведения.

Концепту ДОРОГА в русской языковой картине мира посвящены исследования Красных В. В., Волошиной С. В., Толстовой М. А., Бабыкиной Н. Н., Дрыга С. Г., Ерохиной Ю. Е., Ляшенко Н. А., Арутюновой Н. Д., Караулова Ю. Н., Уфимцевой Н. В. и многих других авторов. Концепт ДОРОГА – один из самых значимых в русской языковой картине мира, он встречается в мифопоэтических, религиозных текстах, в пословицах, поговорках, фразеологических единицах, сказках, заговорах и т.п. Важность данного концепта для русской языковой картины мира показывают всевозможные пословицы, поговорки, устойчивые сочетания слов: *дорога жизни, жизненный путь, последний путь, скатертью дорога, прокладывать дорогу; дорогу осилит идущий; по плохой дороге далеко не уедешь* и т.п.

Концепт ДОРОГА является одним из самых значимых концептов в индивидуально-авторской картине мира Натальи О'Шей, практически все тексты, проанализированные в ходе данного исследования, содержат мотив дороги, даже в том случае, если нет прямых высказываний об этом. Ю. С. Степанов отмечает, что концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека, и тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [5, с. 43].

Основным репрезентантом концепта в текстах Хелависы является лексема *дорога* (45) и ее синоним *путь* (18). Кроме того, нами встречены лексема *тропа* (3) и ее производное *тропинка* (4). Лексема *дорога* является самой употребительной в исследованных нами текстах, на наш взгляд, это можно объяснить значимостью данной лексемы для объективации концепта ДОРОГА.

Лексему *дорога* встречаем в названиях некоторых песен: «Дорога сна», «Господин горных дорог», «Дороги», «Дорога в огонь». Это говорит о том, что данные тексты не просто содержат мотив дороги, дорога здесь – это и жизнь, и смерть, и любовь, и подвиг.

В текстах Хелависы номинации дороги связаны с их разными характеристиками. Так, анализ материала позволил определить, что языковую объективацию получают следующие признаки: 1) субъект пути, 2) время пути, 3) характеристика пути, 4) место пролегания дороги, 5) средство и способ передвижения, 6) сопутствующие природные явления, 7) волшебные существа, встреченные на пути.

Субъект пути – 1) странник, который приходит ниоткуда, уходит в никуда, вечный странник, 2) бродяга, 3) всадник, 4) кто-то, идущий с определенной целью:

1) Из-за дальних морей, из-за граней добра и зла
Он пришел в этот город, окутан вечерней мглой. («Черный дрозд»)

2) Доли **бродяжьей** мне ли не знать –
Горный ручей да краюшка луны,
Может, в пути суждено мне пропасть,
Только твоей в том нету вины. («Бродяга»)

3) Там, за третьим перекрестком, и оттуда строго к югу,
Всадник с золотой саблей в травы густо сеет звезды.
Слышишь? Гроздьями роняет небо из прорех зерно стальное,
Горные лихие тропы покрывая пеленою. («Дороги»)

4) **Он** шел ночью, порой ночную
За темной рекою, за быстрой водою.
Не знал укора, не знал покоя,
За желтой луною, за ней, вороною. («Ночная кобыла»)
Кроме того, субъектом пути может быть призрак:
По Дороге Сна – прищипорь коня; здесь трава сверкнула сталью,
Кровью – алый цвет на конце клинка.
Это для тебя и для меня – два клинка для тех, что стали
Призраками ветра на века. («Дорога сна»)

Или им может быть дух погибшего война, который беседует со своей возлюбленной:

Словно раненый зверь, я бесшумно пройду по струне;
Я не стою, поверь, чтоб ты слезы лила обо мне,
Чтоб ты шла по следам моей крови во тьме – по бруснике во мхе
До ворот, за которыми холод и мгла, – ты не знаешь,
там холод и мгла. («Воин вереска»)

Время пути – это может быть вечер, рассвет, ночь. Причем указанием может служить не конкретная номинация, а описание явлений, свойственных этому времени суток.

1) **К западу солнце, восходит луна** –
День уходящий неслышно проводит.
Вереск **темнеет**, и **ночи стена**
Нас разделяет, скрывает, уводит. («Вереск»)

2) **Закат раскинулся** крестом поверх долин вершины грез;
Ты травы завязал узлом и вплел в них прядь моих волос.
Ты слал в чужие сны то сумасшедшее видение страны,
Где дни светлы от света звезд («Господин горных дорог»).

Кроме того, в текстах Хелависы возможно указание на то, что путь протекает в другом времени, не в настоящем, а в далеком прошлом, в Средневековье. Указание на это находим в понятиях города Мемфис и Фивы, полководец Тамерлан, менестрель и др.

Идет ли поезд в синий замшевый **Мемфис**
С центральной станции стовратных **Фив**?
Идет ли поезд прямо в миф?.. («Поезд на Мемфис»)

Характеристика пути включает такие признаки, как *одинокий, странный, трудный, узкий (путь), забытые, разбитые, дальние (дороги), долгая, длинная, пыльная (дорога), горные, лихие, прямые (тропы, тропинки).*

Никогда не сходи ты с тропинки **прямой**,
Не снимай в пути кольцо с руки.
Не ступай за порог над холодной водой,

Береги себя, береги.

Береги себя... («Береги себя»)

Место пролегания дороги. Это может быть *суша, цветущие долины, лес, море, камни, обрыв, степь, холмы и даже железная дорога (шпалы)*. Но чаще всего местом пути являются *горы*.

*Господином **Горных Дорог** назову тебя;*

Кто сказал, что холоден снег?

Перевал пройду и порог, перепутье,

Перекрестье каменных рек. («Господин горных дорог»)

Средством передвижения может быть *конь, корабль, поезд, ладья*. Иногда его может не быть совсем.

*По Дороге Сна – пришпорь **коня**; здесь трава сверкнула сталью,*

Кровью – алый цвет на конце клинка («Дорога сна»).

В некоторых текстах особенностью репрезентации концепта является перемещение из средневековья в будущее. В связи с этим в песне появляется уже движение на поезде:

***Поезда** уходят в ночь по расписанию,*

Избегая мимолетного касания,

Где над бездною звезд без дна –

Знать бы мне все их имена

И помнить вкус без воздуха, без звука,

Даже без дыхания («Марсианский экспресс»).

Он украл с неба ясный месяц

*И спустил **ладью** на волны;*

Он приходит с ночным приливом,

У него весло из оливы («Сказка о Дьяволе»).

Способ перемещения по дороге в случае отсутствия средства передвижения представлен такими лексемами, как *идти пешком (шагать), ехать, умчаться, вести, отправиться, добраться (достичь), плыть, лететь*.

*Он **шёл** ночью, порой ночью*

За тёмной рекою, за быстрой водою («Ночная кобыла»).

Перемещаться можно, имея средство передвижения или не имея его. Данный признак входит в состав таких понятий, как *мчаться («очень быстро ехать, бежать, нестись»)*, *плыть, отправиться («поехать, пойти, направиться в путь»)* и др.

В бокале плещет влага хмельного серебра,

Один глоток – и нам пора

***Умчаться** в вихре по Дороге Сна! («Дорога сна»)*

В дороге путника сопровождают различные природные явления. Это может быть *гроза, гром, дождь, туман, облака, вихрь, ветер*. Отметим, что последний является самым частым попутчиком в дороге.

На чужих берегах – переплетение стали и неба,

В чьих-то глазах – переплетение боли и гнева;

*Эй-ох! – взрезаны **вихри** узорами крылий;*

*В вое **ветров** мы слышали песни последних валькирий («На север»).*

*Господином **Горных Дорог** назову тебя, облака*

*Кружат стаяй перед **грозой**.*

Наша кровь уходит в песок, позабудь её, и она

Прорастет тугою лозой («Господин горных дорог»).

*У ладьи моей на мачтах белы и багряны паруса,
А с бортов у носа смотрят зоркие зеленые глаза:
Видят рифы, смерчи, мели, видят сквозь туман
И чужую параллель, и наш меридиан,
И прямой попутный ветер.
В белых и багряных парусах («Океан»).*

Особое место в индивидуально-авторской картине мира автора занимают всевозможные волшебные существа, которых путник может повстречать на своём пути:

*Ай, то не пыль по лесной дороге стелется.
Ай, не ходи да беды не трогай, девица.
Колдовства не буди,
Отвернись, не гляди –
Змей со змеей женятся («Невеста полоза»).*
*Зов крови
На броне драконьей
Полыхнуло солнце
Зов крови
Давно ли ты понял
Что никто не вернется («Зов крови»).*

Особое влияние кельтской мифологии можно проследить на примере текста песни «Ночная кобыла». В германских и кельтских мифах белые лошади играют большую роль, так как переносят души из одного мира в другой. В частности, белые (серые) кобылы упоминаются и в мифах, и в фольклоре. Английское слово *nightmare* – «кошмар» можно дословно перевести как *ночная кобыла*. Это значение мотивировано верой в то, что кобылица увозит человеческую душу во время сна. Именно такую лошадь преследует и находит лирический герой песни:

*Искал кобылу, нашел кобылу,
Как ночь сулила, весна молила;
Пружинил силы сквозь мрак ревнивый,
Связал кобылу ее же гривой («Ночная кобыла»).*

Таким образом, восприятие дороги в песнях Натальи О'Шей частично совпадает с общеязыковыми представлениями русского человека о дороге, но имеет особенности, среди которых можно выделить связь дороги со временем и образами Средневековья, а также влияние кельтских мифов на индивидуально-авторскую картину мира поэтессы.

Список литературы

1. Дробышева Е. К. Мифопоэтический компонент и его функции в лирике А. Васильева и Н. О'Шей // Филологические открытия : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-метод. конф. Владивосток, 2019. С. 202–206.
2. Дрыга С. Г. Концепт «Путь» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Кубанский государственный университет. Ставрополь, 2010. 24 с.
3. Ерохина Ю. Е. Репрезентация концепта ДОРОГА в художественной картине мира Джейн Остин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 10. С. 87–91.
4. Любарский Л. В. Мифологические образы в рок-поэзии Хелависы (Натальи О'Шей) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 36–47.

5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд, испр. и доп. М., 2001. 989 с.

6. Холина Д. А., Тер-Оганова Е. Г. Концептуализация смерти в мифопоэтической картине мира современной русской рок-поэзии (на примере творчества группы «Мельница») // Язык, коммуникация и социальная среда. 2012. № 10. С. 257–272.

7. Хусаинова Д. В., Осетрова О. И. Сематическое поле «растения» в творчестве Н. А. О'Шей // Учёные записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Сер. Лингвистика. 2020. Вып. 1 (25). С. 37–40.

Информация об авторе: *Лукина Наталья Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь, Россия).

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВА *СЧАСТЬЕ* В СТИХОТВОРЕНИЯХ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

А. О. Лушковская

г. Гомель, Республика Беларусь
lushkovskaya@bk.ru

Аннотация. Анализируются особенности употребления слова *счастье* в стихотворениях Сергея Есенина. Выявляется сочетаемость данного слова, отмечаются синонимичные и антонимичные номинации. Рассмотрение авторской интерпретации слова *счастье* в контекстах произведений позволяет проследить взаимосвязь значений этого слова и представлений о феномене счастья в языковой картине мира С. Есенина.

Ключевые слова: семантика, счастье, лексико-семантическое поле, языковая картина мира

Для цитирования: Лушковская А. О. Об употреблении слова *счастье* в стихотворениях Сергея Есенина // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 342–346.

Во многих лирических произведениях С. А. Есенина выражается мысль о том, что человеческое счастье заключено в красоте окружающего мира во всех его проявлениях, в тех мелочах, которые окружают в повседневности, в самом существовании человека.

В толковом словаре слово *счастье* реализуется в двух значениях: ‘чувство и состояние полного, высшего удовлетворения’ и ‘успех, удача’ [1, с. 783]. Рассмотрим примеры употребления слова *счастье* в есенинских стихах, в которых выражается авторская позиция по отношению к *счастью*.

Вот оно, глупое счастье, / С белыми окнами в сад! / По пруду лебедем красным / Плавает тихо закат (стихотворение «Вот оно, глупое счастье...») [2, с. 104]. Как правило, номинация *глупый* имеет отрицательную семантику, которая обнаруживается в значениях ‘выражающий умственную ограниченность, отсутствие ума’ или ‘свидетельствующий о недостатке ума, лишенный разумной содержательности, целесообразности’ [1, с. 133]. Однако в данном случае, на наш взгляд, это слово приобретает значение, близкое к нейтральному (‘наивный

вследствие недостатка знаний или жизненного опыта' [1, с. 133]) и употребляется в разговорном стиле. Синонимами к этому прилагательному будут слова *наивный, нехитрый, простодушный*, которые также лишены какой-либо отрицательной коннотации.

Завершает данное стихотворение строфа *Стелется синюю рясой / С поля ночной холодок... / Глупое, милое счастье, / Свежая розовость щёк!* [2, с. 104], в которой слово *глупое* стоит в однородном ряду с согласованным определением *милое*. Все значения прилагательного *милый* имеют ярко выраженную положительную окраску: 'располагающий к себе; славный, хороший', 'близкий сердцу; родной, дорогой', 'приятный на вид, доставляющий удовольствие' [1, с. 356]. Таким образом, слово *счастье* в данном случае сочетается с определениями, имеющими исключительно позитивную семантику.

Рассмотрим фрагмент стихотворения «Ты такая ж простая, как все...»: *Потому и себя не сберег / Для тебя, для нее и для этой. / Невеселого счастья залог – / Сумасшедшее сердце поэта* [2, с. 142]. Прилагательное *невеселый* имеет значение 'доставляющий неудовольствие, вызывающий грусть, печаль, неприятный' [1, с. 401]. В этом контексте можно обратить внимание на словосочетание *залог счастья*. Существительное *залог* употреблено здесь в переносном значении 'свидетельство, доказательство, обеспечение чего-л.; ручательство в чем-л.' [1, с. 210]. При этом наблюдается отсутствие позитивного восприятия слова *счастье*, которое сближается с такими состояниями, как грусть, одиночество, душевная боль).

В стихотворении «Свищет ветер, серебряный ветер...» счастье представлено как «людское» явление, то есть как состояние, свойственное разным людям: *О, мое счастье и все удачи! / Счастье людское землей любимо. / Тот, кто хоть раз на земле заплачет, – / Значит, удача промчалась мимо* [2, с. 200]. Словосочетание *счастье людское* употребляется в различных пословицах, цитатах и произведениях русских писателей. При этом понятие «счастье людское» обозначено как нечто очень ценное, но при этом недоступное и зачастую изменчивое. В данном контексте слово *счастье* стоит в однородном ряду с существительным *удача*, которое употреблено во множественном числе, что не характерно для отвлеченных существительных. Под удачей принято понимать 'совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай, желательный исход дела; счастье, везение' [1, с. 826]. При этом дополнительным оттенком значения слова *удача* будет 'возникшее в результате случайного, непредсказуемого или не учитываемого стечения обстоятельств в жизни человека', в отличие от счастья, элемент случайности и непредсказуемости играет важную роль.

Кроме существительного *удача*, слово *счастье* тесно сопоставлено в некоторых есенинских стихах с существительным *радость*: *Снежная замята крутит бойко, / По полю мчится чужая тройка. / Мчится на тройке чужая младость. / Где мое счастье? Где моя радость?* [2, с. 195] (стихотворение «Снежная замята крутит бойко...»). Радость является одной из основных положительных эмоций человека, так как это – 'внутреннее чувство удовлетворения, удовольствия и счастья, является положительной внутренней мотивацией человека' [1, с. 640]. Слово *радость*, как и *счастье*, является «высоким» чувством, душевным, в отличие от *удовольствия* или *наслаждения*, несмотря на обнаруживаемую семантическую схожесть. Для лирического героя поиск счастья и радости имеет большое значение, это выражается в употреблении притяжательного местоимения *мой*. Счастье в этом случае словно конкретизируется, «опредмечивается», а выраженный здесь же мотив быстрого передвижения (*мчится на тройке чужая младость*) способствует восприятию счастья как изменчивого, преходящего состояния.

В своих стихотворениях Сергей Есенин воспевал счастье как наивысшую ценность человека, связывая его с домом, семьёй, любовью, однако «сочиня трогательные стихотворные послания матери, сестре, деду, Есенин до конца жизни не имел собственного дома и настоящей семьи» [4, с. 23].

В стихотворении «Глупое сердце, не бейся!» также описывается поиск человеческого счастья: *Многие видел я страны. / Счастья искал повсюду, / Только удел желанный / Больше искать не буду* [2, с. 189]. Кроме этого, даётся авторское понимание счастья и авторское определение его как *желанного удела*. Слово *удел* в значении ‘часть, доля, данная, уделенная кому-н. (старин.)’ [1, с. 826] не употребляется в современной речи, если и используется, то встречается в поэтических текстах. *Счастье* обозначается как *желанный удел*, то есть ‘такой, которого желают, к которому стремятся’ [1, с. 826]. Дополнительное значение желанности счастья находит свое отражение во многих лирических произведениях.

Кроме выявленных дополнительных значений, связанных с употреблением в поэтической речи слова *счастье*, можно выделить значение двойственности и обманчивости, что можно увидеть в первой строке есенинского стихотворения «Глупое сердце, не бейся!»: *Глупое сердце, не бейся! / Все мы обмануты счастьем, / Нищий лишь просит участия... / Глупое сердце, не бейся* [2, с. 189]. Глагол *обмануть*, от которого образовано краткое страдательное причастие прошедшего времени *обманутые*, имеет несколько значений: ‘намеренно ввести кого-л. в заблуждение, сказав неправду или прибегнув к какой-л. уловке, хитрости, притворству и т. п.’, ‘поступить недобросовестно, нечестно по отношению к кому-л., прибегнуть к жульничеству, обману с целью выгоды, наживы’ [1, с. 431]. Это основные его значения, но в данном случае рассматриваемый глагол используется в переносном значении ‘не оправдать (чьих-либо надежд, ожиданий)’ [1, с. 431]. Субъектом неоправданных надежд и ожиданий выступает непосредственно слово *счастье*.

Желание достижения счастья обманным и нечестным путем наблюдается в строках стихотворения «Матушка в Купальницу по лесу ходила...»: *Вырос я до зрелости, внук купальской ночи, / Сутемень колдовная счастье мне пророчит. / Только не по совести счастье наготове, / Выбираю удалю и глаза и брови* [2, с. 36]. На то, что такое счастье в этом случае имеет негативные ассоциации, указывают слова *сутемень, колдовная, не по совести*. В русском языке известно устаревшее слово *сутемень*, которое обозначает сумрак или полумрак. Прилагательное *колдовная* можно рассмотреть как авторскую номинацию, аналогичную общеупотребительному слову *колдовской* ‘подверженный магическим приемам, с помощью которых, по суеверным представлениям, можно воздействовать на людей и природу’ [1, с. 282]. Словосочетание *пророчит счастье* означает ‘предсказывать, предвещать счастливую судьбу’ и, поскольку оно связано с предсказаниями, гаданиями, ворожбой, также связано с чем-то тайным, запретным, потусторонним.

В стихотворениях Сергея Есенина поиск счастья нередко заканчивается или ассоциируется с гибелью и утратой. Рассмотрим несколько контекстов, которые иллюстрируют данное утверждение: *Не гляди на её запястья / И с плечей её льющийся шёлк. / Я искал в этой женщине счастья, / А нечаянно гибель нашёл* [2, с. 130] (стихотворение «Пой же, пой! На проклятой гитаре»). Как и в стихотворении «Глупое сердце, не бейся», мы снова встречаем словосочетание *искать счастье*. При этом глагол *искать* в толковом словаре имеет значение ‘стараться найти, обнаружить что-л. спрятанное, потерянное, скрытое’ [1, с. 251]. Слово *счастье* выступает в этом значении как нечто спрятанное, потерянное или скры-

тое, что подтверждает то, что дополнительное значение *счастья* с точки зрения народных представлений – неуловимость, недостижимость, скрытость. Счастье выступает как заветная мечта, к которой стремится каждый человек, но не всегда получает желаемое. В данном стихотворении указывается определенный объект, в котором осуществляется поиск счастья и который может его дать – женщина. Обнаруживается необходимость гармонии и присутствия в жизни человека любви и счастья.

Слово *счастье* в стихотворениях Сергея Есенина окружено трагическим ореолом, поскольку сближается со смертью. Рассмотрим строфу в стихотворении «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»: *Прощай, Баку! Синь тюркская, прощай! / Хладеет кровь, ослабевают силы. / Но донесу, как счастье, до могилы / И волны Каспия, и балаханский май* [2, с. 160]. Слово *счастье* включено в состав сравнительного оборота с союзом *как*. С одной стороны, существительное *могила* явно указывает на сопоставление счастья со смертью, так как обозначает яму для погребения умершего человека, а с другой стороны, *могила* может просто указывать на физическое завершение человеческой жизни: до (самой) могилы – до самой смерти.

Обратим также внимание на строки стихотворения «Пушкину»: *А я стою, как пред причастьем, / И говорю в ответ тебе: / Я умер бы сейчас от счастья, / Сподобленный такой судьбе* [2, с. 149]. Устойчивое сочетание *умереть от счастья* нередко встречается в русской лингвокультуре и обозначает ‘наивысший пик наслаждения и радости’, оно не несёт в себе отрицательной семантики, несмотря на употребление глагола *умереть*, который обозначает уход из жизни. В данном стихотворении слово *счастье* по значению уподобляется существительному *судьба* – ‘складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств (по суеверным представлениям – сила, предопределяющая всё, что происходит в жизни)’, а также ‘участь, доля, жизненный путь’ [1, с. 778]. Это говорит о том, что слово *счастье* наделяется силой, неподвластной решениям или действиям человека. Наличие или отсутствие счастья – индивидуальная участь каждого человека.

В стихотворении «Исповедь самоубийцы» для рассмотрения нашей темы представляют интерес следующие строки: *Своею гордою душой / Прошел я счастьем стороной. / Я видел пролитую кровь / И проклял веру и любовь* [3, с. 150]. Данное произведение было написано Сергеем Есениным под впечатлением от жизни в Москве в 1915 году. Именно тогда поэт начал отождествлять себя с самоубийцей – человеком, который ради какой-то идеи добровольно отказывается от жизни и счастья.

Глагол *пройти* является многозначным, в данном случае он используется в устойчивом сочетании *пройти (обходить) стороной*. Причину в этом лирический герой видит в гордости. Существительное *гордость* обозначает не только ‘чувство собственного достоинства, самоуважения’ или ‘чувство удовлетворения от сознания достигнутых успехов, чувство своего превосходства в чем-л.’ [1, с. 138], но и отрицательное личностное качество, обозначающее ‘чрезмерно высокое мнение о себе и пренебрежение к другим; заносчивость, высокомерие’ [1, с. 138]. В данном случае *гордость* является причиной исчезновения счастья и используется в последнем из указанных значений.

Утрата счастья метафорически сравнивается с «пролитой кровью». *Пролить кровь* является устойчивым сочетанием, которое в русском языке реализует следующие негативно-оценочные значения: ‘погибнуть, пострадать, защищая кого-нибудь, что-нибудь’; ‘убить кого-нибудь’ [1, с. 614].

В стихотворении «Исповедь самоубийцы» слово *счастье* по смыслу сближается с существительными *любовь* и *вера*. *Любовь* рассматривается здесь как философская категория, в виде субъектного отношения, интимного избирательного чувства, направленного на предмет любви. *Любовь* выступает важнейшим субъективным индикатором счастья. Слово *вера* употребляется в трех своих основных значениях: ‘твердая убежденность, уверенность в чем-л., в исполнении чего-либо’, ‘состояние сознания, связанное с признанием существования Бога, убеждения в реальном существовании чего-либо сверхъестественного’; кроме того, это слово имеет устаревшее значение ‘доверие’ [1, с. 74]. Слово *счастье* в этом случае включает в себя дополнительные семантические оттенки уверенности и стабильности.

В стихотворении «Собаке Качалова» слово *счастье* используется в составе предложно-падежного сочетания *на счастье*: *Дай, Джим, на счастье лапу мне, / Такую лапу не видал я сроду. / Давай с тобой полаем при луне / На тихую, бесшумную погоду* [2, с. 155]. В русском языке оборот *на счастье* употребляется в значении ‘чтобы была удача, чтобы повезло (при помощи кого-чего-нибудь)’ [1, с. 783]. Слово *счастье* в таком контексте и в таком выражении приобретает значение существительных *удача*, *везение*. Удачей принято считать позитивно воспринимаемое событие, возникшее в результате случайного, непредсказуемого или не учитываемого стечения обстоятельств в жизни человека, синонимы: везение, частично, шанс, счастье. Также слово *удача* может обозначать желательный исход какого-либо события или действия, особенно в ситуациях, когда он не (полностью) зависит от действий или решений затронутой личности.

Во всех рассматриваемых контекстах слово *счастье* имело значение ‘состояние высшей удовлетворенности жизнью, чувство глубокого довольства и радости, испытываемое кем-л.’ [1, с. 783]. Рассматриваемая номинация в большинстве стихотворений Сергея Есенина наполнена позитивным содержанием, поскольку она используется для обозначения состояния полного удовлетворения. Отрицательные коннотации данного слова в лирических произведениях Сергея Есенина связаны с тем, что счастье бывает обманчиво и изменчиво, нередко необходимым условием его достижения бывает несчастье. Если счастье не достигается, то возможным итогом будет смерть. Поэтому лексико-семантическая наполняемость слова *счастье* в произведениях Сергея Есенина проявляется разнообразно: радость, любовь, удача, судьба, обман, боль, смерть.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Есенин С. А. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы / слово о поэте Ю. В. Бондарева ; сост. и коммент. Ю. Л. Прокушева. Минск : Маст. літ., 1992. 480 с.
3. Есенин С. А. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2. Стихотворения. Проза. Статьи. Письма / сост. и коммент. Ю. Л. Прокушева. Минск : Маст. літ., 1992. 384 с.
4. Сергей Есенин в стихах и жизни: воспоминания современников / сост. и общ. ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. М. : Терра, 1997. 590 с.

Информация об авторе: *Лушковская Анна Олеговна*, магистрант Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь).

ТЫПЫ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ У ПРОЗЕ ЯДВІГІНА Ш.

Л. М. Мазуркевіч

*г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь
Sidora-71@tut.by*

ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОЗЕ ЯДВИГИНА Ш.

Л. Н. Мазуркевич

*г. Мозырь, Республика Беларусь
Sidora-71@tut.by*

Анотацыя. Разгледжаны асобныя тыпы ўстойлівых спалучэнняў, прадстаўленых у мастацкіх тэкстах вядомага беларускага аўтара Ядвігіна Ш., творчасць якога аказала значны ўплыў на фарміраванне норм беларускай літаратурнай мовы, удасканаленне сістэмы яе стылістычных сродкаў. Фразеалагізмы, з’яўляючыся дастаткова выразным моўным знакам, уяўляюць сабой складаныя адзінкі, якія спрыяюць раскрыццю вобразна-мастацкага свету пісьменніка і падкрэсліваюць адметнасці яго ідыястылю.

Ключавыя словы: фразеалагічныя адзінкі, фразеалагічныя адзінствы, фразеалагічныя спалучэнні, фразеалагічныя выразы, тыпы фразеалагізмаў, устойлівыя спалучэнні, проза

Анотацыя. Рассмотрены отдельные типы устойчивых сочетаний, представленных в художественных текстах известного белорусского автора Ядвигина Ш., творчество которого оказало значительное влияние на формирование норм белорусского литературного языка, совершенствование системы его стилистических средств. Фразеологизмы, являясь достаточно выразительным языковым знаком, представляют собой сложные единицы, которые способствуют раскрытию образно-художественного мира писателя и подчёркивают особенности его идиостиля.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения, типы фразеологизмов, устойчивые сочетания, проза

Для цитирования: Мазуркевіч Л. М. Тыпы фразеалагізмаў у прозе Ядвігіна Ш. // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 347–350.

Моўная палітра твораў Ядвігіна Ш. характарызуецца ўжываннем разнастайных сродкаў мастацкай выразнасці, у ліку якіх адметнае месца займаюць фразеалагічныя адзінкі, што характарызуюць мову персанажа ці ўласна аўтара. Як трапна адзначае беларуская даследчыца В. А. Ляшчынская: “Фразеалагізмы адносяцца да адзінак мовы, якія валодаюць не толькі ўнікальнай семантыкай і, як правіла, экспрэсіўнасцю, эмацыянальна-ацэначным характарам, але і нясуць у сабе закадзіраваную інфармацыю пра нацыянальна-культурны светапогляд народа, яго ўнікальныя духоўныя і культурныя адметнасці” [3, с. 116–117].

Сярод устойлівых спалучэнняў, прадстаўленых у прозе Ядвігіна Ш., фіксуюцца розныя тыпы іх. Найперш выдзяляюцца адзінкі паводле семантычнай сувязі са словам. Навукоўцамі адзначаецца, што ў акрэсленым аспекце традыцыйна сведчыцца тры групы фразеалагізмаў: 1) суадносныя са словам, 2) несуадносныя са словам, 3) эквівалентныя слову [1, с. 262]. Такі падзел абумоўлены здольнасцю фраземы не толькі называць, але і адначасова

характарызаваць пэўныя дзеянні, прадметы, з'явы і інш. Напрыклад, у ліку фразеалагізмаў, суадносных са словам, можна акрэсліць наступныя: *лезці ў вочы* 'міжвольна запыняць на сабе чыю-небудзь увагу, быць асабліва прыкметным': "*Лепш, – кажса, – з'ехаць мне на край свету, чымся маюць тут мяне пальцамі вытыкаць ды ў вочы лезці*" [4, с. 124]; *валіцца з рук* 'не ісці на лад, не ладзіцца, не выходзіць як след': *...а кожная работа, за якую бы ні браўся, так не спорылася, што проста з рук валілася* [4, с. 104]; *вачам не даваць веры* 'вельмі здзіўляцца, убачыўшы што-небудзь нечаканае': *Гляджу і вачам сваім веры не даю: недалёка дворнага млынка тырчыць угару агромністы фабрычны комін* [4, с. 193]; *скрыгатаць зубамі* 'быць нечым не задаволеным, не згаджацца з чым-небудзь': *Прыйшлося і шапкі скінуць і – хоць мо зубамі скрыгаталі, але трэба было прастаяць ціха да канца паніхіды і таксама нібыта маліцца* [4, с. 201]; *збіць з тоўку* 'няправільна нешта казаць каму-небудзь, даваць няправільныя парады': *Ажно тут новы выпадак, яшчэ паважнейшага складу, саўсім ужо збіў з тоўку ворагаў студэнтаў* [4, с. 201]. Варта адзначыць, аднак, што ў кожным з разгледжаных прыкладаў семантычныя аб'ёмы слоў і фразеалагізмаў не супадаюць.

У залежнасці ад ступені семантычнай цэласнасці кампанентаў фразеалагізма лінгвістам В. У. Вінаградавым выдзелены фразеалагічныя зрашчэнні, фразеалагічныя адзінствы і фразеалагічныя злучэнні. Фразеалагічныя зрашчэнні ў прозе Ядвігіна Ш. прадстаўлены адзінкамі тыпу *чортам падшыты* 'непаседлівы, вяртлявы', *каса на камень* 'сутыкнуліся розныя непрымірымых погляды, інтарэсы, характары і падобнае', *не дам рады* 'не спраўляцца з кім-, чым-небудзь', *дзяру ва ўсе лапаткі* 'уцякаць што ёсць моцы', *даваў драпака* 'хутка ўцякаць, кідацца на ўцёкі', *сеяць макам* 'падрабязна расказваў нешта', *сесці макам* 'пацярпеўшы няўдачу аказацца ў няёмкім, смешным становішчы', *звязваць канцы з канцамі* 'сяк-так перабівацца, ледзь-ледзь задавальняць свае патрэбы' і інш.

Большасць выяўленых у тэкстах пісьменніка фразеалагізмаў адносіцца да фразеалагічных адзінстваў, цэласнасць якіх матывавана словамі-кампанентамі, што ўключаюцца ў іх склад. Акрэсленыя адзінствы з'яўляюцца мастацкім сродкам раскрыцця вобразаў праз мову герояў, іх учынкi, што дапамагаюць дэталёва апісаць характары, падзеі і з'явы: *звязвала ёй рукі* 'пазбаўляць магчымасці свабодна дзейнічаць', *круціць носам* 'важнічаць, выказваючы незадавальненне', *няма як вочаў паказаць* 'не прыходзіць куды-небудзь, не з'яўляцца дзе-небудзь', *за бакі браўся* 'вельмі моцна і доўга, да знямогі пасмяяцца', *адкрываць карты* 'дазнацца аб усім раней невядомым', *малоць языкамі* 'гаварыць абы-што, без толку; балбатаць', *дыхнуць не давалі* 'не даваць спакою', *скура трашчыць* 'вельмі жадаць чаго-небудзь' і г.д. Відавочна, што ў фарміраванні фразеалагічных адзінстваў удзельнічае не толькі метафарызацыя, але і мастацкія прыёмы тыпу гіпербалы ці літоты. Асобныя фразеалагічныя адзінствы прадстаўлена застылымі параўнаннямі са злучнікамі *як*: *як сыр у масле* 'жыць у дастатку, у раскошы', *як ката ў мяху* 'той ці тое, пра вартасці якога нічога не ведаеш загадзя', *як у гарачы* 'быць устрывожаным, вельмі ўзбуджаным', *як тая свечка згас* 'пра чалавека, які вельмі аслаб, захварэў', *гнаў як на пажар* 'вельмі хутка, паспешна'.

Значна менш фіксуецца фразеалагічных злучэнняў – двухкампанентных устойлівых словазлучэнняў, дзе адно слова мае звычайнае, свабоднае значэнне, што выяўляецца толькі ў спалучэнні з адным ці некалькімі строга акрэсленымі словамі: *брацца за работу* 'брацца за справу', *вокам не сцягнеш* 'позіркам не сцягнеш', *дайсці да ладу* 'дагаварыцца, паразумецца з кім-небудзь', *кінуўся без агляды* 'вельмі хутка, як толькі можна (бегчы, імчацца)' і г.д.

Паводле свайго катэгарыяльнага значэння большасць фразеалагізмаў суадносіцца з рознымі часцінамі мовы. Суадносячы фразеалагізм з пэўнай

часцінай мовы, карыстаюцца комплексным падыходам, улічваючы тры паказчыкі: семантычны, марфалагічны і сінтаксічны [2, с. 99]. Семантычны паказчык грунтуецца на выніках супастаўлення фразеалагізма з яго тлумачэннем. Марфалагічным паказчыкам з'яўляецца часцінамоўная прыналежнасць стрыжнёвага кампанента фразеалагізма. Сінтаксічны паказчык рэалізуецца праз сінтаксічную функцыю фразеалагізма ў сказе. У прозе Ядвігіна Ш. у залежнасці ад агульнага значэння, аднолькавага набору граматычных катэгорый і аднатыпных форм выражэння выяўлены дзеяслоўныя, назоўнікавыя, прыметнікавыя, прыслоўныя, мадальныя, выклічнікавыя і несуднасныя з пэўнымі часцінамі мовы фраземы. Самым шматлікім тыпам у аналізуемых творах з'яўляюцца дзеяслоўныя фразеалагізмы: *мазоліць дарэмна вочы, пуду задаць, лынды распусціў, даваць драпака, рукі на сябе налажыў, у вушах зазвінела, бокі ўрываць, мелі смеху, спаткаўся нос у нос, костачак не сабраў бы сваіх, няма як вочаў паказаць, за чубы возьмуцца і іншыя*. Колькасна дзеяслоўнаму тыпу саступае тып прыслоўных, прыметнікавых, мадальных і выклічнікавых фразеалагізмаў: *дзяру ва ўсе лапаткі, кідаўся як у гарачцы, дзёрся на ўсё горла, як бачыш, гады ў рады, па вушы, як рэпу грызці, крок за крокам, з рукі ў рукі, на векі вечныя, гарачая галава, добра не скажу, жарты сказаць, калі ласка, памагай бог*.

Фразеалагізмы як складаныя моўныя адзінкі вызначаюцца разнастайнасцю паводле сваёй структуры: фразеалагізмы, структурна арганізаваныя як словазлучэнні, словаспалучэнні і сказы. Самай шматлікай разнавіднасцю выяўленых фразем з'яўляюцца выразы са структурай словазлучэння, сярод якіх пераважаюць двух- і трохкампанентныя ўстойлівыя спалучэнні: *круціць носам* 'быць незадаволеным', *запрагаць у хамут* 'мець над чымсьці перавагу', *звязваць канцы з канцамі* 'сяк-так перабівацца, ледзь-ледзь задавальняць свае патрэбы', *махнуць рукой на ўсё* 'згадзіцца з чым-небудзь, прымірыцца', *плесці басні* 'гаварыць няпраўду, выдумляць', *штукі выкідаць* 'рабіць ці гаварыць што-небудзь недарэчнае, нечаканае', *кідацца ў вочы* 'міжвольна запыняць на сабе чыю-небудзь увагу, быць асабліва прыкметным'. У ліку такіх фразеалагізмаў пераважаюць менавіта дзеяслоўныя, аднак фіксуюцца і фразеалагізмы са структурай назоўнікавага словазлучэння: *сем пятніц на тыдні* 'пра чалавека, які часта мяняе свае намеры', *мазольная праца* 'цяжкая праца', *гарачыя галавы* 'палкі, гарачы чалавек' і т.д.

Фразеалагізмы са структурай сказа прадстаўлены сказамі розных тыпаў – аднастаўнымі і двухстаўнымі, развітымі або неразвітымі: *дзяру ва ўсе лапаткі* 'хутка, стрымгалоў', *спім у шапку* 'не праяўляем рухавасці, энергічнасці; бяздзейнічаць, пасіўнічаць', *сэрца зашчымела* 'перажываць, хвалявацца', *замігацелі пяты* 'уцякаць хутка, нечакана', *сэрца кроўю аблівалася* 'вельмі перажываць, клапаціцца аб кімсьці', *кусалі вусны* 'перажываць за што-небудзь', *мароз прабег на целе* 'вельмі спалохацца', *трапіла каса на камень* 'пра людзей, якія ўпарта не паддаюцца адзін другому', *малако на губах не абсохла* 'зусім малы, нявопытны', *мець ласку ў Бога* 'усё добра атрымоўваецца', *вешае сабак* 'казаць няпраўду, нагаварваць на каго-небудзь', *зуб на зуб не пападае* 'дрыжыць ад холаду ці страху чалавек', *выперла дух* 'пажаданне нядобрага, кепскага' і інш.

Асобныя фразеалагізмы структурна арганізаваныя як даданыя часткі складаназалежных сказаў, што пачынаюцца адпаведным злучнікам (злучальным словам), характэрным для пэўнага тыпу яе: *напіліся, хоць ты іх выкручвай*; маркотна так, што *хоць ты ў вір галавой*, чытаў – *як той рэпу грыз* і інш.

Асобны тып утвараюць фразеалагізмы са структурай параўнальнага звароту, што даволі часта выкарыстоўваюцца пісьменніка, пры аналізе якіх, паводле назіранняў даследчыкаў, узнікаюць пэўныя цяжкасці [2, с. 151]. Сярод іх ёсць выразы са структурай слова (спалучэння слоў): *як на пярыне* 'цёплае, мяккае месца': *...мэблі пекныя, мяккія – сядзіш, як на пярыне...* [4, с. 185]; *як з іголачкі* 'зусім новы': *Здалёку*

блішчыць яна, новенькая, як з іголачкі, як аднаго дня будаваная... [4, с. 171]; як пярун 'хутка, нечакана': Як пярун на нашыя галовы звалілася гэтая вестка [4, с. 197]; як пад тапаром 'вельмі часта': Зрываліся не раз буры, – як пад тапаром, шмат нашых клалася, але тыя, што аставаліся, – яшчэ вышэй падымаліся... [4, с. 30], словазлучэння: як пераезджыя сваця 'пра чалавека, які не сядзіць на месцы': Як пераезджыя сваця, цягаецца гэтакі фронт са сваёй машынай з месца на месца, дзе лясы ды работнік таннейшы [4, с. 193] або сказа: як туман расплылася 'вельмі хутка, нечакана (знікнуць)': Праўда, з яго быццам заклілі, мігнуўшы перад вачамі блескам вясёлкі, – але як туман расплылася яна... [4, с. 194]; як індыкі ў павіх пер'ях 'не адпавядаць свайму становішчу': ...не надзімаюцца, як індыкі ў павіх пёрах, абы толькі як паказацца не тым, кім яны напраўдзе ёсць [4, с. 187].

Разгледзеўшы асноўныя тыпы фразеалагізмаў, выкарыстаных Ядвігіным Ш. у праявітых тэкстах, можна адзначыць, што засведчаныя адзінкі функцыянальна замацаваны, звычайна абумоўлены кантэкстам, у большасці сваёй не ўскладняюцца словамі свабоднага ўжывання, маюць размоўны характар і выражаюць пэўныя адносіны да называемага (жартаўлівыя, неадабральныя, іранічныя, пагардлівыя і інш.). У сваю чаргу гэтая прыналежнасць надае моўнай адзінцы пэўныя эмацыянальна-ацэначныя адценні. Увядзенне ўстойлівых спалучэнняў у мову персанажаў і ў аўтарскае апавяданне стала адзнакай своеасаблівай стылявой манеры пісьменніка, яго чуласцю да народнага слова і вобраза, а таксама адметным стылістычным сродкам рэпрэзентацыі герояў твораў і спосабам адлюстравання жыцця і побыту беларусаў.

Спіс літаратуры

1. Лепешаў І. Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы. Мінск : Навука і тэхніка, 1984. С. 262–263.
2. Лепешаў І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ. Мінск : Выш. шк., 1998. 271 с.
3. Ляшчынская В. А. Сучасная беларуская мова: фразеалогія : вучэб. дапам. Мінск : РІВШ, 2010. 230 с.
4. Ядвігін Ш. Выбраныя творы. Мінск : Маст. літ., 2006. 239 с.

Інфармацыя пра аўтара: *Мазуркевіч Людміла Мікалаеўна*, кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры беларускай і рускай філалогіі Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна (г. Мазырь, Рэспубліка Беларусь).

Інфармацыя аб аўторе: *Мазуркевіч Людміла Николаевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь).

РОМАН АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ» И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (А. БЕРГСОН И М. ХАЙДЕГГЕР)

С. О. Муминов

г. Алматы, Казахстан
s.muminov2012@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы сходства проблематики романа Андрея Белого «Петербург» и западноевропейской философии. Выявлены некоторые точки соприкосновения смыслового пространства романа «Петербург» и западноевропейской

мысли. В романе Андрея Белого реализованы принципы художественного изображения человека и бытия в их теснейшем единстве. Андрей Белый сосредоточился не на собственно антропологической природе своих литературных героев, а на их пребывании в мире как главной и определяющей характеристике существования. Этот подход соответствует проблематике философии А. Бергсона и М. Хайдеггера.

Ключевые слова: Андрей Белый, роман «Петербург», картина мира

Для цитирования: Муминов С. О. Роман Андрея Белого «Петербург» и западноевропейская философия (А. Бергсон и М. Хайдеггер) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 350–355.

Роман Андрея Белого «Петербург» содержит родственные с западноевропейской философией проблемы. Роман «Петербург» «приобретал черты историко-философского жанрового образования», – справедливо заметил Л. Долгополов [5, с. 211]. Как историко-философское образование этот роман опирается на твердую мировоззренческую основу. Сближение Андрея Белого с антропософией уже получило своё изучение в научной литературе, поэтому остановимся на выяснении сходства проблематики «Петербурга» с более дальним философским контекстом, который является одним из элементов современной магистральной картины мира.

Рассмотрим родственные идеи А. Бергсона, М. Хайдеггера и Андрея Белого. Обратимся к анализу связи идей А. Бергсона с умонастроениями Андрея Белого. Одна из главных идей Бергсона – идея длительности. В своей работе «Опыт о непосредственных данных сознания» философ отмечает, что человеческое мышление, пытаясь упорядочить свое представление о мире, выстраивает явления в последовательный ряд, нарушая внутреннюю логику мира. Бергсон критикует традиционное мышление, которое, плененное идеей пространства, бессознательно руководствуется ею в процессе постижения внешнего мира. Традиционное мышление утверждает, что человек воспринимает впечатления одно за другим. Таким образом, человек проецирует время в пространство, выражает длительность в понятиях протяженности, а последовательность «выступает у нас в форме непрерывной линии или цепи, части которой соприкасаются, но не проникают друг в друга» [1, с. 93].

Бергсон выступает против выстраивания последовательности. Последовательность – итог психических представлений, обусловленных идеей пространства. Он утверждает, что в реальном мире, в бытии нет той последовательности явлений, которая является фактом сознания человека. В бытии существует только одновременность. Бергсон утверждает, что не только мир, но и человек пребывает в потоке длительности, творческого становления.

Бергсон полагает, что субъективное, внутреннее время человека обладает длительностью, неделимостью. Его нельзя выстраивать в ряд, нельзя вычленять в нем строго настоящее и прошлое. Время – это неделимый процесс. Прошлое и настоящее постоянно взаимопроникают, оказывая друг на друга многостороннее влияние. Духовная жизнь человека также характеризуется длительностью, становлением. Проблема времени благодаря идеям Бергсона стала одной из актуальных не только в философии, но и в культуре XX века, стимулируя дальнейшие поиски мыслителей и писателей.

Природа человеческого мышления так же, как и проблема времени, предмет глубокого размышления в философии Бергсона. И. И. Блауберг пишет: «Как и Фрейд, Бергсон принадлежит к философскому течению, заново переосмысливавшему человека, его глубинные импульсы, процессы сознания и бессознательного, его творческие способности и неизбежные границы, поставленные перед ним социумом и культурой» [3, с. 28].

Идеи Бергсона о времени и сознании оказались созвучными писателям, искавшим новые пути художественного изображения человека. Если реалистическая литература показывала внутреннюю жизнь как упорядоченный процесс, в котором все детерминировано и мотивировано, то такой подход не устраивал Андрея Белого. Писатель воссоздавал сознание своих персонажей как «поток сознания», в котором нет последовательности, рядоположения, а есть нерасчлененный, единый процесс движения мысли и чувства. «Поток сознания» – один из главных приемов изображения психологии и внутреннего мира героев в романе Андрея Белого «Петербург».

Литературная реалистическая традиция XIX века постигала в основном сферу сознания. Андрей Белый отказался от этого подхода. Писатели-модернисты полагали, что исследованием сознания нельзя ограничиваться, изображая человека. Правда о человеке, истина о нём скрывается в глубинах его подсознания. Поэтому в романе «Петербург» наблюдается интерес к постижению подсознательного.

Идея Бергсона о времени оказалась актуальной для художественной литературы. Если в классическом романе время четко делилось на настоящее и прошлое, и приоритет отдавался настоящему, то в романе «Петербург» время изображается как неделимый, единый поток. И прошлое, и настоящее наделялись в романе равными художественно-смысловыми правами. В прошлом сосредотачивались важные для понимания психологии и внутреннего мира литературных героев Андрея Белого события и факты. Память получила высокий статус в его романе. Она соединяла в единое целое художественное время. Онтологическая тема времени является одной из центральных в романе «Петербург».

М. Хайдеггер – один из крупнейших философов современности. В своей новаторской книге «Бытие и время» он дал глубокий и интересный анализ проблем бытия. В одном из учебных пособий по западной философии XX века опровергается мнение о том, что экзистенциализм М. Хайдеггера, воплощенный в его книге «Бытие и время», представляет собой род философской антропологии. «Однако, это не так, поскольку для раннего Хайдеггера (а в значительной степени и для зрелого тоже) человек, исследование человеческих качеств, скорее, средство ответить на более глубокие вопросы онтологии, на вопросы относительно Бытия» [6, с. 290].

Тема бытия является одной из самых сложных в философии. Начиная с Платона, бытие описывалось как единое, видимое бытие, субстанция и т.д. Хайдеггер же различает бытие и сущее. «Бытие – это горизонт, внутри которого встречается сущее» [7, с. 83]. Таким образом, сущее есть одна из характеристик бытия. Бытие рассматривается Хайдеггером как основа мира. Он решительно настроен на выявление сущности бытия. Хайдеггер пишет: «Названный вопрос пришел сегодня в забвение, хотя наше время числит за собой как прогресс, что оно снова положительно относится к «метафизике» [9, с. 2].

Особенность философии Хайдеггера заключается в том, что он исследует бытие, отказавшись от прежних понятий, которыми оперировала классическая метафизика. Речь идёт о таких терминах, как объект, субъект, дух, материя. Понятия субъекта и объекта предполагают проведение границы между человеком и бытием. Хайдеггер настаивает на том, что между ними нет той границы, которую провела предыдущая традиция. По Хайдеггеру, человек брошен в стихию бытия, смутно ощущая его импульсы.

Необходимо отметить, что мыслитель необычно трактует понятие «бытие». Хайдеггер полагает, что фундаментальной характеристикой бытия является его данность, его неоспоримое, чистое присутствие. Исполнение бытия, его «само-

осуществленность» получила определение экзистенции. Смысл бытия понимается как сущее характера присутствия.

Какое значение придается термину «экзистенция»? Б. В. Марков замечает: «Своеобразие присутствия, которое определяется как исполнение бытия, Хайдеггер характеризует как экзистенцию» [7, с. 83]. Бытие не отделено от человека временем или расстоянием. Оно присутствует в нем. Хайдеггер вводит новый термин *Dasein*, который переводится как здесь-бытие. Важнейшей фундаментальной категорией бытия является пространство. Под пространством в книге «Бытие и время» понимается не объективное реальное пространство с его визуальной очерченностью, с его объективностью, а некое смысловое целое, в которое заброшен человек. Э. Ю. Соловьев утверждает, что для Хайдеггера пространство есть «экзистенциальная пространственность» [8, с. 377].

Таким образом, построения Хайдеггера имеют четко выраженную онтологическую направленность. «Онтологические определения конечного человеческого здесь-бытия были названы Хайдеггером определениями существования, экзистенциалами: эти основные понятия были со всей решимостью и последовательностью противопоставлены Хайдеггером основным понятиям прежней метафизики, категориям наличного» [4, с.102]. Эти рассуждения принадлежат Г. Г. Гадамеру, испытавшему значительное влияние Хайдеггера.

Рассмотрим теперь основные черты антропологии Хайдеггера. Как уже говорилось выше, он рассматривал бытие и человека в тесном единстве, отказавшись от субъектно-объектного подхода. Человек пребывает в бытии, в состоянии заботы и в ощущении конечности своего существования, пытаясь постичь смысл мира, обрести подобие, точнее, слабый отблеск истины. Человек не пребывает в границах конкретно-исторического времени. Хайдеггер полностью сосредотачивается на постижении включенности человека в мир, который сам есть вечный процесс, который не есть наличная видимость.

Действительно, идеи Хайдеггера (понимание онтологичности человека, его теснейшей включенности в картину мира, отказ от идеи вовлеченности индивида в исторический процесс) противостоят традиционной антропологии, согласно которой человек есть социальное существо, активно прогрессирующее вместе с общественными и иными отношениями.

Явления и события в бытии, по Хайдеггеру, не рядоположены, как это считали прогрессисты, а образуют теснейшее и соположенное единство. Хайдеггер не строит картину последовательного восхождения человечества к более совершенным формам жизнеустройства, его интересует прежде всего индивидуальная человеческая данность, пребывающая в состоянии заботы и ориентированная на достижение самости.

Хайдеггер выразил необходимость построения новой картины мира. Его понимание новой онтологической ситуации и нового положения человека помогает осознать содержание и направление художественного мышления Андрея Белого. В романе «Петербург» наблюдается отказ от той картины мира, основанной на субъектно-объектных отношениях, которая, напомним, была характерна для реалистической романистики XIX века. В этой романистике утверждалась субъектная определенность персонажей. Бытие трактовалось как объект. Внешние неблагоприятные условия были преодолеваемы литературными героями. Положительные герои формировали определенное пространство, в котором и протекала их жизнь. Благоприятные же факторы и условия внешнего мира приспособлялись к персонажам, которые, жадно впитывая должные импульсы бытия, тем самым усиливали свое положение в нём.

Персонажи «Петербурга» не обладают ярко выраженной субъектной данностью, как литературные герои реализма. Герои Андрея Белого «вброшены» в поток бытия. Отсутствие дистанции между бытием и человеком – характерная примета этого романа. Город Петербург угнетает, подавляет человека, люди растворяются в его туманно-каменной стихии. Таким образом, в романе «Петербург» наблюдается снятие субъектно-объектных отношений, которые присущи литературе реализма.

Понимание Хайдеггером человека как существа, не вовлеченного в ход исторического прогресса, соотносится с концепциями человека, воплощенными в романе «Петербург». Герои «Петербурга» вращаются вокруг далекого прошлого. Например, подчеркиваются восточные корни Аблоуховых. Настойчиво акцентируется негативная роль Петра I в истории России. Андрей Белый демонстрирует пессимистические настроения. Движение времени, по его мысли, не приводит страну к более совершенным формам жизни. Негативный опыт исторического прошлого России привел ее к упадку. Ощущение тревоги метафизического характера пронизывает художественный мир романа. Кроме того, герои Андрея Белого пребывают не только в сфере реального времени, но и сопричастны космическому времени, которое не обладает векторной направленностью, как время социума.

Как видно, в романе Андрея Белого наблюдаются принципы художественного изображения человека и бытия в их теснейшем единстве. Таким образом, проблематика «Петербурга» оказалась включенной в контекст западноевропейской философии.

Художественная литература и философия выразили свершившийся мировоззренческий переворот, констатировав кризис античного, ренессансного, христианского и постхристианского гуманизма, которые «упускают, что человек не сумма животного и разумного начал и не метафизический конструкт, именуемый личностью» [2, с. 218]. «Человечность коренится не в нашем телесно-духовном устройстве, а в принятии нами дара бытия. Его событие – начало истории», – такова программная формула Хайдеггера [2, с. 218].

Если реалистическая литература рассматривала человека в форме метафизического, морально-нравственного конструкта, настойчиво постулировала его телесно-душевную определенность с вытекающими отсюда художественными принципами (антропоморфизм, антропоцентризм и др.), то Андрей Белый, в соответствии с рассуждениями Хайдеггера, обратился к укорененности человека в бытии, сосредоточившись не на его, собственно антропологической природе, а на его пребывании в мире как главной и определяющей характеристике существования.

Список литературы

1. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания : пер. с франц. // Собр. соч. : в 4 т. М. : Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 50–155.
2. Бибихин В. В. «О гуманизме» // Современная западная философия : словарь / сост.: В. С. Малахов, В. П. Филатов. М. : Политиздат, 1991. С. 218.
3. Блауберг И. И. Анри Бергсон и философия длительности : пер. с франц. // Собр. соч. : в 4 т. М. : Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 6–44.
4. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного : пер. с нем. М. : Искусство, 1991. 367 с.
5. Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л. : Сов. писатель, 1988. 416 с.
6. Зотов А. В., Мельвиль Ю. К. Западная философия XX века. М. : Проспект, 1998. 432 с.
7. Марков Б. В. М. Хайдеггер: критика классических форм метафизики // История современной зарубежной философии: компаративистский подход. СПб., 1997. С. 82–90.

8. Соловьев Э. Ю. Судьбическая историософия М. Хайдеггера // Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). М. : Политиздат, 1991. С. 346–388.

9. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997. 451 с.

Информация об авторе: *Муминов Салахитдин Омирдинович*, кандидат педагогических наук, доцент, и. о. профессора кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан).

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЧИНОВНИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. Н. Панова

г. Москва, Россия

pmnaka@mail.ru

Аннотация. Рассматривается языковая личность государственного служащего в постсоветской художественной и нехудожественной (нон-фикшн) литературе. Художественный дискурс представлен кратким обзором произведений о чиновниках, относящихся к разным жанрам литературы. Языковая личность чиновника и его профессиональная языковая картина мира, изображенная в художественных произведениях, сравнивается с её описанием в мемуарной и прикладной (деловой) литературе, где авторами произведений выступают сами государственные служащие. В этих произведениях делаются попытки представить новый тип языковой личности государственного служащего. В корпусе текстов русской классической, советской и постсоветской литературы о чиновниках прослеживается идейно-тематическая связь. В профессиональной речи современных чиновников встречаются прецедентные тексты, ставшие элементами «памяти культуры».

Ключевые слова: языковая личность, чиновник, художественный дискурс, нехудожественная литература, мемуарная и деловая литература, профессиональная языковая картина мира

Для цитирования: Панова М. Н. Языковая личность чиновника в постсоветской литературе // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 355–359.

Русская литература о чиновниках имеет давнюю традицию. По словам Д. С. Лихачёва, «в любом литературном произведении так или иначе многообразно и многообразно отражена и преображена реальность... Литературное произведение распространяется за пределы текста. Оно воспринимается на фоне реальности и в связи с ней... Реальность – как бы комментарий к произведению, его объяснение...» [1, с. 4].

Художественный текст «прочитывает» историю. Например, в 20–30-х гг. XX в. в русской литературе доминировала языковая личность необразованного и амбициозного бюрократа, неграмотного выдвигенца. Средством создания речевого портрета советского чиновника – героя рассказов, фельетонов и стихотворений – было, в первую очередь, использование партийно-бюрократического жаргона. *Обезьяний, суконный, не живой, сухой, птичий, бюрократический*, выражающий *резиновые мысли*, отраженный в *резиновых резолюциях* – вот вердикт, вынесенный административно-политическому языку в советской литературе

20-30-х гг. советскими писателями (В. Маяковский, В. Ардов, А. Аверченко, М. Булгаков, И. Ильф и Е. Петров, М. Зощенко и др.) [2, с. 147–175].

В конце 30-х – начале 50-х годов в художественных произведениях, изображающих чиновников, колоритные портреты бюрократов встречаются нечасто в том числе и потому, что произошло изменение качественных параметров языковой личности чиновника: на госслужбе все чаще появлялись грамотные, хорошо образованные люди [2, с. 176]. В речи новых персонажей советской литературы второй половины XX в., герои которой – чиновники, «аппаратчики» (Ю. М. Поляков «ЧП районного масштаба», Д. А. Гранин «Картина» и др.), тоже встречаются приметы описываемого времени, отражается новая эпоха. Например, в центре романа А. А. Бека «Новое назначение» – образ крупного руководителя советской промышленности 30-х гг., высокопоставленного чиновника А. Л. Онисимова, у которого был реальный прототип. Языковая личность главного героя романа – блестяще образованного интеллектуала, реализуется и в каждодневном профессиональном общении, и во внутренней речи персонажа, и в авторских комментариях, касающихся его служебной деятельности, языка [2, с. 176–183].

В художественных произведениях, созданных в постперестроечные годы, в конце XX – начале XXI вв., изображен отталкивающий, аморальный образ чиновника. Написанные в это время произведения о чиновниках – причём они могут быть и второстепенными персонажами – различаются по форме и жанру: это реалистические повести и романы (Б. Дубов, Л. Улицкая), пьеса-фантазмагория (М. Веллер), сатирические комедии (М. Кантор), повесть в жанре социальной сатиры и роман-фантазмагория, обличительный, высмеивающий мещанско-бюрократический уклад современной России (А. Потемкин) [3, с. 271]. Например, А. Потемкин, автор повести «Стол», написанной в жанре социальной сатиры с элементами гротеска, – доктор экономических наук, предприниматель. Будучи специалистом, в свое время руководившим одним из департаментов в Федеральной службе по налогам и сборам и поэтому знающим проблемы госслужбы «изнутри», он считает, что главная проблема бизнеса в России – «...чиновники со своими бумагами...», «бюрократическое засилье около российского рынка» (А. Потемкин).

Языковая личность чиновника во всем многообразии представлена и в других современных произведениях, зачастую описывающих довольно мрачную картину нравов в этой сфере. Это политический роман «Немой набат» (А. Салуцкий), романы «Патриот: жестокий роман о национальной идее» и «МЖ-2: роман о чиновничьем беспределе» (А. Колышевский), роман-притча «Каждый сам себе дурак» (К. Туровский), броские названия которых привлекают читателя.

В 2011–2012 гг. появились книги о госслужбе, написанные самими чиновниками, – это именно художественные произведения, не мемуары. Читать их интересно, поскольку авторы не понаслышке знакомы с закулисной жизнью государственных служащих. Это философский роман Ю. Козлова «Почтовая рыба» и сатирический роман А. Терехова «Немцы», получивший премию «Национальный бестселлер», которые активно обсуждались в обществе и СМИ. «Очевидно, что литература возникает в довольно сложном акте, результатом которого является текст, а завершается этот акт читателем (в чтении, обсуждении, критике) [4, с.112]. Художественные произведения о чиновниках в России – логоцентричной стране, не остаются незамеченными: вера русского человека в силу слова традиционно велика.

В последние десятилетия мы наблюдаем бум мемуарной литературы. Так, И. Хакамада, прошедшая, помимо предпринимательской и депутатской, школу государственного управления, рассуждает о заурядности, бездарности, «интел-

лектуальной обезвоженности» современных чиновников как социальной группы. Одна из глав её книги «Девичья фамилия» так и называется – «В царстве серых мышей». В книге Б. Немцова, самого молодого российского губернатора, самого молодого министра и первого вице-преьера российского правительства, «Исповедь бунтаря» утверждается, что многие российские чиновники – «это такие Молчалины, «серые воротнички», тихие люди, лояльные к любому режиму...» (Б. Немцов. Исповедь бунтаря)».

Таким образом, говорящие на «новоязе» заурядные «серые люди», «серые воротнички», «серые мыши», «мутанты», коррупционеры – вот типичный образ чиновников наших дней, изображенный в современной мемуарной литературе первого десятилетия XXI в. [5, с. 274]. Несмотря на авторскую субъективность при изложении материала в таких произведениях, можно констатировать, что образ чиновника, созданный его «коллегами по цеху», к сожалению, далек от идеала. Постсоветская художественная и мемуарная литература начала XXI в. довольно пессимистично описывает реальную ситуацию в сфере государственного управления, профессиональный уровень госслужащих и их моральный облик. В ней создан исключительно негативный образ чиновника [3, с.164–166].

Тем интереснее сравнить эти произведения с книгами авторов, которые смотрят на государственную службу по-другому и у которых иное мнение о госслужащих. Книги, о которых пойдет речь, написаны в русле направления нон-фикшн (нехудожественной литературы): одна книга – это мемуары и две относятся к жанру деловой литературы.

Бывший первый заместитель мэра Ю. Лужкова, «главный строитель Москвы», а сейчас депутат Госдумы В. И. Ресин – руководитель-практик. В книге «Москва в лесах» он доверительно рассказывает о нелегкой жизни своей семьи, о своем детстве, а также о работе, коллегах и друзьях, о своей профессиональной карьере и о конкретных делах – построенных объектах, и о том, как удалось добиться результатов, поражающих воображение всех, кто видит прекрасный современный город. Автор рассуждает о противоречиях и конфликтах между федеральными и городскими чиновниками, о трудностях согласования проектов и о бюрократическом давлении на эту сферу деятельности.

Настоящий профессионал, В. И. Ресин посвящает читателя во все нюансы своей любимой работы, рассказывает о строительстве музеев, театров, возведении памятников и церквей. В книге много прекрасных фотографий архитектурных объектов, изменивших облик Москвы за последние десятилетия, к строительству которых автор имеет непосредственное отношение. Жизненное кредо В. И. Ресина сформулировано им так: «...*Надо работать. Не играть в политику, не искать, к кому сегодня удобнее пристроиться, не рядиться в политолога, теоретика, пророка, а каждодневно, нудно, обыденно – вкалывать...*» (В. Ресин. Москва в лесах).

Г. А. Архангельский и О. С. Стрелкова, авторы книги «Госслужба на 100 %. Как все устроено», работают в Агентстве стратегических инициатив. Г. А. Архангельский – известный эксперт, основоположник российской школы тайм-менеджмента. Авторы «...написали первую в России понятную и популярную книгу о госслужбе», подчеркивая, что госслужащий – одна из самых востребованных профессий. Они объясняют читателям, как устроено Российское государство, раскрывают его принципы, объясняют механизмы работы госслужащих и многое другое.

Авторы обращаются к читателям с риторическими вопросами: «*Как давно вы слышали что-то хорошее о чиновниках или работниках госсферы? Когда вы последний раз наблюдали чей-то положительный пример?*». В книге, написанной

прекрасным литературным языком, они стараются сломать сложившийся в обществе стереотип «плохих чиновников», и им это удается.

Книга В. В. Овчинникова. «Манифест правильного чиновника. Как заставить госпредприятие приносить прибыль городу» тоже посвящена госслужбе и демонстрирует новый тип языковой личности чиновника – её автора. «Манифест...» оформлен ярко, современно: блёрбы (выдержки из положительных рецензий на книгу известных бизнесменов, бизнес-тренеров, маркетологов, размещенные на обложке книги) рекомендуют прочитать книгу этого нового представителя генерации чиновников 10-х–20-х годов XXI в. Автор, молодой московский чиновник, рассказывает, как он сделал блестящую карьеру, не имея неформальной поддержки. Это руководитель нового типа, образованный и энергичный, талантливый организатор.

Автор книги – человек, склонный к рефлексии. Вот он рассуждает о своих молодых коллегах: *«Разве похожи эти бодрые и улыбчивые люди на унылый образ чиновника, закрепившийся в массовом сознании?»* Чётко представляя целевую аудиторию своей книги, В. В. Овчинников использует молодежный жаргон: *«Работать в госсекторе именно сегодня – это круто»; «Мы безжалостно троллили молодых преподавателей»* и др. В тексте много компьютерной терминологии, в т.ч. названий разных гаджетов, компьютерных программ и игр: *«Геймеры быстро принимают решения». «Шутеры» дают быстроту реакции и навыки действий в команде*. В книге много заимствований, в т. ч. неологизмов, связанных с профессиональной деятельностью автора: *«Для многих талантливых менеджеров работа в госструктурах – это вызов, это челлендж». «Необязательно являться «гиком» или вундеркиндом». «Краудсорсинг не надо путать с краудфайзингом»* и др.

О языковой личности автора книги можно также судить по его интертекстуальному тезаурусу: большая часть прецедентных имен (их в книге очень много), относится к русской классической литературе: *«Госслужба – это давно не канцелярии, описанные Булгаковым, Ильфом и Петровым, Достоевским, Гоголем»*. *«Есть такие наивные люди, которые думают, что жизнь и работа директора государственного учреждения легка и беззаботна, как у попрыгуньи-стрекозы в басне Крылова»*. Некоторые интертекстуальные элементы связаны с древнегреческими мифами, русскими и немецкими народными сказками: *«Иван Крылов идеально вторит греческой мифологии. Я понимаю, что это неправильно, но призываю отказаться от марьяшкиного труда Сизифа»*. *«Дальше было, как в сказке «Репка». Позвала внучка Жучку, Жучка Кошку, Кошка Мышку»*. *«Как говорил храбрый портняжка из одноименной сказки братьев Гримм: «Одним махом семерых побивахом!»*.

Интертекстуальный тезаурус эффективного менеджера, разумеется, содержит отсылки к книгам западных специалистов в сфере инновационных технологий: *«Вот, например, как описывают условия работы гиков Силиконовой долины Эрик Шмидт и Джонатан Розенберг в книге «Как работает Google»*.

Одна из важнейших интенций книги – показать, что несправедливо из-за чиновников-коррупционеров и взяточников бросать тень на профессию и всех, кто в ней занят. *«В сознании некоторых обывателей живет стереотип бюрократа, корыстного чинуши. Этот стереотип подпитывается ужасающей сериальной продукцией отечественного ТВ»*. Своей задачей автор считает борьбу с такими стереотипами (В. Овчинников. Манифест правильного чиновника).

Художественные тексты, «сотканые из старых цитат» (Р. Барт), обладают «памятью» (Ю. М. Лотман) и обеспечивают культурную связь поколений читателей. Интертекстуальность в произведениях художественной и мемуарной литера-

туры о чиновниках, созданной за два столетия, рассматривается, во-первых, как идейно-тематическая связь. Она проявляется в «перекличке» образов, идей, переработке тем и сюжетов. Это неудивительно: на протяжении всей тысячелетней истории России государственный аппарат играл в нашем государстве очень важную роль, а чиновники становились главными героями произведений русской литературы. Госслужба как социальный институт, имеющий многовековую историю и традиции, отражена в художественном дискурсе со всеми своими проблемами. Многие из них относятся к разряду вечных, актуальных во все времена: государство и личность, госслужба и общество, служебная карьера, коррупция, бюрократизм и т.д.

Интертекстуальность проявляется и в языке персонажей художественных произведений о госслужащих. Это не только использование в речи «вечных» канцелярских штампов бюрократического языка. В профессиональной речи и внутренних монологах чиновников встречаются прецедентные тексты, ставшие элементами «памяти культуры»: цитаты, аллюзии и т.д. Интертекстуальность проявляется также в использовании в книгах иллюстративного материала. Так, в книге Г. А. Архангельского и О. С. Стрелковой таблицы классов чинов и должностей современной государственной гражданской службы перемежаются со страницами издаваемых до революции ежедневников с «Придворным календарем» – справочной частью, содержащей перечень различных министерств и ведомств с личным составом чиновников.

Итак, в условиях изменившейся социокультурной ситуации в стране в современной российской литературе появляются произведения, в которых представлен новый тип языковой личности чиновника. Благодаря появлению такой литературы описание профессиональной языковой картины мира современного госслужащего становится более реалистичным и объективным.

Список литературы

1. Лихачёв Д. С. Литература – реальность – литература. Л., 1984. 272 с.
2. Панова М. Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвотипического исследования : монография. М. : Изд-во РУДН, 2004. 323 с.
3. Панова М. Н. Жанровое многообразие и художественные особенности литературных произведений о чиновниках // Речевая коммуникация в профессиональной среде государственных служащих: проблемы и перспективы : сб. материалов Междунар. круглого стола / под ред. Е. Н. Бондаренко. М. : Академия ГПС МЧС России, 2018. С. 162–170.
4. Проблемы типологии текста : сб. научных обзоров. М. : ИНИОН, 1984. 178 с.
5. Панова М. Н. Образ российского государственного служащего в постсоветской художественной литературе // Русская словесность в поисках национальной идеи : материалы II Междунар. науч. симпозиум (5–7 июля 2010, Москва – Волгоград) / сост. и общ. ред. А. Н. Долгенко. М. : Изд-во РАГС, 2010. С. 266–275.
6. Архангельский Г. А., Стрелкова О. С. Госслужба на 100 %. Как всё устроено. М. : МИФ, 2016. 304 с.
7. Немцов Б. Е. Исповедь бунтаря. М. : Партизан, 2007. 216 с.
8. Овчинников В. В. Манифест правильного чиновника. Как заставить госпредприятие приносить прибыль городу. М. : Эксмо, 2017. 192 с.
9. Потемкин А. П. Стол. М. : ПоРог, 2004. 224 с.
10. Ресин В. И. Москва в лесах. 4-е изд., доп. М. : Голос-Пресс, 2003. 448 с.
11. Хакамада И. М. Девичья фамилия. М. : Подкова, 1999. 416 с.

Информация об авторе: *Панова Марина Николаевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, деловой этики и социальной ответственности Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия).

ТРАКТОВКА И РОЛЬ АНТРОПОЭТОНИМОВ В ПЬЕСЕ АЛЕКСАНДРА ГАЛИНА «ЧЕШСКОЕ ФОТО»

И. М. Петрачкова

г. Гомель, Республика Беларусь
innamihail@mail.ru

Аннотация. Исследуются имена собственные в контексте одного из наиболее известных драматургических произведений А. М. Галина «Чешское фото». Рассматриваются возможности ономапоэтических средств, представленных индивидуально-авторскими и прецедентными антропоэтонимами, номинирующими сюжетных и внесюжетных действующих лиц драмы, вариантами личных имен, их структурой. Прослеживаются основные тенденции в трактовке и использовании номинаций, которые присущи идиостиллю драматурга. Материалы ономастических изысканий найдут практическое применение в научно-исследовательской, педагогической деятельности литературоведов и лингвистов.

Ключевые слова: имя собственное, антропоэтоним, ономапоэтические средства, авторская рефлексия, драма, фикциональное имя, прецедентное имя

Для цитирования: Петрачкова И. М. Трактовка и роль антропоэтонимов в пьесе Александра Галина «Чешское фото» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 360–364.

Основная задача ономапоэтического прочтения любого литературного произведения, в том числе и драматургического текста, состоит в логичной, многогранной трактовке системы его имен собственных (ИС). Именно поэтому вполне закономерно, что ИС в художественном тексте (ХТ) становятся объектом исследования как литературоведов, так и лингвистов. Учёный-ономаст А. А. Фомин в свою очередь отмечает: «По сути, лингвисты и литературоведы часто идут разными дорогами к общей филологической цели – интерпретации текста». Таким образом, под трактовой, или интерпретацией ИС, функционирующего в ХТ, как методом научного познания, на наш взгляд, следует понимать раскрытие симбиоза лингвистической и литературоведческой информации, содержащейся в ониме и необходимой для многоаспектного филологического изучения художественного произведения.

Материалом исследования для нашей работы стали ИС, взятые методом сплошной выборки из ХК драматургического произведения А. М. Галина «Чешское фото», в фокусе их ономапоэтического прочтения. Нами выявлено 29 антропоэтонимов, не считая их варианты. Объектом изысканий стали ИС из выше-названной драмы. Предмет изучения статьи – способы интерпретации ономапоэтической лексики, охватывающей все группы антропоэтонимов, функционирующих в драматургическом тексте. Цель работы – трактовка литературных ономапоэтических средств, способствующих созданию ярких художественных образов и воплощению авторского замысла.

Все сюжетные и внесюжетные антропоэтонимы проприального пространства пьесы А. М. Галина условно относятся к группе ИС, обладающих *металогически* значимым *косвенным* или *скрытым* подтекстом. Это так называемые индивидуально-авторские, или *фикциональные имена* (далее ФИ) из реального современного антропонимикона, которые в свою очередь подразделяются на два

разряда *косвенноговорящие, скрытоговорящие*, а также *прецедентные имена* (ПИ) [2, с. 68–70]. В пьесе «Чешское фото» встречаем 6 ФИ, не считая их варианты: номинации *сюжетных* героев **Павел Раздорский / Раздорский / Пашка / Павел / Пашка Раздорский / Павлуша / ваш друг Раздорский / Павлик / Павлин, Лев Зудин / Зудин / Лёва / Лёвка / Лев / великий фотограф России Лев Зудин**, они же *внесюжетных* персон **Алфимов / артист Алфимов / артист Семён Алфимов, Светка / Светлана Кушакова / Света / Светлана / Кушакова / наша Кушакова, Лена-лаборант / Лена**. Отметим, что, стремясь к правдивому отражению действительности, драматург избегает *автологически* мотивированных номинаций с нарочито *прямой* характеристикой действующих лиц драм.

Некоторые из вышеуказанных номинаций опосредованно ненавязчиво характеризуют героев пьес. Так, фамилия **Павла Раздорского** соотносится с лексемой *«раздор»* – *«разногласия между кем-либо, ссора, вражда»* [4, с. 605] и косвенно указывает на характер межличностных отношений между бывшими друзьями-фотографами, которые встретились спустя много лет после события, перевернувшего судьбу каждого из них. За появление сделанной молодыми людьми из Саратова фотографии обнажённой девушки в зарубежном журнале «Чешское фото», одного из друзей **Льва Зудина** отправили в колонию *«за порнографию»* [1, с. 13]. Ещё одна *внесюжетная* героиня драмы, актриса-модель **Светлана Кушакова** подверглась всеобщему порицанию, лишилась карьеры, вынуждена работать уборщицей в том же театре, где ранее блистала на сцене в главных ролях. И, напротив, самому **Павлу Раздорскому** удалось избежать какой-либо ответственности. Он стал успешным бизнесменом, все эти годы празднично проводил время, купаясь в богатстве и любви женщин. Именно поэтому возникает определённая напряжённость при встрече в ресторане и общении главных героев пьесы, которая постепенно перерастает в ссору между ними. **Лев Зудин** не может больше сдерживаться и решается наконец-то задать бывшему другу те вопросы, которые не давали ему покоя все эти годы: почему именно он один, **Лев Зудин**, понёс такое суровое наказание, почему самый близкий друг **Пашка Раздорский** так и ни разу не навестил его в колонии, и, наконец, почему одни могут прекрасно «устроиться» в жизни, а другие оказываются на её «обочине». Напротив, бизнесмен **Пашка** не только не пострадал от случившегося, но и стал хозяином жизни. По-прежнему актуальна и его старая кличка **Павлин** (ср. *павлин* – *«крупная южно-азиатская птица семейства фазановых, с пёстрым ярким оперением и большим распускающимся хвостом (у самцов)»* [4, с. 9]): *«ЗУДИН. ... А твой роскошный вид для меня не неожиданность – ты ведь в молодые годы имел кличку Павлин. По оперению ты теперь настоящий павлин, Павел...»* [1, с. 7].

Вопрос о несправедливости жизни давно терзает **Зудина** (ср. *зуд* – в перен. значении *«разг. беспокойство, нестерпимое стремление к чему-либо»* или с глаголом *зудеть* – перен. *«надоедать, докучливо приставать с чем-либо»* [3, с. 624]). При встрече с **Раздорским** **Лев** демонстрирует неприкрытую враждебность и назойливо возвращается к старым воспоминаниям, к событиям прошлого, задавая неудобные вопросы и высказывая накопившиеся обиды, стремится раскрыть подлинную сущность **Раздорского**, уличить его в подлости и предательстве. Так, выбор автором ИС (**Раздорский** и **Зудин**) отнюдь не случаен, поскольку в центре сюжета – непримиримый конфликт длиной в жизнь, который внутренне снедает и угнетает героев, является причиной раздора между бывшими друзьями уже многие годы. Однако и **Зудин** и **Раздорский** по-своему несчастны. **Зудин** относится к тем неудачникам, которые так и не смогли реализовать свой талант, а **Раздорский** к тем «новым русским», которые разбогатели, но не обрели ни счастья, ни покоя,

ни любви, ни друзей. Как и **Зудин**, он одинок и несчастен. Вот почему контекстуальные коннотации фамилий персонажей отождествляются с такими лексемами, как «ссора, раздор, беспокойство, терзание», которые одолевают героев изнутри, заставляя их всю жизнь страдать и метаться. Этимология личных имён действующих лиц драмы, на наш взгляд, тоже весьма символична и значима. Антропонимы коннотативно контрастируют друг с другом, внося дополнительные штрихи к образам персонажей драмы. Происхождение имени **Павел** – «рус. [из лат. *Paulus* фамильное имя в роде Эмилиев : лат. *paulus* малый; греч. *Paulos*]» [6, с. 172] даёт возможность драматургу в завуалированной скрытой форме обозначить ничтожность «маленького человека», оттенить всю низость совершённого им поступка – предательства: не протянул руку помощи другу, когда тот оказался в колонии, не разделил ответственности за общее «преступление». И, напротив, **Лев** (ср. «рус. [из греч. лев *лев*; лат. *Leo*]» [6, с. 143]) мужественно и благородно берет всю вину за содеянное на себя, стараясь никому более не навредить. В этой связи А. М. Галин, с одной стороны, словно бы противопоставляет образы двух героев **Льва** и **Павлина**, сравнивая их поступки с инстинктивным поведением одноименных животных, смелого царя зверей льва и красивой, но всё же пугливой птицы, павлина. С другой стороны, между героями вновь возникает сходство, но уже, пожалуй, комичное: и **лев**, и **павлин** – существа экзотические, которые не вполне адаптированы к жизни в нашей сложной социальной действительности в эпоху 1990–2000-х годов. **Раздорский** смешон и жалок как тип человека-приспособленца, который, на первый взгляд, предстает таким баловнем судьбы, всегда идущим в ногу со временем, а **Зудин** комичен в своей «беспомощности» и неприспособленности к жизни, в своих страданиях и обидах. Герои кажутся антиподами, но на самом деле они похожи, потому что оба внутренне несчастны и одиноки.

Антропоним **Светлана** образован от «рус. [светлая]» [6, с. 389], в переносном значении **светлый** – «обладающий высокими моральными качествами, возвышенный, благородный» [5, с. 47]. Героиня, действительно, всячески пыталась помочь Павлу Зудину, поддерживала его в колонии, несмотря на то, что сама из-за публикации фото в журнале потеряла всё. Из реплик Зудина узнаём и о том, что героиня стойко и с достоинством отказалась сотрудничать со следствием, которое требовало «от Светланы, чтобы та сказала, что мы сделали это с ней насильно» [1, с. 12], и даже «объявила на суде, что мы собираемся пожениться» [1, с. 12]. **Светлана** Кушакова благородно и бескорыстно продолжала принимать участие в судьбе Льва Зудина, бороться за него даже тогда, когда все вокруг отвернулись от героя, самозабвенно жертвуя собой: «ЗУДИН. Она приехала ко мне... в тюрьму Косиново... под городом Курском. И там нас... зарегистрировали. <...> Все эти годы... она писала прошения... просила, она вытаскивала меня... <...> Кушакова... она действительно спасла мне жизнь. Она приезжала ко мне на свидания... ну, как человек, понимаешь... Она великая женщина...» [1, с.14]. **Внесюжетная** героиня, которая так ни разу и не появляется на сцене, **Светлана** демонстрирует в ХТ драмы свои самые лучшие моральные и душевные качества. Анализ ХК пьесы «Чешское фото» отчетливо подтверждает тот факт, что значимую роль в «прочтении» ИС играет, в том числе и авторская рефлексия. Здесь она выражается посредством реплик действующих лиц пьесы, поскольку в отличие от прозаического произведения, где присутствует ещё и текст повествователя, драматург весьма ограничен в средствах выражения собственного мнения или оценки персонажа.

Особенность современных драматургических текстов, в том числе и исследуемой нами пьесы, является доминирование ПИ (78 %) над ФИ (22 %). К ПИ

принадлежат следующие номинации (21 ИС): **Таня, Оля, Наташа, Софья / Софья Фамусова / Фамусова, какая-то Лиза / Лиза, Женщина, король Людовик, Сашка / Сандро / Боттичелли, Гоголь, математик Ковалевский / математик Ковалевская, Лобачевский / Лобачевская, Менделеев, Миклухо-Маклай, Аня, Вронский, французский художник Делакруа / Эжен, Ломоносов / Михайло Васильевич, Клеопатра, Куиджи / художник Куиджи / Архип Иванович, Модильяни, Илья Репин.** ПИ в ХК обладают как *коннотативным*, так и *денотативным* значением. Ономапоэтическое прочтение ХК драм отчетливо демонстрирует весомую роль использования ПИ в качестве выразительных средств для реализации юмора, иронии, сарказма и создания комического эффекта в драматургическом контексте. Так, в диалоге Раздорского и Зудина А. М. Галин использует подобную игру с именами-переключками: «**РАЗДОРСКИЙ.** ... *Столько я переимел их (о женщинах – И. П.) за это время. Математик Ковалевский не смог бы подсчитать.* <...> **ЗУДИН.** *По-моему, математик была женщиной... Была математик Ковалевская... РАЗДОРСКИЙ. Это Лобачевская была женщиной... не путай. ЗУДИН. Да? По-моему, наоборот – женщины Лобачевской – не было. Была Ковалевская женщина, а Лобачевский был – мужчина. РАЗДОРСКИЙ. Мужчина Ковалевский был... ЗУДИН. Ты твёрдо уверен? РАЗДОРСКИЙ. Не очень твёрдо... В Менделееве я больше уверен. Я помню, у него была борода...<...> ЗУДИН. Не путай его с Миклухо-Маклаем... у того тоже была борода» [1, с. 11]. У такого маргинального героя пьесы, как Зудин в колонии, где он много читал, сложилось тоже определённое отношение к женщинам, но не реальным, а героинями классических произведений Л. Толстого, А. Пушкина: «*Мы в остроге думали иначе о Женщине* (контекстуальный антропоним – И. П.). <...> *Мне было сладко перечитывать классиков! Какие у меня были там женщины! Ты знаешь, как я их всех любил. И Таню... И Олю* (автор имеет в виду **Татьяну** и **Ольгу** из пушкинского «Евгения Онегина» – И. П.) ... *И Наташу* (из Л. Толстого «Война и мир» – И.П.). *Очень трудно было с Аней...* <...> *Безумно любил в неволе Аню* (о героине **Анне Карениной** из одноименного романа Л. Толстого – И. П.). *Трудно было, когда она это делала с Вронским. Невозможно передать, что со мной творилось»* [1, с. 11]. Автор в данном случае использует только денотативное значение ПИ, требующее раскрытия определенных энциклопедических знаний о денотате-носителе.*

Но всё же многие из ПИ обладают *коннотативными* возможностями, когда их толкование требует привлечения филологического контекста. Такие онимы могут выступать в данном ХК, например, в качестве *ономастических сравнений* или *ономастических метафор*. Артист Алфимов имел «*красивейшие волосы, как у короля Людовика* (ономастическое сравнение – И. П.)» [1, с. 6]. Отсутствие фотографии своей новой возлюбленной Павел Раздорский несколько субъективно объясняет так: «*Засветил всё, как Гоголь...*» [1, с. 10]. ПИ в ХК пьесы становятся и *ономастическими метафорами*: «**РАЗДОРСКИЙ.** *Люблю её (Лену – И. П.), плачу, когда смотрю... Сашка Боттичелли не прошёл бы мимо такого лица...*» [1, с. 10].

В качестве *ономастической метафоры* драматург использует ПИ итальянского художника **Сандро Боттичелли**, прославившегося во Флоренции своей портретной живописью, в несколько ироничной манере, присваивая русский вариант личного имени и называя того **Сашкой Боттичелли**, вкладывая несколько субъективный смысл в поэтоним – «самый искушенный художник-портретист». Данная пойма (одна из сем) ПИ является *контекстной*, зависит исключительно от ХК и проявляется только в нём.

Употребление в ХТ всего спектра вариантов имён персонажей (*гипокористик*, *квалитативов*: *деминутивов* и *пейоративов*). В пьесе на социально-бытовую тематику герои чаще всего называют друг друга по именам, используя всю палитру вариантов ИС с целью передачи оттенков эмоций персонажей по отношению друг к другу, а также избегания повторов в репликах героев пьес. Среди модификатов ИС отметим *гипокористики*, чаще всего выражающие сравнительно эмоционально нейтральные отношения, указывающие на достаточно близкие (семейные или дружеские связи): **Лёва, Света, Лена** («РАЗДОРСКИЙ. *А кого тут снимать, Лёва? ЗУДИН. Лично я, Паша, снимал людей*» [1, с. 7]). Активно транслирует драматург весь спектр эмоций и чувств героев посредством использования *квалитативов*, в частности, *деминутивов* **Павлуша** («*И всё-таки, несмотря ни на что, я повторяю мой главный вопрос – ты доволен жизнью, Павлуша?*» [1, с. 7]), **Павлик** («*ЗУДИН. Ты многого добился в жизни, Павлик... Ты доволен?*» [1, с. 11]) и *пейоративов*, которые, однако, не несут особой негативной окраски, скорее нейтральны, поскольку люди, знакомые с юности, достаточно часто могут использовать эти формы при общении: **Лёвка, Пашка, Светка** и пр.

При прочтении ИС в данном ХК важна и структура онимов. В «Чешском фото» отсутствует характерная для официального русского именослова *трионимия*. Художник слова отдаёт паритет *однокомпонентным* (личное имя – **Павел, Лев, Светлана**, варианты ИС – **Павлуша, Лёва, Светка** и др., прозвище – **Павлин**, фамилия – **Раздорский, Кушакова, Алфимов** и пр.) и *двухкомпонентным* (в основном, имя + фамилия – **Светлана Кушакова, Пашка Раздорский** и пр.) по структуре антропонимам, отражающим сферу неофициальных, в основном социально-бытовых (дружеских, приятельских) отношений между героями пьесы.

Таким образом, толкование антропонимов ХТ – явление достаточно сложное, включающее в себя лингвистическую и литературоведческую методологию исследования поэтонима. Раскрытию прагматических возможностей и роли имени во многом содействуют авторская рефлексия, проявляющаяся в репликах персонажей ХТ; использование металогически мотивированных ФИ (косвенно-и скрытоговорящих онимов), а также ПИ; определённая структура проприальных единиц и контекстуальное употребление вариантов антропонимов в пьесе.

Список литературы

1. Галин А. М. Чешское фото. М. : Библиотека драматургии Агентства «ФТМ», 1993. 26 с.
2. Петрачкова И. М. Своеобразие онимических средств в драматургических текстах театра абсурда Дмитрия Липскерова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2021. № 1. С. 64–76.
3. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. I. А–Й, 1985. 696 с.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. III. П–Р. 1987. 752 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стер. М. : Рус. яз., 1985–1988. Т. IV. С–Я. 1988. 800 с.
6. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание. М. : Айрис-пресс, 2005. 384 с.

Информация об авторе: *Петрачкова Инна Михайловна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Гомельского государственного медицинского университета (г. Гомель, Республика Беларусь).

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА И. БРОДСКОГО

Т. А. Пономарева

*г. Луганск, Россия
tanya_p-05@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются особенности проявления философии языка в художественной картине мира Иосифа Бродского. Описывается феномен «лингвоцентризма» как одного из основополагающих свойств концептуальной картины мира И. Бродского. Анализируются некоторые «лингвоориентированные» языковые средства, с помощью которых вербализируется концепт «Язык».

Ключевые слова: философия языка, «лингвоцентризм», концепт, концепт «Язык», репрезентация концепта, слово

Для цитирования: Пономарева Т. А. Философия языка в художественной картине мира И. Бродского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 365–368.

Особенности поэтики Иосифа Бродского привлекают внимание лингвистов и литературоведов. Фундаментальные основы изучения его творчества заложены работами таких учёных, как Л. Лосев, В. Куллэ, А. Жолковский, А. Ранчин, Я. Гордин, С. Яржембовский, А. Найман, В. Полухина и др.

Тем не менее, некоторые лингвистические аспекты творчества И. Бродского остаются малоизученными. К таким, на наш взгляд, относится и его особая философия языка, «лингвоцентризм» его поэтики. Отметим, что некоторым аспектам репрезентации концепта «Язык» в художественной картине мира И. Бродского посвящены работы О. В. Орловой, И. В. Плотникова и некоторых других исследователей.

Цель данной работы – проанализировать языковую представленность концепта «Язык» в концептосфере И. Бродского, описать «лингвоцентрические» особенности его поэтики.

Высокая степень языковой и речевой рефлексии, характерная для поэзии И. Бродского, привлекает внимание к концепту «Язык» и особенностям его вербализации. Особое отношение И. Бродского к языку как к двоякой сущности (с одной стороны, язык как творящее начало, с другой – как субстанция, поглощающая, вбирающая в себя лиц и реалии) позволяет говорить о «язычестве» (С. Яржембовский) этого поэта и «лингвоцентризме» его поэтики.

Обращение к «язычеству» И. Бродского, т.е. описание его отношения к языку, необходимо, поскольку определение Бродским языка и сущности поэзии является первоосновой всего его творчества.

«Язык – начало начал. Если Бог для меня существует, то это именно язык» [1, с. 96], – говорил Иосиф Бродский. И далее: «Поэт ... есть средство существования языка. Или, как сказал великий Оден, он – тот, кем язык жив. Не станет меня, эти строки пишущего, не станет вас, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором вы их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации.

...Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку» [2, с. 312–313]. Для художественной

картины мира И. Бродского характерна сакрализация языка, наделение языка божественными свойствами.

Смысл высказываний Иосифа Бродского о сущности поэзии – в многочисленных интервью, Нобелевской лекции, эссе – остаётся неизменен: поэзия – это искусство, предмет и цель которого – язык. Хотя скорее, язык – это автор: «Поэт – это продукт языка, орудие, оружие языка, а не наоборот. Язык древнее нас, и он нас переживёт: это организм, живущий сам по себе, со своей собственной динамикой. Именно язык диктует поэзию» [1, с. 285]. И. Бродский считает язык данным свыше, спущенным сверху, а не взращённым снизу. Язык даётся нам не от родителей, не от предков, а из высших сфер.

Единственное спасение от небытия, от смерти И. Бродский видит в языке: «Он говорит о вещах, которые могут уничтожить всё на свете... но он цепляется за язык, за словарь» [5, с. 242]. Слово – это, по Бродскому, единственный способ противостоять смерти:

...мы живы, покамест
есть прощенье и шрифт.

(«Строфы»)

Слово, язык – это то, что остаётся от человека в конечном итоге, когда время побеждает:

Человек превращается в шорох пера по бумаге,
в кольца,
петли, клинышки букв и, потому что скользко,
в запятые и точки.

(«Декабрь во Флоренции»)

Значимость, важность слова, его долговечность по сравнению с короткой человеческой жизнью – таковы основные значения вербализации концепта «Язык».

Вчитываясь в суждения И. Бродского о языке, нетрудно заметить, что их предмет – не язык в строгом лингвистическом понимании. Прежде всего, в языке заключена творящая и одухотворяющая сила поэтического слова, способного в свёрнутом виде вбирать в себя множество смыслов, «целую Вселенную, Космос» (А. Ранчин): «...скрип пера / в тишине по бумаге – бесстрашие в миниатюре» («Примечания папоротника»).

Это и есть та трансцендентность – особая способность поэта с помощью Слова переноситься из реального мира в другой, ирреальный, находящийся за пределами физического ощущения и восприятия.

В слове заключается связь прошлого и настоящего, слово – это смысл существования поэта.

Всё, что творил я, творил не ради я
славы в эпоху кино и радио,
но ради речи родной, словесности.

(«1972 год»)

У И. Бродского язык – это ещё и предмет стихотворения; произнесение слова и есть для поэта подлинный, любимый персонаж и несомненный герой его поэзии. Нельзя не согласиться со словами А. Наймана о том, что для Бродского язык – «категория метафизическая, но он может присутствовать и в качестве персонажа стихотворения. В то же время он пользуется грамматическими категориями, звуками, буквами как рядовыми словами» [5, с. 39]. Этот тезис подтверждают наши наблюдения: И. Бродский в своих поэтических текстах активно употребляет лингвистические термины и понятия (общелингвистические: *язык, речь* и др., грамматические: *глагол, время глагола, грамматика, существительное* и др.,

лексикологические: *слово, словарь* и др., фонетические и графические: *буква, звук* и др., стилистические: *гипербола, метафора* и др.), названия пунктуационных знаков (*точка, запятая* и др.), атрибуты и орудия письма (*бумага, перо* и др.). Персонажами стихотворений становятся и названия букв (звуков): «*а*», «*у*», «*т*», «*ы*» и многие другие.

Бродский использует грамматические термины как средство отображения окружающего мира и как способ его постижения, смотрит на мир «через лингвистическую призму» (В. Полухина).

Так, в стихотворении «Глаголы» развернутые ряды метафор основываются на лингвистических терминах: *глагол, существительное, время глагола, гипербола, метафора*. Человек, который утрачивает своё «я», подчиняется системе, уподобляется «глаголу без существительного»: как глагол в грамматике, он выполняет определенные кем-то действия, но лишен статуса «предметности». Времена глагола отождествляются со временем человеческой жизни в разных её измерениях [4, с. 60]:

Меня окружают молчаливые глаголы,
Похожие на чужие головы глаголы,
Голодные глаголы, голые глаголы,
Главные глаголы, глухие глаголы.
Глаголы без существительных, глаголы просто.

<...>

И небо над ними, как птица над погостом
И, словно стоя перед запертой дверью,
Некто стучит, забивая гвозди,
В прошедшее,
в настоящее,
в будущее время.
Никто не придет и не снимет
Стук молотка вечным ритмом станет
Земли гипербола лежит над ними,
Как небо метафор плывет над нами!

Грамматические явления и номинации проецируются И. Бродским на окружающую действительность, создавая особую картину мира. Лингвистические термины соотносятся с экзистенциальным понятием времени.

В цикле «Часть речи», который занимает особое место в творчестве И. Бродского, концепт «Язык» является ключевым концептом.

В стихотворении «...и при слове “грядущее” из русского языка...» этого цикла возникает образ не языка вообще, а русского языка, противопоставленного английскому. Можем говорить о концепте «Русский язык», который переплетается с концептами «Память» и «Время» (будущее время у Бродского «грядущее»). Память лирического героя, его воспоминания, внутренний мир неразрывно связаны с русским языком и Родиной, которую поэт вынужден был покинуть (вспомним, что цикл состоит из стихов, написанных в последние месяцы жизни И. Бродского на родине и в первые годы эмиграции).

Окончание стихотворения представляет собой итог всего цикла, своеобразную квинтэссенцию значимости Слова для человека:

От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.

Отличительной особенностью поэзии И. Бродского является несомненное присутствие в ней личности автора, считающего себя, с одной стороны, средством языка к продолжению своего существования и ощущающего зависимость от него,

от всего, что на нём уже создано – так называемый диктат языка, по Бродскому («Поэт – человек, находящийся в зависимости от языка» («Нобелевская лекция»)). С другой же стороны – автора, подчеркивающего частность своего существования, обладающего индивидуальностью и уникальностью.

Итак, для художественной картины мира Иосифа Бродского характерна особая философия языка; доминантным свойством его концептуальной картины мира можно назвать «лингвоцентризм». Благодаря этому свойству формируется и постоянно подчеркивается исключительная значимость концепта «Язык» в творчестве поэта. Это осуществляется посредством особой системы «лингвоориентированных» языковых средств. Таким образом, феномен языка в поэтике И. Бродского приобретает статус абсолютной ценности.

В перспективах исследования – дальнейшее описание языковых особенностей репрезентации концептосферы И. Бродского.

Список литературы

1. Бродский И. Большая книга интервью. М. : Захаров, 2000. 704 с.
2. Бродский И. Поклониться тени : эссе. СПб. : Азбука-классика, 2001. 320 с.
3. Козлов В. И. Четыре подступа к циклу И. Бродского «Часть речи» // Пристальное прочтение Бродского : сб. статей / под ред. В. И. Козлова. URL: http://www.telenir.net/literaturovedenie/pristalnoe_prochtenie_brodskogo_sbornik_statei_pod_red_v_i_kozlova/p8.php (дата обращения: 15.02.2023).
4. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы : монография. М. : Гнозис, 2009. 336 с.
5. Полухина В. Бродский глазами современников: сб. интервью. СПб. : Звезда, 1997. 336 с.

Информация об авторе: *Пономарева Татьяна Александровна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Россия).

КОЛОРАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ИХ ФУНКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ СКАЗОК Е. ШВАРЦА

Н. С. Редькина

г. Рязань, Россия
n.redkina@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Рассматривается колоративная лексика, представленная именами прилагательными с семантическим компонентом цвета. Систематизация языкового материала показана с точки зрения семантико-стилистического аспекта функционирования в художественном тексте драматургических сказок Е. Шварца.

Ключевые слова: колоративы, цветочные прилагательные, художественный текст, стилистика, семантика, функции

Для цитирования: Редькина Н. С. Колоративные прилагательные и их функции в художественном тексте сказок Е. Шварца // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 368–372.

Произведения художественной литературы всегда представляли немалый интерес для филологов и лингвистов, поскольку язык текстов не только отражает мир, видимый автору, но и воссоздает его собственную языковую картину. Стилистический анализ позволяет увидеть различные стороны человеческого мира, который представил и трансформировал в соответствии со своими творческими целями писатель.

Лингвистика цвета относительно новое направление в языкознании с не до конца сформировавшимися методами и приемами исследования, и тем не менее исследования XX – начала XXI в. нередко были обращены к колоративной лексике, что нашло отражение в разных аспектах изучения данного явления: в сравнительно-историческом, лексико-семантическом, грамматическом, функциональном, сопоставительном, психолингвистическом, лингвокультурологическом и т.д. В меньшей степени разработаны вопросы лексикографического описания языковых фактов. Литературные тексты как материал для языкового исследования также требуют тщательного и системного анализа.

Русская литература подарила миру множество писателей и поэтов, в творчестве которых цветовая картина мира существует как отдельный феномен. Драматургия из-за особенностей компактного изложения в меньшей степени обращается к цветописи, что не только не снижает, но и повышает ценность использования колоративов при отображении авторской картины мира. Е. Шварц не является исключением.

Материалом исследования послужили 28 колоративов (более 100 словоупотреблений), извлеченных из художественных текстов пьес-сказок Е. Шварца. Назовем их в алфавитном порядке: *белый, бледный, вороной, голубой, дымчатый, жёлтый, зелёный, золотой, коричневый, красный, лазоревый, полосатый, пятнистый, розовый, рубиновый, румяный, рябой, светлый, седой, серебряный, серый, синий, сиреневый, снежный, тёмный, траурный, червлёный, ясный*. Отметим, что под колоративом мы понимаем языковую и речевую единицу с корневым морфем, семантически или этимологически связанным с цветоименованием.

Обращает на себя внимание ряд особенностей. Преобладание белого, золотого и черного цвета в пьесах-сказках Е. Шварца несомненно.

Белый цвет относится к так называемым тотальным цветам, считаясь доминирующим в русской культуре. Ахроматический *белый* – фаворит всех рассмотренных текстов, он вписывается в цветопись ненавязчиво (если учесть, что пьесы в общепринятом смысле в целом не пресыщены цветовой лексикой), каждый раз точно решая авторские задачи. Сюда вошли колоративы: 1) при описании внешности человека или животного: *белая борода, белые волосы, белая щека* – с описательной функцией и нейтральной окраской; *белокурые волосы, белоснежный конь* (поэт.), *белобрысый человек* (разг., с оттенком пренебр.), *беленькая мышка* (уменьш.-ласкат.), *беленькая принцесса, беленькая старушка, я беленькая* (уменьш.-ласкат. в традиционной стилистике контекстуально представляет снисходительно-одобрительное авторское представление и работает на весь формируемый образ), *белая лошаденка* (важен функционал уменьш.-уничижит. суффикса существительного) – с характерологической и оценочной функциями; 2) при назывании и описании предметов: нейтрально-описательные *белая муфта, белая шуба, белые перчатки, белые грибы, белый цвет, белые буквы, в белом* – с номинативной функцией; усилительные *белое место, чисто белый шелк, ослепительное бельё* (весь оборот создает эффект скрипящей от чистоты, а значит кипенно-белой одежды) символизируют нарочитую аристократичность и оторванность от повседневности власть предержащих, над которыми иронизирует автор.

«Женщина. Тот, к кому я пришла. ... Он хочет нравиться всем на свете. Он раб моды. Вот, например, когда в моде было загорать, он загорел до того, что стал черен, как негр. А тут загар вдруг вышел из моды. И он решился на операцию. Кожу из-под трусов – это было единственное белое место на его теле – врачи пересадили ему на лицо» (Тень).

Традиционно историческое восприятие белого цвета может быть связано как с жизнью, так и со смертью. Символичность при описании персонажа усиливается за счет компаративной формы фразеологизма как *смерть* с усиливающим интенсивность проявления цвета двойным колоративом *белый-белый*, выступающим как слово-сопроводитель: *«И он увидел: белый-белый как смерть Ланцелот стоял возле мертвых голов дракона»* (Дракон).

Рассмотрим репрезентацию колоратива *золотой*. Этот цвет наиболее востребован автором и прослеживается в подавляющем большинстве его пьес-сказок.

Из базовых, отмеченных во всех словарях компонентов семантики, в текстах сказок выделяются следующие: содержащий золото; в значении существительного; цвета золота; замечательный по достоинствам, очень ценный. При этом общеязыковое значение «сделанный из золота» всегда сопровождается колоративным семантическим компонентом: *золотой герб, золотой щит, золотые булавки, золотая табакерка, золотой шлем, золотые зубы, золотые часы, золотые монеты, золотой*. Семантика слова *золото* – сказочное изобилие, богатство, неограниченные возможности, зло, зависть, жажда наживы – традиционно для фольклора и символично применительно к коннотации рассматриваемых словосочетаний. Описательная функция свойственна небольшому количеству оборотов: *золотая карета, золотой переплет, золотые рыбки*; при этом гораздо чаще внешне номинативно-описательная функция колоративов у Е. Шварца всегда сопровождает образы определенных отрицательных персонажей: короля, министров, тайных советников, – что создает им соответствующую оценку.

Золотые руки Генриха (Голый король), *золотые руки* бабушки (Снежная королева), *золотые руки* Хозяина (Обыкновенное чудо), *золотые руки* Золушки или *золотое слово* Короля (Золушка) как фразеологизмы с колоративным компонентом *золотой* несут положительную коннотацию, индивидуализируют и усиливают функциональность словесного полотна сказок, что подчеркивает одобрительное отношение автора к персонажам.

Семантико-стилистический прием двойной актуализации, построенный на совмещении в контексте прямого и переносного значения словосочетания, вместе с индивидуально-авторским обыгрыванием фразеологизма *с золотой иголки* (прям.: *с иголки*) не только повышает экспрессивность текста, но и порождает языковую игру, столь любимую Е. Шварцем. *«Первый министр. Иголки золотые? Первый портной. Так точно, золотые. Первый министр. Подать ему платье прямо с золотой иголки»* (Голый король).

Единичное сложное образование *золотоволосая женщина* (Золушка) и антропоним *Золотая капелька* (имя канарейки, Тень) выступают как художественно-поэтический эпитеты, выполняя изобразительно-выразительную функцию в художественном тексте. Отметим, что и в случае использования драматургом колоратива *белый* (синонимичная лексема *снежный*), были отмечены два оригинальных, взятых из вдохновивших Е. Шварца сказок, антропонима: *рыцарь Белой Луны* (Дон-Кихот), *Снежная королева* (одноименная пьеса). Их функции сопряжены со словами поэтичность, индивидуализация, символичность.

Если цвет воспринимается через призму этнокультурного контекста, то это неизменно порождает возникновение у него «символической» семантики. Наделение способных передавать как положительные, так и отрицательные стилисти-

ческие оценки слов символическими значениями связано с рядом причин прагматического, психологического, культурно-религиозного характера. Почти безусловная однозначность отрицательной оценочности прослеживается в русском языке только у колоризмов группы черного цвета.

Многоплановая пьес Е. Шварца не отменяет традиционно чтимую им сказочную этику борьбы зла и добра, где зло всегда сопровождается черным цветом. Единичное употребление колоратива *траурный* (траурные одежды; Дон-Кихот). Семантико-стилистическая палитра предсказуема: прямое именование цвета объекта в словосочетаниях *черная щека, черный конь, черные козлы, черная борода, черный плащ, черная доска, черный сюртук, в черном* соседствует с описательной функцией; в оборотах *черен как негр, чернее уголька, с большими черными глазами* коннотативный эффект усиливается за счет дополнительных компонентов и формы. Двойная актуализация прямого и метафорического значения возникает в колоративных словосочетаниях *чёрное облако, чёрные грибы* (в тексте подтверждается словами «они называются *гробовики*»; Дракон), *чёрное болото, Чёрные горы* называют реальные предметы и одновременно осуществляют связь с идеей страха, беды, несчастья, зла, смерти. Авторская метафоричность на уровне языка проявляется в сравнении инквизиторов с *чёрными волшебниками* (Дон-Кихот) и языковой игре с окказиональным фразеологизмом, усиливающим насмешливо-ироничный подтекст при помощи колоративного компонента. «*Альтисидора. ... Вы, дон Старый Пень, вы не задели моего сердца и на чёрный кончик ногтя!*» (Дон-Кихот)

Серый цвет и его оттенки, выражающий переход от белого к черному в русском языке представлен лексемой *серый*, а также колоративами *дымчатый, седой, серебряный*.

У Е. Шварца серый цвет воспринимается как нейтральный, ничем не примечательный, при описании человека связанный с возрастом, без оценки, поэтому и используется исключительно с описательной функцией: *седой придворный, седой ученый, серенький ослик* (добавляется уменьш.-ласкат. коннотация), *серое небо, Серые горы*. Утонченность в изображении внешности добавляется включением типичных для поэзии эпитетов *серебряные волосы* и *дымчатый кот* (Два клена).

В языке пьес отмечены словосочетания с компонентами *бледный, светлый, темный, ясный*, не указывающими конкретно на определенный цвет спектра, а отмечающие интенсивность того или иного цвета. Дуальная асимметрия языковых знаков находит свое воплощение в противоположной семантике словосочетаний с компонентами *бледный – ясный, светлый – темный*. Основная функция – описательная (изображение внешности или погоды); усилительно-индивидуализирующая функция в оборотах *бледная как смерть, мертвенно-бледный чело-вечек* (Дракон); поэтическое цитирование Сервантеса (Светлокудрый Феб).

Один из любимых цветов русского человека не мог не оказаться в качестве компонентов описания в текстах рассматриваемых сказок. Словосочетания включают в себя прямой колоратив *красный*, а также его оттенки *розовый, румяный, рубиновый, червлёный*. Если в «Дон-Кихоте» *красное лицо, краснолицый крестьянин, багрово-красный цвет; румяный человек, румяная старушка* (Снежная королева) связаны с внешностью и ассоциируются со здоровьем или нездоровьем, то в «Тени» *розовый крем, розовая гостиная, красное дерево*; в «Голом короле» *красные розы, красная рыба, червлёные сердца* (традиционный геральдический цвет), в «Золушке» *рубиновый стаканчик* ассоциируются с роскошью, уникальностью и статусом королевского дворца. Прямое именование присутствует в антропониме *Красная шапочка*, а фольклорно-поэтический эпитет с положительной коннотацией свойствен колоративу *румяный* во всех его контекстах.

Как мы увидели, функция цвета в художественных текстах разнообразна: от номинативно-описательной до усилительно-индивидуализирующей и символической. Семантика цветообозначения связана с текстуальной коннотацией, а своеобразие употребления колоративных прилагательных, участвующих в воспроизведении реального мира в художественных произведениях, становится проявлением индивидуального авторского письма, авторского видения и отражения окружающей действительности.

Информация об авторе: *Редькина Наталья Сергеевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия)

ГИПЕРБОЛА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. ХАРМСА ДЛЯ ДЕТЕЙ

В. А. Рябова

г. Пенза, Россия
swlullaby@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются функции гиперболы в детских произведениях Д. Хармса, выявляются формы и способы её выражения, а также анализируются гиперболизирующие возможности некоторых языковых единиц. Делается вывод о гиперболе как о главенствующем тропе в детских произведениях Хармса.

Ключевые слова: языковые средства выразительности, тропы, детская литература, Д. Хармс, стилистика, гиперболы, интенсификация

Для цитирования: Рябова В. А. Гипербола в произведениях Д. Хармса для детей // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Международ. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 372–374.

Язык художественной литературы не мыслится без экспрессии. В целом, язык, на котором мы говорим, сам по себе выразителен. В быту мы неосознанно пользуемся большим количеством выразительных средств, например: «нос корабля», «время идет», «быстрый взгляд», «скука смертная», «ужасно долго», «море по колено». Мы сравниваем, уподобляем, переносим и обобщаем – это следствия системности и лаконичности языка. Разные понятия могут выражаться одними словами, а длинные и громоздкие определения «сжиматься» в емкое слово, которое мыслится человеком аналогично. Так, пустой может быть коробка, и человек может быть пустым. То есть не иметь какого-то внутреннего содержания. В этом случае речь идет об общеязыковых средствах выразительности. Они устойчивы и общепотребительны, понятны и доступны каждому носителю языка.

Но если речь украшается нами неосознанно, то художественная литература пользуется средствами выразительности намеренно, использование тех или иных тропов и фигур формирует авторский идиостиль. Троп – это «средство выразительности, основанное на переносе значения, совмещении смыслов» [2, с. 7]. Как правило, выделяют эпитет, метафору, сравнение, метонимию, синекдоху, олицетворение, литоту, гиперболу, перифразу, иронию и аллегория. Рассматривать сущность каждого из приемов целесообразно именно на художественном материале, так как средства выразительности – не самоцель, а форма мысли. Использование тех или иных тропов выявляет авторский стиль, подобно тому, как речь характеризует говорящего. Интересен с этой точки зрения язык детской литерату-

ры, так как перед автором стоит особенная задача – предать тексту понятную, игровую форму, доступную юному читателю.

Для нашего исследования в качестве языкового материала мы взяли детскую поэзию Даниила Хармса. Феномен её заключается как минимум в том, что для своих произведений автор заимствует элементы детской речи, стихи его ритмичны и легко запоминаются. К слову, сам Хармс детей не любил и говорил, что «травить детей – это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!» При этом к написанию детских стихов и рассказов подходил ответственно, и сам во многом напоминал ребёнка: странно одевался, постоянно влюблялся, быстро загорался разными увлечениями и так же быстро остывал. Абсурдное мировидение писателя сопоставимо с мировосприятием ребенка, гиперболизированным, живущим в мире загадок, считалок, дворовых игровых песенок. Языковые особенности детских его стихов и рассказов очень наглядно выдают внутреннюю детскость автора, ведь иной раз кажется, что стихи эти сочинялись не взрослым поэтом, а именно детьми. Учитывая это, закономерно, что чаще прочих тропов в стихах встречается гипербола: «*А вы знаете, что СО? // А вы знаете, что БА? // А вы знаете, что КИ? // Что собаки-пустолайки // Научились летать? // Научились точно птицы, – // Не как звери, // Не как рыбы, – // Точно ястребы летать!*» («Врун»); «*...Мчится с визгом через мост, // К небесам поднявши хвост*» («О том, как папа застрелил мне хорька»); «*А за ним // быстрее лани // ...Гулливер бежит бегом*» («Что это значит?»); «*Он шел все прямо и вперед // И все вперед глядел. // Ни спал, ни пил, // ни пил, ни спал...*» («Из дома вышел человек»); «*По ноге его полз // И в штанах его исчез, // И собаки в самом деле // Поумнели в две недели*», «*И не видит ничего, // Что под носом у него*» («Плих и Плюх»); «*Жила она тихо и мирно, чаёк попивала, сыну письма посылала, а больше ничего и не делала*», «*Дома же говорили про старушку, что она с луны свалилась*», «*Старушка влево и струя влево. Старушка скорей вправо, и струя за ней*»; «*...продает судака большого и сочного, длиной с руку, толщиной с ногу*», «*...теперь на ослах как на трамваях ездят*», «*...да как закричит туда, прямо старушке в лицо, да так, что за семь верст услышать можно*», «*...а в груди у нее будто камень расти начал. Стоит она и дышать не может*», «*Шум стоит будто в кузнице, только в игрушечной*» («О том, как старушка чернила покупала»); «*...сам такой длины, что не видать, где ноги кончаются*», «*...да как стукнет кулаком по пеньку, так пенек в землю и ушёл*», «*...да как шагнет сразу метров на двадцать...*» («Во-первых и во-вторых») и др.

Как известно, гипербола – «фигура речи, состоящая в заведомом преувеличении, усиливающем выразительность, придающем высказываемому эмфатический характер» [1, с. 94–95]. То есть в основе гиперболы лежит преувеличение, а преувеличение в семантике своей уже подразумевает сравнение с чем-то большим, чем есть на самом деле. Поэтому большинство гипербол у Хармса предстают в форме сравнений: собаки летают как ястребы, люди вскакивают, как мячики, Гулливер бежит быстрее лани, на ослах ездят как на трамваях (это все же не видится нам чистым сравнением, так как осел тоже ездовое животное, которое сравнивают с многопассажирским транспортом).

О. П. Ермакова писала о том, что гипербола не может существовать отдельно от метафоры и сравнения (например – «*в груди будто камень расти начал*» – это метафора с явным преувеличением) [3, с. 16]. Но у Хармса гипербола часто существует и обособленно, представляя собой своего рода усиление, гиперболизацию образа не за счет внутреннего или явного сравнения, а за счет утрирования. То есть фраза «*жила она тихо и мирно, чаёк попивала, сыну письма посылала, а больше ничего и не делала*» – это гипербола, а именно утрирование. Старушка же наверняка делала что-то еще, но так автор подчеркивает неполноцен-

ность ее жизни, ограниченность и однотипность. Даже когда мы общаемся и нас спрашивают, чем мы заняты, то часто отвечаем – «ничем». Своего рода за лексемой «ничего» закрепилось одно из значений – «ничего существенного, важного».

Как противоположный вид гиперболы у Хармса встречается литота (преуменьшение), например: «...комната, **совсем крохотная, не больше шкафа**» («О том, как старушка чернила покупала»); «человек, **ростом с ведерко**» («Во-первых, и во-вторых»). Здесь речь идет преимущественно о размере.

Также у Хармса часто встречаем явление интенсификации, что также связано с гиперболизацией. В детских произведениях Хармса всё и все всегда «очень»: «**очень старенький**», «**очень старая**», «**очень храбрых моряка**», «**очень громко... закричу**», «**очень странный бородач**», «**очень клянут блинчиков**», «**очень устали**», «**очень шумную...улицу**», «**очень интересный рассказ**», «**очень жарко**», «**очень просто**», «**очень хороший**», «**очень острый**» (о ноже), «**очень странно**» и т.д. Если рассматривать гиперболу как троп, суть которого в количественном усилении интенсивности свойства, то лексема «очень» способствует бесконечной гиперболизации мира, предметов, чувств, ощущений в видении Хармса.

Практически все детские произведения Хармса граничат на стыке детской, игровой реальности и иронии. По большей части это передается за счет различных средств интенсификации («усиления»), которые способствуют гиперболизации ситуаций, выражая высокую степень признака. Например, помимо наречия «очень» в качестве «усилителей» выступает наречие «страшно» («Раз, увидя паука, // **Страшно испугался**», «А увидя стрекозу // **Страшно рассердился**»), местоименные наречия («Тут я разом **как** вскочу! // **Как** их за уши схвачу!», «...да **как стукнет** кулаком по пеньку...», «...да **как шагнет** сразу метров на двадцать...»). Или примечателен вот такой пример, когда используется своего рода «усреднитель»: «Позвольте выступить. Умею **слегка увеличиваться в росте**». Несочетаемость смыслов приводит к гиперболе и иронии, так как «рост» мыслится как нечто статичное и «увеличиться» в процессе нельзя, а благодаря лексеме «слегка» высказывание приобретает иронический характер.

Таким образом, можем выделить основные функции гиперболы в детских произведениях Хармса:

- 1) утрирование с целью создания более ярких образов, доступных и интересных ребёнку;
- 2) интенсификация признаков, способствующая гиперболизации повествования; мир в произведениях Хармса получается как бы экзальтированным, несерьезным, даже абсурдным;
- 3) стремление к юмору, иронии, повествование за счет гиперболизации приобретает шуточный характер.

Несколько «абсурдистское» мировидение помогает писателю в создании детских произведений, оно непосредственно влияет на выбор языковых средств в произведениях. Автор явно понимал детскую культуру, осознавал, как ребёнок видит и чувствует, а потому писал свои стихи и рассказы особым способом, из всех тропов чаще всего прибегая именно к гиперболе.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
2. Ермакова О. П. Гипербола и смежные с ней явления : монография. М. : ФЛИНТА, 2021. 71 с.
3. Николаев А. И., Ушакова Т. А. Искусство убеждения: основы риторики. Иваново : ЛИСТОС, 2013. С. 41–57.

Информация об авторе: Рябова Валерия Алексеевна, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ОТРАЖЕНИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СИНТАКСИСЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

О. В. Сергушкова

*г. Мозырь, Республика Беларусь
sergushkova_olga@mail.ru*

Аннотация. Исследуются предложения, вставки, повторы и др. Доказывается отражение в синтаксисе упорядоченности, целостности и познаваемости мира. Утверждается, что художественная речь Тургенева является классическим образцом антропоцентрического типа восприятия действительности.

Ключевые слова: синтаксис, антропоцентрическая парадигма, картина мира, целостность, познаваемость, повтор

Для цитирования: Сергушкова О. В. Отражение антропоцентрической парадигмы в синтаксисе И. С. Тургенева // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 375–379.

Мы понимаем культурную парадигму эпохи как совокупность мировоззренческих взглядов, отражённых в принципах, способах и формах понимания, познания и освоения действительности. Рассматриваемый феномен пронизывает всё пространство человеческой деятельности, особенно отчётливо, на наш взгляд, отражаясь в языке, и прежде всего в речи художественных произведений, созданных великими мастерами слова. В их когорту, несомненно, входит И. С. Тургенев. Художественную речь писателя мы считаем классическим примером отражения и выражения в ней антропоцентрической культурной парадигмы XIX века.

Главная идея антропоцентризма – «осознание человеком себя как центра мироздания», а «...антропоцентрическая онтология есть учение о совокупной целостности бытия» [1]. Именно таким, упорядоченным и целостным, и выступает бытие в «возможных мирах» И. С. Тургенева. Описывая в одном предложении, на первый взгляд, не зависимые друг от друга события, писатель подчёркивает далеко не всегда ощущаемую обыденным сознанием связь между ними, тем самым предоставляя читателю возможность воспринимать картину целиком – так, как видит её он. На наш взгляд, это одна из причин такой синтаксической особенности тургеневского языка, как большая длина многих предложений. Писатель часто обращается к читателю, с помощью тех или иных синтаксических конструкций даже включает его в повествование, подчёркивая дискурсивность текстов художественных произведений, их онтологическую диалогичность и антропоцентрическое понимание и восприятие мира.

Но, уважительно относясь к точке зрения реципиента и его психическому состоянию, Тургенев как будто забывает о слишком большом объёме некоторых предложений в его текстах. Писателя совершенно не смущал известный факт о неудобочитаемости длинных высказываний, которые в XX веке стали особенно активно изучаться именно по параметру объёма. В разных источниках отмечается, что, например, средняя длина предложения в русском языке составляет 10,38 слова, а максимальная – даже в научных и художественных текстах – редко превышает 50 слов. В таблице из учебника по журналистике предложения из 19–25 слов относятся к «понимаемым», а содержащие 30 слов квалифицируются как «весьма

трудно понимаемые» [2]. Простой подсчёт количества слов во многих предложениях, структурированных И. С. Тургеневым, выявляет трудности их быстрого чтения и восприятия. Однако писатель явно не считает это помехой. Может быть, слегка «проигрывая» в скорости коммуникативного процесса (впрочем, для ретивальной коммуникации это не так уж и важно), он «выигрывает» логичностью и уместностью выбора, значительностью и содержательностью используемых языковых единиц и безупречной референциальной точностью номинации объектов, существующих в созданном им «возможном мире».

В художественной речи писателя такие построения, в которых объединяются разные детали порой отдалённых друг от друга событий и их субъектов, весьма часты. В них проявляется свойственная тургеневскому слогу детализированность изображения и одновременно его целостность, обобщённость. Это сближает созданные картины с живописными полотнами, изображающими пейзажи, портреты, характеры, душевные переживания, а по количеству мелких деталей такие описания похожи на фотографии. ПЧ этих предложений разделены точкой с запятой и, по сути, представляют собой цепь высказываний, тесная связь которых друг с другом маркирована указанным знаком препинания и мотивирована коммуникативно-смысловой задачей автора. Н-р: *...весна брала своё. Всё кругом золотисто зеленело, всё широко и мягко волновалось и лоснилось под тихим дыханием тёплого ветерка, всё – деревья, кусты и трава: повсюду нескончаемыми звонкими струйками заливались жаворонки; чибисы то кричали, вьась над низменными дугами, то молча перебежали по кочкам; красиво чернея в нежной зелени ещё низких яровых хлебов, гуляли грачи; они пропадали во ржи, уже слегка побелевшей, лишь изредка выказывались их головы в дымчатых её волнах* [3, с. 473]. Это предложение по грамматическим признакам и по смыслу является открытой структурой, ещё много подобных проявлений наступления весны мог бы заметить и описать Тургенев. Однако информацию о них автор даёт не в отдельных предложениях, а в сложной синтаксической конструкции (ССК), ПЧ которой связаны между собой гораздо теснее, чем самостоятельные предложения, так как паузы между ними короче, а интонацию и значение законченности сообщения, совпадающую с завершением ССК, имеет только одна, последняя его ПЧ. Поэтому данная конструкция, блестяще решая коммуникативно-смысловые задачи, наилучшим образом соответствует не только авторской интенции, но и антропоцентрической парадигме тургеневского времени: автору удалось показать, что ободрили и рассеяли грусть Аркадия при взгляде на мало живописные места небогатого края, где живёт и не очень хорошо хозяйствует его отец, помещик, не отдельные детали, говорящие о приходе весны – его грустные размышления исчезли под воздействием целостности картины, заключающей в себе мысль о радостной готовности всего, что создала природа, к обновлению и продолжению жизни.

В письменной речи XX столетия наблюдается противоположное – сегментирование предложений, которое заключается в их смысловом и интонационном членении на отдельные коммуникативно значимые отрезки – сегментированные конструкции (СК), отграниченные от предложений как базовых структур знаками конца предложения в «неожиданном» месте. Высокая частотность употребления СК в художественных произведениях XX века позволяет считать сегменты речевыми маркерами другой парадигмы, порождённой модернизмом, который появился в искусстве в конце XIX в., и постмодернизмом XX–начала XXI вв. Эти века – время существования двух парадигм, отличающихся друг от друга мировоззренческими установками и формами самовыражения, но не враждующих, а расширяющих и обогащающих картину мира.

В своем творчестве И. С. Тургенев не только применяет все предоставленные ему языковые средства, но и, чувствуя бесконечно богатые возможности художественной речи и опережая теорию, использует свое индивидуально-авторское право эвристически изменять или смешивать их. Список только синтаксических единиц, использованных в речевом пространстве его «возможных миров», неисчерпаем: это аверсия, аккумуляция, амплификация, полисиндетон, бессоюзие, все виды повторов, вставки, период и др. Всеми силами писательского дара он стремился к тому, чтобы «мысль изреченная» не была ложью. Реалистичность описываемого, правда событий и их участников оставались для писателя главными достоинствами создаваемых творений. Это прямо или косвенно доказывается подробными описаниями героев, событий, пейзажей, которые не только безупречны в эстетическом плане, но и содержат целый ряд точных, логически связанных не только друг с другом, но и со смыслом данного фрагмента и идейным содержанием всего произведения слов и конструкций.

Человек понимается и представляется И. С. Тургеневым как сущность, созданная ею для самопознания. Поэтому тургеневские описания – это не просто стилистические приёмы, благодаря которым акцентируются душевные состояния персонажей. Писатель показывает, что ощущения, навеянные великолепными по точности изображения и эстетическому воздействию пейзажами, имеют трансцендентально-имманентный характер для человека как составной части природы, живущей по ее законам и чувствующей сознательно или бессознательно её состояния. Он не просто любит красоту пейзажей, он родствен им, так как тоже дитя тех высших сил, которые являют себя в разных ликах – прекрасных и уродливых, благотворных и опасных, вызывающих восхищение и наводящих ужас. Люди – участники всего, что происходит в природе, ибо генетически, по своему появлению в мире, неразрешимо связаны с ней. Может быть, подчёркивая эти интуитивные ощущения, автор показывает, что человек не только счастливо наслаждается красотами, радуется и смеётся, ощущая гармонию и душевное спокойствие, но он и боится грозного и порою страшного другого лика той силы, которая породила его. Это тоже специфическая черта антропоцентрической парадигмы, согласно такому типу восприятия, мир не громадная куча предметов, случайно оказавшихся соседями, не хаос их бессмысленных движений. В мире все каузативно зависимо и мотивировано близкими, непосредственными связями и отношениями субъектов и событий или более отдаленными, опосредованными. Человеку дано это понять. Антропоцентрическая парадигма отрицает агностицизм. Мы глубоко уверены, что миропознавательная деятельность человека невозможна без языка, она отражается и проявляется в нём.

Для того чтобы придуманные «возможные миры» в художественном произведении были как можно больше похожи на реальные, Тургенев использует поистине колоссальное множество языковых средств. В качестве примера возьмём такой, казалось бы, простой и привычный стилистический приём, как повтор. С философской точки зрения, повторение – не имманентная, а трансцендентальная форма бытия, по этому качеству подобная пространству, времени, причинности и т.д. То есть оно дано рассудку человеку изначально, вне его опыта и всегда с ним, в любой его деятельности. Язык, речь имеют наилучшие возможности не только проиллюстрировать это, но и аргументировать теоретические выводы, особенно речь талантливейших мастеров слова, к которым, несомненно, принадлежит Тургенев. Повтор в литературе играет много разных ролей, однако на первом месте всегда стоит самая важная функция репризы – мировоззренческая. Так, в тексте *Пришёл Пицалкин ... Побеседовал, потолковал... рассуждал вперемежку – то о предметах возвышенных, то о предметах полезных и такую,*

наконец, распространил скуку, что бедный Литвинов чуть не взвыл [4, с. 217], степень экспрессивности фрагментов с повторами невелика. Репризы здесь выступают в другой, мироотражающей, познавательной функции, подчёркивая определённую самодостаточность реалий, внешне непохожих друг на друга, но связанных между собой тождественностью референции, отражённой в семах их названия высокого уровня абстракции – **предметы**. Это даёт им право и возможность на относительно отдельное существование в речи. Повторы такого рода усиливают ощущение нерасторжимого единства дискретности и континуальности окружающего.

Повтор в любой деятельности проявляется в возврате образов того, что было, извлечённых из памяти уже на следующем витке, с изменениями, мотивированными другим временем, иными контекстами и обстоятельствами, не мешающими, однако, воспринимать данные образы как феномен повторения уже существующих реалий. Это неотъемлемое свойство всего сущего: без повторения нет мира. В произведениях Тургенева встречаются практически все известные типы и разновидности реприз, а также целый ряд структурированных автором их трансформов – новых, смешанных повторов, появившихся в результате контаминации.

Пример использования повтора в новой парадигме дан в [5]. Он подчёркивает бесполезность применения реприз и отрицает их мировоззренческую функцию, по тому что мир непознаваем, хаотичен, неорганизован, неупорядочен.

Мы бы не считали большое количество деталей в описаниях одним из ярких признаков парадигмы, отражающейся в художественной литературе XX–начала XXI вв. У Тургенева, то есть в художественной речи XIX в., много именно таких описаний, есть даже избыточные (перенасыщение во имя доказательности, правдивости эпизода, цельности, непротиворечивости взгляда на событие в «возможном мире»). Это черта также способствует усилению когерентности текста, его непосредственной связи с действительностью. Тут дело не в самом подробном перечислении, часто кажущемся ненужным, скучным, излишним, а в целеполагании писателя. Автор приводимого в [5] фрагмента намеренно перечисляет признаки предметов, лиц, действий, ничем не связанные между собой; подчёркивает случайность их «встречи» в одном речевом акте. Отсутствие логики в употреблении тех или иных языковых единиц приводит к тому, что текст, лишенный целостности, рассыпается, а реальный континуально-дискретный мир, по образцу и подобию которого структурируются «возможные миры» автора, становится непознаваемым.

Мы думаем, что Тургенев принял бы и другой взгляд на мир, взгляд, обращённый на непознанное, скрытое, тайное. Антропоцентрическое восприятие мира тоже не даёт ответов на многие вопросы. Теоретически «первая» и «вторая» парадигмы противопоставлены друг другу, а на деле «древо жизни пышно зеленеет» и у модерниста Маркеса с его магическим реализмом, и у Тургенева как одного из тех мастеров слова, произведения которых пронизаны антропоцентрической идеей и для которых бытие – это познаваемый мир, но его лики бесчисленно многообразны, поэтому путь его постижения бесконечен.

Список литературы

1. Витель Е. Б. Культурологическая перспектива антропоцентрической идеи // Вестник Костромского государственного университета. 2009. URL: <https://www.famous-scientists.ru/list/3147> (дата обращения: 26.02.2023).
2. Колесниченко А. В. Основы журналистской деятельности : учеб. пособие для вузов. 2019. URL: http://voxfree.narod.ru/journ/journ_051219.html (дата обращения: 19.01.2023).
3. Тургенев И. С. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети. М. : Худож. лит., 1971. 669 с.

4. Тургенев И. С. Повести и романы 1860–1876. Сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1980. Т. 2. 448 с.

5. Родин П. С. Новые явления синтаксической организации предложения, сверхфразового единства и текста в русской художественной литературе неклассической парадигмы: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. 2005. URL: <https://cheloveknauka.com/novye-yavleniya-sintaksicheskoy-organizatsii-predlozheniya-sverhfrazovogo-edinstva-i-teksta-v-russkoy-hudozhestvennoy-lit> (дата обращения: 19.01.2023).

Информация об авторе: *Сергушкова Ольга Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь).

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ А. ВОЗНЕСЕНСКОГО

П. И. Сорокина

г. Пенза, Россия
Polinasorealdeal@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается функционирование структурно неполных предложений и их разновидностей в стихотворных текстах А. Вознесенского. Выявляется образно-экспрессивный потенциал неполных предложений и их место в системе эмотивного синтаксиса.

Ключевые слова: неполное предложение, контекстно-неполные предложения, эллиптические предложения, структура предложения, стихотворный текст

Для цитирования: Сорокина П. И. Выразительные возможности неполных предложений в стихотворных текстах А. Вознесенского // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 379–382.

Неполные, или эллиптические предложения представляют собой синтаксическую конструкцию, которая характеризуется «неполнотой грамматической структуры или неполнотой состава, вследствие отсутствия одного или нескольких членов (главных или второстепенных), ясных из контекста или из ситуации» [4, с. 132]. Вместе с тем неполные предложения становятся важнейшим стилистическим средством выразительности, формирующим образно-экспрессивную канву художественного текста. Однако анализ лингвистических материалов позволяет говорить о том, что в настоящее время почти не представлены научные труды, в которых исследовались бы экспрессивные возможности неполных предложений как синтаксических средств выразительности, используемых в стихотворных текстах.

Согласно классификации Г. И. Кустовой, подытожившей лингвистический опыт в рассмотрении исследуемых синтаксических единиц, выделяются ситуативно-неполные, контекстно-неполные и эллиптические предложения [3, с. 102].

Неполные предложения и их разновидности, функционирующие в художественном тексте, обладают большим стилистическим потенциалом: как образно-

выразительное средство неполные предложения вносят в текст динамизм, фрагментарность, усиливают лаконизм, тем самым формируя мнимую «разговорность» и спонтанность высказывания. В связи с этим необходимо отметить, что используемые в художественном произведении неполные предложения и их разновидности участвуют в построении индивидуального художественного видения объективного мира, что обуславливает стимулирование образного мышления и воображения, связанных с эмоциональным аспектом восприятия. Поскольку неполные предложения как единицы синтаксического уровня представляют собой конструкции с видоизменённой в результате эмоционального переосмысления грамматической структурой, следует говорить о том, что неполные предложения так же являются одной из категорий эмотивного синтаксиса.

Основными критериями отбора материала для анализа поэтических текстов второй половины XX века стало сочетание разнородных художественных традиций, подчёркнутый субъективизм и повышенная эмоциональность поэтической мысли 60–80-х годов, которые явились своеобразным «ренессансом» русской поэзии. В данной статье рассматриваются выразительные возможности неполных предложений на примере стихотворений А. А. Вознесенского «Песня акына» и «Древние строки».

Стихотворение «Песня акына» (1972 г.) было написано А. А. Вознесенским для спектакля и стало программным в творчестве поэта. Ведущим мотивом здесь становится мотив одиночества, на которое обрекается лирический герой – творческая личность. Это стихотворение – обращение к Богу, мольба и одновременно исповедь одинокого не понимаемого никем человека.

В стихотворном тексте можно выделить семь предложений, т. е. интонационно и семантически завершённых конструкций, в композиционном построении которых прослеживается приём параллелизма: первое, второе и седьмое предложения строятся по одному структурному принципу. Стоит отметить и наличие парцелированных сложных предложений. Поскольку стихотворение представляет собой обращение-мольбу, преобладающими являются побудительные предложения. Неполные предложения составляют треть от общего количества предложений: выделено две неполные конструкции, которые представлены контекстно-неполными предложениями.

Текст начинается неполным предложением: «Ни славы, и ни коровы, / ни тяжкой короны земной – / пошли мне, Господь, второго, / что был бы всё рядом со мной» (сложное предложение, первая предикативная часть которого является контекстно-неполным односоставным предложением с опущенным сказуемым «*прошу*», которое восстанавливается из контекста второй строфы), что позволяет говорить о смыслообразующей функции структурно неполных единиц в данном стихотворном произведении. Затем, в процессе развития авторской мысли, неполное предложение сменяется парцелированными полными двусоставными предложениями. Последняя строфа так же включает неполное предложение: «Пошли ему, Бог, второго – / такого, как я и как он...» (контекстно-неполное односоставное предложение с опущенным прямым дополнением «*человека/напарника*»). Выделенные неполные предложения наделяют стихотворный монолог экспрессивностью, задавая трагическую тональность всему стихотворению.

Следует отметить, что в композиционном оформлении стихотворения обнаруживается следующая закономерность: неполные конструкции «открывают» и «закрывают» текст и используются при обращении к Богу, т.е. можно говорить о том, что в данном случае рассматриваемые синтаксические единицы как средство выразительности способствуют формированию «кольцевой» композиции текста и становятся ключом к пониманию авторской мысли: судьба талантливого

человека, гения – непонимание со стороны окружающих и, как следствие, одиночество. Следовательно, неполные предложения более чем уместны.

Второе стихотворение – «Древние строки», написанное поэтом в 1967-м году, посвящено другу Вознесенского – композитору Р. Щедрину. В этом стихотворении воссоздаётся образ неказистого поэта, «пса России», и так же, как в «Песне...» намечается мотив одиночества, непохожести лирического героя на других, но в отличие от первого стихотворения, герой здесь имеет любящего и понимающего друга. Портретная характеристика поэта пропущена через субъективное восприятие и фрагментарно подаётся с помощью парцелированных конструкций.

В синтаксическом строе стихотворения отмечается наличие девяти предложений, большую часть которых составляют простые односоставные предложения, треть от них – неполные конструкции.

Первое предложение текста характеризуется структурной неполнотой – «В воротничке я – / как рассыльный / В кругу кривляк» – и является эллиптическим двусоставным предложением с отсутствующим сказуемым, которое не восстанавливается посредством контекста или ситуации.

Необходимо отметить, что неполные предложения используются в первой смысловой части стихотворения, при описании лирического героя, тогда как вторая часть представлена полными конструкциями, т.е. структурная полнота/неполнота здесь выполняет важную функцию – раскрытие основной мысли стихотворения.

Следующие неполные предложения строятся по одному структурному типу: «И дыбом шерсть. / И дыбом крылья огневые» – и, подобно первому предложению, являются эллиптическими двусоставными (сказуемое не упоминается и потому является пропущенным, но зависящие от него обстоятельства образа действия «дыбом» указывают на «участие отсутствующего сказуемого в формировании строя предложений» [1, с. 265]). Эллипсис в данном случае создаёт оттенок динамичности, «резкости», что связано с намеренным «огрублением» портрета лирического героя-поэта.

Неполным предложением завершается стихотворение: «А утром я свищу насильно, / но мой язык – / что слезы / слизывал / России, / чей светел лик» (предложение «но мой язык» является эллиптическим двусоставным с пропущенным соотносительным словом «*тот*», на которое указывает зависимая придаточная часть «что слёзы слизывал России»). Здесь эллипсис необходим для формирования подчёркнутого динамизма речи и нарочитой небрежности, что соответствует неприглядному автопортрету героя.

Таким образом, исследование возможностей неполных предложений как средства выразительности показало полифункциональное назначение данных синтаксических единиц. Неполные конструкции не только вносят оттенок экспрессивности и динамизма, но и участвуют в создании композиционной структуры, необходимой для понимания авторского замысла.

В заключение необходимо сказать, что в последнее время неполные предложения и их разновидности в стихотворной речи применяются довольно широко, поскольку именно стихотворная речь обладает повышенным уровнем эмоциональности и субъективности.

Список литературы

1. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык : учебник / под ред. Н. С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2002. 528 с.
2. Вознесенский А. А. Стихотворения и поэмы : в 2 т. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома : Вита Нова, 2015. Т. 1. 533 с.

3. Кустова Г. И., Мишина К. И., Федосеев В. А. Синтаксис современного русского языка : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Русский язык и лит.» 2-е изд., испр. М. : Академия, 2007. 254 с.

4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1976. 543 с.

Информация об авторе: *Сорокина Полина Игоревна*, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ А. АХМАТОВОЙ

Е. В. Сузько

г. Мозырь, Республика Беларусь
suzko-1974@tut.by

Аннотация. Исследованы особенности художественного языка любовной лирики Анны Ахматовой, отмечены синтез в ней лирического и эпического начал, приближенность поэтического творчества автора к романной традиции классической русской литературы. Определены такие черты языка и стиля интимной лирики поэтессы, как лаконизм, эпическая повествовательность, психологизм, музыкальность, исповедальность, диалогичность. Подчёркнута особая роль образов-деталей в художественной системе Анны Ахматовой. Показано, что язык в её поэтической системе является универсальным средством создания атмосферы психологической убедительности.

Ключевые слова: А. Ахматова, любовная лирика, язык, эпическая повествовательность, лаконизм, деталь, исповедальность, диалогичность

Для цитирования: Сузько Е. В. Особенности языка любовной лирики А. Ахматовой // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 382–386.

Высокохудожественная ценность интимной лирики Анны Ахматовой заключается не только в её проникновенной и глубоко психологической проблематике, где чувство любви «препарировано» и эстетизировано в мельчайших подробностях и нюансах, где во взаимоотношениях женщины и мужчины проявляются высокая культура чувств и интеллигентность, даже если затрагиваются очень личные моменты любовных переживаний, страстность, жертвенность и грешность, характеризующие её лирическую героиню, но и в авторском самобытном языке и художественном стиле.

Для лирики Анны Ахматовой в целом свойственна такая черта, как эпическая повествовательность. Ее стихи о любви написаны простым, доступным разговорным языком, вследствие чего представляют собой доверительный рассказ о событиях, действительно произошедших, о чувствах и переживаниях лирической героини, связанных с любовной ситуацией: «Я окошка не завесила, // Прямо в горницу гляди. // Оттого мне нынче весело, // Что не можешь ты уйти. // Называй же беззаконницей, // Надо мной глумись со зла: // Я была твоей бессонницей, // Я тоской твоей была» [1, с. 116]; «Сказал, что у меня соперниц нет. // Я для него не женщина земная, // А солнца зимнего утешный свет // И песня дикая родного края. // Когда умру, не станет он грустить, // Не крикнет, обезумевши: "Воскресни!" – // Но вдруг поймет, что невозможно жить // Без солнца телу и душе без

песни. ... А что теперь?» [1, с. 125]. Неслучайно исследователи творчества А. Ахматовой сравнивали ее любовную лирику с таким экспрессивным природно-атмосферным явлением, как ожидание грозы, отмечая, что человеческие страсти в ней ассоциируются со звучащей и угрожающей тишиной перед грозой, но в языковом отношении они выражены обычно лишь двумя-тремя словами, напоминающими «зарницы, вспыхивающие за грозно потемневшим горизонтом». Уникальное сочетание эмоционально-психологической экспрессии и тщательного и бережливого отношения к слову является оригинальной особенностью художественного стиля Анны Ахматовой. Важными чертами поэтического языка Анны Ахматовой выступают экономное расходование поэтических средств, лаконизм, умение выразить большие и глубокие мысли и чувства в малом количестве слов: «От других мне хвала – что зола, // От тебя и хула – похвала» [1, с. 163]; «Что ты ходишь неприкаянный, // Что глядишь ты, не дыша? // Верно, понял: крепко спаяна // На двоих одна душа. // Будешь, будешь мной утешенным, // Как ни снилось никому, // А обидишь словом бешеным – // Станет больно самому» [1, с. 129].

Чувства лирической героини Анны Ахматовой подпитаны конкретной автобиографической основой, пережиты и репродуцированы в целый любовный роман самой поэтессой. Но в силу природы поэтического творчества этот любовный роман в ее лирике был шире и многозначнее конкретных ситуаций, конфликтов и переживаний из личной жизни поэтессы. Несмотря на исключительную лаконичность ахматовских поэтических строк, в них присутствует широкое обобщение. Умение несколькими словами сказать о целом мире является одной из особенностей творческого таланта поэтессы.

Тема любви, безусловно, занимает в поэзии Анны Андреевны центральное место. Неподдельная искренность любовной лирики Ахматовой в сочетании со строгой гармонией поэтической формы и содержания позволили современникам называть ее русской Сапфо сразу же после выхода её первых сборников стихотворений. Уже ранняя любовная лирика Анны Ахматовой воспринималась и читателями, и исследователями как своеобразный лирический дневник. Поэтесса никогда не гиперболизировала свои чувства и чувства лирической героини. Она раскрывает простые, даже обыденные человеческие переживания, говорит о счастье, состоящем не только из радостных моментов, но и из горестей: разлуки, измены, одиночества, отчаяния и др. А. Твардовский подчеркивал, что ее стихи – «это поэзия, чуждая жеманства, игры в чувство, мелочных переживаний, флирта, бездумной "бабьей" ревности и тщеславия, душевного эгоизма» [4, с. 2]. В художественном мире Анны Ахматовой любовь не мирное, идиллическое сосуществование двоих, а «поединок роковой», со смертельными страстями и противоборством двух сильных личностей. Поэтому она показана в предельных, пограничных ситуациях, потенциально могущих завершиться психологической катастрофой: разрывом, разлукой, утратой чувства или первого бурного ослепления страстью. «Мукой живой души» платит лирическая героиня Ахматовой за свою любовь. Так, исследователь ее творчества Л. Ф. Алексеева заметила, что для «жанровой структуры ранних лирических произведений Ахматовой характерна кажущаяся, а иногда подчеркнута нарочитая незавершенность. При этом автор выбирает такие моменты, когда "сердце – пополам", и через пронзительную боль открывается новое знание, которое по-своему обогащает героиню и становится достоянием читателя» [2, с. 140].

Сочетание лиризма и эпичности сближает стихи поэтессы с жанрами романа, новеллы, драмы, лирического дневника. Одна из тайн ее поэтического дара заключается в умении полно выразить самое интимное в себе и окружающем мире. В стихах Ахматовой поражает струнная напряженность переживаний и без-

ошибочная меткость острого их выражения. В этом и заключается их сила. Неслучайно исследователи творчества поэтессы Б. Кац и Р. Тименчик в своей работе «Анна Ахматова и музыка» говорили об исключительной музыкальности поэтического дара и художественной речи Анны Ахматовой [3, с. 25]: «Из высоких ворот, // Из заохтенских болот, // Путем нехоженным, // Лугом некошенным, // Сквозь ночной кордон, // Под пасхальный звон, // Незванный, // Несуженный, – // Приди ко мне ужинать» [1, с. 163]. Звучание ахматовского стиха, стремление поэтессы передать музыку окружающего мира и своего собственного сердца нашли отражение, по их мнению, в особенностях использования ею многочисленных средств художественной выразительности: «Поэтическое описание звуков отличается характерно ахматовским сочетанием лаконичности с конкретностью: минимум слов и контекст в большинстве случаев точно указывают на динамику, тембр и источник звучания» [3, с. 92].

Важную психологическую функцию в поэтическом любовном романе Анны Ахматовой выполняют образы-детали, емко и лаконично подчеркивающие глубину переживаний лирической героини и ее избранника, такие как перчатка, кольцо, тюльпан в петлице и др. Они отражают то душевный надлом ролевых персонажей, то психологическую победу, то ассоциируются с виной и грехом. Поэтическое слово молодой Ахматовой было очень зорким и внимательным по отношению ко всему, что попадало в поле ее зрения. Конкретная плоть мира, его четкие материальные контуры, цвета, запахи, штрихи, обыденно обрывочная речь – все это не только бережно переносилось в стихи, но и составляло их собственное существование, давало им дыхание и жизненную силу. Уже современники Ахматовой заметили, какую необычно большую роль играла в стихах юной поэтессы строгая, обдуманно локализованная житейская деталь, как, например, образ красного тюльпана: «Мне очи застит туман, // Сливаются вещи и лица, // И только красный тюльпан, // Тюльпан у тебя в петлице» («Смятение», 1913).

Стихи о любовном чувстве у Ахматовой совсем не фрагментарные зарисовки, не разорванные психологические этюды, так как в них есть и острота чувств, и острота мысли. Так, иногда стихотворение может начаться как неприятная песенка: «Я на солнечном восходе // Про любовь пою, // На коленях в огороде // Лебеду полю». Но финал его оказывается библейски фатальным: «Будет камень вместо хлеба // Мне наградой злой. // Надо мною только небо, // А со мною голос твой» [1, с. 37].

Как уже отмечалось, любовь у поэтессы отнюдь не только любовь-счастье, тем более благополучие. Часто это – страдание, пытка, мучительный, болезненный излом души. Чувство, само по себе острое и необычайное, получает дополнительную остроту и необычность, проявляясь в предельно кризисном выражении взлета или падения, первой пробуждающей встречи или совершившегося разрыва, смертельной опасности или тоски. Стихи Ахматовой часто грустны: они несут особую стихию любви – жалости. Есть в русском языке, в русской народной песне синоним слова «любить» – слово «жалеть» («люблю» значит «жалею»). Как отмечает Е. И. Холявко, «в отличие от глагола *жалеть* глагол *любить* не был первоначально обозначением чувства... Семантика глагола *любить*... передает отношение, а не чувство...» [5, с. 162]. Таким образом, лирическая героиня Анны Ахматовой видит в избраннике не столько возлюбленного, сколько человека, которого можно пожалеть за его страдания, к которому она испытывает особое, почти братское отношение. Так, уже в самых первых стихах Ахматовой живёт не только любовь любовников, а любовь-жалость: «О нет, я не тебя любила, // Палима сладостным огнём, // Так объясни, какая сила // В печальном имени твоём» («О нет, я не тебя любила...», 1917).

Ещё одной особенностью языка ахматовской любовной лирики является то, что она полна недоговоренностей, намеков, уходящих в далекую глубину подтекста. Героиня ахматовских стихов, чаще всего говорящая как бы сама с собой в состоянии порыва или полубреда, естественно, не считает нужным, да и не может дополнительно разъяснять и растолковывать все происходящее. Передаются лишь основные сигналы чувств, без расшифровки, без комментариев, наспех. Отсюда – впечатление крайней интимности, предельной откровенности и сердечной открытости этой лирики, что кажется неожиданным и парадоксальным, если вспомнить её одновременную закодированность и субъективность.

Исповедальность в христианском понимании этого слова также становится доминантой художественного стиля любовной лирики Анны Ахматовой. В таких интонациях написаны стихи, посвященные личным отношениям поэтессы с первым мужем Н. Гумилевым («А ты думал – я тоже такая», «Я не любви твоей прошу...», «Сжала руки под тёмной вуалью...» и др.): «А ты думал – я тоже такая, // Что можно забыть меня, // И что брошусь, моля и рыдая, // Под копыта гнедого коня. // Или стану просить у знахарок // В наговорной воде корешок // И пришлю тебе странный подарок – // Мой заветный душистый платок. // Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом // Окаянной души не коснусь, // Но клянусь тебе ангельским садом, // Чудотворной иконой клянусь, // И ночей наших пламенным чадом – // Я к тебе никогда не вернусь» [1, с. 28], с художником Б. Анрепом («Я улыбаться перестала...», «Ты письмо моё, милый не комкай» и др.). Как видим, предельная искренность и откровенность лирической героини обусловлены щедростью ее души и выражены в соответствующей духовно высокой и одновременно разговорной лексике, в особом построении поэтической строки.

Важной чертой поэтического стиля Анны Ахматовой является диалогичность. Ее лирическая героиня обращается со словами любви, боли, печали и т.д. либо к возлюбленному, либо к условному образу собеседника, либо к самой себе, к своей душе и к своим чувствам. В основе сюжета стихотворения «Я не любви твоей прошу...» (1914 г.) лежит история обманутой женщины, которая обращается к своему бывшему возлюбленному: «Я не любви твоей прошу. // Она теперь в надежном месте... // Поверь, что я твоей невесте // Ревнивых писем не пишу. // Но мудрые прими советы: // Дай ей читать мои стихи, // Дай ей хранить мои портреты – // Ведь так любезны женихи! // А этим дурочкам нужней // Сознание полное победы, // Чем дружбы светлые беседы // И память первых нежных дней... // Когда же счастья гроши // Ты проживешь с подругой милой // И для пресыщенной души // Все станет сразу так постыло – // В мою торжественную ночь // Не приходи. Тебя не знаю. // И чем могла б тебе помочь? // От счастья я не исцеляю» [1, с. 32].

Стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...» появилось, когда поэтесса уже была замужем за Н. Гумилевым. Однако оно, как отмечают исследователи, не было посвящено мужу. Анна Ахматова в письмах подругам признавалась, что никогда не любила его по-настоящему и вышла замуж лишь из жалости к его страданиям. При этом она свято хранила супружескую верность и не имела романов на стороне, в отличие от супруга. Таким образом, произведение, представляющее собой условный диалог, состоящий не только из слов, но и жестов, мимики, стало выражением внутреннего любовного томления поэтессы, не нашедшего своего выражения в реальной жизни.

Сюжет стихотворения составляет очередная банальная ссора между влюбленными. Автор не указывает причину разногласия между ними, а показывает лишь ее последствия. Подобное сюжетно-композиционное решение обусловлено важностью отражения психологического надлома, произошедшего в их отношениях. Лирическая героиня не может изгнать из памяти образ любимого человека, раненого её отчаянными словами. Эту боль Анна Ахматова передает лаконично и содержательно, одной портретной деталью: «искривился мучительно рот», что

является органичной особенностью ее художественного языка. В порыве жалости лирическая героиня была готова признать все свои ошибки и достигнуть примирения, она сама делает первый шаг навстречу: догоняет любимого человека и пытается убедить его считать ее слова шуткой. В выкрике «Я умру!» отсутствуют пафос и хорошо продуманная поза. Это выражение искренних чувств героини, раскаивающейся в своем поступке.

Однако мужчина уже взял себя в руки и принял решение. Несмотря на бушующий в душе пожар, он спокойно улыбается и произносит холодную равнодушную фразу: «Не стой на ветру». Это ледяное спокойствие страшнее, чем грубость и угрозы. Слова не оставляют ни малейшей надежды на примирение. В лаконичной фразе заключена большая драма окончательной разлуки. В стихотворении «Сжала руки под черной вуалью» Ахматова показывает хрупкость любви, которая может быть разбита из-за одного неосторожного слова, обосновывает необходимость чуткости и деликатности, взаимопонимания в отношениях между влюбленными. Как видим, язык в поэтической системе Анны Ахматовой является универсальным средством создания атмосферы психологической убедительности.

Таким образом, для языка любовной лирики Анны Ахматовой характерны стремление к передаче живой, непосредственной речевой стихии, к так называемому разговорному стиху, эпическая повествовательность, экономное расходование поэтических средств, лаконизм, умение выразить большие и глубокие любовные чувства в малом количестве слов, музыкальность, недоговоренность и т.д.

Список литературы

1. Ахматова А. Избранное. Минск : Юнацтва, 1992. 318 с.
2. Алексеева Л. Ф. Анна Ахматова // Русская литература XX века. М. : Академия, 2003. С. 138–155.
3. Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка: исследовательские очерки. Л. : Советский композитор, 1989. 336 с.
4. Твардовский А. Достоинство таланта. URL: http://www.russianway.rhga.ru/upload/main/035_Death.pdf (дата обращения: 25.02.2023).
5. Холявко Е. И. Любить себя – любить друга: к истокам семантики русского выражения // Шамякінскія чытанні: Пісьменнік – Асоба – Час : зб. навук. пр. Мазыр : МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2021. С. 160–164.

Информация об авторе: *Сузько Елена Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина (г. Мозырь, Республика Беларусь).

ЛЕКСЕМЫ ВСЕГДА И НИКОГДА В ПОВЕСТИ С. Д. ДОВЛАТОВА «НАШИ»

М. А. Хлупина

г. Москва, Россия
maria-mariae@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается специфика употребления лексем *всегда* и *никогда* как свидетельство категоричности психологической и языковой личности С. Д. Довлатова. Это качество проявляется и в речи автора, и в репликах персонажей. Исследуемые

лексемы экспрессивно окрашены и способствуют гиперболизации комизма или трагизма изображаемого.

Ключевые слова: лексема *всегда*, лексема *никогда*, С. Д. Довлатов, языковая личность, категоричность

Для цитирования: Хлупина М. А. Лексемы *всегда* и *никогда* в повести С. Д. Довлатова «Наши» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 386–389.

Психологическая и языковая личность Сергея Донатовича Довлатова отличается категоричностью, которая проявляется в том числе и за счёт употребления лексем *всегда* и *никогда*, передающих семантику безапелляционной уверенности автора или персонажа в своей правоте.

Слово *никогда* в письмах Довлатова используется не только в значении «Ни в какое время, ни при каких обстоятельствах» [1], но и с целью экспрессивного усиления (*При этом главного героя его «Многосемейной хроники» зовут Николай Кселофонович, и этого, по-моему, достаточно, чтобы никогда не читать эту книгу* (письмо к И. П. Смирнову от 25 августа 1983 г.) [3]) либо как знак депрессивно-обречённой уверенности в несбыточности желаемого: *Надо бы, конечно, привести эту проклятую квартиру в порядок, но я очень не люблю обзаводиться чем-то постепенно: сегодня шторы, через месяц – шкаф, а чтобы всё устроить сразу, нужно одновременно тысяч десять, которых у меня никогда не будет* (письмо к И. П. Смирнову от 27 февраля 1985 г.) [4].

В данной статье мы рассматриваем восемь контекстов с лексемой *всегда* и три текстовых фрагмента со словом *никогда*, извлечённых методом сплошной нацеленной выборки из повести «Наши», в которой Довлатов рассказывает о своих родственниках. В исследуемом художественном тексте лексема *никогда* также экспрессивно окрашена: *Он рассказывал, что ежедневно бегаёт вокруг Лесотехнической академии. Чувствует себя здоровым и бодрым как никогда* [2, с. 343]. Казалось бы, обрисована оптимистичная картина, но речь идёт о дяде автобиографического героя Романе, который недавно выписался из психиатрической больницы. Парадоксально и абсурдно, что именно тогда он чувствует себя на вершине *здоровья и бодрости*, но вполне логично, что персонаж больше не произносит своё любимое выражение *В здоровом теле – соответствующий дух!* [2, с. 337]. Его слова о *здоровье* и *бодрости* – скорее, показатель оптимизма, а не действительного здоровья, ведь не случайно предложение, следующее за анализируемым контекстом, имплицитно свидетельствует о нездоровье: *Специально для него были приготовлены тёртые овощи* [2, с. 343]. Это рацион больного, и неукоснительное соблюдение диеты становится ещё более заметно при уточнении обстоятельств встреч автобиографического героя с дядей: *Мы виделись на семейных торжествах* [Там же], – когда можно было бы несколько отступить от предписанных ограничений.

В другом контексте изображена из ряда вон выходящая ситуация: Борис, двоюродный брат автобиографического героя, *помочился на директора школы* (по прозвищу *Легавый*) [2, с. 393]. Для Бориса эта ситуация была экзистенциальной: *Я сделал то, о чём мечтает тайне каждый школьник. Увидев Легавого, я понял – сейчас или никогда! Я сделаю это!.. Или перестану себя уважать...* [2, с. 394]. *Сейчас или никогда* – «Если не сейчас, то вообще не надо что-л. делать, решать и т.п.» [1]. Подобное по накалу страстей происшествие описано в повести «Компромисс», где Эрнст Буш ногой выбивает поднос с чашками из рук жены главного редактора. В обоих случаях персонажи считают себя выразителями

общего тайного желания, носителями важной миссии, осуществляющими серьёзный выбор, *сейчас или никогда*, причём в такое положение, дикое для обычного человека, они поставили себя сами.

В третьем контексте автобиографический герой, в данном случае, на наш взгляд, неотличимый от автора, высказывает афористическое суждение, связанное с вопросом маленькой дочки: *Зачем ты ходишь раздетый?*

Видимо, я был ей физически неприятен. Может, так и должно быть. Детям свойственна такого рода антипатия. (Родителям – никогда.) [2, с. 442–443].

Вводные слова *видимо* и *может* указывают на меру допущения, но затем писатель категорично сообщает о своём наблюдении, основанном на личном опыте, как о бесспорном факте отношения всех родителей ко всем детям и наоборот.

Наречие *всегда* имеет в визуальном употреблении значение «Во всякое время, постоянно, обычно» [1]. Но у Довлатова наличие этой лексемы в контекстах придаёт им окраску категоричности. В тексте повести «Наши» автор приводит интересные, но, конечно, более чем спорные обобщения о зависимости характера человека от имени:

Согласитесь, имя в значительной степени определяет характер и даже биографию человека.

Анатолий почти всегда нахал и забияка.

Борис – склонный к полноте холерик.

Галина – крикливая и вульгарная склочница.

Зоя – мать-одиночка.

Алексей – слабохарактерный добряк.

В имени Григорий я слышу ноту материального достатка.

В имени Михаил – глухое предвестие ранней трагической смерти. (Вспомните Лермонтова, Кольцова, Булгакова...) [2, с. 344].

Контекст открывается скрытой и, видимо, неосознанной речевой манипуляцией, призывающей читателя признать авторскую правоту: *Согласитесь...* Затем градус категоричности несколько снижается за счёт сочетания со словом *почти*, но далее носители имён характеризуются совершенно однозначно, даже без употребления лексемы *всегда*, которая подразумевается по аналогии.

Афористически выражено и суждение по поводу эмиграции – о том, что *уезжать всегда гораздо легче, чем оставаться...* [2, с. 413]. Здесь сказывается опыт Довлатова как эмигранта.

Та же самая генерализация личных наблюдений до типичной картины выражена и в другом контексте: *Был чей-то день рождения. Отмечали его на лоне природы. <...> Как всегда, не хватало спиртного* [2, с. 403]. Можно выстроить следующий метатекст: «Все дни рождения празднуются со спиртным, и его всегда не хватает». Это казалось бы спорным, но, если учитывать довлатовское окружение, весьма толерантное к алкоголю, повторяющаяся ситуация оправданно считается Довлатовым закономерной.

Подобный принцип категоричного обобщения применяется в главе об отце автобиографического героя, зачин которой содержит лексему *всегда*: *Отец мой всегда любил покрасоваться. Вот и стал актёром* [2, с. 381]. Позволив себе и здесь приравнять слова автобиографического героя к авторским, зададимся вопросом, мог ли Довлатов быть абсолютно уверенным в том, что его отец *всегда любил покрасоваться*. Даже если *всегда* = по наблюдениям писателя + по рассказам матери, за рамками остаётся период жизни отца до брака. Поэтому слово *всегда* используется в контексте, вероятнее всего, как гипербола. Впрочем, отметим, что настоящий писатель – это ещё и тонкий психолог, который способен разгля-

деть суть человека, и, может быть, отец действительно *всегда* любил находиться в центре внимания.

Развёрнутая гипербола, включающая слово *всегда*, присутствует также в конце главы об отце: *И только одно меня беспокоит... Не беспокоит, а удивляет, что ли... В общем, моя жена при каждом удобном случае... Если какое-то происшествие или литературное сборище... Короче, что бы я ни сделал, моя жена всегда повторяет:*

– *Боже, до чего ты похож на своего отца!..* [2, с. 390].

Нарастающее усиление вызывает юмористический эффект: беспокоит – удивляет – при каждом удобном случае – что бы я ни сделал – всегда повторяет. Автобиографический герой, как и сам автор, относится к отцу снисходительно, но в итоге, по мнению жены, оказывается таким же, как он.

В главе, повествующей о другом дяде автобиографического героя, Ароне (муже тётки), лексема *всегда* используется трижды – в составе его высказываний. Тяжело заболев, дядя уже не хочет спорить с племянником:

– *Сергей, – продолжал мой дядя, – я всегда ругал тебя. Я ругал тебя, потому что боялся. Я боялся, что тебя арестуют. Ты очень неводержан... Я критиковал тебя, но внутренне соглашался* [2, с. 367].

В контексте *всегда* означает, очевидно, ‘во взрослом возрасте автобиографического героя’, ср.: *Дядя хотел вернуться к истокам ленинизма. А я не хотел. Вот мы и ругались без конца* [2, с. 366]. (Едва ли подобные темы заинтересуют ребёнка или подростка.) Таким образом, слово *всегда* указывает на категоричность дяди.

Она же проявляется в его реплике – продолжении разговора: *Ты всегда был прав. Я возражал, потому что боялся за тебя. Прости...* [2, с. 367]. Маловероятно, что молодой автобиографический герой действительно был прав *всегда*.

Затем дядя выздоровел, стал таким же непримиримым, но далее опять заболел и обратился к племяннику с «просьбой» задушить его: *Конечно, я мог бы принять двадцать таблеток снотворного. Увы, это далеко не всегда приводит к смерти... А если меня разобьёт паралич? И я стану для всех ещё более тяжкой обузой? Поэтому я вынужден был к тебе обратиться...* [2, с. 369].

Оба ситуации болезни дяди – экзистенциальные, поэтому категоричность может быть обусловлена не только характером персонажа, но и спецификой его положения – перед лицом смерти, во всяком случае, в представлении самого пациента.

Анализ лексем *всегда* и *никогда* показал, что они выступают свидетельством категоричности психологической и языковой личности С. Д. Довлатова. Это качество стоит за категоричностью его героев. Исследуемые лексеммы экспрессивно окрашены и способствуют гиперболизации комизма или трагизма изображаемого.

Список литературы

1. Большой толковый словарь : [в ред. от 2014 г.] / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 24.02.2023).
2. Довлатов С. Д. Наши // Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. С. 325–444.
3. Переписка С. Д. Довлатова с И. П. Смирновым // Звезда. 2021. № 9. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=4122> (дата обращения: 24.02.2023).
4. Переписка С. Д. Довлатова с И. П. Смирновым // Звезда. 2021. № 10. URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=4140> (дата обращения: 24.02.2023).

Информация об авторе: *Хлупина Мария Александровна*, кандидат филологических наук, руководитель Креативного центра «ВХОД» (г. Москва, Россия).

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОМЕДИИ И. А. КРЫЛОВА «УРОК ДОЧКАМ»

А. В. Ярченко

*г. Гомель, Республика Беларусь
angelyarchenko@yandex.by*

Аннотация. Исследованы языковые особенности комедии И. А. Крылова «Урок дочкам». Эта комедия стала предвестником не только литературного стиля всемирно известного баснописца, но и дальнейшего пути развития русского литературного языка. Важнейшей языковой чертой комедии является использование стилистически и генетически разнородных единиц. Кроме бытовой и литературной лексики, церковнославянских и исконно русских по происхождению слов, автор использует заимствования из французского языка. Специфика языка комедии предопределена авторской идеей. И. А. Крылов высмеивает свойственную русским дворянам того времени галломанию и пренебрежение всем отечественным. Идея была актуальна в сложившейся социально-политической ситуации, накануне грядущей войны с Наполеоном. Комедия «Урок дочкам» анализируется также в контексте культурно-языковой ситуации начала XIX в.: учитывается тенденция к секулярности и демократизации литературного языка, указывается позиция И. А. Крылова в полемике архаистов и новаторов, рассматривается место пьесы «Урок дочкам» среди других произведений этого жанра, определяется зависимость избранного жанра от идеологической позиции автора. Комический эффект достигается традиционным способом – путём несоответствия ожидаемого и реальности. В репликах героев комедии очевидны расхождения их настоящей личности и осознанно или неосознанно выбранной ими роли. Разнородные языковые элементы выполняют роль характеризующих персонажей речевых средств. Разговорная лексика, афоризмы часто встречаются в репликах действующих лиц простого происхождения. Церковнославянизмы либо представляют собой нейтральные элементы языка, либо в определённых контекстах приобретают светский характер. Галлицизмы, свойственные речи барышень и псевдомаркиза, включены в бытовые контексты, что усиливает комический эффект. Языковое своеобразие комедии обусловлено временем создания текста, его жанром и проблематикой.

Ключевые слова: стиль, И. А. Крылов, комедия-урок, история русского литературного языка, галломания, демократизация языка

Для цитирования: Ярченко А. В. Языковое своеобразие комедии И. А. Крылова «Урок дочкам» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 390–394.

Перед тем как обратиться к жанру басни, позволившему писателю стать всемирно известным, И. А. Крылов пробует свои силы в драматургии. Он пишет множество пьес, начиная от трагедий и заканчивая наиболее удачными – комедиями, затрагивающими проблемы общества той эпохи, способствующими возникновению научной полемики. Уже в раннем творчестве писателя, давшем ему литературный опыт, проявился юмор, мудрость и уникальный стиль, которые проросли и развились в последующих произведениях.

Одна из важных особенностей стиля в комедиях И. А. Крылова – установка на языковую демократизацию. Это подтверждает объект нашего исследования – пьеса «Урок дочкам» [5]. В данной комедии прослеживается сплетение высокого и низкого стилей за счёт использования разнородных в стилистическом и генетическом плане языковых рядов. Кроме бытовой и литературной лексики, церковно-

славянских и исконно русских по происхождения слов, автор использует не только отдельные заимствования из французского языка, но и непосредственно фразы на французском.

Пьеса явно направлена против галломании, получившей в то время широкое распространение среди высшего сословия. Именно с идеей произведения связан особый язык комедии. А. М. Камчатнов отмечает, что конец XVIII – начало XIX века являются временем «повальной галломании: образованный слой русских книг не читал – читал французские и говорил чаще по-французски» [4, с. 423]. Ф. Ф. Вигель так определяет языковую культуру эпохи: французский язык, «коим преимущественно и почти исключительно говорили тогда высшие сословия, был вывескою совершенства воспитания» [2, с. 24]; «знание языков было тогда не безделица: оно вело к повышению» [2, с. 35]; «французский язык был исключительный орган хорошего тона, без которого и поныне он у нас не существует» [2, с. 53–54].

Комедия «Урок дочкам» создана в 1807 году, т.е. в промежуток времени, охарактеризованный сложными политическими российско-французскими отношениями. В пьесе высмеивается страсть дворян ко всему, что только носит французское имя, и пренебрежение к отечественному. Подобное описание являлось актуальным не только в условиях тяжёлой обстановки и грядущей войны с Наполеоном. Комедию И. А. Крылова невозможно анализировать в отрыве от языковой и культурной обстановки своего времени.

В 1803 г. А. С. Шишков издал книгу «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», из-за которой возникла полемика с целью противостояния чужеродному языковому влиянию [7]. Сам И. А. Крылов придерживался позиции ценностей патриархального общества и верности национальной культуре.

Для реализации идеи автор избирает такой популярный жанр, как «комедия урока», призванный «развлекая, поучать». Комедии «урока» приобрели широкую популярность в русском театре. На сцене ставились такие пьесы, как «Урок женатым» А. Шаховского, «Урок холостым, или Наследники» М. Загоскина (1822), «Урок лжецам, или Жених на один час» Я. Люстиха (1823) и т.п. Лучшему пониманию выбора И. А. Крыловым тех или иных языковых единиц для комедийного текста способствует высказывание Н. Е. Ерофеевой: «При этом все чаще просматривалась главная особенность комедии «урока» – сочетание вопросов воспитания добродетели в семье с общенациональной идеей утверждения всего русского в общественной и частной жизни» [3].

Несоответствие ожидаемого и реальности – тот традиционный способ, с помощью которого достигается комический эффект. Подобные несоответствия проявляются в действиях, поступках и речи персонажей. Генерал Велькаров, желавший дать своим дочерям хорошее воспитание, увозит их в деревню после некоторых происшествий и запрещает им изъясняться на французском языке. Фёкла и Лукерья (автор нарочно выбирает им простонародные имена), привыкшие к жизни в городе и всевозможным развлечениям, воспитанные на французский манер, обмануты Семёном, который называется маркизом Глаголь. Персонаж, который здраво воспринимает услышанное имя, – Сидорка: *Маркиз Глаголь!.. Ахти, мои батюшки, ну ни дать, ни взять, будто из русской азбуки!* [5, с. 590].

В репликах героев комедии явно видны расхождения их настоящей личности и роли, осознанно или неосознанно избираемой ими. Например, Семён намеренно пытается реализовать свой образ «маркиза», говорящего по-русски: Семён: *Какое звание, сударини! какое звание! Слези из меня текут всякий раз, когда вспомню о Франции! Я вам скажу только одну безделу, но любопытно видеть, точно любопытно, совершенно любопытно, – поверите ли вы, што там все*

большие города встроены на больших дорогах? [5, с. 578]. Иллюстрацией может также служить речь барышень, свидетельствующая о жеманстве и глупости, несмотря на попытки героинь выглядеть изящными в обращении: Даша: *Да разве вы забыли, что у вас только и книг было, что модный журнал, и тот батюшка приказал выбросить* [5, с. 576].

Показателен монолог Лукерья: *Прекрасно! Божественно! С нашим вкусом, с нашими дарованиями, – зарыть нас живых в деревне; нет, да на что ж мы так воспитаны? к чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую девушку в городе, – какая райская жизнь!.. Танцуешь как полоумная; и когда случисься в первой паре, то забавляешься досадою девушек, которым иначе не удастся танцевать, как в хвосте. Словом, не успеешь опомниться, как уж рассветает, и ты полумертвая едешь домой. А здесь, в деревне, в степи, в глуши... Ах! я так зла, что задыхаюсь от бешенства... так зла, так зла, что...* [5, с. 566].

Можно заметить, что разговорная лексика часто встречается в репликах действующих лиц простого происхождения: горничной Даши, Семёна, Сидорки, Лизы; галлицизмами наполнена речь дочек.

Семен: *Ну, думал ли я, скавав по почте, как угорелый, за 700 верст от Москвы наехать дорожную мою Дашу?* [5, с. 557]; Семен: *Даша! Коли тебя с облучка не сбрасывало, так у тебя чудес-то еще меньше моего* [5, с. 557]. Уменьшительное *облучок* (в старой орфографии *облучек*) происходит от *облук* ‘передок повозки, на котором сидит кучер, возница’ [6, с. 5–6]. Автор изображает быт того времени.

Велькаров: *Да, да! смотрите, и при гостях-то уж пощеголяйте таким болтаньем, это бы уж были не первые женишки, которых вы язычком своим отпугали!* [5, с. 572]. Используя глагол *болтать*, Велькаров высказывает своё негативное отношение к пустым модным разговорам.

Наряду с разговорными и даже просторечными словами сосуществуют в пьесе церковнославянизмы. Они представляют собой либо нейтральные элементы речи, либо в определенных контекстах приобретают подчеркнуто светский характер.

Лукерья: *И, мой ангел! будто оно может быть сносно!..* [5, с. 565] Слово *ангел* используется как модное обращение.

Семен: *Тьфу, пропасть! Неужели вздумал изнурять их модную плоть хлебом да водою?* [5, с. 562] Можно уловить иронию в сочетании церковнославянского *плоть* с прилагательным *модная*.

Даша: *Вышедши, наконец, из терпения от их проказ и дурачеств, он увез дочек сюда на покаяние...* [5, с. 561]. *То, что ты глуп. Мы опять потеряем время по-пустому: они тотчас воротятся* [5, с. 562].

Няня Василиса: *Кабы да не страх обуял, право бы послушала, как иговрят...* [5, с. 568]. *Матушки барышни извольте кручиниться по-русски?* [5, с. 600].

Лукерья: *... к чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую девушку в городе, – какая райская жизнь!..* [5, с. 566]. Подобное использование церковнославянских заимствований способствует комическому изображению персонажа – барышни, которая тоскует по городской, полной модных развлечений, жизни.

Часто галлицизмы (прямые заимствования и кальки) оказываются в бытовых контекстах, что добавляет речи героев выразительности. Например: Даша: *...а как меня часто за уборами посылают, то бы мне от них и от мадамов что-нибудь перепало...* [5, с. 561]; Даша: *Да так! Видишь ли что? Барышни мои были воспитаны у их тетки на последний манер...* [5]; Фекла: *Кажется, мадам*

Григри, которая была у тетушки нашей гувернанткой, ничего не упустила для нашего воспитания [5, с. 570]; *Сидорка: Вот дурака нашел! чинить манжеты! Мне, сударь, право, некогда; скажите, как вас зовут?* [5, с. 589]; *Лукерья: Веришь ли, сестрица душенька, как он меня тронул, что я, сквозь слезы, ничего не могла расслушать!* [5, с. 586]; *Фёкла: Мучительно! убивственно! оторвать нас ото всего, что есть милого, любезного, занимательного, и завезти в деревню, в пустыню...* [5, с. 565]. В последнем контексте показательно то, что в один однородный ряд с прилагательным *любезный* ставятся *милый, занимательный*, ставшие популярными благодаря влиянию нового слога.

Использование галлицизмов Лукерьей и Фёклой, во-первых, продиктовано модой, во-вторых, девушки пытаются показать, как прекрасно они образованны и воспитанны, а также выразить пренебрежение ко взглядам своего отца, в котором сильны ещё «остатки варварского века» [5, с. 579].

Автор использует в литературном тексте русскую народную речь и множество фразеологизмов, например: *Чтоб и между собой не говорили они иначе, как по-русски, то приставил к ним старую няню, Василису, которая должна, ходя за ними по пятам, строго это наблюдать... И теперь, куда ни пойдут, а няня Василиса с ними; что слово скажут не по-русски, а няня Василиса тут с носом, так что от няни Василисы приходит хоть в петлю* [5, с. 562].

Из всего выше сказанного следует, что анализируемая пьеса И. А. Крылова является многогранным с точки зрения лексики произведением, состоящим из мастерски соединенных разнообразных по происхождению и стилистической окраске слов. Разнородные языковые элементы в одном контексте работают на создание комического эффекта: *Мы увидим, кто из нас был проворнее, а потом посмотрим, тянут ли наши кошельки столько, чтоб нам возможно было вступить в почтенное супружеское состояние* [5, с. 558]; *Барин не знает языков, а они накликали в дом таких нерусей, между которых бедный старик шатался, как около Вавилонской башни, не понимая ни слова, что говорят и чему хохочут* [5, с. 561].

В уста Велькарова вложена основная идея произведения: *Вот воспитание, что отцу не дадут слова вымолвить! Чем более я вас слушаю, тем более сожалею, что вверил вас любезной моей сестрице. Какие ваши дарования? – Несколько песенок из модных опер, несколько рисунков учительской работы и неутомимость прыгать и кружиться на балах! А самое-то главное ваше достоинство то, что вы болтаете по-французски; да только уж что болтаете, того не приведи бог рассудительному человеку ни на каком языке слышать!* [5, с. 571]; *Но русскому с русским, кажется, всего приличнее говорить отечественным языком, которого благодаря истинному просвещению начинают переставать стыдиться* [5, с. 574]. Интересны в данных контекстах не только языковой состав и синтаксические конструкции, но и сочетание эмоциональности вначале с рассудительностью и поучением в конце.

Драматургический опыт стал начальной ступенью для становления И. А. Крылова как выдающегося русского баснописца. Особенности, прослеживаемые в пьесах, автор внедряет и в свои басни, что помогает писателю достичь совершенно новых творческих высот. Н. Л. Бродский пишет, что «пьесы Крылова – важный факт как в биографии Крылова, в его литературной деятельности, так и в истории русской драматургии, русского театра» [1].

Драматургический произведения И. А. Крылова оказали влияние на развитие устной формы русского литературного языка и его демократизацию, на расширение прав живой русской речи.

Список литературы

1. Бродский Н. Л. Драматические произведения Крылова. URL : <http://krylov.lit-info.ru/krylov/kritika/brodskij-dramaturgiya-krylova.htm/> (дата обращения: 23.02.2023).
2. Вигель Ф. Ф. Записки. М. : Захаров, 2000. 590 с.
3. Ерофеева Н. Е. «Урок дочкам» И. А. Крылова: жанр комедии «урока» // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 5. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/5/Erofeeva/> (дата обращения: 23.02.2023).
4. Камчатнов А. М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2005. 624 с.
5. Крылов И. А. Урок дочкам // Полн. собр. соч. : в 3 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1945–1946. Т. 2: Драматургия. С. 555–600.
6. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16: Обломить–Онца / РАН, Ин-т лингв. исслед. ; гл. ред. З. М. Петрова. СПб. : Наука, 2006. 279 с.
7. Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. М. : ЛЕНАНД, 2015. 368 с.

Информация об авторе: *Ярченко Ангелина Валерьевна*, студентка Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь).

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ДОМАШНЕМ ОБЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ

Т. А. Милёхина

*г. Саратов, Россия
tmilehina@yandex.ru*

Аннотация. На материале устной речи анализируются виды речевого воздействия в семейном общении. Рассматриваются директивные речевые акты и речевые жанры в общении родителей и детей. Обнаружена специфика речевого воздействия в зависимости от возраста и характера детей.

Ключевые слова: разговорная речь, речевое воздействие, речевые акты, запрет, внушение

Для цитирования: Милёхина Т. А. Речевое воздействие в домашнем общении современной городской семьи // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 395–399.

Проблема речевого воздействия является одной из самых актуальных в современной лингвистике. Этой теме посвящены работы О. С. Иссерс, Н. И. Формановской, И. А. Стернина, Л. В. Балахонской, Е. В. Сергеевой, А. Н. Байкуловой и многих других. Изучается речевое воздействие в рекламе, в СМИ, в политическом, педагогическом дискурсе. Гораздо меньше внимания посвящено речевому воздействию в семье – проблеме, которая, несомненно, заслуживает пристального внимания, поскольку то, что мы говорим в семье, формирует нашу семейную реальность [4, с. 148].

Специально речевое воздействие в семейном общении рассматривается в монографии А. Н. Байкуловой «Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан» [2]. Говоря о стратегиях и тактиках, свойственных главе семьи, автор, в том числе, называет регулятивную стратегию, использующую императивные тактики, которые проявляются в прескриптивных жанрах приказа, просьбы, команды, распоряжения, инструкции, запрета [2, с. 39]. Каждая семья вырабатывает свою коммуникативную стратегию, речевой аспект которой связан с непосредственным динамическим процессом выбора и комбинирования имеющихся в распоряжении коммуниканта языковых средств при развертывании текста под контролем стратегической цели [7, с. 90].

В исследовательской литературе выделяются различные виды и способы речевого воздействия. И. А. Стернин, определяя речевое воздействие как изменение поведения или мнения собеседника в необходимом говорящему направлении [5, с. 64], называет следующие способы речевого воздействия: доказывание, убеждение, уговаривание, клянченье, внушение, приказ, просьба, принуждение [5, с. 66]. Исследователями выделяется прямое и косвенное речевое воздействие [1, с. 78]. О. С. Иссерс пишет, что лингвистический анализ речевого воздействия связан с изучением стратегий говорящего и всех находящихся в его распоряжении

языковых ресурсов, которые определяют достижение им коммуникативной цели [3, с. 23].

В работе «Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика» Н. И. Формановской представлена типология речевых актов воздействия, распространённых, в том числе, и в семейном кругу. Автор выделяет следующие типы наиболее употребительных директивных речевых актов: инъюнктивы (приказы, требования, команды, наставления, запрещения, разрешения, принуждения), реквестивы (просьбы, мольбы, заклипания), адвисивы (советы, рекомендации, инструкции, рецепты, предложения, приглашения, предостережения) [6, с. 309–310].

Задача данной статьи – рассмотреть разнообразные средства речевого воздействия в домашнем общении современной городской семьи. Материалом для анализа послужили расшифрованные записи устной семейной речи общим объёмом 12000 словоупотреблений, сделанные в 2019 году. Состав семьи: папа (логист транспортной компании 37 лет), мама (домохозяйка 37 лет), бабушка (преподаватель вуза, 59 лет) и две сестры – старшая Лиза (10 лет), ученица гимназии, и младшая Элла (4 с половиной года).

В первую очередь рассмотрим семейное общение взрослых и детей, для чего проанализируем директивные речевые акты, используемые папой, мамой и бабушкой. Старшая сестра, Лиза, считается в семье взрослой, поэтому к ней предъявляются серьёзные требования: хорошо учиться в гимназии и в музыкальной школе, помогать по хозяйству – мыть посуду, убирать кровать, пылесосить комнату, присматривать за младшей сестрой. Как правило, речевое воздействие родителей в разговоре с ней осуществляется с помощью речевых императивов и является речевым актом команды. Например: Мама: *Лиза/ учи уроки!; Ты написала упражнение по русскому языку? Нет? Сядь/ пиши//*. Имеет место и косвенное требование: *Лиза/ ты выучила немецкий?, что подразумевает Ты должна выучить//*. Используется также речевой акт убеждения: Лиза: *Не хочу читать// Скучно//* – Бабушка: *Ну как же ты не будешь читать/ будешь необразованная//*. Мамой применяется и речевой акт уговаривания: *Лиз/ пожалуйста/ я прошу тебя/ выучи музыку и пойдём гулять//*.

Как правило, Лиза не реагирует на такие призывы с первого раза, поэтому такие речевые акты повторяются много раз, характеризующая их тональность постепенно повышается, становится всё более эмоциональной. Затем, если эти способы речевого воздействия не приводят к результату, мама использует речевой акт предупреждения. Мама: *Если ты сейчас не сядешь и не будешь учить уроки/ получишь двойку//*. В крайнем случае используется конкретная угроза. Мама: *Если ты завтра получишь двойку по немецкому/ на выпускной не пойдёшь//*.

Не редки в разговоре со старшей дочерью и такие способы воздействия, как предостережение, наставление и принуждение. Мама предостерегает: *Если ты будешь есть так много чипсов/ будешь толстой и некрасивой//*, просит и наставляет: *Сходи/ пожалуйста/ в магазин/ купи сахар// Только осторожнее/ смотри/ в лифт не садись с незнакомыми//*. В ситуации, когда нужно самостоятельно пойти на занятия танцами, мама принуждает: *Как придёшь/ позвони обязательно/ слышишь/ что я сказала//*.

К младшей дочке предъявляются иные требования. В первую очередь, Элле нельзя долго играть в компьютерные игры на мобильном телефоне. Кроме того, она должна аккуратно убирать свои игрушки, вовремя ложиться спать, читать книги, не мешать маме говорить по телефону. Как правило, используются речевые акты команды. Мама: *Эля/ сделай потише звук//; Эля/ выключай телефон/ слышишь/ что мама тебе сказала?; Папа: Там полно фломастеров на полу валяется// Поднимай//; Телефон убери/ пока ты его совсем не разбила// Всё равно он разрядился//*.

Имеет место речевой акт просьбы. Бабушка: *Элочка/ иди сюда/ иди/ я тебя завтраком покормлю/ мультик включу//* – Элла: *Не хочу я мультик/ я только компьютерную игру хочу//*. Фиксируется уговаривание. Мама: *Эл/ пойдём/ пожалуйста/ посидим с нами/ с папой/ с мамой// Потом будешь рисовать красками/ станешь постарше//*. Используется предупреждение – Мама: *Щас ты упадёшь/ там стекло//*, а также угроза или принуждение – Мама: *Эля/ убирай игрушки быстро/ а то не пойдёшь на улицу гулять//; Если сейчас же не выключишь телефон/ больше тебе его не дам//*.

Мама и папа воздействуют на детей по-разному. Мама более эмоциональная, она проводит с детьми больше времени и поэтому ей приходится чаще применять экспрессивные способы воздействия, например, по отношению к младшей Элле. Мама: *Помолчи пять минут// Не мамкай// Бесить начинаешь//*.

Помимо директивных речевых актов старшие используют в разговорах с детьми и некоторые жанры речевого воздействия, среди которых запрет, внушение, похвала, а также использование семейных прозвищ и важных для девочек авторитетов.

Жанр запрета родители применяют очень редко. Девочки, не привыкшие к строгости, по-разному реагируют на запреты. Лиза, как типичный интроверт, обычно молча демонстративно поворачивается и, громко топая, уходит в свою комнату, с силой хлопнув дверью. Элла реагирует на запреты вербально. В ситуации, когда папа забирает у неё мобильный телефон, в который она играет слишком долго, она обижается и громко кричит: *Ты плохой папа// Я тебя не люблю//* или: *Ты обидел Кота// Кот не любит тебя//*. *Котом* Элла называет себя. В аналогичных случаях такое же высказывание можно услышать от папы, в случае, когда Элла не выполняет его просьбу. Папа: *Большой Кот злой на тебя//*. В ситуации, когда мама просит Эллу принести на кухню её любимую чашку, диалог также приобретает эмоциональный характер. Мама: *Иди/ принеси с драконами//* – Элла: *Ну чё сразу я иду?* – Мама: *Тебе всё равно заняться нечем//*.

В общении с дочерьми в функции речевого воздействия применяется и такой способ, как внушение. Если старшая дочь не делает того, что мама считает необходимым и обязательным, разворачивается пространный монолог. Мама: *Ты чистила зубы/ нет? Умылась/ нет? Опять нет/ не умылась/ не почистила зубы/ не причесалась// Как ты будешь жить/ я не знаю// Кошмар какой-то// Ты же девочка/ ты должна быть аккуратной/ чистенькой//*. В особенных ситуациях к младшей Элле в случае серьёзного проступка также может быть применен жанр внушения в виде пространной воспитательной речи. Так, например, когда в супермаркете Элла, не дожидаясь оплаты на кассе, открыла упаковку конфет и начала их есть, бабушка сказала: *Эл/ ну разве так можно/ сколько раз я тебе говорила/ подожди/ пожалуйста/ а ты почему не слушаешься/ ты понимаешь/ что нельзя/ ну что это такое//*.

Мама и папа используют в качестве речевого воздействия речевой жанр похвалы. Элла: *Шесть ложек// Зачем вам шесть ложек?* – Папа: *Посчитала// Молодец// А сколько вилок на столе? Посчитай//*. Бабушка: *Лизочка/ умница моя/ молодец/ ты так нам помогла/ присмотрела за Элочкой/ спасибо большое//*.

Иногда родители применяют воздействие с использованием авторитетов, в качестве которых выступают, например, одноклассник старшей Лизы, которому она симпатизирует, или любимец Эллы кот Ричи. Мама: *Что скажет Ваня/ если увидит тебя в таком виде?* В ситуации, когда младшая дочь не хочет есть йогурт с шоколадными шариками, папа говорит: *Ну что/ с шариками надо доесть// Или Ричи отдадим с шариками?*

Сомнительным в воспитательном отношении является, на наш взгляд, такой вид речевого воздействия, как использование домашних прозвищ – дразнилок для детей. В отчаянии мама называет Лизу, мягкую по характеру, стеснительную девочку, *Вафля*. Мама и сестра дразнят Элли, которая болтает без умолку, *Радио*. Элла и папа называют друг друга *Котами*, часто мяукают, мурчат при встрече. Элла ласково гладит папу по голове, приговаривая: *Ты мой Пушистик*. Наименования – оценки возникают и ситуативно как возмущённая реакция на действия, например, младшей дочери. Элла: *Папа/ можно я тебе помогу?* – Папа: *Не надо/ ты только вредишь// Малыш вредный//*. Мама, обращаясь к папе, говорит о действиях Эллы: *Вова/ быстрее/ она самокат взяла// Вредитель//*.

Речевое воздействие детей друг на друга осуществляется с помощью тех же речевых актов, которые характерны для речи родителей. Самым частотным является речевой акт просьбы. Лиза просит младшую сестру выйти из её комнаты. Лиза: *Эль/ иди пожалуйста/ не хочу с тобой сидеть//; Всё/ Эль/ иди туда/ я прошу по-человечески/ иди рисуй// Я к тебе приду потом//*. Нередко просьба превращается в команду. Лиза: *Ну/ ну отстань от меня/ Ну/ блин/ иди рисуй/ Ты же рисовала хорошо//*. Просьба фигурирует и в речи младшей сестры. Элла: *Лиза/ только свет не выключай//; Лиз/ давай вместе раскрашивать//*.

Используя речевой акт команды, сёстры «воспитывают» друг друга. Лиза: *Бабушка говорит/ иди сюда// Значит/ иди сюда// Мама говорит/ дай руку// Значит/ дай руку//*. Элла: *Лиз/ мама сказала/ выключай телек/ читай «Буратино»//*.

В речи сестёр используется и речевой акт похвалы. Элла: *Лиз/ ты мой лучший котик на свете//*. Мама также старается подчеркнуть хорошие отношения между сёстрами: Мама: *Элла/ ты видела/ Лиза какую тебе классную штучку для раскрашивания (блокнот)?* – Элла: *Да//* – Мама: *Чё/ Лиза любит тебя?* – Элла: *Да//*. Девочки увлекаются съёмками сюжетов для TikTok. В одном из таких сюжетов Элла представляет себя и сестру: *Меня зовут Элла// А это моя сестрёнка Лиза// Я очень люблю её/ но иногда мы дерёмся//*.

Приёмы и способы речевого воздействия в речи сестёр, различаются, что обусловлено возрастом и характером девочек. Просьба в речи младшей сестры часто имеет категоричный характер, становится требованием. Приведём примеры просьб - требований в её речи. Элла: *Хоть один бутерброд дадите?* – Папа: *Все тоже хотят есть/ все терпят//* – Элла: *Хоть маленький кусок мне дашь?*; Элла: *Я вот это хочу//* – Папа: *Щас все люди сядут// На место сядь//*; Элла: *Мам/ налей водички/ мам/ я воды даже не пила//*. Младшая сестра в отличие от старшей часто использует косвенную просьбу. Элла: *Папа/ там дождя нет? Мама/ там дождя нет/ можно идти гулять//*. На даче, обращаясь к соседке, Элла говорит: *Какие у вас красные яблоки/ а у бабушки только зелёные//*. Разумеется, её тут же угощают красными яблоками.

Возрастным фактором обусловлено присутствие только в речи младшей сестры речевого акта клянчания, причём вовлекаются в этот процесс все члены семьи. Сначала Элла обращается с просьбой к маме: *Мне нельзя с Лизой порисовать? Я не хочу маленькими фломастерами/ Я хочу вот этими красками// Мама/ ты же обещала со мной пораскрашивать//*, затем к сестре: *Лиз/ мне нужны краски//*. После того, как старшая сестра дала ей краски, Элла жалуется маме: *Мама/ Лиза дала мне плохие краски//* – Мама: *Значит/ Лиза дала тебе краски/ а ты теперь говоришь/ что они плохие//*. Наконец, Элла клянчит, обращаясь к папе: *Папа/ плохие краски/ видишь/ пап//*.

Таким образом, в общении со старшей и младшей дочками родители используют широкий спектр директивных речевых актов (команда, требование, предупреждение, убеждение, уговаривание, наставление, принуждение) и жанров

речи (запрет, внушение, похвала). Наиболее частотны просьба и команда, редки запрет и угроза. Манипулятивными тактиками можно считать использование детских домашних прозвищ и значимых для сестёр авторитетов. Речевое воздействие отца и матери различается. Мама чаще экспрессивно командует, папа в общении с младшей девочкой использует языковую игру. Воздействие в речи детей в принципе копирует речевое поведение взрослых, однако обнаруживает возрастную и индивидуальную специфику. Только в речи младшей сестры встречаются речевые акты клянчанье и косвенная просьба.

В целом речевое воздействие в семейном общении данной семьи можно признать гармоничным, о чём свидетельствует, в частности, широкое распространение речевого жанра похвала как в речи родителей с детьми, так и в речи детей по отношению друг к другу.

Список литературы

1. Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования. М. : ФЛИНТА, 2016. 352 с.
2. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов : Наука, 2014. 216 с.
3. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М. : ФЛИНТА : Наука, 2009. 224 с.
4. Лукина О. А. Эффективное речевое воздействие в семье: способы, стратегии, приёмы // Актуальные вопросы права, образования и психологии. 2019. Вып. 7. С. 145–149.
5. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 250 с.
6. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М. : Икар, 2007. 480 с.
7. Чернявская В. Е. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе. М. : ЛЕНАНД, 2017. 176 с.

Информация об авторе: *Милёхина Татьяна Алексеевна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

МОТИВЫ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ЛИНЕЙНЫХ АДРЕСНЫХ ОБЪЕКТОВ ГОРОДА ГОРЛОВКИ

А. В. Пивень

г. Горловка, Россия
ann.dzis@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются топонимы города Горловки сквозь призму переименования. Предмет исследования – топонимы города Горловки; объектом выступили зарегистрированные в архивных документах факты переименования линейных адресных объектов Горловки.

Ключевые слова: топоним, линейный адресный объект, переименование, Горловка, архивный документ

Для цитирования: Пивень А. В. Мотивы переименования линейных адресных объектов города Горловки // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования :

В последние десятилетия проблема наименования и переименования линейных адресных объектов вызывает повышенный интерес лингвистов, что способствует развитию и теории ономастики в целом, и урбанонимики как одного из ономастических подклассов в частности. Несмотря на многочисленные научные работы, посвящённые подклассу имён собственных, малоизученными остаются мотивы переименования линейных адресных объектов.

Цель статьи – выявить причины переименований линейных адресных объектов современной Горловки.

Материалом исследования выступили данные о фактах наименования и переименования линейных адресных объектов, полученные из Государственного архива Донецкой Народной Республики.

Имя улицы (термин Т. В. Шмелёвой) – обязательный элемент городского ономастикона, помогающий ориентироваться в пространстве и обеспечивающий движение по городу. «В городской повседневности улица – это единица измерения городского пространства, а её имя – одно из первых важных имён собственных» [8, с. 103].

Топонимия определённого города формируется в процессе строительства и архитектурного заполнения. Уже в послевоенное время (с 1947 г.) мы находим информацию о застройке города и наименовании первых улиц. Например: наименования ул. *Тимирязева*, ул. *Чкалова* и ул. *Нестерова* регламентированы Решением Горловского горисполкома № 459 от 15 октября 1947 г. [4]. Активное наименование линейных адресных объектов отображено в архивных документах 1952–1954 гг. Согласно решению Горловского горисполкома № 565 от 20 августа 1952 г. были наименованы ул. *Волго-Донская*, ул. *Кошевого*, ул. *Совхозная*, ул. *Цымлянская* и др., а рядом Решений Горловского горисполкома (№ 459, № 466, № 467, № 468, 469 от 12 сентября 1953 г.; № 453 от 14 октября 1953 г.) наименованы пер. *Банный*, ул. *Любы Шевцовой*, ул. *Маяковского*, ул. *Свердлова*, ул. *Советская* и др. Интересным также является тот факт, что в период активной застройки города уже в 1953 г. происходят переименования не только различных линейных адресных объектов, но и номенклатурных терминов. Например, Решением Горловского горисполкома № 459 от 12 сентября 1953 г. ул. *Таймырская* переименована в пер. *Таймырский* [5] (в данном случае руководством горловского горисполкома принято решение об изменении номенклатурного термина, который представляет собой смысловозначительный компонент топонима).

В основе переименования лежат факторы исторического, культурного и политического характера. Так, одной из причин (мотивов) переименования линейных адресных объектов является **упорядочивание наименований улиц города, устранение (замена) одноимённых названий улиц**. В этом случае в Решении о переименовании соблюдена следующая схема: лексема «повторную» + номенклатурный термин + топоним + переименовать в + номенклатурный термин + топоним. Например, «повторную ул. *Жертв Революции* переименовать в пер. *Колхозный*», «повторную ул. *Рудучанскую* переименовать в пер. *Рудучанский*», «повторную ул. *Пятовскую* переименовать в пер. *Пятовский*», «повторную ул. *Ладожскую* переименовать в пер. *Ладожский*», «повторную ул. *Садовая* (находящуюся у площади Кирова) переименовать в пер. *Кирова*» (Решение Горловского горисполкома № 459 от 12.09.1953) [5].

Интересны также мотивы переименования другой группы линейных адресных одноимённых объектов, не включающих лексему «повторная». Такие

наименования улиц, переулков обычно расположены в различных районах города Горловки. Так, для устранения одноимённых названий Решением Исполкома Горловского городского Совета депутатов трудящихся (Решение Исполкома ГГСДТ) № 126 от 06.03.1974 «Об упорядочивании наименования улиц города Горловки» были переименованы следующие линейные адресные одноимённые объекты:

Таблица 1

№	Район	Прежнее наименование	Переименование
1	Центрально-Городской район	ул. Кузнецова А. М.	ул. Кузнецова-Зубарева А. М.
	Калининский район	ул. Кузнецова А. М.	ул. Малышева В. А.
2	Калининский район	ул. Невского А.	ул. Касаткина Н. И.
	Никитовский район	ул. Невского А.	ул. Артеллеристов
3	Никитовский район	ул. Амурская	ул. Заславского О. Е.
	Калининский район	ул. Амурская	ул. Пахтусова П. К.
4	Калининский район	ул. Железнодорожная	ул. Курнатовкого В. К.
	Калининский район	ул. Железнодорожная	ул. Бубнова А. С.
5	Никитовский район	ул. Калинина М. И.	ул. Кондратенко
	Калининский район	ул. Калинина М. И.	ул. Красноводская
6	Калининский район	ул. Совхозная	ул. Барабинская
	Никитовский район	ул. Совхозная	ул. Барвенковская
7	Калининский район	ул. Кутузова М. И.	ул. Маршала Говорова Л. А.
	Никитовский район	ул. Кутузова М. И.	ул. Ленинабадская
8	Калининский район	ул. Донецкая	ул. Адмирала Истомина В. И.
	Никитовский район	ул. Донецкая	ул. Глиера Р. М.
9	Калининский район	ул. Краснофлотская	ул. Академика Каменского Ф. Ф.
	Никитовский район	ул. Краснофлотская	ул. Комиссаржевской В. Ф.
10	Калининский район	ул. Советская	ул. Косарева А. В.
	Никитовский район	ул. Советская	ул. Академика Королёва С. П.

Дальнейшие инструкции после переименования линейных адресных объектов также изложены в Решениях. А именно:

1) наименования улиц должны быть внесены в перечень улиц Центрально-Городского, Никитовского и Калининского районов г. Горловки;

2) главный архитектор города должен внести изменения в схемы улиц районных, поселковых и сельского Советов города;

3) заведующий Горкомхозом (тов. Кириченко А. П.) до 1 мая 1974 г. обязан изготовить необходимое количество адресных табличек с наименованиями переименованных улиц и номеров домов и выдать их исполкомам районных, поселковых и сельского Советов депутатов трудящихся;

4) бюро технической инвентаризации (начальник тов. Напольский А. И.) должно произвести нумерацию домов по всем улицам (в первую очередь, по улицам, подлежащим переименованию) и внести изменения в инвентаризационные дела домовладений;

5) районные, поселковые и сельский Совет депутатов трудящихся обязан в месячный срок обеспечить установку адресных табличек, совместно с органами милиции произвести соответствующие изменения в домовых книгах [6].

В контексте нашего исследования целесообразно отметить тот факт, что мотивы переименования обычно указаны либо в названии Решения о переименовании линейного адресного объекта, либо содержатся в краткой справке наименования улицы. Так, в табл. 2 «Перечень улиц Центрально-Городского района города Горловки» Решения Исполкома ГГСДТ № 126 от 03.06.1974 предоставлена краткая справка о переименовании улиц и их мотивов [6].

Таблица 2

Ул./ пер.	Наименование	Условные координаты	Прежнее наименование	Краткая справка о наименовании улицы
ул.	Армянская	Ж-8	Больничная	В честь Армянской ССР
ул.	Матросова Александра	К-7	Гипроградская	Александр Матросов – Герой Советского Союза, рядовой 23.02.1941 закрыл своим телом амбразуру вражеского ДЗОТа, чем обеспечил наступление Советских войск 1924–1942 гг.

Ещё одним мотивом переименования линейных адресных объектов являются **решения уполномоченных органов, приуроченные к памятным датам и событиям**. Например, Решением Горловского горисполкома № 122/1 от 04.05.1978 «*О переименовании некоторых улиц и скверов города в связи с 40-летием Победы советского народа в ВОВ 1941-1945 годов*» были переименованы следующие линейные адресные объекты: ул. *Ново-Байракская (Новобайрацкая)* (некоторые Решения содержат информацию о вариативном написании названия) переименована в ул. *Иванова Н. С.*; ул. *Коксобензольная* переименована в ул. *Острроверхова*; ул. *Высоковольтная* переименована в ул. *Филина* и др.

Факт наименования и переименования линейных адресных объектов всегда направлен на сохранение культурной и исторической составляющей, так как в названиях улиц, переулков, проспектов хранятся исторически важные сведения для города и страны в целом. В ономастическом пространстве города Горловки зафиксированы наименования линейных адресных объектов, переименованных в честь значимых для города и страны людей. Данная информация является мотивом переименования. Например, Решением ИК ГГСНД № 53 от 02.03.1989 «*О переименовании некоторых улиц города*» ул. *Вышинского* переименована в ул. *Игнатченко Г. П.* (Игнатченко Григорий Петрович – горловчанин, заслуженный рабочий ртутного комбината, Герой Социалистического Труда); ул. *Спортивная* переименована в ул. *Д. М. Насырова* (Насыров Даниил Минсултанович – горловчанин, лейтенант, погиб при выполнении интернационального долга 11.06.1985 г., награждён посмертно орденом Красной Звезды); ул. *Жданова* переименована в ул. *М. А. Сторожева* (Сторожев Андрей Маркович – горловчанин, заслуженный рабочий машиностроительного завода им. С. М. Кирова, Герой Социалистического Труда) [7]. В свою очередь, Решением Горловского горисполкома № 168 от 28.03.1974 «*Об увековечивании памяти писателя Донбасса Ю. Л. Диденко (Ю. Л. Чёрного-Диденко)*» ул. *Ботаническая* переименована в ул. *Ю. Л. Диденко (Ю. Л. Чёрного-Диденко)*.

Профессия шахтёр является важной и значимой для нашего региона, поэтому «концептуализация Донбасса как шахтёрского края связана с доминирующим дискурсом этого региона – дискурсом Донецкого угольного бассейна и шахтёрского труда» [1]. Одной из групп в рассмотренной нами ранее статье «*Отображение концептуального поля 'шахтёр' в годонимиконе современной Горловки*» [2] являются номинации линейных адресных объектов, переименованные с целью увековечивания памяти шахтёров, работавших на шахте им. Румянцева. Так, Решением Исполнительного комитета Горловского городского Совета депутатов трудящихся № 138 от 11.05.1966 «*О переименовании улиц в целях увековечивания памяти погибших шахтёров на шахте им. Румянцева*» были переименованы 24 улицы Калининского и Никитовского районов г. Горловки. Рассмотрим неко-

торые примеры: ул. *Казатинская* – ул. *Андреева* (Андреев Василий Николаевич – забойщик), ул. *Луцкая* – ул. *Абраимова* (Абраимов Григорий Иванович – забойщик), ул. *Рекордная* – ул. *Бондаря* (Бондарь Иван Васильевич – забойщик), ул. *Чугуевская* – ул. *Бессонова* (Бессонов Николай Александрович – ученик крепильщика) и др. Переименование данных линейных адресных объектов мотивировано решением увековечить память шахтёров, погибших в результате выброса метана 28 апреля 1966 г. [2].

Итак, переименование линейных адресных объектов Горловки – интересная, актуальная и значимая тема исследования, а вышеуказанные мотивы переименований являются важной лингвокраеведческой составляющей культуры. Актуальной задачей считаем дальнейшее изучение истории изменения номинаций линейных адресных объектов в аспекте переименования, чему и будут посвящены наши следующие работы.

Список литературы

1. Герасименко И. А. Когнитивно-дискурсивное пространство полиэтничного Донбасса // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья. Брянск : РИСО «БГУ», 2021. С. 74–80.
2. Герасименко И. А. Отображение концептуального поля 'шахтёр' в годонимиконе современной Горловки // Русский язык в поликультурном мире. Симферополь : Изд. дом КФУ, 2022. Т. 1. С. 88–92.
3. Соколова Т. П. Проблемы описания городского ономастикона. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/323553031_Proper_Names_and_Named_Entities_Recognition_in_the_Automatic_Text_Processing_Review_of_the_book_Nouvel_D_Ehrmann_M_Rosset_S_2016_Named_Entities_for_Computational_Linguistics_London_Hoboken_ISTE_Ltd_Jo (дата обращения: 01.02.2023).
4. Решение Горловского горисполкома № 459 от 15.10.1947 // ГГУДОАД ДНР. Оп. 1. Р-4649. Д. 51а. Т. 2. 273 с.
5. Решение Горловского горисполкома № 459 от 12.09.1953 // ГГУДОАД ДНР. Оп. 1. Р-4649. Д. 51а. Т. 2. 273 с.
6. Решение Исполкома ГГСДТ № 126 от 06.03.1974 // ГГУДОАД ДНР. Оп. 1. Р-4649. 162 с.
7. Решение ИК ГГСДТ № 53 от 02.03.1989 // ГГУДОАД ДНР. Оп. 1. Р-4649. 182 с.
8. Шмелёва Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет. 2020. URL: https://ant53.ru/file/book/274/pdf/onomasticheskiy_portretpdf.pdf (дата обращения: 09.02.2023).

Информация об авторе: *Пивень Анна Витальевна*, аспирант, ассистент кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков (г. Горловка, Россия).

ОТРАЖЕНИЕ ПЕНЗЕНСКОГО ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОДПИСЯХ К ФОТОГРАФИЯМ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

А. С. Сидорова

г. Пенза, Россия

miss-sidorowa-anastasiya2011@yandex.ru

Аннотация. Исследованы особенности употребления имён собственных в подписях к фотографиям в региональных СМИ. Обращается внимание на различные виды

онимов. Сделаны выводы о типологии имён собственных, составляющих ономастическое пространство г. Пензы.

Ключевые слова: подписи, СМИ, имена собственные, ономастическое пространство

Для цитирования: Сидорова А. С. Отражение пензенского ономастического пространства в подписях к фотографиям в региональных СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 403–407.

Для современного общества качественная и своевременная информация выступает одной из главных ценностей. Её создание и распространение – функция средств массовой информации, среди которых одной из самых древних является периодическая пресса [1, с. 916].

Средства массовой информации призваны решать несколько задач: своевременное информирование общества о каких-либо событиях и обсуждение проблем, имеющих значение для общества. Список функционирующих жанров достаточно широк, однако в рамках нашего исследования мы рассмотрим только жанр подписи к фотографии.

Подписи к фотографиям являются неотъемлемой частью текстологического комплекса газетной статьи, однако многие исследователи считают подписи наиболее слабо развитым элементом текста, графики и фотографий в газете.

Подпись к фотографии нередко содержит имя собственное, так как имя собственное выполняет в тексте роль особого знака, дающего информацию о социальном статусе лица, его возрасте, национальности, отношении к нему окружающих. В современной газете имя собственное встречается в разных позициях: в заголовочном комплексе, в тексте статьи, репортажа, содержащих информацию о лице, в подписях под фотографиями, и, наконец, имя собственное завершает статью, обозначая автора.

Собственные имена в различных аспектах рассматривались в работах Т. Н. Кондратьевой, А. В. Суперанской, Н. В. Васильевой, Ф. Л. Агеенко, Д. И. Ермоловича и других исследователей. Однако специфика исследуемого объекта, неоднозначность его толкования, а также особенности функционирования в языке последних десятилетий пока ещё не получили должного освещения. Научная новизна проведённого исследования состоит в том, что имена собственные рассматриваются на региональном материале, тем самым формируя ономастическое пространство города, однако их использование показывает общероссийскую тенденцию к употреблению имён собственных в тексте [3, с. 205].

В настоящей статье рассматриваются имена собственные в подписях к фотографиям, опубликованным на страницах газет «Комсомольская правда», «Пензенская правда», «Улица Московская», «Наша Пенза» и «Молодой ленинец».

Ономастическая лексика функционирует в публицистическом тексте как его неотъемлемый компонент [2, с. 4]. Частое употребление различных онимов обусловлено требованием одного из главных аспектов журналистики – точностью. В противном случае фотография может оказаться бесполезной для читателя, поэтому обязательно указывать географическое место съёмки, название населённого пункта, дату съёмки, фамилию, имя, отчество человека, запечатлённого на снимке (если на фото изображена группа людей или лица, которые не имеют отношения к сюжету, то не нужно указывать имена всех лиц в подписи). Анализ заголовков газетных текстов выявил употребление различных имён собственных, которые в большинстве своём обозначают различные топонимы.

В текстах подписей к портретным фото наиболее часто встречаются **антропонимы** – любые собственные имена, которые может иметь человек (или

группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним. Высокая частотность употребления антропонимов обусловлена тематикой региональных фоторепортажей: как правило, на фотографии обычно запечатлены либо важные мероприятия, либо чрезвычайные происшествия (нередко вместе с участниками или очевидцами событий), либо портретные фото людей, отличившихся в чём-либо: *Екатерина Комовская и Алексей Ситников* («Улица Московская», № 1 от 20.01.2023, с. 6), *Медицинские карты подопечных Евгения Стройкина содержит в образцовом порядке* («Молодой ленинец», № 4 от 24.01.2023, с. 5). Реже используются **зоонимы** – собственные имена (клички) животных, в том числе домашних, содержащихся в зоологических садах, «работающих» в цирке, служащих в охране, подопытных или диких: *Сегодня у Констанции на обед говядина на хвойной салфетке или Тигрица Пенза в Сеульском зоопарке* («Пензенская правда», № 50 от 28.12.2021, с. 24), и **поэтонимы** – любые собственные имена, употреблённые в литературном произведении: *А ведь в сказке именно дама помогла Щелкунчику победить проклятие* («Комсомольская правда», № 122 от 21.12.2021, с. 2).

Второй по величине пласт ономастической лексики в текстологическом комплексе подписи к фотографии составляют **топонимы** – собственные имена любых географических объектов [2, с. 14]. Для современного человека с его антропоцентричными взглядами на мир наиболее значительную роль из всех топонимов играют **ойконимы**, которые доминируют над другими группами географических названий, в том числе и частотностью употребления в устной речи и письменных текстах. Ойконимы (от греч. *oikos* – дом, жилище + *оним* – имя) – это названия населённых пунктов [4, с. 62–63]. В зависимости от характера имеваемого поселения ойконимы подразделяются на **астионимы** (греч. *asteios* – городской, т.е. названия поселений городского типа) и **комонимы** (греч. *coma* – деревня, селение, посёлок, т.е. названия сельских поселений). Примеры астионимов на страницах пензенских газет: *Елена Крохина (слева) – учитель химии и географии – в сентябре 2022-го начала работу в пензенском лицее № 55. В профессию она пришла, воодушевившись примером своего школьного наставника Натальи Николаевны Черновой, которая работает в школе № 2 города Никольска.* («Пензенская правда», № 3 от 24.01.2023, с. 2). По сравнению с астионимами, комонимы являются более частотными: *Местные жители – участники ликвидации аварии системы водоснабжения села Богословка на станции первого подъёма в с. Рамзай* («Улица Московская», № 01 от 20.01.2023, с. 13). Чаще всего ойконимы употребляются совместно с родовым наименованием (город, село), реже без него. Без родового наименования в подписи к фотографии обычно употребляются те ойконимы, родовое наименование которых встречается внутри основной газетной статьи или в другом предложении (где нет самого ойконима), или же это происходит в результате цитирования – если автор цитаты не употребил родовое наименование, значит, и в тексте подписи его не будет, например: *Василий Александрович и Елена Павловна твёрдо решили: «Из Бутурлинки не тронемся. Пока мы тут – и деревня живёт»* («Пензенская правда», № 3 от 24.01.2023, с. 12).

Чуть реже используются названия более обширных областей, например, **административные хоронимы (кратонимы)** – названия политических единиц и государств: *Александр Лукин с коллегой из Китая на Байкале* («Улица Московская», № 1 от 20.01.2023, с. 8), *Евгений Романенко на контрактной службе в Таджикистане* («Пензенская правда», № 3 от 24.01.2023, с. 19). Как особый подвид административного хоронима может рассматриваться **городской (внутригородской) хороним** – собственное имя части территории города: района, микрорайона,

квартала, парка и т.д.: *Последние 7 лет в микрорайоне ГПЗ-24, площадь которого, согласно замерам по Гугл карте, составляет порядка одного квадратного километра, ведётся масштабная застройка многоэтажными жилыми домами: Подобное уплотнение существенно обострило и без того застарелые проблемы в этой части Пензы. Подробнее о них – в материале «Улицы Московской» («Улица Московская», № 25 от 15.07.2022, с. 6).* Этот пример интересен тем, что здесь есть и **гемероним** – название средства массовой информации. К числу внутригородских хоронимов относятся и **некротопонимы**: *Склеп Тюриных на Мироносицком кладбище. 10 июня 2022 года.* («Улица Московская», № 21 (913) от 17.06.2022, с. 3) и **дромонимы** – собственное имя любого пути сообщения (наземного, водного, подземного, воздушного): *Металлический мост с параболическими фермами на 837-й версте Сызрано-Вяземской ж/д. Вид с левого берега. 1899 год* («Улица Московская», № 25 от 15.07.2022, с. 13). Причём последние группы топонимов крайне редко встречаются на страницах пензенских газет.

Гораздо более частотны **годонимы** – названия улиц или дорог: *Бывшая мельница Маркановых (ул. Гладкова, 20) готовится перейти в муниципальную казну. 9 июня 2022 года* («Улица Московская», № 21 (913) от 17.06.2022, с. 3), *В доме № 21 по ул. Коммунистической в р.п. Тамала обновили кровлю* («Пензенская правда», № 24 от 21.06.2022, с. 7) и **эргонимы** – названия делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, фирмы и т.д.: *Аварийная машина «Горводоканала» на ул. Леонова, 24. 21 апреля 2021 г. Фото Даниила Мануйлова* («Улица Московская», № 25 от 15.07.2022, с. 4); *Председатель организации «Солдатская мать» Ольга Клейменова* («Пензенская правда», № 5 от 07.02.2023, с. 4), *И. о. главы Администрации Богословского сельсовета Светлана Капленкова и заместитель главы Администрации Богословского сельсовета Елена Чуфарова на станции первого подъёма в с. Рамзай в феврале 2022 г., в дни ликвидации аварии* («Улица Московская», № 1 от 20.01.2023, с. 13), *Работа «Доброго шкафа» в Городе Спутнике* («Улица Московская», № 25 от 15.07.2022, с. 7), *Замдиректора музея Сергей Никушкин показывает один из редких образцов продукции ЗИФа* («Пензенская правда», № 5 от 07.02.2023, с. 13).

Чуть менее частотны **гидронимы** – собственные имена любых водных объектов, природных или созданных человеком, в том числе рек, озёр, водохранилищ, болот, каналов, в частности, встречаются **лимнонимы** (названия озёр): *Александр Лукин с коллегой из Китая на Байкале* («Улица Московская», № 01 от 20.01.2023, с. 8); **микрогидронимы** (названия небольших водных объектов: криниц, колодцев, прудов, источников и т.п.): *На Семиключье в крещенские дни было особенно много народу* («Пензенская правда», № 3 от 24.01.2023, с. 4).

Другие группы имён собственных составляют небольшой процент, по сравнению с антропонимами и топонимами, однако этот пласт довольно разнообразен: встречаются **гемеронимы** – названия средств массовой информации: *В июле 1941-го Гайдар был военкором «Комсомольской правды».* («Комсомольская правда», № 5 от 25.01.2022, с. 10); **хрононимы** – названия разного рода событий: войн, битв, восстаний, военных операций, революций, конференций: *С Сигурдом Оттовичем Шмидтом на Шестых краеведческих чтениях. Москва. 1 июня 2012.* («Наша Пенза», № 6 от 08.02.2023, с. 8), *Выступление на Всероссийской югорской конференции, г. Ханты-Мансийск. 2018 г.* («Наша Пенза», № 6 от 08.02.2023, с. 8), *Выявлять интересные идеи помогает форум «Инномед»* («Пензенская правда», № 5 от 07.02.2023, с. 4), *Среди героев Сталинградской битвы немало пензенцев* («Пензенская правда», № 5 от 07.02.2023, с. 5). Изредка исполь-

зуются **фалеронимы**, объединяющие собственные имена любых знаков отличия за какие-либо заслуги в определённой сфере (названия орденов, медалей, значков, крестов). *Патриарх Кирилл наградил Олега Мельниченко орденом Даниила Московского I степени* («Пензенская правда», № 24 от 21.06.2022, с. 13); **артионимы** – вид идеонима, содержащий название произведения искусства (живописи, графики, пластики, музыки, кино, театра): *В спектакле «Божьи одуванчики» с Людмилой Лозицкой* («Пензенская правда», № 5 от 07.02.2023, с. 22), *С Александром Гундаревым в антрепризном спектакле «Аккомпаниатор»* («Молодой ленинец», № 17 от 26.04.2022, с. 8), *С Владимиром Высоцким в фильме «Вертикаль»* («Молодой ленинец», № 17 от 26.04.2022, с. 19).

Наиболее информативными и распространёнными в комплексе подписей к фотографиям считаются те тексты, в которых содержатся разные типы онимов, как минимум, антропонимы и топонимы, поскольку автору газетной публикации важно подчеркнуть, кто запечатлён на снимке, где происходит действие, и чем больше описано подробностей с использованием различных имён собственных, тем более информативной и интересной получится подпись. Например, *«Елена Цыганова из села Новые Пичуры Наровчатского района стала победительницей, показав отличное знание мордовского языка»* («Пензенская правда», № 26 от 26.04.2022, с. 5). В этой подписи содержится и антропоним, и комоним, и административный хороним.

Таким образом, в подписях к фотографиям в пензенских СМИ содержатся самые разнообразные пласты имён собственных: антропонимы, зоонимы, топонимы различных видов, гемеронимы, хрононимы, идеонимы, фалеронимы, артионимы. Все онимы, вошедшие в текстологический комплекс подписей к фотографиям, создают обширное и пёстрое «лоскутное одеяло» ономастического пространства города Пензы.

Список литературы

1. Абдурахманов А. К., Юнусов К. Э., Живайкина А. А. Газеты и их роль в жизни современного общества // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2017. Т. 7, № 6. С. 916–917.
2. Батурина Л. А. Семантико-стилистический анализ ономастических единиц в газетно-публицистическом тексте (на материале прессы конца XX – начала XXI века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/semantiko-stilisticheskij-analiz-onomasticheskikh-edinic-v-gazetno-publicisticheskome.html> (дата обращения: 12.02.2023).
3. Дрога М. А., Фуникова С. В. Имя собственное в современных СМИ (на материале составных наименований русского языка) // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Белгород, 20–21 апреля 2016 г.) С. 204–208.
4. Мезенко А. М., Генкин В. М., Дервяго А. Н. Теория имени собственного : учеб. пособие / под общ. ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. 202 с.

Информация об авторе: *Сидорова Анастасия Сергеевна*, магистрант Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы Средней общеобразовательной школы № 58 г. Пензы имени Г. В. Мясникова (г. Пенза, Россия).

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

М. В. Сомова

г. Рязань, Россия
m.somova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Рассматриваются обращения в их трансформации в городской среде с последней четверти XIX века до настоящего времени. Ставится проблема обращений в социальном аспекте. Анализируется история обращений в городском социуме, их употребление и проблемы современного называния незнакомого человека.

Ключевые слова: обращения, речь, городская языковая среда

Для цитирования: Сомова М. В. К истории исследования обращения в городской среде // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 408–411.

Язык и культура – явления взаимосвязанные и взаимозависимые. Все изменения, происходящие в культуре, находят своё отражение в языке. Особенно ярко это выражается в разговорной речи. Язык города не является исключением. Мы обращаемся к социуму города и городскому социолекту, потому что в сельской местности люди за редким исключением (например, дачники и отдыхающие) знают друг друга по именам, поэтому проблема обращения не возникает. В городах люди часто встречаются единственный раз в жизни, но проблема общения и обращения от этого не стоит менее остро. Наоборот, человек должен обратиться к случайному встречному, назвать его, но так, чтобы не обидеть незнакомца и получить желаемую услугу или информацию. Наша статья посвящена семантике обращения в городской языковой среде и тем проблемам, связанным с этой конструкцией, которые до сих пор не решены в языке и речи.

История обращений в русском языке весьма интересна [4]. Но в нашей работе мы хотели бы обратиться к тем изменениям, которые произошли с этой структурой за последние 150 лет. Это время мы условно разбили на три периода: до Октябрьской революции и первые годы Советской власти, эпоха СССР и последнее десятилетие, когда изменения в назывании того, к кому обращаются с вопросом, пожеланием, просьбой, особенно заметны и ярки. Молодёжный сленг и различные жаргоны (обращения типа *пацан*, *деваха*, *паренек*, *чувиха*, *шеф*, *коза* и т.д.), весьма популярные последние 40 лет, мы не станем анализировать, так как они заслуживают отдельной работы.

Как назвать незнакомца – жителя города, как обратиться к нему? Вот уже более 100 лет это проблема для интеллигентного человека, и именно она занимает нас. Причём по нашим наблюдениям (по книгам и фильмам, воспоминанием более старшего поколения), эта проблема особенно актуальна, даже болезненна для интеллигенции на рубеже XX – XXI веков, в настоящее время.

В последней четверти XIX века и в начале XX века вплоть до Октябрьской революции у так называемой «чистой» публики – господ – были в ходу вполне устоявшиеся, общепринятые обращения. Слово *сударь* позволяло обратиться к любому прилично одетому мужчине, не задев его самолюбие. Лексема эта произошла от слова *государь*, «потерявшего» первый слог, которым было принято называть сначала монарха, а потом просто уважаемого человека, занимающего определённое положение в обществе: господин, барин; вежливо, почётно [1].

Другим не менее популярным общепринятым обращением было фразеологизированное сочетание *милостивый государь*. Обе эти формы были уместны как в устной, так и в письменной формах речи: «*Милостивый государь! Примите уверения в моём почтении*», «*Извольте объяснить, милостивый государь!*», «*Располагаете ли Вы, сударь, временем, чтобы выслушать мой рассказ?*» Третья, самая популярная форма обращения – *господин*. Так можно было назвать человека незнакомого, а можно было, добавив фамилию, обратиться к человеку малознакомому или представить человека другим людям: «*Позвольте представить вам моего друга и сослуживца – господина Кольцова*», «*Господин Менишков, извольте жениться*», «*В чём дело, господа?*». Все три обращения, являющиеся синонимами, имели форму множественного числа, а также женского рода.

При обращении к женщине использовались французские заимствования *мадмуазель* – к незамужней и *мадам* – к замужней особе: «*Мадмуазель, купите цветы!*», «*Эти пирожные, мадам, удивительно вкусные*». Эти лексемы были общеупотребительны, пользовались популярностью. Если человек ошибался при таком обращении, женщина при желании всегда могла поправить его, назвав свой статус: «– *Мадам, я могу чем-нибудь помочь?*» – «– *Не мадам, а мадмуазель*». Интересен тот факт, что ни испаноязычные (*сеньорита, сеньора*), ни англоязычные (*мисс, миссис*) обращения не прижились в городской среде, что, очевидно, связано с особой популярностью французского языка на протяжении многих десятилетий в высшем свете и желанием подражать ему городской публики.

При обращении к женщине, имеющей определённый статус в обществе, по аналогии с обращением к мужчине, как в устной, так и в письменной речи, было в ходу словосочетание *милостивая госпожа*: «*Простите, милостивая госпожа, не Вы ли обронили этот платок?*»

Слова *сударыня* и *госпожа* не пользовались такой популярностью, как формы обращения к мужчине *сударь* и *господин*. Обычно их использовали горожане – люди простого звания – при обращении к женщине из общества: «*Сударыня, хозяин больше не велел отпускать Вам в долг продукты*» или слуги при обращении к хозяйке: «*Госпожа, какой бульон прикажете приготовить?*». В дворянском же обществе между людьми равного статуса слова *сударыня* и *госпожа* не употреблялись при обращении друг к другу. Например, обращение *сударыня* вместо *мадмуазель* высмеивают ещё герои комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «*Ну как перевести мадам и мадмуазель? Ужли сударыня!!!... Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно! Сударыня! Ха! ха! ха! ха! Ужасно!*». Простолюдины при необходимости обратиться к господам использовали и другие лексемы: наиболее частотное – *барин* (к любому чисто одетому человеку), *ваши благородие* (обычно к военному чину, к офицеру), *ваши степенство* (как правило, к представителю купеческого сословия), *ваши превосходительство* (чаще всего к человеку в гражданском платье, к чиновнику), *батюшка* (к священнослужителю) [4].

К женщинам, которых считали замужними, обращались, употребляя лексемы *барыня, сударыня, госпожа; барышня* или иногда искаженное от мадемуазель – *мамзель* – к молодым, скорее всего незамужним. Лексема *матушка* тоже была в употреблении. Так обращались к жене священнослужителя или к монахине: «*Там, матушка, отца Фёдора спрашивают*», «*Матушка игуменья!*».

К простолюдинам господа обращались, употребляя обычно субстантивированные прилагательные или причастия *любезный, уважаемый, почтенный, милейший*: «*Послушайте, любезный*», «*Почтенный, позвольте пройти*», «*Уважаемый, как пройти на Владимирскую улицу?*», «*Отойди, милейший, от тебя курицей пахнет*». К людям, являющимся представителями профессий, обслуживающих публику, нередко обращались по названию профессии, рода занятия:

извозчик, чистильщик (обуви), половой/человек, кондуктор, трактирщик, шарманщик и т.п.

После Октябрьской революции все «старорежимные» обращения были отменены самой эпохой и постепенно вышли из употребления. Им на смену пришли новые слова-обращения. Какое-то время устаревшие и новые формы сосуществовали. В детективе Н. Леонова «Трактир на Пятницкой» беспризорный мальчишка обращается ко всякому мужчине вне зависимости от возраста и чина: «*Гражданин-товарищ-барин*», смешивая старые и новые обращения.

Среди новых форм обращения лидирующее положение занимает слово *товарищ*. Его используют повсеместно, не делая различия между обращением к мужчине или к женщине: *товарищ Колчин, товарищ Мурашова* и т.п. Употребительна также и форма множественного числа: *Товарищи дорогие!*

Не меньшей популярностью пользуются лексемы *гражданин, гражданка/гражданочка, граждане*: «*Кондуктор лает, как собака: «Пройдите, граждане, вперёд!»*», «*Не толкайтесь, гражданочка!»*», «*Вот, гражданин, моё удостоверение*». Изначально нейтральное слово (старославянское *гражданин* – древнерусское *горожанин*, в XIX веке является синонимом слова *патриот* и обретает гражданскую направленность) в 30-е годы XX века приобретает особую коннотацию: так обращаются представители правоохранительных органов к людям, подозреваемым в неблагонадёжности: «*Гражданин, предъявите документы*» [Рябов, Нагорный «Повесть об уголовном розыске»], «*Что скажете, гражданин Груздев?*» [Вагнеры «Эра милосердия»]. Соответственно и подозреваемые к представителям следственных органов должны были обращаться *гражданин*: «*Вы бы сняли пиджачок, гражданин начальник*» [Вагнеры «Эра милосердия»].

Такие обращения, как *барыня/барышня, сударыня, мадам* сохранились в обиходе городских жителей, но стали произноситься с иронией, насмешкой: «*Скажите какая, барыня-сударыня!»*», «*Мадамочка, позвольте пройти*» – несклоняемое и неизменяемое *мадам* приобретает уменьшительный суффикс и возможность склоняться: «*Его там мадамочка ждёт*».

Следует обратить внимание на абсолютно некорректное, но очень популярное в городской среде обращение по половому признаку *мужчина, женщина*. Все без исключения горожане, независимо от уровня образования, возраста и пола употребляют эти лексемы в качестве обращения: «*Женщина, проходите в салон*», «*Мужчина, Вы последний?*», «*Женщина, Вы что-то хотели?*», «*Мужчина, Вас там спрашивают*». Такого нелепого и некорректного обращения нет ни в одной стране мира, только в русском языке его, к большому сожалению, рассматривают как норму.

Несколько изменилась ситуация на рубеже XX–XXI веков. В обиход начали возвращаться, казалось бы, прочно забытые лексемы: *господа, господин, госпожа*: «*Господа, предлагаю считать наше заседание открытым*», «*Господин Кузнецов, мы рады Вам!*», «*Госпожа Ветрова, проходите, пожалуйста*». Тем не менее некий оттенок иронии все-таки сохранился в этом обращении. Исключение составляет только торжественная официальная обстановка. Сохранилось в языке и слово *товарищ*, но только при обращении к мужчине: «*Товарищ, подскажите, где у вас в городе хорошее кафе?*» или в форме множественного числа: «*Товарищи экскурсанты, мы с вами подошли к одному из старейших зданий нашего города*». Если лексема употребляется с фамилией, то также присутствует ирония. Пожалуйста, только при обращении к офицерам допустимы оба варианта: *господин майор /товарищ майор, господин прокурор/товарищ прокурор*, причем в данном случае слова являются синонимами.

В XXI веке популярны обращения по профессии, по роду деятельности и в профессиональной (*профессор, доктор, студенты*): «*Профессор, экзамен для*

меня всегда праздник», «Доктор, разрешите», «Студенты физмата, эта информация для вас», и в городской (бытовой) среде (официант, кондуктор, охранник, вахтер, дворник): «Официант, счет, пожалуйста», «Кондуктор, у меня проездной», «Дворник, воды нет».

По-прежнему употребляются обращения по половой принадлежности и возрасту: *мужчина, женщина, девушка, молодой человек*. Употребление их никак не связано с реальным возрастом того, к кому обращаются, а исключительно с уровнем интеллигентности говорящего.

Изредка можно услышать в городской среде обращения *барышня, дамы, мадам*: «*Дамы, берите фрукты*», «*Барышня, передайте за проезд*», но звучат подобные обращения как анахронизм.

Частотны панибратские обращения, тоже традиционно связанные с возрастом, полом и степенью родства: *мать, отец, брат/браток, сестра, подруга, мужик, бабушка/бабуля/бабулечка, дедушка/дед/дедок, сынок*: «*Дед, подвинься*», «*Э, мужик, тут только по пропускам*», «*Давай, мать, семечки твои попробуем*». Считать подобные лексемы корректными в качестве обращения ни в коем случае нельзя. Такими словами говорящий задевает самолюбие того, к кому обращается. Только грубые и малограмотные в языковом отношении люди не понимают этого. Во всех остальных случаях употребляющий их человек намеренно желает обидеть или унижить своего собеседника.

Не менее неприемлемыми в качестве обращений являются и ставшие употребительными сейчас лексемы, описывающие внешний вид человека: *красавица, кудрявая, милочка, блондиночка, белокурая, в красной курточке* и т.п.: «*Э, в красной куртке, Вас тут не было*», «*А ты, белокурая, подвинься, не стой в проходе*». Абсолютно неуместны в литературном языке, в речи интеллигентного человека обращения-местоимения: «*Ну, ты, сколько времени?*», «*Послушайте, Вы, я к Вам обращаюсь*».

К большому сожалению, в богатейшем русском языке до сих пор нет узаконенных слов-обращений. Скорее всего с этим связан тот факт, что многие предпочитают избегать прямого обращения, используя формы «безличного» обращения – благопожелания: *будьте добры, пожалуйста, не подкажете, будьте любезны, послушайте, передайте, позвольте спросить, сделайте одолжение, разрешите пройти* и т.д.

Таким образом, при кажущейся незначительности проблема называния незнакомого человека в городском социуме стоит весьма остро и актуальна несмотря на то, что формы обращения, казалось бы, известны с древнейших времён. Они трансформировались, уходили из языка и речи, возрождались, употреблялись в новом качестве, а единой адекватной формы нет до сих пор. Нам представляется, что вопрос требует скорейшего разрешения.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М. : Эксмо, 2002. 736 с.
2. Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. М. : Высш. шк., 1995. 361 с.
3. Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 123 с.
4. Сомова М. В. Модификация обращения в историческом пространстве русского языка и речи // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 : сб. материалов Междунар. науч. конф., посвящ. памяти заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Павла Александровича Леканта. М. : МГОУ, 2019.

Информация об авторе: *Сомова Марина Викторовна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина (г. Рязань, Россия).

ЕЩЁ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ В ТЕКСТАХ СМИ И РЕКЛАМЫ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

В. И. Абрамова¹, Ю. В. Архангельская²

^{1,2} г. Тула, Россия

¹istinijobraz@mail.ru

²archangelju@yandex.ru

Аннотация. Исследуются разнообразные ошибки в текстах современных СМИ и рекламы. Многочисленные научные и научно-популярные работы, посвящённые проблеме экологии языка, и предпринимаемые со стороны государства шаги по преодолению сложившейся ситуации не приводят к желаемому результату, поскольку отсутствует социальный запрос. Критика лингвистов в адрес СМИ по поводу качества оказываемых услуг в плане речевого оформления их продукции остаётся без ответа. До тех пор, пока хорошее владение русским языком не станет важным для его носителей, преодолеть проблему не представляется возможным.

Ключевые слова: рекламный текст, СМИ, ошибки, языковая и речевая культура

Для цитирования: Абрамова В. И., Архангельская Ю. В. Ещё раз о проблеме языковой и речевой безграмотности в текстах СМИ и рекламы: причины и следствия // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 412–416.

Снижение уровня языковой и речевой культуры и просто элементарной грамотности людей, считающих русский язык своим родным языком, стало уже общим местом. Заметные и резкие изменения в худшую сторону отмечаются с начала 90-х годов XX века. Засилие заимствований (часто неоправданных), речевая агрессия, жаргонизация речи – вот неполный перечень явлений, с которыми мы сталкиваемся в СМИ каждый день уже четверть века и на которые неустанно указывают лингвисты, отмечая, что все это отнюдь не делает наши коммуникативные навыки лучше. На эту тему написано немало исследований, начиная со знаменитой монографии М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва» [6]. Журналисты призывают говорить по-русски правильно [5], [10] языковеды, с одной стороны, стараются добраться до сути проблем [4], [9], с другой стороны, восхищаются силой и стойкостью русского языка, его способностью эволюционировать вместе со временем [7], [8]. Одни труды обращены к лингвистам, другие – к обычным носителям русского языка. Среди последних следует отметить две книги Татьяны Гартман «Речь как меч» [1] и «Слово не воробей. Разбираем ошибки устной речи» [2], составленные по мотивам блога «Училка vs ТВ» и радиопроекта «Училка против Маяка», в которых автор анализирует ошибки теле- и радиоведущих, а также медийных личностей. На первый взгляд, все правильно и понятно: книги написаны, причины вскрыты, новые явления проанализированы. Однако владение родным языком у многих его носителей все еще остается, мягко говоря, весьма неуверенным. С чем это связано?

Рискнем выдвинуть предположение, что все дело в том, что нет общественного запроса, в обществе нет потребности в людях, которые бы хорошо вла-

дели русским языком и речью. Есть только понимание того, что русский язык «переживает не лучшие времена», и это понимание достаточно конкретно сформулировано в работах лингвистов. Их мнение услышали в Министерстве образования и науки РФ, и попытки что-то сделать в направлении повышения уровня владения населением родным языком были предприняты на государственном уровне. В результате этого в России в ЕГЭ по русскому языку появились вопросы и задания, призванные проверить уровень языковой и речевой (а не только орфографической и пунктуационной) грамотности выпускников школ. В тесте ЕГЭ по русскому языку теперь есть задания на правильную постановку ударения, на исправление грамматических ошибок на морфологическом и на синтаксическом уровне, а в 2018 году в данный тест включено задание на выявление и исправление речевых ошибок. Предполагается, что учителя-словесники будут готовить выпускников к выполнению подобных заданий, и уровень языковой культуры последних станет выше.

Желание повлиять на ситуацию в положительном ключе прослеживается в принятом 16 февраля 2023 года Госдумой законе, призванном защищать русский язык от чрезмерного использования иностранных слов и заимствований. Совершенно очевидно, что регулированием сверху в данной области изменить ничего нельзя, но заинтересованность и озабоченность правительства налицо. Представляется, однако, что усилия по охране русского языка следовало бы направить в другое русло. Возможно, большего эффекта можно достичь, если требовать от СМИ (ведущих радио- и телепередач, дикторов новостных программ и других лиц, осуществляющих предварительную подготовку перед выходом в эфир) соблюдения норм русского языка (и даже не в плане заимствования, а в плане использования его собственных ресурсов).

Таким образом, есть понимание критического состояния ситуации и есть желание ее исправить. Но нужно ли все это обществу? Попробуем разобраться. С чем мы сталкиваемся каждый день в средствах массовой информации? С вопиющей безграмотностью и тех, кто пишет тексты, и тех, кто эти тексты произносит. Бесчисленные «прогнозы (планы) на будущее», «на сегодняшний день», «в самое ближайшее время», «период времени» и другие ошибочные словоупотребления постоянно встречаются в речи журналистов на всех каналах радио и телевидения России, в текстах журналов и газет, в том числе и в интернет-прессе. Но разве кого-нибудь из работодателей этих журналистов, например тех, кто служит в дирекции информационных программ телеканалов, это беспокоит? Судя по всему – нет. Всех все устраивает. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что попытки одного из авторов этой статьи выразить возмущение тем, как произносят тексты журналисты информационных программ на «1 канале» ТВ, не возымели никакого действия. Вот письмо, написанное в дирекцию информационных программ данного канала пять лет назад: «Уважаемая дирекция! Примите меры. Постоянно слышим в эфире информационных программ речевые ошибки в текстах, которые произносят ведущие. Из последнего: 22.12.2017; 12:00; Валерия Кораблева в эфире: "...работы на шахте временно приостановлены". Я работаю в Тульском государственном педагогическом университете имени Л. Н. Толстого и совместителем в лицее в старших классах, преподаю русский язык, доцент, кандидат наук. С этого года в тесты ЕГЭ по русскому языку включено задание на исправление речевых ошибок, в том числе и таких, о которых шла речь выше. Как мы можем требовать от детей речевой грамотности, если даже на «1 канале» тележурналисты допускают такие ошибки, которые дети должны исправлять в тестах? Учились ли ваши сотрудники в университете, есть ли у них высшее образование? Кто пишет для информационных программ тексты?»

На подобного рода письма, отправленные на радио или телевидение в советское время и даже позднее, в 90-е годы, ответы (с подробным анализом и при-

знанием ошибок) приходили незамедлительно, хотя в то время еще не было электронной почты. На приведенное выше письмо (естественно, написанное на сайте «1 канала» ТВ в интернете, в разделе обратной связи с населением) ответ не пришел вовсе (для сравнения: ответ из гостиницы на письмо с жалобой на некачественное обслуживание приходит в настоящее время в течение двух суток).

Но, может быть, описанные события были давно, пять лет назад, и ситуация уже изменилась? Отнюдь. В январе 2022 года была сделана еще одна попытка достучаться до дирекции информационных программ «1 канала» ТВ и добиться обратной связи. Вот текст этого письма: «Работаю преподавателем в Тульском государственном педагогическом университете имени Л. Н. Толстого на факультете русской филологии и документоведения, а также в лицее при данном вузе. Являюсь кандидатом филологических наук, доцентом. С сожалением должна отметить, что дикторы информационных программ допускают грубые ошибки (речевые и грамматические) в текстах, которые они произносят в эфире. Это тем более обидно потому, что ваш канал – лицо нашей страны. В частности, 14.01.2022 в выпуске новостей в 12:00 диктор Валерия Кораблёва в информации о предстоящей депортации сербского теннисиста Новака Джоковича из Австралии по причине отсутствия у него прививки от ковида сказала, что это произойдет “в самое ближайшее время”, что является грубой грамматической ошибкой. Именно такие словосочетания предлагают в настоящее время исправлять тем, кто сдает ЕГЭ по русскому языку, в задании 7 тестовой части. Как мы, преподаватели, можем требовать от учащихся в средней школе и от студентов-филологов, будущих педагогов, знаний и умений в этой области, когда ваш канал ежедневно демонстрирует им, что можно прекрасно обходиться и без этого?» И (добавим мы за пределами цитаты) быть при этом успешными журналистами. Нужно ли говорить, что на это письмо так же, как и на предыдущее, никто не ответил?

О чём это говорит? О том, что профессиональные навыки в области русского языка и культуры речи журналистов, работающих в сфере СМИ, не являются сегодня востребованными. Руководству канала безразлично, насколько хорошо говорят по-русски журналисты, которые на нем работают. Видимо, сегодня другие умения являются приоритетными. Данная проблема осложняется еще и тем, что молодые люди, школьники, студенты, растут и развиваются, постоянно слыша вокруг себя языковые и речевые ошибки. Школьному учителю и преподавателю вуза трудно противостоять такому давлению. Учитель настаивает: «Это ошибочное словоупотребление». Однако именно с этим ошибочным словоупотреблением учащийся сталкивается постоянно, по многу раз в день (в радио- и телепередачах, в интернете, не говоря уже об общении в семье, с родственниками и друзьями). И он отвечает (вслух или про себя): «Но ведь все так говорят!» Таким образом, получается замкнутый круг: в СМИ работают журналисты, плохо владеющие русским языком, и в результате их деятельности вырастают поколения, которые уверены, что в словосочетаниях «временно приостановлены» и «в самое ближайшее время» что-то неправильное видит только придирчивый учитель русского языка, а весь народ так и говорит, значит, это правильно.

Носителей языка «учат» неправильно говорить по-русски не только современные СМИ. Не отстает и реклама, которая, как известно, является мощным средством воздействия на массы. Под этим мы подразумеваем не только продвижение товаров на рынке, но и внедрение в умы идей. Недаром В. В. Маяковский писал о своей работе в «Окнах РОСТА»: «Поэт вылизывал чахоткины плевки шершавым языком плаката», имея в виду свою в каком-то смысле подвижническую деятельность на этом поприще в трудные годы разрухи и гражданской войны после Октябрьской революции 1917 г. Но в наше время сама реклама в России

превратилась в плевок в лицо всем просвещенным людям. На тубике зубной пасты «Новый жемчуг» читаем: «Здоровые и крепкие зубы для всей семьи» (как будто зубы изготавливаются где-то отдельно и предлагаются членам семьи для покупки). На упаковке прокладок фирмы «Naturella. Classic. Camomile»: «Специальный лосьон, который помогает предотвратить кожу от раздражения» (тогда как по-русски следовало написать «помогает предотвратить раздражение кожи»). Реклама в России давно перестала слышать сама себя. С попыткой рекламировать свою продукцию или услуги связаны, например, такие абсурдные названия магазинов и других городских объектов: «Диабет Плюс» (торговая компания), «Одиссея» (название туристического агентства); «Далила» (название парикмахерской), «Вавилон» (название агентства недвижимости). Может быть, такие названия и существуют потому, что те, для кого они предназначены, уже не знают ни того, что слово «Одиссея» ныне стало нарицательным и обозначает долгие странствия, чаще всего сопровождающиеся всевозможными трудностями и многочисленными превратностями судьбы; ни того, что Далила – это имя женщины из ветхозаветного предания, которая, будучи возлюбленной Самсона и узнав, что непобедимая сила его находится в волосах, остригла Самсона и предала в руки врагов; ни того, что, согласно всемирно известному библейскому мифу, в Вавилоне люди решили построить башню до небес, бросив вызов Богу, который, чтобы наказать их, «смешал их языки», люди перестали понимать друг друга и не смогли закончить строительство. Стертая метафора «мир» из рекламы перешла в названия магазинов, в результате чего появились многочисленные, часто абсурдные «миры»: «Мир мужских сорочек», «Мир натяжных потолков», «Мир дверей», «Мир колясок», «Мир антенн», «Мир плитки», «Мир клея», «Мир жести» и даже «Мир секонд-хенд», обретающий почти философское звучание в наше время, хотя те, кто называл так магазин, об этом, конечно, и не помышляли.

Прокомментируем наиболее распространенные в рекламных текстах и СМИ ошибки. Логические: среди них – несоответствие рекламируемого товара (услуги) названию, слогану или изображению, а также противоречивость самого текста. Например, ресторан русской кухни «Лимпопо» (эффект несоответствия усиливается за счет изображения темнокожего повара); универмаг в Самаре использует рекламный слоган «Съедобное – несъедобное» (под ним фотографии сыра, мяса, рыбы, фруктов, получается, что продукты питания в этом магазине являются некачественными); объявление в зоне отдыха у водоема: «Предупреждаем: на нашем пляже утонул один человек. Безопасного вам отдыха!»; реклама бренда пива: «“Жигулёвское”. Вкус детства!». Сюда же можно отнести двухпанельную рекламу разных производителей или торговых точек: детское питание – железные двери; интим – рыболов; товары для животных – водка, вино, пиво; трикотаж – мясо свежее: двойная радость.

Ошибки этические, к которым относится то, что недопустимо в общении, не соответствует нравственным ценностям человека, моральным законам общества: выражение грубости, злобы, зависти, нетерпимости к другим обычаям, вере, культуре, национальности, унижение и оскорбление человеческого достоинства и т.п. Например: реклама магазина инструментов «Наш крепёж не подведёт» (слоган сопровождается изображением ног человека, который, по всей видимости, повесился); «Побалуй даму раком» (слоган магазина морепродуктов «Морское царство»); «Садисты и огородники, для вас в подвале полиэтилен» (объявление на дверях магазина для дачников).

Неудачные попытки языковой игры, связанной с эвфемизацией и деэвфемизацией, когда, по мнению автора рекламы, следует использовать запрещенную к применению в общественных местах обценную лексику и ее заменяют фонети-

чески похожим вариантом или многоточием: «Лаки, краски и клея, их на базе до...!»; «Сумкины дети» – название магазина; реклама блюд восточной кухни: «Суши. Просто японуться»; распространенный слоган, который используется в ресторанном бизнесе при рекламе рыбных блюд: «Вы уху ели?».

На пике популярности в рекламе табуированная ранее туалетная тема: «Комфортабельный туалет в кафе. Окупись в мир прекрасного»; реклама унитазов: «Толчок для размышлений», «Толчок в будущее», «Скоро 23 февраля. Подари своему принцу белого коня!»; реклама магазина сантехники: «Только у нас при покупке унитаза книга в подарок» (заметим в скобках, что не так давно вышел «Многоязычный словарь эвфемизмов туалетной темы», авторы Е. П. Иванян, Х. Кудлинская-Стемпень, И. Н. Никитина [3]).

Ошибки стилистические, которые могут состоять в том, что, например, в рекламе банковских услуг используется слоган, содержащий жаргонную лексику («Кредиты: хочешь капусты?»), или соединение в одном контексте слов из разных стилей речи («Все богини Тулы тусуются на Myslo», где Myslo – название популярной тульской газеты).

Ошибки грамматические, связанные с искажением формы слов или синтаксических конструкций. Например, рекламный слоган противовирусного препарата: «Будь готов быть здоров»; заголовок статьи в СМИ: «Москвичи смогут доехать до дома после купаний на автобусах» (имеются в виду погружения в прорубь в крещенскую ночь).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что преодолеть проблему речевой безграмотности, небрежности в использовании языковых средств не представляется возможным до тех пор, пока хорошее владение русским языком не станет важным для его носителей.

Список литературы

1. Гартман Т. Речь как меч. М. : Эксмо, 2019. 208 с.
2. Гартман Т. Слово не воробей. Разбираем ошибки устной речи. М. : Эксмо, 2020. 204 с.
3. Иванян Е. П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И. Н. Многоязычный словарь туалетной темы. М. : ФЛИНТА, 2019. 167 с.
4. Козырев В. А., Черняк В. Д. Современная языковая ситуация и речевая культура : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. 184 с.
5. Королева М. А. Говорим по-русски правильно. М. : Российская газета, 2007. 464 с.
6. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М. : Знак : Языки славянских культур, 2008. 232 с.
7. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М. : Астрель : CORPUS, 2012. 480 с.
8. Левонтина И. Русский со словарём. М. : АСТ : CORPUS, 2016. 464 с.
9. Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 160 с.
10. Северская О. И. По-русски, правильно! М. : Просвещение, 2011. 176 с.

Информация об авторах: *Абрамова Вероника Игоревна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (г. Тула, Россия); *Архангельская Юлия Владимировна*, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры документоведения и стилистики русского языка Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (г. Тула, Россия).

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕНЗЕНСКИХ И САМАРСКИХ ГЕМЕРОНИМОВ

О. С. Агапова

г. Пенза, Россия
birukova.ol1999@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются пензенские и самарские наименования печатных СМИ (гемеронимы); выделяются сходные и различные признаки, положенные в основу наименований печатных изданий разных регионов; определяются способы образования гемеронимов, затрагиваются вопросы их правописания.

Ключевые слова: онимастикон, оним, гемероним, региональные СМИ, мотивировочный признак

Для цитирования: Агапова О. С. Структурно-семантические особенности пензенских и самарских гемеронимов // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 417–419.

Региональные ономастиконы представляют интересный материал для использования его в качестве материала при изучении лексики, семантики.

Ономастическое пространство, как и на территории всей страны, активно увеличивается, в том числе и за счёт развития региональных средств массовой информации, для наименования которых Н. В. Подольская использует термин гемероним – вид онима. Собственное имя органов периодической печати, в том числе газет, журналов, информационных бюллетеней [1, с. 16].

В настоящее время, в связи с развитием информационных технологий, СМИ включают не только традиционные печатные издания, но и электронные, интернет-издания. Гемеронимы исследуются лингвистами в разных аспектах [2, с. 167].

В научной литературе отмечается, что наименования периодических изданий СМИ (шире – медиа) составляют специфическую группу онимов, поскольку они являются наименованиями не отдельно выделенного объекта, а серии (множества) данного объекта, что выражается в периодичности издания. К отличительным особенностям гемеронимов относятся также искусственный, целенаправленный характер их создания, обязательный юридический статус, подчеркнутая социальность, а также временная неопределенность существования [3].

Количество пензенских гемеронимов печатных СМИ, по данным сайта Пенза-сити.com, – 127 изданий. Количество самарских гемеронимов печатных СМИ – 112 изданий.

Гемеронимы представляют интерес для исследования с различных позиций.

Ономастикон медиапространства, в том числе самарского и пензенского, существует в пространстве и во времени. Рассмотрение гемеронимов с точки зрения мотивационного признака, положенного в основу наименования, даёт возможность получить разнообразную информацию, в том числе о пространстве и времени. В данном аспекте есть как различия, так и сходства между изданиями разных областей.

Мотивировочный признак, непосредственно указывающий на пространство (место), в однословных наименованиях, присутствует единично: «Заречье» –

еженедельник, «Новь» – Камешкирская районная газета, «Беседка» – тематическая газета Пензы (сад и огород), «Вестник» – информационное издание Спасского района. В изданиях Самарской области данный признак мотивации отсутствует.

Мотивировочный признак труда представлен в гемеронимах единично: «Трудовой путь» (Кузнецк), «Трудовая честь» (Сердобск), «Знамя труда» (Никольск), «Трудовой путь» (Сосновоборск). Интересно отметить, что издание «Трудовой путь» встречается в двух районах: Кузнецк и Сосновоборск. В самарских изданиях данный признак отсутствует.

Большинство гемеронимов имеют в своём составе оттопонимное производное; место обозначается метонимически через астионим, комоним: «Сердобские новости» – муниципальная газета, «Пензенская правда». По аналогии образованы и названия газет и журналов Самары: «Волжская новь», «Приволжский вестник», «Самарские вести» и т.д.

Также указывается на место издания и в большинстве районных наименований СМИ: «Городищенский вестник», «Бессоновские известия», «Каменская новь», «Наровчатские новости», «Кузнецкий рабочий», «Бековский вестник», «Башмаковский вестник», «Наша Пенза». В Самарской области изданий данного вида представлено значительно меньше, но некоторые из них можно выделить: «Елховские просторы», «Куйбышевский железнодорожник», «Жигулевский рабочий», «Красноярские новости».

Гемероним одновременно содержит и адресную мотивацию – для сельских жителей. Такой мотивировочный признак присутствует в следующих наименованиях: «Экономика ПФО», «Дорогое удовольствие», «Бизнес клуб в Пензе», «Секреты Бизнеса» (для деловых людей, предпринимателей); «Из рук в руки», «Телесемь», (для жителей города, региона); «Беседка», «Кузнецкий рабочий», «Стройка» (для тех, кто занимается строительством, ремонтом, садом), «Автомобильный журнал», «Волжский автостроитель» (для автолюбителей), «Церковный вестник» (для верующих людей).

Издание «Из рук в руки» встречается и в той и в другой областях.

Объектно-субъектная мотивация представлена в гемеронимах: «Наш город» (Пенза), «Наша Пенза», «Наша газета – Бессоновские известия», «Ваш собеседник» (Земетчино), «Наше слово» (Лопатино), «Наш город» (Заречный). В самарских изданиях выделяется только один случай «Наше время».

В составе пензенских и самарских гемеронимов имеются наименования, которые характеризуют человека по роду деятельности: «Организатор», «Курьер», «Репортёр», «Коммерсантъ», «Автокурьер», «Дачница» т.д.

Таким образом, большинство пензенских и самарских гемеронимов являются мотивированными. Преобладают гемеронимы, имеющие мотивировочный признак места. Большую группу составляют наименования, имеющие в составе медийный признак.

Преобладают гемеронимы-словосочетания, имеющие множественные мотивации. Однословные присутствуют в меньшем количестве. В основном это наименования, относящиеся к каким-либо занятиям по роду деятельности и интересам.

В составе большинства гемеронимов-словосочетаний имеются оттопонимные производные от наименований городов, улиц и центров районов области: «Улица Московская», «ПроГород Пенза», «Городищенский вестник», «Елховские просторы», «Куйбышевский железнодорожник», «Жигулевский рабочий», «Красноярские новости».

Пензенские и самарские гемеронимы оформляются кириллицей, за исключением некоторых, употребляющегося преимущественно в латинской графике – «PenzaNews», «View», «FRAN CITE».

Правописное оформление периодических изданий в СМИ, в том числе пензенских, также представляет обширный материал для работы над ним. Правила орфографии предписывают употребление прописной буквы односложного наименования или первого слова неодносложного наименования периодического издания и заключения его в кавычки. И первая, и вторая часть правила вызывает затруднения: повсеместно отсутствует использование кавычек, все части составного наименования пишутся с прописной буквы, примеры: «Живая Вера Медиа», «Куранты – Маяк», «Комсомольская Правда», «Аргументы и Факты» и т.д. Наблюдается также употребление прописной буквы в середине слова: «ПроГород Пенза», «Пенза Информ». Среди гемеронимов соседней области такие примеры отсутствуют.

Отличительной особенностью самарских изданий от пензенских, является наличие Ъ на конце слова: «Ва-Банкъ», «Коммерсантъ».

В названиях газет и журналов Пензы не встретилось ни одного обращения. А вот в наименованиях самарских печатных СМИ выделяется одно название, содержащее обращение – «Тамань, вперёд!».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пензенские и самарские гемеронимы имеют как сходные, так и различные признаки, помогающие уже по наименованию печатного СМИ определить направленность его интересов.

Список литературы

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М : Наука, 1988. 187 с.
2. Сызранова Г. Ю. Ономастика : учеб. пособие. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. 248 с.
3. Федосова О. И. Лингвистический статус гемеронима (на материале российских и британских названий СМИ). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-status-geameronima-na-materiale-rossijskih-i-britanskih-nazvaniy-smi> (дата обращения: 11.02.2022).

Информация об авторе: *Агапова Ольга Сергеевна*, магистрант Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

ЗАГОЛОВОК КАК СРЕДСТВО ИНФОРМИРОВАНИЯ И КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТЕЙ РАДИО «БИЗНЕС ФМ» («BUSINESS FM»))

Е. И. Беглова

*г. Нижний Новгород, Россия
beglova-elena@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются заголовки рубрик новостей как жанра публицистического текста на материале аудиотекстов радио «Бизнес ФМ». Произведён лингвистический и коммуникативно-прагматический анализ заголовков рубрик новостей, представляемых в одно время, разделяющих аудиотекст на микротемы. В результате исследования выявлено, что основными функциями заголовков подобного рода являются информативная, экспрессивная и просветительская. Заголовок представляет собой отдельный микротекст, часто порождённый на основе использования прецедентного текста, а также с помощью приёмов метафоризации, деметафоризации значений слов, словосочетаний или целой фразы, а также путём наложения разных значений одной и той же лексемы, напри-

мер омонимичных значений. Установлено, что в целом заголовки такого рода способствуют эффективному восприятию информации адресатом, пробуждению у него эмоций и ассоциаций разного плана, основанных на общих фоновых знаниях адресанта и адресата, по этой причине порождение заголовков новостей требует от адресанта высокого уровня языковой компетентности.

Ключевые слова: прецедентный текст, заголовок, новости, язык СМИ, радио, приёмы метафоризации и деметафоризации

Для цитирования: Беглова Е. И. Заголовок как средство информирования и как выразительное средство (на материале новостей радио «Бизнес ФМ» («Business FM»)) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 419–423.

Предметом нашего изучения являются заголовки рубрик новостей на радио «Бизнес ФМ» (Business FM) как часть языка СМИ. Цель лингвистического анализа заголовков заключается в выявлении и демонстрации роли заголовка в рубриках, которые тематически разделяют новости как жанра публицистического стиля, передаваемые по радио «Бизнес ФМ». Радио «Бизнес ФМ» как первая деловая радиостанция России, начавшая своё вещание в 2007 году, адресовано деловым людям, а также всем тем, кто интересуется деловой жизнью России. Оно отражает события мирового и российского бизнеса, вещая на частоте 87,5 FM из г. Москвы, 107,4 FM – из г. Санкт-Петербурга, 107,8 FM – из г. Нижнего Новгорода и др. Таким образом, названное радио ориентировано на образованного слушателя, осведомлённого в бизнесе.

Как показывает собранный нами языковой материал из новостных передач названного радио, заголовки выполняют основную функцию – смысловую, то есть они делят новости на тематические разделы, привлекая внимание адресата к информации. Существуют постоянные рубрики, которые, выходя за пределы информации о бизнесе, расширяют общий кругозор адресата, например, рубрика «Говорящие фамилии», в которой даётся этимология некоторых названий, произошедших от конкретных фамилий, именующих явления экономики, бизнеса, частного предпринимательства. По сути, такого рода рубрики, включающие определённую информацию, выполняют просветительскую функцию, что имеет важное значение в целом для реализации задач СМИ. С другой стороны, заголовки в новостях как жанре публицистического стиля интригуют адресата (слушателя), выступая в качестве эффективного выразительного средства, оживляющего аудиотекст, приближая его к диалогу, соучастию адресата в передаваемых событиях на дистанции. При этом «оживление» осуществляется диктором как интонационно, так и с помощью приёмов создания выразительности, которые используются в заголовках и о которых пойдёт речь в этой статье.

Следует особо отметить, что новости как жанр на радио «Business FM», выполняющие функцию информирования адресата, всегда своевременны, злободневны и общественно значимы. Как показывают наши наблюдения за новостным материалом радио «Бизнес ФМ» (Business FM), актуальными приёмами порождения заголовков являются использование прецедентного текста, метафоризация и деметафоризация. Продемонстрируем сказанное лингвистическим анализом нескольких заголовков, разделяющих новости, передаваемые диктором в пределах одного времени (3–5 минут).

В преддверии Нового 2023-го года актуальна была тема покупки ёлок. В новостях наблюдался заголовок *«Хочется, но колется»* [Бизнес ФМ. 26.11.2022]. Речь шла о ёлках и их стоимости. Излагались причины повышения стоимости природных ёлок, например, из-за санкций. Отмечалось, что 26 декабря ёлочные базары ещё не открылись, и цены там высокие, постоянно меняются.

К тому же к Новому 2023-му году будет недостаточное количество ёлок, и их придётся, по всей видимости, закупать из третьих стран. Заголовок по форме соотносится с прецедентной фразой *И хочется, и колется, и мама не велит*, которая апеллирует к памяти адресата и ассоциативно связывается со строками стихов или воспринимается как крылатая фраза. Например, данная фраза встречается в стихотворении Д. Шаронова «*И хочется, и колется*»:

«И хочется, и колется, и мама не велит»

– народная пословица от женского лица <...> [5].

Или аналогичное по названию стихотворение М. Берковича:

И хочется, и колется,

И мама не велит,

И дождь шумит по улице,

Окрестность веселит <...> [1].

Смысл заголовка порождается приёмом метафоризации значения лексемы *колоться*: у ёлки колючие иглы; но *колются* цены, а не иглы. В целом заголовок, представляющий собой по форме трансформированную известную фразу, имеет то же значение, что и прецедентная фраза: «не всегда имеется возможность осуществить желание».

По нашему мнению, очень удачным, можно считать заголовок микротемы новостей «*Книги в чёрном*» [Бизнес FM. 26.11.22]. Речь шла о новом законе, согласно которому книги писателей, объявленных в России иноагентами, предлагалось продавать в чёрной упаковке и размещать на ней надпись «18+». Особо отмечалось, что их необходимо размещать в библиотеках на отдельных полках под присмотром работников или в закрытых на ключ залах. К таким книгам в настоящее время относятся сочинения Д. Быкова, Д. Глуховского, Ю. Латыниной, А. Невзорова, В. Шендеровича и др. (в списке иноагентов Министерства юстиции России на 20 февраля 2023 года – 20 человек). Словосочетание *книги в чёрном* соотносится ассоциативно с прецедентным словосочетанием *люди в чёрном*, что способствует не только отражению темы конкретной новости, но и выразительности передачи информации, проявляющейся в интриге внимания адресата. Ассоциативно заголовок отсылает адресата к нескольким пресуппозициям: 1) название фильма 1997 года режиссёра Барри Зонненфельда от английского *men in black*, являющегося научно-фантастической комедийной франшизой, повествующей о деятельности агентов секретной организации «Люди в чёрном»; 2) «люди в чёрном» – это люди из космоса, приходившие в дом тех, кто видел НЛО и контактировал с ними, в чёрных классических костюмах. Так гласит легенда в уфологии о таинственных пришельцах в чёрных костюмах [2]. Кроме названных пресуппозиций, имеется и третья: *люди в чёрном* – это профессия охранника, но необычного, а особенного. *Это представители президентской охраны с лёгким и тяжёлым стрелковым оружием <...> Бойцы президентской охраны («люди в чёрном») передвигаются на джипе и вооружены автоматами АК-74, АКС-74У, снайперскими винтовками Драгунова, пулемётами РПК и «Печенег», автоматическими и противотанковыми гранатомётами, переносными зенитными ракетными комплексами «Оса». Они могут противостоять полнокровному армейскому батальону* [4]. В этом заголовке наблюдается слияние рационального и эмоционального начал. Сам заголовок является текстом, который имеет несколько смыслов в зависимости от ассоциаций, возникающих у адресата. Безусловно, подобного рода заголовки рассчитаны на образованного адресата, который будет заинтригован новостью, однако адресат, неосведомлённый в событиях, ассоциа-

тивно связанных с заголовком, непосредственно воспринимает информацию, обновляясь на прямых значениях слов в словосочетании *книги в чёрном*, то есть в обложке чёрного цвета.

Произведём коммуникативно-прагматический и лингвистический анализ еще одного заголовка новостей «*Ход конём*». Ассоциативно адресат связывает словосочетание *ход конём* с шахматной игрой. Интрига внимания адресата заключается именно в знании этой пресуппозиции. В аудиотексте фрагмента новостей смысл строится на демегафоризации известного словосочетания. Речь шла о том, что в Санкт-Петербурге запретили катать туристов и желающих на каретах, запряжённых лошадьми, которые стояли на Дворцовой площади и часто использовались для прогулочных поездок. Причиной запрета послужил случай, произошедший в новогоднюю ночь 2022–2023 гг., когда один из гуляющих по площади, вскочил в карету и поехал на толпу, в результате чего пострадали люди [Бизнес FM. 03.02.2023]. Заголовок служит средством создания как смысла, так и экспрессии в представлении злободневной новости.

Проанализированные нами выше заголовки рубрик новостей как жанра на радио «Бизнес FM» (Business FM) строятся на прецедентных текстах, а также с использованием приёмов метафоризации и демегафоризации смысла слова, словосочетания или фразы. Это обуславливает интригу внимания адресата, его переключение на тематические рубрики новостей и эффективное восприятие смысла.

Отмечаются заголовки, построенные на использовании многозначности или омонимии значений слов. Например, заголовок «*Смешать, но не разболтать*» [Бизнес FM. 08.02.2023]. Обозреватель А. Григорян информировал о том, что некоторые страны до периода санкций в отношении России и до увеличения их количества сознательно наращивали запасы нефти за счёт российской. Из этих же стран соответственно увеличился объём поставляемой нефти в другие страны Европы. Местом смешения, слияния нефти из разных стран стал Сингапур. Обозреватель от своего лица сделал вывод: «Но вряд ли кто сейчас будет говорить о происхождении нефти. Вообще, действует принцип «*Смешать, но не разболтывать*»». Значение глагола *смешать* не изменяется, а значение слова *разболтать* усложняется в контексте. В словаре фиксируются следующие значения лексемы *разболтать*: 1) разговорное: взбалтывая, размешать, соединить с жидкостью; 2) разговорное: расслабить, расшатать что-либо; 3) разговорное: распушить [3, с. 663]. В контексте слово *разболтать* использовано в первом значении. В толковом словаре отмечается омонимичное значение лексемы *разболтать* к данным выше трём значениям в семантической структуре слова – «разгласить» [3, с. 663]. В заголовке значение «взбалтывая, размешать, соединить с жидкостью» накладывается на омонимичное значение «разгласить», в результате чего создаётся неодобрительная оценка явления, о котором информируют адресата.

Таким образом, на радио «Бизнес FM», освещающим в новостях как жанре публицистики актуальные события, факты, связанные с деловой жизнью страны и мира, очень уместны заголовки, служащие делению новостей на микротемы. Такие заголовки выполняют как информативную, так и экспрессивную функцию. Можно утверждать то, что сам заголовок представляет собой отдельный микротекст. При порождении заголовков рубрик новостей часто используются прецедентные тексты, а также приёмы метафоризации и демегафоризации значений слов, словосочетаний или фраз. Реже встречаются заголовки, основанные на наложении омонимичных значений слов.

В целом подобного рода заголовки способствуют эффективному восприятию информации адресатом, пробуждению у него эмоций и ассоциаций разного плана разного плана, основанных на общих фоновых знаниях адресанта и адресата.

Следовательно, заголовки рубрик новостей, являющихся аудиотекстом, выполняют информативную, экспрессивную и просветительскую функции, требуя от адресанта текста высокого уровня языковой компетентности.

Список литературы

1. Беркович М. И хочется, и колется // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2004/01/20-1289?ysclid=lejwabjk6a668682608> (дата обращения: 24.02.2023).
2. Люди в чёрном. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/104133?ysclid=lcl7u0sde9214979647> (дата обращения: 24.02.2023).
3. Современный толковый словарь русского языка / авт. проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. М. : Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
4. Фалалеев М., Кафтан Л. Как охраняют президента // Комсомольская правда. 2004. С. 11–12. URL: www.kp.ru/daily/23206/26266/ (дата обращения: 20.02.2023).
5. Шаронов Д. И хочется, и колется // Поэмбук. URL: <https://poembook.ru/poem/2155348?ysclid=lejwdmgebz486368935> (дата обращения: 25.02.2023).

Информация об авторе: *Беглова Елена Ивановна*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России (г. Нижний Новгород, Россия).

НАРУШЕНИЯ РЕЧЕВЫХ НОРМ В ЯЗЫКЕ СМИ

С. Н. Бойкова¹, Н. А. Дзвинковская²

¹ г. Гомель, Республика Беларусь

² г. Минск, Республика Беларусь

¹ lukjanchiksn@mail.ru

² ndzvinkovskaja001@gmail.com

Аннотация. Рассматривается вопрос многоаспектности проблемы нарушения речевых норм современного языка СМИ. Проведён анализ примеров таких нарушений, выявленных студентами белорусских вузов, изучавшими дисциплины «Культура речи» и «Жанрово-стилистические особенности русского языка». Рассмотрены возможные аспекты будущей языковой реформы и ответственности языка печати, радио и телевидения за формирование речевой культуры личности и общества в целом.

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, культурно-речевой уровень, речевая норма, орфоэпическая норма, языковая квалификация

Для цитирования: Бойкова С. Н., Дзвинковская Н. А. Нарушения речевых норм в языке СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 423–426.

Взаимосвязь языка и общества, языка и личности неоспорима. Культура речи является показателем культуры как отдельного человека, так и всего общества в целом. В СМИ это одна из главных характеристик, определяющих профессиональный уровень печати, телевизионных и радиопередач, их публицистическую и художественную полноценность. Чаще всего нарушения норм языка авторами, дикторами и ведущими свидетельствуют об общей низкой культуре владения речью.

Если в советские времена на Центральном телевидении и Всесоюзном радио к культуре речи относились строго, был контроль над речью в эфире и продуманная система повышения языковой квалификации, это был эталон для зрителей и слушателей, то сегодня многое в этом важном деле упущено, редко предпринимаются меры, позволяющие предупреждать речевые ошибки.

В итоге мы имеем дело с общим снижением культурно-речевого уровня использования языка в СМИ, которое естественным образом отражается на повседневной языковой жизни общества, на «состоянии» русского языка [3, с. 1]. Именно в наше время, когда языковая раскованность нередко подменяется языковой распушенностью, обсуждение этого вопроса особенно необходимо.

Мы не будем останавливаться на таких аспектах проблемы, как многократные и регулярно повторяющиеся метафоры, клиширование речи, превышенное употребление заимствований, жаргонизмов и варваризмов, усиление коннотативности (поиска скрытого смысла) русского языкового сознания и использование индивидуальных красок, единичных приемов, рассчитанных на мгновенную реакцию и чувство юмора.

Рассмотрим примеры речевых ошибок языка СМИ, обнаруженные студентами, изучавшими дисциплины «Культура речи» и «Жанрово-стилистические особенности русского языка», а спектр специальностей таких обучаемых значительно расширился. Объектами исследования являлись СМИ не только России, но и Беларуси, где русский является вторым государственным языком. Более того, белорусские школьники и студенты неоднократно были признаны победителями международных олимпиад в этой области. Современная молодежь впитывает всю информацию как губка. Молодые люди верят многому, что звучит с экранов телевизоров, берут пример с авторитетных людей (политиков, артистов, ведущих, журналистов). К сожалению, в речи таких людей встречаются лингвистические ошибки, которые молодежь, включая иностранных учащихся, воспринимает как норму.

По мнению специалистов, ошибки в области фонетики и орфоэпии составляют самую многочисленную группу погрешностей. Однако студенты, изучающие указанные дисциплины, отмечают лишь частные случаи, связанные с постановкой ударения: *Мы хотим, чтобы это все понялось. Создана новая культура речи. Огромные средства были вложены в разработку... Русский алфавит неоднократно преобразовывался...* Как видно из приведенных примеров, чаще всего такие ошибки встречаются в словоформах. Особенно удручает, что приведены цитаты и из передачи, посвященной рассматриваемой проблеме.

В сфере нарушения лексических норм наиболее актуально пренебрежение лексической сочетаемостью: *Существенного урона не принесено. Вы можете просветить ситуацию. Мотивов для данного совершения преступления у других лиц нет. Свободен от тех обязанностей, которые раньше меня окружали.*

Нарушения фразеологической нормативности и использования крылатых выражений обнаружить и пресечь особенно трудно: *Вот в чем весь фокус закрыт. Выясним все «за» и «против». Роман обречен на популярность. Я русский бы выучил только за то, что на нем разговаривал Ленин. Этот вопрос всегда был местом раздора для политических партий... Язык не поднимается говорить об этом.* Ведь даже классическая стилистика допускает такой прием в качестве средств авторской выразительности, эмоциональности и ироничности в публицистическом стиле речи. Иллюстрирующее употребление в аналитических и новостных программах оригинальных или перефразированных прецедентных текстов – от пословиц и поговорок до цитат из классики – приобрело глобальные масштабы, особенно этим отличаются заголовки статей и темы программ и обзоров.

Отметим разнообразие некомпетентности в грамматике. К ошибкам такого рода можно отнести:

– употребление полных и кратких форм прилагательных (*Я в отношении к марафону очень **негативная**. Свежий воздух может быть очень **полезный** для кожи малыша*);

– образование степеней сравнения (*А точнее, **более точнее**? Один брат был **более богаче** другого*);

– склонение и употребление числительных (*Насчитывается здесь более **трехста** протоколов. Это наблюдалось в **двухтысячи** пятнадцатом году. Более **восьмиста** авиакомпаний...*);

– нарушение норм управления (*Надо найти **интересных поддержек и переходов**. У Наташи как **фамилия**? Очень много несоответствий о его **виновности**. Информация поступала **со всех** регионов*);

– употребление причастий и деепричастий (*Моющиеся автомобили загрязняют эту реку. Творожок «Нежность»: **попробовав** раз, он нежностью пленит*);

– сочетание подлежащего и сказуемого (*Большинство рейсов по-прежнему **отложены**. Кто **протестуют**?*);

– нарушение структуры сложноподчиненного предложения (*Когда если он соперечивает, он избавляется от комплексов. Таковы результаты, как все это распределяется. Это те, которые производят суррогатный алкоголь*).

Периодически языковедами обсуждается необходимость проведения реформы русского языка. В первую очередь имеется в виду орфография: аргументация приводит в пример количество букв алфавита, в большинстве европейских языков составляющее 26. Буква ё, получившая законные права лишь в 1942 году, несомненно, в результате будет утеряна. Вспоминается история открытия памятника этой букве в 2005 году на бульваре около областной научной библиотеки Ульяновска. Треугольную призму массой более трёх тонн изготовил ульяновский филиал «Военно-Мемориальной Компании».

Рассматриваются и грамматические изменения. В их числе те аспекты, которые вызывают трудности даже у большинства носителей языка: склонение топонимов среднего рода, правописание аббревиатур и сложносокращенных слов [2], склонение числительных (здесь предлагается оставить только два падежа – прямой и косвенный). Подобные инновации приветствуются молодым поколением и вызывают у старших возмущение, поскольку поощряют «безграмотный язык массовой культуры».

Таким образом, специфика языка СМИ определяется особенностями коммуникативной ситуации, которую он обслуживает. Дискурс массовой коммуникации характеризуется как дистантный, с индивидуально-коллективным субъектом и неизвестным, количественно неопределенным массовым рассредоточенным адресатом. Средства массовой информации в значительной степени определяют нормы языка и общения, и тем более велика их ответственность за то, чтобы эти нормы отвечали лучшим культурным традициям [1, с. 24].

Проведённый анализ позволяет говорить, что лингвистические ошибки появляются в эфире, СМИ, речи политиков из-за небрежного отношения к языку, невысокой культуры говорящих, а также из-за желания говорящих привлечь внимание слушателей, зрителей.

Прочно войдя в жизнь человеческого общества, СМИ являются мощным средством воздействия на человеческий разум. Язык СМИ динамичен, наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражая состояние последнего и влияя на его формирование. Именно здесь легко увидеть те новые

тенденции в подходах к изучению языка, которые прослеживаются в современной лингвистике.

Высокая культура языка в эфире и на страницах печати – действенный инструмент культурного и духовного обустройства всей жизни, поэтому речь публичных людей (политиков, журналистов, депутатов) должна служить образцом русского литературного языка для слушателей, читателей, зрителей.

Список литературы

1. Основные проблемы культуры речи в СМИ // WorksDoklad. 2020. URL: <https://works.doklad.ru/view/Iw9SBAAFuN4.html/> (дата обращения: 16.01.2023).
2. Реформы русского языка с XVIII века до наших дней // Pukabu.ru. 2019. URL: https://pikabu.ru/story/reformyi_russkogo_yazyika_s_xviii_veka_do_nashikh_dney_3763560/ (дата обращения: 20.01.2023).
3. Язык и культура речи в СМИ // WorksDoklad. 2021. URL: <https://works.doklad.ru/view/4TcAg2JEG6c/all.html/> (дата обращения: 17.01.2023).

Информация об авторах: *Бойкова Светлана Николаевна*, старший преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (г. Гомель, Республика Беларусь); *Дзвинковская Надежда Анатольевна*, старший преподаватель кафедры белорусского и русского языков Белорусского государственного медицинского университета (г. Минск, Республика Беларусь).

ПОДПИСЬ К ФОТОГРАФИИ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ЖИЗНИ ПЕНЗЕНЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ»)

Ю. А. Васинькина

г. Пенза, Россия
vasinkina.y@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются подписи к фотографиям как ценный лингвистический источник фактических данных о событиях и явлениях периода Великой Отечественной войны и тружениках тыла – жителях Пензенской области. Указывается на важную роль визуального компонента (фотографии) в материалах газеты и на необходимость его сопровождения подписью. Описываются компоненты, из которых состоит подпись к фотографии, с учётом жанра снимка. Анализируется семантическая составляющая подписей к фотографиям, посвящённым трудовому подвигу жителей тылового региона.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СМИ, подпись к фотографии, пензенцы, трудовой подвиг

Для цитирования: Васинькина Ю. А. Подпись к фотографии как способ отражения жизни пензенцев в годы Великой Отечественной войны (на материале газеты «Сталинское знамя») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 426–429.

Сложно представить выпуск газеты без визуальной составляющей. Фотографии выступают как зрительный источник информации и сопровождаются под-

писью, которая содержит информацию о том, кто запечатлён и что запечатлено, к какому событию или явлению относится изображённое и др.

Фотоизображение и его вербальное сопровождение «образуют особую коммуникативную единицу – лингвизуальный комплекс, вербальный и изобразительный конститuentы которого находятся в отношениях взаимодополнения» [2, с. 73]. Подпись к фотографии выполняет ряд важных функций: «она объясняет читателю смысл сообщения, заложенного в снимке, расшифровывает изображённое и даёт единственно верную интерпретацию фотографии» [3, с. 105].

Предметом нашего внимания стали подписи к фотографиям периода Великой Отечественной войны, которые публиковались на страницах пензенской региональной газеты «Сталинское знамя» в 1941–1942 годах.

Анализ материала показал, что текст к фотографии обычно имеет трёхчастную структуру. Первая часть представляет собой, как правило, повествовательное предложение, констатирующее факт действительности. Вторая часть вводится подзаголовком «На снимке» с последующим обозначением того, кто запечатлён, и описанием изображённых действий. Третья часть – это указание именного инициала и фамилии фотографа: *Всю зиму комсомолец Юлия Бондарева изучала тракторное дело. Теперь она трактористка Бессоновской МТС. Её трактор готов в любую минуту выйти в поле, на сев. На снимке: Юлия Бондарева за рулём. Фото Г. Архангельского (№ 102–103, 1942 г.).* Некоторые названные компоненты подписи могли отсутствовать: *По-ударному работает звеньевая третьей бригады колхоза им. Кирова Бессоновского района Н. М. Шиянова. На вязке снопов она выполняет норму на 120–130 процентов. Фото Н. Павлова (№ 199, 1941 г.).*

Подпись к фотографии «сообщает о фактических данных, даёт необходимые именные, цифровые, географические и иные сведения в полном соответствии с тем, что изображено в кадре» [1, с. 159]. Содержание подписи зависит от жанра фотографии. Так, подписи к репортажным снимкам, на которых зафиксировано какое-либо событие или какой-либо процесс, обязательно включают информацию о действиях, отражённых на фотографии: *Взаимопроверочная комиссия колхоза «Великий перелом» проверяет качество семян в колхозе им. Будённого. На снимке (слева направо): колхозный агроном Р. Михалкина, председатель артели «Великий перелом» С. Матюшин, заместитель начальника политотдела Наскафтымской МТС тов. Кательников» (№ 62, 1942 г.).* Подпись к портретам содержит имя человека, сведения о его месте работы, должности. Так, газетная фотография с изображением пяти человек сопровождается следующим текстом: *Стахановцы военного времени двухсотники и трёхсотники Пензенской мебельной фабрики (сверху вниз) слесарь Б. М. Мичкасский, слесарь А. Е. Андреев, токарь Н. В. Кашуба, клепальщики А. И. Муштакова и П. В. Филин. Фотомонтаж Г. Архангельского (№ 1, 1942 г.).*

На страницах «Сталинского знамени» отводилось внимание различному труду. Публиковались фотографии с описанием деятельности рабочих, ковавших Победу на заводах Пензенской области: *Токарь Пензенского завода дезинфекционного оборудования тов. Зайцев ушёл на фронт защищать свою родину от гитлеровских полчищ. За станок Зайцева встала его жена – Т. А. Тарасова. На снимке: Т. А. Тарасова выполняет работу по укомплектовке арматуры. Фото Н. Павлова (№ 163, 1941 г.).* Печатались снимки, иллюстрирующие труд колхозников: *Бесперебойно идёт молотба на токах колхоза «Красный молот» Русско-Камешкирского района. На снимке: молотильный агрегат за работой. Фото П. Тихонова (№ 203, 1941 г.).*

Помимо названия тех, кто изображён на снимках, трудового процесса и организации (колхоза, завода и т. п.), в тексте подписи нередко содержалось указание на объём или темп работы. В большинстве случаев сообщалось о перевыполнении нормы: *Ежедневно на полях колхоза «21 января» Ново-Шаткинского сельсовета Р.-Камешкирского района, семья Сурковых перевыполняет норму на уборке урожая зерновых культур. На снимке (слева направо): Кузьма Васильевич Барабанов, М. К. Суркова, ученик 6 класса Леша Сурков и И. Г. Сурков на жнитве. Фото П. Тихонова (№ 196, 1941 г.).*

Подпись к фотографии, кроме объективных фактов, могла отражать субъективное отношение автора к тому, что изображено на снимке. Оценочная лексика служила средством отражения личного взгляда корреспондента на то или иное событие или явление. В этом случае подпись «берёт на себя роль выразительного средства» [1, с. 159]: *Дружно работают на уборке озимых культур члены колхоза имени VI съезда Советов, Сухановского сельсовета, Кузнецкого района. На снимке лучшее звено колхоза на жнитве, ежедневно перевыполняющее нормы. Фото П. Тихонова (№193, 1941 г.); Зорко охранять колхозный урожай! На снимке: комсомолец В. Смирнов, ученик 8 класса Никольской средней школы (колхоз «Труд» Кузнецкого района), на охране колхозного урожая. Фото Н. Павлова (№ 181, 1941 г.).*

Тексты, отражающие передовой опыт трудящихся, содержат «газетные штампы, характерные для эпохи социализма» [4, с. 25]: *социалистическое соревнование, досрочное выполнение, по-ударному работает, перевыполняет норму* и др., общественно-политическую лексику: *съезд, сельсовет, артель, звено* и т.п., а также «положительно окрашенную лексику, которая используется для характеристики лиц, изображённых на фотографии» [4, с. 25]: *передовое предприятие, стахановец, лучшая доярка* и др.

Отметим, что в первые, летние, месяцы Великой Отечественной войны в газете печаталось примерно втрое больше снимков с описанием трудового подвига пензенцев, нежели в последующих выпусках. С течением времени фотографий из тыла становится всё меньше, чаще встречаются снимки с передовой.

Итак, газетная фотография и текст к ней функционируют как семантическое единство. Подписи к снимкам, опубликованным на страницах «Сталинского знамени» в годы Великой Отечественной войны, выполняют важную функцию передачи информации о событиях прошлого и конкретных людях. Они являются уникальным источником сведений о тыловом подвиге жителей Пензенской области, которые своим трудом приближали Великую Победу.

Список литературы

1. Гурьянов С. М. Семантика заглавия в художественном тексте (на материале фотографии) // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4. С. 158–160. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semantika-zaglaviya-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-fotografii> (дата обращения: 02.02.2023).

2. Игнашов А. В. Семантическое единство комплекса «Фотография – подпись» в журнале «Самарские судьбы» // Наука и современность. 2011. № 12-1. С. 72–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskoe-edinstvo-kompleksa-fotografiya-podpis-v-zhurnale-samarskie-sudby> (дата обращения: 02.02.2023).

3. Ленкова Т. А. Роль подписи в креолизованном публицистическом тексте // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 1. С. 102–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-podpisi-v-kreolizovannom-publitsisticheskom-tekste> (дата обращения: 02.02.2023).

4. Родионова И. Г. Подпись к фотографии как источник информации о событиях Великой Отечественной войны (на материале пензенской региональной газеты «Сталинское знамя» за 1941 год) // Память нужна живым : всерос. сб. науч. и науч.-публицист.

ст. / под ред. О. В. Милаевой, О. В. Черновой. Прага, 2015. С. 22–27. URL: <https://clck.ru/YhN6u> (дата обращения: 02.02.2023).

5. Сталинское знамя. 1941. URL: <http://liblermont.ru/ddisk/Stz/Stalinskoe%20znamia%201939-1956/1941/> (дата обращения: 02.02.2023).

6. Сталинское знамя. 1942. URL: <http://liblermont.ru/ddisk/Stz/Stalinskoe%20znamia%201939-1956/1942/> (дата обращения: 02.02.2023).

Информация об авторе: *Васинькина Юлия Андреевна*, магистрант Пензенского государственного университета; учитель русского языка и литературы Средней общеобразовательной школы № 65/23 г. Пензы (г. Пенза, Россия).

СМИ В МЕССЕНДЖЕРАХ: СПЕЦИФИКА ФОРМАТА И СПОСОБЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ АУДИТОРИИ

А. В. Дегальцева

г. Саратов, Россия
deganna@mail.ru

Аннотация. В современном цифровом мире традиционные СМИ вынуждены конкурировать с крупными информационными сетевыми площадками. Чтобы сохранить и приумножить аудиторию, известные и авторитетные печатные издания создают собственные сайты, а также каналы в мессенджерах, блоги и группы в социальных сетях. Исследование телеграм-каналов изданий «Московский комсомолец», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» показало, что способы подачи материала и методы воздействия на читателей в мессенджере Telegram обладают определённой спецификой. Прежде всего, чтение текста с экрана смартфона предполагает существенное сужение объёма информации, лаконичность и простоту её подачи. Мессенджеры используют в основном для повседневного общения, но попутное знакомство с новостями позволяет пользователям этих программ оставаться в курсе событий. Очевидно, что пользователи Telegram не настроены на вдумчивое восприятие длинных аналитических текстов, поэтому СМИ размещают здесь в основном лишь краткие новостные сообщения. Облегчение восприятия читателями новостной информации достигается за счёт структурирования текста (рубрикация, использования списков и под.). Тематика публикаций в мессенджерах также обладает спецификой. Так, среди подписчиков новостных телеграм-каналов оказывается востребованным контент, не обладающий социальной значимостью, например забавные случаи, пародии. Для привлечения внимания читателей к публикациям журналисты используют графические средства (фото- и видеоматериалы, пиктограммы, эмодзи), а также броские заголовки, нередко представляющие собой кликбейт. Читатели новостных телеграм-каналов имеют возможность оценить публикацию и поделиться понравившейся новостью с друзьями. Журналисты, в свою очередь, могут отслеживать реакции аудитории на свои материалы. Таким образом, между читателями и сотрудниками новостных телеграм-каналов устанавливается двусторонняя связь.

Ключевые слова: СМИ, новостные телеграм-каналы, СМИ в мессенджерах, электронные СМИ

Для цитирования: Дегальцева А. В. СМИ в мессенджерах: специфика формата и способы привлечения внимания аудитории // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 429–433.

В современном цифровом мире традиционные СМИ вынуждены конкурировать с различными видами сетевого информационного контента. Изменения в способах подачи информации ведут к изменениям в культуре её потребления. Если раньше люди выписывали газеты, оформляли подписки на печатные и электронные СМИ, то сегодня они всё чаще обращаются к новостным агрегаторам, социальным сетям, блогерам. Большинство современных читателей «не обращает внимания на источник информации, не говоря об авторе журналисткой публикации. На смену платным подпискам на газеты и журналы пришли «Яндекс. Дзен», «Google News», «Рамблер. Новости» и другие ресурсы. Их алгоритмы вместе с алгоритмами социальных сетей теперь главные сортировщики и доставщики контента СМИ» [1, с. 48–49].

В связи с этим традиционные СМИ вынуждены адаптироваться к новым условиям существования. Они заводят блоги на крупнейших интернет-площадках, открывают свои группы в социальных сетях и каналы в мессенджерах. Чтобы сделать информацию доступной и интересной для пользователей интернета, им приходится прибегать к ряду приёмов. Рассмотрим, как адаптировались к формату мессенджеров традиционные СМИ: «Аргументы и факты» (далее – «АиФ»), «Московский комсомолец» («МК») и «Комсомольская правда» («КП»). Мессенджеры – это специальные телефонные и компьютерные программы для обмена информацией по сети. Наиболее популярными среди них являются WhatsApp, Viber и Telegram. К исследованию привлекаются публикации за декабрь 2022 – январь 2023 гг. в телеграм-каналах «АиФ», «МК» и «КП»: <https://t.me/aifonline>, https://t.me/mk_ru и <https://t.me/truekpru>. Наибольшее количество подписчиков насчитывает телеграм-канал «КП» – 191 921 человек, у «МК» и «АиФ» подписчиков намного меньше – 39459 и 35849 человек соответственно.

Мессенджер «Telegram» предназначен, в первую очередь, для бытового или делового общения, однако многие из его пользователей хотят быть в курсе событий, происходящих в России и мире, поэтому считают целесообразным подписаться на новостные каналы, в частности – каналы авторитетных изданий: «АиФ», «МК» и «КП». Аудитория мессенджера не настроена на чтение пространных аналитических или интеллектуально насыщенных материалов, поэтому в медийных телеграм-каналах публикуются, в основном, краткие новостные сообщения: *Борис Джонсон вместе с семьёй прибыл в Великобританию. Это произошло после того, как стало известно о возможном выдвижении кандидатуры политика на пост премьеры* (<https://t.me/aifonline/30876>); *Минобороны показало кадры пуска ракеты-носителя «Союз-2.1в». Запуск был осуществлен воздушно-космическими силами РФ. На борту «Союза-2.1в» находятся космические аппараты, которым присвоены порядковые номера «Космос-2561» и «Космос-2562»* (<https://t.me/aifonline/30878>); *В Турции жандармы занялись массовой проверкой жилья иностранцев: грозит высылка* (https://t.me/mk_ru/21809). Аналитические жанры на таких информационных каналах практически отсутствуют, хотя иногда публикуется начало материала, а затем следует ссылка, перейдя по которой на официальный сайт СМИ, пользователь сети имеет возможность прочитать продолжение.

Интересно, что в мессенджерах оказывается востребованным контент, не обладающий социальной значимостью, например, курьёзные ситуации из жизни рядовых граждан, глупые выходки, пародии или забавные случаи с животными. Такого рода материалы представляют собой фото- или видеоряд, сопровождающийся минимумом текстовой информации. Именно такой контент является типичным для блогов и социальных сетей, где пользуется большой популярностью. Как видим, не становятся исключением и мессенджеры. Осознавая это, журнали-

сты публикуют подобные забавные бытовые сценки в своих телеграм-каналах, «разбавляя» ими серьёзный материал и привлекая больше новых подписчиков. Так, фотозаметка «*В честь китайского нового года трудолюбивый китайский фермер вытоптал огромного кролика на поле*» (<https://t.me/truekpru/104603>) собрала в телеграм-канале «КП» 22400 просмотров, а видео, на котором лиса бродит среди машин в Москве, – более 29000 просмотров. Для сравнения: новости, касающиеся хода специальной военной операции России, набирают в данном канале примерно такое же количество просмотров.

Юмористические публикации с животными бьют рекорды просмотров в телеграм-каналах СМИ. В качестве примера можно привести видео с тюленем, издающим звуки, похожие на слово «лень». Видеоряд сопровождается шутливой подписью «*В природе существуют всего два биологических вида, которые знают этот язык. 1. Тюлени. 2. Россияне в первый рабочий день после новогодних*» (<https://t.me/truekpru/104363>). Эта публикация набрала более 75000 просмотров за несколько часов.

Способы подачи материала в телеграм-каналах «АиФ», «МК» и «КП» существенно отличаются от тех, которые применяются на сайтах данных СМИ. Поскольку посетители и подписчики новостных каналов в мессенджерах используют, в основном, смартфоны, объём текста максимально сужается: до размеров среднего экрана мобильного устройства. Подача материала характеризуется лаконичностью и простотой. Сокращение объёма публикации достигается двумя способами. Первый из них – это публикация в мессенджере только заголовка и/или первого абзаца материала (полностью или частично), фотографией и ссылкой на страницу сайта СМИ, где можно ознакомиться с полной версией текста. Вторым способом – публикация информационных сообщений в максимально сжатом виде (1-2 предложения): *Народный артист России Иван Краско доставлен в больницу Санкт-Петербурга с инсультом – ТАСС* (https://t.me/mk_ru/22075); *После новостей о том, что Никита Михалков в тяжёлом состоянии госпитализирован с ковидной пневмонией, его жена Татьяна заявила: точный диагноз еще не известен, и сказала: на данный момент Михалкова перевозят в Москву* (https://t.me/mk_ru/21806); *Взрывы прогремели в Харькове после окончания воздушной тревоги. Воздушная тревога также объявлена в Полтавской области и подконтрольной Украине территории ДНР* (<https://t.me/aifonline/30883>).

В таком сжатом виде публикуются и подборки главных мировых новостей: *Армения не получала от России предложения вступить в состав Союзного государства – Пашинян; В ВОЗ не видят угрозы для Европы в связи с распространением COVID в Китае; ЕС и НАТО должны усилить помощь Украине, но уже истощили свои военные запасы — глава НАТО Столтенберг; Урсула фон дер Ляйен анонсировала третий пакет санкций против Белоруссии; ЕС и страны-члены выделили Украине уже 50 млрд евро помощи – Еврокомиссия* (<https://t.me/truekpru/104535>). Как видим, одним из основных способов сжатия информации является синтаксическая компрессия (номинализации, инфинитивизации, атрибутизации и др.): *после окончания тревоги, предложение вступить в состав Союзного государства, подконтрольная территория* и под.

Текст публикации в медийных телеграм-каналах, как правило, сопровождается фото- или видеорядом, позволяющим сделать её восприятие наглядным. Для привлечения внимания аудитории и, одновременно, структурирования информации, создатели новостей для телеграм-каналов используют не только фото- и видеоматериалы, но и специальные символы (в зависимости от тематики информации). Так, пиктограмма мяча предваряет спортивные новости, самолёта – сообщения об авиаперелётах, снежинка сообщает о погодных условиях и под.:

⚽ *Пятикратный победитель Лиги чемпионов УЕФА Гарет Бэйл завершил карьеру* (<https://t.me/aifonline/30750>); ✈ *Росавиация рекомендовала российским авиакомпаниям, самолёты которых числятся в иностранных реестрах, временно приостановить рейсы за рубеж с 6 марта, а с 8 марта – из-за рубежа* (https://t.me/mk_ru/3094). Важные и срочные новости, как правило, отмечаются восклицательным знаком или символом молнии.

Для того чтобы привлечь внимание читателей к материалу, публикуемому в телеграм-каналах СМИ, журналисты нередко прибегают к использованию кликбейта. «Кликбейт – это заголовок, который провоцирует читателей нажать на него» [2, с. 44]. Его использование – «это действенный способ выделить свой контент на высококонкурентной платформе, где виральность как цель и громкие заголовки как средство оказались в числе определяющих факторов привлечения аудитории» [1, с. 52]. Исследователи массмедиа отмечают, что если раньше кликбейт представлял собой довольно примитивный способ привлечения внимания адресата путём введения его в заблуждение и использовался, в основном «жёлтой прессой», то сейчас кликбейт «конкретен, многообразен, не завышает ожиданий и не вводит в заблуждение. Его используют все участники медиарынка, чтобы выдерживать конкуренцию за внимание потребителя» [1, с. 51–52]. Этот аттрактивный приём сегодня «можно встретить и в прессе, и на ТВ, и в онлайн-СМИ, и в рекламе. По сути, он везде, но не всегда под кричащим заголовком кроется пустышка. Яркий, творческий заголовок без дурновкусия и обмана всегда может стать хорошим способом привлечения читателей» [2, с. 47].

В телеграм-каналах современных СМИ, однако, встречается немало броских заголовков, не соответствующих или не в полной мере соответствующих содержанию новостей и вводящих читателя в заблуждение. Так, прочтя заголовок «*Frankfurter Rundschau: ракеты «Циркон» стали кошмаром для Запада*», читатель вполне может предположить, что российские ракеты были использованы против стран Запада, что, конечно же, не имеет никакого отношения к действительности. Из продолжения публикации явствует лишь то, что это мощное современное оружие: «*Немецкий аналитик Ян-Фредерик Вендт отметил, что в отличие от других ракетных систем, снаряды «Циркон» могут управляться даже после того, как были выпущены. «Такое сочетание управляемости и скорости делает их практически неуязвимыми для зенитных систем», – подчеркнул автор. По словам Вендта, эксперты опасаются возобновления гонки вооружений*» (<https://t.me/aifonline/30585>).

Особенно «грешат» негативным кликбейтом журналисты «МК». Им удаётся создавать броские заголовки путём намеренного умолчания важной информации и, напротив, упоминанием незначительных, но шокирующих или нарушающих этические нормы деталей. Например, публикация с заголовком «*Сексуальный скандал в монастыре: детей водили к козам*» (https://t.me/mk_ru/22120) мгновенно привлекает внимание аудитории шокирующей информацией. Ассоциации, которые, возможно, приходят в голову читателям, – православные монахи оказались замешаны в скандале с сексуальными девиациями. Подписчикам телеграм-канала предлагается перейти по ссылке и ознакомиться с полным текстом журналистского расследования на сайте «МК». Из него мы узнаём, что речь идёт о монастыре, не имеющем отношения к русской православной церкви, а прямых доказательств насильственных действий по отношению к мальчикам (кроме устных свидетельств) ещё не было получено. Со слов бывшего работника монастыря, игумен встречался с детьми в кельях и водил их на скотный двор. Другим примером кликбейта, вводящего читателя в заблуждение, служит заголовок «*Утечка пере-*

говоров Путина и Си Цзиньпина: китайские чиновники пожертвовали жизнью» (https://t.me/mk_ru/22123). Нам снова предлагается пройти по ссылке для ознакомления с полным текстом публикации, из которого выясняется, что произошла утечка информации о переговорах лидеров России и КНР. Подозревают кого-то из китайских чиновников, но прямых доказательств их вины нет, и, безусловно, никто из госслужащих не был казнён. В публикации говорится лишь о том, что «в Китае такое понятие как гостайна развито более жёстко, чем во многих других странах. По словам директора Института стран Азии и Африки МГУ Алексея Маслова, вряд ли какой-то китайский чиновник рискнул бы собственной жизнью ради тех, кто хочет породить недоверие между Россией и КНР». Таким образом, заголовок очередной публикации в телеграм-канале «МК» абсолютно не соответствует содержанию материала и обескураживает своей псевдосенсационностью.

В качестве кликбейта активно используются и вырванные из контекста цитаты. Так, заголовок «В постели с дьяволом»: принц Гарри объяснил, почему сменил семью с грязью» (https://t.me/mk_ru/21993) наводит читателя на мысль о том, что дьявол – это супруга принца, ради любви к которой он опорочил свою семью. Из содержания публикации, однако, явствует, что это вовсе не так, ведь слова принца Гарри характеризуют не Меган Маркл: «Объясняя отношения членов королевской семьи с прессой, Гарри сказал: “Я люблю своего отца, я люблю своего брата, я люблю свою семью”. По его словам, у него не было намерения причинить им вред. Но что касается бульварной прессы, “некоторые участники решили лечь в постель с дьяволом”, чтобы реабилитировать свой собственный имидж» (https://t.me/mk_ru/21993).

Размещение новостей в телеграм-каналах позволяет журналистам устанавливать двустороннюю связь с аудиторией. Под новостями размещаются эмодзи, с помощью которых читатели могут оценить публикации: «палец вверх» или «сердце» – новость понравилась, «палец вниз» – нет. Кроме того, присутствуют смайлы, отражающие смех, недоумение, раздражение, слёзы и др. С их помощью читатели могут выразить разнообразные эмоции от прочтения материала. Журналисты, в свою очередь, отслеживают реакции аудитории и учитывают их при подготовке следующих публикаций. Кроме того, читатели могут поделиться понравившейся новостью со своими друзьями в мессенджере, тем самым увеличивая охват аудитории медиаканала.

Таким образом, традиционные СМИ, конкурируя с сетевыми новостными агрегаторами, социальными сетями и блогами, вынуждены приспосабливаться к условиям цифровой среды. Это находит отражение как в изменении способов подачи информации, так и в средствах привлечения внимания адресата.

Список литературы

1. Кузнецов Е. С. Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 48–54. doi:10.20323/2499-9679-2021-2-25-48-54
2. Николаева А. В. Кликбейт в СМИ // Русская речь. 2018. № 3. С. 43–47.

Информация об авторе: Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия).

СПЕЦИФИКА ШКАЛЫ ГРАДАЦИЙ И ГРАДУАЛЬНЫХ ОЦЕНОК В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ИНТЕРНЕТ-ГАЗЕТЫ «ПРАВОСЛАВИЕ И МИР»)

Н. И. Ершова

г. Саранск, Россия
tascha80@mail.ru

Аннотация. Рассматривается категория градуальности в рамках религиозного дискурса на материале публикаций сайта «Православие и мир». Особое внимание уделяется описанию шкалы градаций, языковых средств её выражения.

Ключевые слова: религиозный дискурс, язык православных СМИ, категория градуальности, шкала градаций, языковые средства, оценка

Для цитирования: Ершова Н. И. Специфика шкалы градаций и градуальных оценок в религиозном дискурсе (на материале публикаций интернет-газеты «Православие и мир») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 434–437.

Анализ своеобразия репрезентации категории градуальности в языке православных СМИ, развивающемся в рамках религиозного дискурса, должен осуществляться, на наш взгляд, от рассмотрения общей языковой семантики до конкретных языковых средств её выражения. Весьма ощутимой спецификой здесь обладает сама шкала градаций, система мерительных отношений и их оценок, обуславливающие особенности средств языкового выражения градуальности и их соотношение в целом. Выявим своеобразие процедуры градуирования в религиозном дискурсе – на материале публикаций на сайте «Православие и мир».

Сайт «Православие и мир» (<http://www.pravmir.ru/>) [3] является Интернет-версией одноименной православной газеты. «Православие и мир» на сегодняшний день можно считать одним из крупнейших, известнейших и авторитетнейших религиозных изданий, поддерживающим должный уровень публикаций, следующим лучшим традициям религиозного массмедийного дискурса и мгновенно, своевременно откликающимся на все происходящие в православном мире события, выполняющим еще и новостную функцию. Язык и стилистика публикуемых на сайте материалов выдержаны в рамках религиозного дискурса, отвечают требованиям, предъявляемым к нему, органично совмещают патетику с экспрессией и информативностью, также необходимыми читателю.

Сайт «Православие и мир» имеет весьма разветвленную тематическую структуру, охватывая различные области религиозного дискурса, что находит отражение в его разделах и рубриках. Среди основных *разделов* здесь обозначены следующие: «*Главное*» (т. е. наиболее актуальная новостная информация), «*Вера*», «*Общество*», «*Здоровье*», «*Культура*», «*Семья*», «*Образование*». Кроме того, здесь представлены *рубрики* «*Беседы о главном*», «*Патриотизм*», «*Страницы истории*»; присутствуют *темы* (т. е. постоянно обсуждаемые вопросы в печати данной направленности): «*Наши современники*», «*Герои среди нас*», «*Ответ специалиста*». Также на сайте имеются ссылки на «проекты» «Православия и мир» – относительно самостоятельные Интернет-издания, курируемые сайтом, развивающие его тематику в более узком направлении: «*Книги Правмира*», «*Мифы*

о Православии». Все это делает «путешествие» по сайту, отличающимся столь широким тематическим охватом и вместе с тем четкой структурированностью, для заинтересованного читателя весьма привлекательным.

Материалы, представленные на данном сайте, дают весьма полные представления о специфике языка православных СМИ с точки зрения языковой репрезентации в них и в самом религиозном дискурсе категории градуальности. Однако интерес в данном случае представляют не только отдельные средства выражения градуальной семантики, но и сама градуальная семантика, получающая определенную специфику в связи с той картиной мира, которая является основополагающей для православного, религиозного человека, лежит в основе его мировосприятия и мироощущения (см. [4]). Сопрягаемая с определенными коммуникативными задачами и коммуникативными интенциями авторов материалов, она создает весьма своеобразные шкалы градуальных оценок, в совокупности своей формирующие семантику градуальности в религиозном дискурсе. Обращает на себя внимание семантическая «включенность» градационных связей в общую мировоззренческую систему, находящуюся в основе религиозного дискурса, прежде всего в дуальную картину мироздания, от которой берут начало логика, мораль и философия религии. В дуальной картине мира всегда присутствует два «полюса» – *Бог* и *дьявол*, определяющие «*верх*» и «*низ*», *светлое* и *темное*, *хорошее* и *плохое*. Или: *Бог* и *человек*, соотносящиеся с *небесным*, *горним* и *земным*, *вечным* и *преходящим* (см. [1, с. 11]). С этим связаны особенности мерительных отношений и градуальных оценок в языке православных СМИ, которые мы рассмотрим на материале публикаций сайта.

Специфика шкалы градаций здесь заключается, в частности, во множественности мерительных систем координат, каждой из которых соответствует своя «шкала». Так, с одной стороны, можно говорить об обычной шкале градаций с характерными для нее «точкой отсчета» (нулем, нормой) и градиентах-отклонениях от нормы – в сторону количественно-качественного усиления и в сторону количественно-качественного ослабления признака. Данная шкала охватывает в большей мере не мировоззренческие вопросы, а скорее «приземленные», «бытовые» отношения и наблюдения. Иными словами, здесь речь идет об обычной шкале градаций, функционирующей в современном русском языке в качестве семантической основы категории градуальности и функционально-семантического поля, ее репрезентирующего. Одной из языковых единиц, её актуализирующих в анализируемом тексте, является качественное прилагательное с градуальной семантикой *легкий*. Признак, им выражаемый, поддается в современном русском языке изменению и измерению, в том числе в сопоставлении с другими, смежными с ним признаками:

легче *труднее*

самый лёгкий ← *лёгкий* ← *нормальный, средний, посильный* → *трудный, сложный*
→ *самый трудный, самый сложный, наитруднейший, наисложнейший.*

сложнее *ещё легче*

нелёгкий ← *чуть лёгкий* ← *лёгкий* → *очень лёгкий* → *самый лёгкий, наилегчайший.*

С данной шкалой градаций соотносится, например, следующее высказывание, содержащее градуальное прилагательное *легкий* в форме превосходной степени: «*Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших (Мф. 6, 14–15) – сие средство к оправданию*

от грехов **самое легкое**, вполне доступное для всех и всегда зависящее от нашей воли». Сочетание формы превосходной степени прилагательного *легкий* с синонимичным ему прилагательным *доступный* (= «легкий для восприятия, усвоения» [2]) в форме положительной степени сравнения служит основой для такого художественного приема, как нисходящая градация, в рамках данного высказывания.

Здесь же необходимо указать и однокоренное с данным прилагательным определительное наречие образа действия *легко*, соотносящееся с аналогичной приведенной выше шкалой градаций. В тексте оно употребляется в форме сравнительной степени: *«И в подтверждение этой заповеди Господь сказал нам чудную притчу – изобразил учение Свое в примере одного неоплатного должника, который был уже прощен и помилован, но за жестокость к собрату своему снова предан жестокому мучению – чтобы нам **легче** было видеть, что бывает с теми, которые не прощают ближним согрешений их, и чтобы мы поняли, что произойдет в подобном случае с нами»*.

Особенность данной шкалы обнаруживается в том, что слова, соотносящиеся с ней, в некоторых высказываниях употребляются с иронической окраской и получают совершенно противоположное своей семантике толкование. В плане градационных отношений это приводит к тому, что слово, соотносящееся своим градуальным значением с одним из «полюсов» шкалы, «смещается» к противоположному полюсу: *«Казалось бы, что по указанию такого **легкого** средства к оправданию все грешники должны воспользоваться им для своего спасения и в обществе христианском не останется ни единого грешника»*. Из контекста мы понимаем, что речь идет вовсе не о легком, а о самом трудном средстве духовного спасения человека (и об этом говорится далее: *«Господь Сердцеведец предвидел, что страстное, самолюбивое и злопамятливое сердце человеческое **менее всего способно покориться этой заповеди смирения и кротости**, что даже между самими последователями Его многие будут глухи к слышанию и косны к исполнению сей спасительной заповеди, – поэтому Господь находил нужным многократно говорить об этом»*). Следовательно, градуальное прилагательное *легкий* при помощи иронии, иронического модуса повествования в данном фрагменте отождествляется с его антонимом – *трудный*. Относительность, условность градуального значения прилагательного *легкий* здесь акцентированы также вводной конструкцией *казалось бы*, передающей сомнение и неуверенность в истинности. Однако ирония здесь не высмеивающая, как, например, в художественной литературе, а назидательная, акцентирующая внимание читателя на том, что духовная жизнь – это очень тяжелое занятие, настоящее поле брани, где на пути духовного роста встречаются серьезные препятствия (ср. выражения *духовное трудничество* ← от *труд*, *духовное подвижничество* ← от *подвиг* и т.д.), что становится очевидным в одном из следующих высказываний автора: *«Одним из таких возвышенных поучений о прощении обид является притча, которая была предложена в прочитанном ныне Евангелии. Для своего **назидания** повторим ее содержание»*.

Таким образом, данная – вполне обычная, привычная – шкала градаций ориентирована на раскрытие мерительных отношений применительно к человеку и его духовной жизни. Она характеризуется традиционной структурой, включает три основных градиент-значения: «норма», «выше нормы» и «ниже нормы», предполагающие усиление или ослабление признака в процессе отдаления от «центра» системы координат – точки отсчета. Градационные отношения здесь сопряжены с рядом художественных приемов, используемых автором с целью усиления выразительности изложения: градацией и иронией, своеобразие которых также обусловлено религиозным дискурсом.

Список литературы

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 46 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2008. URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).
3. Православие и мир. М., 2004. URL: <http://www.pravmir.ru/> (дата обращения: 15.02.2023).
4. Чумакова К. Религиозный дискурс в массмедиа. URL: <http://discourseanalysis.org/ada6/st47.shtml> (дата обращения: 20.02.2023).

Информация об авторе: *Ершова Наталья Игоревна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия).

НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТУЛЬСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ВОЕННОГО ПЕРИОДА)

Н. А. Красовская

г. Тула, Россия
nelli.krasovskya@yandex.ru

Аннотация. Анализируется лексическая составляющая заголовков, выбранных из региональных газет периода Великой Отечественной войны. Определяется наличие в заголовках разнообразной лексики военной тематики, слов с ярко выраженным оценочным значением. Помимо этого, своеобразие лексической стороны заголовков, выбранных из региональной военной прессы, заключается в наличии единиц, которые указывают на особенности мирной жизни, на привычное ведение хозяйства. Отмечается и ряд заголовков, которые включают в свой состав топонимы или оттопонимические образования. Можно говорить о том, что заголовки региональных газет военного периода представляют собой широкое поле для проведения разнообразных лингвистических наблюдений.

Ключевые слова: газетные заголовки, военный период, региональная пресса, лексические единицы

Для цитирования: Красовская Н. А. Некоторые лексические особенности газетных заголовков (на материале тульской региональной прессы военного периода) // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 437–440.

В наши дни внимание к военной истории не ослабевает, а, наоборот, усиливается. Период Великой Отечественной войны привлекает внимание исследователей разных научных направлений. В силу объективных причин текстовые источники периода 1941-1945 годов становятся весьма интересны и лингвистам. В частности, нас заинтересовали материалы региональной прессы периода Великой Отечественной войны.

Газета долгое время была самым массовым средством передачи информации. Именно поэтому языку газет посвящено довольно много исследований, в которых традиционно выделяются его наиболее яркие особенности. В частности,

известный советский журналист Д. Заславский указывал: «Особенность газетного слова заключается в том, что оно обращено ко всем, всем, всем. Газету читают академики и рядовые рабочие, старики и молодые, учителя инженеры, врачи... Газету читает народ... Поэтому газетное слово должно быть простое слово, обладающее, однако, способностью очень ясно и очень точно выразить самые сложные понятия» [4, с. 51]. На протяжении советского времени изучению разновидностей газет, языковым, стилистическим и жанровым особенностям прессы различными исследователями было уделено много внимания. Так, Ширяева Т. А., посвятившая кандидатскую диссертацию исследованию метафоры в публицистическом стиле, отмечает: «В последние годы наблюдается активное развитие публицистики в следующих направлениях: возрастает её значение в жизни общества, появляются новые разновидности, активно идет становление устных форм. Поэтому обращение исследователей к публицистике как к объекту научного рассмотрения вполне закономерно и естественно» [5].

Мы обращаемся к материалам газет, которые были изданы на территории Тульской области в годы Великой Отечественной войны. В ряде своих публикаций мы останавливались на анализе структуры заголовков, лексики газетных заметок, особенностей антропонимов в региональной прессе [3]. Основной целью нашего рассмотрения становится выявление некоторых лексических особенностей заголовков. Мы считаем, что заголовок – важная часть как привлечения внимания читателей, так и передачи информации.

Заголовки многофункциональны. Дзидаханова З. С. замечает: «Основными его функциями являются *графически-выделительная, номинативная, информативная и рекламная*» [2, с. 12].

Мы обратились к лексической составляющей газетных заголовков военной поры. Так, нами были проанализированы заголовки материалов газеты «Голос колхозника» [1], которая издавалась в Плавском районе Тульской области. Менялась ситуация на фронтах Великой Отечественной, издавались новые распоряжения правительства, каждый советский человек переживал общее горе страны – это и многое другое не могло не отразиться на лексическом своеобразии заголовков региональных газет. Заголовки сообщали информацию как международного и всесоюзного масштаба, так и местного, регионального, воздействовали на читателей, поднимали их боевой дух, стимулировали совершать трудовые и военные подвиги, показывали, что жизнь продолжается, что труд каждого человека важен для общей победы.

Нами были выявлены следующие лексические особенности заголовков.

1) Наличие в заголовках большого количества лексических единиц, относящихся к военной лексике. Например: «Организация военных трибуналов» (№ 100, 1941 г.), «Отличная стрельба зенитчиков», «Великая Отечественная война советского народа», «На фронтах войны» (№ 101, 1941 г.), «Личный пример командира», «Родным бойцам», «Большие потери фашистов» (№ 142, 1941 г.), «Забота о семьях фронтовиков», «Привет с фронта», «Примерная бригада» (№ 75, 1942 г.). Эти и другие примеры дают возможность понять, что и сама лексика, относящаяся к тематической группе военной лексики, очень разнообразна: здесь можно видеть и общие названия, и названия по должностям и направлениям деятельности, и названия по совершаемым действиям, и многое др. Безусловно, появление подобных лексических единиц в заголовках военной поры – закономерность, но о ней нельзя не сказать, потому что именно она и составляет отличительную особенность языка прессы 40-х годов XX века.

2) В заголовках отмечаются лексические единицы, которые можно отнести к оценочной лексике. Это могут быть слова в прямом значении, содержащие

оценку, а могут быть слова в переносном значении, но использованные для выражения оценочного значения: «Примерная бригада» (№ 75, 1942 г.), «Во славу Родины», «Слава товарищу Сталину!», «В честь победы» (№ 21, 1945 г.), «Безрадостное прошлое и счастливое настоящее» (№ 11, 1941 г.), «Кровавые дела гитлеровских людоедов» (№ 95, 1942 г.), «Подарки сталинским соколам» (№ 106, 1942 г.). Следует отметить, что положительно оценивается все то, что связано с советским строем, советской идеологией, образом Сталина, советского воина и т.д. Все, что связано с образом врага, с фашизмом оценивается резко негативно. Оценка может выражаться, как мы уже отметили выше, словами с оценочной семантикой (слава, почет, уважение), эпитетами (родной, примерный, счастливый, безрадостный), метафорами (гитлеровские людоеды, сталинские соколы) и т.д.

3) Материалы военной прессы Тульской области содержат заголовки, которые включают лексические единицы, указывающие на повседневную жизнь крестьян, на общую организацию быта: «Ёлка в детсаду», «Районный слет пионеров» (№ 3, 1943 г.), «Женщины в сельском хозяйстве» (№ 10, 1944 г.), «Вручение почётной грамоты колхозу» (№ 15, 1944 г.), «Новогодняя ёлка», «Плоды бесплодности» (№ 1, 1945 г.), «На лыжи, молодые колхозники» (№ 3, 1944 г.), «Молодые колхозники, включайтесь в поход за высокий урожай!» (№ 5, 1944 г.). Следует отметить, что подобные заголовки позволяют понять, что жизнь населения не останавливается: работают школы, детские сады, проходят спортивные соревнования, отмечаются праздники. Газета с помощью своих материалов дает читателям возможность осознать: жизнь страны даже в таких тяжелых военных условиях продолжается. В таких «бытовых», мирных заголовках в том числе проявляется и специфика района, его сельскохозяйственная направленность, традиционное ведение хозяйства.

4) Региональная направленность прессы также проявляется в топонимах, оттопонимических прилагательных и иных названиях, которые присутствуют в заголовках: «В Плавском кинотеатре» (№ 14, 1945 г.), «Производственный подъём в механическом цехе завода «Смычка» (№ 94, 1941 г.), «Посёлок Плавск должен стать культурным, благоустроенным районным центром» (№ 64, 1941 г.). Подобные лексические единицы позволяют достаточно точно идентифицировать районную газету, отметить территориальное своеобразие, которое обязательно присутствует в любой районной газете.

В целом можно говорить о том, что заголовки региональных газет периода Великой Отечественной войны представляют собой благодатную почву для проведения различных лингвистических, социологических, политических, исторических исследований.

В данном случае наш небольшой анализ лексической стороны заголовков позволил выявить ряд особенностей, которые связаны как в целом с эпохой и значительными историческими событиями, такими, как Великая Отечественная война, так и связаны с повседневной жизнью населения одного из районов Тульской области в 40-е годы XX века.

Список литературы

1. Голос колхозника. Газеты: проект памяти Тульского региона «Живи и помни» // Министерство культуры Тульской области. URL: <https://pobeda71.ru/newspaper/> (дата обращения: 09.02.2023).
2. Дзидаханова З. С. Коммуникация в современном мире. Воронеж, 2005. 162 с.
3. Красовская Н. А. Некоторые особенности языка периодики военного времени // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы V Междунар. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2022. С. 140–144.

4. Майданова Л. М. Стилистические особенности газетных жанров : лекции по спецкурсу. Свердловск : УрГУ, 1987. 65 с.

5. Ширяева Т. А. Метафора как фактор прагма-семантической характеристики текстов публицистического стиля: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Пятигорск, 1999. 18 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/metafora-kak-faktor-pragma-semanticheskoi-kharakteristiki-tekstov-publitsisticheskogo-stilya> (дата обращения: 12.02.2023).

Информация об авторе: *Красовская Нелли Александровна*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (г. Тула, Россия).

РОЛЬ ОЦЕНОЧНЫХ АДЪЕКТИВОВ В ДИСКУРСЕ МЕДИЦИНСКОЙ РЕКЛАМЫ

М. Л. Лаптева

г. Астрахань, Россия
hohlina2004@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования оценочных адъективов в дискурсе медицинской рекламы и выявляется их роль в реализации стратегии воздействия на потенциального потребителя. Представлены лексико-семантические группы оценочных прилагательных, характеризующих качество предоставляемых услуг, качество медицинских специалистов и качество лекарственных препаратов. Третья группа лексем ограничивается употреблением качественных прилагательных, передающих следующие свойства номинируемого объекта: современность, доступность, эффективность, новизна, безопасность, уникальность, польза, место производства.

Ключевые слова: медицинский дискурс, рекламный дискурс, адъектив, оценка, стратегия воздействия

Для цитирования: Лаптева М. Л. Роль оценочных адъективов в дискурсе медицинской рекламы // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 440–443.

Прагматическая организация дискурса медицинской рекламы, как и любой другой рекламы, обусловлена стратегией воздействия на потенциального потребителя рекламируемых товаров [1]. Для медицинских рекламных статей характерно эксплицитное представление идеи рекламы с акцентом на эффективные свойства денотата, которые перечисляются или называются зачастую уже в заголовочном блоке рекламного текста.

Цель настоящей статьи – выявить особенности репрезентации адъективной оценочной лексики в дискурсе медицинской рекламы.

Материалом проведенного исследования послужили тексты коммерческой рекламы медицинского характера, взятые из открытых интернет-источников. Нами рассмотрено 216 рекламных текстов, полученных методом сплошной выборки. Общий объем проанализированного материала составил 105 оценочных имён прилагательных в 412 контекстных употреблениях.

В зависимости от того, что является объектом рекламы, выделяется несколько больших групп оценочных адъективов, прагматический блок лексическо-

го значения которых включает оценку (1) качества предоставляемых услуг, (2) качества медицинских специалистов, (3) качества лекарственных препаратов.

При этом качественные характеристики сводятся к реализации значения – ‘очень высокий, хороший по качеству, имеющий действие’. Безусловно, наиболее частотным является само прилагательное *качественный* (*качественный препарат, качественное лечение* и др.), а также целый ряд других зафиксированных нами единиц, среди которых с грамматической точки зрения подавляющее большинство составляют полные качественные прилагательные, меньшинство – их краткие формы. Сравним: 1. *Непобедимой аллергии не бывает, / Когда в борьбу вступает Супрастин!* и 2. *Заложен нос? Лазолван Рино – и в ночь дыхание свободно!*

В первой группе «Качество предоставляемых услуг» употребительными являются оценочные адъективы в таких сочетаниях, как *качественная медицина, качественное лечение, профессорский медицинский центр, экспертное УЗИ* и др.

Во второй группе «Качество медицинских специалистов» наиболее часто встречаются следующие: *квалифицированные специалисты, высококлассные специалисты, лучшие профессионалы, признанные эксперты, хороший доктор, отличный врач* и др.

Большую часть нашего исследовательского материала составляют имена прилагательные, которые мы включили в группу «Качество лекарственных препаратов».

В соответствии с содержанием рекламного дискурса круг данных лексем ограничен употреблением качественных прилагательных, передающих такие свойства номинируемого объекта, как:

1. ‘ЭФФЕКТИВНОСТЬ’: *эффективный, высокоэффективный, клинически доказанный (результат)*. Например: 1. *Эффективный препарат для сезонной аллергии и безопасного лечения гриппа и ОРВИ («Анаферон»)*. 2. *Аципол – результат многолетнего тщательного отбора наиболее эффективных и максимально адаптированных к рациону россиян видов полезных микроорганизмов.*

2. ‘УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ’: *универсальный, эталонный, комплексный, комбинированный, многокомпонентный, широкий спектр действия (лекарства)*. Например: 1. *Анфиса Чехова рекомендует универсальный антисептик...* (реклама Мирамистина). 2. *Перфектил – универсальная формула для бархатной кожи, крепких ногтей и здоровых волос.* 3. *Гербион сироп первоцвета благодаря комплексному составу обладает отхаркивающим, противовоспалительным, противомикробным действием, способствует уменьшению вязкости мокроты...*

3. ‘БЕЗОПАСНОСТЬ’: *безопасный, натуральный, естественный, растительный*. Например: 1. *Фитомуцил – 100% натуральный комплекс. Обеспечивает регулярное естественное очищение кишечника.* 2. *Растительный экстракт семи лекарственных растений («Стоматофит»)*.

4. ‘УНИКАЛЬНОСТЬ’: *уникальный, безаналоговый, оригинальный, незаменимый*. Например: 1. *Кардикор – уникальный комплекс для нормализации функционирования сердечно-сосудистой системы.* 2. *Лазолван – оригинальный препарат с активным действующим веществом Амброксол.* 3. *Мезим для желудка незаменим.*

5. ‘НОВИЗНА’: *новый, современный, инновационный, передовой*. Например: 1. *Афобазол – новый безрецептурный препарат от тревоги и стресса, который восстанавливает собственные механизмы антистрессовой защиты нервной системы.* 2. *Максилак – инновационный подход к восстановлению микрофлоры ЖКТ.* 3. *Линекс – современное средство против дисбактериоза!*

6. «ПОЛЬЗА»: *полезный, необходимый, нужный, важный*. Например: *Избавьтесь от гипертонии, риска инфаркта и инсульта с помощью **полезного** для сердца и сосудов продукта!* («Criol Омега3»).

7. «МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА»: *японский, корейский, немецкий, швейцарский, европейский, отечественный*. Например: *Лора – косметическая линия на основе **швейцарских** пептидов и гиалуроновых кислот для омоложения*.

Следует сказать о дополнительных оценочных характеристиках, которыми наделяется препарат с целью повышения его привлекательности для покупателя. Например: 1. *Удобное дозирование, бесконтактное нанесение* («Флоцета»). 2. *Мультивита – это витамин С в виде **приятного** шипучего напитка*. 3. *Быстро помогает **верный** Супрастин!*

Нередко то или иное лекарственное средство может положительно оцениваться с актуализацией разных смысловых оттенков. Например: *Мезим – **натуральный, высокоэффективный и безопасный** препарат для всей семьи*.

Говоря о специфике дискурса медицинской рекламы, нельзя в то же время не обратить внимания и на универсальные оценочные характеристики, которые способствуют продвижению на рынке медицинского препарата, как и любого другого рекламируемого товара. Прежде всего, речь идет об оценочных адъективах, которые сочетаются с лексемой *цена*: *доступная цена, выгодные цены, низкие цены, оптовые цены*. Встречается в рекламе медицинских центров даже *бесплатная консультация*. Употребляются и сочетания, в которых благодаря адъективному компоненту актуализируется семантика возможности выбора, маркирующая большинство рекламных текстов: *огромный каталог, широкий спектр услуг*. Немаловажную роль играет личностно ориентированный подход, способствующий восприятию, в частности, рекламируемой медицинской услуги как привлекательной: *индивидуальный подход, индивидуальное ведение беременности, индивидуальных подбор (линз)*.

По нашим наблюдениям, употребление оценочных адъективов связано с актуализацией двух базовых ценностей: «Здоровье» и «Жизнь».

Так, «Здоровье» занимает второе место среди самых важных традиционных ценностей для русского архетипа, уступая ценностям семьи, но возвышаясь над материальными благами [3, с. 98]. Современный медицинский рекламный дискурс тоже закономерно манифестирует здоровье как ценность, что находит подтверждение в активном употреблении оценочного адъектива *здоровый* во многих рекламных текстах: *здоровые зубы, здоровое сердце, здоровые сосуды, здоровый цвет лица, здоровая печень* и др. *Стать здоровым* – конечная цель приобретения любого лекарственного препарата и похода в любой медицинский центр. Например: 1. *Выгодно быть **здоровым!*** («Ринза»). 2. ***Здоровый** рот без всяких хлопот!* («Пародонтоцид»). 3. ***Здоровое** зрение – яркие краски жизни!* («экстракт Алоэ»).

К тому же, в нашем исследовательском материале содержатся примеры использования в рекламных целях и единиц паремийного фонда. Например: *В **здравом** уме и твердой памяти!* («Ноотроп»).

Ценность «Здоровья» коррелирует с ценностью «Жизнь», которая представлена в сознании носителей русского языка многочисленными признаками и реализуется в языке с помощью номинативных средств, различных по структуре, семантической и эмоциональной окраске. В медицинском рекламном дискурсе актуализирована ценность жизни, в которой нет места болезням, пропагандируется здоровый образ жизни, который противопоставлен малоподвижному образу жизни, напротив, ухудшающему качество жизни. Например: *Неправильное пита-*

ние и **малоподвижный образ жизни** могут нанести вред печени («Эссенциале форте Н»).

Одна из целей покупки лекарственного средства – улучшить качество жизни или продлить жизнь, именно поэтому в рекламном тексте ряд оценочных адъективов способствует акцентуации свойств, формирующих представление о том уровне и качестве жизни, которых покупатель обязательно достигнет, если будет принимать рекламируемый препарат. Например: 1. *Климаксан – негормональный препарат для гармоничной жизни!* 2. *Аллегра. Без аллергии жизнь прекрасна!* 3. *Тенотен. Яркая жизнь! Ясный ум!* 4. *Узнаете меня? За последний месяц моя жизнь изменилась. Я стала спокойной и уравновешенной. Дома у нас полная гармония. Да и на работе я спокойна, сконцентрирована, Обо всём помню, всё успеваю («Тенотен»).*

Безусловно значимыми в дискурсе медицинской рекламы являются имена прилагательные, семантика которых связана с **оценкой воздействия** на человека и его организм определенного лекарственного средства: *быстрый терапевтический (эффект), интенсивный омолаживающий (эффект)* и др. Например: 1. *Гриппферон – экстренная профилактика и лечение гриппа и простуды даже для будущих мам и малышей с первых дней жизни.* 2. *Долфин – быстрая помощь при гриппе, простуде и насморке.* 3. *Субалин имеет высокое профилактическое и лечебное действие.* 4. **Высокое качество – проверенная сила!** («Энафрил»). 5. *Полисорб – надёжный помощник в борьбе с аллергеном!*

Степень воздействия оценивается прилагательным *двойной* в значении – ‘вдвое больший, увеличенный в два раза’ [2, с. 153]. Например: 1. *Галавит – двойной удар по вирусам и микробам.* 2. *Снуп – двойная помощь при насморке.*

Таким образом, в медицинском рекламном дискурсе адъективные единицы имеют особое значение в реализации коммуникативной стратегии воздействия на потенциального покупателя. Определяющую роль играют имена прилагательные с различными смысловыми оценочными компонентами. Нами было установлено, что все оценочные адъективы можно распределить по 3 большим лексико-семантическим группам, характеризующим качество предоставляемых услуг, качество медицинских специалистов, а также качество лекарственных препаратов. Большинство единиц, варьируемых по степени частотности употребления в дискурсе медицинской рекламы, относится к третьей группе и передает различные свойства номинируемых объектов: современность, доступность, эффективность, новизну, безопасность, универсальность и др.

Список литературы

1. Каримова Г. Т. Прагматика глаголов разрушения и созидания в дискурсе медицинской рекламы // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2011. № 6. С. 212–218.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.
3. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М. : ФЛИНТА : Наука, 2004. 319 с.

Информация об авторе: *Лаптева Мария Леонидовна*, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой современного русского языка Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева (г. Астрахань, Россия).

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНЫХ СМИ г. ПЕНЗЫ

М. Г. Луннова¹, Л. Д. Зиникова²

^{1, 2} г. Пенза, Россия

¹lunnovamg@mail.ru

²zinikoval@gmail.com

Аннотация. В печатных СМИ фразеологизмы имеют особую жизнь, при этом в заголовках и газетных статьях используются не только традиционные фразеологические единицы, но и фразеологизмы, подвергшиеся семантическим трансформациям. Такое изменение фразеологизмов позволяет сделать заголовок или предложение в статье более ярким, броским, привлекающим внимание, нередко за счёт этого подчёркивается главная мысль. Используются семантические преобразования и для придания комического эффекта или иронии, при этом фразеологический каламбур выделяет существенную сторону изображаемого, его внутренние противоречия и неожиданные связи.

Ключевые слова: фразеологизмы, семантическая трансформация, газетный текст, СМИ, ирония, каламбур

Для цитирования: Луннова М. Г., Зиникова Л. Д. К вопросу о некоторых видах трансформации фразеологизмов в текстах печатных СМИ г. Пензы // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 444–446.

Излюбленным приёмом в текстах современных СМИ всё больше становятся различные преобразования фразеологизмов. Возможность их трансформации вытекает из сохранения у фразеологизмов внутренней формы, то есть их исходного, буквального смысла, и относительной устойчивости. Преобразованиям может быть подвергнута в первую очередь семантика устойчивых словосочетаний. Такого рода трансформация фразеологизмов возможна потому, что они обладают внутренней формой, что позволяет журналистам «реставрировать» в той или иной степени стершийся образ и приспособить обобщенный, метафорический смысл того или иного выражения к конкретным условиям контекста.

При семантической трансформации состав фразеологизма остаётся неизменным: в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определенный экспрессивный эффект: «*А вы наострили лыжи?*» – заголовок о подготовке к зимнему спортивному сезону.

Выделяют два типа создания фразеологического образа путём семантических преобразований. Первый – в истоке образа – фразеологизм и к нему приводится свободное сочетание (двуплановость фразеологизма). Второй путь создания образа – первичным оказывается свободное словосочетание (буквализация) [1, с. 305].

Нередко для выражения иронии по поводу происходящего или достижения комического эффекта автор использует фразеологизм (создаёт фразеологический каламбур), подбирая контекст таким образом, что компоненты фразеологизма воспринимаются в буквальном значении. Например: «*Лермонтову утерли нос*» – читатель, заинтригованный возможностью творческого соперничества с великим поэтом, узнает, что всего-навсего прошел литературный субботник у памятника Лермонтову, где известные поэты и писатели занимались уборкой «достоприме-

чательных мест, овеянных литературной славой». Или другой пример: «*Фильм на пустом месте*». Судя по заголовку, автор критикует фильм, снятый ни о чем, однако здесь использован тот же прием буквализации фразеологизма: действие фильма «Джерри» Гаса Ван Сента происходит в пустыне, которая символизирует экзистенциальную пустыню человеческой жизни («Молодой ленинец»). Н. М. Шанский писал о том, что переоформленный или обновлённый писателями и публицистами фразеологизм «получает новые эстетические и художественные качества. Такое использование фразеологических выражений чаще всего наблюдается как средство для создания всякого рода художественно-стилистических эффектов (каламбуров, словесной игры, красочного образа и т.д.)» [2, с. 19].

В сообщении «Аргументы и факты – Пенза» о том, что «*парикмахерам теперь всё до лампочки*» – это не значит, что парикмахерам всё безразлично, это значит, что «по новым санитарным нормам парикмахерские должны быть оборудованы бактерицидными ультрафиолетовыми лампами». Или другой пример из газеты «Пензенская правда»: «*В пензенском доме «уехала» крыша и пока не вернулась*». Такая семантическая трансформация с некоторыми структурными изменениями наглядно показывает коммунальные неурядицы с ремонтом кровли и привлекает внимание местных чиновников к данной злободневной проблеме.

Более сложным стилистическим приёмом переосмысления фразеологизмов является использование их одновременно в двух значениях – прямом и переносном. Нередко автор помогает читателю осознать фразеологический каламбур, подчеркивая, что словосочетание употреблено как в буквальном, так и в переносном, фигуральном смысле, komponуя соответствующий контекст.

При семантических преобразованиях одно и то же словосочетание воспринимается и как семантически цельное, неразложимое, устойчивое, и как свободное, семантически раскладывающееся. По нашему мнению, такие семантически преобразованные фразеологизмы есть не что иное, как фразеологические каламбуры.

Яркий приём создания фразеологического каламбура заключается в параллельном употреблении фразеологизма и свободного словосочетания, являющегося этимологическим прототипом данного выражения.

«А ведь ещё совсем недавно некие эксперты докладывали российскому руководству, что войска *коалиции увязнут в иракских песках*». Здесь обыгран фразеологизм «увязнуть в болоте», причём он обозначает не только предположение о длительном характере войны, но и о непривычности иракского климата для западного человека.

«*Всегда на высоте*» – вариант фразеологизма «быть на высоте» характеризует известную успешную авиакомпанию SAS, чьи самолеты действительно летают на высоте. Фразеологизм «*Идем ко дну*» («пойти ко дну») благодаря своей модификации каламбурно озаглавил статью об «отсталости российского судостроения», которое не справляется с экспортными заказами («Молодой ленинец»).

«Все хотят нажиться на Ираке. Крупные нефтяные концерны – по крупному, мелкие торговые сошки – по мелкому. Как говорится, *с паршивой овцы хоть шерсти клок. Вот с овцы-то и начнём*». Далее следуют подробности о производстве шашлычного соуса с говорящим названием «Тяжёлый день в Багдаде». Двуплановость фразеологизма проявляется в том, что прибыль будут получать буквально именно с овцы («Молодой ленинец»).

Проанализировав фразеологические единицы в заголовках и статьях газет, можно сделать вывод о том, что в печатных СМИ фразеологизмы имеют особую жизнь, при этом в заголовках и газетных статьях используются не только традиционные фразеологические единицы, но и фразеологизмы, подвергшиеся

семантическим трансформациям. Такое изменение фразеологизмов позволяет сделать заголовок или предложение в статье более ярким, броским, привлекающим внимание, нередко за счет этого подчеркивается главная мысль. Используются семантические преобразования и для придания комического эффекта или иронии, при этом фразеологический каламбур выделяет существенную сторону изображаемого, его внутренние противоречия и неожиданные связи. В газетном тексте всё это служит для привлечения внимания потенциального читателя.

Список литературы

1. Ковалёв В. П. Основные индивидуально-авторские приёмы экспрессивного использования фразеологизмов // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка) : тезисы докладов и сообщений. Ч. 1. Н. Новгород, 1971. С. 303–309.
2. Шанский Н. М. Основные свойства и приёмы стилистического использования фразеологических оборотов // Русский язык в школе. 1957. № 3. С. 13–21.

Информация об авторах: *Луннова Марина Геннадьевна*, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия); *Зиникова Линара Давлятшаевна*, магистрант Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕДИЦИНСКИХ ЛЕКСЕМ В ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Т. И. Матюхина

г. Пенза, Россия
bergman17t@icloud.com

Аннотация. Рассматриваются стилистические функции специальной медицинской лексики, определяется их роль в пензенских печатных СМИ. Медицинские термины, используемые в современных медиатекстах в прямом и переносном значении, выполняют ряд функций: предоставляют читателям важную информацию о медицине и здоровье, благодаря чему происходит популяризация научных знаний из области медицины, придают образность и эмоциональность тексту.

Ключевые слова: стилистические функции, специальная лексика, термины, медицинская лексика, СМИ

Для цитирования: Матюхина Т. И. Стилистические функции медицинских лексем в пензенских печатных СМИ // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.). Пенза : Изд-во ПГУ, 2023. С. 446–448.

В последнее время активно растёт изучение языка средств массовой информации, отдельных медиатекстов, в которых затрагиваются различные стороны жизни общества. На сегодняшний день, освещающая жизнь людей, газеты не могут не затрагивать научную и профессиональную сферу деятельности. «Материалы такой направленности используют лексическую подсистему, включающую специальные слова, необходимые лишь для данной профессии. Причём чем сложнее целенаправленная деятельность людей, тем более отделён от общего языка их

особый язык, поэтому использование специальной лексики в текстах газетных публикаций требует тщательного отбора и обдуманного подхода к ней» [1, с. 67].

В последнее время специальная медицинская лексика стала употребляться чаще как в повседневной жизни людей, так и в печатных текстах. Нами были проанализированы конкретные примеры функционирования медицинских терминов в печатных СМИ г. Пензы. Для анализа были взяты статьи газет «Наша Пенза» (НП) и «Аргументы и Факты-Пенза» (АиФ-Пенза).

Проанализировав множество газетных статей, мы пришли к выводу, что медицинские термины в них выступают в прямом и в переносном значении. Это позволяет медицинским терминам осуществлять в медиатекстах следующие функции:

1. Экспрессивная функция

Использование медицинской терминологии в переносном смысле помогает авторам статей разнообразить текст, придать ему образность. Например, такой термин, как *вирус*, имеет прямое значение – *комплексы, состоящие из нуклеиновых кислот и белка, обладающих способностью реплицироваться в клетках животных, растений и бактерий*.

В одной из статей этот термин приобрёл следующее значение – *негативное свойство или явление, которое активно распространяется*, например: «В социальных сетях свой *вирус*» (НП, № 7, 2021). В статье имеется ввиду большое количество мошеннических схем в социальных сетях, которые подобно вирусу с каждым днём захватывают все больше людей.

Термин *головная боль* имеет прямое значение – *болевы́е ощущения в области мозгового черепа, частый симптом различных заболеваний и патологических состояний*. В газетной статье этот термин приобретает уже другое значение – *проблема, то, что доставляет неудобства*: «Не секрет, что длинные выходные доставляют врачам *головную боль*, ведь многие отдыхающие не знают меры: одни переедают, другие перепивают, у третьих обостряются хронические недуги» (НП, №8, 2023).

2. Функция речевого воздействия

В газетных текстах можно встретить узкоспециальные термины, которые непонятны читателям, например: «*Если говорить о более серьезных осложнениях, то у пациентов наблюдаются: энцефалопатия, энцефалит, менингоэнцефалит, острая некротизирующая энцефалопатия, острые нарушения мозгового кровообращения. Возможно обострение уже имеющихся неврологических заболеваний*» (НП, № 44, 2021).

Приведённые в тексте узкоспециальные термины автор статьи никак не поясняет. Газета «Наша Пенза» рассчитана на широкий круг читателей, которые не смогут понять данные термины и вынести из статьи полезную для себя информацию, так как они не являются специалистами в области медицины. Включение в текст сложных узкоспециальных терминов может привести к непониманию читателем статьи. Но отметим то, что использование такой лексики представляет собой один из способов словесной манипуляции, так как такое использование терминов в тексте позволяет повысить авторитетность издания. У читателя, не обладающего должными знаниями в области медицины, может создаться впечатление, что автор статьи точно знает о чём говорит, ведь он использует достаточно сложные термины.

3. Функция привлечения внимания читателей

В ходе просмотра и анализа статей печатных СМИ г. Пензы, мы обратили внимание на то, что довольно часто медицинская терминология встречается в заголовках статей. Понято, что многие заголовки нацелены на привлечение внима-

ния читателей к статье: «Зуд купальщика» (НП, №29, 2021), «“Вскрытие” покажет. Городские коммуникации изношены на 90%. Как жить будем?» (НП, №18, 2021), «Кому положены “ковидные погребальные”?» (НП, №3, 2021), «Ковидный инструктаж. Есть ли жизнь после *коронавируса*» (АиФ-Пенза, №52, 2020), «Вирус добра. Что хорошего мы вынесли из *пандемии*» (АиФ-Пенза, №1, 2020), «От всех *болезней!* Какие рецепты *народной медицины* на самом деле работают?» (АиФ-Пенза, №45, 2020), «Первый *витамин* весны» (НП, №19, 2021), «Без *таблетки*. Почему не хватает *лекарств*» (АиФ-Пенза, №48, 2020), «Заразить *бациллой* производства» (НП, №13, 2023).

4. Коммуникативная функция

В отношении медицинской лексики коммуникативная функция, которая изначально определяется как способность слова «выступать в качестве средства общения», может пониматься как «функция передачи специализированной информации» [2, с. 87], например, «*Коронавирус* – относится к семейству *вирусов*, которые вызывают у человека *респираторные заболевания* разной тяжести. *Симптомы* заболевания аналогичны симптомам обычного (сезонного) *ОРВИ* или *гриппа*. Наиболее частым осложнением является *вирусная пневмония*. Тяжесть заболевания зависит от целого ряда факторов, в том числе от возраста и общего состояния организма» (НП, № 2, 2021).

Так, в статье с помощью специальных медицинских терминов, используемых в прямом значении, содержится информация о том, что такое *коронавирус*, на какие другие *заболевания* похожи его *симптомы* и о возможных *осложнениях*, которые могут появиться из-за этой *болезни*.

Также с помощью этой функции происходит популяризация научных знаний в области медицины, так как у читателей повышается уровень знаний в вопросах, касающихся их собственного здоровья, профилактики лечения разных заболеваний и т.п.

Таким образом, можно сделать вывод, что медицинские термины, используемые в современных медиатекстах в прямом и переносном значении, выполняют ряд различных функций: предоставляют читателям важную информацию о медицине и здоровье, благодаря чему происходит популяризация научных знаний из области медицины, придают образность и эмоциональность тексту, воздействуя на читателей. Но иногда узкоспециальные термины не поясняются авторами статей, а это может оказать негативное влияние на восприятие читателями информации медицинского характера.

Список литературы

1. Сердобинцева Е. Н. Функционально-стилистические особенности профессиональной лексики : монография. Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. 92 с.
2. Уфимцева А. А. Принципы семиологического описания лексики. М. : Наука, 1996. 240 с.

Информация об авторе: Матюхина Татьяна Игоревна, студентка Пензенского государственного университета (г. Пенза, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

<i>Атиех Д. Н.</i> БИЛИНГВАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	3
<i>Маринова Е. В.</i> ЦИФРОВОЙ ПОРТРЕТ И ДРУГИЕ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ DIGITAL SOCIETY	5
<i>Никитина О. В.</i> ЯЗЫКОВАЯ НОРМА В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ	8
<i>Никулкина О. Г.</i> РУССКИЙ ЯЗЫК: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ.....	13
<i>Салихова Э. А.</i> «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК» В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)	18
<i>Федосеева Л. Н.</i> СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И КУЛЬТУРНАЯ МИССИЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ	25
<i>Южакова Ю. А.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РУССКОЯЗЫЧНОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СНГ	28

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА

<i>Баженев Н. Ю.</i> ОБРАЗНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ «СЛОВАРЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ»)	32
<i>Белодед В. А.</i> СТРУКТУРА ФРЕЙМА «УВЕРЕННАЯ В СЕБЕ ЖЕНЩИНА» В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПУСОВ).....	37
<i>Брутян Л. Г.</i> ПЕРЕВОД В СВЕТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	42
<i>Ван Юйин.</i> КИТАЙСКАЯ И РУССКАЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (НА ПРИМЕРЕ ВЫРАЖЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЕДОЙ).....	45
<i>Великодная А. В.</i> ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ПЕНЗЕНСКОЙ ПОЭТЕССЫ ДИНЫ ДМИТРИЕВНЫ ЗЛОБИНОЙ	49
<i>Ву Тхи Нгок Хоа.</i> КОНЦЕПТ «РОДИНА» В РУССКОЙ И ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯХ.....	53
<i>Гнилевская М. А.</i> СТЕРЕОТИП КАК ОБЩЕНАУЧНЫЙ ФЕНОМЕН	60
<i>Гурьянова Л. Б.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. И. КУПРИНА	64
<i>Дмитриева Ю. Л.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПОЛЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. ЕСЕНИНА	69
<i>Духнова М. А.</i> МЕТАФОРЫ В КИТАЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ЛИРИКИ О. МАНДЕЛЬШТАМА	73
<i>Епифанова В. В.</i> ПЕРЕСЕЧЕНИЕ И РАСХОЖДЕНИЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ СЛОВ	77

<i>Кабанова С. А.</i> ПРЕДИКАТИВНЫЕ ФОРМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАСТРОЕНИЯ В СЕРБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	79
<i>Картика Н., Суси Магдалена.</i> СОХРАНЕНИЕ СУНДАНСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ НАЗВАНИЯ БАТИКА ЗАПАДНОЙ ЯВЫ.....	85
<i>Катермина В. В.</i> НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЕОНОМИНАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА.....	89
<i>Катрецькая Д. С.</i> РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА МЕСТОИМЕНИЙ <i>ТЫ, ВЫ</i>	92
<i>Малашенкова Е. Н.</i> ЖАНРЫ ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ПОЖЕЛАНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ: КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ	95
<i>Панчугова А. А.</i> ИСТОЧНИКИ ЧУЖОЙ РЕЧИ В РАБОТЕ Д. С. ЛИХАЧЁВА «ПИСЬМА О ДОБРОМ И ПРЕКРАСНОМ».....	100
<i>Попов Д. В.</i> О ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И МЕТОДАХ ЕЁ ИЗУЧЕНИЯ	103
<i>Родионова И. Г.</i> ПОДПИСИ К СЕМЕЙНЫМ ФОТОГРАФИЯМ: СОДЕРЖАНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОТОБЛОГА «СОВЕТСКОЕ ДЕТСТВО»)	105
<i>Смолина А. Н.</i> ДУХОВНЫЙ ДНЕВНИК ПРОТОИЕРЕЯ ГЕННАДИЯ ФАСТА «С БИБЛИЕЙ В РУКАХ ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ...»: ОПЫТ ТЕОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	109
<i>Федюнина И. Э.</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОВЕРИЯ И ОТКРЫТОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА	117
<i>Ширшаков Р. В., Савина А. В.</i> ГОВОР СЕЛА КАЗАЧЬЯ ПЕЛЕТЬМА ЛУНИНСКОГО РАЙОНА ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ.....	121
ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА: СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ	
<i>Белова Н. А., Каишкарева Е. А.</i> МЕТОДИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РИТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ХОДЕ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ-СЛОВЕСНИКА	124
<i>Данич О. В.</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ ФОНОВЫМИ КУЛЬТУРНЫМИ ЗНАНИЯМИ ...	129
<i>Долбина А. А.</i> ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИЧАСТИЯ В ШКОЛЕ.....	132
<i>Домасевич О. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ И ВО ВНЕУРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	135
<i>Есафьева О. О.</i> О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНАХ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ	140
<i>Зайцева А. В.</i> СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	143
<i>Иванян Е. П.</i> ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЁНОГО-ФИЛОЛОГА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА	147

<i>Канакина Г. И.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	150
<i>Климова С. А., Мали Л. Д.</i> РАБОТА НАД СРЕДСТВАМИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ В СТИХОТВОРЕНИИ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ.....	153
<i>Прозорова Л. И.</i> РАБОТА С ТЕКСТОМ КАК НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА, СПОСОБСТВУЮЩАЯ РАЗВИТИЮ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ	157
<i>Текаева Н. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В КЛАССЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА	162
<i>Яраш Т. Л.</i> ВЫКАРЫСТАННЕ АКТЫЎНЫХ ФОРМАЎ НАВУЧАННЯ НА ЎРОКАХ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ ЯК СРОДАК ФАРМІРАВАННЯ ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНАЙ КАМПЕТЭНЦЫІ ВУЧНЯЎ	165
<i>Яшина Н. Ю., Нуреева З. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ОВЛАДЕНИЯ ЛЕКСИКОЙ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО	169
ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	
<i>Безрукова К. С.</i> АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ РКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	174
<i>Гапонова Ж. К., Серогодская А. А.</i> ПРИЁМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ НА ЗАНЯТИИ ПО РКИ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА АСИ ПЕТРОВОЙ «ЭТО ТАКАЯ МЕЛОЧЬ»).....	177
<i>Гац И. Ю.</i> К ОПЫТУ СЕМИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВИДЕОРЕДА В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВУЗА.....	181
<i>Гришкова Л. В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОТКРЫТЫХ СЕТЕВЫХ РЕСУРСОВ ДЛЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБУЧАЮЩИМИСЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РКИ	186
<i>Диденко Д. М.</i> СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	190
<i>Ермолаева Ю. А., Ковалева И. Б.</i> ГЕЙМИФИКАЦИЯ В РАМКАХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	195
<i>Журавлева Н. С.</i> ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И. А. ЕФРЕМОВА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИКИ ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ	197
<i>Саркисян И. Р.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ НА УРОКАХ РКИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ-АРМЯН.....	202
<i>Шапошникова А. П.</i> КРИТЕРИИ ОТБОРА ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....	205

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

<i>Адамович М. Б.</i> ОТРАЖЕНИЕ В ДРЕВНЕРУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	210
<i>Кезина С. В.</i> ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	215
<i>Киндаева Я. А.</i> СБЛИЖЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ТИПОВ И ВАРИАНТОВ СКЛОНЕНИЯ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».....	220
<i>Кувшинова С. В.</i> ГЕНЕТИЧЕСКИЕ СТАРОСЛАВЯНИЗМЫ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».....	223
<i>Перфилова М. Н.</i> ИСТОРИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ <i>ОРАНЖЕВЫЙ</i> В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	225
<i>Почивалова К. А.</i> СЛАВЯНО-РУСИЗМЫ В СОСТАВЕ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ «СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ (ПО РУКОПИСЯМ X–XI ВВ.)»)	229
<i>Таирова Л. Т.</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИМЕННИКА РУССКИХ КНЯЗЕЙ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»	232

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ

<i>Василенко А. П.</i> ПЕРЕСЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ОБРАЗЕ ОДНОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА.....	237
<i>Великий А. Н., Ничипорчик Е. В.</i> СТАНДАРТНЫЕ ЗАМЕЩЕНИЯ ПОЗИЦИИ АРГУМЕНТА В КОНСТРУКЦИИ <i>ПОБЕДИТЬ В СЕБЕ X</i>	240
<i>Дубинина В. А.</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ	245
<i>Иванова Т. В.</i> ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ПРИЁМЫ ТОЧНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА	248
<i>Касимова Г. К.</i> О СВЯЗЯХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С СИНТАКСИСОМ В СТРУКТУРЕ МОТИВИРОВАННЫХ МНОГОЗНАЧНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.....	253
<i>Кетенчиев М. Б.</i> СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СВАДЕБНЫХ ЗДРАВИЦ	258
<i>Кротова Я. О.</i> ОБРАЗНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ КОЛОРИСТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ.....	262
<i>Ладутько М. В.</i> НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА	267
<i>Сергушкина С. С.</i> ЛЕКСИКА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ: ОТ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ К СОЗДАНИЮ НОВЫХ ТИПОВ ЗНАКА.....	272
<i>Суровцева А. В.</i> ФУНКЦИИ ОБРАЩЕНИЙ В ПИСЬМАХ А. В. СУВОРОВА К ДОЧЕРИ НАТАЛЬЕ	275
<i>Шевченко М. Н., Колесникова Е. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЯЗЫКОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ С БЕЛОРУССКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА «ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА» ВАЛЕНТИНОЙ ЩЕДРИНОЙ)	277

ЯЗЫК И СТИЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Бауаев К. К.</i> ЭСТЕТИЧЕСКАЯ НОРМА: ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	282
<i>Бичиева Д. М.</i> ПРОБЛЕМА ИРОНИЧЕСКОГО МОДУСА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА	288
<i>Бобунова М. А.</i> КОМПАРАТИВЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Е. А. БЛАГИНИНОЙ)	293
<i>Болотская М. П.</i> ИНФИНИТИВ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	296
<i>Вавилова Е. М.</i> ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ А. М. ВОЛКОВА «ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА»	298
<i>Гаспарян А. В.</i> СООТНОШЕНИЕ «ТИШИНЫ» И «МОЛЧАНИЯ» В РАССКАЗЕ В. М. ШУКШИНА «СОЛНЦЕ, СТАРИК И ДЕВУШКА»	301
<i>Гомонова И. Г.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПУНКТУАЦИОННЫХ ЗНАКОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	306
<i>Горланов Г. Е.</i> ЛЕКСИЧЕСКОЕ МАГНИТНОЕ ПОЛЕ В СОЗДАНИИ ОБРАЗНОСТИ	309
<i>Гуйда А. Н.</i> ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭЗИИ Г. Е. ГОРЛАНОВА: ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ	313
<i>Карякина В. Л.</i> КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РАССКАЗЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ТРИ ВСТРЕЧИ»	316
<i>Козина Т. Н.</i> ЕВАНГЕЛЬСКИЕ ОБРАЗЫ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ	320
<i>Краснобаева А. В.</i> ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИТОНИМОВ В РАССКАЗАХ К. Г. ПАУСТОВСКОГО	326
<i>Кузнецова Н. Г.</i> РОЛЬ ФИТОНИМИЧЕСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАСКРЫТИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»	328
<i>Кузнецова Т. Ю.</i> СЕМАНТИКА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ В. Я. БРЮСОВА	331
<i>Курыгина И. О.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ПЕРЕВОД)	334
<i>Лукина Н. В.</i> ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ДОРОГА В ТВОРЧЕСТВЕ НАТАЛЬИ О'ШЕЙ	337
<i>Лушковская А. О.</i> ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВА СЧАСТЬЕ В СТИХОТВОРЕНИЯХ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА	342
<i>Мазуркевич Л. М.</i> ТЫПЫ ФРАЗЕАЛАГИЗМАЎ У ПРОЗЕ ЯДВІГІНА Ш.	347

<i>Муминов С. О.</i> РОМАН АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ» И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (А. БЕРГСОН И М. ХАЙДЕГГЕР).....	350
<i>Панова М. Н.</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ЧИНОВНИКА В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	355
<i>Петрачкова И. М.</i> ТРАКТОВКА И РОЛЬ АНТРОПОЭТОНИМОВ В ПЬЕСЕ АЛЕКСАНДРА ГАЛИНА «ЧЕШСКОЕ ФОТО»	360
<i>Пономарева Т. А.</i> ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРИНЕ МИРА И. БРОДСКОГО	365
<i>Редькина Н. С.</i> КОЛОРАТИВНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И ИХ ФУНКЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ СКАЗОК Е. ШВАРЦА	368
<i>Рябова В. А.</i> ГИПЕРБОЛА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Д. ХАРМСА ДЛЯ ДЕТЕЙ	372
<i>Сергушкова О. В.</i> ОТРАЖЕНИЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СИНТАКСИСЕ И. С. ТУРГЕНЕВА	375
<i>Сорокина П. И.</i> ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ НЕПОЛНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ А. ВОЗНЕСЕНСКОГО	379
<i>Сузько Е. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ А. АХМАТОВОЙ	382
<i>Хлупина М. А.</i> ЛЕКСЕМЫ ВСЕГДА И НИКОГДА В ПОВЕСТИ С. Д. ДОВЛАТОВА «НАШИ».....	386
<i>Ярченко А. В.</i> ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КОМЕДИИ И. А. КРЫЛОВА «УРОК ДОЧКАМ»	390
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Милёхина Т. А.</i> РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ДОМАШНЕМ ОБЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ	395
<i>Пивень А. В.</i> МОТИВЫ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ЛИНЕЙНЫХ АДРЕСНЫХ ОБЪЕКТОВ ГОРОДА ГОРЛОВКИ.....	399
<i>Сидорова А. С.</i> ОТРАЖЕНИЕ ПЕНЗЕНСКОГО ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОДПИСЯХ К ФОТОГРАФИЯМ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ.....	403
<i>Сомова М. В.</i> К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ	408
ЯЗЫК СМИ И РЕКЛАМЫ	
<i>Абрамова В. И., Архангельская Ю. В.</i> ЕЩЁ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ В ТЕКСТАХ СМИ И РЕКЛАМЫ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ.....	412
<i>Агапова О. С.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕНЗЕНСКИХ И САМАРСКИХ ГЕМЕРОНИМОВ	417
<i>Беглова Е. И.</i> ЗАГОЛОВОК КАК СРЕДСТВО ИНФОРМИРОВАНИЯ И КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТЕЙ РАДИО «БИЗНЕС ФМ» («BUSINESS FM»)).....	419

<i>Бойкова С. Н., Дзвинковская Н. А.</i> НАРУШЕНИЯ РЕЧЕВЫХ НОРМ В ЯЗЫКЕ СМИ	423
<i>Васинькина Ю. А.</i> ПОДПИСЬ К ФОТОГРАФИИ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ЖИЗНИ ПЕНЗЕНЦЕВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ»).....	426
<i>Дегальцева А. В.</i> СМИ В МЕССЕНДЖЕРАХ: СПЕЦИФИКА ФОРМАТА И СПОСОБЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ АУДИТОРИИ	429
<i>Ершова Н. И.</i> СПЕЦИФИКА ШКАЛЫ ГРАДАЦИЙ И ГРАДУАЛЬНЫХ ОЦЕНОК В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИКАЦИЙ ИНТЕРНЕТ-ГАЗЕТЫ «ПРАВОСЛАВИЕ И МИР»)	434
<i>Красовская Н. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТУЛЬСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ ВОЕННОГО ПЕРИОДА).....	437
<i>Лаптева М. Л.</i> РОЛЬ ОЦЕНОЧНЫХ АДЪЕКТИВОВ В ДИСКУРСЕ МЕДИЦИНСКОЙ РЕКЛАМЫ	440
<i>Лунина М. Г., Зиникова Л. Д.</i> К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНЫХ СМИ г. ПЕНЗЫ	444
<i>Матюхина Т. И.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕДИЦИНСКИХ ЛЕКСЕМ В ПЕНЗЕНСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ	446

Научное издание

**ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ВОПРОСЫ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Сборник научных статей по материалам
VII Международной научно-практической конференции

г. Пенза, 24–25 марта 2023 г.

П о д р е д а к ц и е й
кандидата педагогических наук,
профессора **Канакиной** Галины Ивановны;
доктора филологических наук, доцента
Родионовой Инессы Геннадьевны

Все материалы представлены в авторской редакции.

Корректор *В. В. Устинская*
Технический редактор *М. Б. Жучкова*
Компьютерная верстка *М. Б. Жучковой*
Дизайн обложки *И. В. Шваревой*

Подписано в печать 15.05.2023.
Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 53,01.
Тираж 100. Заказ № 206.

Издательство ПГУ.
440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
Тел.: (8412) 66-60-49, 66-67-77; e-mail: iic@pnzgu.ru